

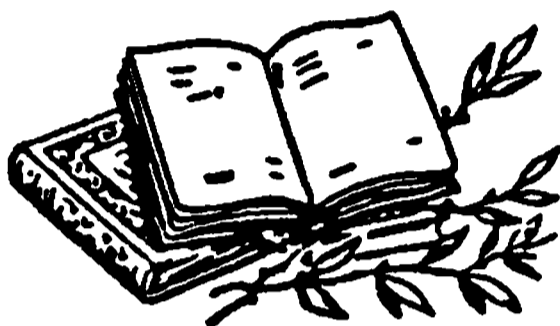

На Диком
Западе

«TERRA» - «TERRA»

**БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

О. Гофман

ОПАСНОСТИ
ДИКИХ СТРАН

НА ДАЛЬНОМ ЗАПАДЕ

романы

Эдвин Хилл

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ

роман

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1995

**ББК 84(0)
Н12**

**Иллюстрации художника
М. ПЕТРОВА**

**Составитель
С. ЕРМОЛАЕВ**

**Н12 На Диком Западе: В 3 т. Т. 3: Гофман О. Опасно-
сти диких стран; На дальнем Западе: Романы / Пер. с
нем. Хилл Э. Железный конь: Роман / Пер. с англ.;
Сост. С. Ермолаев. — М.: ТЕРРА, 1995. — 479 с.:
ил. — (Большая библиотека приключений и научной
фантастики).**

ISBN 5-300-00274-7 (т. 3)

ISBN 5-300-00271-2

**В третий том включены произведения популярного немецкого
беллетриста О. Гофмана, повествующие об освоении обширных зе-
мель бассейна Миссисипи и о поисках «золотой долины» древних
инков. В романе американского писателя Э. Хилла рассказана ис-
тория создания грандиозной Тихоокеанской железной дороги.**

**Н 4703000000-308 Подписное
А30(03)-95**

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00274-7 (т. 3)

ISBN 5-300-00271-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

ОПАСНОСТИ ДИКИХ СТРАН

роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XVIII столетия штат Кентукки был далеко не так густо заселен, как теперь, когда огромные девственные леса большею частью вырублены, и на тех местах, где когда-то была непроходимая чаща, возвышаются красивые города и деревни. Те немногие смельчаки, которые когда-то отважились проникнуть в эти дикие места, чтобы выстроить на присвоенных землях дома и начать посевы, должны были вынести бесконечные мучения и труды. Им приходилось преодолевать горы, перебираться через болота и потоки, проходить леса на виду у неприятеля, глаз которого зорок, ружья которого всегда заряжены и готовы послать предательскую пулю в грудь отважного колониста. А когда переселенцам удавалось благополучно преодолевать трудности путешествия, то им еще приходилось отбирать участки земли, на которых они намерены были обосноваться, у храбрых, суровых и хитрых индейцев, которые не выказывали ни малейшей охоты добровольно отдавать цветущие поля и богатые дичью леса незваным пришельцам. Они подкарауливали отважных переселенцев в лесах, и горе тому, кто имел неосторожность попасться им на глаза. Часто белых будил воинственный клич-вой диких индейцев, и кровавый бой решал, кому должен принадлежать спорный участок земли, уступить который не хотели краснокожие и завладеть которым стремились белые. Переселенческие колонии были, правда, довольно многочисленны в графствах Джефферсон и Линкольн, но они ютились вблизи фортов, которые являлись единственными убежищами, представлявшими некоторую защиту в том случае, когда индейцы учиняли набеги на колонистов. Эти форты были, в сущности, не что иное, как

несколько десятков деревянных домов, обнесенных крепким забором, как стеною. Во всяком случае, они представляли собой укрепления, которые все-таки могли противостоять нападавшим, вооруженным обычно ножами, томагавками и ружьями.

Из предлагаемого повествования вы познакомитесь с теми опасностями, которые угрожали переселенцам, вторгавшимся в эти дикие страны. Рассказ этот передает большею частью истинные происшествия и не только представляет верную картину мрака, уединенности и ужаса почти бесконечных девственных лесов Америки, но рисует также характеры, нравы и обычаи краснокожих, печальная судьба которых зависела не только от злоупотреблений белых своей властью, но также и от собственных ошибок и кровавых деяний...

Глава I

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Это происходило в августе. Послеобеденное солнце еще ярко и ласково освещало красные частоколы и хижины одной из самых больших крепостей графства¹ Линкольн, когда отряд переселенцев стал приближаться с юга к плодородным майсовым полям, окружавшим со всех сторон маленькую крепость и простиравшимся вплоть до границы диких стран. Отряд был многочислен — в нем насчитывалось до 180-ти человек; он состоял из женщин, детей и мужчин. Последние были вооружены винтовками, ружьями и ножами. Даже несколько пятнадцати-шестнадцатилетних мальчиков с гордостью несли огнестрельное оружие, которым были снабжены и два-три негра, входившие в отряд. Группа мужчин верхами ехала впереди; на небольшом расстоянии от нее ехали женщины и дети на вьючных животных или на великолепном рогатом скоте, навьюченном ценными хозяйственными предметами; шествие замыкалось отлично вооруженными мужчинами, охранявшими отряд с тыла. Все свидетельствовало о большой осторожности и почти военной бдительности, необходимых в этих лесах, где, в их непроходимых чащах, могли скрываться кровожадные индейцы.

Впрочем, теперь, когда отряд приближался к безопасному, хорошо укрепленному убежищу, на лицах переселенцев не заметно было следов боязни или озабоченности.

Скорее все лица озаряла радостная улыбка, которая достигла выражения высшей степени довольства, когда отворились ворота крепости и жители ее вышли навстречу приближавшимся переселенцам. Хозяева были тоже

¹ Графство — крупная административно-территориальная единица в США, Великобритании, Ирландии.

верхами и приветствовали гостей громким, радостным криком, на который последние отвечали громогласным «ура». В знак радости стреляли из ружей, бросали вверх фуражки, и переселенцы шумно кинулись вперед, чтобы пожать руки, протянутые дружески и гостеприимно.

В те времена в той стране всегда так принимали переселенцев: каждого вооруженного человека особенно ценили как подкрепление в случае нападения индейцев. Кроме того, переселенцы привозили с собою известия о далеких друзьях и о незабвенной родине; рассказы их слушались всеми с живейшим интересом.

Только один молодой человек не принимал участия в общей радости, хотя он по своему положению должен был бы более всех радоваться.

Это был предводитель отряда капитан Роланд Форрестер.

Он был избран на эту должность, несмотря на свою молодость, так как обладал большой военной опытностью, которую приобрел во время войны за освобождение штатов. Из двадцати трех лет своей жизни пять лет уже провел он в лагерях и битвах; трудности и лишения способствовали его преждевременному возмужанию. Наружность его могла назваться красивой, несмотря на серьезное, какое-то даже печальное выражение лица; он был высок ростом, строен и статен, а его уверенная и бодрая осанка позволяла с первого взгляда, несмотря на его зеленый охотничий костюм, определить, что он был солдатом — и, безусловно, храбрым и опытным воином. Он был еще лучше вооружен, чем его товарищи. На передней луке его седла висела пара пистолетов; к его поясу была прицеплена тяжелая сабля, и, кроме того, за плечами у него было превосходное ружье, обычный спутник переселенцев в диких странах. Великолепный конь его был силен и вынослив.

В то время как почти весь отряд бросился вперед, около предводителя осталось только три человека: два вооруженные негра-невольника верхами, следовавшие за своим господином в некотором отдалении и ведущие в поводу вьючных лошадей, и молодая очаровательная дама, взор которой с выражением самого теплого сочувствия не отрывался от мрачного лица ее спутника.

Она была так похожа на него, что в них без труда угадывались брат и сестра.

— Роланд, дорогой, — спросила Эдит Форрестер, кладя руку ему на плечо, — что печалит тебя? Почему ты не торопишься вместе с другими поздороваться с добрыми людьми, которые встречают нас так гостеприимно?

— Эдит, — возразил Роланд, — неужели ты думаешь, мне не больно при мысли, что я должен ввести тебя в низкую, убогую хижину, как вот та, которую ты видишь вон там невдалеке? Ведь лучшего дома нельзя построить для тебя в этой дикой стране.

— Да я и не требую лучшего! — прозвучал определенный ответ Эдит. — И в таком доме надеюсь я быть так же счастлива, как в доме моего отца, если я буду с тобою и если ты будешь охранять меня.

При этих словах по лицу Роланда скользнуло выражение радости.

— Превосходно, — сказал он, — так я сделаю все, чтобы ты устроилась здесь по душе. Я молод и силен. С помощью нашего старого невольника Цезаря я раскорчую лес, вырубив гигантские деревья, и на том месте, где подымались к небу их гордые вершины, посею столько маиса и пшеницы, сколько нам необходимо для пропитания. Эх, если бы наш дядя был не так суров и не заставлял бы тебя искупать мою вину, сейчас тебе принадлежало бы превосходное имение со всеми удобствами и избытком роскоши. А теперь, по моей вине, ты вынуждена скитаться по лесам, как безродная. Меня удручает сознание, что я, я один виноват в твоих несчастьях.

— Ты ошибаешься, Роланд, — возразила Эдит. — Не может быть, чтобы наш дядя так сильно рассердился на столь незначительную провинность и вынудил меня скитаться по свету, лишив наследства. Время объяснит все; а пока я с радостью поживу с тобой и охотно разделю труды и лишения, которые ты так великодушно ради меня взвалил на свои плечи.

— Так может рассудить только моя благородная и добрая Эдит, — сказал повеселевший молодой человек. — Но посмотри! Кто это скачет к нам? Судя по его наружности и одежде, это командир форта, полковник Бруце, гроза индейцев.

Роланд еще не успел договорить, как к ним подскочил статный всадник, глядя почти с завистью на полную сил, мужественную фигуру незнакомца.

Полковник Бруце был лет пятидесяти, хотя на вид выглядел гораздо моложе и свежее, так как в его густых, черных волосах, ниспадавших на плечи, совсем не замечалось седины. Он был честен и отважен и обладал всеми качествами и добродетелями, необходимыми на его опасном посту. Подъехав к молодому Форрестеру, он дружески потряс ему руку и его сестре, дав своим радушием понять, что считает их за желанных гостей; при этом он с большой теплотою сослался на дружбу с одним из их близких родственников, умершим незадолго перед тем. Сердечная встреча способствовала тому, что последняя тень удрученного состояния духа исчезла с лица молодого воина; беззаботно ехал он рядом со своим новым другом, который еще до прибытия в форт, представил ему своего старшего сына, выехавшего вместе с другими навстречу вновь прибывшим. Том, казалось, был достойным сыном своего отца. Несмотря на свои двадцать лет, он был шести футов ростом, и все его обращение было так просто и сердечно, что он тотчас же приобрел расположение Роланда Форрестера.

— Да, да, он добрый малый, — сказал полковник, едва его сын отъехал несколько дальше. — Ему исполнилось только четырнадцать, когда он снял скальп с воина из племени шавниев. И это в честном бою, один на один, когда никто не мог оказать ему помощи. Это случилось так. Том искал в лесу лошадь соседа — она вырвалась из конюшни и убежала — и вдруг увидал около нее двух индейцев-шавниев. И представьте, мистер Форрестер, Том выстрелил первым, так как индейцы бросились на него, и он не ожидал от них для себя ничего хорошего. Вместо всадника он попадает в лошадь, та падает, увлекая за собою седока. Том схватывает ружье и бросается тотчас же на упавшего индейца. Другой шавний, пеший, стреляет в Тома и прячется затем за дерево. — «Э! — решает мой Том. — Лучше синица в руках, чем журавль в небе!», бросается к упавшему индейцу, раздробляет ему череп как раз в тот момент, когда шавний собрался подняться, и улепетывает к форту. Другой индеец погнался за ним, да не мог догнать, и мой Том вышел победителем... А ему было только четырнадцать! Но довольно об этом. Вот мы и на месте, и я еще раз приветствую вас, прекрасная мисс Эдит! Желая вам никогда не переступать порога дома, где вы оказались бы менее желанной гостьей, чем в нашем форте!

СТРАНСТВУЮЩИЙ НАТАН

Когда из крепости увидали переселенцев, все выбежали встречать их, кроме жены коменданта и ее дочерей, старшей из которых едва минуло семнадцать лет. Они приняли гостей, которых им представил полковник Бруце, так же сердечно, как и все остальные крепостные жители. В комнате, кроме хозяек, находилась еще молодая девушка по имени Телия Доэ, на лице которой выразилось странное и заметное беспокойство, когда она услышала имя капитана Роланда Форрестера.

Полковник рассказал капитану, что эта молодая девушка не приходится ему даже родственницей: она была дочерью одного старого знакомого; Бруце взял ее к себе в дом, когда отца ее взяли в плен шавнии, оставив малютку беспомощною и одинокою. Но отец Доэ, Авель, вскоре сам сделался индейцем: его усыновило племя, как будто он происходил из него, и нисколько не заботился о своей дочери, предоставив ее попечению полковника. Капитан от души пожалел покинутое дитя и охотно сказал бы девушке несколько теплых слов в утешение и с участием, если бы полковник не овладел всецело его вниманием, как гостеприимный хозяин.

— Так завтра вы намерены уже продолжить путь? — спросил он молодого офицера. — Я не могу просить вас остаться, так как хорошо знаю, насколько ценно время в нашей стране. Но я был бы чрезвычайно рад, доволен, если бы вы смогли пробыть у нас месяца два, капитан.

Роланд поблагодарил хозяина за любезность и спросил его, какие опасности и трудности ожидают его отряд в пути к водопаду на реке Огайо.

— Никаких! — воскликнул полковник. — Тропа широка и ровна, и через лес ведет превосходная дорога. Нападения индейцев вам тоже нечего опасаться, так как с прошлого года, когда с ними произошла довольно жаркая стычка, в этой местности они больше не показывались. Да в сущности, я нахожу совершенно излишним, чтобы вы углублялись так далеко в леса. Оставайтесь здесь, вблизи от форта: к этой местности индейцы не так-то скоро подступятся. Здесь вы найдете защиту для вашей сестры, и, кроме того, почва здесь лучше, чем

где-либо в другой местности США. В деньгах ведь у вас, без сомнения, не может быть недостатка, так как вы, конечно, унаследовали состояние вашего дядюшки.

— Нет, к сожалению, не унаследовал, — возразил капитан. — Это-то обстоятельство и служит причиной того, что я должен отыскивать такую местность, где земли намного дешевле, чем здесь.

— Что за чудеса! — воскликнул полковник. — Старик Форрестер, как я часто слышал от моего старого друга Браксли, слыл самым богатым человеком в стране принца Георга, и, насколько я знаю, остался бездетен. Кто же получил после него наследство?

— Ричард Браксли, ваш старый друг, как вы его называли, — возразил Роланд. — Поэтому-то я и принужден эмигрировать в Кентукки как искатель приключений и счастья, так как моего капитанского жалованья не хватает, чтобы содержать себя и сестру.

Любопытство полковника Бруце было возбуждено; он задал капитану несколько вопросов и узнал то, что мы должны сообщить и нашим читателям, так как это непосредственно связано с теми событиями, о которых мы намереваемся рассказывать.

Майор Роланд Форрестер, дядя нашего капитана Форрестера и Эдит, являлся главою богатого семейства и старшим из двух братьев. Младший должен был после смерти отца, как это обыкновенно принято в Виргинии, сам добывать себе средства к жизни, тогда как старший унаследовал все владения своих предков. Братья оказались во враждующих лагерях, когда Америка начала борьбу за освобождение от владычества англичан¹. Младший брат взялся за оружие в защиту интересов народа, тогда как старший всецело поддерживал короля. Он никогда не мог простить своему младшему брату того деятельного участия, которое тот принимал в борьбе за независимость; из злобы он составил духовное завещание в пользу приемной дочери, которую воспитывал в своем доме.

Девочка, однако, вскоре погибла — сгорела в доме своей матери, находясь у нее в гостях. Это несчастье несколько не изменило отношения Роланда Форрестера к брату, и только тогда, когда брат погиб в честном бою с

¹ Имеется в виду Война за независимость 1775—1783 гг. против английского владычества.

оружием в руках, взял к себе оставшихся сирот — пятнадцатилетнего Роланда и десятилетнюю Эдит. Старый дядя, такой до сих пор суровый, полюбил сирот и не раз высказывал намерение сделать их своими наследниками. Но судьба устроила так, что Роланд Форрестер прогневил своего дядю тем же, чем когда-то и его отец: юноша покинул дом своего покровителя через два года после того, как вступил в него, и поступил корнетом на службу в полк, воевавший против англичан. После этого он никогда больше не видал своего дяди и нисколько не беспокоился о его гневе, надеясь, что он оставит все наследство сестре Эдит. Но в этом он ошибся. Когда умер дядя, и Роланд покинул армию, чтобы сделаться опекуном сестры, он не нашел Эдит ни в доме дяди, ни в родовом имении их предков: она жила в чужом доме, как бездомная сирота.

Дядя не оставил другого завещания, кроме когда-то составленного им в пользу приемыша; это завещание было представлено мистером Браксли, адвокатом умершего. Браксли назначался в этом завещании опекуном девочки, которую считали погибшей в пламени.

Предъявление этого завещания и весь последующий образ действий Браксли возбудили всеобщее удивление. Он предъявил от имени наследницы иск на наследство, утверждая при этом, что малютка жива и вскоре появится, чтобы вступить в свои права. Он вызвался доказать, что наследница не погибла в пламени, а была похищена неизвестными людьми; пожар же в доме ее матери был только удобным случаем, чтобы заставить поверить в гибель девочки. Он уверял, что не знает виновников похищения, хотя делал такие намеки, которые были для Эдит и Роланда тяжелее, чем потеря самого наследства. Он старался возбудить против Роланда подозрения в том, будто это он старался скрыть ребенка, чтобы упрочить за собою и за своею сестрою право на богатое наследство дяди.

Браксли так правдоподобно представил дело, что капитан Роланд Форрестер оставил надежду выиграть тяжбу.

Недолго думая, он вышел в отставку, так как к тому времени окончилась война, продал все свое имущество, кроме самого необходимого, и направился в западные леса со своею сестрою, счастием которой он решил посвятить себя с той минуты. Его намерением стало, как уже сказано раньше, купить землю и сделаться колонистом.

Положение юноши, который был настолько великодушен, что без колебаний пожертвовал всею своею будущностью, своею карьерой, отличиями и почестями ради благополучия любимой сестры, в высшей степени заинтересовало полковника Бруце. Он горячо и от всего сердца потряс руку юноши и сказал ему с необычным выражением:

— Послушайте, капитан, я люблю и уважаю вас, как будто бы вы были моим собственным сыном. Что же касается до Браксли, то, в сущности, он всего лишь мой простой знакомый, которого я только по старой привычке называл другом. По правде сказать, я теперь считаю его настоящим мошенником и не сомневаюсь, что в основе предъявленного им завещания лежат подлость и ложь. Помните мое слово, что правда еще выйдет наружу; а до тех пор считайте меня своим другом, который с радостью пожертвует за вас душу и тело, когда они вам понадобятся.

Телия Доз, которая оставалась в комнате, тогда как остальные женщины и девушки удалились еще в начале разговора между полковником и капитаном, только теперь была замечена собеседниками. Она прислушивалась с напряженным вниманием к рассказу капитана и устремила теперь на него глаза с таким глубоким и жгучим интересом, что это не ускользнуло от внимания полковника.

— Что ты тут делаешь, Телия? — воскликнул он. — Иди к женщинам: там твое общество. Вряд ли тебе интересно с нами.

Телия покраснела и тотчас же вышла.

Как только она удалилась, в комнату вошел Том Бруце с таким радостным видом, будто принес радостную весть.

— Что случилось, Том? — спросил его несколько удивленный полковник.

— Необыкновенные вещи творятся, отец, — сообщил юноша, — Дшиббенёнозе опять появился в лесу.

— Где же? — воскликнул поспешно отец. — Неужели в наших окрестностях?

— Нет, — возразил Том, — на северной окраине штата Кентукки, впрочем, в очень недалеком от нас соседстве. Он оставил там такие свежие знаки, как будто это совершилось сегодня утром.

— А ты точно знаешь, что тут нет ошибки? — спросил отец с любопытством.

— Конечно! Правильный крест на груди и череп раскроен ударом томагавка! Все до последней йоты верно!

— В таком случае нечего и сомневаться, что Дшиббенёнозе бродит по лесу, — сказал полковник.

— Нам, без сомнения, предстоит сражение.

— Кто этот Дшиббенёнозе? — спросил удивленный Роланд.

— О, это лесной дух... одним словом, лесной дьявол! — воскликнул Том.

— Это мне ничего не объясняет, — возразил Роланд Форрестер удивленно. — И кто этот лесной дьявол?

— Все не так-то легко объяснить, — вздохнул Том. — Одни думают о нем одно, другие — другое, а есть такие, которые считают его за воплотившееся божество.

— А что это за знаки, о которых вы сейчас так таинственно упомянули? — спросил снова Роланд.

— Это легче объяснить, — ответил Том. — Его знак — один или два крестообразных надреза ножом на груди того индейца, которого он убивает. Так отмечает он каждого убитого им. Но вот уже прошел целый год с тех пор, как мы в последний раз что-либо о нем слышали.

— Капитан, — сказал старший Бруце, — если бы вы предложили Тому еще тысячу вопросов относительно Дшиббенёнозе, он не мог бы рассказать вам ничего больше того, что вы сейчас слышали. В лесах живет существо, которое бродит от крепости к крепости и охраняет всех нас; оно убивает всякого индейца, попадающего ему на пути, скальпирует его и отмечает своим особым знаком. Индейцы называют его «Дшиббенёнозе», что означает привидение, и если верить их преданиям, то это существо — не зверь и не человек, а могущественный дух, которому не могут причинить вреда ни нож, ни ружье. Во всяком случае, мы должны быть благодарны ему, так как он избавит нас на долгое время от дикарей.

— Но как можно верить таким сказкам? — воскликнул Роланд.

— А почему бы и не верить им, раз мы испытываем на себе их действительность? — возразил полковник. — Все индейские племена, особенно шавнии, так боятся его, что ни один из этих дикарей не приблизится к крепости в продолжение трех лет, так как он особенно часто усиленно бродит в ближайших к нам лесах и убивает диких, где бы ни повстречал их. Так как он, по-видимо-

му, особенно преследует шавниев, то другие племена называют его также «Шавневанновином», т. е. жалобным криком шавниев, так как он всегда схватывает их за горло и заставляет выть. Во всяком случае, вы должны же допустить, что раз вы находите убитого и скальпированного индейца, должен существовать и тот, кто убил и скальпировал его.

— Без сомнения, — кивнул Роланд, — но убийцею его мог быть и человек, а не какое-то сверхъестественное существо.

— Чужестранец! — сказал полковник, улыбаясь и покачивая головою. — В наших местах нет обычая, убив индейца, отказываться от этой чести. Во всем штате Кентукки не найдется человека, который не испытал бы особенного удовольствия, убив в честном поединке дикаря, показать его скальп своим соседям. И все-таки никто никогда не показывает скальпа индейца, труп которого найден в лесу со знаками Дшиббенёнозе. А кроме того, капитан, — добавил совершенно серьезно почтенный полковник, — есть люди, которые собственными глазами видели привидение.

— Это, действительно, доказательство, против которого мне нечего возразить, — согласился капитан Форрестер, который заметил, что его недоверчивость неприятна его новым друзьям.

— Да, конечно, видели, — повторил убежденно полковник. — Вениамин Джонс, Самуил Шарк и многие другие видели его бродящим в лесу, и все утверждают, что он представляет из себя высокую фигуру с рогами и головою, густо поросшею волосами, похожею на голову буйвола, и что перед ним бегают какое-то существо, напоминающее медведя, указывая ему дорогу. Его встречали только в чаще девственных лесов и поэтому прозвали лесным дьяволом. Он хорошо относится ко всему живому, кроме индейцев, и никто никогда не слышал, чтобы он причинил какой-либо вред белому. Я не суеверен, капитан, но что касается до Дшиббенёнозе, то я уверен в его реальности, хотя собственными глазами никогда его не видал. Встретить его в лесу — верный признак, что индейцы появились поблизости; если же он оставил след за собой, то это хороший знак, и можно почти с уверенностью рассчитывать, что кровожадные дикари опять удалились; потому что индейцы не выносят присутствия Дшиббенёнозе и ис-

чезают, как только он появится. Он для них слишком хитер и силен. Прежде он никогда не отдалялся от нашей крепости, но несколько лет тому назад начал расширять область своих действий. В прошлом году летом, например, его видели в низовьях Соленой реки, в Джефферсоне, а потом он снова объявился на севере штата Кентукки. Да кроме того, рассказывают, что он преследует шавниев до самого их лагеря, хотя я не могу с уверенностью подтвердить это. А кто принес известие о Дшиббенёнозе? — спросил полковник, обращаясь к Тому.

— Рыкающий Ральф, Ральф Стакпол! — ответил улыбаясь Том.

— Рыкающий Ральф? — встревожился полковник. — Поди-ка, позаботься, чтоб лошади были целы, голубчик!

— Конечно, конечно, — согласился Том с отцом. — Необходимые предосторожности уже приняты, отец! Как только стало известно, что появился капитан Ральф, так шесть регуляторов¹ сошлись и приняли решение караулить всю ночь напролет. Между лошадьми вновь прибывших есть такие, а в особенности чистопородный конь капитана Форрестера, которого негр называет Бриареусом, что они покажутся Ральфу Стакполу достойными его внимания, а потому надо принять все меры предосторожности.

— Кто такой Ральф Стакпол и что он может сделать с моим Бриареусом? — спросил капитан Форрестер.

— О, он отчаянный малый! — усмехнулся Том. — Однажды, например, он в одиночку прикончил двух дюжих индейцев на Медвежьем лугу и украл у них много лошадей, чего шавнии ему никак не могут простить. Но у капитана Ральфа имеется один существенный недостаток, а именно тот, что он зачастую принимает лошадь честного христианина за клячу индейца и преспокойно крадет ее.

— И таких вот воров производят в офицеры в колониях? — невольно спросил Роланд.

— Разумеется, нет, — возразил полковник Бруце. — Речь идет не о настоящем звании капитана. Нашим людям, когда они отправляются за лошадьми и им приходит охота угнать у индейцев табун, (что считается вполне дозволенным, так как мы при этом отбираем у

¹ Подробнее о регуляторах см. роман «Луговые разбойники».

дикарей то, что они у нас ранее похитили), необходим опытный предводитель, а опытнее и ловчее Ральфа нигде не найдешь. Он с головы до пят конокрад, и никто не может сравниться с ним в изобретательности, с какой он выдумывает хитрости, чтобы провести индейцев. Правда, нехорошо то, что он иногда не делает различия между белыми и краснокожими, и по этой причине, его не везде-то охотно принимают.

Вслед за этим разговором мужчины вышли на улицу, где нашли довольно большую толпу любопытствующих, которые с удовольствием слушали рассказы Ральфа о новых деяниях Дшиббенёнозе. Этот Ральф оказался коренастым широкоплечим человеком с грубым лицом; но все существо его дышало таким хвастливым и при этом веселым самодовольством, что он скорее возбуждал смех, чем неприязнь. Его одежда состояла из грубого, грязного полотняного сюртука, кожаных брюк, которые по грязи и затасканности не уступали сюртуку. Старая круглая разорванная меховая шапка прикрывала его черные, торчавшие волосы, придавая его лицу тем более смешное выражение, что одной стороны околыша у нее совсем не доставало, а с другой стороны обрывок околыша болтался возле уха. «Капитан» был вооружен ружьем, ножом и томагавком, и потрясал ружьем, делая при этом такие удивительные жесты, гримасы и прыжки, что слушатели его не раз принимались хохотать над ними.

Когда он увидал коменданта крепости, то подскочил к нему и потряс ему руку прежде, чем тот успел ее спрятать за спину.

— Рад видеть вас, полковник, — воскликнул он. — И вас также, чужестранец. Какие новости привезли вы из Виргинии? Знайте, друг, я — Ральф Стакпол, аллигатор с Соленой реки.

— Ну, так занимайтесь делом и оставьте меня в покое, — сказал капитан Форрестер, которому не особенно понравилась фамильярность этого человека.

— Разрази меня гром! — воскликнул Стакпол. — Я джентльмен и жажду боя! Кулаком и всей рукой, зубами, ногтями, когтями и лапою, ножом, ружьем или томагавком уложу я своего противника! Кукареку!

И, произнеся эти слова, он привскочил высоко и захлопал руками, как петух крыльями перед боем. Полковник Бруце, смеясь, смотрел на него и сказал потом:

— Скажите-ка, Ральф, где вы украли гнедую кобылу?

Возбуждение, которое, казалось, только что воодушевляло Ральфа, мгновенно исчезло, и он стал смущенно озираться вокруг, что вызвало всеобщий громкий смех. Но он тотчас же сдержался и возразил:

— Я не крал никакой гнедой кобылы, господин полковник. Посмотрите-ка на нее. Я краду лошадей только у индейцев, и если кто осмелится утверждать противное, я разделаюсь с ним по-свойски, разрази меня гром!

— Потихе, Ральф, успокойтесь! — сказал Бруце хладнокровно. — Я прекрасно знаю эту лошадь: это старая кобыла Питера Гарпера, который живет на противоположном нам северном берегу.

— Да, вы правы, конечно! — согласился Ральф еще более смутившись, чем прежде. — Но я одолжил ее у него на время, и, если хотите, можете оставить лошадь здесь, у себя. Скажите только, где бы мне достать другую лошадь, так как я еще до заката солнца должен ехать дальше.

— Куда? — спросил полковник.

— В крепость Св. Асафа, в 15-ти часах езды отсюда.

— Слишком далеко, чтобы регуляторы сумели уследить за вами! — возразил полковник и вызвал этим новый взрыв смеха у слушателей.

Ральф Стакпол, чтобы скрыть свое смущение, вел себя в это время донельзя глупо: хлопал руками, кричал петухом, фыркал и ржал, как лошадь, ревел, как бык, лаял, как собака кричал, как индеец, рычал, как пума, выл, как волк, и закричал, наконец, представляясь, что вызывает на бой:

— Где тот человек, который обвиняет меня? Кто рискнет бороться со мной? Я готов драться с каждым, будь он так же силен, как буйвол, или ловок, как кошка!

Всякий знал, что этот вызов не что иное, как бахвальство, которым Ральф надеялся замять дальнейший разговор с полковником Бруце, а поэтому никому из присутствовавших молодых людей не пришло и в голову поднять брошенную конокрадом перчатку. Они, напротив, дразнили рыкающего Ральфа и старались еще более возбудить его возраставшую ярость, упрекая его и перечисляя тех лошадей, которых он в своей жизни увел, никогда не помышляя об их возвращении.

Роланду вся эта комедия порядком надоела, и он хотел вернуться в дом, как вдруг на сцену вышло новое лицо, и появление его обещало вызвать еще большее веселье.

— Послушайте, Ральф, — сказал Том Бруце, — если вы, действительно, возымели большую охоту бороться, то вот человек, как раз подходящий для борьбы с вами! Смотрите, вон кровавый Натан!

При этом страшном имени поднялись хохот, крик, рукоплескания.

— Где он? — воскликнул Стакпол, высоко подпрыгивая и испуская громкий, торжествующий клич: — Разрази меня гром, если я не поколочу его! Выходи на бой! Кукареку!

— Вот это дело, Ральф! — закричали окружавшие конокрада молодые люди, хлопая его по плечу. — Покажи-ка свою храбрость и докажи нам, что ты настоящий мужчина.

Облик вновь прибывшего оказался ни чуть не лучше наружности конокрада. Но Роланд заключил из необыкновенной веселости кентуккийцев, что в кровавом Натане заключалось нечто большее, чем можно было судить по первому впечатлению. За новым пришельцем он увидел старую хромоу белую лошадь, позади которой бежала маленькая собачка с длинной, темной шерстью, робко озираясь и поджав хвост.

— Да, да! — воскликнул полковник Бруце. — Вот старый кровавый Натан. Он тащится со своей старой клячей и трусливой собачонкой! Замечательно милосердный человек: несет свою поклажу на спине, а лошадь ведет в поводу, глупец!

Когда Натан подошел ближе, Роланд заметил, что его длинная, тощая фигура сверху донизу закутана в кожаные одежды. Даже головной убор его состоял из каких-то кожаных полос, сшитых вместе. Его верхняя одежда, перехваченная поясом, походила на обыкновенный охотничий костюм; ей только недоставало одного украшения, которое обыкновенно надевает всякий охотник. Она была слишком широка для тщедушной фигуры кровавого Натана и так же ветха, как и кожаные панталоны, а кроме того, на ней было множество кровавых и других грязных пятен, что придавало ей крайне неопрятный вид. Наружность Натана на первый взгляд была крайне сурова и дика, и это впечатление особенно усиливалось благодаря

длинному ружью, которое он носил через плечо, и ножу, торчавшему из-за пояса. Оружие Натана было также старо, служило, очевидно, давно и было неказисто; особенно приклад ружья был такой грубой работы, что можно было думать, не был ли он сделан Натаном собственноручно.

Такова была наружность человека, который, судя по внешнему виду, не напрасно носил прозвище «кровавого». Рассмотрев его поближе, капитан Форрестер пришел к тому заключению, что кличка «кровавый» была дана Натану скорее в шутку и иронически, чем по какой-либо другой причине. По лицу ему можно было дать лет сорок пять — пятьдесят; у него было множество морщин, длинный горбатый нос, выдававшийся подбородок, впалый рот с тонкими губами. Выражение его глаз заставляло предполагать, что Натан был человек необыкновенно кроткого, уступчивого и простого нрава. Походка его была неверна, крайне неопределенна и выражала такое отсутствие силы, что тотчас можно было решить, что этот человек скорее сам будет обижен, чем станет обидчиком. А то обстоятельство, что он на собственных плечах тащил довольно тяжелый сверток оленьих и других шкур, вместо того чтобы навьючить эту кладь на лошадь, заставляло сделать заключение, что весь его образ мыслей скорее склонялся к уступчивости, чем к жажде борьбы. Во всяком случае, внешний вид этого человека был совсем не таков, чтобы можно было принять его за сильного и кровожадного человека, хотя его прозвище заставляло ожидать этого. Сначала Роланд сам не знал, должен ли он сочувствовать ему или смеяться над ним, как сделало большинство окружающих. Взглянув же на Натана попристальнее, он отнесся к нему с участием, и насмешливая улыбка, блуждавшая на его губах, уступила место его обычной спокойной серьезности.

— Ну, Стакпол, что же? — спросил молодой Том Бруце, хлопнув по плечу Ральфа. — Согласны вы схватиться с Натаном?

— Непременно и так же верно, как то, что я аллигатор с большой Соленой реки! — воскликнул неистовый Ральф. — Пусть-ка он подойдет, этот кровавый человек! Я проглочу его живьем!

— Надеюсь, вы не позволите этому шуту, действительно, обидеть бедного человека? — спросил Роланд Форрестер полковника.

— Нет, нет, он ему ничего не сделает. Мы только немного позабавимся, вот и все.

— Да кто же, в сущности, этот кровавый Натан, и почему ему дали такое странное прозвище?

— Ради смеха и из пренебрежения, — сказал полковник, — поскольку он единственный человек во всем штате, который не желает сражаться. Он квакер из Пенсильвании и Бог его знает, зачем он переселился сюда в Кентукки. Некоторые утверждают, что он немного тронут, и это, может быть, и правда, так как он нигде не находит покоя, бродит, не переставая, по всей стране и то там, то тут охотится за дичью, чтобы добыть себе шкур. Многие называют его также странствующим Натаном. Он, по-видимому, не особенно боится индейцев, вероятно, потому, что всем известно, что индейцы не делают вреда Пенсильванским квакерам. Он часто приносит пользу, отыскивая следы индейцев там, где никто не ожидает их найти. Найдя следы, он приходит в крепость с этим известием и совсем не для того, чтобы разжечь вражду, а напротив, для того, чтобы предотвратить кровопролитие. Года три тому назад он пришел ко мне и, как вы думаете, что он сказал? Вместо того, чтобы сказать, как сказал бы всякий другой на его месте: «Друг полковник¹, на нижнем броде Соленой реки находятся двадцать индейцев, которых вы можете взять в плен», он совершенно серьезно провозгласил: «Друг полковник, послушай, не пускай своих людей к нижнему броду, потому что там скрываются индейцы, которые могут причинить им вред». Сказав это, он потихоньку скрылся, тогда как я, само собой разумеется, собрал отряд в 25 человек, напал на краснокожих, часть из них убил, часть же взял в плен. Странствующему Натану иногда попадало от нас! Мы все сердимся на него за то, что он не выказывает ни малейшей охоты к борьбе и никогда не хочет убить ни одного из этих разбойников. Я даже однажды, рассердившись на него, отобрал у него ружье. Но потом сжалился-таки над беднягой, узнав, что у него нет ни дичи, ни хлеба, ни оружия, чтобы убить хоть оленя в лесной чаще.

¹ Считая всех людей друзьями и братьями, квакеры всем говорят «ты», отвергают насилие, военную службу, воинскую присягу и т. д.; ни перед кем не снимают шляпу, оставляя ее на голове даже во время богослужения.

Тогда я ему отдал его винтовку, сказав ему, чтобы он продолжал убивать им пернатую дичь во славу Божию, если уж у него такой жалкий обычай.

Пока полковник Бруце рассказывал гостю о характере кровавого Натана, молодые люди окружили этого последнего, избрав его мишенью для своих острот. Наконец, к нему подошел и рыкающий Ральф и вызывающе крикнул:

— Послушай-ка, Натан, если ты когда-нибудь нуждался в молитве, то это именно теперь! Долой твою поклажу с плеч, так как я желаю проглотить именно тебя, а не твои олени шкуры!

— Друг, — кротко ответил кровавый Натан, — прошу тебя, оставь меня в покое. Я человек мира и покоя.

С этими словами он хотел пройти мимо, не беспокоясь больше о рыкающем Ральфе. Но конокрад преградил ему дорогу, сорвал у него с плеч поклажу и разбросал шкуры вокруг. Зрители громко смеялись; но Натан перенес оскорбление с завидным терпением.

— Друг, — сказал он, — зачем ты так грубо обходишься со мной и чего ты от меня хочешь?

— Борьбы, борьбы, кровавый Натан!

— Ты от меня ее не добьешься, а потому иди с миром и не докучай мне!

— Как? Разве ты не кровавый пенсильванский медведь? — воскликнул Ральф, становясь все задорнее и настырнее.

— Я не медведь, конечно, нет, я человек мира! — ответил Натан покорно и кротко.

— Да, действительно, действительно! — воскликнул Стакпол, представляясь все более раздраженным и злобным. — Я кое-что слышал о тебе. Ты человек, который считает за грех защищать невинных женщин и слабых детей от кровожадных краснокожих только потому, что он мирный человек и будто бы не имеет права сражаться... Ты — длинноногий, трусливый и жалкий тип! Но постой-ка, я сделаю из тебя человека. Брось ружье и, разрази меня гром, если я не выбью из тебя твою трусливую душонку!

— Друг, — возразил Натан с видимым и не скрываемым пренебрежением, — ты, вероятно, сам жалкий трус, если ищешь намеренно ссоры с человеком, про которого наверное знаешь, что он не имеет права бороться-

ся с тобой. Поди! Ты, наверное, менее хвастался бы, если бы имел дело с себе подобным.

Не обращая более никакого внимания на рыкающего Ральфа, он нагнулся и стал собирать разбросанные шкуры; но Стакпол помешал этому, схватив Натана за ворот и тряся его изо всех сил. Даже это не вывело кровавого Натана из себя. Лицо его омрачилось только тогда, когда рыкающий Ральф с такой силою оттолкнул его маленькую собачку, которая начала было лаять, защищая своего хозяина, что она с визгом отскочила футов на шесть.

— Друг, — сказал тогда Натан серьезно, — ты сам, должно быть, жестокая тварь, если способен бить бессловесное существо. Что тебе от меня надо?

— Борьбы, борьбы! — зарычал Ральф. — Сколько раз еще надо тебе это повторять?

— Ты знаешь, что я не имею права и не желаю бороться с тобой, — возразил Натан. — Но если ты непременно желаешь получить урок, так и быть, я тебя проучу. Ты хвалился своим мужеством и силою: не хочешь ли попробовать со мною дружественный поединок?

— Ура кровавому Натану! — закричали молодые люди, тогда как Форрестер удивился проявившемуся мужеству квакера, а Ральф Стакпол подпрыгнул, как сумасшедший.

— Ну, так долой твоё ружьё и твой кожаный картуз! — закричал он своему противнику. — И берегись, потому что я намерен до тех пор колотить тебя об землю головой, пока ты не вообразишь, что сегодня долетишь до центра земли.

— Может случиться, что ты ошибешься, — возразил Натан, хладнокровно передавая своё оружие одному из стоявших подле него молодых людей. — Я готов, друг, подходи!

— Кукареку, кукареку! — закричал Ральф и, подскочив вслед за этим к Натану, схватил его одной рукой за левое плечо, а другой — за правое бедро.

— Ну! Готов?

— Да! — отвечал Натан кротко.

— Тогда, берегись, я сейчас уложу тебя на землю!

С этими словами Ральф напряг всю свою необыкновенную силу, чтобы свалить квакера, но Натан стоял, к великому удивлению Роланда, непоколебимо и даже не переменил положения.

— Друг, — сказал он Ральфу, — ты ошибся... ну, а теперь пришла моя очередь.

Он схватил Ральфа, и, прежде чем кто-либо успел опомниться, ноги Ральфа взметнулись кверху, а голова грохнулась о землю.

Зрители сначала удивленно переглянулись, а потом раздался общий крик. Форрестер сказал:

— Он убил этого человека. Но все должны засвидетельствовать, что убитый сам виновен в своей позорной смерти.

— Нет, о нет, чужестранец! — воскликнул тогда Стакпол, медленно поднимаясь и потирая с необыкновенно комическим жестом голову обеими руками. — Я еще не совсем умер, как вы думаете, но голова моя, кажется, уже находится не на прежнем месте. Да уж на плечах ли она у меня, или уже слетела?

— Ура кровавому Натану! — закричали восторженно окружающие. — Он победил хищного крокодила с Соленой реки! Ура! Ура!

— Да, действительно победил! — сказал Ральф, все более и более приходя в себя и протягивая кровавому Натану руку:

— Дай лапу, товарищ, — крикнул он ему. — Я тебе по чести говорю, что с меня довольно, и что мне от тебя больше ничего не надо! Но плохо то, что такой сильный человек, как ты, — пожалуй, самый сильный во всем штате Кунтукки, — оставляет в покое индейцев. Я думаю так, что всякий, у кого целы ноги и руки, должен бороться за благо своего отечества; а кто этого не делает, тот в моих глазах был, есть и будет трусом. Аминь!

Сказав это, Ральф обратился к полковнику и спросил его:

— Где лошадь, которую вы мне обещали, полковник? Я побит и не могу дольше оставаться здесь. Дайте мне лошадь и верьте моему честному слову, — я ее вам возвращу.

— Хорошо, я вам дам лошадь, хотя и не особенно доверяю вашему честному слову. Я кое-что знаю, на что могу более положиться. Вы получите лошадь, но берегитесь, если вы на ней поедете дальше, чем до Логана. Если вы ее там не оставите, я даю вам слово, что вам никогда не ездить ни на одной из моих лошадей. Пусть это будет вам сказано, и подумайте хорошенько о суде Линча.

Сказав это, полковник, не дожидаясь ответа от конокрада, обратился к Натану, который сел в стороне на пень. Маленькая собачка Натана сидела перед ним. В руке он небрежно держал ружье и в этой покойной позе терпеливо выслушивал насмешки, которыми его стали осыпать молодые люди, как только рассеялось первое впечатление, произведенное на них столь неожиданной победою. Когда командир крепости подошел к этой группе, насмешки прекратились, и Натан воспользовался наступившей тишиной, чтобы сказать несколько слов своей маленькой собачке, которая смотрела на него удивительно умными глазами.

— Ну, Пит, — спросил он, вздыхая, — что-то ты на все это скажешь?

Собака как будто поняла вопрос хозяина; она встала, потерлась носом об его руку, а потом быстро отбежала на несколько шагов от него, как бы желая этим показать, что им надо как можно скорее удалиться из крепости, где их так негостеприимно встретили.

— Да, да, Пит, — сказал Натан, кивая головой, — да, дружище, чем скорее мы уйдем отсюда, тем лучше, потому что здесь нет никого, кто приветливо относился бы к нам. Но прежде чем уйти, мы должны достать пороху и дроби и рассказать этим бедным людям то, что мы с тобой только одни и знаем.

— Натан! — сказал подошедший полковник, прерывая разговор квакера с собакой. — Скажите-ка, какие же это новости хотите вы сообщить нам, бедным людям? Расскажите-ка их лучше мне, странный вы человек, а не вашей собаке, которая, все равно, вас не понимает. Вы, может быть, повстречали где-либо в пределах Кентукки Дшиббенёнозе или видели его знаки?

— Нет, не то, — возразил Натан. — Но говорят о призывах к большой войне в стране индейцев. Эти злые люди хотят напасть на Кентукки таким многочисленным войском, которого до сих пор никогда еще никто не видывал.

— Пусть придут, — сказал Бруце с презрительной усмешкой. — Если они явятся к нам, то избавят нас от труда разыскивать их по селениям.

— Они, может быть, уже близко, — продолжал кровавый Натан. — Пленный, которому с огромным трудом удалось вырваться от них, говорил мне, что они решили

идти в продолжение двух дней, не останавливаясь ни на минуту.

— От кого вы узнали об этом?

— От самого убежавшего пленного, которого я встретил на низком берегу Кентукки. Он предупредил колонистов в Лексингтоне, и...

— Все это пустяки! — воскликнул полковник. — Капитан Ральф только что рассказывал нам ту же историю и вскользь заметил, что в Лексингтоне ни одна живая душа не верит этой глупой сказке.

— Ну, так легко может быть, что друг Ральф ошибся, — сказал Натан кротко. — Я говорю тебе совершенную правду, что во всем штате Кентукки появились следы индейцев. А теперь, полковник Бруце, если ты будешь так добр дать мне взамен мехов, которые я тебе принес, пороху и дробу, то я отправлюсь дальше и не буду дольше тебя беспокоить.

— Я считаю за стыд и грех снабжать порохом человека, который изводит его только на то, чтобы убивать робких косулей и оленей! — сказал пренебрежительно полковник Бруце. — Но все-таки я не желаю причинять никому вреда, даже и квакерам. Том, поди с этим человеком в погреб и дай ему за его рухлядь столько, сколько она стоит.

Молодой человек ушел с квакером, покорно следовавшим за ним, и вслед затем явилась Телия Доэ, приглашая мужчин к ужину. Все они были рады приглашению, и капитан Форрестер вернулся в дом под руку с полковником, не думая больше ни о рыкающем Ральфе, ни о кровавом Натане.

Глава III

КОНОКРАД

Эдит удалилась в отведенную для нее комнату и только что собралась лечь в постель, чтобы отдохнуть от трудного путешествия, как кто-то потихоньку постучался в дверь и в комнату вошла Телия Доэ.

— Что тебе нужно? — спросила Эдит, не совсем довольная ее приходом. — Я очень устала и хочу спать.

Телия смущенно и боязливо огляделась: казалось, она подыскивала слова, чтобы рассказать о своих намерениях.

— Я недолго буду утруждать вас, мисс Форрестер, — произнесла она наконец, — но...

— Но почему ты колеблешься и не решаешься говорить? — спросила Эдит ласково.

Телия подошла поближе и сказала, собрав все свое мужество:

— Леди, не сердитесь на меня: я пришла просить вас взять меня к себе в услужение. Я знаю, что вы знатная молодая дама и привыкли к тому, чтобы вам услуживали. Возьмите меня с собой в леса; они мне так хорошо знакомы. Я буду вам верной и заботливой служанкой.

— Это исключено, — возразила удивленная Эдит. — Твоя мать никогда бы этого не допустила.

— Моя мать? — печально переспросила Телия. — Господи, у меня нет ни матери, ни родных.

— Как? Разве полковник Бруце не твой отец?

— Нет, мой отец сделался индейцем.

Телия выговорила эти слова с выражением глубочайшей печали, и Эдит поняла, как больно ей было то, что отец переменял все свои привычки и обычаи и покинул свою дочь на произвол судьбы. Она с состраданием протянула Телии руку, которую та тотчас же покрыла поцелуями.

— Да, да, — сказала она тогда, — я говорю правду, и вы теперь видите, что мне нечего стыдиться стать служанкой. Позвольте же мне следовать за вами и служить вам, леди! Наверное, о наверное, я смогу оказать вам большие услуги, чем вы даже можете предположить.

Она выговорила эти слова с такою искренностью, что Эдит стало тяжело отказать ей.

— Бедное дитя, — сказала она, — я должна теперь привыкать обходиться без посторонней помощи и услуг. Я ведь сама отыскиваю себе новое отечество и не могу взять тебя с собой.

Телия покачала головою.

— Я уже слышала все это, — сказала она. — Но, мисс, подумайте только: ведь я привыкла жить в лесах и смогу о вас заботиться, пока вам не выстроят дом. Я могу и хочу для вас работать, и, наверное, когда вы узнаете, какие труды и опасности ожидают вас в пустынных лесах, вы сумеете оценить мои услуги и мою опытность.

Эдит употребила все свое старание, чтобы отговорить девушку от ее намерения; она старалась доказать ей, что с ее стороны было бы черной неблагодарностью покинуть дом своего благодетеля без всякой уважительной причины.

— О, причин у меня вполне достаточно, — сказала Телия. — Напротив, я не права, сидя у него на шее, тем более, что у него много собственных детей. А потом — мой отец! Ах, леди, о нем здесь говорят только с пренебрежением, и все ненавидят его, хотя он никому не причинил ни малейшего зла. Но это считается большим позором переметнуться на сторону индейцев, и все здесь заставляют меня искупать вину моего отца. Может быть, в глубине лесов ничего не знают об Авеле Доэ, и там никто не будет с пренебрежением называть меня дочерью белого индейца.

— Телия, на самом-то деле твои страдания скорее надуманы, — снова заговорила Эдит. — Здесь ты, конечно, будешь счастливее, чем у меня, среди совершенно чужих тебе людей.

Телия с отчаянием заломила руки.

— Возьмите меня с собой, если не ради меня, то ради себя, — умоляла она настойчиво. — Уверяю вас, что вам было бы в высшей степени удобно и выгодно, если бы Телия Доэ находилась при вас, когда вы поселитесь в лесах.

— Этому не суждено сбыться, — мягко, но с твердостью возразила Эдит.

Ответ этот отнял у молодой девушки последнюю надежду на исполнение ее желания.

Несмотря на это, она попробовала еще раз уговорить Эдит и вложила столько силы и страсти в свои мольбы, что девушке стоило большого труда противостоять ее взглядам, просьбам и слезам. И все-таки она осталась непреклонной, и Телия, наконец, убедилась, что ее мольбы напрасны; она поднялась с колен и вышла из комнаты с выражением глубочайшей скорби. Эдит так стало жаль бедную девушку, что едва удержалась, чтобы не вернуть ее. Но она вовремя спохватилась и послушалась голоса рассудка, который подсказывал ей, что, с ее стороны, было бы непростительной глупостью навязать брату еще лишнюю обузу при тех стесненных обстоятельствах, в которых они сейчас находились. После ухода Телии она легла и вскоре уснула.

Роланд в это время тоже ложился спать. Ему отведено было помещение вместе с другими мужчинами на открытой галерее. Завернувшись в свой плащ и подложив седло под голову, он быстро заснул. Ему снились более счастливые дни, чем те, которые наяву ожидали его в ближайшем будущем.

Внезапно около полуночи он вскочил со своей жесткой постели: ему показалось, что тихий голос прошептал ему: «Переходите через реку по нижнему броду: у верхнего брода вам грозит опасность!»

Он огляделся вокруг, но ничего не увидел и ничего больше не услышал, кроме глубокого, ровного дыхания мужчин, спавших около него.

— Кто это говорил? — спросил Роланд потихоньку, но не получил ответа. «Странно, — подумал он, — река, брод, опасность... я бы мог поклясться, что кто-то говорил со мной, а на самом деле это, вероятно, мне пригрезилось».

В течение нескольких минут он прислушивался, но, не услышав ничего подозрительного, вскоре снова заснул. Роланд спал спокойно до тех пор, пока восходящее солнце не окрасило востока огненным пурпуром. Он открыл глаза и по глухому звуку сдавленных голосов и по шуму шагов заключил, что большинство спутников его уже встали. В то же время раздался голос коменданта крепости, который громко пожелал капитану доброго утра и потом подошел к нему с возмущенным и покрасневшим от гнева лицом.

— Что случилось? — спросил Роланд, вскочив. — Не стряслось ли какой беды?

— Случилось то, что вам совсем не понравится, мой достойный друг, — воскликнул полковник громовым негодующим голосом. — Черный волк ворвался сегодня ночью в наш табун, а говоря попросту, мошенник Ральф Стакпол увел сегодня ночью вашего Бриареуса.

— Увел? — воскликнул капитан, неприятно пораженный этой новостью.

— Да, черт возьми, украл! — повторил полковник в ярости. — И это он сделал в то время, пока мы все спали крепким сном, и несмотря на то, что я дал этой твари, чтобы только отделаться от него, одну из моих собственных лошадей. Мошенник этот вчера вечером действительно уехал, но только для того, чтобы обмануть и успокоить всех нас; поскольку прекрасно знал,

что мы во всю ночь напролет не сомкнули бы глаз, если бы предполагали, что он остался тут. Проехав несколько миль, он вернулся назад, прокрался к нам ночью, оставил мою лошадь у других лошадей, потом выискал лучшего коня, вашего гнедого, капитан, и угнал его.

— Нам надо догнать негодяя, если это только возможно! — воскликнул гневно Роланд. — Не будем мешкать ни минуты, дорогой друг!

— Я об этом уже позаботился, капитан! Через две минуты после того, как открылось воровство, Том с дюжиной молодцов сели на коней и погнались за этим негодяем.

— От всего сердца благодарю вас за это, полковник! А как вы думаете, получу я обратно своего коня?

— Без сомнения, если только свежие лошади могут быстрее бегать, чем усталые. А кроме того, этот безумный вор не удовольствовался тем, что угнал вашего Бриареуса: он украл также двухлетнего жеребенка, который, наверное, выдаст его. Жеребенок этот пуглив и дик и будет мешать ему ехать скоро. Меня особенно возмущает бессовестность этого негодяя, который позволил себе украсть лошадь моего гостя, находящегося под моей кровлею. Но теперь его час настал. Я буду крайне удивлен, если его теперь не линчуют. Правда, он храбр по отношению к индейцам, и я его за это терпел и довольно долго оберегал. Но он неисправим как конокрад, а конокрада, право же, терпеть не стоит!

Роланд был очень опечален пропажей своего коня, но его еще больше огорчало то обстоятельство, что как он сам, так и остальные переселенцы вынуждены были дожидаться, пока лошадь его не будет возвращена.

Приветливый хозяин, правда, охотно предложил ему выбрать любую лошадь из его конюшни, но после краткого размышления Роланд предпочел дожидаться результатов погони, а пока предложил отправиться вперед своим спутникам без него. Полковник уверил его, что лесная дорога безопасна, а кроме того, Роланд надеялся очень скоро догнать на своей быстрой лошади опередивших его товарищей. Он хотел подождать до полудня и тогда уже пуститься в путь. А пока он сделал некоторые распоряжения. Вьючных лошадей отправил он вперед со всем отрядом, под охраною негра, и обещал во всяком случае догнать их у нижнего брода. Переселенцы собра-

лись в путь, поблагодарив хозяев и пожав им у ворот крепости от всего сердца руку. Вскоре они исчезли из вида в сумраке девственного леса, и Роланду не приходило даже в голову, что он может не увидеться с ними так скоро, как он на то надеялся.

Спустя час после отъезда путешественников, небо, до сих пор ясное, покрылось темными тучами, и стал накрапывать крупный дождь, обещавший несколько умерить удручавшую жару, чему Роланд чрезвычайно обрадовался. Дождь шел с промежутками до девяти часов, как вдруг в деревне раздались громкие возгласы, и вслед за этим явился Том Бруце, ведя с триумфом Бриареуса.

— Вот вам ваша лошадь, капитан, — сказал он радостно. — Она была слишком резва для рыкающего Ральфа и сбросила его с себя, как муху. К счастью, мы догнали его раньше, чем он успел опять сесть на Бриареуса.

— А что же случилось с этим негодяем? — спросил полковник.

— Я этого точно не знаю, отец, но охотно расскажу вам то, что знаю. Мы ехали по его следам лесом и вскоре заметили, что он с трудом справлялся с лошадьми. В одном месте было совершенно ясно видно, что он был сброшен Бриареусом, которого он потом хотел догнать на своем клеппере, что было, конечно, напрасно, в чем он и убедился. Мы могли свободно ехать по следам, которые были очень четки, и большая часть преследователей гналась за ним. Некоторые же из нас, в том числе и я, отправились по следам Бриареуса и нашли его на лугу в расстоянии часа езды от станции, где он спокойно отдыхал от ночных приключений. Что касается Стакпола, то мы о нем ничего не узнали, но, — прибавил Том со значительным видом, — почти не подлежит сомнению, что его осудят судом Линча. Во всяком случае, мы скоро получим известие о нем.

— Если это так, — сказал полковник Бруце, — то очень многие будут в дальнейшем спокойны относительно своих лошадей. Как бы круто ни поступили с этим негодяем, он вполне того заслуживает, и совершенно не стоит жалеть его, какая бы судьба его ни постигла.

Вслед за этим он обратился к Роланду, поздравил его с возвращением его превосходной лошади и предложил проводить его с молодыми людьми, когда он отправится за уехавшими вперед товарищами, чтобы догнать их на

условленном месте. Роланд с радостью принял это предложение, но судьбе угодно было устроить так, что любезное намерение полковника не осуществилось, и молодой капитан отправился в путь один.

К часу тучи сгустились в темную массу и заволокли все небо. Молния сверкала. Раздавались оглушительные раскаты грома, и, наконец, поднялась буря, грозившая вырвать с корнем старые деревья. Эта непогода продолжалась часов до двух пополудни, и Роланду, конечно, пришлось отложить свой отъезд, так как нельзя же было подвергать сестру ярости разбушевавшейся стихии. Полковник уговорил его провести в крепости еще одну ночь, убеждая его тем, что спутникам его, уехавшим вперед, тоже невозможно было продолжать путешествие в такую непогоду, и что они, наверное, отъехали не далее, как на расстояние пяти часов езды от крепости, так что ему легко будет догнать их на следующее утро. Роланд охотно согласился с вескими доводами хозяина.

На другой день утром, проснувшись в хорошем настроении духа и размышляя о случившемся, он любовался ясным солнечным лучом, который проглянул через тучи, — как вдруг до слуха его долетел дикий, отчаянный крик. Он с полковником поспешил выйти из дома и увидал на дворе всадника, забрызганного грязью с ног до головы, окруженного толпою мужчин, женщин и детей; расстроенный вид этого человека заставлял предполагать, что он явился с дурными вестями. На вопрос полковника, что случилось, он отвечал, что тысячи индейцев — шавнии, делавары, виандоты и другие северные племена — напали на соседнюю крепость, осадили ее, а в настоящую минуту, наверное, уже перебрались в Лексингтон, где убивают, грабят и жгут.

— Нам нужна помощь, полковник! — прибавил он, переводя дух. — Соберите всех своих людей и спешите, как можно скорее, к нам на помощь, потому что нам угрожает величайшая опасность.

— Где Ричард? — прогремел полковник и оглянулся, отыскивая своего второго сына, который тотчас же подбежал к нему. — Ричард, садись сейчас же на свою длинноногую рыжую лошадь и скачи во весь дух в крепость Св. Асафа. Расскажи коменданту все, что ты видел и слышал, и скажи ему, что прежде чем он успеет подпоясаться, я уже буду на северной окраине Кентукки.

Отправляйся, мальчик, торопись, как будто дело идет о твоей собственной жизни. Погоняй, погоняй лошадь, не жалея шпор! Слышишь?

Юноша закричал, как молодой индеец и, не теряя ни минуты, исполнил приказание своего отца, потому что ему самому не терпелось вступить в борьбу с краснокожими.

В то время, как юнец скакал так, что только подковы сверкали, отец его отдавал приказания с привычной решимостью; он велел созвать все мужское население округа и объявить им, что они все должны сойтись на броде через Кентукки. В случае, если бы они с ним там не встретились, они должны идти за ним туда, где индейцев особенно много.

— А теперь, — крикнул он окружавшим его людям, — ура! Где ваши ружья, лошади, ножи и томагавки? Где Джон, трубач? Он должен протрубить веселый военный марш, и тогда отправимся на дикарей, которые угрожают опасностью нашим матерям, женам и детям. Тот, кто через двадцать пять минут еще не будет сидеть в седле, величайший негодяй и хуже любого краснокожего. Вперед, дети, и да здравствует Кентукки!

Патриотический порыв почтенного военачальника моментально передался собравшимся людям.

Через несколько минут в мирной колонии раздалось бряцание оружия, топот копыт и воинственные клики. Оседывали лошадей, пробовали ружья, точили ножи и сабли, и все наперерыв старались, как можно скорее, исполнить приказание храброго полковника Бруце.

Новое известие было принято Роландом Форрестером не безразлично. Ему не могло придти в голову рассчитывать при данных обстоятельствах на обещанные проводы, и он теперь мог надеяться только на собственные силы и сообразительность. Теперь он пожалел, не ради себя, а ради Эдит, что отстал от своих спутников, и ему, конечно, особенно сильно захотелось, как можно скорее, догнать их. Он надеялся, что под их охраною путешествие его будет менее опасно, чем если бы им пришлось ехать совсем одним; он был уверен, что защита понадобится, так как индейцы, по своему обыкновенному военному обычаю, делились на мелкие отряды и рассыпались по всему штату.

Роланд рассказал полковнику о своем намерении тотчас же отправиться в путь, так как дождь перестал и тучи рассеялись.

— Так вы решили нас покинуть? — спросил полковник. — Я думал, что вы выступите с нами в поход и дадите почувствовать индейцам свою силу. Но нет, будет действительно лучше, если вы присоединитесь к вашим спутникам. Предостерегите их об угрожающей опасности и, если в вашем отряде есть храбрые люди, то вернитесь с ними и присоединитесь к нам для борьбы с краснокожими.

— Конечно, я не буду их удерживать, если они захотят участвовать в сражении, — сказал Роланд. — А чтобы иметь возможность поскорее вернуться, я сейчас же отправлюсь в путь.

— Но как же с проводниками, которые мы вам обещали, капитан? — спросил полковник Бруце, немного смущенный. — Видите, как сложились обстоятельства...

— Конечно, я и не помышляю о том, чтобы отнять у вас силы, необходимые для сражения, — перебил его Роланд. — Мне довольно и одного проводника, и я был бы очень доволен, если бы вы дали его мне.

— Его вам и не надо, капитан. Невозможно сбиться с дороги к верхнему броду.

— Верхнему броду? — спросил Роланд, который вдруг вспомнил свой сон. — Разве есть и нижний брод?

— Да, но там скверно переправляться, — возразил Бруце. — Кроме того, многие избегают этого места с тех пор как дикари убили там Джона Асбурна и скальпировали всех членов его семейства. Там как-то делается жутко, в особенности потому, что местность удобна для засад. Поезжайте, капитан, и не беспокойтесь о дороге. Часа через полтора вы достигнете бука, расщепленного молнией, а еще часа через два догоните ваших спутников. Да, да, тропа широка и открыта, и проводник стал бы вам только лишней обузой.

Капитан, однако, не согласился с последними доводами полковника; опасаясь за безопасность сестры, он не хотел рисковать сбиться с дороги. Полковник исполнил его настойчивую просьбу и приказал одному из своих подчиненных проводить капитана до брода. Хотя проводник повиновался с видимым нежеланием, спустя несколько минут Роланд пустился в путь со своими спутниками. Прощание с полковником и его семейством было недолгое: некогда было терять время на лишние разговоры.

Полковник Бруце проводил гостей за ворота, пожал капитану и Эдит руку и обещал им немедленную по-

мощь, если бы с ними случилось несчастье в дороге. Потом он распрощался с ними, и брат с сестрой быстро направились к тенистому, таинственному и молчаливому девственному лесу в сопровождении негра и недовольного проводника.

Глава IV

КАЗНЕННЫЙ

Солнце ярко светило на голубом небе; вершины деревьев тихо покачивались от легкого ветра. Хорошая погода благотворно повлияла на Роланда, который ехал с веселым, беззаботным лицом, разговаривая с сестрой. Было что-то торжественное во всем окружавшем спутников; эта торжественность была способна настроить их на серьезный лад. Девственный лес, под тенью которого они находились, носил тот величественный и мрачный характер, который придает ему буйная растительность, покрывающая плодородную почву на западе, особенно вблизи рек. Дубы, ильмы, буки и орешник гордо подымали к небу свои могучие стволы и раскидывали во все стороны свои ветви, образующие темно-зеленый балдахин. Огромные деревья теснились одно к другому, образуя арки и своды, через которые в течение нескольких столетий с трудом проникали солнечные лучи. Их корни, скрытые под пышно поднимающейся кверху порослью и под тростником, образующим большею частью непроницаемые изгороди, виднелись кое-где только там, где лес прерывался прогалинами, на которых виднелись опрокинутые стволы и побеги гигантских вьющихся растений, спускавшихся, как канаты, с ветвей до земли, тогда как их роскошные вершины сливались в одну темную массу с зеленым сводом, около которого они в вышине обвивались. Эти необозримые, тенистые прогалины мощно влияли на воображение и возбуждали в душе неопределенное чувство одиночества и покинутости; чувство это было бы, несомненно, далеко не так сильно, если бы взор всюду встречал густую стену непроницаемой зеленой листвы.

Дорога, по которой наши путешественники ехали через молчаливую, дикую страну, была обычной тропой, границы которой были отмечены звездами, зарубками на

древесных стволах. В густых зарослях тростника и молодой поросли был прорублен узкий коридор, по которому едва могли проехать два всадника рядом.

Тем не менее наши путешественники быстро и весело подвигались вперед, но чем глубже они проникали в глубь девственного леса, тем чаще их задерживали лужи и топкие места, образовавшиеся вследствие дождей. Это обстоятельство причинило некоторое беспокойство Форрестеру, который стал опасаться, что ему придется пробыть в дороге дольше, чем он рассчитывал. Но так как он все еще мог различить следы своих уехавших утром спутников, он старался подавить в себе все возрастающее беспокойство и с уверенностью рассчитывал, что еще до наступления ночи доберется до переправы, где он надеялся встретить дожидавшихся его товарищей. Самое большое беспокойство причинял капитану проводник, который с самого начала выказал крайнее недовольство приказанием полковника Бруце и ехал насупленный, совершенно не обращая внимания на усилия Роланда привести его в лучшее настроение. Он не выражал ни малейшего желания вступить в разговор и односложно отвечал на вопросы суровым, отталкивающим тоном.

Часа через два путешественники достигли болота, которое оказалось шире и глубже всех болот, встречавшихся им ранее. Роланд, естественно беспокоясь об Эдит, поколебался с минуту, прежде чем пустить лошадь вперед, и эта короткая остановка вызвала у проводника столь грубое восклицание, что Роланд возмутился. Но он все-таки промолчал и только тогда обратился к проводнику, который не выразил ни малейшего намерения помочь девушке миновать не совсем безопасное место, когда сам вместе с Цезарем помог сестре выбраться на хорошую дорогу.

— Друг мой, — спросил он тогда проводника, — вы когда-либо жили в такой стране, где вежливость к гостям и уважение к женщинам составляют необходимые качества всех без исключения мужчин?

Проводник ни слова не ответил на это; он только дико посмотрел на Роланда, прищпорил свою лошадь и поскакал вперед. Но Роланд не отставал, продолжая осыпать его справедливыми упреками, так как проводник повел себя в высшей степени невежливо по отношению к нему, а в особенности по отношению к его сестре. Довольно долго проводник выслушивал эти упреки; на-

конец, он, по-видимому, сознал свою неправоту и проговорил довольно мягко:

— Чужестранец, я ведь не собака, и не краснокожий и не негр, хотя мой нрав и суров. Поэтому я готов попросить у мисс извинения, если мое поведение оскорбило ее, и надеюсь, что вы этим извинением удовлетворитесь. А теперь вот еще что. Вы расспрашивали меня, и я поэтому считаю себя вправе и вас кое о чем спросить. Считаете ли вы справедливым и благоразумным отсылать из крепости человека, способного сражаться, назначив его проводником людей, едущих по такой дороге, по которой и слепой проедет, не заблудившись, — отсылать человека в такое время, когда индейцы убивают наших жен и детей, когда все европейские колонии в ужасе и смятении? Вот мой вопрос, и я прошу вас, как человека и солдата, ответить мне на него прямо и честно.

— Мой добрый друг, — возразил Роланд, приведенный в смущение вопросом проводника, — вы лучше других знаете, нужен нам проводник по этой дороге или нет, и вы поэтому сами должны ответить на предложенный вами вопрос. Если вы не считаете зазорным оставить нас, то идите себе с Богом! Но только подумайте хорошенько, правильно ли вы поступите, покинув беспомощную...

Проводник не дал договорить Роланду.

— Вот ваша дорога, — поспешно проговорил он, — она пряма, как стрела, а вот эта дорога приведет меня к сражающимся индейцам. С Богом!

При этом восклицании он повернул лошадь, взмахнул ружьем над головою, испустил громкий, радостный крик и вмиг скрылся за деревьями, раньше чем Роланд успел остановить его.

Роланд был сильно возмущен, однако несколько успокоился, когда увидел спокойствие сестры, которая, по-видимому, была рада, что проводник оставил их. Кроме того, он хорошо помнил указания полковника Бруце и так твердо надеялся на свою память, что считал почти невозможным сбиться с дороги к броду.

Во всяком случае, ему не оставалось ничего больше, как возможно поспешнее продолжать путь и без излишних размышлений сделать все возможное для того, чтобы достичь цели благополучно. Они проехали около получаса без всякой помехи, как вдруг негр, нагнав Роланда, сообщил ему, что слышит позади себя лошадиный топот.

— Не возвращается ли наш угрюмый проводник, чтобы загладить свою грубость? — предположила Эдит.

— Сейчас увидим! — сказал Роланд, повернув лошадь.

Ему не пришлось, однако, ехать далеко, так как через пару минут к величайшему своему изумлению он увидел, что их догоняла Телия Доэ. Она была в дорожном костюме, а ее сияющая улыбка свидетельствовала, как она рада их снова увидеть.

— Я заменю вам сбежавшего проводника, — закричала она брату и сестре. — Нехорошо вас оставлять одних, и я поэтому собралась в путь, чтобы предложить вам свои услуги.

— А ты, Телия, знала, что проводник наш не вытерпит до конца? — спросил Роланд серьезно. — Он, вероятно, тебе повстречался?

Телия покраснела и не могла скрыть свое смущение.

— Я не хочу лгать вам, — призналась она. — Я приехала сюда намеренно. Я видела, как неохотно ваш проводник отправился с вами, и боялась, что случится то, что на самом деле и случилось. Кроме того, совсем не так легко отыскать дорогу, как вы полагаете. Она очень извилиста, и следы так смыты дождем, что только хорошо зная тропинку, можно не сбиться с пути.

— Но как же ты рассчитываешь вернуться к своим друзьям после того, как проводишь нас до места? — спросила Эдит, в которой пробудилось опасение, что Телия приведет в исполнение свой прежний план и захочет сопровождать ее, помимо ее воли, в качестве служанки.

Но ответ Телии рассеял это опасение.

— Я провожу вас только до крепости Джэксон, — сказала она. — Там у меня найдется довольно друзей, а может быть, за мной придут туда и свои, так как они часто навещают соседние форты.

— Так веди нас с Богом, — согласился Роланд. — Если ты так твердо уверена в том, что благополучно вернешься домой, мы охотно возьмем тебя как спутницу и проводника. Но поспешим: время дорого, и нам не стоит терять ни минуты.

При этих словах Телия заняла место во главе маленького отряда, намереваясь выполнить без колебания взятую на себя обязанность. Все последовали за ней рысью и ехали около получаса с такой быстротой, что

рассчитывали вскоре добраться до берега реки. Внезапно, через открывшийся в чаще леса просвет, они увидели справа буквое дерево, наполовину расщепленное молнией. От бука, как сказал Бруце капитану, дорога сворачивала к верхнему броду. Телия же поехала в противоположном направлении, что заставило капитана придержать свою лошадь.

— Ты ошибаешься! — воскликнул он.

— Нет, нет, это и есть настоящая дорога, — возразила Телия, но при этом зарделась, как огонь.

— Не может быть, — стоял на своем Роланд. — Вот расщепленный бук, о котором говорил полковник. — Сдается мне, ты нам указываешь неверный путь, девочка. Та дорога, по которой ты едешь, приведет нас к нижнему броду, поэтому мы не должны ехать по ней. Я очень хорошо помню указания полковника.

— Совершенно верно, мистер Форрестер, мы должны оставить бук по правую руку и затем идти к реке.

— Наоборот, бук должен остаться у нас по левую руку. Говори правду, девочка.

— Конечно, конечно, я проведу вас правильно, — пробормотала Телия.

Капитан пристально посмотрел на нее, подумал с минутку и потом решительно избрал направление, которое считал безусловно правильным. Эдит и негр следовали за ним, Телия же остановилась в нерешительности.

— Что же ты медлишь, Телия? — закричала ей Эдит. — Поезжай, поезжай! Ты наверняка ошибаешься!

— Я не ошибаюсь! — возразила девушка торжественным тоном. — Твой брат, наверное, раскается в том, что не поверил мне.

— Почему ты так думаешь? — удивилась Эдит.

— Я... я... не могу этого сказать, — ответила Телия в замешательстве, — но та дорога иногда бывает опасна.

— Иногда любые дороги становятся опасны, — сказала Эдит несколько нетерпеливо убедившись, что Телия не могла или не хотела доказать свою правоту.

— Поедем же; брат дожидается, и мы не должны терять время в напрасных спорах.

С этими словами она поехала дальше, и Телия после недолгого колебания сочла более благоразумным последовать за ней. И все-таки она решилась на это очень робко, и все существо ее выражало собою при этом такой

страх и отчаяние, что это не скрылось ни от кого, менее всего от Эдит, которая часто оглядывалась на печальную и явно испуганную девушку.

Таким образом молча подвигались они вперед, как вдруг Эдит положила руку на руку Роланда и воскликнула тревожно:

— Брат, ради Бога послушай, что происходит? Разве ты не слышишь!

Роланд тотчас остановил лошадь и прислушался.

— Да, негр слышит также! — воскликнул в испуге старый Цезарь. — Наверное, индейцы!

Справа из глубины леса доносился какой-то шум, слышался как будто человеческий крик откуда-то издали. Крик повторился и протяжно звучал в молчаливом лесу; это был крик смертельного ужаса и отчаяния, который заставлял трепетать сердце тайным страхом.

— Это Дшиббенёнозе! — проговорила Телия дрожащим голосом. — Он всего чаще появляется в здешних лесах... Люди рассказывают, что он оповещает о своей добыче. Прошу вас, вернемся. Еще есть время.

— Нет, нет, то индейцы! — сказал негр, дрожавший всем телом от смертельного ужаса. — Но не бояться, мисс Эдит! Старый Цезарь готов сражаться и умереть за вас!

— Тише! — приказал Роланд, как только протяжный крик вновь прозвучал в лесной глуши.

— Это крик отчаяния человека, попавшего в беду! — уверенно заявила Эдит. — Это не может быть ничем иным.

— Ты права, сестра, — согласился Роланд. — Останьтесь на дороге. Или нет, следуйте за мною в некотором отдалении, я посмотрю, что там такое. Если со мной случится что-нибудь недоброе, — то в крайнем случае, Телия проводит вас назад в крепость.

При этих словах отважный молодой человек прищиприл свою лошадь и направил ее в чащу, прямо по тому направлению, откуда исходил необычный звук. Через несколько минут он очутился вблизи того места, откуда снова донесся крик, и очутился в густой буковой роще, сплетавшиеся ветви и листва которой образовали такой густой шатер, что едва можно было различить беловатые, колоссальные стволы.

Чем ближе подъезжал Роланд, тем явственнее слышался крик попеременно со стонами, воем, краткими

мольбами, проклятиями и наполовину выговоренными словами, заключавшими в себе то мольбу, то угрозы и приказания, обращенные, казалось, к другому лицу.

Роланд несколько мгновений прислушивался с напряженным вниманием. То ему казалось, что он вот-вот столкнется с толпой дикарей, которые пытаются несчастного пленника, то представлялось, будто он слышит стоны охотника, которого рвет на части медведь или пума. Чтобы положить конец мучительной неизвестности, капитан ринулся через чащу с поднятой винтовкой и с пистолетами наготове. Глазам его представилось совершенно неожиданное зрелище. Он увидел человека в разорванной полотняной куртке, сидевшего верхом на лошади под большим буковым деревом. Ужасный крик, который так напугал путешественника, казалось, не мог исходить от человека. При более пристальном взгляде Роланд убедился, однако, тотчас же, что несчастный имел достаточно оснований, чтобы испускать отчаянные крики. Трагичнее его положения трудно было бы себе вообразить. Его руки были связаны за спиной, а вокруг шеи был обмотан недоуздок, концы которого были привязаны к толстой ветви как раз над его головой. Этот недоуздок был, по-видимому, снят с его лошади, которая стояла непривязанная под своим седоком, и малейшее движение ее должно было стать пагубным для несчастного, который не имел возможности сдерживать лошадь ничем иным, кроме своих ног и голоса. Вероятно, он давно уже находился в этом ужасном положении, потому что одежда его насквозь промокла. Его налитое кровью лицо, полные отчаяния глаза выражали смертельный ужас.

Как только страдалец увидел капитана, тотчас же отчаянный крик его превратился в громкое, восторженное восклицание:

— Благодарение Богу! — воскликнул он. — Помощь подоспела! Ради Христа, освободите меня, освободите!

Роланд тотчас же по голосу несчастного догадался, что видит перед собою Стакпола, похитившего у него Бриареуса. Он понял также, что это судьи схватили мошенника и наказали его за преступление. Преследователи связали ему руки, сделали петлю из недоуздка украденной лошади и оставили преступника между небом и землей, пока лошади не надоест держать на себе свою ношу. Это было обыкновенным наказанием, назна-

чавшимся по суду Линча неисправимым конокрадам: украденная лошадь делалась до некоторой степени палачом вора, который увел ее с привычного пастбища или из конюшни ее владельца. Намерение Роланда круто изменилось: сострадание уступило место презрению и безжалостности. Даже негр, который тем временем нагнал хозяина, тоже узнал конокрада:

— Капитан! Он украл гнедого Бриареуса. Его повесить! Не ударить ли мне его лошадь? Очень мне хочется... Да?

Говоря так, Цезарь уже вознамерился прогнать лошадь из-под ног Ральфа. Этому помешал знак его господина, который собрался вернуться к дрожавшим от страха девушкам.

— Разрази вас гром, капитан! Ведь не оставите же вы меня в этом положении? — воскликнул Ральф в полном отчаянии. — Ведь это совершенно противоречит духу христианства. Помогать следует тому, кто нуждается в помощи.

— Вам-то, по крайней мере, не следует помогать, — возразил Роланд холодно. — Вас осудили справедливо, и у меня нет ни малейшей охоты изменять решение судей. Кроме того, вы хотели причинить мне такой вред, что на мое сострадание не имеете права рассчитывать.

— Разрази меня гром, я не нуждаюсь в сострадании! — воскликнул Ральф в ярости. — Мне нужна только помощь. Сначала развяжите меня, а потом браните, сколько вам угодно. Я украл вашу лошадь! Согласен! Но кому это повредило? Вам-то нисколько, потому что ваше животное опять при вас! Но меня сбросила лошадь и привела на край гибели! Развяжите же меня и скорее, иначе пусть кровь моя падет на вас!

— Ради Бога, помоги ему, Роланд, — просила Эдит, в это время подъехавшая к ним. — Ведь не дашь же ты человеку погибнуть такой ужасной смертью.

Роланд, который уже достаточно пострадал вследствие пропажи лошади, не выказал никакой склонности так скоро исполнить просьбу своей сестры.

Но она не переставала умолять его, пока он, наконец, не выхватил саблю и не перерубил одним ударом недоуздок, стягивавший шею Стакпола.

— А теперь еще ремень на руках! — простонал Стакпол. — Разрубите его, разрубите!

Удар сабли освободил связанные сзади руки, и тишину огласил такой взрыв радости, подобный которому едва ли когда слышали эти старые леса. Ральф соскочил на землю и начал выражать свой восторг совершенно новым, бессмысленным образом. Прежде всего он обхватил руками шею своей лошади и с жаром стал целовать ее в морду, как бы благодаря ее за долгое терпение, сохранившее ему жизнь, после этого он стал тереть себе шею и испустил громкий, далеко раздавшийся крик, как будто хотел испробовать, не пострадала ли его глотка. Тогда он спросил капитана, сколько времени прошло с тех пор, как его казнили: было ли это вчера, третьего дня или год тому назад? Послал множество проклятий своим судьям, выкрикивал свое «кукареку» и, наконец, подбежал к Эдит и бросился перед ней на колени.

— Прелестная леди! — закричал он, целуя с жаром край ее платья. — Небесный ангел, лучезарная дева! Перед вами лежит Ральф Стакпол, аллигатор с Соленой реки, который перед всем светом обещает, что пойдет за вас на край света, готов ради вас сражаться, умереть, просить милостыню, работать и красть лошадей. Разрази меня гром, если я не буду готов ежечасно быть изжарен и съеден вами. Я человек, который не забудет оказанное ему благодеяние, особенно если оно спасло его от повешения, а поэтому я с этой минуты сделаюсь вашим рабом и последую за вами через все Кентукки и до самого края земли!

— Замолчите, жалкий вы паяц! — прервал Роланд его речь. — Вот ваша дорога! Отправляйтесь.

— Чужестранец, — возразил Ральф на эти недружелюбные слова. — Вы разрубили недоуздок и освободили мои руки, положим, после долгих просьб моих и очаровательной ангелоподобной леди. Поэтому вы можете бранить меня, сколько вам угодно, и я не рассержусь на вас за это, если бы меня даже разразил гром. Я, напротив, всецело посвящаю себя этому небесному ангелу и ни за что не покину его в ту минуту, когда ему со всех сторон грозят опасности.

— Опасности? — спросил Роланд, немного озадаченный. — Что вы хотите этим сказать, Ральф?

— Мистер Форрестер, — сказал Ральф серьезно, и эта серьезность произвела должное впечатление на его слушателей, — я видел собственными глазами Дшиббенёнозе. Когда я еще висел там на недоуздке и кричал, и рычал, и проклинал, то я увидел — разрази меня

гром, если это неправда, — я увидел мощную фигуру, шагавшую по лесу гигантскими шагами привидения, а перед нею, вот там, около того опрокинутого дуба, шел медведь, страшнее которого я никогда не встречал.

— Ну, и какое же это имеет отношение к опасностям? — спросил Роланд насмешливо.

— А такое, — воскликнул Стакпол, — что дикие животные скрываются в кустах, где только появится Дшиббенёнозе. А поэтому я советую вам убраться со мною из лесу как можно скорее и полным галопом, не останавливаясь ни на минуту. И если я тогда не спасу даму от опасности, — разрази меня гром! — вы можете целыми днями играть мною как мячом.

— Мне не по пути с вами, — возразил Роланд, бросая на него презрительный взгляд. — Идите своей дорогой и поезжайте, куда хотите: мы не нуждаемся в таких молодцах, как вы.

— Ну, ну, не горячитесь так! — воскликнул Стакпол. — О вас я не беспокоюсь ни на йоту! Но вы, молодая леди, должны решить, что со мною делать. Я последую вашему приказанию, и если вы только поманите меня, то поеду за вами на край света и даже гораздо далее.

— Нет, нет, не беспокойтесь о нас, — возразила Эдит, которая тоже не имела особой охоты путешествовать совместно с отпетым бродягой. — Мы не нуждаемся в вашей помощи.

— Ну, так еще раз большое спасибо и до свидания! — воскликнул Ральф, садясь на лошадь. Через минуту он скрылся за густыми кустами, и все вокруг стало так тихо и спокойно, как будто ни один звук перед тем не тревожил молчаливых дебрей...

Глава V

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Телия смотрела вслед уезжавшему конокраду и видела, что он поехал по дороге, ведущей к нижнему броду. Она обратила на это внимание Роланда и еще раз стала настаивать, чтобы он взял то же направление, чтобы избежать встречи с затаившимися в лесу индейцами. Но Роланд и теперь не хотел об этом слышать.

— Почему же мы должны верить, что индейцы торчат в лесу? — спросил он. — Только потому, что этот полупомешанный малый видел в лесу привидение? Нет, нет, дорогая моя Телия, ты должна была бы заpastись лучшими доводами, если хотела заставить меня переменить направление. Я не верю в вашего Дшиббенёнозе!

Не выжидая ответа от девушки и решив не задерживаться более, капитан поехал опять по прежней дороге. Но намерению его помешали новые, неожиданные препятствия.

Едва они опять выехали на только что покинутую дорогу, как Роланд по свежим следам от копыт заметил, что какой-то всадник, ехавший от реки, к которой они теперь подвигались, проехал в то время, как он в чаще леса освобождал конокрада. Это обстоятельство, с одной стороны, порадовало капитана, поскольку доказывало, что на пути не было дикарей, а с другой — огорчило, потому что он упустил хороший случай разузнать о своих путниках, проехавших вперед, которых всадник мог видеть и с которыми он, вероятно, говорил. Его досада возросла особенно тогда, когда Роланд по солнцу заметил, что потерял много времени, освобождая Ральфа, потому что теперь день быстро клонился к вечеру. Он поэтому еще больше, чем прежде, стал торопить своих спутников.

Вдруг позади них, на довольно большом расстоянии послышался залп, как будто враз выстрелили из пяти или шести винтовок. Вслед за этим раздался громкий крик, и вскоре донесся лошадиный топот, и одинокий всадник подскакал поспешно к Роланду, который озабоченно вглядывался в тропу. Незнакомец был без шляпы, волосы его развевались по ветру, и вся его наружность выражала испуг и смущение. Тем не менее он был хорошо вооружен: при нем была длинноствольная винтовка, охотничий нож и топор. Он оглядывался назад, как будто его преследовали враги, и находился в таком смятении, что заметил на своем пути всадников только тогда, когда приблизился к ним вплотную и Роланд окликнул его. Тогда незнакомец так сильно натянул поводья, что лошадь высоко поднялась на дыбы, а седок испугался еще больше, чем прежде.

— Адские существа! — воскликнул он в отчаянии, схватив свою винтовку и бросаясь с высоко поднятым оружием на Роланда. — Если вы причините мне хоть

малейший вред, то вы узнаете, чем пахнет моя винтовка! Подходи, ядовитый червяк!

— Вы что, спятили, милейший, что принимаете нас за индейцев? — крикнул ему Роланд.

— Великий Бог, да вы христиане! — воскликнул незнакомец, и его ярость перешла в радостное ликование. — Положительно христиане, и один из вас негр. Вы капитан Роланд Форрестер? Я уже слышал о вас. О, святая Пасха, я думал, что в лесу только индейцы, и потому так ошибся! Но, капитан, ради Бога, зачем вы здесь остановились? Пришпорьте лошадь и скачите как можно скорее, как только могут бежать ваши лошади. Эти негодяи преследуют меня. Их шестеро... Нет, пятеро, потому что я застрелил одного. Они преследовали меня и, обогнав, преградили мне дорогу; тогда ничто не могло помочь, я должен был отправить одну из этих тварей на тот свет. Он свалился, а я ускакал.

— Послушайте! — воскликнул капитан. — Серьезно вы это говорите? Действительно индейцы позади нас?

— Это так же верно, как то, что я еще жив! Их пятеро! — повторил незнакомец. — Когда я застрелил одного, остальные подняли дикий вой, затем раздался их залп, так что я благодарю Бога, что унес в целости свою шкуру! Они преследовали меня, и если мы промедлим еще четверть минуты, то воюющие черти окажутся здесь! Но где мы укроемся в этом лесу? Позади нас — пятеро индейцев, а впереди — брод, где индейцев как муравьев в муравейнике!

— Как, около брода? — воскликнул в испуге Роланд. — Не встретили ли вы там отряд переселенцев?

— Я совсем не там видел их! Они месили грязь на половине пути от Джексона. Они мне солгали, что в лесу нет индейцев, а теперь, святая Пасха, их тут полным-полно!

— Да правду ли вы на самом-то деле говорите? — спросил Роланд, который все еще, казалось, сомневался в справедливости слов незнакомого человека.

— Конечно, он говорит правду, — вмешалась Телия Доэ, решительный тон которой во всякое другое время возбудил бы удивление. — Мы не должны мешкать, потому что краснокожие с каждой минутой приближаются к нам. Вперед! Вперед! Лес перед нами свободен и, без сомнения, нижний брод еще свободен.

— Если ты можешь проводить нас туда, то не все еще потеряно, — согласился поспешно Роланд. — Будь

нашим проводником, и торопись, потому что я вижу, что мы скоро окажемся окружены со всех сторон.

Эти слова, сказанные быстро и озабоченно, показали Эдит, что ее брат начал смотреть на истинное положение вещей, как на нечто серьезное. И в самом деле, Роланд опасался не столько за себя, сколько за своих слабых спутниц, которые были не в состоянии противостоять нападению индейцев.

— Я проведу вас, — сказала Телия, — и надеюсь, что вы никогда не расскажете в том, что последовали за мною. Дикарям, наверное, не придет в голову подкарауливать нас около нижнего брода.

Маленький отряд тотчас же углубился в лес; вместе со всеми другими поехал и незнакомец, представившийся как Парден Фертиг. Вскоре Телия уклонилась на довольно большое расстояние от дороги, по которой они до сих пор ехали.

Пока они быстро скакали вперед, Парден Фертиг рассказывал капитану, на сей раз обстоятельно и подробно, о встрече с индейцами. Вслед за этим стал он рассказывать о других своих приключениях: как он вел торговлю в верховьях Огайо, как дикие еще раньше чуть не отняли у него все его имущество, и сетовал на свою злую судьбу, которая не раз сводила его с этой кровожадной породой людей. Роланд слушал его не безучастно, хотя изо всего того, что он слышал, он вынес впечатление, что Парден Фертиг чересчур боялся дикарей и что, в случае встречи с ними, мало можно рассчитывать на его помощь. Между тем внимание его было вскоре отвлечено совсем в другую сторону, так как Телия, которая до сих пор с большой уверенностью вела путешественников, вдруг начала колебаться и проявлять явные признаки замешательства.

И на самом деле, были достаточно серьезные причины для колебания.

Широкие и открытые поляны, через которые путешественники ехали, сузились, и все чаще прерывались кустарником; лес становился все гуще и мрачнее; местами стали попадаться обрывы и топкие болота, через которые трудно было найти себе дорогу.

— Телия, — спросил Роланд встревоженно, — неужели ты потеряла дорогу?

— Я совершенно смущена и напугана, — ответила Телия удрученно. — Мы давно уже должны были бы

выехать на настоящую дорогу, которая мне в точности известна, но болота и овраги сбили меня с толку, так что я не представляю, где мы теперь находимся.

Этот ответ наполнил тревогой сердце Роланда, который слишком положился на знакомство Телии с местностью. Теперь ему приходилось снова самому вести отряд, что было особенно трудно в виду того, что солнце почти уже зашло, и день быстро склонялся к вечеру. Капитан поехал наудачу, полагаясь на счастье, и надеялся, что инстинкт его лошади доведет его до брода, который, как ему казалось, находился недалеко от них. Телия, которая в это время тоже оправилась от растерянности, ехала чуть впереди и зорко следила глазами, не выведет ли их какой-либо старый след на прежнюю дорогу.

В то время, как она, оглядываясь кругом, медленно подвигалась вперед, ее старый клеппер вдруг начал фыркать, становился на дыбы и выказывал другие признаки нетерпения. Обеспокоенный взгляд испуганной девушки перебегал с куста на куст, как будто она ежеминутно опасалась увидеть врага.

— Что случилось? — спросил Роланд, поспешив к ней. — Мы точно в заколдованном лесу, где наши кони пугаются, как и мы сами.

— Я боюсь, что вблизи индейцы, — сказала Телия дрожащим голосом.

— Пустяки! — воскликнул Роланд, поспешно оглядываясь и ничего не видя кругом, кроме открытого леса, который, казалось, не представлял защиты для подкарауливающего врага. Но в эту минуту Эдит схватила его за руку, и на ее лице появилось выражение отчаяния, причем она так испугалась, что ее дрожащие губы не в состоянии были произнести ни звука. Она пальцем указала на какой-то темный предмет, и Роланд содрогнулся, увидев индейца, который лежал растянувшись под деревом, наполовину прикрытый зеленой веткой, которая, вероятно, была наложена посторонней рукой, потому что когда Роланд пристальнее посмотрел на него, то он, к удивлению своему, увидел, что краснокожий мертв.

— Палач до нас побывал здесь, — воскликнул он. — Человек этот уже скальпирован!

Он подъехал ближе к дереву. Остальные следовали за ним. С содроганием увидели они труп рослого индейца, уткнувшегося лицом в древесные корни. Кровь еще стру-

илась с его раздробленного и оскальпированного черепа. На земле валялись разбросанные обломки ружья, сломанная пороховница, расщепленный нож, рукоятка томагавка и некоторые другие испорченные принадлежности, которые, без сомнения, были разломаны неизвестным победителем. Убитый воин, по-видимому, пал после жестокой схватки. Земля, на которой он лежал, была взрыта и притоптана, а руки его, судорожно захватывавшие землю, были обагрены или собственной его кровью или кровью его противника.

В то время как Роланд с отвращением созерцал жуткое зрелище и раздумывал о том, каким образом погиб несчастный, он заметил с отчаянием, что дрожь пробежала по телу, бывшему, по-видимому, безжизненным. Судорожно сжатые руки раскрылись, раздался глухой стон, и индеец, опираясь на руки, поднялся во весь рост и показал изуродованное, обагренное кровью, лицо. Это было последним его движением. Он упал навзничь, вытянулся и испустил со стоном последний вздох. Теперь зрители увидели то, чего они раньше не могли видеть: два кровавых разреза на груди мертвеца. Они имели форму креста. Роланд невольно содрогнулся с суеверным ужасом, а Телия в отчаянии воскликнула:

— Знак Дшиббенёнозе. Лесной дух снова бродит по лесу!

Глава VI

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

Капитан Форрестер, в сущности, был всего менее склонен к суеверию и сумел поэтому побороть свой первый испуг при виде знаков Дшиббенёнозе. Он соскочил с лошади и внимательно осмотрел мертвеца, причем ему было совершенно непонятно, как мог быть убит человек так близко от него, и до слуха его не донесся шум борьбы. На правом плече убитого он нашел рану от пули, которая, по индейскому обычаю, была заткнута листьями и травами; но вид этой раны доказывал, что дикарь получил ее в одном из прежних сражений. Смерть его произошла, несомненно, от удара топором по затылку, и это объяснило Роланду, почему он и его спутники не слышали, что так

близко от них был убит человек, и почему не слышно было выстрелов. Но тем непонятнее для него было то обстоятельство, как мог враг подойти к убитому так близко, чтобы ружье не понадобилось ему для того, чтобы расправиться с краснокожим. Он так много слышал о хитрости и осторожности диких, что считал бы совершенно невозможным такое событие, если бы у него перед глазами не было доказательства истинности происшедшего.

От разгадывания этой, по-видимому, неразрешимой загадки, капитана отвлек тревожный возглас Телии. Роланд с удивлением увидел в отдалении фигуру, которая при наступающих сумерках казалась такой высокой, что ее можно было счесть за сверхъестественное существо. Фигура двигалась большими шагами по лесу с опущенной головою и смотрела на маленький черный предмет, который шел перед нею и служил ей, по-видимому, проводником.

Сначала казалось, будто чудесное существо движется как раз по направлению к путешественникам, но неожиданно повернуло влево и быстрыми шагами начало удаляться от них, следуя за низкорослым существом, которое путники очень склонны были принять за медведя, сопровождавшего, согласно слухам, Дшиббенёнозе. Роланд, однако, не намерен был позволить видению исчезнуть бесследно. Он вскочил на лошадь и поскакал вперед, крича громким голосом:

— Слушай! Человек или дьявол, Дшиббенёнозе или леший, остановись и дай ответ!

Спутники нерешительно последовали за Роландом, а мнимое привидение, услышав зов капитана, вдруг остановилось и подняло голову, затем оно двинулось навстречу путешественникам, и, к удивлению своему, они узнали в страшном лесном духе — безобидного и миролюбивого странствующего Натана, гигантская фигура которого по мере приближения его становилась все меньше и меньше; спутник его превратился из медведя в маленькую черную собачку, с которой Ральф Стакпол так грубо обошелся в форте.

Удивление было так внезапно, превращение привидения в кроткого квакера было столь комично, что Роланд не удержался от смеха. Но странствующий Натан не разделял его веселья. Он с изумлением посмотрел на Эдит и на Телию, как будто удивляясь, какое безумие

привело девушек в такой час в дикие дебри, а потом обратился к Роланду тоном явного неодобрения:

— Друг, ты так громко смеешься, точно находишься дома, в своей гостиной с этими дамами. Разве ты не знаешь, что ты в великом Кентуккийском лесу, где кругом скрываются кровожадные индейцы?

— Этого я не боюсь, — сказал Роланд серьезнее, — и смеялся я только потому, что мы на одну минуту сочли вас, миролюбивого человека, за кровавого лесного духа, и вы должны же сознаться, что это недоразумение комично. Очень может быть, что в лесу есть индейцы: наш спутник, Парден Фертиг, видел шестерых, а я сам видел там, под деревом, убитого. Но надеюсь, что мы легко избежим их.

— Друг, это вовсе не так легко, как тебе кажется, — возразил Натан, покачивая головой. — Наверное, тебе придется иметь с ними дело.

— Теперь-то, надеюсь, не придется, потому что вы, без сомнения, выведете нас из лесу. Скажите мне только, где мы и куда нам следует идти.

— На это трудно ответить, — возразил Натан. — Если ты поедешь прямо, то менее, чем через двенадцать миль достигнешь верхнего брода и очутишься среди толпы краснокожих.

— Великий Боже! — воскликнул Роланд. — Выходит, мы только для того торопились, чтобы приблизиться к этим душегубам?! Слава Богу, что Он привел вас к нам. Заклинаю вас, проводите нас к нижнему броду или назад, к форту, или куда бы то ни было, где бедные девушки могли бы оказаться в безопасности. Я вижу, что не могу больше вести их.

— По правде говоря, — начал Натан, в высшей степени смущенный, — я очень хотел бы сделать для тебя все, что могу, но...

— Но? — переспросил Роланд грубо. — Ведь не хотите же вы, чтобы мы погибли?!. Вы здесь единственный, кто может и посоветовать, и помочь!

— Друг, — возразил Натан кротко и покорно, — ты знаешь, я человек мирный! Ведь легко может статься, что индейцы встретятся нам, и тогда они не пощадят меня так же, как и вас, потому что они убивают всех — как тех, кто может сражаться и носить оружие, так и тех, кто не может. Поверьте мне, я дрожу за самого

себя, хотя одному человеку всегда легче уберечься, чем целой компании.

— Нет! — воскликнул Роланд, дрожа от негодования. — Если вы действительно такой трусливый негодяй, что хотите предоставить бедных, беспомощных женщин их судьбе, то клянусь вам, что первый ваш шаг будет и последним шагом. Я прострелю вам череп, едва только вы попытаетесь нас покинуть.

— До сих пор, — ответил Натан кротко и спокойно на эту угрозу, — я не считал тебя таким безбожником. Но знай, что я вовсе не имел намерения вас покинуть. Мое намерение — отказать тебе в моем содействии, если дело дойдет до рукопашного боя, потому что ты знаешь — мы, квакеры, должны быть миролюбивы и не должны сражаться. Но если появятся краснокожие и ты мне велишь: «Натан, вскинь свое ружье и стреляй!» и если я отвечу: «Нет», то ты будешь угрожать мне, как сейчас, и захочешь пустить мне пулю в лоб, хотя я человек мира. Если ты поэтому...

— Не беспокойся об этом, друг Натан, — прервал Роланд квакера. — Мы постараемся избегать любой борьбы.

— Это не от тебя будет зависеть, друг, — возразил Натан, — потому что индейцы окружают тебя.

— Хорошо! Так если сражение неизбежно, — сказал Роланд, возмущенный трусостью квакера, — то я требую от вас только того, чтобы вы бежали с женщинами, тогда как мы, трое мужчин, — я, Парден Фертиг и Цезарь, — прикроем ваше отступление. Если мы не одержим победы, то сможем, по крайней мере, честно сражаться и умереть.

Эти мужественные слова нашли отклик в душах остальных мужчин.

— Да, капитан, — кричал старый Цезарь, — негр с радостью умрет за мисс и за тебя!

Парден Фертиг рассыпался в подобных же уверениях, и Натан выслушал их с заметно просветлевшим лицом.

— Хотя я и человек мира, — сказал он, — но не могу порицать других людей, если совесть позволяет им поступать, как людям озлобленным и жаждущим боя. Попробуем же пробраться, хотя я уже недоумеваю, что мне делать; потому что перед нами, позади нас, около нас кишат индейцы. Это обстоятельство очень смущает меня!

Натан погрузился в глубокое раздумье, покачал головой, побарабанил пальцами по прикладу своего ружья и не обращал внимания на слова Роланда, который умолял его проводить их, как можно скорее, к нижнему броду, куда еще, по всей видимости, не успели пробраться индейцы. Натан же не обращал на его слова внимания, но обратился наконец к своей маленькой собачке, с которой заговорил таким образом, как будто она была разумным существом:

— Пит, мой маленький Пит, я не знаю, что придумать! Что ты думаешь об этом?

— Друг Натан! — воскликнул нетерпеливо Роланд, — нам надо решить серьезный вопрос, а вы спрашиваете совета у собаки!..

— И все-таки, — гнул свое Натан, — здесь нет никого, кто мог бы дать нам лучший совет, чем маленький Пит! Если же кто может разумно посоветовать что-либо, пусть выскажется! Ты не знаешь маленького Пита, друг, иначе не относился бы к нему с таким пренебрежением. Он много лет следует за мной по лесам, часто выручал он меня из большой беды, от которой никто не сумел бы меня избавить... даже я сам. Посмотри-ка, что делает собачка! Она бежит по следам и машет хвостом, и я придерживаюсь одного мнения с нею.

— А чьи же это следы? — спросил Роланд, следуя за Натаном по тропинке, облюбованной Питом. Маленькая собачка обнюхивала землю, иногда поднимала голову и махала хвостом, как будто хотела привлечь внимание своего хозяина.

— Чьи следы, спрашиваешь ты? — Натан взглянул на Роланда сначала с изумлением, а потом с сострадательным пренебрежением. — Во истину, друг, ты искушаешь провидение тем, что осмелился проникнуть в лес с бедными, беспомощными женщинами. Неужели ты не узнаешь следов твоих собственных лошадей? А вот здесь, неужели ты просмотрел человеческие следы?

— Действительно, здесь следы пешеходов, — сказал Роланд. — Но я не понимаю, как они сюда попали!

— Друг, я вижу, что ты в лесу совсем не на своем месте, — сказал Натан. — Посмотри, это следы пятерых индейцев, которые все время, более часа крались за тобой.

— Ужасно! — воскликнул Роланд, содрогаясь при мысли об опасности, так близко угрожавшей им.

— Конечно, ужасно, друг! — повторил Натан. — Но ты будешь немного более ценить маленького Пита, если я тебе скажу, что он открыл мне этот секрет, в то время как я спокойно охотился за дичью в лесу. Он показал мне следы пятерых путников, которые кружили по лесу, как ястреб, все время в круг, в круг, в круг, и он показал мне также, что пятеро шавниев все время выслеживают их. Тогда я подумал: «Несчастье может случиться с этими пятью существами», и собрался и пошел за Питом, чтобы отыскать их. И по существу, друг, ты всецело обязан одному Питу тем, что я нашел тебя среди огромного леса.

— Если так, то я никогда не скажу ничего дурного ни об одной собаке. Но поспешим. Я думал, что дорога ведет нас к броду. Теперь я вижу, как жестоко ошибся. Мы должны отправиться в противоположную сторону.

— Конечно, нет, друг! — сказал Натан хладнокровно. — Пит хочет, чтобы мы опять отправились по той же дороге, и я совершенно с ним согласен. Мы должны следовать за этими пятерыми индейцами, если дорожим своими жизнями.

— В уме ли вы, послушайте?! — воскликнул Роланд. — Ведь это значило бы добровольно отдаться в руки этих убийц! Нет, нет, пойдём туда, где лес открыт перед нами!

— А как думаешь ты, друг, долго ли он будет открыт? — спросил Натан. — Я говорю тебе, что ты окружен индейцами. На юге они у брода, на западе бушуют глубокие волны потока, а впереди выслеживают нас шавнии. Друг, мы должны направиться к северу, следом за пятерыми, жаждущими убийства тварями. Тогда мы будем знать, какая опасность угрожает нам, и сумеем ее избежать, если же мы пойдём в другую сторону, то наверняка угодим в засаду!

— А как мы избежим этих пятерых негодяев? — спросил Роланд.

— Просто тем, что они будут находиться впереди нас, — заметил Натан. — Мы будем следовать за ними, пока они не повернут назад. В этом случае мы дадим им пройти мимо нас и снова очутимся у них в тылу.

— Делайте, как хотите, вам лучше знать, — согласился Роланд. — В любом случае нам придется иметь дело всего с пятерыми противниками, и если вы спасете

девушек, то мы уж как-нибудь справимся с этими него-
дьями!

— Не беспокойся, друг! — сказал Натан. — Мы не на-
толкнемся на индейцев. В этом мы можем всецело поло-
житься на Пита. Ты скоро увидишь, что за превосходный
друг маленький Пит. Для такого миролюбивого человека,
как я, в высшей степени необходимо иметь проводника,
который предупреждал бы его о приближении опасности.

Сказав это, Натан выстроил путешественников в ко-
лонну и предложил им следовать за ним в полном мол-
чании. Сам он решил идти шагах в двухстах впереди,
поскольку остальные ехали верхами.

— Как только ты заметишь, брат, что я взмахнул
рукой над головою, — сказал он Роланду, давая свои
последние наставления, — тотчас же останови своих лю-
дей. Если же ты увидишь, что я бросился на землю, то
все сверните в первое попавшееся укрытое место и зата-
йтесь, потому что тогда ты с уверенностью можешь счи-
тать, что близится опасность. Но не тревожься чересчур:
верь, что с помощью маленького Пита мы сумеем пре-
одолеть все трудности.

После этого утешительного напутствия Натан опере-
дил на двести шагов остальных путешественников, пус-
тил собаку шагов на сорок впереди себя, причем та
остановилась, как бы ожидая приказаний своего хозяина,
который сделал ей знак рукой. Вслед за ними весь отряд
тронулся в путь.

Если бы Роланд шел впереди и мог наблюдать за
собакой квакера, то он удивился бы способностям живот-
ного. Бесшумно подвигалась собака вперед, посматрива-
ла то вправо, то влево, время от времени, подняв нос,
нюхала воздух и вела себя при этом так, как будто
сознавала опасность и знала, что счастье или несчастье
шести человек зависит от ее находчивости. Расстояние
не позволяло Роланду видеть все это, и он должен был
довольствоваться тем, что следил глазами за высокой
фигурой Натана, который уверенно шел сквозь лесные
дебри с холма на холм легкими и свободными шагами,
совсем не такими, как его обыкновенная неуверенная
походка. Он взбирался на пригорок, когда маленький
Пит в первый раз показал свой ум, на который странст-
вующий Натан возлагал такую большую надежду. Не
успела собака взойти на вершину холма, как вдруг оста-

новилаь, припала к земле и слегка завиляла хвостом. Она лежала неподвижно, как камень, словно мертвая. Натан остановился сам и подал остальным знак остановиться. Затем он стал с величайшей осторожностью прокрадываться вперед. Едва он поднялся на гребень холма, как тут же бросился на землю, и Роланд понял, что им угрожает близкая опасность. Он быстро осмотрелся в поисках подходящего места, где бы можно было спрятаться, и повел своих спутников, чтобы скрыть их в густом кустарнике. Там он приказал им стоять смирно. Из-за кустов он мог наблюдать за проводником, который все еще лежал на земле и только изредка, как змея, проползал на животе вверх по склону, пока лежащий по ту сторону холма лес не открылся его взорам.

В таком положении Натан пробыл несколько минут. Роланд наблюдал за ним с напряженным вниманием до тех пор, пока мог сдерживать свое нетерпение. Наконец, он передал лошадь негру, решив также взобраться на холм и собственными глазами убедиться, насколько велика опасность. При этом он принимал такие же меры предосторожности, как и Натан: бросился на землю, как только достиг гребня холма. Таким образом, подполз он к Натану и сразу понял причину нерешительности квакера.

По ту сторону холма лес был редок и лишен подлеска; мощные деревья далеко отстояли одно от другого; в пространстве между ними сгущался вечерний сумрак. Вдалеке Роланд заметил расплывчатые тени людей, шедших друг за другом гуськом. Они бесшумно и быстро, подобно диким кошкам, приближались к холму, на вершине которого затаились Натан и Роланд. Их было пятеро.

— Дикие! — шепнул Роланд.

— Индейцы-шавнии, — подтвердил Натан и спокойно прибавил, — они снимут скальпы с тебя и твоих девушек, если мы не сумеем обмануть их.

В глазах Роланда блеснула решимость, и кулаки его сжались.

— Так, — прошептал он, — их всего пятеро, и мы не сможем оторваться от них, так как лошади слишком измучены, чтобы выдержать длительную погоню.

— Ты совершенно прав, друг, — согласился Натан. — Мы не сможем убежать с измученными и испуганными женщинами от этих тварей.

— Мы и не хотим бежать, — сказал Роланд решительно. — Краснокожие целыми часами преследовали нас, чтобы отнять у нас жизнь, и я знаю только одно средство удержать их: напасть на них.

— Но, друг мой, это значит вступить с ними в борьбу, — сказал Натан боязливо.

— Только так! Их только пятеро, и все они пешие. Право же мы должны первыми напасть на них, убить и очистить от них лес! Четверо сильных мужчин, обороняющих слабых женщин... Это должно удасться!

— Четверо? — повторил Натан с видимым смущением. — Не думаешь ли ты, друг, что уговоришь меня вступить в бой? Нет, друг, ты не должен забывать, что я человек мира.

— Как? — возмутился Роланд. — Вы не хотите защищать свою жизнь от этих негодяев до последней возможности? Вы хотите не сопротивляясь позволить им искрошить нас томагавком, тогда как вам достаточно лишь нажать курок ружья, чтобы спасти свою жизнь?..

— Друг, мне хотелось бы бежать, — сказал Натан, — а если этого нельзя сделать, то я ничего лучшего не придумаю, как позволить умертвить меня.

— Но, — вознегодовал Роланд и схватил руку Натана, — если вы, действительно, так трусливы или безумны, что не желаете бороться за свою жизнь, то неужели вы и в самом деле откажетесь встать на защиту беспомощных девушек? Подумайте, если бы у вас была жена, ребенок, мать, которым бы грозила смерть, неужели вы могли бы спокойно стоять и смотреть, как их убивают?

При страстных словах молодого человека загорелое лицо Натана стало бледно, как мрамор, и рука его задрожала в руке капитана. Он отчужденно посмотрел на него и в волнении, сквозь зубы пробормотал:

— Друг, тебе дела нет, как бы я поступил в таком случае. Я человек, как и ты, и у меня, как и у тебя, есть совесть. Если ты хочешь сражаться — сражайся, и пусть твое решение останется делом твоей совести. Если ты хочешь защищать свою сестру и если у тебя есть призвание к борьбе, делай все, что можешь своим ружьем, ножом или томагавком! Убивай, поражай, наноси раны — словом, как хочешь. Если совесть твоя не упрекает тебя, то и я не стану тебя упрекать. Но что касается меня, то оставь меня в покое. У меня нет ни жены, ни ребенка, и если ты обой-

дешь весь свет, то нигде не найдешь ни одного человека, который был бы моим другом или родственником.

— Но я спрашиваю вас, как бы вы сейчас поступили, будь у вас жена или ребенок?..

— Да нет же у меня ни жены, ни детей! — прервал Натан вспыхив. — Зачем говоришь ты о них, друг? Оставь мертвых в покое, их голос не достигает более моего слуха. Думай о своей собственной крови и делай все, что можешь, чтобы сохранить ее!

— Я, конечно, стал бы защищаться и в том случае, если бы даже не рассчитывал на вашу поддержку, — возразил Роланд. — Я чувствую, как кровь закипает во мне, когда я вижу этих крадущихся тварей и думаю о том, с какой целью следуют они за нами по пятам. Я отдал бы целый год жизни за то, чтобы обмануть их!

— Ты сумеешь, по крайней мере, помешать их злому умыслу, если доверишься людям, которые сопровождают тебя, — сказал Натан. — Конечно, — прибавил он, — мы должны быть готовы к кровавой встрече, потому что краснокожие сошли с тропинки и идут на нас.

— Они останавливаются! — воскликнул Роланд поспешно. — Они оглядываются... Они потеряли след... И вот — они идут... Натан, если ты не можешь сражаться, то можешь дать, по крайней мере, дельный совет. Скажи же, что должен я делать сейчас?

— Друг, я не в состоянии сказать тебе, что ты должен делать; но то, что сделал бы на твоём месте безбожный воинствующий кентуккиец, я могу сообщить тебе. Он бросился бы в чащу, где спрятал женщин, и укрылся бы за стволами деревьев со своими товарищами; а если бы шавнии оказались настолько безумны, чтобы приблизиться, он выстрелил бы по ним из трех ружей, напугал бы их этим, а может быть, и уложил бы добрую половину из них на месте, а потом...

— А потом, — подхватил Роланд с жаром, — потом он сел бы на лошадь и добил остальных саблями и из пистолетов.

— Нет, этого бы он не сделал из опасения, что пуля индейца прострелит ему череп, едва только он высунет голову из-за ствола, — возразил Натан. — Нет, кентуккиец взял бы свои пистолеты и выстрелил бы из них по индейцам, чтобы они решили, будто их врагов столько, сколько огнестрельных орудий. И если бы они после та-

кого залпа не обратились в бегство, они оказались бы самыми безмозглыми существами на свете.

— Право! — воскликнул Роланд. — Великолепный совет!.. Я последую ему!

— Совет, друг? — смутился Натан. — Я вовсе не советую, только рассказываю тебе, что предпринял бы кентуккиец в твоём положении. Кентуккиец не только считает дозволенным, но считает даже своей обязанностью убивать индейцев, где бы он их ни обнаружил.

— Господи, если бы только один такой кентуккиец оказался около меня! — вздохнул Роланд. — Но сожаления ничему не помогут — я должен сам сделать, что смогу!

— Именно так! — сказал Натан, оценивший решительность молодого воина. — У тебя своя совесть, и если ты намерен сражаться с индейцами из засады, то я не стану порицать тебя или склонять к миру. Если ты можешь всецело положиться на твоих спутников, то сумеешь задать краснокожим жаркую баню.

— Эх, — сокрушенно покачал головой Роланд, — вот именно в этом-то наша слабость. Я опасаясь, что Парден Фертиг трус, а старый Цезарь не лучше его. Они будут сражаться только тогда, когда их к этому побудит полное отчаяние.

— Тогда, — сказал с досадою грубым голосом Натан, — тогда с твоей стороны было безумием соваться в лес в таком обществе. Ну, все равно! Я вижу, что ты здесь беспомощен, как дитя, и я с моим Питом должны сделать для тебя все, что сможем. Счастье еще, что ты, по крайней мере, можешь бежать, так как из сражения ничего не выйдет, а для твоих девушек будет всего лучше, если ты покинешь эти леса с миром!

Индейцы между тем снова нашли потерянный след и сообщили друг другу об этом знаком, не издав притом ни малейшего звука. Теперь они вновь стали приближаться, следуя один за другим; но направились к отдаленной части холма, где раньше находились Роланд и его спутники.

Натан тотчас заметил это и прошептал:

— Теперь спустись к твоим спутникам, и как только увидишь мой знак, веди их смело через холм, не мешкая, друг, а не то ядовитые твари увидят тебя, и не сдобровать вам всем.

Роланд, который видел, что стычка с индейцами при подобных обстоятельствах была бы чистейшей глупо-

стью, молча повиновался. Только он присоединился к своим спутникам, как тотчас же увидел, что не ошибся относительно негра и Фертига: оба явно были в страхе и отчаянии.

— Мы вынуждены бежать, — сказал Роланд Эдит, с презрением взглянув на мужчин. — Еще несколько минут терпения и глубокого молчания! Наша безопасность висит на волоске!

Конечно, все затаились, и Роланд с нетерпением ждал знака Натана. Наконец, тот подал знак, и уже через минуту путешественники оказались по ту сторону холма в лесу, предоставив обманутым преследователям гнаться за ними.

— Теперь, друг, — сказал Натан, подходя к Роланду, — краснокожие позади нас. Мы там их и оставим. Но если ты хочешь, чтобы бегство удалось, гони твоих лошадей во всю прыть, чтобы мы оказались у переправы засветло. Слышишь? — прибавил он после краткого молчания, прерванного заунывным воем, донесшимся из лесу, с той стороны холма. — Не говорил ли ты, что натолкнулся в лесу на убитого индейца?

— Конечно! Мы нашли страшно изуродованный труп с известным знаком Дшиббенёнозе!

— Ну, так я могу сообщить тебе, друг, кое-что утешительное для твоих дам, — сказал Натан. — Эти пятеро индейцев нашли мертвеца, и он, несомненно, являлся одним из их разведчиков... Говорят, они в таких случаях всегда отказываются от своих мерзких намерений, так что нам теперь совершенно нечего опасаться их преследования. Следуй же за мною смело, друг! Если я и маленький Пит можем что-либо сделать, то на этот раз с твоими дамами не случится никакой беды.

Натан быстро повел путешественников из открытого леса в лабиринт низкого кустарника и болот по тропинкам, которые, казалось, скорее были проложены волками и медведями, чем людьми. Ночь надвигалась быстро, слышались отдаленные раскаты грома, предвещавшие грозу. Роланд тревожился, как бы Натан не сбился с пути, хотя квакер великолепно знал лес. Настала ночь, а проводник все шагал вперед с такой же уверенностью и с тем же проворством, выказывая полнейшее пренебрежение ко всем опасностям и препятствиям, встречавшимся на их пути, и доказывая не однажды, что далеко

вокруг не было ни одного уголка, которого он не знал бы так же хорошо, как карманы своей кожаной куртки.

— Когда я в первый раз пришел в этот край, — рассказывал квакер, — построил я себе небольшую хижину. Но индейцы сожгли ее и, если бы Пит вовремя не предупредил меня, я без сомнения, сгорел бы вместе с нею. Не беспокойся нисколько, друг! Я проведу тебя через весь этот тростник и кустарник, и ты не успеешь опомниться, как окажешься около переправы и догонишь своих товарищей.

Эти слова успокоительно подействовали на слушателей. Лес стал несколько реже. Роланд подъехал ближе к Натану, чтобы расспросить подробнее о его прошлом: квакер оказал и все еще продолжал оказывать ему такие важные услуги. Натан же не выражал большой охоты отвечать на его вопросы, и Роланду удалось у него узнать не слишком много.

Как только Натан прибыл в Кентукки, то, подобно другим одиноким переселенцам, построил себе хижину, из которой время от времени воинственные шавнии выгоняли его, причем он подвергался различным опасностям. Преследования, которые мирный квакер терпел от своих воинственных и нетерпимых соседей, вынудили его отступить глубже в лес, где он пробавлялся охотой. Больше он решительно ничего не желал рассказывать о своей прежней жизни и так искусно избегал расспросов Роланда, что тот прекратил их.

Тем временем лес стал редеть; вместо свода из листьев над головами путешественников проглянуло небо, и перед ними показалась глубокая лощина, откуда раздавался глухой шум стремительного потока.

Глава VII

РАЗВАЛИНЫ

Рев шумевшего потока, звучащий все сильнее и сильнее по мере того, как Натан приближался с путешественниками к броду, тревожил их.

— Не бойтесь, — успокаивал заметивший это Натан. — Один затаившийся шавний гораздо опаснее двадцати бурных лесных ручьев. Переправа хороша, друг

Роланд, и если вода даже несколько и смочит одежду твоей молодой спутницы, то вспомни только, что томагавки дикарей оставляют гораздо более безобразные пятна.

— Замолчите вы, старый чудак! — промолвил Фертиг. — Я не боюсь воды, потому что моя лошадь плавает как утка.

— Хорошо, друг, коли так, я сяду позади тебя, если ты мне позволишь, — сказал Натан.

Фертиг не возразил проводнику, и только Натан хотел вскочить на лошадь, как маленький Пит начал цапать пятки своему хозяину и старался, слегка повизгивая, обратить на себя его внимание. По крайней мере, Роланд так истолковал поведение песика. Каково же было его изумление, когда Натан, поспешно вынув ногу из стремени, соскочил на землю и стал оглядываться вокруг с выражением сильной озабоченности.

— Пит, — сказал квакер, — твои глаза хуже твоего носа. Ты не хочешь, чтобы бедные женщины были убиты!

— Что случилось? — спросил Роланд. — Что вы там толкуете об убийстве, Натан?

— Говори тише и взгляни на противоположный берег реки, друг. Разве ты не замечаешь света между скалами?

— Вижу. Это как будто блуждающий огонек!

— Нет, друг, это головня в руках сторожевого шавня! — сказал Натан серьезно. — Посмотри, друг, он раздувает огонь; ты увидишь, как тотчас же осветится берег.

Слова Натана оправдались. Свет, вначале слабый, все разгорался, пока не разросся в большое пламя, осветившее скалы, реку и даже лица путешественников. При этом можно было видеть темную фигуру человека, который был занят тем, что подбрасывал сучья в костер. Нельзя было угадать, сколько товарищей его притаилось тут же, в соседних кустах.

Путешественники пришли, конечно, в крайнее волнение, потому что они ясно убедились, что оба брода оказались захвачены, и что последняя надежда на спасение угасла.

Роланд настаивал на том, чтобы немедленно переправиться на ту сторону, несмотря на индейцев: он рассчитывал, что рев потока заглушит шум переправы.

— А если они нас даже и заметят, — прибавил он, — мы угостим их дружным залпом и воспользуемся

их смятением, чтобы спастись бегством. Натан, позаботьтесь о женщинах, а вы, Фертиг и Цезарь, следуйте за мною и делайте то, что я сам буду делать.

— В самом деле, друг, — сказал Натан спокойно, но с видимым удовольствием, — ты мужественный молодой человек, но человек благоразумный лишь до тех пор, пока не столкнешься с опасностью. Друг, твой план невыполним: нас заметят раньше, чем мы достигнем того берега. Конечно, в нас будут стрелять: ты видишь, как огонь освещает воду. И я был бы очень огорчен, если женщины будут при этом ранены. Нет, нет, мы должны избежать встречи с индейцами.

— Но куда мы денемся? — спросил Роланд печально.

— Мы отправимся в безопасный и спокойный уголок, — заявил Натан. — Это недалеко отсюда. Там мы можем без боязни переждать и подыскать место для переправы на берегу, где нет индейцев.

— Так не будем мешкать ни минуты, хотя я не могу понять, где мы в этих ужасных лесах найдем безопасный и спокойный, как ты утверждаешь, уголок!

— И все-таки в лесу есть такое место, по крайней мере, для мертвых, — возразил Натан тихим и дрожащим голосом, снова подводя своих друзей к берегу. — Девять невинно убиенных покоятся там последним сном — отец и мать, бабушка и шестеро детей. Да, да, очень немногие решаются ночью проходить мимо несчастных жертв, потому что есть предание, будто они встают в полночь и с жалобными стонами обходят свое прежнее жилище. При всем том это надежное убежище для людей, находящихся в беде. Я и маленький Пит часто спали под развалившейся крышей, не боясь ни привидений, ни индейцев, хотя мы часто слышали под деревьями жалобные звуки. Да, это печальное и убогое место, но оно послужит укрытием для нас до тех пор, пока мы попозднее не переберемся через поток.

Эти слова напомнили Роланду историю Асбернов, рассказанную полковником Бруце. Их семья была истреблена индейцами в своих владениях. Поэтому Роланд не очень хотел отправиться со своими спутниками в избранное Натаном убежище. Но дело шло о безопасности его сестры и Телии, а потому он, не размышляя дольше, не удерживал своего проводника, а торопил его отправиться к разоренному и одиноко стоявшему строению.

Через несколько минут путешественники снова ехали по берегу и в последний раз оглянулись на брод и на огонь, который так своевременно предостерег их от угрожавшей опасности. Вскоре заросшая глухая тропинка вывела их на полянку, которая когда-то была обработана и занимала довольно большую площадь. На всем ее пространстве виднелись стволы старых деревьев, безжизненные, мрачно поднимавшиеся в темноте к небу и представлявшие печальное зрелище. Глубокое одиночество леса, поздний час, мрачный вид покрытого облаками неба, порывы ветра, пронесившиеся по лесу, наступившая вдруг за ними гробовая тишина, отдаленные раскаты грома, повторявшиеся в горах, а более всего воспоминание о трагическом происшествии, заставлявшее обходить заброшенное жилище, — все это придавало зрелищу пустынный и мрачный характер.

Когда путешественники выехали на поляну, случилось одно из тех обстоятельств, которые часто наполняют посетителей таких мест ужасом. Ветер смолк, ни один лист не шевелился; воздух, казалось, был неподвижен целую минуту. И вдруг на глазах у путешественников стройный величественный ствол дерева, наклонившись, медленно рассек воздух и упал на землю с треском, подобным треску выстрела. Падение дерева особенно встревожило женщин. Эдит сочла это событие за дурное предзнаменование. Невольно пробудило оно в маленьком Пите и его хозяине грустные воспоминания. Первый, подойдя к дереву, стал его обнюхивать и потихоньку визжать, Натан тотчас сказал:

— Да, Пит, ты хорошо помнишь все, хотя пять лет — огромный промежуток времени для твоей маленькой головы. Именно под этим деревом убили они старую бабушку и разбили голову беспомощному ребенку. Поистине, это было зрелище, которое потрясло меня до глубины души.

— Как, — воскликнул Роланд, стоявший рядом с Натаном, — вы присутствовали при этом кровопролитии?

— Ах, друг! — вздохнул Натан. — Это было не первое и не последнее кровопролитие, при котором я вынужден был присутствовать. Я в то время жил в хижине, немного подальше от реки, и эти несчастные Асберны были моими соседями. Они относились ко мне не так, как бы следовало относиться соседям: напротив, смотрели на

меня, в силу моей веры, неблагосклонно и часто с насмешкою и недоброжелательством отгоняли меня от своего порога. Несмотря на это, они все-таки иногда пускали меня к себе в дом ради своих маленьких детей, и когда я однажды увидел в лесу следы отряда индейцев и заметил, что они направлены к моему маленькому домику, то решил, что пока они поджигают мою хижину, я успею пойти к Асберну и предостеречь его, чтобы он мог бежать со своими детьми и со своим скотом, пока еще есть время, в ближайшую крепость, которая состоит, как ты сам знаешь, под начальством полковника Бруце. Так я и поступил. Но они не поверили моему сообщению и осмеяли меня. Уж и тогда многие были недовольны тем, что совесть моя не позволяет мне убивать индейцев, как убивают они. И тогда они не послушались меня и прогнали от своих дверей. Когда я увидал, что эти белые люди были будто околдованы и непременно желали своей гибели, побежал я как мог скорее к полковнику Бруце, рассказал ему все и посоветовал ему тотчас же отправиться с сильным конным отрядом к тому месту, чтобы прогнать индейцев. Но в крепости меня приняли не лучше, а пожалуй, даже и хуже, чем у Асбернов. Я пришел в отчаяние и решил уйти в леса и спрятаться, и больше не возвращаться к реке, чтобы не видеть кровопролития. Не мог я присутствовать при убийстве бедных женщин и детей, а помешать этому убийству я не был в состоянии. Все-таки мне пришло в голову, что если индейцы не найдут меня в моей хижине, то спрячутся где-нибудь вблизи, будут ждать моего возвращения и таким образом отложат нападение на жилище моего соседа, что дало бы мне время еще раз побывать там и предостеречь его от опасности. Эта мысль так крепко засела у меня в голове, что я собрался и, взяв с собой маленького Пита, побежал сюда. Когда мы пришли на это поле, Пит почуял, что индейцы уже находятся неподалеку. Ты не знаешь маленького Пита, друг! Он замечательно чутко умеет выслеживать индейцев. Вот и теперь: слышишь, как он повизгивает и обнюхивает траву? Если бы я не был уверен, что он вспоминает теперь это кровавое место и злодеяние, которое когда-то произошло здесь, то по его визгу предположил бы, что где-нибудь поблизости находятся шавнии. Так и тогда: едва я успел спрятаться в маис, который в то время произрастал здесь, как услышал ду-

шераздирающий, пронзительный вопль, которым кровожадные существа, окружив дом, будили испуганных обитателей... Я не хочу раздирать сердце рассказом о том, что я видел и слышал тогда. Кошмарное и странное было зрелище! Никто поначалу не двигался с места; даже животные, казалось, находились под влиянием какого-то волшебства, и даже дворовая собака спала так крепко, что враги наносили хворосту и сухих листьев в сени и зажгли его раньше, чем кто-либо догадался об опасности. Только тогда, когда пламя пробилось отовсюду, раздался воинственный клич, и когда спавшие открыли глаза, они увидели вокруг себя только шавниев, прыгавших у пламени. Тогда, — продолжал Натан, и голос его дрогнул, и он стал говорить тише, так что только Роланд один мог слышать его, — тогда, друг, мужчины, женщины, девушки выскочили из дому, — винтовки стали стрелять, томагавки звенели, ножи блестели, а крики и рев были так ужасны, что сердце леденело, слыша их... Да, резня была ужасна... О! Ты не знаешь, что приходится видеть тем, кто проводит жизнь в соседстве с владениями индейцев. В то время, как они убивали сильнейших, я видел, как слабейшие из всех, — бабушка с младшим ребенком в руках, — бросились бежать, чтобы укрыться в маисе, но успели добежать вот до этого дерева, которое только что свалилось, как будто хотело напомнить мне про то событие. Я видел, как индеец догнал ее и уложил на месте ударом томагавка, потом выхватил ребенка из рук умиравшей женщины и раздробил его череп тем же окровавленным топором...

— А вы, — воскликнул Роланд, грубо схватив рассказчика за ворот, потому что хладнокровие Натана привело его в ярость, — несчастное создание, вы стояли тут же и дозволили умертвить ребенка?

— Друг, — кротко сказал Натан, немного озадаченный неожиданным нападением, — не будь несправедлив! Если бы мне даже было так же легко, как и тебе, проливать кровь, то я все-таки никак не мог бы спасти бедного ребенка, потому что у меня не было винтовки, я был безоружен. Я забыл сказать тебе, что полковник Бруце, когда я ему рассказал о дикарях, отнял у меня ружье, назвал меня бабой и прогнал из крепости безоружным. Конечно, он был неправ, отняв у меня оружие, которым я добывал себе пропитание, и тем более был он неправ,

что это стоило жизни ребенку, потому что когда я стоял в маисе и видел громадного индейца и то, как он поднял топор на ребенка, — я не дал бы ему совершить злодеяние, если бы только у меня в руке было оружие, хотя и сам до сих пор не знаю, что бы я предпринял тогда!

— Я так и думал! — сказал Роланд, отпуская Натана. — Ни одно человеческое существо, даже самая трусливая баба, не могло бы, держа оружие в руках, не употребить его в дело при таких обстоятельствах. Но вы, наверное, хоть что-нибудь да сделали?

— Друг, — сказал кротко квакер, — я сделал то, что мог сделать, но что же я мог сделать? Я был потрясен до глубины души этим зрелищем, выхватил ребенка из рук этого человека и побежал в лес, надеясь, что дитя, как бы оно ни было тяжело ранено, может еще быть спасено. Но не успел я пробежать и мили, как ребенок умер у меня на руках. Я с головы до ног был облит его кровью. Это стало живым укором для полковника Бруце, который приехал со своими людьми к переправе, чтобы проверить мой рассказ. Когда я ушел из крепости, он не мог, как он позже рассказывал, найти себе покоя, потому что ему все-таки приходило в голову, что я, может быть, все-таки сказал правду. И вскоре он убедился, что я был прав: в жилище Асбернов он не нашел ничего, кроме трупов и обгорелого строения. Оно было построено из сырого леса и не могло совершенно сгореть. Никто из всей семьи не уцелел.

— А отомстили за них? — спросил Роланд мрачно.

— Да, из четырнадцати убийц одиннадцать погибли еще до рассвета: преследователи настигли их там, где они разложили свои костры. Что касается трех остальных, которым удалось уйти, то о них рассказали пленные, которые возвращались от индейцев, будто бы только один возвратился к своим; остальные же погибли неизвестно как в лесу. Однако, — заметил вдруг Натан, — маленький Пит беспокоится более обыкновенного. Ему никогда не нравилось в этом месте... Я знавал людей, которые утверждали, что собака чует присутствие духов.

— По моему мнению, — сказал убежденно Роланд, — он учуял отряд индейцев, а не каких-то духов.

— Весьма возможно, — согласился Натан, — индейцы проходили сегодня по этому полю: лес полон ими, и, вероятно, некоторые из них пробрались сюда, чтобы полюбоваться на развалины, где их собратьями в одну ночь

была пролита кровь девяти белых. Наверное, однако, вспомнили они при этом тех индейцев, которые поплатились своею кровью за кровь невинных жертв... Нет, друг, у моего Пита, как у людей, есть свои склонности и предубеждения, и он обычно с ужасом приближается к этому месту, как и я сам. Потому-то я и бываю здесь только тогда, когда меня к тому вынуждает необходимость. Но если ты встревожен, то я войду раньше тебя в развалины, которые ты видишь там, на краю обрыва.

— Нет, не нужно, — возразил Роланд, увидев совсем рядом хижину, к которой они направлялись.

Капитан убедился, что неудовольствие Пита прошло, и успокоился. Однако он нашел необходимым лично осмотреть развалины, чтобы убедиться в их прочности, так как собирался вручить им судьбу существа, которое любил более всего на свете. Строение представляло собой бревенчатый сруб и стояло на краю глубокого ущелья, в котором бурно шумела река. Сруб разделялся на два флигеля небольшими сенями; но оба они находились под одной крышей.

Как бы мало сообразительности и предосторожности ни выказали строители, судя по постигшей их судьбе, но они все-таки не преминули снабдить свое одинокое жилище теми предохранительными сооружениями, которые всюду встречались в этой стране: ряд изгородей, которые были построены, может быть, неумело и непрочны, но достаточно отвечали своей цели, так как окружали хижину и образовывали около нее два маленьких двора, один спереди, другой сзади, где было достаточно места для рогатого скота. Мог поместиться здесь и гарнизон в случае нападения. Загородка сзади тянулась до самого берега, который образовал здесь обрыв вышиною в 40-50 футов и не нуждался ни в каких частоколах, а спереди забор огибал часть открытой поляны. Строение теперь обрушилось и имело унылый вид. Частокол, главным образом спереди, где колья были вытащены краснокожими из земли и, по-видимому, сгнили, был большей частью разрушен; а правый флигель, который всего больше пострадал от огня, представлял из себя только черную массу бревен. Единственной частью здания, сколько-нибудь уцелевшей, был левый флигель, состоявший всего из одной комнаты; он был почти без крыши и близок к падению. Трудно было представить себе что-либо более унылое и мрачное, чем вид

полусожженных развалин, а унылый рев реки внизу, который особенно громко раздавался потому, что река здесь спадала с крутого обломка скалы, придавал мрачную суровость окружающей местности.

Не без труда Натан уговорил Роланда остаться здесь на несколько часов. Он доказывал ему, что брод, по которому он хотел перебраться через реку, находится в нескольких милях отсюда, что лишь тогда можно попытаться переправиться, когда взойдет месяц или разойдутся тучи, и звезды будут освещать им дорогу, что дорога туда ведет через овраги и болота, и что поэтому нигде нельзя будет найти более спокойного места для измученных, усталых девушек и, наконец, что развалины вполне безопасны.

— Право, — заключил квакер, — я не посмел бы советовать что-нибудь опасное. Зачем предоставлять себя случайности, когда есть в лесу хоть один индеец, будь он хоть за десять миль от меня? Я стану караулить с маленьким Питом около развалин, пока твоя сестра спит; и если ты и твои спутники тоже можете не спать, тем лучше.

— Пусть будет так, — согласился Роланд.

После этого Роланд вошел в развалины с негром и зажег свечу, а потом ввел туда усталых девушек.

Натан же и Парден Фертиг отвели тем временем лошадей в овраг, где было вволю травы и воды, и откуда они не могли убежать.

Глава VIII

ОСАДА

Вскоре на развалившемся, давно заброшенном очаге разгорелся огонь, и при свете путешественники могли рассмотреть всю суровость обстановки. Хижина слева состояла из одной комнаты, стены которой представляли собою сруб, из щелей которого давно уже вывалилась замазка, когда-то бывшая там. В некоторых местах даже просвечивали бревна, так что ветру и дождю был открыт полный доступ. Потолок обрушился под тяжестью изломанной крыши, от которой остался лишь небольшой кусок; пол из толстых досок тоже провалился, так как дерево местами сгнило и смешалось с землею, на которой оно лежало. Окон и дверей вовсе не было; но два отвер-

ствия на передней и на задней стенах и третье — большего размера, ведущее в прежний коридор, загроможденный теперь обгорелыми бревнами, показывали, где прежде располагались дверь и окна. Другая половина хижины так развалилась, что место, где раньше была дверь, совсем нельзя было определить, и вход в нее был возможен только через заднюю стену здания. Пол тут совсем разрушился и, вероятно, был снесен водою.

Но Роланд недолго разглядывал эту мрачную картину запустения; взглянув на Эдит, он стал настоятельно упрашивать сестру хорошенько подкрепить свои силы сном. С этой целью он стал оглядываться кругом, ища подходящее место, чтобы устроить постель из листьев и мха.

— Видишь, тут уже приготовлена постель, — воскликнула она с принужденным смехом и показала на угол, где лежала куча листьев, таких зеленых и свежих, как будто только-только были сорваны. — Выходит, Натан не для того пригласил меня в это убежище, чтобы предложить мне плохое помещение или отправить меня спать без ужина. Посмотри, — прибавила девушка, заметив под листьями маленький металлический котел, а негр обнаружил еще и другой, и оба они еще пахли свежим варевом. — Посмотри-ка, Цезарь: где кухонные принадлежности, там, наверное, и еда недалеко. Держу пари, что Натан позаботился о хорошем ужине.

— Может быть, это ужин, годный только для какого-нибудь лесного жителя, — сказал Роланд, который был несколько удивлен огромным количеством посуды Натана (он не сомневался, что она принадлежала ему) и начал сам рыться концом винтовки в куче листьев, пока не наткнулся на сумку, наполненную хлебом.

«Этот Натан удивительный человек, — пробормотал он про себя. — Он уверял, будто давно не бывал в этих развалинах, тогда как, очевидно, провел здесь прошлую ночь. Кажется, он склонен окружать все свои поступки таинственностью. Но таковы уж принципы квакерской секты, к которой он принадлежит».

В то время как Роланд и девушки разыскали мнимое имущество Натана, проводник сам вошел в комнату. Черты его лица выказывали некоторую озабоченность. Верный Пит, следовавший за ним по пятам, тоже проявлял беспокойство, нюхал воздух, визжал и жался к ногам своего хозяина.

— Друзья! — проговорил он быстро. — Пит показывает слишком ясно, чтобы можно было не понять его: несчастье близко, хотя я, глупый и грешный человек, не могу сказать, где именно. Мы должны срочно покинуть развалины и искать убежища в лесах.

Эдит побледнела. При входе Натана она взяла было весело сумку с хлебом, чтобы подать ее проводнику; но вид и слова Натана заставили ее замолчать, и она замерла, удивленно и безмолвно держа в руке сумку. Как только Натан увидел сумку, он выхватил ее из рук Эдит, стал с удивлением и даже с беспокойством рассматривать ее и только тогда отвел от нее глаза, когда маленький Пит, побежавший в угол на кучу листьев, больше прежнего засуетился и стал громче повизгивать. Сумка выпала из рук Натана, когда он увидел блестящий котел, и глаза его пристально остановились на нем.

— Что случилось?.. Говорите, ради Бога! — воскликнул Роланд, который и сам начал беспокоиться. — Вы пугаетесь вашей собственной посуды.

— Моя посуда!?! — воскликнул Натан и всплеснул руками с крайне смущенным видом. — Если ты захочешь убить меня, друг, то едва ли ты будешь неправ — потому что я, несчастный, слепой грешник, привел бедных женщин прямо льву в пасть — в убежище и главный лагерь индейцев, которые угрожают твоей жизни. Вставайте же, идем отсюда! Разве ты не слышишь, как Пит визжит у входа? Тише, Пит, тише! Воистину, здесь можешь ты проявить свою ловкость, странствующий Натан! Послушай, не близко ли они? Ты ничего не слышишь, друг?

— Я слышу крик совы, больше ничего, — ответил Роланд, но не мог продолжать; собака заскулила громче, и Натан шепотом воскликнул:

— Идем же, идем! Бери женщин за руку и следуй за мной!

При этих словах Натан выскочил в дверное отверстие, но его остановил зов Роланда. Он взглянул назад и увидал, что Эдит без чувств лежит на руках молодого человека.

— Я вместо тебя спасу бедное дитя! — воскликнул квакер. — Помоги другой.

Он поднял Эдит легко, как перышко, и опять поспешил к выходу, как вдруг его остановило гораздо более страшное событие. Послышался испуганный крик Цеза-

ря, а за ним дикий, грубый горловой смех раздался у входа. Когда Роланд и Натан взглянули в ту сторону, они увидели огромного полуобнаженного индейца с винтовкой в руке; на лице его застыла свирепая ухмылка.

— Добрый день, брат, — индеец хороший друг!

Так воскликнул индеец и, дружески кивая головой, быстро вошел в хижину, а из-за плеч его сверкнули блестящие глаза, и раздался смех троих или четверых его краснокожих спутников.

— Вперед! — крикнул Натан голосом, более похожим на звук военной трубы, чем на голос робкого мирного человека.

Он опустил Эдит на пол и показал пример нападения, бросившись краснокожему на грудь. Оба повалились через порог, и Роланд, отчаянным прыжком подскочив к ним, растянулся во весь рост в проходе, избегнув этим верной смерти, потому что в эту самую минуту на расстоянии трех шагов раздалась выстрелы из трех винтовок.

— Брат! — ревел дикарь, и пена текла с его губ. — Брат! — повторял он, радуясь своей победе, и сжимал еще крепче руками тело молодого человека. — Я сниму скальп, я — шавний!..

С этими словами индеец соскочил с порога, где началась борьба, утащил Роланда и, казалось, хотел взять его в плен.

Хотя Роланд чувствовал себя в руках человека, обладавшего большей физической силой, чем он сам, но решимость его и энергия спасли его от участи, которая была бы настолько же страшна, насколько позорна. Капитан собрал все силы, и в ту минуту, когда индеец соскочил с порога на скалу, он резко толкнул его. Оба повалились на землю, потом вскочили на ноги и схватились за оружие. Пистолетов, которые миролюбивый Натан из предосторожности взял с собой в развалины, при Роланде не оказалось: он забыл их в этой спешке. Винтовка же была выхвачена у него из рук и отброшена, он и сам не знал куда. Но, как настоящий житель лесов, он имел за поясом нож и теперь собирался схватиться за него; однако, в силу долголетней привычки, рука его взялась за саблю. Вскокивая, он попробовал обнажить ее: он не сомневался, что один удар стали освободит его от дикаря. Но индеец, который оказался не только проворен, но гораздо более опытен и привычен к рукопаш-

ным схваткам, выхватил свой нож раньше, чем Роланд поднялся на ноги; и раньше, чем капитан наполовину вынул саблю из ножен, почувствовал он, что его схватили за руку и сжали ее с недюжинной силой, а индеец занес над его головой свое свободное оружие и с гортанным победным криком собирался вонзить его в горло Роланда. При свете пламени Роланду хорошо было видно его дикое лицо, ужасное по окраске и еще более ужасное по выражению. Уцепившись за поднятую руку врага, чтобы отвести удар, капитан мог наблюдать каждое движение оружия и каждую черту дикаря. Но даже и теперь он не отчаивался, потому что во всех случаях, где дело шло о нем самом, он был человеком неустрашимым, и только тогда, когда свет в хижине вдруг погас, как будто кто растащил и потушил хворост, начал он опасаться, что противник его одолеет. Однако в то мгновение, когда ослепленный внезапной темнотой он ожидал смертельного удара, отвратить который он уже не имел возможности, смех дикаря сменился вдруг криком смертельного ужаса. В то же время на правую руку Роланда потоком хлынула кровь, и индеец, пораженный пулей, пролетевшей в темноте и неизвестно кем пущенной, упал замертво к ногам Роланда и увлек его за собой на землю.

— Вставай, вставай, и делай, как велит тебе совесть! — воскликнул странствующий Натан, рука которого еще более сильная, чем рука индейца, буквально вырвала Роланда из-под убитого. — Ты борешься как молодой ягуар или как старый медведь; и право, я не стану порицать тебя, если ты порубишь целую дюжину этих безбожных душегубов. Вот твоя винтовка, вот твои пистолеты. Стреляй! И кричи громче!.. Твоя решимость привела врагов в смятение. Пусть они себе думают, что ты получил подкрепление!

Миролюбивый Натан возвысил при этом голос, стал скакать по развалинам с одного бревна на другое и дико кричал, как будто эти крики исходили из многих глоток. Он выражал столько отваги и мужественной решимости, что это ободрило Пардена Фертига, который спрятался в скалистом ущелье оврага, и Цезаря, который укрылся позади развалин, около входа, и оба они уже присоединили свои голоса к неистовым воплям Натана.

Все, что произошло с того мгновения, как дикарь появился у двери, до крика осажденных путешественни-

ков, совершилось в несколько минут. Нападение Натана на предводителя, ранение одного и смерть двух других дикарей были, как показалось Роланду, делом одного мгновения, и он не успел опомниться, как нападение прекратилось. Неожиданное и успешное сопротивление маленького отряда белых, завершившееся так несчастливо для индейцев, привело всю толпу шавниев в смятение и беспорядок. Тогда Натан подскочил к Роланду, который поспешно заряжал свое ружье, схватил его за руку и сказал ему голосом, выражавшим высшее волнение, хотя лица его не было видно в темноте:

— Друг, твоя бедная сестра из-за меня попала в опасность, так что томагавк и нож угрожают ее невинной голове.

— Ни слова об этом! — приказал Роланд и поспешно спросил. — Это вы убили высокого индейца?

— Убил? Друг, я убил?.. — возразил Натан, и голос его задрожал сильнее, чем когда-либо. — Уж не хочешь ли ты назвать меня убийцей? Я перескочил через него и покинул хижину.

— И вы оставили его там живым? — воскликнул Роланд и хотел было броситься в хижину. Натан удержал его:

— Не беспокойся! Краснокожий должно быть разбил себе голову о какой-нибудь чурбан или поранил себя сам... Может быть, кто-нибудь попал в него ножом... Но случилось так, что кровь его брызнула мне на руку, вероятно из раны, которую он получил... Так что я оставил его мертвым.

— Ладно, — сказал Роланд. — Но ей-Богу, я думал, что вы, как мужчина, отправили его на тот свет. Но время идет, мы должны вернуться в лес — он еще открыт перед нами.

— Ты ошибаешься, — сказал Натан, и в ту же минуту, как бы в подтверждение его слов, послышались громкие воинственные крики и раздались выстрелы из дюжины винтовок. Все это показывало, что развалины окружили враги.

— Река! — воскликнул Роланд. — Мы можем переплыть на лошадях.

— Поток могуч и буен, боюсь, что он увлечет тебя и твоего сильного коня, — пробормотал Натан. — Разве ты не слышишь, как он бьет о скалы и обрывы? Здесь он

глубок и стремителен, и хотя в некоторых его местах и ребенок может прыгать со скалы на скалу, но в настоящее время он переполнен ливнями и стал водопадом. Но мы все-таки должны испробовать все. Во-первых, советую тебе не унывать и сделать все, что от тебя зависит, чтобы уменьшить число врагов, так как ты не можешь увеличить число друзей. Если ты поэтому захочешь застрелить вон то злоумышляющее существо, которое как змея по земле подползает к развалинам, то я ничего не имею против этого!

При этих словах Натан отвел молодого человека за груды бревен, около которой они стояли, и старался показать ему врага, которого он заметил. Но глаз Роланда еще не привык различать в темноте лесов предметы, и ему не удалось увидеть приближавшегося врага.

— Если ты не сочтешь этого с моей стороны грехом или душегубством, — сказал несколько нетерпеливо Натан, — то я подержу винтовку, а тебе останется только спустить курок.

И прибавил:

— Нападай на них, если совесть твоя позволяет тебе это!

Так воскликнул Натан, и в следующую минуту из хижины раздался выстрел.

— Клянусь небом! Ни разу в жизни ни одному индейцу не сделал худого! — раздался робкий возглас негра.

Пуля раздробила руку врага, и из нее выпал томагавк, занесенный им над Роландом. Ошеломленный индеец испустил крик боли и ярости, перескочил через груды бревен, нагроможденных перед входом, и избежал таким образом удар прикладом винтовки, которым Роланд со своей стороны угрожал ему; на крик убежавшего индейца ответили (по крайней мере, так показалось Роланду) пятьдесят его соплеменников, из которых он на несколько шагов от себя увидел двоих, потрясавших боевыми топорами, как будто они хотели дать почувствовать безоружному всю их тяжесть.

В эту минуту к нему подоспела помощь оттуда, откуда он всего менее ожидал ее. Из оврага раздался выстрел, и в то время как один из самых свирепых врагов рухнул на землю, Роланд услышал отчаянный голос Пардена Фертига:

— Я его доконал! Это уж наверняка!

— Браво! Молодцы Фертиг и Цезарь! — воскликнул Роланд. Воодушевление его спутников и его счастливый исход ободрили его, и уверенность пришла на смену недавнему отчаянию. — Мужайтесь и стреляйте! — воскликнул капитан и, не колеблясь, кинулся на дикаря, отбросил стволом ружья поднятый томагавк и хотел ударить его в лицо, но кто-то выхватил у него винтовку из рук, и он ощутил, что его схватили. Смелый противник прижал его к груди с такою силою, что ему показалось, будто он попал в объятия медведя.

Мирный человек уже собирался оказать Роланду дружескую услугу, ради которой он, конечно, вошел в сделку со своей совестью; но его намерение не осуществилось: дикарь вдруг отпустил Роланда и с дюжиною других, которые точно из-под земли выросли, бросился на развалины, и воздух огласили воинственные вопли.

Быстрота и стремительность нападения исполнили страхом душу отважного Роланда. Он выстрелил из винтовки и схватился за пистолеты, причем в воображении его уже рисовалось, что один из дикарей схватил светлые локоны его сестры. Но вдруг Натан воскликнул:

— Пусть кровь эта падет на мои руки, а не на мою голову! Вперед на убийц-краснокожих!

С этими словами он выстрелил в толпу; Роланд тотчас же затем выстрелил из пистолетов, и получилось впечатление настолько сильное, что нападавшие, кроме одного, остановились в нерешительности; этот же один имел достаточно мужества идти на осажденных, причем он, однако, напрасно приглашал товарищей своих следовать за ним.

— Ты не забудешь, что я сражаюсь только ради спасения твоей невинной спутницы, — прошептал Натан Роланду на ухо.

И теперь, казалось, его воинственный поступок навсегда пересилил его мирные обеты: мужество, жажда крови, большие даже, чем у молодого воина, пробудились в нем и, казалось, слепо владели им. Натан ринулся на приближавшегося шавния, ударил его прикладом своей тяжелой винтовки и раздробил ему череп, как будто он был стеклянным. Тогда с легкостью оленя кинулся он назад в развалины, чтобы избежать пуль остальных дикарей, схватил руку изумленного Роланда, пожал ее изо всей силы и воскликнул:

— Ты видишь, друг, до чего ты меня довел. Ты видел, как я проливал человеческую кровь! И все это для того, чтобы негодяи не тронули ни одного волоса на голове твоей сестры и Телии.

К счастью, дело миролюбивого человека было поддержано Парденом Фертигом и негром: один стрелял из своей засады в овраге, другой — из-за развалин. Получив мощный отпор, враги побоялись подходить близко к месту, в котором, как они совершенно естественно предполагали, находились восемь сильных мужчин — потому что таково было, считая пистолеты, число огнестрельных единиц. Они поспешно вернулись в лес, откуда, однако, продолжали пугать белых, то изредка стреляя, то издавая дикие вопли.

Роланд воспользовался отходом врагов: он прошел в хижину, чтобы проведать сестру. Но она выказала такое спокойствие, какого он и не ожидал. Это спокойствие оказалось, однако, всего лишь спокойствием отчаяния и происходило от чересчур сильного напряжения нервов. В этом состоянии, почти не сознавая действительности, она и оставалась.

Глава IX

БЕГСТВО НАТАНА

Враг, которого дважды отгоняли и который каждый раз отступал со значительными потерями, увидел наконец, что было бы безумием подвергаться открыто выстрелам путешественников. Несмотря, однако, на то, что индейцы вынуждены были бежать, они не имели намерения удалиться или отказаться от нападения: индейцы укрылись в различных местах за древесные стволы, скалы или кустарники и разделились так, что образовали кольцо около развалин. Оно не было сомкнуто только со стороны реки, бегство через которую они не считали возможным. Они старались не спускать глаз с хижины и время от времени стреляли по ней, причем выпускали неистовый рев, стараясь напугать путешественников. От времени до времени подползал к развалинам какой-либо воин, похрабрее остальных, старался заслониться чем-нибудь и стрелял в бревно или другой какой-либо предмет, который принимал за кого-нибудь из путешественников. Те же позаботи-

лись выбрать себе в развалинах такие места, где были хорошо защищены и, хотя пули свистели резко и близко от них, никто еще не был ранен. Поэтому у них не было причины особенно беспокоиться, пока они находились под покровом ночи. Однако они хорошо понимали, что это была лишь временная безопасность и что они были ею обязаны только тому, что враг еще не понимал своего превосходства над ними. Положение развалин было таково, что дюжина мужественных и решительных людей, которые разделились и ползали по земле, могла ежеминутно прокрасться в любую часть хижины, где осажденные могли бы быть захвачены ими. Открытое и дружное нападение всех осаждавших, которых Натан насчитывал до 20-ти, привело бы к тем же последствиям, только стоило бы жизни многим врагам. Выстрел наугад мог ежеминутно убить или ранить и сделать не способным к дальнейшей борьбе одного из людей маленького гарнизона.

Всего же больше заботило осажденных то, на что Натан указывал уже раньше: если им даже удалось бы пережить все опасности этой ночи — какая судьба ожидала бы их на рассвете, когда врагам стала бы очевидна малочисленность путешественников? Роланду казалось, что помощь должна прийти до рассвета. Но они могли рассчитывать только на самих себя: Роланд помнил, что полковник Бруце давно выступил в поход, чтобы принять участие в войне на севере Кентукки. А друзья его, остальные переселенцы, — как могли те узнать о его положении? Он думал о том, как бы пробиться сквозь ряды осаждающих, и выдумывал тысячу планов бегства. То хотел он сесть на коня, броситься на врагов, сделаться мишенью для их выстрелов, отвлечь их внимание, а может быть, заставить их преследовать его, в то время как Натан и остальные с Эдит и Телией побегут в противоположную сторону; то хотел он броситься с ними опять к дикому потоку и на лошадях перебраться на противоположный берег.

В то время, как Роланд строил эти планы, Натан, несмотря на угрызения совести и на свое сокрушение, не выражал ни малейшего желания отказаться от борьбы; напротив, он с величайшею охотою стрелял в каждого шавня, который показывался, и уговаривал Роланда делать то же самое, все время демонстрируя образцовую решимость и мужественную отвагу.

Ночь подходила к концу, нападавшие становились смелее, и судя по усилившемуся крику и по учащенным выстрелам, число их не уменьшалось, но увеличивалось за счет разведчиков, постепенно стекавшихся к ним из лесу. Роланд с горечью заметил, что скоро у них выйдет весь порох и дробь.

— Друг, — сказал Натан, когда Роланд сообщил ему об этом, — не пришлось бы им, — и он кивнул на девушек, — погибнуть на твоих глазах. И все-таки я сделаю все, что могу, чтобы их спасти. Я должен покинуть тебя и привести подкрепление. Можешь ли ты продержаться до утра в хижине? Нет, нет, чувствую, что глупо так спрашивать: ты *должен* продержаться, если бы у тебя даже не было никакой другой помощи, кроме старого Цезаря и Пардена Фертига; потому что я должен пробраться сквозь ряды индейцев, чтобы привести тебе помощь.

— Но как вы пройдете незамеченным? — спросил Роланд. — Впрочем, знаю — как: мы все вместе сделаем вид, будто собираемся атаковать этих негодяев, а в то время вы сядете на Бриареуса и с быстротою ветра помчитесь на нем.

— Хорошо бы ускакать на твоей лошади, — сказал Натан, — но проехать верхом мимо шайки кровожадных индейцев не такая простая задача, как ты думаешь. Нет, я должен проползти через ряды неприятелей тайком, чтобы у них не возникло и мысли, что твои силы ослабли.

— Но это невозможно, совершенно невозможно! — воскликнул Роланд печально.

— Конечно, это небезопасно, но ради измученных девушек надо попробовать это сделать, — ответил Натан. — Если мне удастся пробраться и найти твоих друзей, то я, без сомнения, спасу жизнь вам всем. Если же это мне не удастся, ну, тогда, по крайней мере, избегну страшного зрелища — не увижу, как будут снимать скальпы с бедных женщин. Я должен проползти здесь мимо врагов и надеюсь, что мне это удастся с помощью моего Пита.

— Ну, так идите, и Господь с вами! — сказал Роланд, который в своем отчаянном положении не задумался принять благородное предложение Натана. — Наша жизнь в ваших руках. Не унывайте же и не сомневайтесь, и то немногое, что я имею, будет с этих пор принадлежать вам.

— Друг, — ответил гордо Натан, — то, что я делаю, я делаю не ради жалкой наживы, а из сострадания к беспомощным женщинам. Я сделаю то, что могу, и если мне удастся оставить врагов позади себя, то потороплюсь и побегу скорее твоего коня, чтобы догнать твоих друзей. Поэтому не бойся изводить порох и продолжай сражаться. Я же вовремя возвращусь с надежной подмогой.

Роланд обещал сделать все, что в силах, и Натан стал готовиться в путь. Он отдал порох и пули Роланду, подобрал полы своей кожаной одежды, чтобы они не мешали ему при ходьбе, и позвал, наконец, Пита, который все время спокойно лежал в безопасном уголке хижины. Таким образом, вооруженный винтовкой и ножом, с единственным зарядом пороха в запасе, пустился Натан в опасный путь. Его радостное настроение вдруг пробудило подозрение в Роланде.

— Натан! — сказал он и сильно сжал ему руку, — если вы уйдете, чтобы покинуть нас навсегда и позорно обречь нас на мучительную гибель, клянусь небом — Бог покинет и вас в час самой тяжелой нужды!

— Друг, — возразил Натан спокойно и холодно, — если бы ты знал, чего стоит пробраться сквозь лагерь дикарей, ты скоро убедился бы, что трус и предатель избрал бы другой способ для своего спасения. Так будь же ты на своем посту так же верен, как я на своем, — и все будет хорошо. До свиданья! Или я погибну — и тогда не услышу стонов девушек, или я останусь жив — и тогда все вы будете спасены.

С этими словами он потряс Роланду руку и мужественно отправился на опасное дело, которое, несомненно, возбудило бы удивление Роланда, если бы он сумел оценить его вполне. Натан бросился на землю и прошептал своему маленькому другу:

— Теперь, Пит, если ты когда-либо верно служил своему хозяину, покажи, на что ты способен.

Потом он бесшумно прокрался через развалины и пробрался от ствола к стволу, от куста к кусту, все время следуя за собакой, которая, казалось, раздумывала, выбирая маршрут.

Через несколько минут Натан исчез из глаз Роланда, который вместе со своими оставшимися друзьями дал залп по неприятелю, чтобы отвлечь их внимание от Натана. Ему отвечали выстрелами, сопровождаемыми ди-

ким воем, и это дало возможность Натану судить хотя бы приблизительно о том, где именно находятся индейцы. Еще второй и третий залп были выпущены, и, когда крик и смятение стихли, Роланд стал прислушиваться к каждому шороху, чтобы следить за Натаном — но все напрасно. Ничего не было слышно; только время от времени раздавался ружейный выстрел, вой дикаря, шум потока и раскат грома. Затем все стихло, и Роланд уже стал надеяться, что Натану удалось пробраться, как вдруг в той стороне, куда направился Натан, раздался душераздирающий вопль, от которого, казалось, кровь застыла в сердце Роланда. Ему показалось, что Натан пойман, и это убеждение еще более окрепло, когда вдруг выстрелы и вой прекратились, и в продолжение целых десяти минут царила такая тишина, что шелест ветра в вершинах деревьев стал еще слышнее, чем прежде.

— Поймали его, несчастного! — вздохнул Роланд. — Наша судьба решена!

Это предположение, казалось, подтвердилось громким, ликующим воем врагов, и затем развалины стали обстреливаться как бы соединенными силами врага. Это вновь возвратило Роланду его решимость.

— Стреляйте! Стреляйте! — закричал он громовым голосом своим товарищам. — Если нам суждено умереть, то, по крайней мере, погибнем героически!

Он первым последовал своему призыву и выстрелил из ружья и из пистолетов по темным фигурам, которые ринулись на развалины. Фертиг и негр поддерживали его, также стреляя из пистолетов и ружей, и этот решительный отпор вновь заставил нападавших отступить. Они опять заняли свои прежние позиции и поддерживали оттуда непрерывный огонь. Некоторые смельчаки подкрались ближе и укрылись в отдаленной части развалин, откуда они, не желая вступать в рукопашный бой, продолжали обстрел, так что Роланд исполнился живейшим беспокойством: их пули пролетали так близко около развалин, что он опасался, как бы которая-нибудь не нашла свою цель.

Он уже прикидывал, не лучше ли будет, если он отправит женщин в ближайший безопасный овраг, как вдруг блеснула, как ему показалось, молния. Но то была горящая стрела, пущенная из ближайшей группы неприятелей; она пронеслась над его головой и, полыхая и дрожа, вонзилась в обломки крыши. Эти выстрелы, все

учащавшиеся, утвердили Роланда в принятом решении увести женщин и все усиливали его беспокойство. Ему, правда, нечего было бояться, что мокрая, пропитанная дождем крыша загорится; но тем не менее, каждая стрела, пока она горела, служила врагам факелом, который скоро должен был выдать им беспомощность слабых путешественников.

Преисполненный такими заботами, он отвел женщин в овраг, спрятал их там между скалами и кустарником и вернулся в развалины, хотя совершенно безо всякой надежды, но с твердым намерением защищать свою жизнь до последней возможности.

Огненные стрелы все еще вонзались в крышу. Но так как они, вследствие сырости крыши, не достигали своей цели, то индейцы вскоре прекратили свои попытки поджечь развалины. Казалось, лучшим союзником шавниев становился месяц, который взошел над лесом и время от времени бросал свой луч сквозь просветы в тучах. Хотя и слабо, но все-таки достаточно ярко светил он, чтобы рассеять густой мрак, который до сих пор служил лучшей защитой Роланду и его спутникам. Прекрасно понимая это, капитан, тем не менее, внешне оставался спокоен и решителен, хотя душа его была преисполнена сомнениями. Все его мужество и вся бдительность не могли, однако, компенсировать преимуществ неприятеля, осадившего развалины. Пять или шесть воинов поддерживали непрерывный огонь, направленный на хижину, к счастью, не представлявший уже прежней опасности, поскольку женщины были удалены оттуда. Что же произойдет, когда хижина окажется в руках краснокожих?

Прошло уже около полутора часов с того времени, как ушел Натан, и снова в сердце Роланда воскресла надежда на то, что им удастся избежать плена.

«И если это так, — думал он, — то Натан должен быть уже недалеко от лагеря друзей, и теперь уже недолго ждать помощи. Благодарение небу! Месяц снова прячется за облака, и снова слышатся раскаты грома. Если бы я мог продержаться еще хоть один час!»

Желание молодого человека начинало осуществляться. В то время как небо заволакивалось все новыми тучами, выстрелы неприятелей становились все реже и наконец совсем затихли. Роланд воспользовался краткой передышкой, чтобы спуститься к реке и утолить жажду.

Он посмотрел еще раз на пенящийся поток и серьезнее, чем прежде, стал прикидывать, нельзя ли как-нибудь спастись, переправившись через реку. Вода, правда, бушевала; но напротив оврага река образовывала широкую и довольно спокойную заводь, преодолеть которую можно было, наверное, безопасно, не будь посреди этой заводи островка, который запруживал ее.

Пока Роланд раздумывал о возможности переплыть со своими спутниками на лошадях к острову, внезапно сверкнувшая молния позволила ему разглядеть, что остров состоял из вершин деревьев, стволы которых находились под водою. Одновременно заметил он при ярком свете быстроту течения в середине потока и понял, как опасно доверяться реке, рискуя быть разбитым о стволы деревьев. Так угас для него последний луч надежды, и Роланд пробормотал:

— Итак, мы осаждены со всех сторон... И само небо отступилось от нас!

При следующей вспышке молнии капитан неожиданно увидел, что заводь пересекает маленький челнок. Вот он врезался в кусты. Из челнока выскочил человек. Роланд испугался: он не мог предположить ничего, кроме того, что дикие решили напасть и со стороны реки. Он собрал все свое мужество, с саблей в руке бросился на незнакомца, привязывающего лодку к берегу, и нанес ему такой удар по голове, что он тотчас же, по-видимому, замертво рухнул на землю.

— Умри, собака! — воскликнул Роланд и занес уже ногу, чтобы сбросить тело в воду, как вдруг незнакомец воскликнул по-английски:

— Разрази вас гром, белый! Что с вами?

К изумлению своему, Роланд узнал голос Ральфа Стакпола. Конокрад проворно вскочил на ноги, сбросив свою шапку, которую сабля Роланда разрубила почти посередине, не задев, однако, головы, и накинулся на Роланда, чтобы отплатить за нападение, которое, как он думал, было сделано со злым умыслом. Очередная молния осветила лицо капитана Форрестера, узнав которого Ральф восторженно зарычал, хлопая в ладони и ударяя пяткой о пятку:

— Разрази меня гром! Это вы, капитан! Я ведь знал, что вы тут сражаетесь, потому что слышал ружейные выстрелы и вой индейцев. Разрази меня гром, я сказал себе: ты должен отправиться туда на защиту ангелопо-

добной леди, которая спасла тебя от виселицы. А теперь, друг, я здесь и буду сражаться со всеми тварями, белыми или красными, черными или пегими, чтобы только ничего дурного не приключилось с той, которая спасла мне жизнь. Отведите меня к ней, и я съем и проглочу ваших врагов так, чтобы от них не осталось ни одного волоска или ноготка!

Роланд пропустил мимо ушей словоизлияния полусумасшедшего человека и только спросил его, каким образом ему удалось попасть сюда.

— В челноке! — отвечал Ральф. — Я нашел его под кустами, живо смастерил себе топором весло, вскочил в челн, подумал о леди и перемахнул через поток, как водяная муха. Чужестранец, вот я! Но я прибыл не для того, чтобы болтать, а затем, чтобы показать вам, что я, как собака, готов умереть за ангелоподобную леди. Где она, чужестранец? Покажите мне ее, чтобы ярость зверя овладела мною, и я бросился бы на краснокожих, как волк на овец!

Роланд ничего не ответил, а без дальних разговоров отвел его к женщинам, которые укрывались в расселине.

— Разрази меня гром, — прорычал Ральф, увидя бледное лицо Эдит, — если такое зрелище не сделает из меня ягуара, то пусть я буду сам проглочен с кожей и с волосами! О, прекрасная леди, взгляните на меня и скажите хоть словечко, потому что я готов сражаться, как дикая кошка. Ободритесь и не унывайте! Разве я не Ральф Стакпол, не раб ваш? Разве я не для того пришел, чтобы сожрать всех, кто против вас, — шавниев, делава-ров и прочих? О, ангелоподобная леди, не умирайте теперь, а лучше посмотрите, как я их проглочу.

— Полно молоть вздор, — сказал Роланд, который, несмотря на свое недоброжелательство к конокраду, все-таки был обрадован его рвением. — Докажите вашу благодарность на деле и скажите мне, как удалось вам пробраться сюда, и есть ли у нас надежда выбраться из западни?

После долгих усилий Роланду удалось заставить Стакпола рассказать, что с ним произошло. Оказалось, что прошедший день был так же значителен и несчастлив для конокрада, как и для молодого воина. Не успел Ральф избавиться от петли, как молодая лошадь, на которой он ехал, сбросила его и ускакала. Он некоторое время гнался за нею, но напрасно, и в конце концов отказался от намерения поймать ее. Ночь застигла его,

когда он подходил к берегу реки, а так как река вздулась от дождя, то он не решился переправиться через нее. Поэтому он разложил костер при дороге с намерением провести всю ночь на берегу.

— А! — воскликнул Роланд. — Так это, значит, ваш огонь помешал нам переправиться через реку? Мы сочли его за костер, разложенный индейцами.

— Индейцы, говорите вы? И вы правы, — возразил Стакпол развязно, — я видел отряд индейцев, переходящих реку вброд, и как раз, когда я прицелился и рассчитывал уложить зараз двоих одним выстрелом, раздался выстрел сзади меня и выгнал меня из моего убежища. Тогда я бросился в кусты и убежал, так как думал, что вся шайка гонится за мной. Так добежал я до оврага и скатился кувырком на дно. А пока я еще почесывал ушибленную голову, слышались ружейные выстрелы, и я тотчас же подумал о леди. И в то время как я размышлял о том, что предпринять, увидал я челнок, вскочил в него при свете молнии и стал грести, пока, наконец, не попал сюда. А если вы меня спросите, зачем, то я отвечу: единственно ради ангелоподобной леди! Я раб ее!.. Да, чужестранец, разрази меня гром, я хочу сражаться с шавнями и умереть за нее, для меня смерть — веселый праздник, и ничего больше!

— Несчастный! — воскликнул Роланд, весь гнев которого против конокрада снова вспыхнул, когда он узнал, что пребывание его у переправы и его не вовремя зажженный огонь довели их до теперешнего безвыходного положения. — Несчастный! Во истину, вы родились нам на погибель! Не встретить мы вас, моя сестра была бы теперь в безопасности! Если бы она оставила вас висеть на дереве, то вы не оказались бы у брода и не отняли бы у нас единственный шанс на спасение, когда кровожадные шавнии гнались за нами по пятам.

Обескураженный Стакпол убедился, что именно он, правда невольно, принес несчастье своей благодетельнице. Его радость перешла в раскаяние и отчаяние, и он бросился перед Эдит на колени.

— Разрази меня гром! — воскликнул он. — Если я вверг леди в опасность, то я же и спасу ее! Где собаки-индейцы? Я проглочу их!

Он снова вскочил, зарычал как одержимый, вбежал в хижину, стал бегать взад и вперед и беспрестанно испу-

скал громкогласный рев, так что шавнии вскоре стали отвечать на него воинственными криками.

— Слушайте вы, длинноногие, змееподобные собачьи морды! — ревел он из хижины, куда и Роланд поспешно последовал за ним. — Слушайте вы, гологоловые, прокопченные краснокожие. Исчадия ада! Еноты, жабы, гады! Слушайте вы, подлецы, пугающие ангелоподобную леди, слушайте, как я вызываю вас на бой! Вперед, и покажите ваши скальпы! Я сниму их... Я, аллигатор с Соленой реки! Кукареку! Кукареку!

За этими нелепыми выкриками тотчас же последовали ружейные выстрелы, направленные в конокрада, который тоже стал стрелять, сопровождая каждый выстрел воем, превосходившим силою даже военный клич индейцев. Он долго бы еще находился в этом положении, если бы Роланд не стащил его с кучи бревен к остальным защитникам. Но и отсюда он продолжал начатые враждебные действия, постоянно вновь заряжая ружье и сопровождая каждый выстрел воем, как будто при этом убивал десяток врагов.

Роланд наблюдал за ним с удивлением и не без удовольствия.

Вскоре, однако, дикие возобновили осаду: выстрелы их стали чаще, рев еще ближе к развалинам. Положение осажденных сделалось вскоре так опасно, что Роланд и его спутники, опасаясь общей атаки, незаметно покинули развалины и укрылись у спуска в овраг.

Враги, которые не догадывались о том, что хижины опустели, и, вероятно, полагали, что загнали осажденных вглубь ее, выпустили теперь до дюжины залпов по развалинам, наверно для того, чтобы подготовить общий штурм, которого так опасался Роланд. Тогда он спросил Стакпола, не считает ли он возможным перевезти в своем челноке женщин и спрятать их в безопасном месте.

— Разрази меня гром! — воскликнул конокрад. — Это трудное дело, но я попытаюсь!

— А почему вы об этом не сказали раньше? — спросил его Роланд.

— Э, да просто потому, что я жаждал прежде всего сражаться за нее! — воскликнул Стакпол. — Ну-ка, еще раз выстрелю по этим бестиям, а потом, чужестранец, бежим. Но я наперед скажу вам: это не будет приятной прогулкой, и трудно будет переправить лошадей через поток.

— Нечего заботиться о нас, да о лошадях, — возразил Роланд. — Спасите только девушек. Я и этим буду доволен. Мы будем оборонять овраг, пока подоспеет помощь, если Натан еще жив.

Без дальнейших рассуждений отправился Ральф готовить челнок для переправы женщин, тогда как Роланд убеждал Фертига и Цезаря мужественно и стойко защищаться до последней возможности.

Глава X

ПЛЕН

Рев потока и громовые раскаты встревожили Роланда, когда он переносил сестру в челнок. Тревога его еще усилилась, когда он внимательнее осмотрел челнок и увидел, что он был так мал, что едва мог вместить трех человек. Он представлял из себя выдолбленный ствол дерева, заостренный к обоим концам, который скорее походил на корыто, чем на лодку. Поэтому решили, что в лодке с Ральфом поплывут Эдит и Телия, а все остальные переправятся на лошадях.

— А теперь вперед, молодцы! — закричал Стакпол мужчинам, которые подошли к берегу с лошадьми. — Если вы решили ехать верхом, то дайте мне ваши ружья и торопитесь, потому что, разрази меня гром, негодяи уже штурмуют хижину!

Роланд окончательно отказался от намерения ожидать Натана, увидев как головни полетели через разоренную крышу внутрь развалин, после чего дикари ринулись на хижину с ужасными, ликующими криками. Но вслед за тем раздались и крики изумления, а потом топот шагов, поспешно приближавшийся к оврагу.

— Вперед! — закричал Ральф. — Чужестранец, держитесь ближе к челноку, если вам дорога жизнь.

Челнок отчалил; Роланд, ведя в поводу лошадь сестры, направил Бриареуса в пенившиеся волны и позвал за собой Фертига и Цезаря. Последовали они за ним или нет, он не мог увидеть, потому что в тот же миг оказался в стремительном водовороте. Яркая молния, за которой наступил полный мрак, ослепила его. Течение неудержимо влекло его дальше, а гром заглушал всякий другой шум,

кроме рокота волн. При вспышке молнии Роланд увидел, что его яростным потоком несло по волнам между двух стен: из древесных стволов и скал. Он содрогнулся в отчаянии; эти мрачные отвесные стены по обеим сторонам и пенившийся между ними поток представляли зрелище, способное потрясти самое отважное сердце. Дух захватило у Роланда, когда он увидел, что челнок поднесло к узкой стремнине и в следующую минуту, прежде чем погас блеск молнии, исчез в нем, как будто был им поглощен.

Но в эти страшные минуты ему некогда было задумываться. Он бросил повод лошади сестры, направил своего Бриареуса в стремнину, быстро понесся между стен, и спустя несколько мгновений его вынесло в сравнительно спокойные воды. Новая молния осветила скалы и поток, и он увидел шагах в пятидесяти от себя маленький челнок, плывший в полной безопасности, и слышно было, как конокрад ликовал, радостно потрясая веслом над головой.

Как бы в ответ на веселое «ура» рычащего Ральфа, Роланд услышал позади себя отчаянный крик, который на мгновение заглушил даже рокот потока и внезапно оборвался, так что можно с уверенностью утверждать, что если кричал обреченный на смертную муку, то его мука кончилась... Роланд сразу понял, в чем дело; когда повернул своего коня против течения и заметил в волнах при блеске молнии два или три темных предмета, похожих на головы лошадей, а как раз около него вынырнула из воды человеческая фигура. Он крепко ухватил ее, перекинул через седло и увидел, что спас жизнь своему верному Цезарю.

— Держись за седло! — крикнул он негру, и, в то время как тот с инстинктивной поспешностью послушался, Роланд снова повернул коня по течению, чтобы взглянуть, где челнок. В следующее мгновение Бриареус ступил на твердую почву, и Роланд с явным облегчением увидел, что пристал к мели, к которой волны прибили также и легкий челнок.

— Ну, меня следует назвать лягушкой! — ликовал Ральф Стакпол, приветствуя капитана. — Стремись, яростная вода! Я смогу тебя покорить ради ангелоподобной леди. А теперь индейцы могут, пожалуй, снять скальп с реки, потому что наши скальпы они едва ли получают.

Роланд радостно обнял сестру, а затем оглянулся, но Пардена Фертига нигде не заметил. Он громко позвал его; в ответ услышал лишь рев воды и раскаты грома.

Старый Цезарь тоже ничего не мог сказать о нем. Про себя самого он помнил только, что потоком его отнесло к древесной стене, где он потерял сознание и пришел в себя только тогда, когда его господин поймал его. Поэтому Роланд предполагал, к немалому огорчению, что Фертиг погиб в волнах. Это предположение подтвердилось тем, что из пяти лошадей только три добрались до берега — Бриареус, лошадь Эдит и, по всей видимости, утонувшего Фертига. Остальные же, вероятно, разбились о скалы и были унесены потоком.

Эти потери опечалили Роланда, но ему некогда было долго сожалеть о них. Путешественники ни в каком случае не могли считаться спасенными, и он обязан был поспешить укрыть их до рассвета в безопасном месте. Ральф вызвался провести путешественников к безопасной переправе и оттуда проводить их к тому месту, где остановились опередившие их переселенцы. Это предложение было принято с радостью. Роланд помог сестре сесть на лошадь, посадил Телию на лошадь Фертига, отдал Бриареуса совершенно измученному негру, а сам решил продолжать путь пешком. Он сам составил как бы арьергард, Ральфа Стакпола поставил впереди отряда, и путешественники опять вступили в девственный лес.

Тем временем рассвет уже высветил бы восточный край неба, не будь оно все еще покрыто густыми тучами. Поэтому путешественники должны были воспользоваться немногими минутами оставшейся темноты, чтобы успеть уйти от коварных индейцев как можно дальше.

Несмотря на крайнюю усталость, они напрягали свои последние силы; густой кустарник и топкие болотистые места задерживали их в пути; но когда свет проник в густой лес, Роланд все-таки был уверен, что они удалились от развалин, по крайней мере, на час езды. Путешественники вздохнули с облегчением, когда облака вдруг разошлись и солнце во всей своей красе осветило землю.

Прошел еще час. Они все еще ехали по кустарнику и болотам, которым Роланд отдавал предпочтение перед открытым лесом. И в самом деле, он поступал предусмотрительно, потому что натолкнуться на индейских лазутчиков гораздо вероятнее можно было в лесу, чем в густых кустарниках, где совсем не имелось тропинок.

При всем том вскоре оказалось, что затея Стакпола в этом случае оказалась неудачна: для беглецов было бы

гораздо выгоднее, если бы он, по крайней мере, в течение первого часа бегства вел отряд по прямой дороге, вместо того, чтобы терять драгоценное время, пробираясь по непроходимым чащобам. Беглецы вышли теперь из кустарников и вступили на узкую тропинку, протоптанную буйволами. Она вывела их к глубокому оврагу, и они увидели сверкавшую на солнце реку, через которую должны были переправиться.

— Вот, прекрасная леди! — воскликнул Ральф ликуя. — Вот переправа! Вода тут настолько мелка, что вы не замочите даже своих подошв. Теперь наша взяла, и мы можем осмеять краснокожих! Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

С этими словами, которые ясно и громко раздались в лесу, Ральф направился было к спуску, как вдруг ликующий крик его оборвался и заменился криком ужаса. Ружейная пуля, пущенная из кустарника в полусотне футов от отряда, просвистела у него в волосах и даже вырвала из них клочок. В то же мгновение грянула еще дюжина выстрелов, и полтора десятка дикарей выскочили с громкими криками из-за кустов. Трое из них схватили поводья лошади Эдит, шестеро бросились на Роланда, и прежде чем он успел шевельнуться, его повалили и связали. Хотя и ошеломленного, Ральфа оказалось захватить труднее. Четверо индейцев бросились к нему с поднятыми ножами, радостно восклицая:

— Вот, конокрад! Вот он, Стакпол!.. Теперь-то уж мы тебя не отпустим! Зажарим на большом костре!

— Разрази меня гром, — прорычал Ральф, — так легко я не поддамся!

Он выстрелил из своей винтовки наугад, одним прыжком скрылся в ближних кустарниках, за которыми находился довольно крутой обрыв, и убежал с быстротою оленя. Вслед ему раздались выстрелы, и трое или четверо индейцев немедленно бросились преследовать его. Их крики, все удалявшиеся, перемежались с победным ликованием дикарей, оставшихся с белыми. Роланд был как бы оглушен; он видел, как индейцы попирали ногами старого окровавленного Цезаря, как стащили с лошади мертвенно-бледную, лишившуюся чувств сестру... Гнев наполнил его сердце... Он стал делать отчаянные, но напрасные усилия, чтобы освободиться от пут. Но ничего не достиг, лишь вызвал насмешки своих врагов, которые с варварским удовольствием смотрели, как он мучался. Еще крепче связали

они его и прикрутили ему руки к спине ремнями из буйловой кожи так, что он едва не взвыл от боли.

Впереди ему предстояли еще другие, более жестокие муки. Он видел, как полно ужасом бледное лицо его любимой сестры, — видел, как умоляюще она протягивала к нему руки, — видел грубую радость бессердечных дикарей, и ожидал каждую минуту, что голова ее будет раздроблена томагавком. Он даже хотел просить о пощаде и милосердии, но отчаяние отняло у него голос, и он лишился чувств, впал в полное забытие. Так пролежал он некоторое время, к счастью для себя не видя и не понимая, что происходило вокруг.

Глава XI

СТЫЧКА

Когда Роланд пришел в себя, все вокруг него совершенно переменилось. Громкое издевательское ликование диких замолкло, и ничто, кроме шума листвы и журчания воды, не нарушало тишины этой глуши. Дикари тоже исчезли, и Роланд, осмотревшись вокруг, не увидел ни одного живого существа, кроме маленькой птички, порхавшей в ветвях над его головой. Роланд по-прежнему был связан, и в голову ему закралась страшная мысль, что у дикарей возникло свирепое намерение оставить его томиться здесь, в пустыне, одиноким и беспомощным. Недолго было, однако, это опасение, потому что, когда он сделал отчаянное усилие, чтобы освободиться от своих уз, то почувствовал как сдавили его шею, и чей-то голос прохрипел на ухо:

— Длинный Нож, лежать тихо! Увидишь, как Пианкишав убивает братьев Длинного Ножа. Пианкишав — великий воин.

Роланд с трудом повернул голову и увидел в кустах за собою старого воина, взгляд которого то с равнодушной жестокостью дикой кошки следил за ним, то обращался к склону горы, где происходило что-то необычное. Роланд, который все еще ничего не понимал, хотел обратиться за разъяснениями к своему сторожу, но едва открыл он рот, как дикарь приложил блестящий меч к его горлу и выразительно сказал:

— Если Длинный Нож начнет говорить, то тут же и умрет! Пианкишав сражается с братьями белого! Пианкишав — великий воин!

Роланд замолчал и предался своим грустным мыслям. Вскоре, однако, они были прерваны отдаленным шумом, который Роланд сначала принял за топот стада буйволов, пока не заметил, что шум производили лошади, скакавшие во весь опор по каменистой тропинке, на которой он был взят в плен. Его сердце забилося в радостной надежде: кем же могли быть эти всадники, как не отрядом храбрых кентуккийцев, быть может, призванных Натаном к нему на помощь. Легко мог он себе теперь объяснить исчезновение индейцев, засевших вновь в свои засады в виду приближения воинского отряда.

— Прячьтесь теперь, мерзавцы, — пробормотал капитан сердито. — На сей раз вы уж не уйдете; теперь вы имеете дело с воинским отрядом, а не с испуганными, бежавшими от вас женщинами!

В волнении попробовал он поднять голову вверх, чтобы как можно скорее увидеть приближавшихся союзников. Против его ожидания, попытка его была остановлена краснокожим, сказавшим ему с язвительной ухмылкой:

— Так, теперь ты можешь увидеть, как Пианкишав снимает скальпы с черепов твоих братьев! Пианкишав — великий воин, Длинный Нож — прах, ничто!

Несколько раз повторял индеец эти слова; Роланд же тем временем внимательно осматривал местность, которая, вероятно, должна была вскоре сделаться ареной жестокого боя.

На горе, откуда вела злосчастная тропинка, почти не было деревьев. Только кое-где поднимались из травы несколько искривленных стволов кедров, тогда как на многих местах в почве зияли глубокие трещины и расселины, значительно затруднявшие движение всадников. Дикари расположились около склона, где было очень мало деревьев, которые могли бы защитить нападавших, тогда как сами они заняли пространство, так хорошо защищенное скалами и кустами, что могли нанести много вреда своим противникам. При всем этом Роланд почти не сомневался в исходе предстоявшего сражения. Число дикарей, по его мнению, едва ли превышало 15 или 16 воинов.

Но как велико было его разочарование, когда отряд вышел из лесу, и его глазам представилась только ма-

ленькая группа молодых людей, приближавшихся с такой поспешностью, что, по-видимому, они не имели ни малейшего понятия об устроенной им засаде. В предводителе Роланд тотчас же узнал молодого Тома Бруце, за которым следовало не более десяти юношей. Все они, правда, были хорошо вооружены и держали ружья наготове. Из опасения, что кентуккийцы вот-вот попадутся в лапы врагов, Роланд, забыв о своем собственном тяжелом положении, закричал, как мог громко:

— Берегитесь засады! Стой!

Более он не смог произнести ни слова, потому что краснокожий стиснул его горло, угрожающе занеся над его грудью нож. Но Роланд все-таки заметил, что крикнул вовсе не напрасно: кентуккийцы вдруг остановились и соскочили с лошадей, которых один из молодых людей увел немедленно за гребень холма. Том Бруце поднял свое ружье, указал рукой на засаду дикарей и закричал своим спутникам:

— Ну, джентльмены! Сражайтесь во славу Кентукки и на радость женщинам! Пусть каждый стреляет в какой-нибудь куст, и каждая пуля пусть попадет в краснокожего! Выгоним этих бестий из засады!

На этот призыв отвечало громкое «ура» молодых людей, которые немедленно рассредоточились, а индейцы, как только заметили маневр белых, тотчас же дали залп из шести или семи ружей, который не причинил никому вреда.

— Вот где засели, собаки! — закричал Том и ринулся со спутниками в ближайшие кусты. — Покажите им свое мужество!

— Длинный Нож — большой дурак! — воскликнул дикарь, стороживший Роланда, и с этими словами исчез в зарослях, оставив Роланда одного.

Начавшееся сражение представляло для Роланда что-то совершенно новое, особенное. Во всех стычках, в которых ему приходилось участвовать раньше, враждебные отряды стояли открыто друг против друга, лицом к лицу. Здесь же никто не видел своего врага, обе стороны залегли, спрятавшись в траве, и так старательно укрывались за кустами и скалами, что только по случайному выстрелу можно было заметить их присутствие. Кроме того, здесь каждый сражался за себя, тогда как в сражениях белых обыкновенно масса стояла против массы, и воины,

поддерживаемые своими товарищами, постоянно черпали в единении отвагу и мужество. Роланд полагал, что при таком бое, как начинавшийся, ни одной из сторон не могло быть нанесено большого урона.

Но вскоре он увидел, что ошибается. Сражавшиеся подползали друг к другу все ближе и ближе, старательно скрываясь, и выстрелы, которые прежде были довольно редки, теперь раздавались все чаще и чаще. Ликование индейцев или лихой возглас одного из кентуккийцев доказывали по временам, что воинский пыл быстро разгорался с обеих сторон. В то же время Роланд заметил, что обе стороны вытянулись в одну широкую линию, и заключил из этого, что кентуккийцы остерегались показать тыл и твердо решили стоять с противником лицом к лицу до последнего.

Таким образом сражение продолжалось несколько минут. Наблюдая за ним, Роланд испытывал невероятное душевное страдание: он плохо видел сражавшихся и сам был не в силах вмешаться в битву, от исхода которой зависела его судьба.

Вдруг три индейца, увлекаемые яростью и жаждой крови, выскочили из своей засады и напали на кентуккийцев с громкими криками. Роланд вздрогнул: он боялся, чтобы эта смелая вылазка не стала началом нападения всего отряда индейцев, который в таком случае, без сомнения, победил бы своих малочисленных противников. Но капитан ошибся: только что меднокрасные лица дикарей показались из-за травы, как в них выстрелили одновременно из трех ружей. Каждый выстрел нанес отважным противникам поражение: двое из них упали на месте, а третий, нелепо размахивая топором и шатаясь, сделал еще несколько шагов и тоже рухнул, вероятно, замертво.

— Да здравствует наш Кентукки! — радостно закричал Том Бруце. — Еще раз, товарищи! Зададим им хорошенько и освободим пленников!

Голос друга, раздавшийся на таком близком расстоянии, исполнил сердце Роланда надеждою, и не обращая внимания на индейцев, он громко позвал на помощь.

Но его вопль был заглушен диким, бешеным ревом, которым индейцы выражали свое горе и ярость по поводу гибели соплеменников. Гнев ослепил их настолько, что они совершенно забыли об осторожности. Все они, будто понуждаемые кем-то, выскочили из своих укрытий и ки-

нули с пронзительными воплями на кентуккийцев. Но каждый белый с хладнокровным спокойствием наблюдал за своим противником, и когда раздались выстрелы, индейцы снова поспешно попрятались и продолжали сражаться прежним образом, который обещал большую безопасность. С обеих сторон стреляли теперь непрерывно и часто, особенно кентуккийцы: подбодренные первым успехом, они упорно продвигались вперед, подвергая себя опасности только в крайней нужде.

Надежда Роланда на благоприятный исход сражения все более возрастала, его прежние опасения исчезли совершенно. При том живом участии, которое он, как наблюдатель, принимал в сражении, он совсем забыл о боли, причиняемой ему ремнями, глубоко врезавшимися в тело, и бодрое «ура» сражавшихся товарищей благотворно действовало на него. Он слышал, как Том Бруце крикнул кентуккийцам:

— Ну, друзья, выпустим еще по заряду, а там — ножи и топоры!

Казалось, что тяжкие потери индейцев на первых порах решили сражение в пользу кентуккийцев: Роланд заметил уже, как индейцы медленно отступали к своей прежней засаде. Воскликание Тома Бруце, казалось, означало скорее окончание боя, так как звучало несомненною уверенностью в победе:

— Скорей, друзья мои! — услышал Роланд снова его голос. — Нападем теперь с заряженными ружьями!

В эту минуту крайней решимости, когда Роланд уже не сомневался в благоприятном исходе, произошел случай, сразу изменивший положение дел и лишивший храбрых кентуккийцев возможности привести в исполнение свое мужественное намерение.

Едва успел Том Бруце проговорить эти слова, как из ближайшего куста раздался еще более пронзительный голос:

— Так, так... верно! Разрази гром меня, а потом и их, собак с зубами и когтями, злодеев и убийц! Дайте-ка собакам попробовать вашей стали! Кукареку! Кукареку!

При этом крике, раздавшемся так неожиданно, Том растерянно посмотрел назад и увидел лицо Ральфа Стакпола, который только что прочистил себе дорогу сквозь низкий орешник. В смущении смотрел Бруце на конокрада, и храбрость его, до сих пор такая отчаянная, уступила место удивлению и страху: он думал, что

Ральф давно повешен, и вдруг вновь услышал столь знакомый голос, который наполнил сердце юноши суеверным страхом, и он забыл и свое положение, и положение спутников, и дикарей, — все, кроме того факта, что ему встретился дух повешенного.

— Небо и земля! — вскричал он. — Ральф Стакпол!

С этими словами в смятении обратился он в бегство и направился прямо к неприятелю, но вдруг пуля, едва он только сделал пятнадцать шагов, сбросила его на землю.

Появление Ральфа поразило и других воинов: и их, подобно Тому, охватил панический страх. Индейцы немедленно воспользовались их смущением и набросились на них. Все это, а главное — падение предводителя, привело кентуккийцев в окончательное замешательство. Они пустились в бегство и бежали от места сражения, как будто за ними гнались призраки. Остались на месте только тяжелораненый Том Бруце и двое других кентуккийцев, сраженных пулями индейцев. Напрасно кричал Ральф, понявший только теперь, какой страх произвело его неожиданное появление, что он вовсе не дух, а такой же, как и они, человек: никто не слышал его в своем смущении, и ему ничего не оставалось, как спасти как-нибудь свою жизнь.

— Разрази меня гром! — воскликнул он и едва собрался бежать, как стон Тома Бруце привлек его.

— Вы еще живы, Том? — спросил он. — Так подымайтесь, потому что здесь все кончено.

— Со мной все кончено, — вздохнул Том. — Я рад только, что вы не дух и еще раз избежали петли. Бегите, Ральф, бегите скорей!

— Разрази меня гром, если я вас покину! — сказал конокрад, осматриваясь кругом, как бы ища помощи.

Счастливым случаем благоприятствовал ему. Бриареус сорвался с привязи и на свободе бегал по полю сражения. В одно мгновение поймал его Ральф, поднял на него раненого Тома и с радостью смотрел, как Том скорой рысью поехал за товарищами. Затем сам он бросился в кусты, чтобы не попасть под пули индейцев и, так как все потайные тропы были ему хорошо известны, то он вскоре оказался в безопасности.

Все это видел Роланд с такими чувствами, которые трудно описать. От былой надежды, которая на минуту было осенила его, перешел он к тяжкому, горькому отчаянию...

Глава XII

РАЗЛУКА

Начавшееся после жаркой, хотя и краткой стычки, преследование кентуккийцев продолжалось около часа. Сперва дикие возвратились со своей добычей: двумя лошадьми, на которых взгромоздилось столько индейцев, что они едва помещались на их спинах. Все они ликовали и вели себя скорее как шаловливые школьники, чем как воины, только что выигравшие сражение.

Но их ликование не было продолжительно: когда они прибыли к месту сражения, оно заменилось горестным воплем, которым они, — Роланд не сомневался в этом, — поминали своих павших соплеменников. Однако скорбь уступила вскоре место другому чувству: едва индейцы заметили тела павших кентуккийцев, как разразились бешеным ревом. Они набросились на мертвецов, топтали их ногами, прокалывали ножами безжизненные тела, наносили им глубокие раны томагавками и старались (так велика была их ярость) превзойти друг друга в выражении ненависти.

Среди этого варварского неистовства несколько диких, между которыми находился также их предводитель Пианкишав, подошли к Роланду. Стоя перед ним, Пианкишав поднял свой томагавк и, смотря на него злобным взглядом, хотел одним ударом размозжить ему голову. Но его соплеменники наклонились к нему и прошептали несколько слов, которые обратили его ярость в громкий, невоздержанный смех.

— Хорошо! — закричал он и кивнул капитану с язвительной насмешкой. — Ничего не сделаем Длинному Ножу! Возьмем тебя к Пианкишавскому народу!

После этих слов, смысл которых Роланд не понял, они удалились хоронить тела павших воинов. Они относили их к подножию горы, где молча складывали в чаще деревьев или в ущелье. После этой церемонии они возвратились к Роланду, и едва только Пианкишав увидел его, как у него снова явилось желание убить пленника. Однако соплеменники вторично остановили его, прошептав ему слова, которые, как и прежде, обратили его ярость в веселость.

— Хорошо! — кивнул он. — Длинный Нож перейдет в Пианкишавский народ. Пианкишаву большой смотр сделаем!

И он начал плясать кружась и делать при этом такие ужимки, так изворачиваться всем телом, что Роланд смотрел на него с величайшим удивлением. Затем они отправились к тому месту, где уже собрались другие индейцы, чтобы решить судьбу пленного.

Роланд взглядом следил за ними и за собранием. Он видел, что индейцы в прошедшем сражении понесли значительные потери, но не заметил при них ни своей сестры, ни Телии. Но чуть позже он разглядел за одним кустом вблизи советовавших великана-индейца, вероятно, приставленного как стража. Роланд решил, что бедных девушек прячут за тем кустарником. Недалеко от него лежало тело убитого индейцами Цезаря.

Среди добычи, дележом которой индейцы занялись первоначально, оказалось кроме кусков сукна, кораллов, оружия, трубок и пороха, также и несколько бочонков виски. Один человек с более светлым цветом лица выдавал каждому индейцу его часть, и по тому, как он себя при этом вел, видно было, что он пользовался у индейцев уважением, хотя он и предоставлял окончательное решение вопросов на усмотрение вождя. У вождя было особенно дикое и свирепое выражение лица, и сильно смахивал он на разъяренного волка. Вождь сидел на камне, погруженный в мрачные мысли, и серьезно, с большим достоинством отдавал приказания насчет раздела добычи.

Когда покончили с этим делом, взгляды дикарей обратились с насмешливой гордостью на пленного, и старый предводитель, очнувшись от своей задумчивости, встал и сказал на своем языке речь, перемешанную, однако, с английскими словами, которые Роланд попытался привести в порядок, чтобы понять хоть часть того, что он говорил. Смысл его речи, казалось, заключался в том, что он, дикарь, великий предводитель, убивший многих белых, скальпы которых висят в его вигваме: он очень храбр и еще никогда не пощадил из сострадания ни одного белого, и потому с полным правом может носить прозвище «жестокосердного», которого он себе и требует, так как сердце его так жестоко и крепко, как скала под ногами. После того он бранил пленника, который доставил столько труда его воинам и убил некоторых из них; сказал несколько

гневных слов против Дшиббенёнозе и клялся, что он его убьет и сдерет с него скальп, где бы он его ни нашел.

За этой хвастливой речью последовало совещание, убить ли пленного теперь же или доставить его на родину, чтобы там растерзать. Старый Пианкишав говорил последний. Его слова сопровождались такими выразительными жестами, что произвели впечатление даже на самого предводителя, который называл себя «жестокосердным». Этот дал в конце речи знак одному молодому воину, и тот сейчас же привел одну из отнятых у неприятеля лошадей и подвел ее к Пианкишаву, который передал ее двум индейцам, принадлежавшим, по-видимому, к его роду.

После того Пианкишав получил бочонок с виски и стал нюхать его с видимым восхищением. Наконец, передали ему и связанного Роланда. Послышались радостные крики всех индейцев.

Всеобщее ликование, казалось, было знаком к прекращению совещания. Все вскочили на ноги и продолжали пронзительно кричать, пока Пианкишав прикреплял петлю к ремню, охватывавшему руки Роланда, и старался притянуть его к лошади, на которую молодые дикари уже нагрузили бочонок с виски.

Последняя надежда Роланда оказаться вблизи несчастной сестры исчезла. Главный отряд краснокожих распрощался с меньшим отрядом Пианкишава, и уже все было готово к отъезду, как внезапно появилась Телия Доэ, кинулась к Роланду и попыталась вырвать у старого Пианкишава веревку, за которую он вел пленника.

Она схватила веревку с неожиданной силой, и ее блестящие глаза быстро переходили с предмета на предмет, пока не остановились на человеке с более бледным цветом лица, который прежде занимался раздачей добычи.

— Отец, отец! — закричала она ему. — Что вы делаете? Вы не должны выдавать его убийцам! Вы обещали...

— Молчи ты, глупая! — прервал ее бледнокожий. Он схватил Телию за руки и, стараясь оторвать ее от пленного, проговорил: — Ступай на свое место и молчи!

— Нет, я не хочу молчать, я не буду, отец! — продолжала Телия. — Вы — белый человек, отец, а не индеец, и вы обещали мне, что ему не причинят зла. Правда, ведь? Обещали?

— Проклятая дура! Прочь отсюда! — проревел белокожий и еще раз попробовал оттащить Телию. Но де-

вушка с такой отчаянной силой вцепилась в одежду Роланда, что еще другие индейцы должны были поспешить на помощь, чтобы разнять ее руки. Но им противилась она, пока отец не вытащил нож и яростным жестом не занес его над нею. Испуганная, бледная, опустилась она в отчаянии к ногам варвара-отца.

Этим мгновением воспользовались, немедля оттащили Роланда и завладели Телией, которая напрасно делала отчаянные усилия, чтобы последовать за пленным и вырвать его из рук жаждавших его крови врагов. И все еще издалека слышал Роланд ее крики, и они терзали его душу, хотя горе о разлуке с бедной сестрой, казалось, заглушало в нем все иные чувства.

Когда Пианкишав и его спутники спустились с холма, старик вскочил на лошадь, схватил конец веревки, которой был привязан Роланд, и поехал вброд, таща за собой несчастного пленника. Брод был широк, глубокий и каменистый, и течение здесь было так сильно, что Роланд срывался несколько раз и, несомненно, погиб бы, если бы другие два дикаря не поспежали к нему вовремя на помощь. Наконец, они перебрались через реку, и воины поспешили взойти на берег, где еще раз остановились, чтобы послать последний поклон своим союзникам.

И Роланд бросил последний взгляд на уезжавших дикарей, и его сердце защемило от боли: ему показалось, что между ними сидела на лошади Эдит, поддерживаемая великаном-индейцем, и вскоре исчезла за деревьями.

Большой отряд индейцев стоял еще на гребне холма и отвечал на прощальные крики Пианкишава, который потом повернул на запад и, таща за собой пленника, исчез в чаще леса.

Глава XIII

ПИАНКИШАВ

Боли, которые причинял несчастному Роланду крепко затянутый ремень, сделались так сильны, что он несколько раз терял сознание. Это немало замедляло путешествие индейцев; наконец, они освободили его от уз. Сострадание или, вернее, опасение потерять пленника побудило их проявить некоторое участие к нему. Они вымыли распух-

шие суставы его руки свежей водой из ручья, на берегу которого отдыхали короткое время, перевязали ему раны, приложили к ним какой-то травы и для подкрепления предложили ему маленький деревянный кубок виски. Но Роланд отказался от этого подкрепления, что Пианкишав воспринял с нескрываемым удовольствием и сам опорожнил кубок, предназначенный для пленного.

— Хорошо! — закричал он. — Очень хорошо! Пианкишав друг белых. Белые хороший напиток делают!

После этого отношения индейцев к нему стали более сносными и, хотя старый Пианкишав вскоре и накинул пленнику веревку на шею, чтобы он не мог убежать, они, однако, дружественно что-то говорили Роланду, который не понимал ни слова, так как не был знаком с языком. Сам Пианкишав, казалось, находился в самом веселом настроении. Он ударил своего пленного по плечу, объяснил ему на ломаном английском языке как мог, что он поведет его в главный лагерь своего племени, чтобы усыновить его, и давал ему еще другие уверения в своей внезапно возникшей дружбе. Но эта последняя пропада-ла, как только он отпивал вновь и вновь из бочонка: то становился он до крайности ласков, то вдруг это настроение переходило у него в ярость, и он грозил несколько раз прикончить своего пленника на месте. Только присутствие молодых воинов спасало Роланда от внезапной смерти. Оба воина укоряли своего спутника в его поведении и говорили ему, что его склонность к пьянству вовсе не соответствует достоинству воина и предводителя. Но он все пил и пил, и по мере того как уменьшались порывы его ярости, увеличивалась болтливость, и он принимался рассказывать на английском языке о несчастьях, которые ему пришлось потерпеть во время своей долгой жизни. Свои жалобы он изливал и Роланду, который таким образом узнал причину его ярости: Пианкишав потерял своего сына в сражении с белыми.

— Потерял сына! — восклицал он. — Был хороший охотник, убивал буйволов, медведей и оленей. Был великий воин! Убивал кентуккийцев, сдирал с них скальпы! Теперь мертв! Теперь уже больше не великий охотник и воин. Уж не вернется! Пианкишав не увидит более своего храброго сына!

Так жаловался он и снова неистовствовал, срывая злобу на Роланде, а в следующую минуту опять нежно уте-

шал пленника и умолкал только, когда прикладывался к бочонку. Наконец, он окончательно захмелел. Когда солнце зашло, он уже качался в седле и передал ружье своему пленному, так как оно стало для него слишком тяжело. Роланд жадно схватил его; но оружие было отнято у него одним из молодых воинов, который был слишком умен, чтобы оставить оружие в руках пленного.

Старому Пианкишаву, казалось, было все равно, кто облегчит ему ношу. Он покойно уселся в седле, ехал рысью вперед, болтая и плача, отдаваясь минутному влечению. То затягивал он индейскую песню, то качал сонливой головой. Наконец, сон окончательно завладел им. Он был уже совершенно не в силах управлять конем, и, когда усталое животное остановилось на минуту, чтобы пощипать с куста зеленых листьев, Пианкишав потерял равновесие и как чурбан вывалился из седла на землю.

Молодые воины, которые уже давно едва сдерживали гнев, разразились проклятиями в припадке бешенства. Они схватили бочку с виски, сбросили ее на землю, разрубили томагавками, и виски разлилось по траве. В это время старый Пианкишав поднял голову и, вспомнив свое падение, яростно схватился за ружье, приставил дуло к лошадиной голове и застрелил коня на месте.

— Проклятая! Сразу видно, что от белых! — ревел он. — Сбросила старого Пианкишава! Издыхай же, собака!

Этот взрыв пьяного буйства еще более рассердил соплеменников Пианкишава. Они жестоко выбрали его; однако, он защищался как мог и укорял их в том, что они понапрасну уничтожили виски. Спор их кончился тем, что индейцы выместили свою злобу на ни в чем не повинном пленнике. Их хорошее настроение совершенно исчезло; старик Пианкишав подошел шатаясь к Роланду и называл его всевозможными бранными именами; тем временем молодые воины снова связали ему руки и нагрузили ему на спину два тяжелых вьюка, а также седло и узду с застреленной лошади. К этому прибавили еще большой кусок мяса, отрезанный Пианкишавом от лошади и предназначенный им для ужина. С этой-то тяжелой ношей должен был Роланд следовать за своими повелителями на всем пути, которого, впрочем, на его счастье, они вскоре не могли более продолжать. Наступала ночь, и так как они достигли ручья, то остановились возле него на ночлег.

Зажгли костер, воткнули лошадиное мясо на вертел и зажарили. Индейцы лакомились им с большим удовольствием, тогда как Роланду пришлось довольствоваться лишь чистой водой из протекавшего у его ног ручья. По окончании ужина индейцы принесли кучу листьев, из которых приготовили постель вблизи очага под деревом. Роланда принудили лечь туда же, и дикари привязали его на ночь так крепко, что о бегстве нечего было и думать. Они вырубали кол, положили поперек его груди и привязали к нему вытянутые руки Роланда у кистей и локтей. Потом был положен шест вдоль его тела, и к концам шеста привязаны ноги и шея, так что Роланд лежал под крестом, который совершенно препятствовал любому движению рук и ног. Кроме того, дикари перевязали еще веревку вокруг его шеи, и другой конец ее один из молодых воинов обмотал себе вокруг руки, так что мог заметить малейшее движение пленника. После этих мер предосторожности индейцы легли по обеим сторонам пленника и сейчас же погрузились в глубокий и крепкий сон.

Роланд не мог заснуть: не только скорбь о своей и сестриной судьбе, но и страшные боли, которые причиняли ему крепко стянутые путы, заставляли его бодрствовать некоторое время. Он сделал несколько попыток, чтобы освободиться от уз; но должен был отказаться от этого, так как они держали его так крепко, как будто были железные. Время от времени он повторял свои попытки, но всякий раз напрасно. Крест прилегал к нему так плотно, что ни на волосок не поддавался его усилиям, и Роланд убедился окончательно, что он пленник без средств, без помощи и без надежды...

Но он все еще не совсем потерял присутствие духа и рассчитывал на то, что в продолжение далекого путешествия, вероятно, представится случай бежать, которым он воспользуется. В таких размышлениях прошла большая часть ночи. Месяц поднялся над лесами и слабо осветил их непроницаемую тьму, и наконец на небесной тверди показался отблеск света, возвещавший наступление нового дня. Огонь очага догорел к этому времени почти совершенно. Кругом царила тишина, нарушаемая только легким шумом травы и кустов, когда кролик или птичка пробирались меж них, или когда потухавшее пламя снова разгоралось и потрескивало едва слышно. Вдвойне тягостна была эта глубокая тишина для Ролан-

да, и с жгучим нетерпением ожидал он дня, который должен же был, наконец, освободить его от пут, так сильно тяготивших его. При таком состоянии духа была ему радостна всякая перемена, даже самая незначительная. Немудрено, что поэтому он с вниманием наблюдал за костром, в котором, потрескивая, перебежали огоньки. Наблюдал он и за игрой света на ветвях, рдевших от огня над его головой, и хоть на минуту забывал о горьких, мучительных страданиях.

Вдруг пленник вздрогнул: как раз в ту минуту, когда головня ярко блеснула, услышал он сильный треск, раздавшийся как громовой удар над его головой, и в невольном оцепенении не мог отличить, был ли то, действительно, гром, или ружейный выстрел. Едва он снова пришел в себя, как огромная черная тень внезапно перескочила через него, и он услышал глухой звук топора, тяжело ударившего по телу спавшего рядом с ним дикаря. Последовал пронзительный крик, вырвавшийся из груди раненого индейца от боли и ужаса. Потом Роланд услышал топот удалявшихся шагов; слышал, как кто-то бросился в глубину леса, преследуемый другим, быстро нагонявшим его. После того наступила тишина, нарушаемая только стонами раненого и шелестом его дрожавшего тела в сухой листве. Роланд был ошеломлен этим непонятным для него мгновенным происшествием. В своем положении, ничего не видя вокруг себя, он счел бы все это за сон, если бы стоны молодого индейца рядом с ним, все затихавшие и затихавшие, не подтверждали ему действительности происшедшего. Но что все это означало? Пришла ли ему помощь, когда он ниоткуда не мог ее ожидать? Был ли выстрел, так напугавший его, сделан союзником? Блеснувшая ему вдруг мысль, что такое счастье возможно, наполняла его сердце невыразимой радостью, и, забыв обо всем на свете, он закричал громко:

— Вернись, друг и спаситель! Вернись, освободи меня!

Но не послышалось ответа на его отчаянный призыв. Зато поднялось из травы темное кровавое лицо, и кто-то кинулся к Роланду, но споткнулся о тело убитого воина, и потом со стоном и вздохом подполз к груди Роланда. В это время вспыхнул огонь, и при его свете Роланд узнал Пианкишава. В его судорожно сжатой руке блеснул нож, которым он уже столько раз угрожал Роланду. Теперь, перед смертью хотел он выместить свое бешенство на плен-

ном. Дрожавшими пальцами ощупал он его одежду и нанес ему в грудь несколько неверных и слабых ударов, которые едва проникли сквозь одежду Роланда. Во время этих бессильных попыток убить пленника он шатался от слабости и напрасно старался придать себе более устойчивое положение, упершись левой рукой о землю. Наконец последние силы оставили его, удары ножом становились все слабее и невернее; он изнемог и всей тяжестью своего грузного тела рухнул на Роланда. Еще несколько раз шевелился он и стонал; наконец вытянулся, и Роланд стал очевидцем, как скончался, лежа на нем, его враг.

В этом положении, из которого Роланд без помощи никак не мог освободиться, он снова возвысил голос, призывая на помощь неведомого друга и союзника. Крик его разнесся по лесу, эхо проснулось кругом. Но никакого ответа не последовало, и ничьи шаги не приближались... Роланд весь дрожал при мысли, что он освобожден своими друзьями, чтобы беспомощно, в отчаянии томиться среди кровавых трупов. Этот страх и невероятная тяжесть трупа Пианкишава подрывали его и без того уже ослабевшие силы. Он потерял сознание и лишился чувств...

Глава XIV

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Когда Роланд открыл глаза, он не лежал уже более, как пленный, вытянувшись под тяжелым крестом и придавленный трупом Пианкишава. Его конечности были свободны, а голова покоилась на коленях человека, который заботливо спрыскивал ему лоб и грудь водою из протекавшего тут же ручья. Вероятно, он перенес сюда Роланда во время его обморока. Удивленно стал Роланд оглядываться, и взор его прежде всего упал на окровавленные трупы индейцев. Содрогнувшись, отвел он глаза от этого зрелища и, подняв их, посмотрел на лицо своего освободителя. Каковы же были его удивление и радость, когда он узнал в нем своего прежнего вожатого и посла, верного и отважного квакера Натана. Этот старательно продолжал свое дело, а маленький Пит стоял рядом с ним, виляя хвостом, как будто радуясь, что узнал в Роланде старого знакомого.

— Натан, это вы? — воскликнул Роланд, схватив за руку квакера и делая напрасное усилие подняться с его колен. — Во сне я все это вижу или наяву?.. Скажите же, какими судьбами вы здесь? И вы ли это на самом деле?

— Это я, друг, — отвечал Натан, улыбаясь. — Я и маленький Пит. Больше никого тут нет!

— А я? — закричал Роланд в радости. — Я опять освобожден? А дикие? А Пианкишав? Они все убиты?

— Все, все, — сказал Натан, немного помедлив. — Злые существа не будут тебя никогда более беспокоить...

— Кто же освободил меня? — спросил Роланд с жаром. — А, Натан! Что я вижу? Ваше лицо и руки обгарены кровью! Так это вы освободили меня? Говорите же, Натан, честный, храбрый, добрый Натан!

— Значит, ты не считаешь за грех и безбожие, что я схватил свою винтовку и выстрелил в бездельников-индейцев, чтобы дать тебе свободу? — спросил Натан. — Ведь правда, друг, только потому я это и сделал, что видел, что никаким мирным способом невозможно тебе помочь. Я видел врагов, лежавших рядом с тобой и готовых раздробить тебе череп секирами, и тогда уж я не мог удержаться. Надеюсь, что совесть твоя не упрекнет меня за этот поступок.

— Упрекнет? — вскричал Роланд, горячо пожимая руку Натана. — Ей-Богу же, это был поступок, за который я буду век благодарен, — поступок, которым вы приобретете всеобщее удивление и уважение, как только я расскажу о нем!

— Нет, друг, рассказывать об этом ничего не надо, — прервал его Натан. — Довольно, если ты сам убежден в правильности моего поступка. Поэтому молчи обо всем, что ты видел и увидишь, и не забывай, что я человек мирный!

— Но, Натан, — спросил, наконец, Роланд, — что станется с моей бедной сестрой? Вы ничего не слышали о ней и не видели ее? А мои друзья-переселенцы? Где они? Не последовали ли они за дикими и не освободили ли уже Эдит?

— Не спрашивай так много зараз! — отвечал Натан, причем его до тех пор радостное лицо омрачилось грустью. — Лежи пока спокойно. Пускай твои холодные, как лед, ноги согреются, и раны будут лучше перевязаны. Когда ты будешь в состоянии встать и ходить, ты

узнаешь все, что я знаю, — все доброе и недоброе. Пока же будь доволен тем, что ты в безопасности.

— Господи! — воскликнул горестно Роланд. — Вижу по всему, что сестра моя еще в плену... А я вынужден лежать здесь, свернувшись, как червь, и ничего не могу сделать, чтобы помочь ей. А мои друзья, переселенцы, они-то хоть, по крайней мере, не настигнуты дикими?

— Ты приводишь меня в смущение своими вопросами, — сказал Натан. — Если ты хочешь освободить сестру из плена, то должен прежде всего иметь терпение и снова крепко стать на ноги. Таким образом, прежде всего подумаем об этом. А когда настанет время вызволять твою сестру, я согласен стать первым твоим советчиком.

С этими словами Натан начал старательно растирать затекшие конечности Роланда и перевязывать ему раны. Роланд терпеливо выдержал это и все просил Натана рассказать ему, что он знает. Наконец, квакер сдался и начал рассказ.

Попытка пробраться сквозь ряды дикарей, осаждавших развалины, удалась ему вполне, несмотря на все опасности, и он поспешил прямой дорогой по лесу к форту, как вдруг случайно встретился с толпой молодых людей, ехавших верхом под предводительством Тома Бруце. Натан сообщил молодым людям о тяжелом положении Роланда, и они тут же изъявили готовность поспешить ему на выручку, не требуя еще помощи от переселенцев и соседей. Том Бруце посадил Натана позади себя на лошадь, и они поскакали по лесу, но, ко всеобщему удивлению, нашли развалины покинутыми, а так как в лощине можно было легко различить и проследить до самого края реки лошадиные следы, то из этого они заключили, что путешественники сделали отчаянную попытку спастись вплавь, причем, наверное, все погибли. Тут воспылали гневом сердца храбрых кентуккийцев. Они искали индейцев в низком кустарнике. Натана отпустили, так как его услуги не были более нужны. Но храбрый человек не намеревался уйти, хотя ему хотелось, чтобы другие ничего не узнали о его воинственных поступках. Его мучило, что он был виновен в несчастьи Эдит и ее спутников, и он не хотел успокоиться, пока наверное не узнает, что они, действительно, более не нуждаются в его помощи. Сперва он продолжил без малейшего успеха свои розыски в лощине: последовал затем за молодыми людь-

ми, осматривал место, где на индейцев напали молодые кентуккийцы, и вскоре уверился, что путешественники непонятным образом спаслись из бушевавшего потока. Прежде чем Натан прибыл к месту стычки, она была уже решена не в пользу молодых кентуккийцев, и один из беглецов, встретившийся ему, рассказал, что во всем оказался виноват только Ральф Стакпол. Потом он предложил Натану сесть к нему на лошадь; но Натан отказался, чтобы продолжать разведку. Спрятавшись с маленьким Питом в чаще, он поджидал, пока индейцы окончат преследование и вернуться к месту сражения.

— И вот, друг, — продолжал Натан, — тут-то я и спросил у маленького Пита, что нам теперь делать, и, мы оба сошлись во мнении, что должны следовать за злодеями, пока не узнаем, что случилось с тобой и с бедными женщинами. Мы переползли к склону горы и видели, как отряды индейцев разъехались. Здесь я немало смутился. Но ты ведь, конечно, знаешь, какое чутье у Пита. Он привел меня к верному следу, и теперь я заметил, что индейцы, наверно, разделились: главный их отряд поехал дорогой через гору, тогда как меньшая часть с одной лошадью и пленным отправилась через реку. Думалось, что пленный — это ты, и я был уверен, что, следуя за тобой, могу тебе помочь, так как у тебя спутников было немного. Так перешли мы вброд реку и последовали по твоим следам, пока не наступила ночь. Долго шли мы, пока не наткнулись на то место, где дикие разбились бочонок с виски. Запах виски ошеломил Пита, и я боялся, что придется оставить все надежды на розыск; но вдруг мне пришло на ум обмыть ему нос свежей водой из ручья, который я отыскал. Это оказалось очень кстати: ведь ты знаешь, друг, что от его чутья зависело многое в моей жизни. Благодаря этому, мне удалось найти твой след. Наконец, мы наткнулись на место ночлега, нашли его даже скорей, чем я ожидал. Я подполз к тебе совсем близко и видел, как крепко ты был привязан к этим шестам и не можешь пошевелиться. Увидел я и дикарей, лежавших рядом с тобой с ружьями в руках. Это зрелище очень затруднило меня: не знал я, как поступить, и раздумывал почти целый час, как бы мне вернее помочь тебе.

— Ах, Натан, Натан! — воскликнул Роланд. — Зачем заставили вы меня так долго томиться?.. Почему не разрезали веревки и не дали мне в руку нож?

— Это я, пожалуй, и мог бы сделать, — возразил Натан. — Но это не годилось: я видел, что ты связан очень крепко, и мне понадобился бы, по крайней мере, час, чтобы освободить тебя. Кроме того, я понимал, что конечности твои, должно быть, так затекли, что ты не в состоянии был бы ими действовать. Наконец, как легко мог бы возглас радости или единственное слово выдать и меня и тебя! Нет, друг, не годилось так делать. Целый час думал я, как помочь тебе. Тогда вдруг свалилась головня на угли, и, когда она запылала, я увидел, что двое индейцев лежали так близко друг к другу головами, как будто они выросли из одних и тех же плеч, и так близко, что я почти мог достать до них ружьем. Тут я случайно или с намерением — не могу сказать наверно — дотронулся до курка, и вот раздался выстрел и я лишил жизни обоих дикарей. Потом я набросился на последнего плута и... ох, грехи, грехи!.. ударил его топором. Он вскочил и побежал, а я за ним из страха, что он может освободиться и убить тебя. Таким-то образом случилось, что я и его убил, за что ты, наверное, не будешь меня порицать: ведь я совершил этот грех ради тебя. Право, друг, удивительно, к чему меня привела дружба с тобою!

— Успокойте свою совесть, Натан! — сказал Роланд, крепко пожимая ему руку. — Вы сделали это ведь ради меня, вашего друга.

Натан молча выслушал эти слова и продолжал поспешно примачивать свежей водой тело Роланда, пока тот, наконец, оказался в состоянии подняться и уверенно стоять на ногах. При этом Роланд заклинал своего освободителя довести до конца доброе дело, так удачно начатое, и освободить сестру, все еще находившуюся во власти кровожадных дикарей.

— Позовите на помощь, — говорил он, — приведите людей сражаться и будьте уверены, что никто не будет лучше драться за Эдит, чем я, ее брат, призванный быть ее верным защитником.

— Если ты непременно хочешь освободить ее, то...

— Да, я хочу освободить ее, или умереть! — воскликнул Роланд. — Ах, если бы вы пошли за ней и спасли ее, как спасли меня!..

— Ну, нет, — возразил Натан, — десятерых индейцев не так легко убить, как двоих или троих. Но друг, прежде чем я сообщу тебе о своем намерении, расскажи

мне, что было с тобой после того, как я вас покинул. Мне нужно все знать, потому что от этого зависит более, чем ты, может быть, предполагаешь.

Роланд, несмотря на свое нетерпение, рассказал все, что знал, как можно подробнее и выставил особенно то обстоятельство, что Телия Доэ так горячо вступилась за него.

Натан напряженно слушал.

— Где Авель Доэ, — сказал он, — там всегда какая-нибудь авантюра. Но ты не видел среди краснокожих более ни одного белого?

— Нет, — отвечал Роланд. — А, вот, — продолжал он после краткого размышления, — припоминаю я какого-то высокого человека в красной чалме. Быть может, он был белый?

— А кто командовал отрядом? Он? — спросил Натан.

— Нет, не он. Предводитель был сердитый, старый вождь, которого они называли Кехога или Кенога, или...

— Венонга? — воскликнул Натан с особенной живостью, и глаза его заблестели. — Старый, высокий, плотный человек, с рубцом на носу и на щеке? Немножко прихрамывает? Средний палец на левой руке на один сустав короче, и на голове видны следы клюва и когтей хищной птицы?.. Это Венонга, черный гриф! Ну, Пит, и простофиля же ты, что не подсказал мне этого!

Роланд заметил с удивлением возбуждение Натана и не мог удержаться, чтобы не спросить:

— Кто же этот Венонга, из-за которого вы забываете все, даже о моей сестре?

— Кто он такой! — воскликнул Натан. — Друг, ты не дитя лесов, если никогда не слыхал о Венонге. Не один колонист лег под его томагавком. И поделом славится он своим бессердечием: этот человек пил кровь женщин и детей. Ах, друг, боюсь я, что скальп с черепа твоей сестры уже висит на его поясе.

При этом ужасном предположении кровь застыла в жилах Роланда, и так ужасно изменились его черты, что Натан даже задрожал и хотел было сгладить впечатление от своих слов:

— Но ведь я лишь предполагаю, друг! — воскликнул он. — Быть может, твоя сестра укрыта от злодеев и, хотя в плену, но жива!

— Нет, вы сказали мне, что она убита и что скальп содран с ее черепа... — сказал Роланд и прибавил с горечью. — Этим злодеям не свята ничья жизнь, даже жизнь невинных женщин и детей. Нет, я сам защищу ее, и Бог мне в этом поможет!

— Ты говоришь смело! — радостно воскликнул Натан, так крепко пожимая руку Роланда, что у того даже хрустнули пальцы; потом он отпустил руку капитана, как бы стыдясь горячности своего участия и продолжал. — Говоришь как человек со своими особенными взглядами на вещи. Но не беспокойся: сестра твоя еще жива, и надо надеяться, живой и останется. А чтобы ты сам в этом убедился, я изложу тебе свои соображения. Ответь мне только сначала на вопрос: есть ли у тебя враг среди индейцев, какой-нибудь перебежчик белый, как Авель Доэ, который затаил бы на тебя зло?

Удивленный Роланд ответил отрицательно.

— Но, может быть, у тебя дома остался враг, который так ожесточен, что готов войти в союз с индейцами, чтобы убить тебя? — снова спросил Натан.

— Конечно, у меня есть враги, — отвечал Роланд, — но ни одного я не считаю способным на такое преступление.

— Ты приводишь меня в большое смущение, друг, — сказал Натан, качая головой. — Поскольку так же верно, как то, что я теперь стою здесь, верно и то, что видел я в ночь, когда покинул развалины и прокрадывался сквозь оцепление индейцев. Я видел, как какой-то белый сидел с Авелем Доэ в стороне от других и советовался с ним, как бы захватить развалины, не подвергая опасности девушек. Уж и без того я удивлялся, что дикие наносили нам так мало ущерба и теперь убедился, что они попросту щадили женщин. Эти двое сговорились учинить какую-то пакость: я слышал, как они спорили, Авель Доэ требовал себе от другого белого награду за то, что заманил тебя и твою сестру в ловушку. Я не ошибаюсь, друг, я все это лично слышал, потому что, когда я увидел красную чалму на голове у человека, сидевшего у огня, то подполз к ним совсем близко. Да, да, я слышал все, что сейчас рассказал, от слова до слова.

В душе Роланда пробудилось подозрение, и он очень желал бы убедиться в его достоверности.

Натан между тем продолжал:

— Ты думаешь, что ружья, украшения, сукно и все остальное, что они делили между собой после битвы, было добычей, отнятой у молодых кентуккийцев? Нет, это была награда, которую белый человек в красной чалме дал краснокожим за то, что они пленили тебя и твою сестру. Верь мне! Его наемники были набраны из нескольких племен, как я заметил, а старый Венонга — самый отчаянный мерзавец, лишенный звания вождя в своем собственном племени за пьянство и подлость. Я думаю, что белый человек жаждал твоей крови: он поручил тебя старому Пианкишаву, который, без сомнения, умертвил бы тебя, когда бы ты достиг его деревни. Но какое намерение имел он насчет твоей сестры, я не могу догадаться, так как не знаю твоего прошлого.

— В таком случае, вы должны его узнать, — сказал Роланд, — чтобы распутать следы всех этих хитросплетений. Во всяком случае, есть человек, которого я давно считал нашим врагом, хотя и не полагал, что он отважится на убийство. Этого человека зовут Браксли, он лишил меня и мою сестру имения нашего дяди, единственными наследниками которого мы стали после его смерти.

И Роланд рассказал, как адвокат предъявил подложное завещание, по которому все владения покойного переходили к приемному ребенку, погибшему во время пожара несколько лет тому назад. Браксли клялся перед судом, что ребенок жив, и основывал свою клятву на показании свидетеля, некоего Аткинсона, который будто бы видел и узнал девочку, не уточняя, однако, когда и где это произошло. Аткинсон пользовался скверной репутацией: он шатался по границам страны, чтобы избежать наказания за совершенные им преступления. Браксли, однако, уверял, что он постарается его найти и через него снова разыскать потерянную наследницу. Роланд объяснил Натану, что сам он считает всю эту историю выдумкой Браксли, задумавшего от имени исчезнувшей наследницы получить права на владение богатыми землями дяди. Роланд также обвинял Браксли в том, что он уничтожил второе завещание, написанное дядей за несколько месяцев до смерти, по которому Эдит объявлялась его законной наследницей. Что такое завещание действительно существовало, подтверждалось отзывами умершего дяди об Эдит, и даже сам Браксли согласился с этим, уверяя, однако, что дядя сам уничтожил второе завещание.

Натан внимательно слушал подробные объяснения Роланда и сказал после недолгого размышления:

— Теперь я уже не сомневаюсь, что человек в красной чалме и есть Браксли, подкупивший индейцев с целью сжить тебя со свету и запрятать Эдит куда-нибудь подальше, чтобы его больше не беспокоили ваши права на богатое наследство. Но будь мужествен, друг! Господь не оставляет правых. Он откроет и то, что этот Браксли на самом деле вор и мошенник, в чем я ничуть не сомневаюсь. Еще никогда ложь не одерживала истинной победы над правдой. И подлинно: в этом случае такое чудо совершится не в первый раз. Мы должны теперь думать, как освободить твою сестру.

— Надо найти помощь, Натан! — воскликнул Роланд. — И тогда — за ней!

— А где найти помощь, друг? — спросил квакер. — Ты забыл, что большой отряд индейцев бесчинствует на севере Кентукки и что все способные сражаться мужчины форта выступили против них? Нет, друг, я думаю, что никто не сможет тебе помочь сейчас.

— А переселенцы! — воскликнул с отчаянием Роланд. — Не оставят же они меня в беде...

— И на них нельзя рассчитывать, — возразил Натан. — Услышав о набеге индейцев, они, как я узнал, решили продолжать путешествие, не дожидаясь тебя у брода. Итак, никто, кроме меня, не готов прийти тебе на помощь.

Роланд в отчаянии опустил руки и проговорил печально:

— Лучше бы было, если бы мы оба погибли: тогда мне не пришлось так мучительно беспокоиться за нее. Правда, мне бы легче узнать, что она умерла, чем узнать, что она останется навсегда в плену у краснокожих!

— Друг! — сказал Натан, который с нескрываемым раздражением слушал Роланда. — Как же ты малодушен, если уже начинаешь отчаиваться и так мало уповать на помощь Всевышнего. Ты желаешь смерти той, которая еще может стать тебе утешением в жизни? Друг, ты даже не представляешь себе, что значит потерять самое любимое и дорогое на свете существо!.. Посмотри, — продолжал он и ласково потрепал Роланда по плечу, чтобы приободрить его, — ты видишь перед собой человека, который прежде был молод и счастлив, как ты,

даже, может быть, еще счастливее тебя... Да, друг, уверяю тебя, десять лет тому назад я был другим человеком, и куда счастливее!.. Была у меня счастливая семья, а теперь никого из них не осталось. И живу я один-одиношечек, тоскующий старый человек, один, как перст. И не найти мне такого места, где бы хоть одно живое существо вспомнило обо мне с любовью... Тогда я жил на границе Бетфорда, далеко отсюда в горах Пенсильвании. Там стоял дом, который я сам себе выстроил. В нем было все, что я любил и что мне было дорого. В нем жила моя старая мать, моя добрая жена, детки. Их было пятеро, сыновья и дочери, все здоровые и цветущие, маленькие, невинные создания, которые никому не сделали зла, и которых я очень, очень любил.

— Но вот, — продолжал Натан, после краткой, но тяжелой паузы, — окружили нас индейцы, так как я безбоязненно поселился на их границе: ведь моя вера делала меня мирным человеком, который сам друг всем людям и считает всех своими друзьями. Но дикие пришли, обогранные кровью моих соседей, которых они умертвили, — пришли и подняли руки на моих невинных детей. Ты спросил меня однажды, что бы я стал делать в этом случае, если бы имел оружие? Нет, друг, было у меня тогда оружие, но я доверчиво передал свое ружье и свой нож вождю, чтобы он знал, что я не смею и не хочу биться с ним. Друг, если ты хочешь знать о моих детях, я все скажу тебе. Моим собственным ножом вождь заколол моего сына. Из моего ружья он застрелил мать моих детей! Верь, что дожив до седых волос, ты все же не увидишь того, что увидел я в тот роковой день. Только тогда, когда у тебя самого будут дети и если они будут умерщвлены индейцами у тебя на глазах; когда жена твоя будет в страхе смерти обнимать твои колени, в то время как из ее простреленной груди будет струиться кровь; когда старуха-мать в последнюю минуту напрасно станет молить тебя о помощи, — тогда только получишь ты право пасть духом, потерять жажду жизни, и считать себя несчастным. Да, только тогда ты можешь сознавать и называть себя несчастным; потому что только тогда ты, действительно, станешь несчастен. Здесь вот был мой маленький сын — видишь ты? Здесь были обе его сестры — понимаешь ты это? Здесь схватился я за оружие, чтобы им помочь, — но схватился слишком поз-

дно! Убиты, друг, все, все убиты... безжалостно заколоты у меня на глазах!

Голос Натана прервался; он опустился на траву, закрыл лицо ладонями, и слышно было, как он тяжело и глубоко дышал. Роланд с бесконечным участием смотрел на него, и слезы заблестели на глазах у молодого человека... А маленький Пит с жалобным визгом увивался у ног своего хозяина и, казалось, горевал, оплакивая с ним безграничное горе, постигшее его...

Но вскоре квакер пересилил навеянную горестными воспоминаниями скорбь. Через несколько минут он встал, и лицо его было уже спокойно, хотя и мертвенно бледно. Он заметил слезу на реснице Роланда, схватил руку молодого человека и пожал ее так, что видно было, как ценит он сочувствие капитана. Потом квакер решительно сказал:

— Теперь ты слышал, друг, ты знаешь, что сделали мне дикари. Они убили всех, кого я любил и к кому я привязан был всей душой... они воспользовались моим доверием... Скажи, друг: если бы с тобой сделали то же, как бы ты тогда поступил?

— Я? — воскликнул Роланд, и горе исчезло с его лица, а на смену ему ярость и злость сверкнули в его глазах. — Клянусь, я объявил бы им вечную войну, и преследовал бы убийц без конца! Днем и ночью, зимой и летом, на границах и в их собственной стране, до их вигвамов. И это была бы не только месть: это был бы долг по отношению к моим братьям, которых могла бы постигнуть та же участь.

— Уверяю тебя, что я так и поступил! — сказал Натан громовым голосом, и в его глазах сверкнул гнев. — Я думал о своих детях, о своей жене и старой матери, думал о пользе моих братьев, и небо даровало моим рукам мощь, и я, по мере сил, помогал стирать убийц с лица земли. Благодарю тебя, что ты с таким участием отнесся к моему несчастью, спасибо тебе за дружбу. Ты храбрый человек, ты не насмеялся надо мной и не отвергал меня, как остальные. Теперь же у нас одна-единственная забота: твоя бедная сестра должна быть возвращена тебе.

— Но где, Натан, где нам найти помощь? — спросил Роланд. — Вы и я — мы одни в пустыне.

— И от тебя и от меня должна исходить помощь, больше ни от кого! — возразил Натан. — Мы начнем

преследовать краснокожих разбойников и вырвем твою сестру из их лап!

— Мы одни, только вдвоем? Без посторонней помощи? — удивился Роланд.

— Одни, друг, да! — твердо сказал Натан. — В уповании на вечное провидение. Я уже подумал об этом деле, и вижу, что мы можем рассчитывать на победу. Ты знаешь, что воины-дикари занимаются хищническими набегами на севере Кентукки. Поэтому их деревни теперь никем не охраняются, разве только слабыми стариками, женщинами да детьми. Поэтому живо, вперед! Мы не встретим ни одного препятствия, которого бы не сумели преодолеть хитростью, силой и мужеством.

— Как мы отыщем след похитителей? — спросил Роланд. — И где взять оружие?

— Друг, — возразил Натан, — оружия у нас довольно: ты можешь выбрать себе все, что нужно, в добыче, что осталась от вон тех убитых краснокожих. Что же касается следов, то об этом не беспокойся: мой Пит и я наверняка отыщем их.

— Тогда, — сказал Роланд решительно, — не будем более медлить. Каждая минута на счету!

— Правда, правда, и, если ты чувствуешь себя настолько окрепшим...

— О, я силен надеждою и упованием, — сказал Роланд. — Вы словно воскресили меня, и я с радостью пойду за вами хоть на край земли.

Не проронив более ни слова, квакер снял с убитых порох, ружья, ножи и другое оружие, из которого Роланд отобрал себе лучшее. После того они отправились в путь и поспешно пошли вперед, пока не достигли края прогалины, где Натан остановился и оглянулся на трупы индейцев. И тут с удивлением заметил Роланд, что мужественное выражение на суровом лице квакера сменилось робостью и смущением.

— Друг, — сказал он нерешительным и тихим голосом, — ты храбрый воин и умеешь сражаться, как все кентуккийцы. Считаешь ли ты нужным в знак победы содрать скальпы с убитых разбойников? Если ты имеешь это намерение, то я не помешаю тебе.

— Скальпировать?.. — содрогнулся Роланд. — Мне их скальпировать? Кто же я тогда — мясник, или честный солдат? Нет, Натан, сражаться с индейцами я буду,

где только их найду, но скальпировать... этого вы не можете требовать от меня.

— Делай, как знаешь, друг, — сказал Натан и без дальнейших возражений углубился в лес.

Вскоре они дошли до того места, где за день перед тем дикие изрубили бочонок с виски. Здесь квакер остановился и сказал, как будто мучимый укорами совести:

— Присядь здесь, друг, и подожди минутку. Я видел на дороге два индейских ружья, и это встревожило меня. Как бы какие-нибудь злодеи не подобрали их! Тогда, пожалуй, нанесут ими вред нашим белым собратьям. Я хочу их спрятать.

Не дожидаясь ответа, он поспешил уйти, но возвратился через несколько минут. Его походка была теперь горда, глаза горели, и Роланд слышал, как он произнес слова:

— Никогда не следует доводить дело только до половины!

В то же время Роланд увидел, что конец его ножа окровавлен, но не позволил себе насчет этого ни одного замечания, между тем как Натан молча шагал впереди своего молодого друга.

— Не слишком ли быстро я иду? — спросил квакер. — Ты не должен утомляться сегодня, пока не наступит ночь, потому что дикие далеко опередили нас. Ночь же ты можешь всю спокойно спать, и тогда будешь себя завтра хорошо чувствовать, хотя и немного беспокойно.

Такие речи Натан обращал к своему спутнику все чаще и чаще, и все шагал вперед сквозь чащу с такой быстротой, что приводил Роланда в величайшее изумление, так как Роланд знал, как мало сам Натан спал в три последние ночи. При такой поспешности путники, конечно, скоро снова добрались до брода. Здесь Натан опять свернул с торной дороги, перешел реку вброд и через четверть часа углубился в лес. Тут квакер, наконец, остановился у скалы, поросшей деревьями и кустарником, и указал своему спутнику на пещеру, которая могла приютить их на ночь.

— Здесь будет хорошо, — сказал он. — Никогда не нужно располагаться на ночлег поблизости от дороги, если хочешь избежать нападения. Здесь нам никто не помешает, как я это уже знаю по долгому опыту.

Поспешно набрал он хворосту и притащил его в пещеру, где в скором времени запылал веселый огонек. Потом он вытащил из кармана съестные припасы —

хлеб и сушеное мясо, и, показав еще какое-то вещество, стал уверять, что это превосходный кленовый сахар.

— Он бы, право, мог быть и лучше на вид, — прибавил квакер, — если бы был лучше сделан; но так как индейцы сожгли мою хижину и похитили всю медную посуду, то я должен был готовить свой сахар в деревянном корыте и варить его на раскаленных камнях. Во время дальних походов он хорошо утоляет голод и не раз подкреплял мои силы.

Роланд был так утомлен, что ему не хотелось есть. Хотя Натан обмыл почти все припасы в ручье, чтобы они казались поаппетитнее, однако Роланд съел только несколько кусочков и тотчас же растянулся на своей постели из листьев, и спустя несколько мгновений заснул. Вскоре его примеру последовал и Натан; только сперва он принес охапку хвороста и приготовил на всякий случай оружие. Потом, посадив Пита сторожить, он через минуту тоже крепко спал, как человек, который в течение 48-ми часов не сомкнул глаз и перенес за это время много трудов и забот.

Глава XV

НАТАН, РОЛАНД И РАЛЬФ

Утренние звезды еще ярко горели на небе, когда Натан разбудил Роланда и стал его уговаривать съесть хоть что-нибудь. Молодой воин охотно согласился, так как был голоден, но чувствовал себя он гораздо лучше, чем прежде. И состояние духа его было спокойнее и бодрее: ему как-то уже наперед верилось, что он вызволит сестру из плена. Натан заметил это с удовольствием и выразил свою радость в нескольких теплых словах.

Покончив с завтраком, они снова пустились в путь по глухой тропинке, которая привела их в чащу дремучего леса. Шагая с трудом между деревьями, Натан объяснил некоторые обстоятельства, которые, казалось, предвещали успех их походу, и очень скоро убедил Роланда, что они могут справиться с опасным предприятием.

Разговаривая таким образом, они все шли вперед, пока к ночи не достигли берега Кентукки. Здесь они заночевали, а на следующее утро направились по реке

на сооруженном наскоро плоту и таким образом добрались на другой день до реки Огайо, переправились на противоположный берег и приготовили оружие, как люди, вступившие на территорию врагов, где на каждом шагу могут стать лицом к лицу с опасностью.

Они продолжали путь с таким упорством и поспешностью, что к концу дня находились уже, по расчету Натана, в нескольких часах ходьбы от деревни Черного Коршуна, и за следующий день легко могли добраться до нее. На утро они снова двинулись вперед, избегая тропинок и осторожно прокрадываясь напрямик сквозь густую чащобу.

До сих пор во время довольно продолжительного пути не приключилось с ними ничего особенного. Но произошел, наконец, случай, который по своим последствиям должен был оказать большое влияние на судьбу путешественников.

По составленному ими плану они только к ночи рассчитывали добраться до индейской деревни и продвигались теперь так медленно вперед, что к полудню преодолели только полпути. Они достигли небольшого ущелья, такого дикого и пустынного, что Натан предложил отдохнуть здесь несколько часов и пообедать как следует, поскольку в последние дни они пробавлялись только маисом да сухарями. Тем более, что случай незадолго перед тем предоставил им этот обед: они наткнулись на оленя, которого терзала пума, прогнали хищное животное и раздобыли таким образом великолепное жаркое. Осмотрев добычу, они увидели, что олень перед нападением хищника был уже ранен пулей. Обстоятельство это обеспокоило осторожного и подозрительного Натана. Более подробный осмотр оленя убедил его, однако, что легкая и несмертельная рана не могла помешать животному бегать несколько часов, пока, совершенно изнеможенное, оно не попало в когти пумы. Это соображение успокоило Натана, который отрезал бедро оленя, вскинул его себе на плечо, принес к ущелью и теперь намеревался приготовить лакомый обед.

Место, где расположились путники, было совершенно замкнуто скалами. Одна сторона, откуда они пришли, спускалась к долине отлогим, поросшим деревьями склоном, тогда как другая круто, отвесно подымалась из лощины. Маленький ручей извивался по долине, образуя

местами болотистые заводи и исчезая в дальнем конце долины. Здесь, в этом пустынном уголке Роланд и Натан сняли свое оружие, чтобы расположиться поудобнее. Не так вел себя маленький Пит: он обеспокоенно подымал нос, нюхал воздух и фыркал, обращая на себя внимание Натана, обнюхивал берег ручья, у которого они стояли, смотрел туда и сюда в ущелье, вилял хвостом, суетился и наконец взбежал на скалистый гребень, откуда постоянно оглядывался на своего хозяина, как бы стараясь привлечь его внимание.

— Ну, — сказал Натан, вскочив и схватившись за винтовку, — однажды ты потревожил меня напрасно, а второй раз вряд ли захочешь меня обмануть, хотя я, право, не знаю, кого мог ты учуять, когда тут не может быть следов ни белых, ни краснокожих!

С этими словами он сам вскарабкался на гору. Примеру его последовал и Роланд, хотя и не придавал суевливости собаки большого значения. Осторожно поднимаясь наверх, путники скоро достигли гребня горы, и с высоты пятидесятифутового обрыва увидели дикую прекрасную долину и порадовались своей осторожности и тому, что не пренебрегли предостережениями своего маленького четвероногого друга. Далее долина переходила в широкую равнину, где протекала речка. В эту речку впадал ручей, который плескался и шумел у их ног в долине, откуда он брал свое начало. Гора с другой стороны долины была крута и обрывиста, подобно той, на которой они стояли, и соединялась с нею своей вершиною, образуя большой полукруг. В скалах здесь и там виднелись расщелины, и только с одной стороны склоны долины поросли деревьями, роскошные кроны которых образовывали как бы крышу над журчащей речкой.

Под этими деревьями шагах в четырехстах от себя Роланд и Натан заметили сперва дым большого костра, свет от которого падал на пятерых индейцев, оживленно разговаривавших. Поблизости от них на земле лежал белый, по-видимому, пленник, поскольку он был крепко прикручен к дереву за ноги. Вдруг дикие вскочили, стали плясать вокруг своей жертвы и избивали пленника прутьями и хлыстами по голове и плечам; а он, обороняясь от них и улучив удобный случай, оборонялся от них кулаками так энергично, что один из подошедших чересчур близко к нему от мощного удара кулака даже свалился на землю.

Других это еще больше развеселило, и они с большим удовольствием продолжали свои издевательства.

Это зрелище произвело, конечно, удручающее впечатление на обоих путников, следивших с большим участием за страданиями своего собрата и земляка, за которыми, без сомнения, должны были последовать пытки и, наконец, смерть. Они посмотрели друг на друга, и Натан спросил, стиснув в руке приклад ружья:

— Ну, друг, что ты думаешь об этом?

— Натан! — сказал капитан, — их пятеро, а нас только двое... Но на этот раз нет с нами Эдит, которая прежде сдерживала мои порывы, так как я тогда опасался не за себя, а за нее!

Натан бросил задумчивый взгляд на диких и озабоченно посмотрел на своего спутника.

— Друг, ты прав, — сказал он. — Нас только двое, а диких пятеро. Да и нападение среди бела дня — далеко не шуточное дело. При всем том, что мы храбры и сильны, и мне сдается, что мы могли бы освободить несчастного пленного. Но не забудь... Сейчас ты говорил о своей сестре: а ведь отправившись в это сражение, ты, может быть, никогда не увидишь ее...

— Если меня убьют, — с жаром возразил Роланд, — то...

Натан живо перебил его:

— Нет, не об этом должен ты сейчас помышлять. Ты можешь сражаться с дикарями и победишь их. Но если твоя совесть не позволит тебе уничтожить их всех...

— Зачем же всех? — удивился Роланд. — Достаточно освободить несчастного пленника!

— О, друг, это не так-то просто, — возразил Натан. — Если только хоть один из индейцев возвратится живым в свою деревню, он поднимет тревогу, и все пропало. Тогда не спасти тебе сестру!.. Теперь и выбирай, кого спасать — пленника или сестру.

Веские доводы Натана смутили Роланда. Квакер безусловно прав: нельзя ставить под угрозу осуществление их основной задачи — вызволение из плена Эдит. И в то же время молодой человек не допускал и мысли о том, чтобы малодушно оставить своего собрата во власти краснокожих. Он тут же вспомнил о своем недавнем беспомощном положении, из которого его бескорыстно вызволил Натан, и твердо заявил:

— Натан, мы можем и должны освободить несчастного! Я был сам схвачен... подобно ему, и лежал беспомощный и связанный, трое индейцев стерегли меня; и всего один друг выручил меня... Стыд мне и позор, если я теперь покину этого несчастного! Во власти Господа Бога участь моей бедной сестры; мы же, Натан, должны освободить этого человека!

— Правда, друг, — сказал Натан, и луч радости блеснул в его глазах, — право, ты человек, лучше которого я не знаю! Исполним же наш долг, и почем знать, быть может, твоей сестре не станет от этого хуже?

Не тратя более слов, они подкрались к краю холма и задержались посоветоваться, как действовать наилучшим образом. Роланд предложил, чтобы один из них подобрался к костру сверху, другой внизу долины, чтобы потом подползти насколько возможно близко к врагу с разных сторон, и открыть огонь. Прежде, чем дикие оправятся от неожиданности, они оба одновременно накинутся на них и, с топорами в руках, доведут сражение до победного конца.

— В самом деле, — сказал Натан, — мы подкрадемся так близко, чтобы при удаче каждый из нас постарался сразить сразу двоих одним выстрелом. Или, — продолжал он, — мы можем, пожалуй, выждать момент, когда они отойдут от своих ружей, чтобы принести хвороста для костра. Тогда мы можем их угостить вторичным залпом из их собственных ружей. Если же из этого ничего не выйдет, то я представляю, каким образом индейцы непременно попадутся в наши руки.

С этими словами он зарядил ружье и приказал Питту спрятаться в кусты; потом они прокрались вдоль гребня горы, пока не достигли густого кустарника, под защитой которого надеялись добраться в долину незамеченными.

Им повезло: глубокая промытая дождевыми потоками ложбина вела отсюда в долину и была прикрыта сводом из кустов, росших по обеим ее сторонам. По ней струился маленький ручеек, и его плеск и журчанье могли заглушить и скрыть любой случайный шум, который Натан и Роланд могли произвести при спуске.

— А ведь краснокожие в наших руках! — шепнул Натан со злорадной улыбкой, — не уйти им от нас теперь, брат.

Поспешно они спустились в ложбину и вскоре достигли такого места, откуда могли осмотреть всю долину и легко застрелить диких. Они видели индейцев на расстоянии сорока шагов, по-видимому, совершенно не подозревающих о приближении опасности.

Краснокожие прекратили жестокую забаву с пленным, который был человек, по-видимому, сильного и крепкого сложения. Запыхавшийся, растянувшись под деревом, лежал он так близко, что Роланд и Натан ясно могли видеть, как судорожно вздымалась его грудь от учащенного дыхания. Два индейца с томагавками сидели возле на траве и сторожили его. Ружья свои они прислонили к стволу полусгнившего дерева. Два других дикаря скорчились у огня с ружьями в руках и внимательно следили, как над костром жарилось на вертеле мясо. Взгляды, которыми они время от времени окидывали пленника, не предвещали ему добра и явно выражали желание поскорее поджарить и его на таком же костре. Вероятно, с этой целью пятый краснокожий припасал хворост.

Расположение индейцев не позволяло осуществить план Натана одним выстрелом уложить на месте двоих дикарей, что, однако, нисколько не смутило квакера. У него имелись планы на всевозможные случаи, и вот он что-то шепотом сообщил Роланду о своем намерении. Капитан последовал его указанию: воткнул рядом с собой в край ложбины свой томагавк, а на него надел свою шапку и следил за одним из сидевших у огня дикарей. Натан проделал то же самое, взяв на прицел другого дикаря. Оба индейца, казалось, не подозревали об опасности. Но едва слышный шум, происшедший, быть может, от падения камня, нечаянно задетого Натаном, внезапно насторожил их, заставил подняться и оглянуться в беспокойстве.

— Теперь, друг, — прошептал Натан, — гляди в оба! Один промах может стоить тебе жизни. Ты готов?

— Готов.

— Пли! — скомандовал квакер.

Винтовки выпалили, и оба индейца упали на землю. Другие испуганно вскочили, с ревом схватились за оружие, и стали озираться, ища невидимого врага, внезапно пославшего смерть двоим соплеменникам. Пленник также поднял голову и, тоже осматривался вокруг. Два облачка голубого дыма, расстилавшиеся из-за куста, выдали индейцам место, где засели их противники. Сквозь зелень

увидели они темные шапки и, приняв их за головы своих врагов, слепо ринулись в ловушку, которую Натан так удачно подставил им. С диким ревом оба выстрелили в предполагаемого врага. Шапки свалились, и раздался громовой голос Натана:

— Теперь, друг, вперед! Руби их!

Кусты раздвинулись, и оба бросились к костру, где лежали заряженные ружья застреленных индейцев.

Дикие все с воплями бросились навстречу нападавшим, чтобы не дать им захватить ружья. Пятый краснокожий, услышав выстрелы, кинулся на помощь соплеменникам. Сорвав с плеча винтовку, он с сатанинской ухмылкой направил дуло прямо в грудь Натана.

Но недолго длилось его торжество. Выстрел, угрожавший жизни Натана, неожиданно предотвратил пленник. Ободренный подоспевшей помощью, он невероятным усилием разорвал свои путы, вскочил с земли, кинулся на дикаря, выбил у него оружие из рук, обхватил его своими могучими руками и с криком: «Да здравствует Кентукки!» — свалил его наземь. Сдавливая друг друга в объятиях, противники покатались по траве, скрежеща зубами и громко завывая, точно дикие звери, и скатились, наконец, по крутому откосу ложбины, исчезнув совершенно из виду.

Пока все это происходило, другие тоже вступили в рукопашный бой. Никто и не думал более о ружьях; враги накинулись друг на друга с единственным желанием: победить или погибнуть.

Натан высоко занес свой топор и кинулся на сильнейшего из противников, который тоже держал свой томагавк наготове. Страшное оружие зазвенело, ударившись друг о друга, невредимые бойцы, не устояв, свалились на землю. Индеец вскочил было на ноги и схватился за нож, но рука Натана с невероятной мощью вновь свалила краснокожего. Натан придавил коленом в грудь противника, схватил его за горло, и удар топора квакера завершил земной путь индейца.

Натан вскочил, с пронзительным криком поднял окровавленный топор над головой и огляделся. Роланд навалился на дикаря, который не мог противостоять отчаянному натиску молодого и отважного противника. Перед нападением оба метнули друг в друга свои томагавки, но оба неудачно: Роланд мало упражнялся в упот-

реблении этого оружия и плохо владел им, а ослепленный яростью дикарь споткнулся о труп соплеменника и упал. Роланд не дал ему опомниться и теперь, прижимая его к земле, не мог, однако, его убить, так как был безоружен. Увидев это, Натан поспешил на помощь к другу и одним взмахом томагавка прикончил противника капитана.

Только теперь победители вспомнили про индейца и пленника, за которыми, в пылу схватки, конечно, не смогли уследить. Несшиеся от ручья шум, крики, брань и проклятия привели их к берегу, и здесь они увидели сцену, которая, пожалуй, была самой ужасной из всей стычки.

Индеец лежал на спине, по горло в грязи и воде, и чуть не захлебывался, а пленник сидел на нем верхом. Не имея при себе оружия, он, однако, в отчаянной ярости наносил противнику удар за ударом в голову, и удары эти были так сильны, что дикарь, который уже при падении с высоты был оглушен, находился при последнем издыхании. При этом из уст победителя несся непрерывный поток проклятий, которые, не менее ударов, свидетельствовали о его ненависти к своему мучителю, еще несколько минут назад избивавшему его плетью.

В это мгновение подскочили Роланд и Натан и, ухватив разъяренного человека за плечи, оторвали его от мертвого краснокожего.

Бывший пленник вскочил на ноги, отряхнул руки и закричал хвастливо:

— Отлично я его отделал! Да здравствует Кентукки и аллигатор с Соленой реки! Кукареку, кукареку-у-у!

Роланд и Натан едва поверили своим ушам, лишь по голосу опознав Ральфа Стакпола, поскольку раньше кора из крови и грязи на его лице делала его совершенно неузнаваемым.

Глава XVI

РАССКАЗ РАЛЬФА

Радость Ральфа Стакпола, когда он увидел, кому обязан своим неожиданным освобождением, была едва ли меньшей, нежели удивление Роланда и Натана, и сейчас же приняла самое нелепое выражение. Ральф обнимал странника Натана, обнимал Роланда, который напрасно

старался отстраняться от него и прижимал обоих к груди с искренней радостью и восторженными восклицаниями.

— Чужестранец! — вскричал он, вися на шее у Роланда, — недавно вы спасли меня от петли, хотя это случилось только по настоянию ангелоподобной леди. Теперь же вы спасли меня по доброй воле, хоть я не просил вас о помощи. Я ваш, я ваш, понимаете? Я, Ральф Стакпол, ваш и буду вечно вам предан, и если вам когда-нибудь понадобятся мои услуги, то можете рассчитывать на меня... Если же вам нужен солдат, то с сегодняшнего дня Ральф Стакпол ваш вояка!

— Но, ради Бога, скажите, какими судьбами вы попали сюда? — прервал Роланд изливания Ральфа. — Я ведь собственными глазами видел, как вы улепетывали от индейцев!

— Чужестранец, — сказал Ральф, — расспрашивайте меня хоть до самого страшного суда, и получите только один единственный ответ. Я желал освободить ангелоподобную леди из когтей индейского вождя, и был уже совсем близок к ней, но убитые теперь злодеи пленили меня!

— Что, что? — изумился Роланд и вдруг преисполнился каким-то нежным чувством к конокраду, услышав, что тот так преданно следовал за Эдит. — Вы хотели помочь сестре? Вас не притащили сюда насильно? Она была здесь, так близко?

— Что хотите, делайте со мной... хоть застрелите, если я вру! — воскликнул Ральф. — Эти собаки поймали меня очень близко отсюда, когда я выстрелил в оленя. Они набросились на меня, прежде чем я снова успел зарядить ружье, и вот я попался в их лапы. Нет, лучше позвольте: я вам все расскажу по порядку. После того, как Том Бруце пришел в себя...

— Как, — прервал его Роланд, — разве молодой человек не убит?

— Нет, нет, только ранен. Он тогда внезапно ослабел от боли, как это и обыкновенно бывает, если пуля раздробит кость. Тогда я сказал Тому Бруце, что ухожу на помощь ангелоподобной леди. Но прежде я его самого устроил так, чтобы он был в безопасности, и Бруце поклялся мне, что тотчас же приедет с отцом и всеми людьми, которых он может привести, чтобы освободить пленных.

Далее Ральф рассказал, что он крался вслед за дикарями и все время шел за ними по пятам. Его надежды освободить Эдит были отнюдь не безосновательны: он знал индейские деревни, где он не раз крал лошадей. Так как у него было мало припасов и он не решался охотиться, чтобы стрельбой не привлечь дикарей, то он, конечно, вскоре съел все, что у него было. Три дня боролся он с голодом; наконец природа победила его волю, и когда подвернулся олень, он и пустил в него пулю. Что он попал в оленя, нельзя было сомневаться: от животного остался кровавый след, по которому Ральф долго и упорно шел, и притом так увлекся выслеживанием, что забыл зарядить ружье. Это была большая неосторожность: вскоре пятеро индейцев, вероятно, отставшие от отряда, который он преследовал, услышали его выстрел, внезапно напали на него и захватили. Дикари тотчас узнали прославленного конокрада и так озлобились на него, что вместо того, чтобы следовать за главным отрядом, расположились в долине, чтобы пытаться пленного. Они непременно казнили бы его, не подоспей Роланд и Натан вовремя.

Из рассказа Ральфа можно было заключить, что главный отряд с пленницей находился еще в пути, хотя и далеко впереди, чтобы его можно было нагнать. Однако Роланд стал серьезно уговаривать Натана начать преследование индейцев тотчас же после обеда, за который они не мешкая принялись.

— Без сомнения, — говорил капитан, — и они остановились на привал где-нибудь, подобно этим пятерым, и мы можем таким же образом подкрасться к ним и из засады перестрелять всех, тем более, что нас теперь стало трое.

Натан спокойно слушал Роланда но, казалось, был не склонен согласиться с его словами.

— Наверное, друг, — сказал он наконец, — лучше будет для меня, для тебя и для твоей сестры, если мы попытаемся выкрасть ее ночью из деревни, чем отбивать ее у хорошо вооруженного отряда. Будь терпелив, и ты увидишь, что терпение принесет свои прекрасные плоды.

Роланд, признавая за Натаном большой опыт, должен был согласиться, хотя страстно желал как можно скорее прийти на помощь сестре.

Натан предложил бросить сперва тела дикарей в какую-нибудь промытую дождем яму, чтобы никто не мог их заметить. Предварительно Ральф и Натан обыскали

краснокожих и завладели драгоценными вещами. Потом квакер снял с одного легкую индейскую охотничью рубашку; с другого полотняный плащ, женский платок, мешочек с какими-то травами; с третьего разные мелочи, иголки, погремушки, и мешочки с красками — главными косметическими принадлежностями индейцев. Все эти вещи он связал в узел, для какой-то цели, о которой он предпочел умолчать.

После этого он взял ружья убитых, отвинтил замки и спрятал их в расщелинах скал, где человеческий глаз мог бы с трудом заметить их; старательно стер потом следы борьбы с дикими и, наконец, к радости Ральфа Стакпола и Роланда, объявил, что пора в путь.

Глава XVII

НАТАН ПРОКРАДЫВАЕТСЯ В ДЕРЕВНЮ

Уже смеркалось, когда наши друзья, пробираясь сквозь чащу по уединенным холмистым грядам и избегая протоптанных тропинок, увидели наконец с вершины одного холма долину, в которой была расположена деревня Черного Коршуна. Багряные облака, освещенные заходящим солнцем, обливали зеленые лужайки своим отблеском. Светлая речка плескалась в долине и, то скрывая свои воды под тенистыми группами деревьев, то струясь между лугов, придавала местности особенно привлекательный вид. Далее в долине виднелись поля с созревающим маисом, а по другую их сторону, где долина изгибалась, скрываясь за холмами, указывали на существование там индейской деревни голубоватые, легкие облака дыма, струившиеся из вигвамов, сделанных из коры или шкур.

Путешественники, достигнув теперь своей цели, некоторое время в глубоком молчании осматривали места предстоявших им действий, и каждый думал об опасностях и трудностях, которые им еще предстояло преодолеть, чтобы достичь заветной цели. Наконец, они нашли глубокое скрытое ущелье, где и укрылись на время для совета. Натан вызвался пойти в деревню первым, чтобы хорошенько рассмотреть ее положение и, если возможно, разузнать, где содержат Эдит. Однако Ральф настаивал на том, что это дело следует поручить ему.

— И почему вы думаете, старый Натан, что я только для того и бежал по следам ангелоподобной леди, чтобы дать возможность кому-нибудь другому освободить ее? Я лучше знаю эту деревню, так как не раз угонял отсюда лошадей.

— Конечно, не спорю, — возражал Натан, — и ты мог бы помочь девушке. Но, друг, опасаясь я одного: такой уж ты несчастливый: где ни появишься, непременно принесешь с собой несчастье другим. Право, боюсь... уверяю тебя...

— Бойтесь-ка лучше своего собственного носа, кровопролитный Натан! — рассмеялся Ральф. — Какое же это несчастье, что я освобожден из когтей пятерых индейцев? Пойдемте-ка лучше вместе, Натан. Выслеживайте вы ангелоподобную леди, а я тем временем уведу из деревни лошадь, на которой она могла бы ускакать.

— Об этом я уже думал, друг, — кивнул одобрительно Натан. — Так вот, если ты убежден, что можешь достать лошадь, не будучи замечен и схвачен, то я ничего не имею против того, чтобы ты отправился со мной.

— Вот! Что умно, так умно! — воскликнул Ральф. — Нет ли у вас веревок: надо сделать недоуздок, и вы увидите, что я такой конокрад, какого не сыскать на всем белом свете!

— А можно сделать недоуздок из кожи? — спросил Натан.

— Можно.

— Ну, так возьми мой кожаный сюртук и разрежь его на ремни. Мне он, все равно, сейчас не понадобится.

Натан снял свой сюртук, который Ральф тотчас же и разрезал на тонкие полосы и сплел из них недоуздки. Натан же надел вместо сюртука рубашку, которую снял с убитого индейца и сверху накинул полотняный плащ. На голову он повязал цветной платок и обвесил себя мешочками и разукрашенными поясами. Потом он раскрасил себе лицо, руки и грудь полосами красного, черного и зеленого цвета, которые должны были изображать улиток и ящериц, превратился таким образом в дикаря, и выглядел теперь таким свирепым, вызывающим, каким его могли сделать только индейское одеяние и разукрашенное тело вместе с его высокой, худощавой фигурой.

Пока происходило переодевание, Роланд настаивал на том, чтобы и ему следовать за ними обоими в дерев-

ню, так как у него не было ни малейшей охоты спокойно сидеть, пока другие будут подвергаться риску.

— Я ничего не боюсь! — уверял он. — И хочу разделить с вами все трудности и опасности.

— Если бы дело шло только об опасностях, друг, — возразил Натан, — то ты бы мог пойти с нами, и был бы даже желанным спутником. Но ты можешь оказать нам лишь незначительную помощь, и напротив, по неопытности провалить операцию. Все зависит от ловкости, хитрости и присутствия духа, и малейший необдуманый шаг погубит всех нас.

Этим веским доводам молодой человек должен был наконец уступить; но с условием, что он укроется у самой околицы деревни, чтобы при первом призыве о помощи оказаться у них под рукой.

Когда сумерки перешли наконец в ночь, они осторожно спустились в долину. Лай собак, случайный крик полупьяного индейца и отблески огня из отверстий вигвамов указывали им путь к деревне. Она лежала на другом берегу реки, и как уже упоминалось раньше, как раз на изгибе долины у подножья крутого, но невысокого холма, который возвышался невдалеке от берега реки и оставлял место лишь для 40 или 50 вигвамов, из которых и состояла деревня. У берега, где находились путники, долина расширялась и была вспахана.

Достигнув края полей, они перешли реку вброд и прокрались меж пней и корней к подножию горы, где много лет тому назад какой-то прилежный индеец вспахал землю. Здесь затаились они, чтобы переждать, пока утихнет необыкновенный шум в деревне — признак буйства, которому, по мнению Натана, предались победители. Тишины им пришлось, однако, дожидаться довольно долго. Из своей засады они могли расслышать некоторые крики, которые раздавались то свирепо и дико, то жалобно и скорбно.

По временам эти крики перемежались с громким смехом, гоготаньем женщин, писком детей и тьяканьем собак, и это указывало на то, что вся деревня принимала участие в торжестве, при котором, наверно, было выпито немало.

Наконец, после долгого тревожного ожидания наступила тишина, и около полуночи Натан объявил, что настало время проникнуть в деревню.

Он уговорил Роланда не удаляться с этого места и при расставании посоветовал, как только забрезжит день, бежать отсюда, если он и Ральф не возвратятся до тех пор.

— Поверь, друг, — сказал он, — индейская деревня часто бывает подобна западне, в которую легко угодить, но чертовски трудно выбраться. Если я не вернусь, воспользуйся услугами маленького Пита, стань его хозяином. Он верно проведет тебя сквозь чащу. Он тебя любит: ты ведь всегда хорошо и ласково обходился с ним, а он это помнит.

После этих слов он положил в сторону свое ружье, как вовсе не нужное при подобных предприятиях, уговорил Ральфа сделать то же самое и сказал собаке:

— Пит, слушай: оставайся здесь, будь добр, верен и послушен, как всегда, и береги себя, не попади в беду.

Казалось, Пит вполне понял своего хозяина: он свернулся комочком на земле и даже не попытался последовать за ним. Натан же и Ральф растворились во тьме, оставив Роланда наедине с его тревожными мыслями и чувствами.

Глава XVIII

В ЛОГОВЕ ВРАГОВ

Ночь была светлая и звездная, — обстоятельство, которое странствующему Натану не очень то было по душе. К счастью для разведчиков, большая часть деревни находилась в тени холма, покрытого высокими кленами, которые надежно скрывали обоих. Из деревни и теперь по временам долетал рев какого-либо перепившегося дикаря, сопровождаемый лаем собак. Эти звуки пробуждали тревогу Натана, или какое другое грустное предчувствие — трудно сказать какое, так как он сам старательно скрывал от себя свои мысли. В нескольких шагах от одного неказистого вигвама, сооруженного из ветвей и оленьих шкур, он вдруг остановился, отвел своего спутника немного в сторону и сказал ему тихо:

— Ты говоришь, друг, что часто уводил из этой деревни лошадей, и точно знаешь ее?

— Как свои пять пальцев! — отвечал Ральф. — Или вернее, те места, где помещаются лошади, потому что

далее я не ходил. Дорога к лошадям как раз здесь, она ведет мимо этой хижины, к ущелью, откуда вы не раз можете услышать ржание, если наострите уши.

— Друг, — продолжал Натан, — от тебя более, чем от меня, зависит теперь исход нашего предприятия. Если ты будешь поступать разумно, то может, пожалуй, случиться, что мы не только обнаружим место заключения несчастной девушки, но и уведем ее оттуда, прежде чем индейцы что-либо заподозрят. Если же ты поступишь неосмотрительно, — чего, по правде сказать, я сильно опасаюсь, — то не только не поможешь ей, но еще помешаешь и мне это сделать.

— Натан, — сказал Ральф, и по звуку его голоса слышно было, что он говорил искренне, — Натан, разрази меня гром, если я не сделаю все, что в моих силах. Вот я перед вами... я готов выслушать вас и последовать вашим советам. Говорите, что нужно, я все терпеливо выслушаю.

— Так вот, — начал Натан, — мой совет: оставайся здесь и предоставь все дело мне одному: так как ты из всей деревни, по-видимому, знаешь только лошадиный кораль, то будет глупо, если ты осмелишься пробраться между вигвамами. Оставайся тут, а я все разведу сам.

— Старый друг, — сказал Ральф, — вы все-таки не можете утверждать, что знаете деревню лучше меня. Разве вы уже крали когда-нибудь отсюда лошадей?

— Друг, — возразил Натан, — знай, что в этой деревне нет ни одного вигвама, который бы я не знал в точности. Незачем тебе идти к коралю, прежде чем ты узнаешь наверное, что девушку можно выкрасть. Согласись сам, друг: ведь легко может случиться, что мы отложим все дело до завтра.

— Да, да, я вижу, что было бы глупо воровать лошадь, прежде чем ангелоподобная леди будет спасена, — согласился Ральф. — Ну, так вот, кровопролитный Натан, если, по вашему мнению, я помогу вам тем, что совсем не помогу, то я затаюсь здесь под деревом и буду потихоньку лежать, как того требует благоразумие.

Согласие Ральфа, казалось, избавило Натана от большой заботы. Он еще раз заклинал конокрада сдержать слово и дожидаться, чем кончится его визит в деревню, и потом отправился в путь.

Однако квакер более не шел крадучись, как шпион; укутавшись в плащ, принял походку и вид дикаря и зашагал вперед открыто и уверенно. При этом он позванивал висевшими на нем украшениями, будто хотел возбудить внимание обитателей деревни. Этот маневр, показавшийся Ральфу первоначально чистойшей бравадой, послужил, однако, к тому, что одно из первых и главнейших препятствий на пути было устранено. У первого вигвама расположилась целая стая собак, которые с дружным лаем кинулась на Натана и, казалось, ни за что не хотели пустить его в деревню. Одного звона погремушек было достаточно, чтобы немедленно урезонить псов. Едва собаки услышали этот звон, они поджали хвосты и поспешили уйти с дороги, как будто боясь удара томагавка, который являлся для них обыкновенным наказанием за их дерзкий лай на воина.

— Не плохо придумано, черт подери! — пробормотал Ральф, с удивлением восхитившись уловкой Натана. — В следующий раз, как соберусь красть лошадей, непременно возьму связку погремушек... А иначе меня следует назвать ослом! Собаки как раз обычно и портят все дело.

Хотя Натан и шел с кажущейся беззаботностью и возлагал большую надежду на свой маскарад, однако он всеми силами старался избежать опасности. Там, где только блестел в вигваме огонь, он прокрадывался с особенной осторожностью и каждого бодрствующего индейца избегал по возможности. И на самом деле у него было полное основание проявлять крайнюю осторожность. Деревня вовсе не была так лишена защитников, как ранее предполагал Натан. Воины Венонги не все последовали за своим предводителем для нападения на Кентукки, значительное число дикарей оставалось в своих вигвамах. По крайней мере, так заключил Натан из того, что он там и сям вблизи костров, у которых они пировали, натыкался на воинов, заснувших на том месте, где их обессиливала выпитый напиток. Натан тихо прокрадывался мимо спящих, прополз даже на четвереньках, чтобы как-нибудь не разбудить их, и благополучно добрался наконец до центра деревни. Несколько хижин из древесных стволов, превосходившие размерами и прочностью постройки все остальные хижины деревни, указывали на то, что это было место жительства вождей племени, или,

может быть, тех белых, которых Натан заметил среди выступивших в поход дикарей. Квакер неслышно приблизился к одной из этих хижин, заглянул между стволами деревьев и сразу заметил, что здесь устроил себе жилище беглец из белых. Полдюжины детей, более светловолосых, чем индейцы, спали на шкурах вокруг огня, у которого сидя дремала индианка, вероятно, их мать.

Натан недолго задержался здесь. Мельком взглянув на эту сцену, он еще осторожнее, чем прежде, прокрался к другой, близко стоявшей хижине. Она была подобна другим, только добротнее построена, и кроме того, имела глиняную трубу, — преимущество, которого не было ни в одной из остальных хижин деревни. Густые, красноватые облака дыма поднимались из трубы. И здесь посмотрел Натан сквозь щель внутрь дома и увидел голые бревенчатые стены, проконопаченные мхом и промазанные глиной, несколько деревянных стульев грубой работы, такой же стол, постель из звериных шкур и несколько висевших по стенам военных и охотничьих принадлежностей. В хижине находились двое белых, сидевших при бледном свете свечи у догорающего очага. Один из них, высокий, видный мужчина, с красной чалмой на голове, был одет в полотняные панталоны и рубашку.

Ему было около сорока лет, и лицо его могло бы считаться красивым, если бы дикие и необузданные страсти не оставили на нем своих следов. В другом человеке, не такого большого роста, как первый, Натан тотчас узнал отца Телии Доэ, которого он раньше, при нападении на развалины, видел в толпе индейцев. Вид этих двух мужчин пробудил в Натане любопытство, и он напрягал и зрение и слух, чтобы не пропустить ничего из происходящего в их хижине. Доэ имел вид мрачный, хмурый. Он сидел неподвижно и уставился взором на пламя в камине, не обращая внимания на своего товарища, который снял с головы красную чалму, бросил ее в сторону и прошептал на ухо отцу Телии несколько слов, которых Натан, несмотря на все свое старание, не смог расслышать. Он повторил свои слова несколько раз, но так как Доэ по-прежнему не обращал на них внимания, он потерял терпение и сказал, к радости Натана, громким голосом:

— Слушайте вы, Як, Аткинсон, Доэ, Шавгенав, гремучий змей, или как вам больше нравится! С ума вы что

ли сошли или пьяны, что не слушаете меня? Проснитесь, черт подери, и скажите мне, по крайней мере, о чем вы мечтаете, если вам более нечего сказать мне!

— А вот, — отвечал тот гневно, схватив глиняную кружку и сделав из нее большой глоток, — если уж вы хотите непременно знать правду, я скажу вам, что я думал о молодом человеке, которому мы уготовили такую позорную смерть.

— Боже, что за чушь! Мы были в сражении, а побежденного ожидает жребий, который ему выпал!

— Положим, что так, Ричард, — отвечал Доэ, — однако, вы забываете в этом деле одно обстоятельство, которое мне кажется весьма важным: не индейцы, а христиане выдали несчастного молодого человека на смерть. Мне даже страшно становится, когда я думаю об этом.

— Ба! Да вы совершеннейший дурак! — воскликнул Ричард презрительно. — Это происходит оттого, что вы терпеливо слушаете бессмысленные речи глупой Телии.

— Молчите о ней! — вскричал Доэ гневно и мрачно. — Про меня вы можете говорить все, что угодно, потому что я пропащий человек; но я не потерплю, чтобы вы оскорбляли Телию.

— Ну, ну, не так сердито, — сказал Ричард сдержанным тоном. — Если бы только она не защищала так рьяно Эдит, которая так много стоила мне.

— Да, дорого обошлась нам всем эта девушка, — сказал Доэ, поднося к губам до половины наполненную кружку. — Она стоила нам одиннадцати воинов, и счастье для нее, что только четверо из них оказались из нашей деревни, а то она была бы беспощадно убита и скальпирована, несмотря ни на что! Да, четверых из нас и двоих оттуда унес Дшиббенёнозе. Знаете, Ричард, я не трус, но то, что злой лесной дух появился как раз, когда мы брали в плен девушку и ее брата, кажется мне дурным предзнаменованием. Так же точно думают и все индейцы, потому что, вы сами видели, как трудно было побудить их снова к сражению, когда они увидали крестообразно прорезанные ребра убитых. Право, Дшиббенёнозе — это воплощение нечистого духа. И я также думаю...

— Ну, вот! И опять дурак! — засмеялся его товарищ. — Я не такой осел, чтобы верить глупым рассказам!

— Это правда, — пробормотал Доэ, — кто не верит в ад, который его ожидает, не верит и в злого духа. Однако подумайте, Ричард, — прибавил он громче, — вы ведь собственными глазами видели того индейца мертвым под деревом, тогда как пятеро разведчиков покинули его живым!

— Правда, я его видел, — но этот воин был ранен всадником, которому вы дали возможность улизнуть у брода, и я нахожу вполне возможным, что нашедший его молодой солдат распорол его, подобно вашему Дшиббенёнозе, чтобы воспользоваться суеверным страхом индейцев.

— Хорошо, пусть так, — возразил Доэ, — а что вы скажете о воине, который, когда мы осаждали развалины, был убит и отмечен знаком Дшиббенёнозе? Не можете же вы утверждать, что солдат, который в развалинах был тоже взят в плен, разрезал поясницу и этому индейцу?

— И все-таки я это утверждаю, — сказал Ричард, — это уловка, которую храбрый человек, пользуясь темнотой, легко мог привести в исполнение.

— Ну, пусть и это так, — продолжал Доэ с досадой, — но как вы докажете, что этот самый молодой солдат, который прежде никогда не бывал в Кентукки, убил здесь дикарей, здесь в этой деревне, и это случилось десять лет тому назад?.. Да, да, Ричард, более дюжины индейцев убито и скальпировано здесь, в этих вигвамах, и всегда глубокой ночью, а утром не видно было ничего... оставался только знак Дшиббенёнозе, по которому мы, к нашему ужасу, узнали убийцу. Между нашими воинами нет ни одного, который спал бы ночью спокойно, потому что каждый опасается, что на него может напасть Дшиббенёнозе. Вы должны знать, что в один из прошлых годов в наших лесах совершилось ужасное, кровавое дело с одним невинным семейством, многочисленные члены которого были все перебиты Венонгой. С тех пор Дшиббенёнозе изрядно опустошил и их ряды, и они считают это мстью их племени. Без сомнения, так оно и есть. Поэтому и старый вождь стал таким мрачным разбойником, так как его совесть не спит никогда. Все племя сердито на него, потому что он натравил на них Дшиббенёнозе, и никто не хочет идти за ним в бой, кроме несчастного сброда, который сам не

лучше его. Поэтому он ненавидит Дшиббенёнозе, и не раз обещал убить приведение, потому что он мерзавец, не боящийся ничего, даже самого нечистого.

— Ерунда! Это лишь суеверная болтовня. Мы одержали победу и должны ею теперь пользоваться. Однако мне пора идти к моей племяннице.

— И к чему приведет твой визит? — спросил Доэ. — Девушка еле жива и почти сумасшедшая, говорила мне Телия.

— А вот Телия-то как раз все и испортит, — вскрикнул Ричард. — Вы должны держать ее подальше от девушки, потому что та должна знать, где она находится, и должна чувствовать, что значит быть пленницей краснокожих.

— К чему? — спросил Доэ. — К чему эта бесполезная жестокость?

— Не так-то она бесполезна, как вы воображаете, Доэ! Девушка обогатит нас!

— Ну, я думаю, вы и без нее довольно богаты, — возразил Доэ.

— Удивляюсь! — возразил Ричард. — Вы владеете землями и так мало понимаете в этих делах, если полагаете, что это владение останется надолго неприкосновенным. Должен же я иметь более надежное право на земли, чем то, которое мне доставила эта мнимо живая наследница старого владельца. Наша ложь еще не так хорошо соткана, чтобы долго остаться не разоблаченной, и потому мне необходимо закрепить ее: остается одно — жениться на Эдит! Она истинная и единственная наследница всех владений после того, как мы того молодца, Роланда, спровадили на тот свет, и значит, если она станет моей женой, тогда я с полным правом могу быть хозяином всего имения.

— Но вы забываете о завещании! — воскликнул Доэ. — Что может значить законная наследница против завещания? Если бы вы даже женились на Эдит, то все-таки будут спрашивать, где настоящая наследница, сгоревшая девушка? Мне кажется, что тут вы запутались в собственных сетях.

— Не совсем так. Если Эдит станет моей женой, мы начнем действовать честно и после долгих поисков наконец найдем второе и последнее завещание старого владельца.

— А помните, вы как-то говорили мне, что сожгли его? — спросил удивленно Доэ.

— Верно, говорил, но только, чтобы успокоить вас. На самом же деле, я заботливо спрятал документ, чтобы у меня на всякий случай был выход. Вот оно! — прибавил он, вынимая из кармана пергаментный конверт и раскрывая его перед Доэ. — Вот завещание, по которому Роланд и Эдит назначены наследниками. Но так как тот мертв, то все имущество переходит к этой. Ну, что? Убедились вы теперь, что мы стоим совсем твердо на ногах, милый Доэ?

— Да, конечно, — отвечал тот. — Ни один суд на всем свете не может придаться к вам при таких обстоятельствах.

— Верно, дружище, — сказал Ричард. — Ну, где же Эдит? Мне нужно с нею поговорить.

— В хижине Венонги, — отвечал Доэ. — Однако вам не мешало бы сказать, какова же моя награда за участие в вашем деле? Мы оба, по правде сказать, сущие проходимцы, и потому я доверяю вам так же мало, как вы мне.

— Хорошо, завтра вы это узнаете, — обещал Ричард.

— Нет, нет, теперь же, в эту же ночь, — настаивал Доэ. — Я не дам себя обмануть и не выдам вам девушку, пока вы не назовете цену.

— Понимаю, старик, — сказал Ричард одобрительно, но с усмешкой, и кинул при этом такой ненавистный взгляд на Доэ, что Натану, ясно видевшему его, стало не по себе.

Ричард стал успокаивать своего товарища, но негромко, и Натан не смог вполне расслышать его слов. Однако, он услышал достаточно. Из их разговора становилось очевидно, что Роланд и Эдит сделались жертвою мошенников, и он ни на минуту не сомневался в том, что чужестранец в красной чалме был не кто иной, как Ричард Браксли, на которого Роланд с самого начала указывал, как на виновника подлога.

Однако Натан не долго раздумывал об этом: теперь он узнал, где находится Эдит, что для него пока было самым важным. И Натан решил направиться к жилищу Венонги немедленно. Но как отыскать вигвам вождя среди дюжины других таких же вигвамов? Квакер тихонько

отошел от хижины Доэ и уверенно поспешил вперед, не медля и не колеблясь, как будто уже давным-давно до точности был знаком с каждым уголком деревни.

В то время как Натан стоял у хижины Доэ и подслушивал, произошли изменения, которые немало благоприятствовали намерениям квакера. До тех пор светлое и звездное небо заволочлось тучами, и непроницаемая темнота укутала деревню. Иногда проносились над деревней порывы ветра, жалобно завывая. При таких обстоятельствах в полной темноте продолжал Натан свой путь. Через несколько минут он уже находился на площадке, где стоял простой сарай, построенный из древесной коры и ветвей и открытый со всех сторон. Площадка была четырехугольная; кругом нее среди деревьев и кустов стояли вигвамы; издали доносилось журчание воды, и на самой площадке кое-где росли кусты, а на краю ее возвышались могучие стволы деревьев, последние остатки дремучего леса.

По этой-то площади и предстояло пройти Натану. Он шел без страха, хотя ему попало препятствие, которое сильно напугало бы другого, менее храброго и решительного человека. Рядом с сараем увидел он костер, который хотя и догорал, но так как ветер от времени до времени раздувал угли, он давал достаточно света, и можно было заметить несколько индейцев, лежавших в дремоте, а ружья их стояли около них, прислоненные к столбу.

Это неожиданное обстоятельство не испугало Натана, но натолкнуло его на некоторые мысли и догадки. Сперва он подумал, что это ночные караульные; потом ему показалось, что это, должно быть, гости, оставшиеся ночевать в деревне, хозяева позаботились об их удобстве, дав им для ночлега сена и маисовой соломы; к тому же их беспорядочные позы свидетельствовали, что все они пьяны.

Натан остановился, но ненадолго. Потом он обогнул площадь и стал тихо красться от дерева к дереву, от куста к кусту, пока миновал спавших и достиг более обширного вигвама, который можно было счесть за жилище вождя. Он был построен из грубо сколоченных бревен и состоял из одной только комнаты. Но было наподобие флигелей пристроено к нему с обеих сторон еще несколько летних комнат; это были собственно только палатки из звериных шкур; должно быть, они соеди-

нялись внутри, хотя у каждой был свой вход, выходящий на площадь и занавешенный циновками.

Все это Натан ясно разглядел при блеске вспыхивавшего костра. Строение стояло, как и подобало жилищу вождя, совершенно отдельно; кругом рос кустарник, и только одно высокое дерево простирало ветви, как руки великана-сторожа, не допускавших сюда любопытных взоров. Натан еще раз бросил взгляд на костер и невольно обратил тогда внимание на один из вигвамов, в котором виден был свет, когда ветер колебал кожи. Натану показалось, что он слышал оттуда шепот, и потому пополз под кустами вперед, причем не сомневался, что уже попал на след Эдит и что близок к ней. Он думал, что дорога совершенно свободна от каких-либо препятствий, но вскоре понял, что ошибся. Едва пробрался он сквозь кустарник, как луч вспыхнувшего костра проник сквозь темноту и осветил темное лицо дикаря, которого он мог бы достать рукою. То был индеец, который, вероятно, пьяный споткнулся о куст, свалился, и сон сразу овладел им. Тут, в первый раз Натан содрогнулся, но не от страха или ужаса: не мог же в таком человеке, как он, возбудить страх вид сонного пьяного. Индеец был в полном забытьи и притом без всякого оружия; по крайней мере, Натан не заметил ни на нем, ни по близости от него ножа или томагавка. Но в свирепом лице, сморщившемся от старости и изборожденном рубцами, в изувеченной, но мощной руке, покоившейся на груди, и в воспоминаниях о прошедшем, вызванных всем этим в душе Натана, лежало что-то, что пробуждало в нем какое-то странное чувство злобы и страха.

От удивления квакер отскочил и поспешно бросился на землю, чтобы спрятаться, в случае, если бы индеец проснулся от его приближения. Но дикарь, опьяненный хмельным, которого он, по-видимому, хватил сверх меры, спал по-прежнему. Недолго Натан оставался в таком положении; через несколько мгновений он снова поднялся и осторожно наклонился над лицом индейца.

Однако блеск костра снова померк и более не освещал лица спавшего. Со смелостью, которая была, пожалуй, следствием неистребимого любопытства, отогнул Натан кусты в сторону и с радостью заметил, что свет костра снова скользнул по темному лицу врага. И теперь, с чувством, которое заставляло его позабыть обо

всем, он ясно различил черты одного лица, которые происшествiями прошлого неизгладимо врезались в его память. Это было лицо воина, старое и покрытое рубцами, такое, каким мог хвалиться только истинный герой племени. Глубокие шрамы бороздили также и обнаженную грудь спавшего, и в его одежде из дубленых кож, хотя и очень грязных, но украшенных множеством серебряных иголок и скальпами, при чем местами сверкал на коже широкий испанский талер, виделось что-то, что не давало счесть его за обыкновенного грабителя. В каждом ухе висело по цепочке из серебряных монет, больших и маленьких, — роскошь, какую может позволить себе только вождь.

Человек этот, наверно, и был вождем: на его голове было украшение, состоявшее из клюва и когтей коршуна, а также и целой дюжины перьев этой птицы. Это было, как Натан рассказывал уже и раньше, особенным отличием Венонги, Черного Коршуна. Итак Венонга, старейший, знаменитейший и некогда могущественный предводитель своего племени, лежал теперь перед Натаном, грязный и пьяный, у двери своего собственного вигвама, добраться до которого он оказался не в состоянии.

Ненавидящим взглядом посмотрел Натан на дикаря. Гневная улыбка играла на его тонких губах, когда он тихонько вынул из-за пояса свой старый, но все еще блестящий и острый нож, и исполненный смелости и надежды, другой рукой трогал обнаженную грудь дикаря, уверенный, что тот не проснется. Венонга между тем продолжал спать, хотя рука белого лежала уже крепко на его ребрах и чувствовала биение его сердца. Отняв, наконец, руку, Натан приложил нож против сердца врага. Стоило сделать один удар, и нож вонзился бы глубоко в сердце, которое никогда не ведало ни сострадания, ни раскаяния. Натан и намеревался нанести этот удар: казалось, он забыл все окружающее, кроме своей жертвы, которая бесчувственно, в глубоком сне лежала перед ним. Мускулы его руки были напряжены, но рука тряслась от волнения.

Еще минуту медлил он, чтобы преодолеть свое волнение; но вдруг его слуха коснулся голос из хижины, и решимость поколебалась. Он отступил, и к нему вернулось сознание его положения и намерений. Жалобные звуки женского голоса, которые он услышал, пробудили

новые чувства в его сердце. Снова вспомнил он о бедной пленнице; ведь он пришел спасти несчастную! Он хотел совершить дело любви и милосердия, а не злобы и мести... И глубоко, с болью вздохнув, он тихо сказал:

— Нет, не напрасно будешь ты меня призывать...

Тихо и осторожно вложил он нож в ножны, оставил Венонгу и, как змея, проскользнул сквозь кусты и приблизился к вигваму, откуда неслись жалобные звуки. Ползком, беззвучно добрался Натан до входа, заглянул в щель сквозь циновку и с первого взгляда убедился, что достиг цели своего опасного путешествия.

Вигвам был невелик; но так как он был слабо освещен и наполнен густым чадом, то было трудно различить, что происходило в дальнем, темном его конце. Сделан он был из циновок, натянутых на столбы. Столб посередине поддерживал крышу, и на нем так же, как и на стропилах ее, висели разные кухонные и домашние принадлежности: деревянные кружки, глиняные горшки, медные сковороды, также ружья, топоры, копья, сушеные коренья, полотна, кожи и другие вещи, которые, вероятно, некогда были похищены у белых: недоуздки, узды, шляпы, сюртуки, шали, передники и многое иное. Особенно выделялся узел со скальпами, между которыми были и скальпы с длинными волосами: по-видимому, дикари считали локоны беспомощной женщины столь же достойным трофеем, как и чуб волос опытного, поседевшего в битвах воина. На полу вигвама лежали кожи, служившие постелями. На них валялись разбросанные в беспорядке платки, одежды и обувь, и весь вид вигвама показывал, что он долгое время служил чем-то вроде склада, наскоро переоборудованного для нежданных гостей.

Однако Натан мало обращал внимания на эти вещи, которые он окинул одним взглядом. Его внимание привлекли женщины. Одна из них была Эдит, с распущенными волосами и мертвенно бледным лицом; она схватилась за платье другой женщины и как будто молила ее о сострадании. Второй была Телия; она старалась уклониться от объятий Эдит и также проливала слезы и что-то говорила, утешая и успокаивая пленницу. С ними находилась старая, морщинистая индианка, которая так походила на колдунью, как одно яйцо на другое. Она свернулась у огня и отогревала свои костлявые

руки, по временам бросая на Эдит и Телию свирепые взгляды ненависти и подозрения.

Хотя ветер все еще дул и громко шелестел о листья и ветви деревьев, Натан все же мог разобрать почти каждое слово пленницы, которая молила Телию не покидать ее в таком отчаянном положении. Телия же, проливая слезы, казалось, и от боли и от стыда, просила ее, напротив, ничего не бояться и позволить ей уйти.

— Вам не сделают зла, это верно, — говорила она. — Мой отец мне обещал, а здесь вы находитесь в доме вождя, к которому никто не смеет приблизиться. Вы в полной безопасности, Эдит, а меня... Отец убьет меня, если застанет здесь.

— Твой отец! — воскликнула Эдит. — Да, верно, то был твой отец, который вверг меня в несчастье, который предал нас, который толкнул моего бедного брата в объятия смерти! Иди, иди... Я ненавижу тебя, потому что и ты предала нас. Нет, небо не простит тебе этой измены и смерти Роланда. Ну, уходи: меня убьют, и пусть убьют... По крайней мере, тогда кончатся мои муки.

Под влиянием таких жалоб и укоров, Телия не делала более попытки уйти. Напротив, она старалась схватить руку, от которой ее оттолкнули, и покрыть ее поцелуями; при этом она плакала и несколько раз клялась, что она не замышляет против Эдит ничего дурного...

— Ничего дурного? — вскричала Эдит, снова схватив руку Телии. — Телия, ты не похожа на своего отца и не предашь меня опять, как в тот раз. Остайся со мной, да, останься... и все тебе простится. Этот человек, этот ужасный человек, убивший моего брата, — он придет! Остайся здесь, Телия, и защити меня от этого негодяя, — и все, повторяю тебе, все тебе простится.

Так умоляла Эдит, вся трепеща от волнения. Телия же все клялась, что ни один человек не думает о том, чтобы причинить ей зло, и что старуха у огня только затем и приставлена, чтобы охранять ее от любой опасности. Потом она снова просила позволения уйти и высказывала опасение, что отец убьет ее, если она останется, потому что он запретил ей приближаться к пленнице.

Ее клятвы, как искренни и неотступны ни были они, не могли, однако, успокоить Эдит и только когда она,

ослабевшая от страданий и горя, беспомощная, упала на ложе, Телия ушла от нее нерешительно и с искренним сожалением. Она прижала руку пленной к своим губам и на цыпочках выскользнула из хижины, бросая на девушку сострадательные взгляды.

Натан спрятался, когда она выходила, и терпеливо выждал, пока она перебежала через площадь, а потом снова стал наблюдать. Еще раз оглядел он внутренность вигвама, и сердце его исполнилось сострадания, когда он увидел отчаяние Эдит, которая сидела склонивши голову на грудь, сложив руки и с дрожащими устами. Картина полной безутешности... Казалось, она молилась, но ни звука не срывалось с ее губ.

— Бедная девушка, — подумал Натан, — ты молишь небо о помощи, и небо услышало тебя прежде, чем ты просила... Ты не покинута!

Он вновь вынул нож и бросил взгляд на старую колдунью, которая все еще сидела у огня, смотря на пленницу. Крепче сжав нож, квакер осторожно приподнял край циновки, в первый момент решив без жалости умертвить старуху. Но чувство сострадания взяло верх; он помедлил, отступил назад, опустил циновку и тихо отошел от двери. Потом он вложил нож опять в ножны, прислушался с минуту, не шевелится ли спящий вождь, посмотрел на лежавших вокруг тлевшего костра воинов, тихонько прокрался далее и возвратился к тому месту, где оставил Ральфа Стакпола. Конокрад безмятежно спал.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, когда Натан растолкал его. — Я чуть не погрузился в вечный сон! Хорошо, что никто не слышал моего храпа. Ну, что скажете вы о длинноногих бездельниках и нашей прекрасной леди?

— Все идет хорошо, — отвечал Натан. — Дай мне один из твоих недоузтков и послушай внимательно, что я тебе скажу.

— Недоузток? — сердито буркнул Стакпол. — Никак вы вздумали взяться еще за мое дело и начать красть лошадей?

— Нет, друг, — возразил Натан. — Этим недоузтком мне надо связать старуху, которая сторожит сестру Роланда: убить старуху я не могу. Мне не позволяет совесть обагрить руки кровью женщин.

— Так вы нашли ее, кровавый Натан? — радостно спросил Ральф. — Так позовем капитана и немедля примемся за дело.

— Нет, — покачал головой квакер. — Хотя капитан человек отважный, однако, он не может нам помочь в индейской деревне. Она битком набита воинами. Четырнадцать дикарей спят на площади. Правда, все они пьяны, и если бы с нами была хоть дюжина кентуккийцев, мы бы прижали их так, что они пикнуть не успели. Слушай, ступай к выгону, где пасутся лошади. Это ты можешь сделать без всякой опасности, если прокрадешься у подножия холма. Выбери несколько сильных и быстрых лошадей и уведи их. Заметь хорошенько, ты должен потом скакать вверх по долине, как будто спешишь не в Кентукки, а к Большому озеру. Когда же ты проедешь по этой дороге с полчаса, то поплывешь по ручью, а потом по горам прокрадешься к тому месту, откуда мы разведывали деревню. Там, — пойми меня хорошенько, друг, — там найдешь ты девушку, которую я уведу из деревни. Не мешкай же! Ты слышал меня и должен исполнить все.

— Натан! — воскликнул Стакпол. — Если я не уведу лучших лошадей с выгона, вы можете вечно называть меня мошенником. Вот моя передняя лапа, клянусь, я точно исполню ваше приказание!

Натан сделал вид, что доволен рвением Ральфа, и мужчины расстались.

Роланд между тем, мучимый тревогой, оставался в засаде. Прошло около часу. Он уже не мог более сдерживать свое беспокойство и решил подобраться к деревне и, если возможно, разузнать положение дела. Подойдя довольно близко к Натану и Ральфу, он хотя и не расслышал всего, что они говорили, понял однако, что Эдит найдена, и что последний шаг к ее освобождению уже близок. Но его союзники расстались прежде, чем он успел подойти к ним: Ральф пропал в кустах, а Натан направился к деревне. Роланд тихо позвал его, но квакер не услышал его. И Роланд остановился в раздумье: следовать ли за Натаном, или вернуться к маленькому Питу. Нетерпение пересилило благоразумие: капитан решил последовать за Натаном; ему казалось совершенно невозможным оставаться безучастным зрителем, когда дело шло о спасении Эдит.

Подражая осанке и походке Натана, шел он вслед за ним, надеясь вскоре догнать его, и через несколько минут оказался в деревне.

Глава XIX

НОВЫЙ ПЛЕН

Пока происходили эти события, Эдит сидела в вигваме дикаря, охваченная печалью безнадежности. Все, что она пережила по пути сюда: взятие в плен, разлука с Роландом, тревожное своею неизвестностью будущее, — все казалось ей страшным сном. Она очнулась от своих безутешных мыслей, только заметив злобный взгляд старой индианки. Та неподвижно сидела, свернувшись у огня, и наблюдала за каждым движением Эдит и каждой переменной в ее настроении. На ее уродливом лице не было и следа сострадания или милосердия; она не говорила ни слова, чтобы показать свое полное равнодушие к судьбе пленницы, а потом затынула песню грубым, хриплым голосом. Это заунывное пение наводило на несчастную пленницу еще большую тоску, но своим монотонным однообразием произвело действие, которое, вероятно, совсем не входило в намерения старухи. Оно отогнало мало-помалу от девушки мысли, мучившие ее, и даже успокоило ее, тогда как прежде она все находилась в мучительном возбуждении. Эдит, до тех пор бросавшая боязливые взгляды на уродливое и свирепое лицо старухи, опустила теперь голову на грудь и впала в забытие, но была выведена из этого состояния внезапно прекратившимся пением. Девушка поднялась и к ужасу своему увидела стоявшего перед ней рослого мужчину. Лицо его было полностью закрыто широким полотняным покрывалом, лишь в узкую щель глядели на нее сверкающие глаза. Она отвела взгляд и заметила, что ее сторожиха намеревалась, крадучись, выйти из вигвама. Охваченная страхом, Эдит хотела последовать за ней, но пришелец схватил ее крепко за руку. В то же время он спустил полотняное покрывало со своего лица и показал его девушке, которая не могла смотреть на него без отвращения. Но мужчина тихо прошептал:

— Не бойтесь меня, Эдит, я ведь не враг вам. Вы меня знаете?

— Конечно, я знаю вас, — отвечала Эдит, причем отвращение ее к этому человеку сказывалось во всех ее чертах и движениях. — Я вас отлично знаю. Вы — Ричард Браксли, который обокрал меня, сироту, преследовал меня, и чья рука, которая теперь крепко держит меня, обогрена кровью моего несчастного брата...

— Эдит, вы ошибаетесь! — отвечал Браксли с улыбкой. — Верно, я Ричард Браксли, но вам я не враг и не преследователь ваш, а верный и честный, хотя немного грубый и упрямый друг. Выслушайте же меня спокойно, и я убежден, что вы измените свое мнение обо мне.

Он старался убедить девушку, что она пленница беспощадных краснокожих, и описывал ей все те ужасы, которые угрожали ей в плену. Потом он объяснил ей, что только он может освободить ее, и что он ни минуты не будет медлить, чтобы возвратить ей свободу, если она только решится стать его супругой.

— Нет, — заявила Эдит, — прежде, чем стать вашей женой, женой недостойного человека, я лучше умру! Убейте же и меня, как вы убили моего брата.

— Я никого не убивал, — сказал Браксли высокомерно. — Ваш брат жив и здоров, как я и вы, мисс.

— Вы лжете, лжете! — воскликнула Эдит. — Я сама, своими собственными глазами видела, как пролилась его кровь.

— Да, из раны, которая ничуть не была опасна, — сказал Браксли. — Его жизнь в безопасности и его освобождение, — потому что я не отрицаю, что он в плену, — зависит только от вашего решения. Отдайте мне вашу руку, и в ту же минуту он будет свободен, как птица в воздухе.

— Нет, никогда, никогда! — вскричала Эдит, в отчаянии. — Даже за эту цену я не хочу связать свою судьбу с таким мерзавцем, как вы!

— Ну так погибай же здесь, как рабыня грязного дикаря! — взъярился Браксли, увидев, что его планы рушатся, наталкиваясь на упорное сопротивление девушки. — Я и пальцем не шевельну для твоего освобождения!

— О, Боже, помоги мне! — взмолилась Эдит и обратила кверху полные слез глаза.

— Напрасно вы призываете небо, — сказал Браксли со злорадной усмешкой. — Здесь никто не поможет, кроме меня!

Едва произнес он эти слова, как сзади его схватили мощные, точно железные руки, и в мгновение повалили на землю... Чье-то колено уперлось ему в грудь, и сверкнувший нож готов был вонзиться ему в горло.

Неожиданное нападение было произведено с удивительной быстротой и ловкостью. Браксли лежал неподвижно, и страх совершенно лишил его мужества, так что он не сделал ни малейшей попытки к сопротивлению. А Натан спрятал нож, вытащил недоуздок и начал связывать адвоката. Сначала он связал ему руки и ноги, потом заткнул ему рот платком, выхватил у него из бокового кармана завещание и быстро спрятал его себе за пазуху. Затем он оттащил его в угол, закидал шкурами и предоставил его самому себе. Все совершилось с такой быстротой, что Браксли едва успел разглядеть лицо нападавшего, в котором, к немалому своему удивлению, узнал индейца. И вот он уже лежал беспомощный в своем углу, а кожи и шкуры летели на него, давя его своей тяжестью.

Между тем Эдит отшатнулась в ужасе, не менее пораженная, чем Браксли. Незнакомец предостерегающе шепнул ей:

— Не бойся, не говори ни слова, встань и уйдем.

И, подхватив ее на руки, — потому что с первого взгляда заметил, как она слаба, — он тихо добавил:

— Не беспокойся, твои друзья близко, ты спасена!

Потом он крадучись выскользнул из вигвама. Ночь была еще темнее, чем прежде; костер на площади уже не бросал более ни малейшего отблеска на жилище Венонги, а буря, хотя и несколько утихла, но шумела еще настолько, что заглушала шаги квакера. Теперь Натан уже не сомневался, что успешно доведет до конца так удачно начатое дело.

Но его подстерегала еще одна опасность, на которую не рассчитывал человек мира, и которая ни в каком случае не осуществилась бы, если бы он не отказался от всякой помощи, даже от помощи Ральфа Стакпола и не положился бы только на свои собственные силы и знания местности. Едва он отошел от вигвама вождя, как вдруг невдалеке от площади, по которой он спешил со своей драгоценной ношей, раздался громкий топот, фыркание

и ржание лошадей, как будто дюжина голодных волков вдруг забралась в конский загон и перепугала весь табун. Через несколько мгновений шум усилился, словно хищники выскочили из загона, и лошади поскакали от них, обезумев от ужаса, к середине деревни.

Заслышав шум, Натан укрылся в кустах, однако заметив, что шум увеличивался и приближался и что спавшие у костра воины просыпаются, он набросил полотняный платок на Эдит, которая все еще не имела достаточно сил идти самостоятельно, и решил спастись бегством, пока темнота и всеобщее смятение благоприятствовали этому.

И в самом деле ему не следовало терять ни минуты. Сон диких был уже не так крепок: опьянение их проходило. На пронзительный крик, поднявшийся на одном месте, отвечали крики и в других местах, и в минуту площадь огласилась шумным ревом... Кто-то панически крикнул: «Бледнолицые! Длинные Ножи!», решив, что целый отряд кентуккийцев ворвался в их деревню.

Воспользовавшись всеобщим смятением, Натан решил краем площади пробраться к реке, надеясь таким образом укрыться в зарослях ольхи у берега. И ему, действительно, удалось бы это, если бы несчастье не подстерегало его.

Когда он поднялся из-за куста, какой-то дикарь посмелее других бросил тлевшую еще головню на кучу сухих листьев и сена, служившую постелью гостям. Вспыхнул огонь, осветив сразу всю площадь, и открыл причину суматохи.

Более дюжины лошадей устремились на площадь, а позади метался еще больший табун, в страхе становясь на дыбы, как будто их преследовали злые духи. И все-таки вскоре индейцы поняли, что дело вовсе не в злых духах, и что вся эта тревога дело человека. При первом взгляде на пламя, которое ветром скоро раздуло в огромный огонь, оценил Натан всю опасность своего положения и уже не надеялся более скрыться незамеченным. Однако вид лошадей, которые как бешеные скакали по площади, а также фигура белого человека, который напрасно противился их натиску, отвлекли внимание индейцев от квакера. Натан сейчас же сообразил, что он, при царившем всеобщем смятении, до сих пор не обнаружен и что теперь на него едва ли обратят внимание, пока он будет пробираться к реке.

— Ральф своим безрассудством подверг нас большой опасности! — пробормотал он. — К сожалению, я не могу ему помочь, и он поплатится теперь за неосмотрительность своим собственным скальпом! Едва ли даже стоит сожалеть о нем, так как от его судьбы зависит судьба бедной девушки.

Он поспешно шел вперед, но его неосторожные слова были услышаны одним человеком, подобно ему притаившимся в кустах близ хижины Венонги. Он вскочил теперь, и смущенный Натан узнал в нем молодого капитана Форрестера, который бросился на него, вырвал у него из рук обомлевшую, почти безжизненную Эдит и вскричал:

— Вперед! Ради Бога, вперед, вперед!

— Ты все испортил, — сказал Натан с горьким упреком, когда Эдит, выйдя из своего забытья, узнала брата и испустила радостный возглас, прозвучавший так пронзительно, что перекрыл шум ветра и рев всей толпы.

— Ты погубил нас всех! — повторил Натан. — Самого себя и девушку! Спасай теперь хоть свою собственную жизнь.

С этими словами он попытался вырвать Эдит из рук Роланда, сделав последнюю отчаянную попытку к ее спасению; Роланд уступил ее Натану и, заметив, что добрая дюжина индейцев нападала на них, поднял свой томагавк и кинулся навстречу преследователям в надежде выиграть время и дать Натану возможность спасти Эдит.

Этот неожиданный и беспримерный по мужеству поступок вызвал громкий возглас удивления даже у дикарей, которые до тех пор только выпускали крики бешенства. Но он вскоре перешел в насмешки, когда индейцы, не обращая внимания на угрожающую позу Роланда, разом накинулись на него и, ловко увернувшись от ударов, в одно мгновение схватили и обезоружили его. Двое воинов остались его охранять, а остальные погнались за Натаном, который прилагал все свои силы, чтобы скрыться от преследователей. Он бежал с Эдит, тяжесть которой его так мало стесняла, как будто он держал в руках пушинку, — бежал с удивительной скоростью и перескакивал через кусты и ямы с такой ловкостью, что даже дикари немало поражались этим. Без

сомнения, сам он мог бы спастись, если бы не Эдит, которую он ни за что не хотел оставить на произвол судьбы. Он почти уже достиг кустарника, окаймлявшего берег реки, и оставался всего один шаг, чтобы, по крайней мере, на некоторое время оказаться в безопасности от преследования.

Но Натану не удалось сделать его. Когда он подбежал к кустарнику, двое коренастых дикарей, которые там нашли себе ночлег, выскочили из чащи, ответили диким ревом на крики своих соплеменников и бросились навстречу квакеру. Натан отпрянул было в сторону и побежал к одиноко стоявшей хижине, окруженной деревьями, в тени которых он надеялся спрятаться, — но было уже слишком поздно. Десяток краснокожих, подстрекаемых своим вождем, настигал квакера. Они преследовали его по пятам, хватали его руками и даже зубами. Их крики пронзительно звенели в его ушах, руки хватали за одежду. Натан увидел тогда, что убежать не удастся, повернулся к дикарям, взглянул на них с отчаянным упорством и крикнул с выражением бесконечной ненависти:

— Дьяволы! Рубите, колите! Наш час настал, я последний!

И произнеся эти слова, он сорвал с себя одежду и обнажил грудь, подставляя ее под удары своих противников.

Но индейцы, по крайней мере в эту минуту, не собирались убить его. Они схватили его и Эдит и потащили их обоих с криками радости к костру, куда Роланд был уже раньше приведен и должен был слышать их победные крики. В то же время восторженные возгласы тех индейцев, которые бросились ловить лошадей, показали Натану, что и Ральф Стакпол также оказался в руках индейцев.

Слова, которые Натан выкрикнул диким перед пленением, были последние, которые он произнес. В терпеливом молчании подчинился он своей судьбе и ни единым движением не выдал своих чувств, когда десятки голосов выражали и удивление, и радость по поводу победы. Его индейская одежда и раскрашенное тело, очевидно, удивили многих, и это удивление возросло, когда при свете костра они разглядели рисунки, которыми Натан старательно расписал себе лицо и грудь. Натан меж-

ду тем совсем не обращал внимания на вопросы, которые ему задавались на ломаном английском и на индейском языках, как и на их насмешки и угрозы, и отвечал лишь суровым пристальным взглядом, так что некоторые молодые воины были смущены и обменивались между собою многозначительными взглядами. Наконец, когда они подошли к огню совсем близко, старый индеец махнул рукой толпе, которая тут же почтительно очистила ему место; потому что пришел не кто другой, как Венонга, старый Черный Коршун. С яростью, не совсем еще протрезвев, заковылял он к пленным, положил руку на плечо Натана, а другою поднял свой томагавк, и удар его непременно раздробил бы Натану череп.

Но удар вовремя был отклонен Авелем Дозэ, который подошел вместе со старым вождем и шепнул что-то ему на ухо, чем на минуту укротил ярость старого дикаря.

— Я индеец, — сказал вождь высокомерно, обращаясь к пленнику по-английски. — Я убиваю всех белых! Я, Венонга, пью кровь белых, потому что у меня нет сердца!

И, чтобы глубже запечатлеть в душе пленника свои слова, положил он руки на плечи Натана, стоял долго в таком положении, и кивал, и качал головой, глядя на него с нескрываемой ненавистью. В ответ на этот взгляд, Натан устремил свои глаза на предводителя, и такая глубокая, невыразимая страсть сверкала в них, что даже Венонга, этот храбрый и беспощадный предводитель, который к тому же находился в возбужденном состоянии, медленно отступил и снял руки с плеч пленника. Наконец Натан от утомления и долгого напряжения упал вдруг на землю и забился в судорогах, так что испуганные дикари еле сумели его сдержать.

Насмешливое и радостное ликование их прекратилось и вопросы замолкли.

Испуганно отступили они от своего несчастного пленника и осматривали его с нескрываемым удивлением и видимым ужасом. Единственный, кто при этом странном случае не высказал беспокойства, был Авель Дозэ: он увидел торчавший у Натана из-за пазухи уголок бумаги, которую он еще пару часов назад видел в руках Ричарда Браксли.

Авель наклонился к Натану, встал так, как будто хотел поднять на руки лежавшего в судорогах человека,

и, вынув при этом незаметно для других конверт из-за пазухи Натана, немедленно спрятал его в карман. Потом он встал и стоял, подобно другим спокойно глядя на пленного, пока припадок его прошел.

Натан снова поднялся на ноги, недоуменно оглядываясь вокруг и, казалось, не сознавал некоторое время ни своего припадка, ни даже своего плена. Однако его вскоре привел в себя и даже удивил старый вождь. Его ярость неожиданно сменилась чувством уважения, которое ясно отражалось во взгляде краснокожего.

— Мой белый брат! Ты великий человек! — заявил он. — Я Венонга! Я великий индейский предводитель, убиваю мужчин, женщин и детей. Белый человек будет братом великого индейского предводителя. Он мне скажет, как найти Дшиббенёнозе. Где Дшиббенёнозе? Я его убью... я, великий предводитель, зарублю томагавком духа лесов. Великий человек скажет предводителю индейцев, почему он пришел в индейскую деревню? Почему крадет пленных у индейцев? Почему крадет индейских лошадей? Я, Венонга — добрый брат великого человека!

Вождь произнес это с необыкновенной мягкостью и торжественностью. По-видимому, он попросту принял пленного за великого колдуна из белых, который мог раскрыть ему некоторые вопросы, на которые он до сих пор напрасно искал ответ. Вероятно, Венонга еще долго продолжал бы свою речь, так как воины слушали его с большим интересом, если бы охранявшие Роланда индейцы не испустили бы вдруг громкого крика. Авель Доз сказал, что пленник их — не кто иной, как капитан Роланд Форрестер, который незадолго перед тем, беспомощный и связанный, был передан в руки беспощадного Пианкишава. Его неожиданное появление в деревне Черного Коршуна было для дикарей таким же удивительным происшествием, как и мнимая чудотворная сила белого колдуна, и поэтому крик сторожей привлек всю толпу дикарей к костру, возле которого положили Роланда.

Но чудеса совершались за чудесами. Третьего пленника от лошадей тоже приволокли к огню, и тут же несколько индейцев узнали в нем неисправимого конокрада Ральфа Стакпола. «Чудесный» колдун и «чудесный молодой Длинный Нож» были на время забыты, потому что капитан конокрадов был для индейцев еще более «чудесным» лицом и, во всяком случае, более важной

добычей. С громким ревом называли его имя, оно переходило из уст в уста и каждый повторял его... В скором времени Ральф увидел себя окруженным всеми жителями деревни — мужчинами, женщинами и детьми. Все они, привлеченные шумом, столпились на площади. Победный клич ликования и радости по случаю поимки такой знаменитой и ненавистной личности произвел шум в десять раз сильнее того, который до сих пор оглушал пленных.

В самом деле, это был Ральф Стакпол, раб ангелоподобной леди, как он ее торжественно называл, которой своими замечательными неудачами уготовил столько несчастий, тогда как стремился всеми силами спасти ее!..

И на этот раз Ральф вновь принес узы рабства себе и своим товарищам. Позже он рассказывал, что для того проник в загон, чтобы буквально последовать указаниям Натана. Он выбрал четырех лучших в табуне лошадей, и ему, при его необыкновенной ловкости, стоило небольшого труда накинуть на них недоуздки.

Если бы он удовольствовался лишь этой добычей, то мог бы удалиться с выгона, не опасаясь, что его обнаружат. Но счастливая случайность, а также вид сорока великолепных лошадей, эти милые, прекрасные создания, как он сам их называл, внушили неисправимому конокраду несчастную мысль увести весь табун из загона, чтобы обрадовать леди доставшимся им богатством.

Раз задумав это, он быстро решился исполнить свой замысел. Как Натан, снял и он свой кожаный сюртук, разрезал его на ремни, быстро связал недоуздки, перекинул их на полдюжины лучших лошадей и поспешил с ними, а также с четырьмя прежде пойманными прочь, не сомневаясь ни на минуту, что весь остаток табуна последует за ним добровольно. Выезжая из загона, он направился к месту, назначенному для свидания. Однако стадо не имело ни малейшей охоты следовать в этом направлении. Произошла короткая борьба между Ральфом и украденными им конями, которая через несколько минут кончилась тем, что все стадо направилось по дороге к деревне. Лошадям не только удалось придти туда, но они еще увлекли за собой и несчастного Ральфа, который напрасно старался направить их назад. Оказавшись в гуще табуна, он не сумел ни противостоять ему, ни бежать от него.

Таким образом, капитан конокрадов попался в западню, которую он сам себе устроил, как это случается со многими, и мысль, что он своим безграничным легкомыслием вверг в несчастье всех своих союзников и похоронил последние надежды ангелоподобной леди, мучила его несказанно. Так притащили его к костру, где громко и злорадно глумились над ним. Но индейцы, еще усталые от своего прежнего пиршества и обрадованные своей легкой победой, вскоре перестали его мучить, решив на следующее утро, к своей особенной радости и к удовольствию своих гостей, заставить его хорошенько побегать сквозь строй.

После этого единогласного решения он был точно также, как Натан и Роланд, связан, и всех их посадили в отдельные хижины под строжайшим караулом.

Через час деревня затихла, как будто в ней не произошло ничего особенного. Авель Доэ и Ричард Браксли возвратились к себе; последний был найден и освобожден из неожиданного плена своими товарищами по оружию, как только Эдит снова водворили в вигвам под надзор старой индианки. Войдя в жилище Доэ, Браксли сообщил ему об утрате драгоценного завещания, на которое он возлагал так много корыстных надежд. Его испуг и замешательство при внезапном нападении Натана были так велики, что он вовсе не заметил, как квакер вытащил у него из кармана документ. Доэ же, у которого теперь, как мы знаем, находилось завещание, совсем не был склонен отдать его добровольно: он уже прикидывал, как самому воспользоваться документом. Поэтому он притворно утешал своего приятеля, говоря, что он только случайно мог потерять документ, уверял его, что, без сомнения, завещание найдется на другое утро, так как исписанная бумага, будь она хоть самого серьезного содержания, не имеет ни малейшего значения для краснокожих.

Браксли, которому доводы Доэ показались убедительными, успокоился. Его, однако, чрезвычайно занимало, откуда мог вдруг взяться капитан Форрестер, которого он уже давно считал убитым. Но и тут Доэ его утешал, уверяя, что Роланда можно и теперь считать умершим, как будто два десятка пуль уже прострелили ему грудь.

— Он в руках Черного Коршуна, Ричард, — сказал он злобно, — и если мы его сами не спасем, то его

сожгут. Это так же верно, как то, что мы оба когда-нибудь будем в аду.

— Мы, Авель Доэ? — подхватил смеясь Браксли. — В этом мы можем быть уверены! Однако, кто знает, куда еще занесет вас судьба. Еще недавно испытывали вы укоры совести, думая, что молодой человек убит, и теперь, когда, как вы утверждаете, смерть его предрешена, вы ничуть не беспокоетесь об этом...

— Так-то оно так, но ведь есть разница между тем и этим разом, — возразил Доэ. — Когда Пианкишав его жег, или скорее, когда я думал, что он это сделает, я, я один был виноват в его несчастье. Я подстроил ему этот костер. Но теперь дело обстоит иначе. Он сам пришел сюда, индейцы поймали его и теперь могут его сжечь, если им охота. Я теперь не вмещаюсь, потому что не я заманил его сюда. В этом-то обстоятельстве, дорогой Ричард, и заключается разница, и должны же вы признаться, что обстоятельство это нельзя назвать незначительным.

Объяснение Доэ было достаточно для недоверчивого приятеля. Поговорив еще немного, оба мошенника отправились на покой.

Глава XX

АВЕЛЬ ДОЭ

Настал следующий день. Индейцы, как могли заметить даже пленные из своего заточения, были особенно оживлены и вели себя шумно. С восхода солнца до полудня слышны были по временам ружейные выстрелы, которые раздавались с отдаленного конца деревни, а вслед за ними гремело пронзительное «ура» стрелявших. Казалось, все в деревне — и мужчины и женщины, и дети — присоединились к этому радостному крику. Шум увеличивался, крик становился оживленнее, и, по всем признакам, краснокожие возымели намерение во второй раз отпраздновать торжество, при котором они, подобно вчерашнему дню, могли предаться необузданному пьянству.

Пока это происходило на улице, Роланд Форрестер лежал связанный в вигваме под охраной двух старых воинов. Обязанность была им, по-видимому, скучна: иногда они даже покидали вигвам, хотя не более, чем на

несколько минут. Отдохнув таким образом немного от своей надоедливой обязанности, они усаживались рядом с пленным и глумились над ним на непонятном ему языке. Он же, погруженный в горькие думы, жестоко обманутый в своей последней надежде, казалось, стал равнодушен к своей судьбе. Целый день лежал он на голой земле и каждую минуту ожидал толпы индейцев. Он был уверен, что они должны придти за ним и увести его на пытки, которые, — в этом он не сомневался, — были ему уготованы, так как становились обыкновенно уделом всех, попадавших в плен к индейцам.

Однако проходил час за часом, а его одиночество не было нарушено никем, кроме двух старых сторожей. Только под вечер, когда уже снова стало смеркаться, увидел он третий человеческий образ. Телия Доэ опасно прокралась в вигвам, принесла пленному пищу и при этом выказывала такое глубокое уныние, такую видимую скорбь, что несчастный Роланд не мог этого не заметить. Сначала он подумал, что эти горькие чувства происходили от стыда и раскаяния, так как Телия тоже играла неблагоприятную роль при его взятии в плен. Впрочем, Роланд отбросил эту мысль: он знал, он чувствовал, что хотя ей и были раньше известны все замыслы индейцев, она все же искренне, всеми силами старалась спасти ему жизнь. Ее появление пробудило в нем дремавшие жизненные силы и вызвало в его глубоко опечаленной душе воспоминание о сестре. Он спросил Телию о ней, хотя наперед знал, что ее ответ не принесет ему ни надежды, ни утешения. Но едва Телия открыла рот, чтобы ответить несчастному, как один из старых индейцев грозно подошел к ней, схватил ее за руку и вытолкнул из вигвама.

Таким образом, Роланд вновь был предоставлен своей печальной участи.

Когда настала ночь, он услышал чьи-то шаги у вигвама и вслед затем короткий разговор между новым пришельцем и сторожами, после чего сторожа оставили его одного. Тогда посетитель подошел к огню, помешал уголья, от чего тлеющий хворост вспыхнул, и сел так, что Роланд сейчас же мог, к немалому своему удивлению, узнать в нем Авеля Доэ, черты которого достаточно глубоко запечатлелись в памяти молодого воина, чтобы никогда более не изгладиться. Абель пристально и сурово смотрел на пленника, не говоря ни слова, пока Роланд

наконец сам не прервал томительного молчания. Роланд всеми силами старался быть равнодушным; но вид этого человека все же вызывал в его душе бурю гнева и ярости. Если другие и придумали злодеяние, принесшее гибель ему и Эдит, то только благодаря помощи такого негодяя, как Авель Доэ, стало возможно Браксли привести в исполнение свои планы. Кровь кипела в жилах Роланда, когда он смотрел на Доэ, и он сделал несколько отчаянных, но напрасных попыток освободиться от своих пут. Никогда не сознавал он глубже, как именно теперь, в минуты беспомощности и бессильного гнева, подлость этого человека.

— Подлец! — крикнул он Доэ, увидев, что все усилия освободиться от уз тщетны, — подлый мошенник! Ты осмеливаешься еще являться сюда, чтобы насладиться своим отвратительным преступлением!

— Все верно, капитан, — Авель Доэ кивнул в знак согласия. — Вы дали точное определение, которое мне вполне подходит. Мошенник — именно такое слово, чтобы с него начать; но оно еще будет и последним словом, чтобы кончить. Посмотрим, как кончится дело.

— Прочь, несчастный! — закричал Роланд, полный гнева. — Не терзай меня своим присутствием. Все равно, мне нечего тебе сказать, кроме того, что я призываю на тебя проклятие неба.

— И это я нахожу справедливым, — отвечал хладнокровно Авель Доэ. — Я согласен, что до некоторой степени заслужил его. Но при этом всему есть конец, даже и проклятию, и, может быть, если вы спокойно выслушаете меня, вы обратите еще проклятие в благословение. Пословица гласит: сегодня друг, а завтра враг. Поверните-ка ее, и, может быть, выйдет верно, в том отношении, что я сегодня пришел к вам совсем не как ожесточенный, упрямый враг. Я хочу держать перед вами мирную речь, хочу зарыть томагавк и выкурить трубку мира. Таково мое намерение, и его не отменит даже ваше проклятие. Можете клясть сколько хотите, я вам в этом не мешаю. Но зато и не уйду. Я пришел, чтобы заключить условие и, если вы выслушаете мои предложения, то надеюсь, не будете так сердиты на меня, как до сих пор. Но прежде, чем мы начнем говорить о деле, скажите мне, каким образом вы вырвались из лап старого Пианкишава и его спутников.

— Если вы хотите сделать мне предложение, — возразил Роланд, стараясь немного смягчить свой гнев, — то говорите коротко и прямо, что вам надо, и не утруждайте меня излишними вопросами.

— Ну, ну, не так горячо, мистер Форрестер, — сказал Доэ кладнокровно. — На вежливый вопрос, думаю я, полагается и вежливый ответ. Если вы закололи старого плута и его спутников, вам нечего бояться сказать мне об этом: я ничего худого о вас не подумаю. Не так-то легко пленнику убить индейцев, которые связали его крепкими кожаными ремнями. Но я предполагаю, что плуты напились пьяны: индейцы всегда будут индейцами и никогда себе не изменят. А вы напали на них и заплатили им долг сполна, как они того заслуживали. Если вы это сделали, то доставили мне тем огромное облегчение: ведь это я предал вас в их руки, и это мучило меня; я знал, что краснокожие непременно сожгут вас, как охапку дров, если вы от них не избавитесь. Но с вашей стороны глупо было преследовать нас. Впрочем, об этом я помолчу. Что делать? Прошлого не воротишь... Скажите мне только: где нашли вы этого молодца, который одет индейцем и едва было не утащил вашу сестру? Индейцы уверяют, будто он великий колдун; я же, никогда не слышав о колдуне среди белых, пока я находился среди них, не верю подобной глупости, и очень хотел бы узнать, в чем дело. Заметьте, я задаю вам вежливый вопрос, и нет у меня никакой задней мысли. Никто не может объяснить, кто этот малый, и Ральф Стакпол, которого я уже спрашивал о нем, никогда в жизни не видел этого человека.

— Если вы хотите, чтобы я отвечал на ваши вопросы, то сперва должны ответить на мои, — сказал Роланд. — Итак, какая судьба ожидает человека, о котором вы только что говорили?

— Сожжение, я полагаю, — ответил Доэ. — Впрочем, многое зависит еще от настроения Венонги, старого Черного Коршуна: если этот человек объяснит, чего не мог открыть ни один индейский колдун, то старый вождь накормит его, пожалуй, самым лакомым блюдом, и сделает своим собственным колдуном. Он как раз теперь занят переговорами с ним.

— А что сделают с Ральфом Стакполом? — спросил Роланд.

— Тот, уж без сомнения, будет сожжен, — последовал ответ. — Они только ждут возвращения уехавших воинов, и потом малый будет сожжен живым, как полено.

— А я? — спросил Роланд. — И меня ждет та же участь?

— Вероятно! И в этом тоже нельзя сомневаться, — отвечал Доэ, и в глазах его блеснули зловещие огоньки. — Некоторые индейцы, правда, хорошо отзываются о вас: вы достаточно храбры, чтобы быть принятым в их племя; но большинство поклялось, что вы должны быть сожжены; и вы будете сожжены, если...

— Стой, еще один вопрос, — прервал поспешно Роланд каркающего ворона. — Что ожидает мою сестру?

— О, что касается ее, то вы можете быть совершенно спокойны, по крайней мере, относительно сожжения, — заверил Доэ. — Мы не затем поймали ее, чтобы изжарить. Ей не грозит смерть; есть человек, который принял ее под свое покровительство.

— Этот человек не кто иной, как Ричард Браксли, гнуснейший негодяй, который когда-либо поганил прекрасную землю своим дыханием. А вы?.. Как вы могли доверить девушку такому негодяю?

— А почему бы нет? — холодно возразил Доэ. — Он хочет жениться на ней, чтобы законно завладеть землями, которые остались после вашего дяди и которые, собственно, принадлежат вам и вашей сестре. Вот почему мы поджидали у Соленой реки и постарались захватить вас.

— Вы сознаетесь, значит, — сказал Роланд с гневным упреком, — что продались этому негодяю... Несчастный! Как мог ты из-за денег разрушить счастье моей сестры и отнять у меня жизнь?

— Очень просто! Потому что я сущий мошенник! — последовал ответ Доэ. — Но не станем терять времени на пустые слова. Все равно, ведь я согласен с вами. Когда-то я был честным человеком, капитан, да... Но тогда были лучшие времена! Теперь же я авантюрист до мозга костей. Не смотрите же так, как будто вы удивлены этим. Вы услышите от меня нечто такое, что еще более поразит вас. Сперва только ответьте мне честно: хотите вы уйти из индейской деревни и избежать костра, который обратил бы в пепел ваши крепкие кости?

— Хочу ли я стать свободным? Бессмысленный вопрос!

— Ну так что же, капитан, — продолжал Доэ, — если вы так страстно желаете свободы, то я как раз тот человек, который вам в этом поможет. Я готов освободить вас и избавить от смерти... Ведь подумайте: сесть на костер! Но прежде между нами должен быть заключен торг. Я поставлю вам довольно легкие условия, — легкие в том отношении, что вы теперь и без того на самом краю гибели.

— Ну, говорите! — сказал Роланд. — Если я в состоянии ваши условия исполнить, то вы всегда можете рассчитывать на мою готовность.

— Капитан, — начал Доэ, — я должен вам теперь признаться, что я куда еще больший мошенник, чем вы полагаете. Уверяю вас, ровно шестнадцать лет стремлюсь я к тому, чтобы отнять у вас имение вашего дяди. Прежде чем пришел этот Браксли, я был добропорядочным человеком. Только когда он сказал мне: «Убери эту девушку, которая со временем должна унаследовать имение майора, и я устрою твое счастье», — только тогда, говорю я, стал я мошенником.

— Это вы, значит, убили бедное дитя? — вскричал Роланд.

— Убил? Нет, Господь с вами, капитан, — возразил Доэ. — Дело шло только о том, чтобы спрятать девочку, и мы увезли ее в дальний уголок, потом сожгли хижину и распространили слух, будто дитя погибло в пламени. Потом я отправился на индейскую границу, где меня никто не знал, принял другое имя и выдавал украденное дитя за свою дочь.

— За вашу дочь? — переспросил удивленно Роланд. — Значит Телия — настоящая наследница моего дяди?

— А если бы она и была ею, так что ж из этого? — спросил Доэ. — Едва ли вы смогли бы помочь ей восстановить ее на наследство.

— О, клянусь, я помог бы ей, если бы был уверен в ее праве...

— Это я только и хотел знать, — пробормотал Доэ. — Да, да, в этом разница между мошенником и честным человеком. Нет лучшей девушки на свете, как Телия, капитан, — продолжал он. — Вы, к сожалению,

этого не знаете. Но это боязливое дитя, которое пугается даже своей собственной тени, храбро предоставляло себя всяким опасностям, чтобы освободить вас от плена: ночью, когда вы спали в палатке полковника Бруце, а мы у брода поджидали вас, она плакала, просила, умоляла, угрожала даже рассказать всю историю о засаде вам и полковнику Бруце, пока я не пригрозил ей томагавком. Тогда она испугалась и поклялась мне, что будет молчать. Когда же она последовала потом за вами в лес, она ни о чем больше не мечтала, как перехитрить нас, а вас спасти, причем она провела вас к старому броду, где у нас не было и засады, и наверно ей все хорошо бы удалось, если бы ваше, мистер Форрестер, упрямство не помогло нам. При всем этом я не солгу, сказав, что Телия вовсе не наследница майора, а моя дочь. Та заболела и умерла через год после того, как была похищена нами. Итак, не помогли нам ни наша ложь, ни воровство, ни поджег, ничто... Правда, дитя и без того умерло бы. Вот, капитан, я рассказываю вам всю эту длинную историю откровенно. Но дело в том, что я ничего не приобрел, впал в нужду и наконец должен был сделаться несчастным индейцем. Полковник Бруце взял мою дочь к себе, и это было очень благородно с его стороны; но меня мучит, что всякий насмехается над нею и презирает ее из-за ее мошенника-отца. Все это должно перемениться, капитан, потому что я ее люблю: она мое дитя.

Авель Доз помолчал некоторое время; потом продолжал:

— Видите, капитан, судьба бедного ребенка все время беспокоила меня, и наконец я пошел к Браксли, чтобы поговорить с ним об этом деле. Тот сказал, что он женится на девушке, и она станет признанной наследницей майора, причем мы выдадим ее за умершего ребенка. Все это было бы великолепно, если бы я не боялся доверить мерзавцу свою дочь. Тогда мы придумали другой вариант: когда ваш дядя умер, Ричард послал за мной, мы начали действовать. Сперва мы хотели...

— Меня убить! — вскричал Роланд, слушавший с напряженным вниманием Авеля.

— Нет... по крайней мере, не собственными руками... — возразил Доз. — Мы намеревались убрать вас куда-нибудь подальше, чтобы вы не стояли у нас на дороге и никогда не вернулись бы сюда. Браксли должен

был тогда жениться на вашей сестре и по второму завещанию вашего дяди вступить в его владения — по тому именно завещанию, про которое он утверждал, будто ваш дядя его уничтожил.

— Ну и что ж? Завещание еще у него? — спросил Роланд.

— Нет, оно теперь в лучших руках, — возразил Доэ и вытащил документ из бокового кармана. — Вот, читайте. Все его состояние завещано вам и Эдит и должно быть разделено между вами, как вы захотите. Читайте его сами.

Роланд поднялся и при первом взгляде на завещание убедился, что Доэ верно передал его содержание. Оно было написано рукой его дяди и составлено умно и понятно. Особенно порадовало Роланда то, что дядя, казалось, вовсе не сердился на него, хотя он, как мы знаем, тайно покинул его дом в поисках воинской славы.

— Это, действительно, превосходная находка! — сказал Роланд, глубоко взволнованный. — Освободите меня из плена, спасите мою сестру и других пленников, — и лучшая ферма во владениях моего дяди станет вам наградой. Да, вы можете сами назначить условия себе и дочери.

— Вот именно в условиях и заключается теперь все дело, — сказал задумчиво Доэ и положил завещание опять себе в карман. — О них мы должны поговорить точнее, чтобы не случилось какой ошибки. Но прежде чем я их выскажу, знайте, капитан, что вы будете жариться на огне у индейцев, и это так же верно, как верно то, что вы теперь греетесь у индейского костра. У вас нет выбора, вовсе нет... вы должны это себе уяснить твердо.

— Излагайте ваши условия! Скорей! — закричал Роланд. — Я думаю, мы не долго будем торговаться.

Однако Доэ не торопился исполнить желание пленного.

— Так вот, капитан, — сказал он после минутного молчания, — вы ведь знаете, кто такие мы с Браксли. И я должен ему помогать. Вот вам два условия: во-первых, вы должны половину имения отдать моей Телии, чтобы она была полностью обеспечена в будущем, и никто не смел бы более колоть ей глаза тем, что ее отец индеец, а во-вторых, ваша сестра должна выйти за Браксли, а с нею перейдет к нему и другая половина имения. Таковы

мои условия, и знайте, что я ни на йоту не отступлю от них.

Роланд сидел некоторое время молча, как ошеломленный.

— Что? — вскричал он, наконец. — Вы требуете, чтобы я этому негодяю отдал свою сестру? Никогда! Лучше мне увидеть ее умирающей на моих глазах, чем нанести ей такой позор, такое страдание. Берите половину нашего имения, берите все, но этого не требуйте от меня.

— Я вынужден настаивать на этом, капитан, — возразил Доэ хладнокровно. — Знайте, что если я совершенно обойду и обману Браксли, то месть его падет на меня. Он — закоренелый мерзавец, и знает, чем может нанести смертельную рану. Он сживет тогда мою дочь со свету, а этому-то я и должен помешать, потому что я люблю Телию, люблю больше, чем самого себя.

— Но моя сестра... никогда, никогда! — закричал Роланд. — Вы безумный человек! Назначайте другие условия, берите наследство майора, хоть все целиком, только...

— Ничего более! Я сказал вам свои условия и повторяю вам, ни на йоту не отступлю от них. Итак, решайтесь скорее — согласны вы или не согласны?

— Не согласен, — отвечал Роланд твердо. — Лучше смерть, чем такой позор.

— Хорошо же, будь что будет! — сказал Авель Доэ. — Своим упорством вы ничего не измените. Эдит будет насильно выдана за Браксли, а я... я буду спасен от сетей этого злодея. Не говорите же, капитан, что я обрек вас на гибель. Не вините меня, пеняйте на себя. Я хотел освободить вас. Вы не можете не согласиться с этим.

С этими словами, полный мрачной решимости, Авель Доэ встал и покинул вигвам, не обращая внимания на слова Роланда, который еще раз заклинал его взять имение дяди, и за эту цену освободить его и остальных пленных. Едва Авель вышел, как оба индейца снова пришли и оставались при Роланде всю ночь в полном молчании. А он весь отдался думам о своем безвыходном положении и тоске по своей обреченной сестре...

ЧЕРНЫЙ КОРШУН

А что же спутники Роланда? В то время как его соблазнял своими предложениями Авель Доэ, в жилище Венонги произошло событие, в котором одному из товарищей Роланда, по несчастью, пришлось сыграть ответственную важную роль. В этой хижине содержался в плену Натан, несчастная жертва не столько своей смелости, сколько чрезмерного усердия своих неосторожных помощников. Всего несколько минут назад был он приведен сюда после того, как он прошедшую ночь и весь день провел в менее почетном заключении.

Его необыкновенный вид, который делал его столь похожим на индейского колдуна, произвел сильное впечатление на его врагов, склонных, как и индейцы, к нелепому суеверию. Такому впечатлению еще помог случившийся с Натаном припадок. Несчастный упал на землю и катался по ней в страшных конвульсиях, а дикари думали, что их пленник бесноватый и что могучий бес вселился в его тело. Когда припадок миновал, Натан, правда, как и другие спутники, был связан кожаными ремнями и отправлен под строгим надзором; но ему оказывали до некоторой степени милость и даже почтение, веря в его сверхъестественную силу.

На другой день дикари толпами теснились у вигвама, где содержался Натан. Некоторые приходили, чтобы поглазеть на него, другие, чтобы задать ему вопросы о тайнах будущего, а еще некоторые, менее легковверные, старались разъяснить загадку его появления, прежде чем поверить в его сверхъестественный дар. К последним принадлежал Авель Доэ и некоторые старейшины племени, которые забрасывали пленного вопросами, рассчитывая таким образом разъяснить себе все загадочное в нем.

Но все это совершенно не трогало Натана. Мнимым колдуном как будто овладел бес молчания, и он не выказывал ни малейшего внимания ни к индейцам, ни к отцу Телии; он сидел перед ними молча и, по-видимому, равнодушно.

Авель Доэ уже перед тем попытался узнать о Натане у Ральфа Стакпола, но Ральф, из осторожности, клялся,

что не может дать ни единого сведения о пойманном белом. Он смело утверждал, что вовсе даже не знает ни капитана Роланда Форрестера, ни про кражу лошадей (которая, по его мнению, была в глазах индейцев самым непростительным грехом), наговаривал на себя, уверяя, что сделал это единственно для собственного удовольствия, и что никто не помогал ему ни в чем. Одним словом, у него нельзя было ни о чем допытаться, и индейцы еще более предались суеверному страху.

С наступлением ночи Натана привели в вигвам Венонги, где, окруженный старшинами, вождь обратился к нему с длинной речью на ломаном английском языке и все повторял, что он, Венонга, великий предводитель, а пленник — великий знахарь. Под конец вождь выражал желание, чтобы знахарь своим колдовством вызвал Дшиббенёнозе, тайного убийцу своего народа и проклятье его племени, для того чтобы он, предводитель, не боящийся ни воинов, ни чертей, мог сразиться с ним, как с человеком, и убить его. Натан выслушал и эту речь, равнодушно и безучастно. Дикари уже отчаивались, что не могут принудить пленного исполнить их волю, но все еще надеялись, что, может быть, позже он смягчится. Они оставили его, осмотрев предварительно ремни, которыми он был связан, и, убедившись, что узлы крепко затянуты и уйти он не может, поставили ему пищу и питье, также полагая, что он, как колдун, может принять пищу, хотя руки его были связаны за спиной.

Как только Натан остался в одиночестве, вмиг исчезло его равнодушие ко всему земному, которым он удивлял всех во время всего происшествия. Пока шаги удалявшихся дикарей еще слышались в кустах, окружавших вигвам Венонги, Натан, вскочив на ноги быстро осмотрел помещение, скудно освещенное горевшим на земле огоньком. Все здесь было по-прежнему: кучи шкур в углу и разные хозяйственные принадлежности по стенам; потом он заметил, что исчезло оружие, которое раньше висело по стенам, пока Эдит содержалась здесь. Убедившись, что ни один дикарь не следит за ним из темноты, начал он пробовать крепки ли ремни, стягивавшие его руки; но они не поддались его усилиям, так что он вынужден был отказаться от этой попытки. Отдохнув затем немного, он еще раз собрался с силами, еще и еще раз попытался разорвать ремни, но так же напрасно.

Наконец, убедившись в очевидной невозможности освободиться от пут, облокотился усталый Натан на груды кож и предался размышлениям.

Вдруг у одного из углов шатра, снаружи, послышался слабый визг, что-то зашуршало и заскреблось о стенку, как будто какое-то животное старалось пролезть в хижину. Натан вскочил... и оживленно заблестели его глаза: он догадался, что это за животное, хотевшее навестить его в этом безутешном одиночестве.

— Милая моя собачка! — прошептал он тихо. — Докажи теперь, какая ты умная!

Визг смолк, но царапанье и шорох продолжались еще несколько минут непрерывно, и наконец, из-под стены, из шкур показался маленький Пит — верный, преданный и до сих пор неразлучный спутник Натана.

— Я не могу тебя обнять, — сказал связанный и беспомощный пленник, когда маленький Пит подбежал к нему, уперся лапами в его колени и смотрел в глаза пристально. — Да, Пит, я не могу тебя обнять, а как бы я этого хотел! Но ты видишь, индейцы так крепко связали меня, что я не могу даже пошевелить рукой. Однако, Пит, я знаю: где ты, там есть и надежда. Скорей, — прибавил он, подставляя ему свои связанные на спине руки: — Скорей! У тебя острые зубы, и ты ими ловко орудуешь. Освободи же меня! Грызи, грызи ремни!

Умная собака, казалось, поняла каждое слово своего хозяина. Немедля принялась она грызть ремни, стягивавшие суставы рук Натана; а Натан еще подбодрял свою ученую собачку, тихим голосом поощряя ее.

— Однажды ты уже перегрыз мне ремни, — говорил он, — помнишь, в ту ночь, когда четыре краснокожих связали меня и уже готовили мне костер? Да, да, ты сделал это, маленький Пит, пока негодяи спали крепким сном. Помнишь ведь ты это, Пит? Грызи же, грызи и теперь. Не бойся, что зацепишь мне руку зубами: я наверное прощу тебе это, даже если ты прокусишь мясо до костей. Вот так, так, живей! Скоро, скоро твой хозяин обретет свободу!

Так подбодрял и торопил Натан собачку, которая упорно продолжала свою работу. Потом Натан напряг мускулы, чтобы помочь маленькому Питу. Сильным движением натянул он ремни, и вдруг они затрещали, как будто в них надорвались волокна.

— Ну, Пит, грызи, рви, сколько можешь! — воскликнул Натан, придя в восхищение. — Ну же, Пит, еще немножко... Да, скоро мы опять свободно будем бродить по лесам!

Но Пит, до тех пор такой усердный, внезапно оставил свою работу, вилял хвостом около своего хозяина и издавал визг, такой тихий и подавленный, что только привычное ухо могло его расслышать.

— Ха! — воскликнул Натан, услышав в ту же минуту звук шагов, которые, казалось, приближались к хижине. — Да, Пит, верно ты почуял. Краснокожие приближаются к нам! Ну, ну, иди, иди! Потом кончишь начатое дело.

Собака послушалась приказа своего хозяина. А тот сам хорошо понимал, что требуется в таком случае: поспешно проскочил он под кожи и другие предметы, которые были разбросаны на полу комнаты. В один миг собака исчезла из виду, и Натан сам не знал, ушла ли она из вигвама, или спряталась где-то в темноте. Шаги между тем все приближались и приближались, — и вскоре слышались у входа. Натан тотчас же снова бросился на спину, положил голову на кожи и устремил взгляд на циновки, занавешивавшие вход в вигвам. Вот кто-то раздвинул их, и тотчас же затем старый предводитель Венонга вошел медленным шагом и с достоинством прославленного воина. Он нес в руках оружие, как будто был готов к бою. Его свирепое лицо было с одной стороны вымазано ярко-красною, а с другой черною краской. На его поясе блестел длинный нож для скальпирования, а в руке сверкал томагавк, весь — включая длинную рукоять — из шлифованной стали.

В таком вооружении подошел вождь к пленнику, и его глаза горели так бешено, как будто он намеревался одним ударом своего топора разрубить Натана. Сразу видно было, что он был исполнен гнева и ярости; но вскоре оказалось, что он не имел пока кровожадных намерений. Он остановился в трех шагах от Натана и устремил на него взгляд. Кровь застыла в жилах квакера от этого яростного взгляда. Потом Венонга вскинул руку с топором, но не для того, чтобы поразить Натана, а лишь за тем, чтобы принять более угрожающую позу, и чтобы грознее казалась речь, которую он начал говорить.

— Я Венонга! — закричал он по-индейски. — Я Венонга, великий предводитель шавниев. Я воевал с белыми и пил их кровь! Они дрожат, когда слышат мой голос! Когда индейцы их бичуют, они бегают перед костром, как собаки! Никогда не мог никто устоять перед Венонгой! Венонга победил всех своих врагов и убил их! Никогда не боялся Венонга белых... Зачем же ему теперь бояться белого? Где Дшиббенёнозе? Где проклятье его племени? Где скорбный вопль моего народа? Он убивает моих воинов, он в темноте ползет по их телам, но он боится одного вождя и не осмеливается предстать перед ним! Кто же я? Собака? Скво и дети проклинали меня, когда я прохожу мимо них; они называют меня убийцей их отцов и мужей; они уверяют, что я напустил на них дьявола белых, чтобы их убивать; они кричат: если Венонга храбрый вождь, он должен извести проклятие их племени! И я, я Венонга, я человек, который ничего не боится, — я хочу найти Дшиббенёнозе. Но Дшиббенёнозе — трус. Он прокрадывается в темноте, убивает воинов, когда они спят, и боится сразиться с храбрым вождем! Мой брат — знахарь, он — белый, он знает, как найти дьявола белых. Пусть брат заговорит со мной. Пусть он откроет, где мне найти Дшиббенёнозе, и он станет сыном великого предводителя, потому что Венонга сделает его своим любимым сыном, и он станет шавнием.

— А! Наконец-то Венонга чувствует, что он навлекает проклятье на свой народ? — воскликнул Натан.

Это были первые слова, которые он произнес за время своего плена, и старый Венонга немало удивлен был, услышав их. У Натана же на лице появилась насмешливая улыбка. Он произнес эту фразу на языке шавниев так безукоризненно, что Венонге уже это показалось чудом, и он еще более убедился, что перед ним не кто иной, как колдун. Он отступил и боязливо оглянулся кругом, как будто пленник уже вызвал духов.

— Я слышал голоса мертвых, — воскликнул он. — Мой брат — большой колдун, а я великий предводитель шавниев и не боюсь ничего.

— Вождь шавниев лжет мне, — возразил Натан, который, раз уж он начал говорить, не хотел более молчать. — Не существует такого белого дьявола, который бы наносил вред шавниям.

— Я старый человек, и говорю правду, — продолжал Венонга не без гордости. — Знай, у меня были сыновья и внуки, были молодые воины, еще мальчишки; они также должны были вскоре отправиться на войну... Где же они? Дшиббенёнозе был в моей деревне, в моем жилище. Никто из них не остался жив: Дшиббенёнозе их всех убил!

— Да! — воскликнул пленник, и глаза его сверкнули: — Да, они пали от его руки! Никто не был пощажён, потому что они были из рода Венонги.

— Венонга — великий вождь! — вскричал Черный Коршун. — У меня теперь нет детей, но он отнял также детей и у белых.

— Да, у белых! Отнял и сына у доброго отца — у мирного квакера, которого шавнии называли Онваес, — сказал Натан.

Венонга пошатнулся назад, словно громом пораженный, и диким взглядом уставился на пленника.

— Мой брат — великий колдун! — воскликнул он. — Он знает все и говорит правду. Венонга великий вождь, он снял скальп с квакера.

— И с его жены и детей! — добавил Натан громовым голосом, кидая на предводителя бешеные взгляды. — Никого из них ты не пощадил! Ты убил их всех! А он, несчастный супруг и отец, был другом шавниев, другом Венонги!

— Белые — собаки и разбойники! — возразил вождь. — Квакер был мой брат, но я убил его потому, что я люблю кровь белых. Мой народ горевал о квакере, но я... я воин! Я не раскаиваюсь в этом и не боюсь ничего.

Натан взглянул туда, куда с торжеством указал Венонга; там он увидел скальп и кудри, которые когда-то украшали головки невинных детей. Он задрожал всем телом, в глазах у него помутилось, и в каком-то судорожном припадке он бессильно откинулся на кожи.

— Мой брат великий колдун! — продолжал Венонга. — Он должен указать мне Дшиббенёнозе! Или же он умрет!

— Вождь лжет! — воскликнул Натан насмешливо. — Он страшится Дшиббенёнозе и попусту хвастается перед пленным.

— Я — предводитель и великий воин! — закричал Венонга. — Я буду сражаться с защитником белых! Укажи мне Дшиббенёнозе!

— А вот когда ты можешь увидеть его!.. — вскричал Натан с необыкновенной живостью. — Разруби мои пути, и я приведу тебе Дшиббенёнозе.

Сказав это, он протянул ему свои ноги, чтобы Венонга одним ударом томагавка мог освободить их от ремней. Венонга, однако, медлил из привычной осторожности и предусмотрительности.

— Ха! — заметил Натан с прежней насмешкой. — Вождь собрался поразить Дшиббенёнозе, а сам боится безоружного пленного.

Насмешка подействовала. Томагавк сверкнул и разрубил ремни. Натан подставил руки, но Венонга вновь медлил.

— Вождь увидит Дшиббенёнозе! — заверил Натан. — И ремни с рук упали.

Пленник обернулся и, устремив огненный взгляд на Венонгу, пронзительно засмеялся и подвинулся к нему на шаг ближе.

— Вот, смотри! — громко воскликнул он. — Твоя воля исполнена! Я губитель твоего народа! Это я принес несчастье тебе и твоему роду!

И прежде чем пораженный Венонга успел прийти в себя, Натан, как голодный ягуар, кинулся на него, схватил одной рукой за горло, другой вырвал у него стальной томагавк, сбросил врага наземь и, не выпуская его из мощного кулака, с такою силой ударил его в голову топором, что кровь потоком хлынула из разрубленного черепа. Еще удар — и Венонги уже не стало в живых...

Так несколько лет тому назад сам он с кровавой, нечеловеческой свирепостью погубил жену и невинных детей Натана.

— Смерть собаке! — крикнул Натан. — Наконец-то, наконец ты в моей власти!.. Да! Ты умрешь!

И еще один удар нанес он врагу; потом вонзил томагавк ему в грудь, сорвал с его пояса нож для скальпирования и быстро, одним надрезом отделил кожу от головы индейца. Затем он сделал крестообразный надрез на груди, — традиционный знак страшного Дшиббенёнозе. Потом он с каким-то смешанным чувством неспокойного горя и нравственного удовлетворения посмотрел на

скальпы, локоны и волосы своих собственных детей, убитых Венонгой, и, содрогнувшись, поспешно выбежал из Вигвама и ушел из деревни. Но в каком-то безумном, диком возбуждении не удержался он, чтобы не испустить пронзительного крика, который возвещал об исполнении давно желанной и наконец удовлетворенной мести. Крик его, пронесшийся в глубокой, молчаливой тишине ночи, разбудил не одного воина и не одну боязливую мать. Но подобные звуки были так обыкновенны в этой деревне, что крик квакера никого не беспокоил надолго: женщины и воины снова погрузились в сон, а тело их предводителя холодело в собственном жилище, на голой земле, незамеченное и неотомщенное.

Глава XXII

НАПАДЕНИЕ

Роланд спал ночь беспокойно. Проснулся он рано утром от невероятного шума, поднявшегося вдруг в деревне. Сперва послышался долгий, пронзительный, зловещий женский крик; ему в ответ раздался дикий мужской, а на этот отозвались и повторялись вновь и вновь другие голоса, и вслед за тем вся деревня как бы слилась в страшный вопль ужаса и отчаяния.

Пленник, который, конечно, не мог знать, в чем дело, поглядел на своих сторожей. Они тревожно вскочили при первом звуке, схватившись за оружие, и смотрели друг на друга в смущении и в каком-то напряженном ожидании. Крик повторился... Сотня голосов завывала, и воины бросились из хижины, оставив пленника в недоумении. Роланд между тем напрасно старался угадать, что произошло. В радости подумал он, что Том Бруце с отрядом кентуккийцев явился освободить несчастных пленников. Но эта радостная мысль вскоре исчезла, так как из всего этого шума индейцев не выделялось ни разу «ура» и не раздавалось ни одного выстрела, который возвестил бы о начале стычки. Однако Роланд заметил, что не одно только удивление и испуг вызывали этот шум. В неистовых голосах слышно было бешенство, и это чувство, по-видимому, передалось вскоре всем остальным и заглушило все другие ощущения.

В то время как шум еще продолжался, а Роланд терялся в догадках, к нему вдруг вошел Авель Доэ, испуганный, бледный.

— Капитан! — закричал он, — они убьют вас... Нельзя более медлить. Соглашайтесь на мои условия, и я сейчас же спасу вам жизнь. Вся деревня в смятении: мужчины, женщины, дети вопиют о крови, и нет человека, который бы остановил их в подобные минуты.

— Но... что случилось? — спросил Роланд.

— Небо и ад разверзлись, — продолжал Доэ. — Дшиббенёнозе был в деревне и убил вождя в его собственном жилище, у собственного очага. Венонга лежит мертвый на земле своей хижины, он скальпирован, с крестом на груди... Колдун ушел. Наверно, его освободил Дшиббенёнозе, а Венонга уж окоченел. Разве вы не слышите завываний? Дикари жаждут мести, и она постигнет вас! Они убьют вас, сожгут, разорвут в клочки. Это верно! Пройдет всего лишь минута — и они будут здесь, и тогда горе вам!

— А разве нет больше спасения? — спросил Роланд.

Казалось, кровь застыла у него в жилах, когда он услышал ужасный крик, раздававшийся все громче, как будто индейцы, как сумасшедшие, бежали по деревне, чтобы убить пленных.

— Только одно! — отвечал Доэ. — Примите мои условия, и я освобожу вас, или умру с вами. Ну, решайтесь же скорей, и я разрублю ваши ремни. Живей, живей! Слышите, как волки воют. Они уж близко. Давайте руки, я разрежу ремни... Хотите или нет?

— Я многое отдал бы, чтобы спасти себе жизнь! — возразил Роланд. — Но если я могу купить ее только позором и несчастьем Эдит, то по мне в тысячу раз лучше смерть!

— Да говорю же я вам, вы будете убиты! — горячился Доэ. — Они идут, а у меня нет ни малейшей охоты видеть вас заколотым у меня на глазах. Капитан, решайтесь скорей!

— Я уже сообщил вам свое решение и никогда не соглашусь на позор! — твердо заявил Роланд. — Никогда, говорю я, никогда!

Несмотря на отказ капитана, Доэ полагал, однако, что тот согласится на его условия: пока тот говорил, он уже разрезал ремни на его руках, хотел было разрезать

и остальные, как вдруг более десятка краснокожих ворвались в вигвам, кинулись на Роланда, выли и подымали свои ножи и топоры, как-будто хотели разрубить его в куски. Таково, без сомнения, и было намерение некоторых из них: они нанесли бы ему несколько ударов, если бы старые и более спокойные воины не отстранили их, хотя и не без труда. Поднялся спор, кровавая, ожесточенная борьба, подобная борьбе стаи разъяренных собак над смертельно раненой пумой, которую все одновременно хотят разорвать в куски. Лишь несколько мгновений длилась яростная свалка; потом Роланд был схвачен тремя сильными шавнями и на руках унесен из вигвама. На улице он увидел толпу мужчин, женщин и детей, которые с яростью напали на него, били его палками, кололи ножами так бешено, так иступленно, что воины едва смогли защитить его от их нападений. Однако подошли к ним на помощь еще другие, более осторожные люди и вынесли пленного.

Крики разбудили и Эдит, которая все еще находилась в вигваме Венонги. Крик старухи, жены Венонги, которая первая нашла труп, вызвал общую суматоху. Жители деревни врывались в вигвам в ужасе и смятении громко выли и подымали около Эдит такой гомон, который хоть мертвого мог бы разбудить. Она поднялась со своего ложа и слабая, подавленная, свернулась в темном конце вигвама, чтобы хоть таким образом укрыться от беспощадных существ, которые, как ей казалось, жаждали ее крови.

Страх ее увеличился еще более, когда в помещение вдруг ворвался человек и, схватив ее, кинулся с нею к выходу, а на ее отчаянные мольбы не убивать ее, отвечал хорошо знакомым ей голосом Браксли:

— Не бойтесь! Я пришел не затем, чтобы убить, а чтобы спасти вас. Обезумевшие индейцы убивают теперь всех, лишь бы они были белые, и потому мы должны бежать. Моя лошадь оседлана, леса открыты для всех, и я спасу вас!

Не обращая внимания на сопротивление Эдит, которая готова была скорее умереть, чем быть обязанной спасением мошеннику, вынес он ее из вигвама, крепко обхватил руками и поднял на стоящую наготове лошадь. Она стояла под вязом и вся дрожала от страха при том шуме, который наполнял площадь. Тут собралось теперь

все население деревни, женщины и дети, молодые и старики, сильные и слабые, — и все в ярости кричали. Даже Эдит менее боялась Браксли, после того как ее взгляд упал на разъяренную орду, толпившуюся на площади вокруг кого-то, заслоняя его собою, между тем как другие зачем-то бешено прыгали, размахивая оружием, и издавали пронзительный и протяжный вой. Многие выходили из вигвама, и их вой, менее пронзительный, сменялся часто краткими жалобными возгласами. Они несли на руках чей-то труп. Сначала Эдит не могла догадаться, кто это был; но когда они приблизились, она в ужасе увидела индейца с окровавленной и обезображенной головой.

Но самое ужасное ожидало ее еще впереди. Вдова Венонги вдруг выскочила из вигвама, держа в руке головешку. Она подбежала к телу мужа, посмотрела на него с минуту взглядом тигрицы, у которой только что отняли детеныша, потом вдруг издала вой, пронзительно пронесшийся по всей площади, подняла горевшую головешку себе на голову; волосы ее запылали ярким пламенем, и она побежала на середину площади, подобно фурии, наполняя воздух криком, на который толпа отвечала не менее диким и ужасным воем.

Когда народ расступился, Эдит увидела середину площади. Там находились двое пленных. Их прикрутили к столбам, привязали им руки высоко над головами, а под ногами подстелили вороха рисовой соломы, сена и т. п. То были белые. Дикие срывали с них одежду, тогда как другие все еще приносили охапками хворост и подкладывали его под пленных. В одном из прикованных людей Эдит ясно различила Ральфа Стакпола; в другом же с ужасом, оледенившим у нее в жилах кровь, узнала своего брата... Да, это Роланд! Она не ошиблась... Он был привязан к столбу и окружен толпами индейцев, с нетерпением ожидающих ужасного зрелища, тогда как вдова Венонги стояла на коленях у костра и уже поджигала его головней.

Пронзительный, жалобный крик Эдит при виде этого кошмарного зрелища, казалось, тронул бы даже каменные сердца. Но индейцы не знали ни сострадания, ни жалости: они как будто не слышали пронзительного крика девушки, или не обратили на него внимания. Сам Браксли, охваченный и потрясенный ужасным зрели-

щем, забыл на минуту о своем предприятии; но скоро он пришел в себя, обхватил Эдит крепче руками, из которых она было почти освободилась, пришпорил лошадь, и пустился в бегство. Никто из индейцев не заметил его, вероятно еще и потому, что он был одет по-индейски. Даже в бегстве своем он невольно еще раз бросил взгляд на жертву своего бесстыдного обмана. В это время на площади раздался общий крик радости; в кучке дров показалось пламя, и видно было, что казнь началась...

Да, началась! Но не за тем, чтобы продолжаться... Радостные крики дикарей еще потрясали воздух и будили эхо в соседних холмах, как вдруг раздались выстрелы, по крайней мере, из пятидесяти винтовок. В то же время прогремело «ура», и белые на лошадях с криками ворвались в деревню и произвели всеобщее смятение и ужас. Выстрелы повторились, и на площадь выскочили, по крайней мере, сто всадников на хороших лошадях. Кони были взмылены и едва не падали от усталости. Вслед за ними шло вдвое большее число вооруженных пешеходов. Громкими, бодрими криками отвечали они своему предводителю, ехавшему впереди.

— Смерть разбойникам! Вперед! — заревел он на всю площадь громовым голосом.

Вой краснокожих, застигнутых врасплох, наполнил всю площадь при виде такой массы неприятелей. К нему присоединились крики и стрельба всадников, топот и ржание лошадей, неистовое «ура» пехоты, вступавшей в деревню вслед за всадниками, и все это вместе производило невыразимый шум. Шавнии ни минуты не могли противостоять многочисленному противнику. Некоторые, правда, бросились было в ближайшие жилища за ружьями; большинство же в беспорядке обратилось в бегство и искало спасения под скалами и кустами. Но едва они приблизились к холму, как их и здесь настиг сильный ружейный залп, потому что и холм был уже занят неприятелями. Другие бежали на луга и хлебные поля, где их также нагнал конный отряд белых, которые, подобно быстрому горному потоку, врывались во владения индейцев со всех холмов. Вскоре оказалось, что деревня Черного Коршуна была осаждена со всех сторон столь многочисленным войском, подобного которому не видавали никогда в индейской области. Все дикари, которые только при первом нападении белых не были застрелены

на площади или были ранены, бежали теперь из деревни. Среди первых находился и Браксли, который был смущен не менее своих друзей. Он, однако, подготовился к бегству лучше, чем они все, прищпоривал своего коня и, крепко держа в руках свою беспомощную добычу, старался добраться до реки, рассчитывая уйти по ней вплавь.

Между тем как неожиданное появление земляков и подало новые надежды несчастным пленникам, привязанные к столбам, они все еще не были избавлены от сожжения заживо. Хотя большинство дикарей обратилось в бегство, все-таки нашлись такие, которые вспомнили о несчастных. Жена Венонги, раздувая огонь в горящей куче дров, и испуганная криками и стрельбой, взглянула вверх, схватила нож, брошенный в смятении одним из беглецов, и с злобным мстительным криком кинулась на Ральфа Стакпола, который находился ближе к ней. Конокрад постарался, как мог, избежать опасного удара. Его ноги не были связаны и, едва старуха подобно тигрице, накинулась на него, он так пнул ее ногой в живот, что она отлетела назад на несколько шагов и без чувств упала навзничь в костер, который она готовила пленникам. Пламя поглотило теперь ее, прежде чем она успела подняться. В то же время рослый воин, с десятком других таких же, как и он, молодцов, размахивая томагавками, бросился на Форрестера.

Молодой капитан, казалось, совсем растерялся; но только индейцы собрались нанести ему смертельный удар, как какая-то фигура стремительными прыжками перескочила через раненых и убитых и даже через костер сквозь пылавший огонь. То был бежавший пленник, мнимый колдун. На теле и лице у него, хотя и замаранных кровью, виднелись еще следы недавнего переодевания. В левой руке у него был скальп убитого Венонги. Его легко было узнать по перьям, клюву и когтям Черного Коршуна, еще прикрепленным к нему. А в правой руке Натана сверкал стальной томагавк, которым прежде так часто угрожал сам Венонга.

Дикарь, только что собиравшийся нанести смертельный удар Роланду, отступил и, охваченный ужасом, пустился в бегство с громким криком — «Дшиббенёнозе, Дшиббенёнозе!» И другие воины, следовавшие за ним, не могли устоять против страха, особенно, когда Натан, мнимый колдун и дьявол, набросился на одного из убе-

гавших индейцев и одним ударом топора раздробил ему череп. В тоже время приблизился к ним с громким «ура» отряд конницы. Часть его преследовала дикарей, тогда как другие соскочили с лошадей, чтобы освободить пленных. Капитан Форрестер был уже освобожден. Топор Венонги, весь в крови, одним ударом разрубил ремни, и Натан, схватив руку Роланда, горячо пожал ее и вскричал радостным голосом:

— Видишь, друг? Ты думал, я покинул тебя? Нет, ты ошибся!

— Честь и слава старому кровавому Натану! — закричал другой голос, в котором Роланд узнал голос молодого Тома Бруце.

— Да здравствует Кентукки! — вскричал полковник Бруце, соскакивая с лошади рядом с Роландом и крепко потрясая его руку. — Вот и мы, капитан! Вот вы уже и не в когтях смерти. Мы поклялись освободить вас или умереть, собрали отряд в тысячу с лишком человек, поспешили сюда, встретили в лесах кровавого Натана, он рассказал нам о вашем положении, и вот уже мы наголову разбили краснокожих!

Так объяснил полковник свое прибытие: но Роланд еще не мог опомниться от всего случившегося. Казалось, он не понимал ни слова из его речи. Только что он пришел в себя, первою мыслью его было спросить об Эдит. Но не успел он спросить о ней, как вдруг Ричард Бруце, младший сын полковника, с громким криком подскочил к ним и, радостно бросая шапку в воздух, указывал пальцами на человека позади себя, в котором Роланд, к своему величайшему удивлению, узнал «утонувшего» Пардена Фертига. Как быстрый ветер, спешил он сюда и — о, радость! — на руках его лежала Эдит... Капитан одним прыжком очутился рядом и прижал сестру к груди.

— Вот она, капитан! — радостно вскричал Парден Фертиг. — Увидел убежавшего с ней индейца, выстрелил в него так, что он с лошади упал на землю, посадил девушку перед собой на седло, и вот мы здесь, целы и невредимы!..

— Господи, воскликнул Том Бруце слабым голосом и схватил своего отца за руку, указывая на счастливых брата и сестру. — Вот минута, в которую стоит умереть!

— Умереть, мой мальчик!?! — вскричал смущенный отец. — Но ведь ты же не ранен, Том?

— Ранен, отец, здесь, у сердца, и я чувствую — близок мой конец! — сказал Том. — Но теперь я только хочу спросить вас, честно ли исполнил я свой долг?

— Конец, сын мой? Что ты такое говоришь? — растерянно повторил отец и схватил руку сына; другие же подошли в испуге и в смущении смотрели на быстро изменившиеся черты юноши. — Том, мой милый мальчик, что ты говоришь? — повторял отец.

— Нет, теперь поздно! — возразил юноша слабо.

— Скажите мне только, отец, исполнил ли я свой долг? Верен ли я был ему?

— Верен, верен, сын мой! — успокаивал его полковник, глубоко взволнованный. — Ты честно исполнил свой долг по отношению ко всем нам...

— И к Кентукки? — спросил юноша упавшим голосом.

— И к Кентукки, конечно! — отвечал отец.

— Ну, тогда, отец, я умру спокойно. Брат Ричард заменит вам меня, он добрый малый. И вот еще что, отец...

— Ну, что-же, мой мальчик? Говори! — сказал полковник тревожно.

— Отец, прошу вас, никогда не отпускайте неопытного путешественника в леса, не дав ему в проводники надежного человека.

— Да, Том, ты прав: никогда, никогда больше я этого не сделаю!

— И еще, отец, не давайте другим насмехаться над кровавым Натаном и не наказывайте слишком Ральфа Стакпола, если он украдет у вас лошадь. Он помог мне, когда мы хотели освободить капитана...

— Пусть крадет, мой мальчик, пусть его! — говорил старик, утирая украдкой слезу.

И вдруг молодой человек из последних сил воскликнул:

— Да здравствует Кентукки!

Потом он откинулся навзничь... Взгляд его потух... Он пожал в последний раз руку отцу и брату и испустил дух. Улыбка радости все еще играла на остывавших губах.

Глава XXIII

РАЗВЯЗКА

Итак, индейцев изгнали из их деревни, и они вовсе не изъявили намерения сражаться. Но так как они со всех сторон были отрезаны нападающими и то натыкались на ружейные залпы, то на всадников, скакавших по лугам и полям, они должны были вернуться к деревне, где, доведенные до крайности, они, казалось, решились подороже продать свою жизнь.

У околицы они наткнулись на отряд всадников и пешеходов, которые прогнали их сперва. Они вступили с ними в отчаянную схватку. Под натиском этого отряда они пробрались на площадь, где только что умер молодой Том Бруце. Площадь, до тех пор пустая, наполнилась теперь группами людей, которые, спасая свою жизнь, бежали, или сражались не на жизнь, а на смерть, между тем как женщины и дети кричали и плакали...

Шум сражения произвел сильное впечатление на людей, присутствующих при кончине Тома. Ральф Стакпол тотчас схватил лежавший на земле топор и в утешение или в знак участия крикнул убитому горем отцу:

— Не горюйте так, полковник. Ради Натана, я вскоре принесу вам один скальп!

Кровавый Натан незадолго перед тем исчез с большинством всадников, прискакавших с полковником на площадь, очевидно слишком сильно возбужденный, чтобы оставаться без дела во время сражения. Итак, на площади остались только полковник и его второй сын Ричард, брат и сестра Форрестер и Фертиг, который, по старой дружбе с Роландом, не хотел расстаться с ним сразу. Но общее внимание было отвлечено от покойника, когда сражение снова разгорелось на деревенской площади.

— Теперь не время скорбеть, — сказал полковник Бруце, тихо кладя на землю тело усопшего на его руках сына. — Он умер, как воин! Встань, Ричард, защищай девушку! У нас еще много дел. Окружите мисс Форрестер, — повторил Бруце.

В это время более десятка индейцев в смятении спасались бегством, преследуемые втрое большим числом

белых, которые все скакали прямо на площадь, где стоял полковник Бруце с окружавшими его людьми.

— Я к вашим услугам! — крикнул Парден Фертиг и выстрелил из своего ружья в первого индейца, который рухнул замертво.

Это предупредило нападение: испуганные смертью своего предводителя и увидев на площади белых, краснокожие бросились в сторону. Кентуккийцы устремились за ними. В это время произошло зрелище, сострадание и ужас среди группы у столба: дикарь, застреленный Фертигом, был немедленно скальпирован им же, между тем как пятеро или шестеро его товарищей яростно накинулись на другого человека с ножами и топорами, а он с воздетыми руками напрасно молил о пощаде. И мало того, что это зрелище уже само по себе было ужасно: рядом с этим человеком находилась девушка от страха, испускавшая надрывающие сердце крики.

— Боже! Ведь это Телия Доэ! — вскричал Роланд и бросился на помощь девушке. За ним последовал Бруце, узнавший Телию и по ее крику сообразивший, что это Авель Доэ отбивается от кентуккийцев.

— Стойте, друзья, стойте! — вскричал Роланд, врываясь в толпу сражавшихся и оттесняя их. Доэ воспользовался этим и попытался скрыться, но сделав несколько шагов, снова упал. Рассвирепевшие кентуккийцы вновь хотели наброситься на него, однако Роланд предупредил их, загородив раненого Доэ. В то же время подоспел полковник Бруце и закричал громовым голосом:

— Что вы творите? Вы убиваете человека на глазах у его собственной дочери! Мало вам индейцев? Варвары!

Кентуккийцы опомнились и занялись поисками уцелевших шавниев.

Роланд пытался поставить на ноги раненого Авеля; но тщетно, хотя несчастный и сам помогал ему: он все еще подымал руки, как будто желал отвлечь удары беспощадных врагов, и при этом бормотал:

— Мне что. Я только за дочь, за дочь боюсь...

— Вы в безопасности! — уверил его Роланд, а Телия бросилась в объятия отца. — Они ушли, отец. Встаньте, они больше ничего вам не сделают. Добрый капитан спас вас, отец!

— Капитан? — спросил Доэ, вновь пытаясь подняться. — Так это вы? Значит, вы не убиты? Это радует

меня, капитан. Теперь, когда это мне известно, мне будет легче умереть! А Эдит? Она спасена?.. Слава Богу! Вот и хорошо, капитан. Скажите мне только, где Браксли? Ведь вы его не убили?

— Не думайте о нем, — сказал Роланд. — Я ничего о нем не знаю.

— Ах, мистер Форрестер! — сказал Доэ. — Я как будто предвидел, что таков будет мой конец. Если Ричард в плену, приведите его сюда и дайте мне с ним поговорить. Это и вам будет полезно, капитан!

— Я ничего не знаю о нем, — повторил Роланд, — думайте только о себе самом!

— А! да вон его красный платок! — вскричал Доэ, указывая на Пардена, перевязавшего себя чалмой, как шарфом.

— Этот платок? — переспросил Фертиг. — Я снял его с одного индейца, который бежал отсюда с сестрой капитана. Я закричал ему, чтоб он остановился, но так как он этого не сделал, то я выстрелил ему в спину, сбросил его на землю и снял с него скальп. Вот он!

С этими словами он вытащил пучок черных волос, при виде которого Эдит едва не упала без чувств.

— Роланд! — сказала тихо девушка и прислонилась к брату, чтобы не упасть, — это был он...да, он! Ричард Браксли... Он похитил меня!

— Верно! — заметил Авель Доэ, услышавший слова Эдит. — Я не раз говорил Ричарду, что судьба разыщет нас, вот она настигла его чуть раньше меня! Застрелен, скальпирован... Точь-в-точь, как индеец! Итак, мы оба получили награду, капитан, — продолжал он, обращаясь к Роланду, — мошенник я был, таким и умираю! Но не хочу я умереть как последний негодяй: надо же сделать, хоть напоследок, доброе дело. Вот здесь, мистер Роланд, завещание вашего дяди, — Авель с трудом вытащил конверт из бокового кармана, — возьмите его, возьмите... Но, надеюсь, вы не забудете Телию, мою дочь! Вы позаботитесь о ней, капитан? Да?...

— Пока я жив, она всегда найдет во мне друга, — твердо заявил Роланд.

— Ну, тогда я умру спокойно, — сказал Доэ и откинулся назад.

А Бруце воскликнул с упреком:

— Телия никогда не нуждалась в друге и защитнике, пока не убежала из моего дома. Я всегда обходился с ней, как отец!

Но Авель Доэ уже не услышал эти слова.

Кентуккийцы вскоре возвратились на площадь. Для вящего триумфа деревня вместе со всеми хлебными полями была предана пламени и окончательно уничтожена, а победители отправились в обратный путь и беспрепятственно возвратились на родину.

ЭПИЛОГ

На этом, собственно, и кончается наш рассказ. Но прежде чем распрощаться с читателем, мы хотим рассказать ему кое-что о судьбе действующих лиц или разъяснить то, что оставалось неясным во время рассказа.

Несколько слов о Пардене Фертиге; в его появлении не было ничего необычного. Сброшенный с лошади силой потока, он был принесен к деревянной запруде, и кое-как залез на нее. Зная силу течения, он не сомневался в том, что все его спутники погибли, и полагал, что ему предстоит одному сражаться с дикарями, а потому он укрывался на запрудах весь остаток ночи и большую часть следующего дня, пока не убедился, что по близости больше не осталось индейцев. Затем он спустился по скалистому берегу реки, прокрался сквозь леса, и, наконец, присоединился к отряду Бруце.

Что касается Натана, то он после расправы с Венонгой убежал, чтобы привести помощь к своим друзьям. Он наткнулся на отряд Бруце и поторопил его походом. Только на обратном пути из деревни Натан пришел к своему обыкновенному состоянию: воинственный огонь не блеснул более в его глазах, шаги его утратили уверенность, и он смотрел на людей, осыпавших его возгласами удивления и похвалы, с беспокойством, замешательством и даже ужасом. Чтобы скрыть свои чувства, избегал общения с кентуккийцами и больше занимался своей собакой.

В своем замешательстве он вдруг увидел Роланда, ехавшего верхом рядом с сестрой, и поспешил к нему, чтобы рассказать ему о существовании завещания, поскольку еще не знал, что важный документ уже перешел в руки Роланда.

— Натан! — сказал Роланд, протягивая руку смиренному квакеру. — Вам обязаны мы своей жизнью, имуществом, всем, — и этого мы никогда не забудем! Но почему это, Натан, — прибавил он с улыбкой, заметив скальп, который квакер все еще нес в руке, — почему вы так явно выказываете знаки вашего мужества? Прежде ведь это было вам совсем не свойственно.

— Друг! — сказал Натан, бросая смущенный взгляд сперва на Роланда, потом на скальп, — ты видишь эти локоны? Некогда они украшали головы моих детей. А вот это, — прибавил он, указывая с нескрываемым торжеством на скальп Венонги, — это скальп убившего их. Но довольно, друг... Ты знаешь всю мою историю... А теперь мне надо еще сказать тебе о том, что тебя особенно касается. Существует завещание твоего покойного дяди, по которому тебе и твоей сестре...

— Совершенно верно, Натан, — прервал его Роланд, достав документ. — Вот оно! Оно делает меня богатым человеком, и вы, Натан, станете первым, с кем я поделюсь своими землями. Вы должны оставить эту дикую жизнь и идти со мной на мою родину!

— Я, друг? — спросил Натан, окинув капитана грустным взглядом, — нет, судьба предназначила меня для лесов! В них я хочу жить и умереть. Я нахожу в них все необходимое: пищу и одежду, а более мне ничего не надо. Но хочу я просить тебя об одолжении: ты можешь его мне оказать?

— Натан, считайте, что оно уже оказано! — сказал Роланд поспешно.

— Вот, друг! — пробормотал Натан, бросая умоляющий взгляд на Роланда, — я прошу тебя никогда не говорить о том, что я делал в лесу!

Роланд обещал, и Натан хотел уже удалиться. Но Эдит остановила его:

— Пойдемте с нами, добрый Натан, пойдемте в наш дом! Там никто не будет насмехаться над вами, никто и никогда не упрекнет вас за вашу веру... Но вы, кажется, боитесь?

— Добрая ты девушка! — воскликнул Натан с благодарностью. — Но последовать за тобой я не могу, потому что нет у меня более родины на этой земле. Никого не осталось у меня, кто встретил бы меня со смехом и радостью, никого, кто бы приветствовал меня, когда я

возвращаюсь с поля или из лесу, — нет, абсолютно никого, никого! И пускай я останусь в пустыне: тут вид чужого семейного очага не напоминает мне о моем горе.

И когда Натан говорил эти слова, голос его дрожал, губы тряслись, и все его лицо выражало глубокое горе одинокой, страдавшей души. Молча отошел он прочь и исчез в чаще: Роланд надеялся увидеть его потом у Бруце. Но Натан не пришел, и никогда более Роланд не видел его верного, честного лица. Натан как бы схоронил себя и свое горе в глубоком одиночестве, и никто, никто после того не слышал о нем...

Роланд прогостил еще несколько недель у полковника Бруце и, уезжая, щедро наградил Телию, которая предпочла остаться в семействе полковника. Также не забыл он Ральфа Стакпола и Пардена Фертига: он подарил каждому из них землю, которая вполне обеспечивала их на всю жизнь.

Через несколько лет Роланд услышал, что Телия стала женой Ричарда Бруце, и что Ральф Стакпол, который никогда более не возвращался к своему прежнему ремеслу, а также и Парден Фертиг сделались состоятельными и достойными людьми.

Сам он счастливо жил с Эдит, и только мысль о Натане, так бескорыстно помогавшем ему в опасности и не захотевшем принять от него никакой награды, порой омрачала его спокойную жизнь, которой более не грозили опасности диких стран...

НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ

роман

Глава I

ФРАНЦУЗ И МЕКСИКАНЕЦ

Известно, что Луи Наполеон, президент французской республики, овладел императорской короной в результате государственного переворота 2 декабря 1851 года и последовавшей за ним двухдневной резни в Париже и водворился на французском престоле под именем Наполеона III. Кровавая ночь 4 декабря прошла, и завеса утреннего тумана медленно поднималась над столицей. Испуганные жители нерешительно выходили из домов, отыскивая тела своих домочадцев, случайно или из любопытства оставшихся на улицах и вследствие того погибших насильственной смертью.

На опустевших площадях и бульварах расположились солдаты: пешие и конные патрули прохаживались и разъезжали по безлюдным улицам. При виде солдат испуганные жители прятались в своих домах, и только убедившись, что все снова затихло, решались продолжать свое печальное занятие.

Около 7 часов утра из одной великолепной улицы, примыкавшей к бульварам, вышли двое мужчин и, останавливаясь по временам, рассматривали опустошительные следы, оставленные на стенах, окнах и дверях домов пушками и ружьями озлобленных солдат. По-видимому, эти двое людей направлялись в предместье Сен-Дени.

Один из них — человек на вид лет тридцати, от силы — сорока, атлетического телосложения, что, впрочем, не лишало его грации и изящества. Руки его, в тонких шведских перчатках, были малы, также как и безукоризненно обутые ноги; тонкие черты лица, обрамленного темными кудрями, имели решительное выражение, усиливавшееся благодаря отблеску глаз. Вся его наружность обличала знатное происхождение и, действи-

тельно, граф Сент-Альбан мог бы похвалиться происхождением по побочной линии от королевского дома Бурбонов. Спутник его, маленькая подвижная фигурка, состоявшая, казалось, только из мускулов, костей и нервов, казался, по крайней мере, на десять лет старше графа и, судя по сильно загоревшему лицу, темным глазам и черным, как смоль, волосам, был южанин. Одет он был просто, но хорошо; в его движениях, во всем его облике чувствовалось какое-то стеснение, как будто ему мешало его платье и он мечтал о легкой одежде рыбаков Лионского залива, где была его родина.

Граф Сент-Альбан, которому события минувшей ночи помешали выехать из Версаля, куда он отлучался вчера, торопился к себе. Когда он уже почти достиг дверей своего дома, его невольно остановил стон, раздавшийся из полутемной ниши в стене.

— Если вы христианин, помогите мне, — слышался чей-то слабый голос, и эти слова, произнесенные на испанском языке, тем более привлекли внимание графа, что он отлично говорил по-испански. Он и его спутник поспешно подошли к нише, находившейся в стене, и увидели человека в полулежащем положении: бледное, как смерть, лицо его указывало, что он был тяжело ранен при столкновении народа с войсками.

— Вы ранены, сеньор? — спросил граф также по-испански.

— *Caramba!*¹ Пуля одного из солдат угодила мне в спину и свалила на землю, как мешок; я едва дополз до этого убежища. Конечно, всякому придется когда-нибудь умереть, но я лучше предпочел бы испустить дух на моей далекой родине — Мексике, в битве с моими исконными врагами, краснокожими. Злой дух, в образе мошенника-янки, привел меня в эту страну, где, вместо удачи, я нахожу бесславную кончину.

— Надеюсь, что этого не случится, — утешил незнакомца граф. — Во всяком случае, следует сделать все для вашего спасения. — Евстафий!

— *Monsieur le comte!*²

¹ *Caramba* (исп.) — карамба — черт возьми. Восклицание, одинаково служащее для выражения в зависимости от тона удивления, восторга, неожиданности, испуга, досады, отчаяния.

² *Monsieur le comte* (фр.) — господин граф.

— Мы должны укрыть этого человека в моем доме, так как туда всего ближе. Возьмите его осторожно и помогите мне перенести его.

Спутник графа улыбнулся:

— Хотя я и не обладаю вашей исполинской силой, граф, однако моих мускулов хватит на то, чтобы нести одному этого бедолагу, иссушенного тропическим солнцем.

Последнее замечание как нельзя более подходило к фигуре раненого, так как он был еще более худощав и сух, чем сам Евстафий. На нем были надеты мексиканские панталоны из коричневого бархата с разрезами по бокам, куртка из той же материи и поверх куртки синий полотняный камзол, какой обыкновенно носят французские мастеровые и поселяне.

— Ну так бери его, — сказал граф, — я следую за тобой.

Евстафий взвалил на плечи мексиканца, который невольно застонал от боли, и все трое вышли на улицу, где, по-видимому, не было солдат. Только при входе на бульвар находился жандармский пост. Один из жандармов, кажется, заметил подозрительную группу, потому поскакал по направлению к ней.

— Поспешите со своей ношей в дом, — крикнул граф провансальцу, — я прикрою отступление.

Пока провансалец дошел до дома, находившегося в нескольких шагах, и дернул шнурок колокольчика, граф, не имевший при себе никакого оружия, кроме тонкой трости, поджидал жандарма, скакавшего к нему с обнаженной саблей и кричавшего: «Стой! Стой!»

— Что вам угодно, сударь? — спросил граф.

— Мне угодно, — закричал полупьяный жандарм, — арестовать этого проклятого бунтовщика, которого вы стараетесь унести, да и вас тоже.. вы все, видно, также мятежники! Прочь с дороги, иначе эти мошенники скроются в доме!

— Позвольте, сударь, — сказал граф с холодным спокойствием, тем более зловещим, что оно было предвестием вспышки бешеного гнева, — я граф Сент-Альбан и настолько известен в Париже, что всякий сумеет найти меня, если ему это понадобится. Тот человек ранен, он отдался под мое покровительство, и я намерен спасти его, так как нахожу, что довольно уж было резни.

— Значит, ты сам бунтовщик, как я и думал! — злобно выкрикнул жандарм. — Вот же, получай!

Он замахнулся саблей, но граф мгновенно отбросил трость, схватил одной рукой ногу всадника, другой — седло, последовало одно мощное усилие — и всадник с лошадью покатались по мостовой.

— Черт подери! Я тебя научу, милейший, быть вежливым, когда говоришь с потомком своих старых королей.

Он вошел в дверь, так как увидел, что товарищи жандарма спешили к нему на помощь, и запер ее за собой.

Приказав швейцару не беспокоиться об уличной суматохе, и как можно скорее привести доктора, он поднялся по лестнице в прихожую. Между тем Евстафий с помощью другого слуги уже раздевал в соседней комнате раненого, чтобы уложить его в постель.

Граф Анри де Сент-Альбан, родившийся в древнем городе Авиньоне и принадлежавший к одной из богатейших фамилий в крае, был одним из тех мужественных, но легкомысленных и любивших приключения людей, которые блистали при французском дворе во времена Франциска II. Молодой, богатый, одаренный особенной мужественной красотой и исполинской силой, образчик которой мы уже видели при вышеописанной сцене с жандармом, он с юношеским задором предавался прожиганию жизни, и в течение нескольких лет спустил большую часть своего состояния. Вскоре затем беспокойный нрав привел его в Алжир, где он своим беззаветным мужеством приобрел дружбу маршала Бюжо и отличился на его глазах во многих сражениях, так что получил чин полковника. Возвратившись во Францию, где в это время королевская власть была свергнута и водворилась республика, он был избран в народное собрание. Депутатство досталось ему тем легче, что его земляки, а в особенности известное товарищество авиньонских грузчиков, питали большую привязанность к Monsieur le Comte — как его называли там. Мужество, щедрость, древняя провансальская фамилия и исполинская сила графа еще с молодости привязали к нему этих людей; из их среды вышел Евстафий, уже в течение многих лет бывший его верным спутником, наполовину слугой, наполовину товарищем и другом. Евстафий полез бы в драку со всяким, кто вздумал бы неуважительно отзываться о графе, к которому провансалец питал смешанное чувство собачьей преданности и материнской любви.

Когда переодевшись, граф вошел к раненому, там уже находился врач, осматривавший рану. По выражению ли-

ца граф тотчас догадался, что рана внушала серьезные опасения. Эта догадка подтвердилась, так как врач отвел графа в сторону и шепотом сообщил, что пуля засела между спинными позвонками и раненый через несколько часов умрет. Произвести операцию невозможно, не потревожив нерв спинного мозга, что вызовет неминуемую и мгновенную смерть. Итак, он поручает графу сообщить о неизбежной кончине больному, который, быть может, пожелает сделать какие-нибудь распоряжения, а сам считает излишним свое дальнейшее пребывание здесь, так как никакой помощи он оказать уже не в силах.

После этого неутешительного сообщения человек науки удалился, предоставив графу печальную обязанность уведомить несчастного чужестранца о предстоящей кончине. Граф исполнил это с сердечным участием солдата и, к своему утешению, нашел мексиканца более покорным судьбе, чем ожидал. На вопрос о последних распоряжениях умирающий выразил желание поговорить с графом наедине, на что последний и согласился, между тем как Евстафий, по просьбе мексиканца, отправился в Сент-Антуанское предместье, чтобы отыскать в одной из тамошних гостиниц американца по имени Джонатан Смит и уведомить его о состоянии больного. Последний сообщил графу, что упомянутый американец, хотя и был его спутником и компаньоном, но мошенник с головы до пят; подробности об их отношениях граф тотчас узнает.

— Я бедный человек, сеньор, — продолжал мексиканец, с трудом выговаривая слова, — хотя, без сомнения, видел больше золота, чем любой князь его держал в своих руках. Я — гамбузино, — золотоискатель, за что и получил в пустыне прозвище Золотой Глаз, хотя мое настоящее имя Хосе Гонзага. Семьи у меня нет, но есть двое верных друзей, которые, вероятно, находятся теперь на берегах Рио-Гранде и только тогда узнают о моей смерти, когда я в назначенное время не явлюсь в Сан-Франциско.

— Но как же вы попали в Париж? — спросил граф, невольно заинтересовавшийся рассказом мексиканца.

— Я вам объясню, сеньор. Мой отец был, как и я, гамбузино и кончил жизнь под томагавками краснокожих; мой брат занимался тем же промыслом, и кожа с его головы украшает вигвам Серого Медведя, вождя племени апачей. Но мне Всевышний послал особенную удачу, и вот теперь перед лицом смерти, быстрое приближение

которой я чувствую, я говорю, что не раз находил богатые золотоносные жилы, за которые мог бы взять огромные деньги, но этот желтый металл, из-за которого я так часто подвергал свою жизнь опасности, имеет так мало цены в моих глазах, что я при первом удобном случае проигрывал или дарил свои находки.

Граф Альбан с возрастающим удивлением посмотрел на странного рассказчика.

— Около 9 месяцев тому назад я и мои друзья, француз Фальер или Железная Рука, как его прозвали апачи за его силу, и молодой предводитель команчей Большой Орел находились в дикой пустыне, в стране апачей. Преодолев множество опасностей и препятствий, проникли мы так далеко во враждебную землю для того, чтобы проверить справедливость предания об удивительной залежи, в которой золото будто бы лежит самородками на поверхности земли, предания, уже несколько столетий передававшегося из поколения в поколение среди соплеменников Большого Орла.

— Что же, — спросил граф, — разыскали вы это место?

— Мы нашли золотую россыпь, — отвечал золотоискатель, — и подивились чуду, которое Господь показал нам в пустыне. Да, сеньор граф, — продолжал он, повышая голос, — сокровища этой россыпи так велики, что вся Франция со всеми ее городами и деревнями, полями, лесами и виноградниками не могла бы окупить их.

Хотя граф думал, что больной вследствие лихорадочного состояния преувеличивает в своем воспоминании количество найденных сокровищ, но так как в правдивости рассказчика нельзя было сомневаться в виду близкой смерти, то несмотря на преувеличения, мексиканцу удалось поразить воображение графа. Он, беспечно промотавший сотни тысяч, чувствовал теперь странное внутреннее волнение; но пересилил себя и попросил гамбузино продолжать.

— Пробыв в том месте два дня, мы отправились в обратный путь к вигвамам команчей и в доказательство нашей находки захватили с собой кусок золота около двух фунтов, который нам удалось отбить от огромного самородка.

— Этот кусок у вас? — спросил граф.

— Он у Джонатана Смита, моего спутника. Нужно вам сказать, сеньор граф, что я заключил договор с этим янки, познакомившись с ним в одной из американских гаваней. Чтобы добыть сокровища, требуется целый отряд отважных людей и такие средства, каких не в состоянии раздобыть три бедных охотника. Мы не могли обратиться к мексиканцам, так как, к сожалению, я сам должен сказать о своих соотечественниках, что они, по большей части, лживые и ненадежные люди; поэтому Железная Рука, сохранивший привязанность к своей родине, предложил открыть нашу тайну королю французов. Я был выбран для этого путешествия и, как человек, не сведущий в языках, взял в спутники американца, который говорил на нескольких языках. Он малый не промах, и охотно бы выманил у меня тайну; да я и сам хитер и дал ему только некоторые указания, возбудившие его жадность и побудившие его сопровождать меня в Европу. Несколько дней назад я прибыл сюда с Джонатаном Смитом и убедился в справедливости его уверения, что французский король, лишенный престола, умер в изгнании. Итак, я очутился в беспомощном положении и колебался, не доверить ли нашу тайну племяннику великого Наполеона, слава которого в свое время проникла и в нашу пустыню. Но теперь и об этом поздно думать, так как скоро я стану таким молчаливым человеком, который никому ничего не разболтает.

Граф стоял, погруженный в глубокую задумчивость.

— Я полагаю, — сказал он наконец, — что задуманная передача сокровища покойному королю должна была послужить на пользу и народу французскому; так, по крайней мере, я понимаю желание моего земляка, вашего товарища. Теперь спрашивается — согласились ли бы ваши товарищи сделать то же предложение потомкам законных королей Франции.

— Что вы хотите этим сказать, сеньор? Каким потомкам?

— Я хочу сказать — роду Бурбонов, у которого похитили его законное наследство — французский престол, и один из членов которого имеет удовольствие беседовать с вами в настоящую минуту.

Больной попытался приподняться, но со стоном упал на подушку и сказал слабым голосом:

— Должен ли я так понимать ваши слова, сеньор граф, что в вашем лице я вижу перед собой потомка Бурбонов?

— Вот именно, — кивнул граф.

— А вы бы взялись за это дело? — продолжал гамбузино со сверкающими глазами. — То есть могли бы вы снарядить в Сан-Франциско экспедицию из 200—250 решительных людей, так как, по меньшей мере, столько бойцов необходимо, чтобы противостоять Серому Медведю со всем его племенем; могли ли бы вы снабдить экспедицию съестными припасами на два-три месяца и сами стать во главе ее?

Беспокойный дух графа неудержимо побуждал его взяться за такое многообещающее предприятие и он немедленно ответил:

— Почему же нет, сеньор? Если предприятие вообще исполнимо, и если ваши товарищи согласятся оказать мне поддержку, то есть стать нашими проводниками, то я готов.

Теперь раненому удалось приподняться, но видно было, что его силы быстро иссякают.

— Итак, все прекрасно, — прошептал он, — и я рад, что мое последнее дело в жизни будет вместе с тем делом благодарности. Подойдите поближе, сеньор граф.

Граф придвинулся к постели.

— Помогите мне снять этот мешочек! — сказал умирающий, раскрывая воротник своей рубашки и указывая на кожаный мешочек, висевший на крепком шнурке на его груди.

Граф повиновался, снял шнурок через голову тяжело дышавшего больного и минуту спустя держал мешочек в руке.

— В этом мешочке, — продолжал мексиканец торжественным тоном, — хранится тайна золотой руды. Вы найдете в нем кусочек кожи с точным обозначением местности и дороги к ней от Рио-Гранде и берегов Бонавентуры. Только тот, кто владеет этим планом и понимает его значение, может отыскать сокровище. Мы изготовили три экземпляра плана, и каждый из нас владеет одним. Планы служат также доказательством нашего права на находку, и каждый волен продать или подарить право на свою часть.

Глаза графа с напряженным вниманием следили за губами говорившего, которого возрастающая слабость заставила снова лечь, хотя голос его еще был ясно слышен.

— В благодарность за ваше человеколюбие и согласно желанию Железной Руки, чтобы это сокровище досталось потомку королевского рода Бурбонов и вместе с тем послужило на пользу французскому народу, — я решил передать вам мешочек и мое право на находку, если вы только согласитесь на два легко исполнимых условия.

— Объяснитесь, сеньор, — сказал граф.

— Во-первых, я бы желал, если уж мне не пришлось умереть в свободной пустыне, быть похороненным на христианском кладбище, по христианскому обряду.

Граф кивнул головой в знак согласия.

— Мое второе условие — оставить в собственности Джонатана Смита самородок, о котором я говорил, передать ему те из моих вещей, которые он захочет иметь, и... — при этих словах лукавая улыбка мелькнула на истощенном лице мексиканца, — и не мешать ему обыскать мой труп, если он захочет посмотреть, нет ли на нем чего-либо ценного.

— Оба условия, собственно говоря, подразумеваются само собою, — серьезно сказал граф, — но я охотно даю слово в том, что исполню их, если это может вас успокоить.

— Вы истинный дворянин, сеньор; все идет к лучшему, — пробормотал гамбузино. — Теперь выслушайте самое важное, пока еще силы не оставили меня. Найти моих друзей, без поддержки которых вы не в состоянии будете выполнить предприятие, не так трудно, как вы, может быть, думаете. Как я уже сказал, мы назначили два свидания. Первое состоится через 9 месяцев, в первый день первого полнолуния в сентябре, в Сан-Франциско. В ту минуту, когда часы на соборе, находящемся на восточной стороне Plaza Major¹ в Сан-Франциско, пробьют 10 часов, Железная Рука и Большой Орел будут как раз на том месте, куда верхушка колокольни отбросит свою тень.

— Вы уверены, что ваши друзья будут так верны своему слову? — спросил граф, который теперь, когда предприятие приняло осязаемую форму, был весь как огонь и жизнь.

— Непременно, если только они еще живы. Впрочем, мы условились, что прибывшие на свидание будут являться наследниками не явившихся. Второе свидание на-

¹ Здесь: Центральная (главная) площадь.

значено на 6 месяцев позднее, в пустыне, у источника Бонавентура. Это место обозначено на плане красной отметкой. Вот все, что вам необходимо знать, сеньор граф, да и пора мне кончить; силы мне изменяют... Но, постойте, кто-то стучит. Это, наверно, янки, итак, мне придется его увидеть еще раз перед смертью.

В самом деле, дверь отворилась и вошел Евстафий в сопровождении какого-то незнакомца.

— Вот американец, за которым меня посылали, граф.

Янки был типичный представитель своей расы: худощавое лицо, квадратный лоб, острый нос. Выдающийся подбородок и беспокойный взгляд слегка косящих глаз обличали характер решительный и задиристый. На голове его красовалась измятая шляпа, которую он не потрудился снять, даже войдя в комнату; коричневый сюртук, в карманах которого были засунуты его руки, болтался на его тощем теле.

— Я слышал, мистер Золотой Глаз, — сказал этот нелюбезный субъект, обращаясь к больному, — что вы по собственной вине подверглись несчастью, выйдя без всякой надобности на улицу, когда эти ветрогоны-французы подняли там пальбу; и поскольку вижу, что вы должны умереть, то и думаю, что вы обманули меня насчет следуемой мне платы.

— Саганба! — простонал раненый. — Вы должны быть довольны, что я избавляю вас от забот обо мне. И перед лицом смерти я призываю этих сеньоров в свидетели того, что... — он должен был остановиться, чтобы перевести дух, — что у меня нет никаких обязательств перед вами... Согласно нашему договору, вы должны были получить только четверть миллиона долларов, в случае, если... — тут его голос превратился в шепот, — если вы исполните до конца взятое вами на себя дело.

— Я думаю, для вас будет большим облегчением, если вы перед своей кончиной откроете мне вашу тайну относительно известной нам залежи и передадите мне ту вещь, которую носите на груди. Мне кажется, я имею на нее право.

Глаза умирающего были пристально устремлены на американца, прежняя насмешливая улыбка, или отражение ее, мелькнула на его губах. Три раза пытался он заговорить, и всякий раз у него прерывался голос. Наконец, он произнес прерывающимся голосом.

— Мешочек... ваше право... Казнитесь за свою жадность, из-за которой я терпел нужду в дороге... Убирайтесь к дьяволу, от которого вы явились!..

Послышалось хрипение, голова больного упала на подушку — он умер.

Граф поспешно вскочил, но Евстафий еще быстрее очутился у постели; он приложил руку к груди мексиканца, наклонился к его бледному, истощенному лицу, и убедившись, что последнее дыхание жизни отлетело, прочел в полголоса краткую молитву, перекрестил усопшего, бережно закрыл ему глаза, сложил на груди руки и после непродолжительного молчания сказал:

— Помощь ему уже ни к чему: он умер. Ваше сострадание к чужестранцу не могло его спасти, господин граф.

— Очень жаль. По крайней мере, я могу исполнить его последнюю волю.

— Я думаю, — сказал мистер Джонатан Смит, подходя к постели, — что никто не будет оспаривать у меня право наследства после покойного.

— Ваше право никто не собирается нарушить, — сказал граф. — Я похороню тело на свой счет.

— Это меня не касается; я хочу только взять то, что мне принадлежит, и затем избавить вас от моего присутствия.

Он расстегнул воротник рубашки у мертвого, и в ту же минуту отшатнулся с криком испуга:

— Мешочек! Где мешочек? Дьявольщина! Меня обокрали!

Глаза его блуждали по комнате и остановились на одежде усопшего, лежавшей на стуле подле кровати. Он бросился к стулу и поспешно обшарил платье. Не найдя там ничего, он повалился на стул бледнее смерти.

— Мешочек, — закричал он, — мешочек, который этот человек носил на шее; это моя собственность, я должен получить его!

Внезапно его блуждающие глаза остановились на графе; в ту же минуту он схватил своими руками руку графа.

— Он у вас; вы его взяли! Отдайте мне его сейчас же, или я вас убью.

Едва заметным движением руки граф далеко отбросил от себя американца.

— *Mort de ma vie!* — сказал он, не скрывая своего презрения к негодяю. — Этот человек осмелился дотро-

нуться до меня! Еще одно слово, мошенник, и ты узнаешь графа Альбана. Смотри сюда, и затем убирайся.

Рядом стоял стол палисандрового дерева, крышка которого была не менее дюйма толщиной. Без малейшего усилия кулак графа опустился на этот стол, и кусок, шириною в руку отскочил от крышки, как будто отрубленный топором.

Американец задрожал при виде такой невероятной силы; холодный пот выступил на его лбу и глаза невольно опустились под взглядом графа, полным гордого презрения.

Но неожиданно Смит бросился на колени и, обнимая ноги графа, завопил жалобным голосом!

— Простите меня, я совсем обезумел; вы, я вижу, все знаете. Но пожалейте бедного, обманутого человека, и отдайте мне мешочек.

Граф задумался.

— Если бы я и захотел снизойти к вашей просьбе, — сказал он наконец, — хотя я и обещал умершему совершенно противоположное, то это не принесло бы вам пользы, поскольку вы не посвящены в тайну.

— Я посвящен, я знаю тайну, поверьте мне.

— Ну, — сказал граф, — докажите мне это, укажите, где и когда вы встретитесь с остальными участниками дела.

Американец недоверчиво посмотрел на него.

— С остальными участниками? Я их не знаю и не понимаю вашу милость. Я единственный наследник мистера Золотого Глаза, который один нашел залежь.

— Лжец! Так я и думал. Ты ничего не знаешь кроме того, что касается твоего условия с гамбузино, и ты достаточно вознагражден самородком, который у тебя находится. Покойный передал свое право мне, а не тебе.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее, и больше я с тобой говорить не намерен.

Янки вскочил, глаза его загорелись свирепым огнем.

— Не будь я Джонатан Смит, если не отомщу за это. Не радуйтесь вашей победе, вы увидите, что я не такой человек, который позволит ограбить себя знатному разбойнику.

Произнеся эту угрозу, он связал в узел платье покойного и вышел с ним из комнаты.

Глава II

В САН-ФРАНЦИСКО

В светлое зимнее утро, через несколько недель после описанных нами происшествий, граф де Сент-Альбан, в сопровождении верного Евстафия, отплыл из Гавра в Нью-Йорк на одном из больших атлантических пароходов. Для того чтобы снарядить экспедицию, он продал все свое имущество, выручив за него значительную сумму. Плавание было удачным; без каких-либо приключений граф и его спутник достигли через несколько недель Нью-Йорка; здесь они отдыхали не более двух дней, затем отправились на пароходе в Сан-Франциско.

Джонатан Смит следовал за ними как тень и в апреле 1852 года прибыл вместе с ними в Сан-Франциско.

Евстафий, суеверный, подобно большинству южан, видел дурное предзнаменование в этом преследовании. Но граф, в гордой уверенности, смеялся над опасениями своего товарища и ревностно принялся вербовать всевозможных авантюристов для отыскания «сокровища инков» в Соноре. Такое название своему предприятию он дал для того, чтобы сохранить тайну и в то же время подбросить приманку авантюристам и золотоискателям, так как уже целые века по всей Южной Америке ходил рассказ о спрятанных сокровищах прежних владельцев Мексики, инков.

К сентябрю месяцу, когда, как читатель, вероятно, помнит, должны были явиться в Сан-Франциско Железная Рука и Большой Орел, граф уже завербовал для экспедиции около 150 человек и постоянно объявлялись новые охотники, в числе которых было немало всяких проходимцев, которые в то время отовсюду стекались в Калифорнию.

Нашим молодым читателям известно из географии, что полуостров Калифорния составляет часть западного берега Северной Америки и отделен от материка калифорнийским заливом. Против этого полуострова по берегу материка лежит мексиканская провинция Сонора с гаванью Сан-Хосе. На востоке она ограничена цепью Кордильер, на севере отделяется Рио Хилой от Новой

Мексике, которая уступлена Соединенным Штатам¹. В этой области находятся необозримые равнины и прерии, населенные воинственными индейскими племенами апачей и команчей.

Летом того же 1852 года, когда граф де Сент-Альбан прибыл в Сан-Франциско, эти дикари несколько раз врывались во владения белых, сопровождая свои набеги страшными опустошениями. Ходили даже слухи о готовящемся союзе двух больших доселе враждебных друг другу племен апачей и команчей с целью общего нападения на мексиканские колонии.

До сих пор, однако, жители прибрежных городов Соноры, равно как и богатые владельцы гасиенд внутри страны, тщетно просили правительство принять меры для их защиты.

При таких обстоятельствах граф послал Евстафия в Мехико, чтобы переговорить с правительством о своей экспедиции в Сонору и предложить ему свою помощь в деле усмирения диких индейских орд.

Отсутствие Евстафия продолжалось уже три месяца, и граф с нетерпением ожидал его возвращения.

В 8 часов вечера 3 сентября, в первый день полнолуния в этом месяце, следовательно, в тот день, когда должно было состояться свидание трех золотоискателей на Plaza Mayor, — граф Сент-Альбан, нетерпеливо считая минуты, прохаживался взад и вперед по своей комнате, между тем как его секретарь, мексиканец, сидел за заваленным бумагами столом и читал графу список людей, заявивших в этот день о своем желании присоединиться к экспедиции; их оказалось 20 человек.

— Родриго, — читал секретарь, — бывший староста цеха грузчиков Сан-Хосе; из-за удара ножом, имевшего смертельный исход, убежал на рудники, там услышал о предприятии вашего сиятельства и явился в Сан-Франциско. Принимать ли его?

— С какой стати человек станет наносить удары ножом? — спросил граф. — Не могу же я принять явного убийцу.

— Сагамба, сеньор генерал! У моих соотечественников кровь горячая, и ссоры из-за пустяков часто случа-

¹ Точнее, отвоевана США у Мексики в результате Американо-мексиканской войны 1846—1848 гг.

ются в кабаках, — спокойно возразил мексиканец, для которого удар ножом казался почти равнозначным удару кулаком.

— Ну, ладно, запишите его, хотя у нас и так уже набралось много всякой дряни. Дальше!

— Два английских матроса, бежавших со шхуны, которая стоит сейчас на рейде.

— Их капитан не потребует назад?

— Сеньор, мы находимся в свободной стране.

— Ну, хорошо, примите обоих. Они, наверное, пьяницы, но, может быть, честные ребята!

— Только на матросов-янки нельзя положиться. Кстати, я вспомнил об одном американце, который, как он говорит, приехал вместе с вами из Европы. Я уже несколько раз отказывал ему, согласно приказанию вашего сиятельства, но он утверждает, что имеет право участвовать в экспедиции и жалуется на свою крайнюю нищету.

— Его имя — Джонатан Смит?

— Да, кажется, так.

— Дайте этому нахалу несколько долларов и пусть он оставит нас в покое. Ни в каком случае не принимать его. Кто там еще?

Секретарь прочел еще несколько имен различных наций. Почти все были приняты.

— Вы закончили, сеньор? — спросил граф.

— Еще двое, ваше сиятельство. Один оставил свою карточку... вот она; другого зовут Крестonosец.

— Странное имя; откуда он? — спросил граф.

— Это француз из Канады; он поклялся на серебряном кресте, который носит на груди, убивать каждый месяц, по крайней мере, четверых апачей. Я не знаю в точности, что за причина такой лютой ненависти, но, кажется, апачи напали на него с его семейством в пустыне, убили его жену и детей, а самого его захватили в плен и держали в рабстве, пока ему не удалось убежать. С тех пор он из года в год исполняет свою клятву и, понятно, что его враги боятся его, как дьявола.

— Как же он явился сюда?

— Вероятно, услышал о нашем походе и захотел в нем участвовать, так как он направлен против его заклятых врагов, апачей.

Это объяснение показалось графу достаточным; он взглянул на карточку, переданную ему секретарем, и прочел: «Барон фон-Готгарт, поручик в отставке».

— Очевидно — немец, вероятно, бывший прусский офицер. Посмотрим. Здесь ли волонтеры, сеньор?

— Я велел им всем придти сюда, чтобы представиться вашему сиятельству.

С этими словами мексиканец встал, отворил дверь в прихожую и впустил толпу людей, которые с поклоном остановились перед графом.

Тут собрались люди всевозможных национальностей: двое английских матросов, которые, как и угадал граф, оказались сильно под хмельком, несколько испанцев, шведов, итальянцев и мексиканцев. Между ними особенно выделялся один датчанин, геркулесового сложения, уже довольно пожилой и с отталкивающей физиономией, в которой с первого взгляда можно было угадать моряка, если не морского разбойника. Рукой он все время держался за рукоятку маленького кинжала, заткнутого за кожаный пояс.

Несколько в стороне от толпы стояли еще двое. Один молодой человек, лет двадцати, в поношенном, но чистом сюртуке, застегнутом доверху; лицо его, носившее отпечаток благородства, было бледно и худо, как после долгой болезни или нужды, в глазах стыла тяжелая печаль.

Мужчина, стоявший рядом с ним, резко отличался от него. Он был, по крайней мере, вдвое старше, судя по изборожденному морщинами, обветренному лицу и густой белой бороде. Поверх кожаной индейской рубашки, составлявшей вместе с кожаными штиблетами его костюм, висел на шнурке серебряный крест — редкое украшение трапперов — длиною в 3 дюйма. Вооружение его состояло из длинного ружья, на дуло которого он опирался, ягташа, сумки для пуль, рога для пороха и ножа, заткнутого за пояс.

Окинув взором толпу, граф в течение нескольких секунд с видимым удовольствием смотрел на обоих людей, в которых он угадал прусского офицера и Крестonosца; потом он подошел ближе и сказал:

— Итак, вы хотите присоединиться к экспедиции в Сонору, и вам уже известны условия. Первое и самое главное — это безусловное подчинение моим приказани-

ям. Согласно договору, вы присоединяетесь ко мне и к моему предприятию на год. Задаток — 40 долларов, ежемесячное жалованье — 4 дублона¹. Кроме того, пятая часть всего золота, которое мы найдем или добудем, разделяется поровну между членами отряда.

— Хорошо, или, лучше сказать, довольно плохо, — произнес грубый моряк, когда граф замолчал, — а кто нам поручится, что и это немногое не будет уменьшено или вообще достанется нам?

— Порукой в том слово графа де Сент-Альбана, — гордо возразил граф.

— Дьявол! — воскликнул моряк с усмешкой, — этого мне мало. Самое лучшее, это глядеть в оба и держать кулак наготове, чтобы охранить свои права.

Граф сделал шаг вперед и сказал, по-видимому, без всякого раздражения:

— Как вас зовут?

— Ну, — проворчал корсар, — мое имя довольно хорошо известно, чтобы избавить меня от любой неприятности. Меня зовут Черная Акула.

— Морской разбойник, заслуживший такую дурную славу?

— Да, если вам угодно знать. Всякий добывает свой хлеб, как умеет, и так как мой корабль погиб, то я хочу попытать счастья на суше. Но я вам вперед говорю, господин граф, что Черный Пират не станет подчиняться всякому вашему капризу.

Граф понял, что необузданность этого человека повредит его авторитету в глазах других, если останется безнаказанной, и решил поступить сообразно с этим.

— Ну, любезнейший, — сказал он холодно, — теперь я вас знаю и постараюсь обеспечить себе повиновение с вашей стороны, если только еще позволю вам присоединиться к экспедиции. Во всяком случае я вам даю добрый совет никогда больше не выражать сомнений в честности графа де Сент-Альбана, иначе...

— Что иначе? — нахально перебил корсар.

— Иначе с вами каждый раз будет случаться то же, что сейчас, — при этих словах кулак графа с такой силой ударил разбойника в лоб, что тот грохнулся на-

¹ Дублон (от исп. *doblon*) — старинная золотая монета Испании, чеканилась до 1868 года.

взничь. Заревев, как раненый буйвол, он вскочил, выхватил кинжал и бросился на безоружного графа.

Гибель последнего казалась неизбежной; общий крик ужаса огласил помещение; но разбойник пользовался такой недоброй славой, что, несмотря на гибель его корабля и банды, несмотря на то, что он сам теперь скрывался в Сан-Франциско от преследования, — никто не решался подступить к нему.

Только молодой пруссак бросился между двумя противниками, чтобы отвести удар пирата, но в ту же минуту был отстранен рукою графа, который очутился лицом к лицу с разъяренным матросом. В то же время зрители увидели, что правая рука графа, оцарапанная острием кинжала, схватила руку разбойника чуть выше кисти.

Последовавшая затем сцена была столь же ужасна, как и поразительна. Ни одна черта не изменилась в лице графа, ни малейшего движения мускулов его руки не было заметно, а между тем атлстическое тело корсара изгибалось подобно змее, силясь освободиться от хватки графа. Лицо пирата побагровело, пена выступила на его губах, стоны его становились все сильнее и сильнее, и, наконец, этот сильный человек, не пощадивший, быть может, сотню жертв, упал на колени и простонал:

— Пощадите!

Граф выпусти его руку и оттолкнул его.

— Я заплачу за твое леченье. Когда ты поправишься, заяви моему секретарю о твоём желании присоединиться к экспедиции; я даю своё позволение.

Побежденный корсар отвечал на это стоном и, поддерживая беспомощно висевшую руку, вывернутую из суставов, другой рукой, шатаясь вышел из комнаты.

Оставшиеся молча поглядывали друг на друга. Происшествие произвело глубокое впечатление на этих заносчивых людей, и граф увидел, что его цель, без сомнения, достигнута.

Он подошел к молодому пруссаку и протянул ему руку.

— Вы один поспешили ко мне на помощь; узнаю истинного солдата. Я принимаю вас в число участников моего предприятия и, если вам угодно, назначаю своим адъютантом.

В глазах офицера выразилась радость при таком отличии; он от души поблагодарил графа и представил ему

старого траппера с серебряным крестом, как своего испытанного друга и товарища в странствиях по пустыням Скалистых гор.

— Я слышал о вас, господин Крестоносец, — сказал ему граф приветливо, — а также о том, что вы поклялись мстить апачам за то горе, которое они вам причинили.

— Будь прокляты эти ядовитые гады! — произнес старый траппер и лицо его приняло мрачное выражение. — Я надеюсь, благодаря вашей экспедиции, завершить свою месть.

— Как так?

— Как только вождь апачей, Серый Медведь, падет от моей руки, мой обет будет исполнен.

— Я уже слышал имя индейца, о котором вы говорите, только не помню, где и когда.

— Это самый храбрый, но и самый свирепый воин из племени апачей, — сказал Крестоносец. — Благодаря его силе и дьявольской хитрости его соплеменника Черной Змеи народ апачей сделался ужасом Соноры. Кроме меня, — прибавил он с гордостью, — только двое решатся вступить в единоборство с ними — француз Фальер, прозванный Железная Рука, и его неразлучный товарищ, Большой Орел из племени команчей.

Можно себе представить, с каким вниманием граф стал слушать Крестоносца, услышав эти имена. Между тем ничего не подозревавший охотник продолжал:

— Странно, что нам ни разу не пришлось встретиться, хотя весьма вероятно, что и они слышали обо мне. Они предпочитают охоту в горах, я же — в прерии; впрочем, я надеюсь познакомиться с ними здесь.

— Как здесь? — невольно вырвалось у графа.

— Да, я слышал, что они отправлялись в Сан-Франциско повидаться с одним старым товарищем.

Граф чуть было не выразил своего удовольствия; теперь он видел, что его планы сбываются.

— Господа, — сказал он с благосклонной улыбкой, — вы можете передать своим товарищам, что через несколько дней мы отправляемся водою в Сан-Хосе. Теперь же позвольте мне пригласить вас, как своих гостей, в ближайший ресторан.

Угощая своих новых спутников, граф раз десять поглядывал на часы, как будто бы мог ускорить этим течение времени, и глубокий вздох вырвался из его груди,

когда, наконец, назначенный час наступил. Он встал как раз в то время, когда рассказ о каком-то охотничьем приключении приковал к себе внимание собравшихся в зале, и надеялся уйти незаметно; но это ему не совсем удалось. Два внимательных глаза, принадлежавшие янки Джонатану Смиту, который тоже находился в ресторане, упорно следили за графом, и как только он подошел к двери, американец вышел из-за колонны, за которой прятался, и незаметно последовал за графом, в некотором отдалении.

Как нам известно, это был первый день полнолуния. Тени зданий резко обрисовывались при лунном свете. Граф медленно пошел к собору и вдруг ему показалось, что он видит три темные тени на назначенном месте. Это число удивило его, так как, по словам покойного гамбузино, только двое людей, знавших о сокровище, должны были явиться на свидание. Граф ускорил шаг, чтобы выяснить, в чем дело, как вдруг хорошо знакомый голос заставил его остановиться.

— Вон там находится жилище графа, — говорил этот голос. — Мы сейчас будем там, дон Альфонсо!

В ту же минуту граф увидел пять или шесть всадников, ехавших через площадь.

— Евстафий! — крикнул граф.

— Клянусь душою, это его сиятельство! — раздался радостный голос верного слуги. В то же мгновение Евстафий соскочил с лошади и, передав ее одному из своих товарищей, поспешил к своему любимому господину и другу.

— Я являюсь к вашей милости с почетными гостями, — сказал он после первых приветствий, — и с самыми счастливыми известиями.

Между тем подъехали остальные всадники и при свете луны граф увидел впереди пожилого господина и молодую даму в испанских костюмах, очевидно принадлежавших к знати. Евстафий выступил вперед и с поклоном представил друг другу графа и вновь прибывших:

— Дон Альфонсо де Гусман, и вы, прекрасная донья Мерседес, позвольте вам представить моего господина графа де Сент-Альбана — начальника Сонорской экспедиции. Граф, вы видите перед собою одного из знатнейших сановников Мексики и его дочь. Дон Гусман является в качестве посланника от его превосходительства господина президента мексиканской республики, что-

бы переговорить с вами лично о различных частностях контракта, который вы предложили правительству.

Окончив это церемонное представление, храбрый провансалец вздохнул с облегчением и присоединился к свите; испанец же слез с лошади и со свойственной его нации величавостью приблизился к графу.

— Сеньор граф, — сказал он с церемонным поклоном, — я явился сюда, чтобы передать вам предложения господина президента. Он вполне сочувствует вашему предприятию, и желает вам славнейшей победы над язычниками-апачами.

Как ни была неприятна графу эта неожиданная помеха, однако он был настолько умен и вежлив, что проводил гостей к своему жилищу и сделал распоряжения принять их как можно лучше. Затем он попросил у них позволения оставить их на время, и вторично поспешил на Plaza Mayor. Неожиданное прибытие гостей отняло у него около получаса; но граф не беспокоился об этой отсрочке, так как теперь знал, что двое людей, столь важных для успеха его предприятия, прибыли в Сан-Франциско, и был уверен, что у тех, кто прошел тысячу миль, хватит терпения подождать каких-нибудь полчаса. Итак, он дошел до места, где соборная колокольня бросала тень, но тут никого не оказалось. Ужас графа, обыкновенно так хорошо умевшего владеть собой, был беспримерен. Он еще раз осмотрелся вокруг — это было то самое место, о котором говорил гамбузино; посмотрел на часы — они показывали половину одиннадцатого. Оставалось только предположить, что какое-нибудь неожиданное препятствие помешало обоим людям явиться вовремя, так как граф не мог думать, что они ушли, не дождавись его. Итак, он решился подождать их, и стал медленно прохаживаться взад и вперед перед собором. Но время текло и никто не являлся. Наконец, когда соборные часы пробили полночь, терпение графа истощилось. Надеясь, что завтра ему удастся отыскать запоздавших где-нибудь в городе при помощи Евстафия или, еще лучше, Крестonosца, он вернулся домой, и, по примеру своих гостей, лег спать. Но если бы он знал, что произошло на месте свидания в эти полчаса — его сон не был бы так спокоен.

ДРУЗЬЯ ГАМБУЗИНО

Читатель, вероятно, помнит, что Джонатан Смит следовал за графом, как шакал за тигром. Они находились шагах в пятидесяти друг от друга, когда неожиданное появление всадников заставило графа уклониться от своего первоначального пути. Проницательность подсказала американцу, что граф изменил таким образом свой первоначально задуманный план. Подстрекаемый жадностью и смутным сознанием, что граф должен был встретиться с какими-нибудь лицами, янки продолжал идти по прежнему направлению и минуты через две заметил в тени соборной колокольни трех лиц, из которых двое были мужчины, а одна — женщина. Вид их тем более возбудил внимание Смита, что он вспомнил, как часто золотоискатель говорил о своих друзьях, оставшихся в пустыне.

Вдруг, словно молния озарила ум почтенного Джонатана: это, наверно, те два участника великой тайны, имена которых граф спрашивал у него в Париже, в доказательство его права на мешочек; ради них-то граф так долго задержался в Сан-Франциско, вместо того чтобы отплыть в Сан-Хосе.

Можно себе представить, с какими чувствами смотрел янки на незнакомцев, которых он мог хорошо разглядеть при лунном свете. Один из них был человек лет пятидесяти, крепкого телосложения. Он был одет и вооружен совершенно так же, как Крестоносец, только, конечно, не носил серебряного креста.

Другой незнакомец — молодой, полный сил индеец высокого роста. Два орлиных пера, украшавших его голову, указывали, что он — вождь племени. Сквозь вырез рубашки из оленьей кожи виднелась его высокая коричневая грудь; панталоны из такой же кожи были обшиты вместо бахромы скальпами; на ногах он носил красиво расшитые мокассыны. На груди его висело ожерелье из зубов и когтей гризли — страшнейшего из обитателей Скалистых гор.

Вооружение молодого вождя состояло из испанского карабина, ножа для скальпирования в кожаных ножнах и национального оружия соплеменников, томагавка. Нож и томагавк были заткнуты за пояс, рядом с ними висела

короткая трубка, кисет с табаком, рог для пороха и сумка для пуль.

Рядом с прекрасным лицом юноши виднелось не менее красивое личико молодой девушки такого же цвета, как и первое. Нежная и стройная, как лесная лань, она прислонилась к юноше, подобно лиане, обвившейся вокруг мощного ствола, и глядела на него с выражением детской наивности. У ног девушки лежал узелок со скудными припасами, которые они захватили с собой в дорогу, согласно обычаю своего народа.

— Любопытно мне знать, — говорил траппер своему спутнику, — неужели мы напрасно пришли сюда и следует ли нам в будущем году отправиться к источнику Бонавентуры. Назначенный час наступил, а Золотого Глаза нет. Я начинаю думать, что нашему другу понравилась жизнь в больших городах и он забыл о нас.

— Разве мой отец может заставить буйвола жить вместе с домашними быками? — серьезно возразил индеец. — Золотой Глаз — сын прерии и может жить только там, где желтый металл растет в земле.

— Пожалуй, ты прав, — сказал охотник, — водяная птица никогда не сделается орлом, и всякое создание стремится туда, куда влечет его инстинкт. Ну, так с нашим другом могло случиться какое-нибудь несчастье, помешавшее ему явиться сюда. Ты не представляешь, команч, какие опасности угрожают христианину в цивилизованной стране.

— Великий Дух всюду со своими детьми, — сказал индеец с тем же спокойным достоинством. — Если скальп Золотого Глаза сушится над очагом его врага, Большой Орел со своим белым отцом будут одни странствовать по пустыням.

— Не одни, вождь, — возразил француз траппер, носивший прозвище «Железная рука». — С тех пор как апачи разрушили твою деревню и твоя сестра Суванэ сопровождает нас, мы уже не одни странствуем по пустыням. Эта девушка, — прибавил он, бросив ласковый взгляд на молодую индианку, — истинное утешение для нас, как по своему искусству шить и варить пищу, так и еще более по своей милой болтовне; но я боюсь, что этот нежный цветок не вынесет трудностей нашего странствования, и думаю, что на обратном пути нам

следует зайти в гасиенду дона Гусмана и оставить Суванэ на попечение донны Мерседес.

Лицо команча омрачилось.

— Суванэ дочь вождя и никогда не будет прислужницей белой женщины, — сказал он гордо. — Апачи же собаки, и их скальпы будут украшать новые вигвамы команчей.

В эту минуту Суванэ прервала разговор мужчин восклицанием «хуг», обычным восклицанием индейцев, когда они хотят выразить свое удивление или привлечь чье-либо внимание.

— Что случилось, Суванэ? — спросил траппер.

— Какой-то незнакомец смотрит на Железную Руку и Большого Орла, — сказала индианка своим нежным голосом, указывая на то место, где стоял американец.

Он же, увидев, что его заметили, не стал дожидаться пока его окликнут, а пошел прямо к незнакомцам.

Сначала траппер, обманутый лунным светом, подумал, что его ожидаемый друг позволил себе невинную шутку с ними.

— Это ты, Золотой Глаз? — крикнул он, однако ответ незнакомца тотчас вывел его из заблуждения.

— Я не Золотой Глаз, — сказал Смит, — а только его посол, который радуется, что нашел обоих друзей мистера Гонзага. Я прибыл к вам с важным поручением, только здесь неудобно нам беседовать, так как поблизости находится ваш опасный враг, которого вы не знаете. Пойдемте в мое жилище, сеньоры, там никто нам не помешает.

— Это невозможно, незнакомец, — возразил траппер. — Мы обещали нашему другу Хосе Гонзага, которого индейцы называют Золотой Глаз, ожидать его здесь, а тебя мы видим в первый раз. Итак, если у тебя есть какое-нибудь поручение от Гонзага, говори здесь же.

Янки понял, что его наскоро задуманный план рухнет, если граф вскоре отделается от своих неожиданных гостей, и, вернувшись на Plaza Major, еще застанет тут друзей золотоискателя. Он решился действовать напролом и сказал наудачу, припомнив все, что ему удалось заметить, находясь подле гамбузино и графа:

— Хорошо, я вам приведу доказательства. Вы послали вашего друга во Францию, чтобы там нанять людей в отряд для отыскания золотой залежи в стране апачей. Я являюсь к вам послом сеньора Хосе Гонзага прямо из Франции.

— Так Золотого Глаза нет в Сан-Франциско?

— Честное слово, нет.

Траппер задумался, потом обратился к индейцу:

— Как ты думаешь, вождь, следует ли нам остаться здесь или пойти с этим человеком?

— Пойдем, — отвечал индеец, не задумываясь. — Если он лжет, и Золотой Глаз в городе, то мы скоро узнаем о нем; след белого человека не затеряется.

— Твое предложение разумно, вождь, и должно быть исполнено, — решил охотник. — Указывайте нам дорогу, незнакомец; мы выслушаем ваше поручение, где вам будет угодно.

Американец немедленно пошел вперед, за ним последовали траппер и индеец со своей сестрой, гуськом, по индейскому обычаю.

Едва успели они свернуть в одну из улиц, выходящих на площадь, как с противоположной стороны показался граф, спешивший к месту встречи, где, однако, как мы уже знаем, не нашел никого, и бесполезно прождал до полуночи.

Хотя Джонатан Смит, для более удобного наблюдения за графом, поселился поблизости от него, однако он не хотел вести своих спутников кратчайшей дорогой, опасаясь встречи с графом. Только после длинного обхода, пришли они на двор гостиницы, в глубине которого находилось сколоченное из досок жилище Смита. Внутренность его была, однако, уютнее, чем можно было судить по наружному виду; там находился даже довольно роскошный шкаф, из которого хозяин вынул хлеб, кусок жареной оленины и бутылку водки.

— Милости просим, господа, — сказал он, разыгрывая роль радушного хозяина, что вовсе не сочеталось с его грубыми манерами, — вы, конечно, много прошли сегодня и должны чувствовать голод и жажду. Если девушка устала, она может отдохнуть в соседней комнате, пока мы будем беседовать.

Охотник не заставил себя долго упрашивать, и, вооружившись ножом, с поразительной быстротой проглотил добрую часть мяса, запив его водкой. Индеец же удовольствовался своей провизией, которую Суванэ вынула по его знаку из узелка и которая состояла из нескольких кусков вяленого буйволового мяса и черствой маисовой лепешки. Принесенная индианкой из ко-

лодца во дворе вода, помогла проглотить эту скудную пищу.

Только когда брат кончил есть, Суванэ, в свою очередь, принялась за незатейливый ужин. Американец, познакомившийся с обычаями индейцев во время своего пребывания в Техасе, с тайным неудовольствием наблюдал эту сцену, так как знал, что нежелание индейца принять предлагаемую ему пищу служило признаком его недоверия к хозяину.

Наконец, почтенный траппер насытился и утолил свою жажду последним большим глотком. После этого он взглянул на своего краснокожего друга, но, убедившись, что тот вовсе не проявляет желанья закурить трубку мира, обратился к янки:

— Ну, чужестранец, теперь вы можете сообщить нам ваше поручение. Где вы оставили нашего друга?

— В столице Франции.

— Клянусь моей душой, это чертовски далеко! Что же там делает Золотой Глаз так долго?

— Он спит, — ответил вместо Смита вождь.

— Как так?

— Он спит, — повторил команч, — тем глубоким сном, от которого люди пробуждаются только в обители Великого Духа.

Смущенный и слегка испуганный, траппер взглянул на обоих своих собеседников, потом поглядел по направлению руки индейца, указывавшего на одну из стен, где висели ружье и ягташ.

— Глаза моего белого отца застилает огненная вода, иначе он бы давно уже узнал оружие нашего друга.

В одно мгновение француз очутился у стены и с первого же взгляда убедился в истине слов индейца. Он сорвал со стены ружье и ягташ и, показывая их американцу, крикнул громовым голосом:

— Человек, говори правду! Откуда у тебя взялось это, и что ты сделал с нашим другом?

Американец из осторожности подался назад и сказал:

— Потише, сеньор Железная Рука, не подозревайте невинного, а приберегите-ка вашу ненависть для убийц вашего друга. Эти вещи — наследие сеньора Гонзаги, которого, к несчастью, как уже угадал прозорливый вождь, нет более в живых.

При этих словах на лице траппера появилось выражение глубокой скорби.

— Двадцать лет, — сказал он, — мы странствовали вместе по пустыням и делили все опасности. И вот, случилось то, чего я боялся. Проклятое золото погубило его, и мы виновны в этом, так как дали свое согласие на его отъезд.

Произнеся эти слова, он погрузился в задумчивость под влиянием внезапного прилива скорби, но вскоре взял себя в руки и бросил недобрый взгляд на американца.

— Вы говорили об убийцах Золотого Глаза, чужестранец, — сказал он мрачно, — значит, это не был честный бой, и на нас лежит обязанность отомстить за его смерть, если это только возможно.

— Вполне возможно, — отвечал коварный янки, — вам не нужно для этого даже переплывать океан, так как убийцы сами отдаются в ваши руки.

— Как так? Говорите яснее, у нас нет ни времени, ни охоты отгадывать загадки.

Янки увидел две пары глаз, с угрозой глядевших на него, и почувствовал, что ему необходимо пустить в ход свою ловкость и хитрость, чтобы усыпить недоверие своих собеседников. С успокоительным жестом взял он у француза ягташ, открыл его и вынул окровавленную одежду гамбузино. Порывистое движение траппера показало ему, что тот узнал одежду своего друга. Судя по неподвижности индейца, можно было усомниться, узнал ли он ее тоже, если бы не взгляд, полный ненависти и жажды мести, брошенный им на печальные улики.

— Выслушайте меня, сеньор Железная Рука и вы также вождь, — сказал американец, — и вы узнаете все, что мне известно о вашем друге.

Он рассказал, как гамбузино нанял его в провожатые для путешествия в Европу; как он не хотел верить, что король французский умер в изгнании, пока не узнал об этом в Париже, и как он потом, не зная, что делать, сообщил свою тайну одному знатному французскому дворянину и воину. Во время восстания в столице, — продолжал лгать Смит, — этот дворянин велел одному из своих слуг застрелить неосторожного золотоискателя, напавши на него сзади, и похитил у него план, на котором была обозначена дорога к золотоносной жиле. Он, янки, которого умирающий назначил своим наследником

и мстителем, сам едва спасся от убийц, но, благодаря своей осторожности, успел незамеченным переплыть вслед за ними через океан и выследить их до Сан-Франциско, где он рассчитывал также встретить обоих друзей покойного, что и случилось действительно, и вместе с ними осуществить дело мести, и помешать злодеям отыскать золотую залежь.

Эта лживая сказка была рассказана с таким лицемерным выражением печали и негодования, что даже люди, и более знакомые с хитростями света, чем эти простодушные дети природы, пожалуй, поддались бы обману.

Янки вполне мог быть доволен впечатлением, которое произвел его рассказ, потому что в то время, как траппер мрачно нахмурил лоб и судорожно схватился за рукоятку ножа, индеец, без всякого приглашения, опустился на стул, от которого до сих пор отказывался, и сказал:

— Косая Крыса, — этим нелестным прозвищем команч довольно верно охарактеризовал наружность янки, — сказал Большому Орлу, что убийцы Золотого Глаза здесь; пусть он укажет их или назовет их имена, и нож Большого Орла пронзит их сердца.

Подобный результат переговоров вовсе не согласовался с намерениями Смита, который покачал головой и сказал трапперу:

— Я думаю, сеньор Железная Рука, что вы, как человек более спокойный и благоразумный, поймете, какими тяжкими для нас последствиями будет сопровождаться безрассудное убийство здесь, в городе. Притом я уже сказал, что организатор преступления — знатный господин; поэтому, прежде чем я вам назову его имя, и в результате, может быть, сам попаду в петлю, я хочу знать, ради чего я рискую. Короче говоря, если вы согласны признать меня наследником Гонзаги, имеющим право на третью часть сокровища, и дать мне клятву привести в исполнение свою месть не прежде, чем мы окажемся в пустыне, то я вам назову убийц.

Почему янки хотел пощадить своего врага? — спросит удивленный читатель. Дело в том, что ему пришла в голову дьявольски хитрая мысль, осуществление которой казалось вполне возможным. Он знал, что без помощи траппера и индейца ему в одиночку не удастся отыскать сокровище, но понимал также, что и их помощь недостаточна, так как два серьезных препятствия

встали на пути к сокровищу: опасности пустыни и Сонорская экспедиция графа Сент-Альбана. Поэтому он вовсе не имел намерения мешать походу графа, надеясь, что тот расчистит для него путь, победив и разогнав апачей; при этом, думал он, добрых три четверти отряда графа погибнут в стычках с индейцами. Останется незначительное число людей, с которыми он легко справится при помощи своей хитрости и, таким образом, овладеет сокровищем, переступив через труп графа. Вот какие мысли мелькали в голове американца, пока он с бьющимся сердцем ожидал ответа своих собеседников.

Эти последние в течение нескольких минут переговаривались о чем-то между собою на команчском языке, и результат этих переговоров превзошел все ожидания американца.

— Чужестранец, — сказал траппер торжественным тоном, — кровь нашего друга вопиет к небу, но великий сашем¹ тойахов (одно из команчских племен) и я решили отложить месть до более удобного случая, так как мы видим, что город — неподходящее место для ее осуществления. Что касается обещания нашего друга относительно вашей доли, то оно, само собою разумеется, будет исполнено. Неправда ли, вождь?

Команч презрительно улыбнулся:

— Желтый металл имеет цену только для белых людей; пусть Косая Крыса присоединит к своей и мою часть сокровища.

— Черт возьми! И мою также! — воскликнул траппер. — Хотя в моих жилах течет кровь белого, но я также мало дорожу золотом, как любой краснокожий. Доставьте нам пороха и свинца и два хороших новых ружья, чужестранец, и берите себе все сокровище.

Несмотря на все свое хладнокровие и лукавство, янки с трудом подавил внутреннее волнение, услышав, как равнодушно эти простые люди, едва снабженные самым необходимым, уступают ему громадные сокровища. Его косые глаза засверкали, но он успел овладеть собой, опасаясь, что его жадность снова возбудит недоверие в его собеседниках и, чего доброго, разрушит все его планы. Итак, он как можно спокойнее подошел к шкафу, достал оттуда чернила, перо и бумагу и, поставив их на стол, сказал:

¹ Сашем — верховный вождь племени.

— Я думаю, сеньор Железная Рука, что следует нам составить письменный договор, не потому, что я не доверяю вам или этому храброму вождю, но во избежание всяких, могущих возникнуть, недоразумений.

— Черт бы побрал вашу писанину! — сердито крикнул траппер. — Всякое зло происходит от нее. Слово мужчины стоит в пустыне больше, чем вся ваша пачкотня.

Команч сделал нетерпеливый жест.

— Пусть мой белый отец позволит Косой Крысе написать договор. Глаза вождя открыты, когда он рисует свой тотем.

— Ну, — сказал добродушно охотник, — если ты согласен, вождь, так и я могу согласиться. Пишите же, чужестранец, только, смотрите, не вздумайте обманывать нас.

Не теряя ни минуты, янки сел за стол и написал короткий и ясный договор, стараясь сообразоваться с понятиями своих собеседников.

Окончив писать, он прочел:

«Жорж Фальер, или Железная Рука, и глава племени тойахов по имени Большой Орел обязуются своим словом и подписью в течение года, считая с настоящего дня, помогать Джонатану Смиту против его врагов, провести его через земли апачей к золотой залежи и передать ему сокровища этой залежи в его неотъемлемую собственность. Со своей стороны, Джонатан Смит обязуется снабдить своих защитников и проводников порохом и свинцом и двумя новыми винтовками, принять на себя издержки экспедиции и передать в руки своих компаньонов убийц золотискателя Хосе Гонзага до истечения срока этого договора».

Траппер взял перо и поставил три креста вместо своей подписи, так как он был неграмотен; индеец же нарисовал свой тотем — грубое изображение царственной птицы, от которой он получил свое имя, и сверху какие-то таинственные знаки.

Выражение торжествующей жадности мелькнуло на физиономии американца, когда договор был подписан. Теперь он объявил им, что убийцы Золотого Глаза — граф де Сент-Альбан, начальник знаменитой Сонорской экспедиции, и его верный слуга Евстафий. Это сообщение вызвало гневное «хуг!» со стороны индейца и свирепое проклятие у траппера. Этими выражениями гнева они и ограничились, так как больше привыкли действо-

вать, чем говорить. Вскоре затем трое детей пустыни спали крепким сном, тогда как янки еще долго ворочался на своем ложе.

Проснувшись поутру, граф велел Евстафию позвать Крестоносца, чтобы попросить его помочь ему найти тех, кого он вчера тщетно ожидал на Plaza Major. Но тщетно Евстафий и Крестоносец, привыкший выслеживать людей и зверей, целый день потратили на поиски; они не нашли никаких следов индейца и траппера и, наконец, пришли к убеждению, что те либо вовсе не являлись в Сан-Франциско, либо ушли ночью из города.

Джонатан Смит был слишком хитер, чтобы не догадаться о возможности поисков. Поэтому он убедил своих гостей укрыться в его доме, а сам, чтобы отвести от себя подозрение, как можно чаще показывался на улицах и на площади, пользуясь этими прогулками для того, чтобы закупить все необходимое для предстоящего путешествия. Он решил отправиться, как только отплывет Сонорская экспедиция.

Среди участников экспедиции кипела оживленная деятельность и царило возбуждение; каждый спешил раздобыть себе вооружение, прежде чем экспедиция отплывет в Сан-Хосе.

В следующие дни поиски Евстафия и Крестоносца тоже не привели ни к какому результату, и граф не мог уже скрывать от себя, что упустил случай встретиться с друзьями Золотого Глаза, если только они вообще явились в Сан-Франциско, и что теперь ему придется довольствоваться только неполными указаниями, имевшимися на плане покойного гамбузино. Но граф Альбан был не такой человек, чтобы прийти в уныние из-за первой же неудачи. Прежде всего он полагался на свое счастье, а кроме того, надеялся отыскать в пустыне обоих людей, столь необходимых для него, при помощи Крестоносца, славившегося как опытный следопыт.

Во всяком случае, он не собирался обнаруживать перед другими свою неудачу или откладывать отъезд экспедиции, так как это возбудило бы недоверие в ее участниках; поэтому приезд дона Гусмана оказался как нельзя более кстати.

Последний, один из самых богатых и знатных пограничных землевладельцев, получил от президента республики предписание помогать графу и сопровождать его в

экспедиции. Хотя граф понимал, что это содействие имело целью также и надзор за ним и его действиями, но он чувствовал в себе достаточно мужества, чтобы в случае надобности нейтрализовать любое нежелательное вмешательство в свои дела.

Торговцы Сан-Хосе, а также общество крупных землевладельцев, обязалось предоставить графу 150 000 долларов на вооружение экспедиции и жалованье ее участникам и, кроме того, наделить всякого, кто по окончании войны пожелает остаться в стране, известным количеством моргенов¹ плодородной земли.

Следующие два дня были посвящены приготовлениям к экспедиции; на третий день после полудня отряд был перевезен на корабли. Когда все было готово, пушечный выстрел дал знак столпившимся вокруг кораблей шлюпкам приблизиться и высадить находившихся в них людей. Однообразное пение матросов, вертевших кабестан, сливалось со скрипом снастей и канатов. Граф вместе с доном Гусманом и его прелестной дочерью стоял на палубе, окруженный толпою участников экспедиции.

Раздался сигнал к отплытию; якоря были вытянуты на бушприт, и капитан прокричал в рупор приказ поднять паруса.

Корабли отплыли в Сан-Хосе.

Публика, толпившаяся на берегу, напутствовала медленно отплывавшие корабли прощальными криками, махала платками и кидала шляпы кверху. Из толпы лодок, теснившихся вокруг, внезапно отделился легкий челнок и быстро приблизился к кораблю, на котором стоял граф. В челноке гребли двое мужчин, индеец и белый, на корме стояла индейская девушка. Третий человек стоял на носу. Когда они проплывали мимо шхуны, стоявший снял свою широкополую шляпу, и граф увидел злобное, лукавое лицо янки.

— До свидания в Соноре, сеньор граф!

Это длилось не более минуты, но граф узнал своего презренного, но все же опасного врага. Взглянув еще раз на спутников янки, он сразу сообразил, что последний предупредил его и успел сойтись с друзьями золотоиска-

¹ Морген — старинная поземельная мера в германских государствах, Голландии, Мексике и некоторых южных штатах США, имевшая в разных странах размерность от 0,35 до 0,86 га.

теля. Он хотел закричать им, но голос капитана, приказывавшего шкиперу лечь на курс, и окружающий шум заглушили бы его слова. Шхуна пошла быстрее, и челнок предателя скоро исчез в толпе окружающих лодок.

Глава IV

ГУБЕРНАТОРСКИЙ ПОДАРОК

Плавание прошло успешно, и экспедиция благополучно достигла гавани Сан-Хосе. Как только суда стали на якорь, граф Альбан, в сопровождении дона Гусмана, решил сделать визит губернатору провинции Сонора, полковнику Хуарецу, резиденция которого находилась в Сан-Хосе. Полковник Хуарец был индейцем по происхождению; впоследствии он заслужил себе печальную известность, расстреляв австрийского принца Максимилиана¹. Молва о предполагаемой экспедиции для отыскания сокровища инков опередила графа, и городское население давно уже с нетерпением ожидало его прибытия.

Когда шлюпка графа пристала к берегу и исполинская фигура знаменитого предводителя появилась перед столпившимся на берегу народом, раздались оглушительные виваты.

Граф поклонился с достоинством знатного сеньора и обратился к дону Гусману, которого уже окружила толпа знакомых, сообщивших ему печальную новость о вторжении индейцев в мексиканские владения. Члены общества землевладельцев, с нетерпением ожидавшие прибытия графа, почти все собрались в Сан-Хосе, и граф тотчас же получил приглашение посетить их собрание, тем более, что губернатора не было в городе: он отправился с отрядом войск на помощь городу Ариспе, которому угрожали индейцы.

В виду этого, пришлось отказаться от визита губернатору, но граф утешился тем, что торговцы и землевладельцы обещались ему доставить деньги для

¹ Максимилиан I Габсбург (1832—1867) австрийский эрцгерцог, брат императора Франца Иосифа I. В 1864 году в ходе начавшейся в 1861 г. англо-франко-испанской интервенции в Мексику провозглашен мексиканским императором. После эвакуации французских войск в 1867 году расстрелян.

двухмесячного жалованья отряду, а также и лошадей, необходимых для него, и без содействия губернатора; притом же последний, как местный уроженец, относился враждебно ко всем вообще иностранцам, а следовательно и к графу.

На пути в собрание землевладельцев, куда граф отправился немедленно, ему пришлось на деле убедиться в недоброжелательстве губернатора, хотя оно и скрывалось под видом подарка. Офицер в мундире мексиканских драгун приблизился к графу и остановился перед ним.

Двое рослых солдат вели за ним взнузданного вороного мустанга, огненные глаза и порывистые движения которого показывали, что он еще совсем недавно покинул прерию. Солдаты с трудом удерживали его, и толпа боязливо расступалась, испуганная его порывистыми движениями.

Офицер, молодой человек с мрачным, решительным лицом, вежливо поклонился сенатору дону Альфонсо, с которым был знаком, и обратился с таким же приветствием к его спутнику, одетому во французский полковничий мундир.

— Так как я полагаю, что имею честь видеть перед собой его сиятельство, графа де Сент-Альбана, начальника Сонорской экспедиции, то позволю себе передать его сиятельству это письмо господина губернатора, полковника Хуареца, который весьма сожалеет, что не может лично приветствовать графа.

Граф с вежливым поклоном взял письмо и сказал, что прочтет его, как только придет в дом собрания.

— Я имею еще одно поручение от господина полковника, — сказал офицер с насмешливой улыбкой. — Он полагал, что вы, сеньор граф, прибыв в Сан-Хосе морем, еще не успели достать себе лошадь. Поэтому господин полковник посылает вам этого благородного коня, произведение нашей страны, в знак своего к вам уважения.

— *Caramba*, сеньор! — воскликнул дон Альфонсо, обращаясь к офицеру, — эта лошадь, кажется, только что из прерии. Невозможно чужестранцу сесть на нее, притом же у меня достаточно лошадей.

Насмешливая улыбка мелькнула на лице графа, который тотчас же понял, что этот двусмысленный подарок был сделан только для того, чтобы уменьшить его обаяние в глазах толпы, с любопытством теснившейся вокруг.

Он многозначительно взглянул на испанца, давая ему понять, что не желает дальнейшего вмешательства с его стороны; и обратился к драгунскому офицеру.

— Очень благодарен полковнику, — сказал он с выражением насмешливого высокомерия, — за прекрасный подарок, а также и вам, сеньор, за его доставку. Я сейчас же воспользуюсь этим даром в соответствии с его назначением.

С этими словами граф спокойно подошел к мустангу.

— Осторожнее, сеньор, — слышались голоса из толпы.

— С этим дьяволом пришлось бы повозиться самому лучшему укротителю лошадей, — воскликнул кто-то.

Граф поблагодарил собравшихся за это участие к его особе дружеским кивком головы, но продолжал спокойно идти, и остановился в трех шагах от лошади, которая при его приближении громко заржала и поднялась на дыбы, увлекая за собою испуганных солдат.

— Крепка ли эта узда, сеньор? — хладнокровно спросил граф у следовавшего за ним офицера.

— Она сплетена из буйволово́й кожи и вполне надежна, — отвечал офицер, на которого хладнокровие графа начинало производить впечатление. — Но у вас нет шпор, сеньор граф! Позвольте мне...

Он взглянул на свои тяжелые серебряные шпоры.

— Я надеюсь и так справиться. Дайте-ка узду, ребята!

Солдаты тотчас же исполнили его приказание и отскочили в стороны, между тем как граф, схватив узду, стал по левую сторону лошади, которая взвилась на дыбы.

Внезапно затаившая дыхание толпа увидела, что граф протянул руку и схватил левую ногу лошади.

Испуганные женщины вскрикнули в один голос:

— Помогите кабальеро! Он погиб, лошадь опрокинет его!

Но, странное дело, конь стоял как стена все в том же положении; он попробовал опустить ноги на землю, но мощь человека превозмогла силу животного.

Огненные глаза лошади, казалось, хотели выскочить из орбит, он бил свободной ногой по воздуху, но не мог достать своего укротителя. Тогда граф схватил узду ближе к морде и, выпустив ногу лошади так сильно дернул поводья, что лошадь тяжело опустилась на передние ноги.

В то же мгновение смелый укротитель схватил правой рукой ноздри лошади и с такою силой нагнул ее голову, что лошадь опустилась на колени. Теперь, по-видимому, она признала себя побежденной, так как осталась на коленях и хриплый стон вырвался из ее груди.

Граф увидел, что победа осталась за ним, выпустил морду лошади и в один прыжок очутился на высоком мексиканском седле.

Громогласное «браво!» толпы потрясло воздух, между тем как конь, поднявшись на ноги, дико озирался по сторонам. Еще раз попытался он вернуть утраченную свободу и взвился на дыбы; но граф так сильно сдавил ему бока, что конь, задыхаясь, стал на ноги и потерял всякую охоту к дальнейшим шуткам. Он признал господство человека, и сделав по воле графа два круга, как вкопанный остановился перед смущенным мексиканским офицером.

— Великолепный подарок сделал мне господин полковник, — сказал граф с полнейшим спокойствием. — Господа, пора в путь. Господин офицер, я попрошу вас сопровождать меня в собрание.

Казалось, народ только и дожидался этого доказательства хладнокровия графа, чтобы дать волю своему восторгу. Виваты гремели без конца; женщины подымали кверху детей и показывали им храброго иностранца; девушки вынимали цветы из своих волос и бросали их графу, мужчины клялись своими патронами, что он первый наездник в мире. Со стороны народа, в котором даже последний бедняк привык путешествовать верхом, такой восторг не казался странным.

Граф отдал Евстафию приказания относительно высадки экспедиции и отправился со своими спутниками в дом собрания.

Когда он вошел в обширную залу, в ней оказались не только крупные землевладельцы, но и много именитых торговцев; они радостно приветствовали графа и сенатора.

— Нужно принять меры как можно скорее, — сказал старшина торговцев после обмена приветствиями. — Мы все понимаем, какие убытки пришлось нам потерпеть от прежних нападений индейцев; мы знаем также, что со стороны правительства нечего ожидать ни защиты, ни компенсации за убытки, если индейцы перейдут сиерру¹.

¹ Сиерра — отроги горной цепи.

Сеньоры гасиэндеро согласятся с нами, так как опасность и потери угрожают прежде всего им.

— Стены гасиенды дель-Серро достаточно крепки, — гордо возразил сенатор, — ей уже не в первый раз выдерживать осаду апачей.

— Но на этот раз соединились все племена, — настойчиво сказал кто-то, — так что опасность гораздо больше, чем прежде. Поэтому я предлагаю решить сообща спорные пункты касательно экспедиции и...

В эту минуту граф, который тем временем распечатал и прочел письмо губернатора, остановил говорившего движением руки.

— Прежде чем вы примете какое-нибудь решение, сеньоры, — сказал он, — не угодно ли вам ознакомиться с содержанием письма полковника Хуареца, так как оно касается вас столько же, сколько и меня.

Он прочел вслух письмо, которое в самых вежливых выражениях обращалось к собранию с просьбой оказать содействие графу де Сент-Альбану, чтобы он мог как можно скорее отправиться на восток, укрепить пограничные форты и отразить индейцев, между тем как правительственные войска займут северную границу до Рио-Хилы.

Пока собравшиеся в зале молча обдумывали это предложение губернатора, граф велел одному из слуг сенатора сходить на площадь и пригласить в собрание офицеров экспедиции; затем он вынул из кармана карту Соноры.

— Я прежде всего обязан, — сказал он, обращаясь к присутствующим, — охранять ваше имущество, и потому прошу вас указать мне пункт, который подвергается наибольшей опасности, все равно, находится ли он в той местности, которую указывает мне полковник Хуарец, или нет.

— Самый опасный пункт, разумеется, гасиенда дель-Серро, — сказал представитель торговцев.

Несколько голосов поддержали его.

— Стало быть, ваше имение, дон Альфонсо? — спросил граф испанца.

— Да, граф. Я не хотел сам говорить об этом, но нет сомнения, что индейцы нападут на мою гасиенду, так как она защищает проход из области сиерры в равнину. Уже дважды выдерживала она нападение индейцев, и,

клянусь моим патроном, выдержит и третий раз, если еще есть время; так как я через полчаса отправлюсь туда и приму свои меры.

Граф наклонился над картой и отыскал пункт, о котором шла речь.

— Черт подери! Гасиенда располагается как раз в середине указанной нам местности; невозможно найти места более удобного для главной квартиры, если только вы согласитесь принять нас, дон Альфонсо.

Между тем офицеры, за которыми было послано, один за другим входили в зал собрания.

— Мой дом к вашим услугам, — сказал испанец, видимо обрадованный решением графа. Это было неудивительно, так как с потерей гасиенды, он лишился бы половины своего состояния.

— Во сколько времени вы можете доставить нам лошадей, сеньоры? — спросил граф, обращаясь к присутствовавшим землевладельцам.

— Не ранее 48 часов, — последовал ответ. — Лошадей нужно привести из коралей, а ближайшие из них находятся в 12 милях от города.

— Тогда следует отправить вперед столько всадников, сколько у нас найдется. Господин Бельский!

— Здесь, господин полковник!

— Прикажите вашим людям седлать коней; через час они должны быть на площади. Сколько лошадей вы можете выделить нам, дон Альфонсо?

— Не более шести, остальные шесть необходимы для моей дочери и ее свиты.

— Как? Разве вы не оставите донью Мерседес здесь, в городе?

— Вы не знаете моей дочери, — сказал сенатор с улыбкой, — она ни за что не согласится остаться; притом я думаю, под нашей защитой она будет в полнейшей безопасности.

Граф кивнул головой в знак согласия.

— Господин Крестоносец!

Крестоносец подошел.

— Приготовьтесь сопровождать нас вместе с вашим товарищем, я знаю, что вы оба можете оказать нам большие услуги. Капитан Марильост, позаботьтесь о вооружении людей и через два дня отправляйтесь с остальными вслед за нами.

Вслед за тем были сделаны остальные распоряжения; сенатор так быстро собрался, что через час уже выезжал из Сан-Хосе в обществе своей дочери и сопровождаемый Крестоносцем и поляком Бельским.

Спустя несколько часов, граф также был готов, и вышел из дома к тому месту, где стоял его вороной конь. Половина населения Сан-Хосе, а также все оставшиеся участники экспедиции собрались перед домом сенатора, чтобы проститься с генералом; тут же находился и доктор экспедиции. Громовое виват встретило графа, который поклонился с гордой, но благосклонной улыбкой и сказал, обращаясь к толпе: «До счастливого свидания!»

Затем он хотел сесть на коня.

В эту минуту произошло нечто странное, событие, о котором мы расскажем позже, а теперь обратимся к остальным героям нашего повествования.

Глава V

В ПУСТЫНЕ

Вечером того же дня, в который граф Альбан высадился в Сан-Хосе, небольшая группа людей быстро, но осторожно продвигалась по высокой сухой траве через дикую пустыню, окаймленную горными цепями, недалеко от Рио-Казас.

Впереди шел молодой вождь команчей. За ним следовала Суванэ, несшая узелок с провизией и винтовку, принадлежавшую прежде гамбузино; за ней шел янки, а Железная Рука замыкал шествие.

Когда солнце уже склонялось к западу, и путешественники по тропинке, протоптанной дикими зверями, достигли предгорий, янки остановился в полном изнеможении.

— Я не могу больше, — простонал он, вытирая платком вспотевшее лицо, — остановимся здесь на ночлег, краснокожий.

— Разве Косая Крыса решил подарить свой скальп апачам? — спросил насмешливо команч, останавливаясь.

— Мы не встречали никаких апачей с самого озера Гусмауль, — проворчал мистер Смит, скидывая, однако, снова винтовку на плечо при воспоминании о скальпировании.

Индеец снова пошел вперед, ответив на вопрос траппера о близости врагов, что между ними и апачами расстояние около двух часов хода. Через четверть часа им начали попадаться деревья и обломки скал; а вскоре затем им удалось найти место, вполне пригодное для ночлега.

У подножия крутой и неприступной скалы находился отлогий склон, на котором рос огромный пробковый дуб, густо обросший белым испанским мхом, свешивавшимся до самой земли. Из узкой трещины у подошвы скалы вытекал светлый ручеек, убегавший в прерию.

Индеец первый пролез под ветвями дуба; его спутники последовали за ним и увидели возле скалы несколько белых костей.

— Бедренная кость оленя, — бросил равнодушно траппер, — дикие звери разорвали его здесь.

Команч покачал головой:

— Где дикие звери терзают свою добычу, там остаются их следы; а я не вижу их здесь.

— Верно, — кивнул траппер, пристально вглядываясь в почву. — Других следов не видно. Ладно, нет следов — нет врагов. Заночуем здесь.

Суванэ начала собирать сучья для костра, а немного отдышавшийся Смит достал небольшую подзорную трубку и полез на дерево. Команч молча последовал за ним. Милях в трех справа от небольшого водоема, расположенного неподалеку от скальной гряды, они увидели лагерь индейцев.

— Там их множество, — крикнул испуганный янки и, спрятав трубку в карман, начал поспешно спускаться.

Оказавшись на земле, Большой Орел сказал уверенно:

— Апачи. Собираются завтра охотиться на бизонов.

Пока не стемнело окончательно, траппер и команч решили осмотреть подходы к их убежищу со стороны индейского лагеря. Примерно в миле от дуба они наткнулись на удобно расположенную скрытую в скалах расщелину. Посоветовавшись, решили, что на рассвете Железная Рука засядет в ней, а Большой Орел укроется неподалеку от него, чуть левее, в траве, и таким образом им, возможно, во время охоты удастся разжиться мясом какого-либо невзначай забежавшего сюда раненого бизона и пополнить свои скудные запасы провизии.

Затем оба возвратились к дубу, где уже горел небольшой костер. После скромного ужина — маисовых лепешек и вяленого мяса из узелка Суванэ и свежей воды из

ручья — вконец измученный янки тотчас уснул; девушка вскоре последовала его примеру, траппер же и вождь уселись неподалеку от дерева на берегу ручья.

— Неплохо бы выяснить, что за племя собралось здесь поохотиться, — сказал после некоторого раздумья Железная Рука. — Пойдем на разведку, вождь.

— Мой белый отец должен остаться. К апачам пойдет апач, — хитро улыбнулся молодой индеец и принялся смывать с лица боевую раскраску.

Траппер сразу сообразил, что задумал Большой Орел. Команч снял с пояса мешочек с красками, и спустя несколько минут уже ничем не отличался от обыкновенного апачского воина.

— Будь осторожен, Орел, — напутствовал друга Железная Рука.

Индеец кивнул и бесшумно растворился в быстро густеющем ночном мраке.

Траппер возвратился под дерево, расстелил возле угасающего костра бизонью шкуру, улегся на нее и спустя несколько мгновений заснул чутким сном обитателя пустыни.

Спустя час после полуночи его разбудило прикосновение руки команча.

— Ну, что удалось выяснить, сын мой? — шепотом спросил траппер.

— Вождь тойахов прав: завтра с рассветом начинается большая бизонья охота.

Железная Рука нахмурился.

— Если апачи ненароком обнаружат наше убежище, нам ведь не выбраться из этой мышеловки. Может быть, ты заметил, вождь, к какому племени апачей принадлежат непрошенные гости?

— Между ними находится тот, которого мой белый отец поклялся убить — Черный Змей мескалеров.

— Проклятие мошеннику, который завлек твоего отца в ловушку, где его прикончил Серый Медведь! Ну, а больше ничего не приключилось с тобой, сын мой?

Вместо ответа команч приподнял край своей рубашки, и траппер увидел на его поясе окровавленный скальп.

— Чертовски скверно, — проворчал траппер. — Как это произошло, вождь?

— Один из их разведчиков встретился со мною, когда я возвращался назад, и я показался ему подозрительным.

— Ну, — сказал Железная Рука, — делать нечего! Что ты сделал с трупом?

— Спрятал в рытвине и забросал травой насколько позволяло время.

— Дай Бог, чтобы они его не нашли. Теперь, сын мой, ложись спать; утром нам еще понадобятся наши силы.

Молодой индеец повинился и, растянувшись на земле, заснул. На рассвете Железная Рука разбудил его.

— Пора вставать, команч, — сказал он, — через четверть часа мы услышим крики и выстрелы апачей.

Затем траппер сообщил Суванэ, которая тоже проснулась, о задуманном им и индейцем предприятии и приказал сидеть вместе с янки в убежище и ни в каком случае не выходить из него. После этого он вышел с индейцем в прерию.

Пропускаем последовавшие два часа, в течение которых охота на бизонов была во всем разгаре. Индейцы рассыпались по прерии группами и поодиночке, но еще ни один из них не приближался к убежищу наших путников.

Железная Рука все это время сидел в расщелине, надеясь, что какой-нибудь счастливый случай пошлет ему раненого бизона. Наконец, утомленный бесплодным ожиданием, он собрался выйти из своего убежища, как вдруг пронзительный крик, раздавшийся поблизости, заставил его остаться на месте. Траппер насторожился, но крик так и не повторился более; зато с противоположной стороны послышался топот и шорох сухой травы и появился громадный раненый бизон, который грохнулся на землю почти у ног охотника. Осторожный траппер подождал в своем убежище еще немного, чтобы посмотреть, не гонятся ли за бизоном, но все было тихо; казалось, охота переместилась в другое место равнины.

Железная Рука выполз из расщелины, положил ружье возле себя и принялся вырезать лучшие куски из бизоньей туши. Совершенно погрузившись в это занятие, он внезапно вынужден был прекратить его, так как услышал вблизи чей-то голос, он оглянулся и увидел на расстоянии десятка шагов всадника. За плечами у апача висел карабин, левая рука беспечно опиралась на копье, а в правой, как это хорошо заметил траппер, он держал лассо.

— Мой белый отец, — сказал индеец на ломаном испанском языке, — достаточно стар для того, чтобы знать охотничьи правила. Моя рука убила этого бизона.

Канадец был застигнут врасплох, даже его мужественное сердце невольно сжалось, когда он подумал, что участь его и его друзей зависит сейчас от его хладнокровия в эту опасную решающую минуту.

— Моим друзьям, краснокожим воинам прерии, — сказал он с притворной беспечностью, — сегодня посчастливилось на охоте; они, наверно, уступят это мясо своему голодающему белому брату.

— Мой отец, должно быть, очень, очень голоден, — сказал индеец, насмешливо указывая на значительное количество мяса, положенного на кожу бизона.

— Ты прав, апач, — отвечал канадец. — Притом мне еще нужно проделать длинный путь до поселений, и я должен запастись провизией.

Говоря это, он как бы невзначай протянул руку, чтобы взять винтовку, лежавшую по другую сторону бизона, но мрачный взгляд индейца заставил его отказаться от этого намерения.

— Пусть отец мой поглядит назад, — сказал индеец, сохраняя наружное спокойствие, — он увидит еще четыре глаза, которые недоверчиво смотрят на его грозное ружье.

Траппер поспешно повернул голову и, в самом деле, увидел двух апачей, державших свои копья наготове. Сердце охотника забилося сильнее, он почувствовал, что ему следует немедленно на что-нибудь решиться.

— Если мой отец друг апачей, — продолжал индеец, лицо которого приняло мрачное выражение, — то как это случилось, что труп апача со скальпированной головой лежит в прерии?

Этот вопрос не оставил у траппера никакого сомнения относительно того, что ему делать; им объяснялся также и крик, услышанный охотником недавно и, очевидно, вырвавшийся из груди апача, когда тот обнаружил труп соплеменника. Траппер схватил ружье, но прежде чем он успел направить его на врага, черная полоса мелькнула перед его глазами, и петля лассо захлестнула его шею.

Он бросил ружье и схватился обеими руками за лассо, но индеец уже успел повернуть лошадь и, несмотря на всю силу траппера, лассо опрокинуло его на землю.

С криком: «Бледнолицая собака! Пусть твои члены послужат пищей койотам!», апач пришпорил лошадь, и Железная Рука, почти задохнувшийся в сдавившей горло

петле лассо, счел себя безвозвратно погибшим, как вдруг раздался выстрел, всадник, державший лассо, с раздробленным черепом рухнул на землю, и в следующее мгновение полузадушенный траппер почувствовал, что кто-то приподнимает его и освобождает его шею от петли.

— Пусть отец мой сядет на лошадь, которую его сын привел ему, — слышался дружественный голос около самых ушей траппера, — эти койоты сейчас будут здесь.

Железная Рука глубоко вздохнул и в недоумении осмотрелся кругом. Рядом с ним стоял команч, держа под уздцы двух лошадей, прежние владельцы которых валялись на траве с раздробленными черепами.

Времени для объяснений не было. Охотник собрался с силами, схватил свою винтовку и завернутое в бизонью кожу мясо и вскочил в седло. Индеец в то же мгновение вскочил на другого коня, и оба помчались к своему убежищу возле дуба.

Да и пора было им бежать, потому что со всех сторон слышались вопли апачей, спешивших к месту происшествия.

Пока Железная Рука и его молодой спутник мчатся к убежищу, мы расскажем читателю, как команчу удалось выручить траппера.

Молодой вождь, который, подобно своему товарищу и на небольшом расстоянии от него, дожидался, спрятавшись в траве, не пошлет ли ему судьба раненого бизона, был замечен одним из апачей. Прежде чем краснокожий успел опомниться, команч убил его ударом томагавка и овладел его оружием и лошадью. Благодаря своей окраске, он был так похож на апача, что индеец, проезжавший мимо и привлеченный криком, который слышал также и Железная Рука, принял его за воина своего племени и позвал с собою к тому месту, откуда раздался подозрительный крик. Команч не мог отказаться от этого приглашения, но надеялся без труда найти случай ускользнуть, и сохранил все свое хладнокровие, когда они приблизились к индейцу, захватившему врасплох траппера. Большой Орел догадался, чем кончится разговор между апачем и Железной Рукой. Поэтому, когда апач кинул свое лассо, ружье команча уже было наготове, и пуля раздробила голову метавшего лассо. Затем с быстротою молнии схватил он дуло еще дымившегося ружья и, прежде чем его спутник успел сообразить в чем дело, с

такой силою ударил его прикладом по голове, что тот замертво свалился с лошади. Команч схватил ее за узду и секунду спустя оказался подле своего старого друга.

Глава VI

СЕРЫЙ МЕДВЕДЬ И ЕГО ТЕЗКА

Беглецы находились в полумиле от пробкового дуба, но их настигали около полудюжины апачей, за которыми скакала еще целая толпа.

Железная Рука и молодой вождь увидели, что минуты через две их догонят, и обменявшись взглядом, без слов поняли друг друга. В ту же минуту они разом остановили своих усталых коней, соскочили на землю и скрылись в высокой траве. Преследователи испустили бешеный рев, видя, что их перехитрили, однако, продолжали нестись вперед, как вдруг с вершины дерева раздался выстрел и опрокинул лошадь переднего всадника. Второй выстрел свалил с лошади другого. Преследователи остановились — торжествующий крик индейца и громовое «ура» траппера достигли их слуха, они увидели, как их враги, пробежав по холму, скрылись под завесой мха, и должны были сами отступить от склона, чтобы избежать пуль беглецов. Пока эти последние переводили дух, красивая фигура Суванэ, державшая в руке карабин своего брата, спустилась с дуба и остановилась перед ними.

— Эти два выстрела были сделаны вовремя, — сказал, наконец, траппер. — Так как у мистера Смита только одно ружье, то второй выстрел, должно быть, сделан тобою?

— Суванэ видела, что ее брат в опасности, — отвечала девушка застенчивым, но сердечным тоном.

— Это хорошо, — спокойно сказал команч. — Возьми это мясо и разведи огонь.

Говоря это, он снова зарядил ружье и подошел к трапперу, который уже сидел на корточках перед завесой мха, просунув сквозь него дуло своей смертоносной винтовки.

Один из апачей, которого Железная Рука заметил со своего возвышенного пункта, пешком пробирался сквозь траву и неосторожно приподнял голову; этого оказалось достаточно для траппера. Раздался выстрел, незадачливый индеец высоко подпрыгнул и упал ничком на землю.

Снова раздался дикий рев; но удачный выстрел возымел свое действие, и апачи поспешили благоразумно удалиться из радиуса поражения смертоносной винтовки. Зато к ним прибывали все новые и новые толпы соплеменников.

Янки тоже спустился с дерева и в изощренных ругательствах выражал свой страх по поводу сложившихся обстоятельств.

— Что ты думаешь, Орел, о нашем положении? — спросил Железная Рука у команча, не обращая ни малейшего внимания на американца. — Я, со своей стороны, считаю его весьма неприятным, хотя еще вовсе не собираюсь запевать свою предсмертную песнь.

— Нас погубит трава, а не апачи, — отвечал индеец.

— Ты прав, вождь. Как бы мы не остерегались, но рано или поздно некоторым из этих негодяев удастся подползти так близко, что их стрелы начнут попадать в нас.

— Нам еще остается огонь. Пусть отец мой сидит на своем месте, пока я все не устрою.

Траппер кивнул; индеец вернулся к костру и взял из него несколько головешек. Затем он вынул из колчана три стрелы, обернул мхом, привязал к каждой по тлеющей головешке и, вернувшись к трапперу, пустил эти стрелы по трем различным направлениям. Раздуваемое во время полета пламя вспыхнуло, и лишь только стрелы исчезли в высокой траве, — из мест их падения поднялись облака дыма, и вслед за тем показалось пламя.

Новый бешеный рев апачей явился ответом на хитрость осажденных, и скоро перед скатом не оставалось ни одного врага; они спасались от пламени, которое теперь в виде огненной стены окружало холм и распространялось дальше в степь.

При виде бегущих врагов Железная Рука разразился веселым смехом.

— Мошенники должны поторопиться, если не хотят изжариться лучше, чем наше бизонье мясо, или же они догадаются бежать к пруду, который мы видели по дороге сюда. Во всяком случае, их лагерь погибнет от огня.

— Черный Змей мескалеров собака, — возразил команч, который, стоя рядом с траппером, с таким же интересом следил за распространением огня, — но он вождь. Отец мой не должен забывать, что огонь можно одолеть огнем. Пусть он взглянет туда.

Говоря это, он указал на несколько всадников, которые с быстротою ветра мчались к лагерю, чтобы вблизи его на удобных местах поджечь траву, это доказало облако дыма, поднявшееся с той стороны. Между тем остальные апачи по зову своих вождей собрались к пруду.

Так как почва могла охладиться настолько, чтобы по ней можно было пройти не ранее, чем через пару часов, то осажденным оставалось достаточно времени, чтобы утолить голод и обсудить свое положение. Теперь местность вокруг убежища сделалась открытой, так что никто из врагов не мог подкрасться незамеченным, но что делать, когда наступит ночь? Бегство было также невозможно, потому что враги, без сомнения, подстерегали вблизи, чтобы напасть на беззащитную компанию; в то же время янки, который снова взобрался на дерево с подзорной трубкой, объявил, что с той стороны, откуда они пришли вчера, приближается новая толпа индейцев.

Тем временем вождь смыл с лица краски апачей и заменил их военными цветами своего племени, тогда как траппер разговаривал с человеком, жадность и корыстолюбие которого поставили их в это столь опасное положение, утешая его тем, что двух смертей не бывает, и что апачи возьмут на себя их месть французскому графу. Как вдруг среди разговора американец испустил вопль ужаса и шлепнулся с дерева на землю так, что угля костра полетели во все стороны.

— Что с вами, мистер Смит? — воскликнул изумленный траппер. — Уж не увидел ли вы апача на дереве?

— Ради Бога, там, там! — стонал испуганный янки, указывая рукой на дерево, сквозь ветви которого слышалось теперь какое-то глухое ворчанье, становившееся все громче и громче.

Железная Рука, по-видимому, еще не мог сообразить, в чем дело, тогда как индеец уже влезал на дерево, откуда он через несколько минут спустился к трапперу и сказал ему серьезно, но с полнейшим спокойствием:

— Отец мой не нашел Серого Медведя гиленов¹ в числе своих врагов, зато теперь он может увидеть поблизости серого медведя Скалистых гор.

Траппер поспешно схватил винтовку и прошептал:

¹ Самые дикие и воинственные из 9 племен союза апачей — гилены, мескалеры, липозены и мимбрены.

— Орел, где гризли?

Команч бесшумно подвел канадца к дереву и показал сквозь ветви на скалу, с которой снова слышалось свирепое ворчанье.

На поверхности скалы, примерно в 12 футах от земли находилась трещина шириною около трех с половиной футов, которую раньше никто не заметил, так как она была закрыта мхом. Из нее глядели на траппера два зеленоватые блестящие глаза, глубоко сидевшие между серо-бурыми волосами над страшной пастью, которая иногда разеваясь, показывала два ряда острых белых клыков, способных перегрызть железную полосу.

— Черт возьми! — прошептал охотник. — В самом деле гризли! Почему ты мешаешь мне выстрелить в это животное, Орел? Если оно спустится, по крайней мере, двое из нас погибнут.

Но молодой вождь снова удержал его и поманил американца.

Мистер Смит подошел, дрожа от страха, так как появление опаснейшего зверя гор и прерий, убить которого считается величайшим подвигом у индейцев, лишило его последних остатков мужества.

— Что ты думаешь о нашем теперешнем положении, Орел? — спросил Железная Рука. — Мы должны поскорее решиться на что-нибудь и пустить в голову зверя разом три пули.

— Если апачи услышат наши выстрелы, они слетятся сюда, как жадные вороны, — возразил индеец, бросая гордый взгляд на свое ожерелье из медвежьих зубов, которое он добыл с помощью томагавка после того, как семь пуль не смогли уложить животное.

— Правда, — но что же делать?

— Отец мой видит кости оленя, — продолжал индеец улыбаясь, — но никаких следов гризли. Пусть он измерит глазами расстояние от земли до трещины и, вспомнив, что серый медведь не может лазить по гладкой скале или по дереву, пусть скажет мне, каким образом зверь забрался в эту берлогу?

Железная Рука тотчас понял, что хочет сказать индеец.

— Это верно, Орел, — воскликнул он, — ты умнейший из нас! Трещина должна иметь другой выход сквозь скалу, который мог бы спасти нас, если бы зверь не

загораживал дорогу. Стало быть, я все-таки прав: мы не можем уйти без схватки с ним.

— Почему же не свести этого врага с другими нашими врагами? — возразил команч. — Мой отец, Косая Крыса и Суванэ взберутся на дерево, я же останусь здесь и раню медведя стрелой, так что он бросится вниз, чтобы дать мне почувствовать силу своих когтей и зубов. Тем временем друзья Большого Орла переберутся в трещину по ветвям и поспешат к выходу.

— Все это прекрасно, но что будет с тобой, Орел?

— Серый медведь, — сказал индеец, — неповоротлив, хотя и быстр на бегу. Пока он оправится от падения и соберется напасть на меня, я успею взобраться на дерево, так что апачи найдут под деревом только своего четвероногого друга.

— Он отлично примет краснокожих, — сказал траппер улыбаясь. — Твой план великолепен, Орел, приступим к его исполнению.

После этого Суванэ и янки взобрались на дерево, первая захватила узелок с припасами, второй ружье команча, которое теперь могло бы только помешать вождю.

Между тем Железная Рука привязал к нижней ветке дерева кожаный ремень, которым раньше был обвязан узелок Суванэ, чтобы команчу легче было влезть на дерево, подошел к своему молодому другу и протянул ему руку.

— Кажется, пора, мой сын. Я знаю, мы можем положиться на тебя, но прошу, не играй бесполезно с опасностью. Если будешь нуждаться в помощи, позови меня, я тотчас явлюсь.

— Хорошо; отец мой может быть спокоен.

Железная Рука влез на дерево и в последний раз осмотрел окрестность. Хотя ему и показалось, что он видит несколько подозрительных теней позади обломков скал, но теперь было все равно, рискнут ли апачи пробираться дальше или нет.

Между тем Большой Орел перекинул свое шерстяное одеяло на левую руку, поправил за поясом томагавк и нож, взял лук и подошел к скале, с которой медведь все еще ворча смотрел вниз.

Команч наложил стрелу, тщательно прицелился и спустил тетиву. Стрела глубоко вонзилась в самое чувствительное место животного — в его черный нос.

Зверь испустил душераздирающий рев от ярости и боли, бросился вперед, хотел было стать на ветку, которая почти касалась трещины, но ветка переломилась под его тяжестью, и он тяжело рухнул на землю.

Тотчас вслед за тем траппер и его спутники по ветвям перебрались в трещину. Суванэ, следовавшая за траппером, еще раз бросила взгляд на брата, и так как увидела его уже под самым деревом с ремнем в руках, то поспешила за охотником. Янки замыкал шествие.

Железная Рука, которому пришлось пробираться ползком, пока высота туннеля не позволила встать во весь рост, спросил немного погодя у американца, идет ли за ним вождь, но успокоился, получив в ответ, что все обстоит благополучно; на самом деле янки с трепетом спешил вперед, так как ему казалось, что позади раздается пронзительный крик. После этого канадец снова устремился вперед, пока наконец по прошествии четверти часа показался вдалеке слабый свет. Еще сто шагов, и Железная Рука вышел из подземного хода на маленькую площадку, у подножия которой расстилалась дикая равнина, усеянная камнями и редкими кустами и деревьями.

Они были спасены! Подняв благодарственный взор к небу, которое так чудесно спасло их, траппер обернулся к товарищам, чтобы поздравить их.

Суванэ скользнула из отверстия; за ней следовал янки, которого чуть не задушил удушливый воздух подземелья; за ними не было никого, — Большой Орел команчей исчез.

Суванэ вскрикнула от ужаса, траппер стремглав бросился к отверстию, опрокинув по дороге янки, выкрикнул изо всей мочи имя своего друга, но только эхо отвечало на его зов. Свалившись на землю, медведь переломил стрелу, но острие ее еще глубже воткнулось в его морду, и некоторое время он катался по земле, рыча от боли и ярости.

В это время индеец легко мог бы убежать; он уже схватился за ремень, чтобы взобраться на дерево, но внезапно остановился, как вкопанный, и пристально посмотрел на своего врага.

Очевидно, охотничья страсть овладела им, и когда он подумал, какую славу доставит ему вторичная победа над гризли, и притом один на один, то забыл обо всем остальном.

Медведь приподнялся и увидел своего врага. Он встал на задние лапы и направился к индейцу, испускающая страшный рев, между тем как пена и кровь струились с его оскаленной морды. Это был один из самых крупных медведей и имел действительно устрашающий вид.

Теперь было поздно бежать, да вождь и не помышлял о бегстве. Он смотрел на грозного зверя хладнокровно и решительно, взял в правую руку нож, в левую одеяло и, бросившись на медведя, накинул ему на голову одеяло и всадил нож в его тело по самую рукоятку.

Два раза с быстротою молнии повторился удар, пока медведь освобождался от одеяла, затем чудовище бросилось на охотника и повалило его на землю. В течение нескольких минут оба противника катались по земле в бешеной борьбе. Удар за ударом сыпались на зверя, но и он схватил индейца зубами и когтями и наконец сжал его, как в тисках, мощными лапами.

Медвежье объятие решило исход схватки. Окровавленная рука индейца беспомощно упала, нож выскользнул из разжавшихся пальцев, голова опрокинулась назад, и помертвевшие глаза увидели перед собой окровавленную пасть зверя с двумя рядами острых клыков.

В то же мгновение блеснул топор, сильные удары посыпались на голову зверя, и чудовище тяжело рухнуло на землю.

Когда лапы животного разжались, индеец опустился на землю, и словно во сне увидел перед собой странную сцену.

Над убитым зверем стоял индеец могучего телосложения и уже зрелых лет, в волосах которого развевались два орлиных пера; его грудь была украшена таким же ожерельем из когтей и зубов серого медведя, как у предводителя команчей. Мрачное, суровое лицо его было раскрашено военными красками гиленов, в правой руке он держал тяжелый томагавк, по которому струилась кровь убитого зверя.

За этим индейцем, который очевидно был воином высшего ранга, стоял полукругом ряд темных, угрожающих фигур, опиравшихся на копья или ружья.

Суровый индеец поднял руку и с торжеством указал на убитого зверя:

— Серый Медведь апачей великий воин, — сказал он, — ожерелье молодого вождя тойахов — ложь. Большой Орел команчей у ног своего врага.

Торжествующий крик апачей, когда они услышали имя страшного врага, попавшегося в их руки, отозвался в скалах. Этот крик достиг ушей янки и заставил его солгать, будто команч идет за ними.

Возвратимся к Железной Руке и его спутникам. Несмотря на все просьбы и ругательства янки, желавшего во что бы то ни стало продолжать путь, траппер вернулся в трещину, чтобы отыскать своего друга.

Через два часа он вернулся и с гневом набросился на янки, укоряя его во лжи, так как команч, очевидно, вовсе не входил в трещину, как показывал ремень, оставшийся на дереве и указывавший на способ их бегства, — ремень, который осторожный вождь ни за что бы не оставил на дереве.

Затем почтенный охотник попытался утешить плачущую сестру Орла, уверяя, что ее брат, должно быть, жив. Он нашел около дуба несомненные доказательства того, что Орел вступил в борьбу с медведем, был им ранен и захвачен апачами, которые взяли его в плен и увели в свой лагерь.

В настоящую минуту его жизнь была в безопасности, так как Суванэ хорошо знала, что краснокожие никогда не убивают своего пленника, пока он не вылечится, чтобы предать его пытке вполне здоровым.

Железная Рука предложил отправиться к лагерю апачей, который следовало обогнуть, чтобы подойти к нему с противоположной стороны; Суванэ должна была прийти в лагерь и просить гостеприимства, выдавая себя за девушку союзного племени, также объявившего войну бледнолицым, заблудившуюся в прерии. Таким образом, можно будет иметь сообщение с Орлом, без чего спасение невозможно.

Суванэ тотчас одобрила этот план и стала торопить с его исполнением, но трусливый янки горячо восстал против него, требуя исполнения договора и говоря, что команч должен сам выпутываться из беды, в которую попал по своей вине.

Но когда траппер, с трудом скрывавший свое презрение, объявил, что без Большого Орла им невозможно добраться до залежи, так как для предприятия требуется вся хитрость индейца и ловкость юности, янки дал свое

согласие, хотя и сопровождая его самыми отборными ругательствами, и вслед за тем все трое спустились в долину под предводительством траппера, несшего оба ружья, свое и индейца.

Глава VII

ДОНЬЯ МЕРСЕДЕС В ПЛЕНУ

То, что мы собираемся рассказывать, происходило на пятый день после вышеописанных событий и отъезда дона Альфонсо с всадниками экспедиции из Сан-Хосе в двадцати с лишним милях от того места, где был взят в плен молодой вождь.

Соединение индейских племен совершилось, но после продолжительного совещания они снова разделились, чтобы опустошать всю границу Соноры. Но при этом не была упущена из виду главная цель — нападение на богатые города запада, для чего должны были проложить путь соединенные племена апачей, которым было поручено захватить и разрушить гасиенду дель-Серро, известную у индейцев под названием Каменный Дом.

Так как граф де Сент-Альбан ни на первый, ни на второй день не присоединился к дону Альфонсо, то последний, заботясь о своем имении, поспешно отправился в гасиенду дель-Серро вместе с Бельским, Крестonosцем и отрядом всадников, между тем как донья Мерседес с несколькими вооруженными слугами должна была дожидаться прибытия графа.

Это решение было принято на третий день после их отъезда из Сан-Хосе, и сенатор Альфонсо уже в течение суток находился в хорошо укрепленной гасиенде и с большим нетерпением ожидал прибытия дочери и подкреплений, так как некоторые вакеро¹ уже заметили следы индейцев в горах.

Крестonosец, которого трогали опасения отца и беспокоило продолжительное отсутствие генерала, предложил наконец отправиться ночью на поиски, и действительно выехал в одиннадцатом часу ночи в сопровождении молодого вакеро Диаса, любимца сенатора,

¹ Вакеро — пастух.

так как последний ни за что не хотел отпустить охотника одного.

После непродолжительного размышления Крестоносец согласился взять проводника, поскольку у него могла возникнуть необходимость послать срочное известие в гасиенду; теперь оба они находились на дороге из гасиенды в Сан-Хосе.

Часом раньше отряд апачей также вышел из своего лагеря, из котловин Сьерра Верде, под предводительством Серого Медведя гиленов, Скачущего Волка липанезов и Летящей Стрелы мимбренов, тогда как Черный Змей мескалеров остался стеречь пленника — Большого Орла. Суванэ уже находилась в лагере апачей. Ее рассказ, будто она отстала от своих и заблудилась, был принят доверчиво; ее не только приняли, но и позволили разговаривать с пленником, относительно которого девушка держала себя как чужая, чтобы она по возвращении к команчам могла сообщить им, что последний вождь тойахов, несмотря на заключение общего союза, решился поднять топор войны и убил нескольких апачей, и за это, по решению Серого Медведя, ему назначена мучительная казнь после того, как гасиенда дель-Серро будет взята.

Молодой вождь, который в жестокой схватке с гризли пострадал не столько от когтей или зубов зверя, сколько от его мощной хватки, довольно быстро поправлялся. Хотя он был подвергнут строгому надзору, но ему позволили ходить не связанным.

Суванэ уведомила его, что Железная Рука находится поблизости.

Причиной ночного похода Серого Медведя было известие, которое хитрому Черному Змею удалось выманить у Суванэ, а именно, что знаменитый бледнолицый воин с большим отрядом идет на помощь Каменному Дому.

Хотя это известие показалось невероятным вождям апачей, но оно было подтверждено Большим Орлом, который в своей ненависти к французскому графу не имел причин скрывать его поход, хотя умолчал о цели, которая привела в пустыню предполагаемых убийц гамбузино.

Так как на следующий день было назначено нападение на гасиенду, то известие оказалось очень важным для апачей, и целью их ночного похода было узнать,

вступил ли уже французский воин в гасиенду или находится так близко от нее, что может помешать нападению индейцев.

Крестоносец и его молодой спутник Диас, оставив гасиенду, спустились по ущелью, находившемуся около корала для рогатого скота и лошадей, а потом повернули на юго-восток к броду через речку Ваквиль.

Луна взошла, и Крестоносец, который уже несколько раз нагибался к земле, внезапно остановился недалеко от одиноко стоявшего дуба.

— Подозрительные следы! Они все ведут к броду, а ни одна из лошадей или коров, стоящих в корале, не выходила из него уже двое суток, как мне сообщил старший вакеро.

Молодой вакеро стал на колени и начал рассматривать следы.

— Следы совершенно свежие, — сказал он, — тут проезжали не более получаса тому назад. Вероятно, — испуганно прибавил Диас, — здесь прошли индейцы.

— И я могу назвать тебе племя, даже вождей, — отвечал старый искатель следов. — Посмотри сюда, сын мой, — он указал на землю, — их тридцать человек, и они отправились на разведку так же, как и мы. Так как они пришли с той стороны, а мы знаем, что там расположились гилены и мескалеры, то это и должны быть они. Несомненным подтверждением моих слов может служить вот это место, тут стоял Серый Медведь гиленов на своем белом мустанге.

— Почему вы это знаете, сеньор? — спросил удивленный юноша.

— Три года слежу я за этим дьяволом, по милости которого я теперь одинок, и который так гордится своим именем, что вырезает свой тотем на всех своих вещах. Вот и здесь я вижу на земле отпечаток его копья, украшенного когтями серого медведя. Посмотри сюда, след виден ясно; теперь нам следует постараться разрушить какой-нибудь из его дьявольских планов, если только еще не поздно.

Они поспешно пустились в путь и через четверть часа услышали в отдалении выстрел. За ним последовал второй и непродолжительная беспорядочная перестрелка.

— Вперед, Диас, — крикнул Крестоносец, — и будь хладнокровен.

Они бросились вперед и уже подбегали к броду, когда ветер донес до них пронзительный вой.

Крестоносец остановился.

— Боже, помилуй их души, — сказал он, — мы опоздали! Эти черти одержали победу. Взгляни туда — это зарево пожара!

— Хижина перевозчика Хосе как раз на их пути, — прошептал взволнованный юноша, но тотчас замолчал, так как Крестоносец схватил его за руку и вместе с ним спрятался за большой камень.

— Ни звука, мальчик, или ты лишишься скальпа. Они кончили свою кровавую работу и идут мимо нас.

Говоря это, Крестоносец едва успел приложить к щеке приклад винтовки, так как дикая толпа уже неслась мимо них; впереди всех виднелась мощная фигура вождя гиленов, который держал левой рукой какую-то женщину, платье которой развевалось по ветру. Две других человеческих фигуры лежали поперек седел у следующих за вождем всадников; другие вели за узду несколько прекрасных коней.

Крестоносец прицелился в вождя гиленов и уже хотел спустить курок, но увидев женщину, опустил винтовку, — и зловещая толпа пронеслась мимо как буря.

Крестоносец поднялся и погрозил кулаком вслед своему смертельному врагу.

— Я еще встречу с тобой, — пробормотал он и прибавил, обращаясь к своему спутнику, — пойдём, мальчик, я думаю, нам придется увидеть кошмарное зрелище.

Наши читатели помнят, что на третий день после своего отъезда из Сан-Хосе дон Альфонсо оставил свою дочь Мерседес с горничной и несколькими слугами дожидаться прибытия графа. Однако нетерпеливая сеньорита, гордость которой была задета медлительностью французов, отдыхала всего сутки, а затем отправилась в дальнейший путь, так что на пятый день вечером достигла брода через реку Ваквиль.

Перевозчик явился на зов со своим челноком и, целуя платье сеньориты, объявил, что было бы неблагоприятно переправляться через реку до восхода солнца, так как апачи бродят в окрестностях гасиенды.

— Тем скорее следует мне оказаться дома, — отвечала Мерседес. — Когда мой отец переправился через реку?

— Вчера, за час до заката солнца.

— С тех пор никто не переправлялся?

— Никто, сеньорита.

— Возьми же свое весло и перевези нас. Я подожду в твоей хижине, пока взойдет луна, и тогда отправлюсь в гасиенду. Так как оставаться здесь опасно, то ты можешь сопровождать меня со всей своей семьей.

Никто не осмелился возражать сеньорите, и через десять минут все оказались на другом берегу. Здесь, перед хижинкой, развели огонь, подле которого девушка села на принесенный из хижины стул.

Прошло около часа, пока горничная варила на костре шоколад, а пеоны поили коней, как вдруг послышался топот лошадей со стороны Сан-Хосе. Оттуда могли появиться только друзья, и в самом деле, скоро на противоположном берегу реки показались 7 или 8 всадников, и послышался голос, спрашивавший, не свита ли благородной госпожи де Гусман находится на противоположном берегу.

Получив утвердительный ответ, всадники переехали на другой берег.

Донья Мерседес думала, что между ними находится граф Альбан, но вместо него предводителем маленького отряда оказался ее знакомый, молодой барон фон Готгардт, который рассказал ей следующее:

— Граф хотел около полудня отправиться с главными силами в путь и уже протягивал руку, чтобы сесть на коня, но неожиданно, к ужасу всего отряда и присутствовавшей толпы, на него напал столбняк. Рука графа неподвижно повисла в воздухе, здоровый цвет лица сменился смертельной бледностью, глаза остановились неподвижно, и рот остался открытым. Человек двадцать бросились к нему, подбежал доктор, который покачал головой с озабоченным видом и приказал отнести больного в дом и уложить в постель. Все испробованные им средства оказались бесполезными, так что пришлось предоставить болезнь ее естественному течению. По мнению доктора, припадок графа был следствием раны от малайского кинжала, нанесенной ему морским разбойником, но можно было надеяться, что болезнь будет иметь сча-

стливый исход, хотя не известно, через сколько часов или дней.

Евстафий остался при графе, а офицеры экспедиции собрались на совет и решили подождать сутки, а потом, как и было решено с самого начала, отправиться в гасиенду дель-Серро.

Поручику Готгардту поручили отправиться вперед и уведомить сенатора. На следующее утро он выехал с семьей всадниками, в числе которых был один пеон в качестве проводника; по дороге у них захромала лошадь, которую пришлось заменить другой, найденной в покинутой хозяевами гасиенде; это и другие обстоятельства задержали их, так что они только теперь могли присоединиться к сеньорите.

Последняя не без тревоги выслушала сообщение о положении графа, так как замедление экспедиции ставило ее отца в затруднительное положение, и хотела сообщить офицеру о появлении поблизости апачей, как внезапно грянул выстрел, — один из пеонов взмахнул руками и упал в предсмертных судорогах.

Раздались крики: «Индейцы! Апачи!» Поднялась невообразимая суматоха; отряд темных всадников появился откуда-то и напал на испуганных людей.

Один из волонтеров, уроженец Кентукки, случайно державший ружье в руках, свалил пулей апача, но потом бросил ружье в кусты и сам спрятался в них.

Поручик Готгардт, так неожиданно прерванный в разговоре, едва успел заслонить сеньориту и отразить охотничьим ножом удар копья, направленного на него вождем гиленов.

Острый клинок перерубил древко, и Серый Медведь, не успев остановить коня, промчался мимо, а молодой офицер воспользовался этим временем, чтобы схватить на руки сеньориту и броситься с нею к челноку.

Но это ему не удалось, так как Скачущий Волк и двое пеших индейцев, лошади которых были застрелены во вспыхнувшей перестрелке, догнали барона.

Офицер вынужден был положить почти лишившуюся чувств сеньориту на землю и выхватить из-за пояса револьвер:

— Проклятые убийцы! Отправляйтесь в ад!

Первая пуля пробила грудь одному из краснокожих, другая раздробила руку Скачущему Волку, но третий

индеец, сильный и ловкий воин, бросился на офицера и обхватил его руками; началась борьба, во время которой оба все более и более приближались к высокому скалистому берегу.

Между тем сражение продолжалось, апачи убивали всех, и хотя полдюжины их соплеменников пало от руки двух волонтеров, дорого продавших свою жизнь, однако, перевес силы был на стороне диких, и менее чем через четверть часа последние белые пали под ударами томагавков и копий индейцев, которые украсили свои пояса кровавыми скальпами.

Когда кончилась резня, один из индейцев увидел при свете зажженной хижины спрятавшегося в кустах кентуккийца; безоружный был после кратковременной борьбы скручен и привязан к коню.

По окончании кровавой схватки индейцы оставили на берегу 12 трупов, между которыми не было, однако, офицера и его противника.

Серый Медведь держал в объятиях свою добычу — донью Мерседес; кентуккийца привязали самым неудобным образом к лошади, горничную сеньориты захватил один из воинов.

Когда торжествующие апачи вернулись в свой лагерь, Большой Орел сразу понял, что произошло; горечь и запоздалое сожаление захлестнули его сердце. Горечь потому, что он был бессильным пленником, который не мог ничего сделать для спасения сеньориты, и сожаление, так как вынужден был сознаться, что его сообщение о французском воине, вероятно, вызвало этот ночной поход, и, следовательно, явилось причиной захвата в плен Мерседес.

В эту минуту кто-то дотронулся до его плеча; он оглянулся и увидел Суванэ. Никакое лицо не могло быть в эту минуту приятнее для индейца; он ласково улыбнулся и прошептал:

— Я рад видеть свою сестру. Пусть Суванэ выслушает поручение своего брата. Видит ли она эту белую девушку, которая попала в плен к Серому Медведю?

— Я вижу ее! — отвечала Суванэ.

— Это цветок Каменного Дома, и Большой Орел хочет, чтобы она стала свободна. Сестра моя оставит лагерь до восхода солнца, отправится в дом великого гасиендера и сообщит ему, где находится его дочь. Я сказал.

Девушка сложила руки на груди.

— Мой брат не захочет, — отвечала она печальным тоном, — чтобы Суванэ оставила его в беде. Она убежит или погибнет вместе с ним.

— Суванэ забыла, — сказал вождь сурово, — что друг Большого Орла находится поблизости, и что белые освободят и Орла вместе с цветком. Суванэ подчинится словам последнего в нашем роду.

Девушка наклонила голову в знак согласия и, не возразив больше ни слова, исчезла в темноте.

Когда Крестоносец и молодой вакеро прибежали на место схватки, хижина перевозчика рухнула.

Оба разведчика осмотрели местность, но должны были убедиться, что никого не осталось в живых. Они нашли винтовку и сумку с пулями, брошенную кентуккийцем, а также небольшой саквояж, не замеченный индейцами.

Они принесли эти предметы к огню, и в это время услышали слабый голос:

— Крестоносец, вы ли это?

В то же время кусты раздвинулись, и появился прусский офицер, мокрый с головы до ног.

Можно себе представить удивление Крестоносца.

— Во имя неба, — воскликнул он, бросаясь к офицеру, — вы здесь? Где полковник?

— В Сан-Хосе, лежит больной. Меня послали вперед уведомить дона Альфонсо об этом несчастье; когда же я догнал донью Мерседес и сообщил ей эту печальную весть, на нас напали индейцы.

Он рассказал о сражении и о том, как ему удалось спастись. Во время борьбы с индейцем оба противника упали в реку, и так как офицер был превосходным пловцом, ему удалось держать голову индейца под водой до тех пор, пока тот не задохнулся и не выпустил его. Разбитый и окровавленный при падении, офицер с трудом выбрался на берег и спрятался в кустах, так как сражение уже давно окончилось. Теперь он, несмотря на свою слабость, убеждал Крестоносца догнать индейцев и отдать жизнь за сеньориту.

Крестоносец, однако, не согласился.

— Излишняя торопливость, — сказал он, — редко ведет к добру. Притом мы уже не догоним краснокожих. Подождем до рассвета. Вы можете воспользоваться этим временем, чтобы подкрепить ваши силы кратковременным

сном. В этом саквояже найдется для вас сухое платье, есть порох и пули, а на берегу мы нашли винтовку.

Хотя офицер чувствовал, что отдых для него необходим, однако, он еще пытался возражать, но должен был уступить настояниям Крестоносца, положившего конец спору словами:

— Положитесь на меня! Мы освободим пленников или, по крайней мере, сообщим в гасиенду, где они находятся, — это также верно, как то, что я смертельный враг краснокожего дьявола.

Глава VIII

ЛАГЕРЬ АПАЧЕЙ. ШТУРМ КАМЕННОГО ДОМА

Несмотря на тревожную обстановку, поручик с кладнокровием солдата проспал два часа. Затем все трое отправились к сьерре и после трудного перехода достигли гористой местности, в которой находился лагерь апачей.

По дороге они встретили Суванэ, спешившую в Каменный Дом по приказанию своего пленного брата. Сначала девушка отнеслась к ним недоверчиво, но потом рассказала о местоположении лагеря, о захваченной в плен сеньоре, о несчастном кентуккийце, обреченном на мучительную смерть у столба пыток и, наконец, о Железной Руке, который находится где-то поблизости. Крестоносец, недоверие которого к индианке исчезло, когда он узнал, что она сестра вождя тойахов, искренне обрадовался, услышав, что знаменитый траппер находится поблизости и просил девушку сопровождать их. Она охотно согласилась, так как могла содействовать освобождению брата. Крестоносец, слава которого как смертельного врага апачей была хорошо известна Суванэ, выразил сомнение, не возбудит ли подозрение ее бегство из лагеря; но она застенчиво объяснила, что этого бояться нечего, так как ее ожидают в соседнем лагере липанезов, вождь которых предложил ей стать его женою.

После этого Крестоносец предложил отправиться в путь, но сначала офицер отдал индианке револьвер, найденный им в саквояже, и объяснил, как из него стрелять.

Затем они двинулись дальше по гребню горы, и после двухчасовой ходьбы Крестоносец посоветовал всем быть

как можно осторожнее, так как теперь нужно было зайти в тыл лагеря.

Дорога становилась все труднее и труднее, взбираться на высоту можно было только по сухим руслам горных потоков. Наконец, Крестоносец велел своим спутникам остановиться и пошел вперед один. Минут через десять он вернулся.

— Как я предполагал, — сказал он с досадой, — так оно и есть. Единственный путь, которым мы можем пройти, проходит под скалою, на которой стоит часовой-апач. Стрелять нам нельзя; значит, остается только пустить в ход твое лассо, Диас.

— Что я должен делать? — спросил вакеро.

— Скала, на которой стоит часовой, имеет высоту около 20 футов и очень крута. Ты должен без шума взобраться на нее, для чего тебе потребуется, пожалуй, всего несколько минут, так как ты мастер лазить. Взобравшись на скалу, крикни по-орлиному. Мы отвлечем внимание часового — у тебя есть лассо, остальное — твое дело.

Диас обмотал лассо вокруг правой руки и стал взбираться слева по скале; между тем его товарищи тихонько проползли вперед до обломка скалы, из-за которого можно было видеть часового. Тут они дожидались около четверти часа, когда послышался орлиный клекот.

— Слава Богу, — прошептал траппер, — теперь наша очередь.

Он несколько раз топнул ногой о землю, затем вскочил на камень, — испустил радостное восклицание и бросился вперед большими прыжками, не обращая внимания на офицера, который с удивлением увидел на противоположащей скале темное тело, полувисевшее в воздухе.

Диас отлично справился со своей задачей. Взобравшись на скалу, он крикнул, подражая голосу орла, что заставило часового взглянуть вверх. В ту же минуту апач услышал внизу топот и схватился за ружье. Этого ожидал Диас, и на это рассчитывал Крестоносец.

Вакеро набросил на краснокожего петлю лассо, уперся ногами в камень, и, натянув изо всех сил ремень, приподнял полузадушенного апача в воздух. Но у юноши не хватило сил долго удерживать тяжелое тело, и Крестоносец подоспел как раз вовремя, чтобы заколоть

часового, которого Диас снова отпустил на землю, и тем помешать ему крикнуть.

Офицер, в глазах которого только крайняя необходимость могла оправдать такой отвратительный способ войны, тоже взобрался на скалу и помог Диасу втащить наверх труп, чтобы скрыть его от зорких глаз апачей, между тем как Крестоносец постарался по возможности уничтожить все следы происшествия.

После того, как они снова спустились со скалы, Суванэ взяла ружье и сумку с пулями убитого апача, и все четверо продолжали путь к лагерю, до которого добрались в шестом часу вечера.

Лагерь находился на дне ущелья, заросшего лесом, и с трех сторон был окружен скалами, но в то время как высота их с этой стороны доходила до 70—80 футов, с противоположной стороны, где стояла палатка сеньориты и неподвижно сидел на камне молодой вождь тойахов, она была гораздо меньше. Маленький ручеек стремился вниз между скалами, за которыми укрывались разведчики, и протекал далее по ущелью. В южной стороне ущелья стояли лошади, привязанные к воткнутому в землю копьям.

Воины племен мескалеров и гиленов собрались у костров, а Серый Медведь и Черный Змей сидели в стороне; вождей липанезов и мимбренов не было видно.

Страх смерти и хитрость Черного Змея вынудили у захваченного в плен кентуккийца признание, что вследствие неожиданной болезни начальника отряд волонтеров не успеет в гасиенду дель-Серро раньше вечера следующего дня. Поэтому было решено, что Скачущий Волк и Летящая Стрела отправятся к своим отрядам и ночью подойдут к Каменному Дому с юга и запада. В третьем часу утра планировалось общее нападение на гасиенду с западной стороны, так как только с этой стороны можно было подобраться к ней верхами. С других сторон выстроенная на холме гасиенда была неприступна.

Но если кентуккиец рассчитывал спасти свою жизнь изменой, то он жестоко ошибся, так как, выслушав его признание, Черный Змей приказал привязать его к столбу пыток. В таком положении он оставался до вечера, и опытный Крестоносец тотчас понял, что ему предстоит мучительная смерть.

Толпы воинов уже собирались по зову знахарей, увешанных змеиными кожами, сушеными жабами и звериными хвостами, и становились вокруг перед несчастным. Когда все собрались, Черный Змей подал знак к началу пытки. Она началась тем, что толпа женщин, размахивая ножами и горящими головнями, подобно фуриям, бросилась на несчастного, чтобы как следует запугать его, что им и удалось вполне.

Затем выступили молодые воины и стали бросать в пленника томагавки и метать стрелы, вонзавшиеся в дерево рядом с ним.

Хотя эта ужасная игра также имела целью лишь запугать пленника, но она была так опасна, что вскоре кровь стала струиться из мелких ран и царапин, нанесенных несчастному.

Эта пытка, сопровождаемая насмешками дикарей, еще продолжалась, когда выступил один из знахарей, державший над головой заостренную и зажженную лучину, которую он воткнул в бедро пленника.

Кентуккиец заревел как раненый бизон, в отчаянии рванул петлю, привязывавшую его к столбу, и неожиданно почувствовал себя свободным.

Один из ранее брошенных томагавков на половину перерезал ремень, и так как у пленника были связаны только руки, то он, воспользовавшись кратковременным замешательством апачей, ринулся сквозь толпу и бросился к соседней скале.

Хотя замешательство апачей длилось всего несколько мгновений, длинноногий беглец успел воспользоваться этим, и когда погнавшиеся за ним индейцы подбежали к подошве скалы, он уже взбирался по ее склону. Тут грянули два выстрела, и двое апачей упали, остальные остановились в замешательстве.

В ту же минуту раздался голос Серого Медведя, призывавшего соплеменников к оружию.

Вслед за тем апачи увидели, что беглец остановился перед отвесной скалой, на которую невозможно было взобраться. Объятый ужасом, осыпаемый градом стрел и пуль, он в смертельной тоске позвал на помощь, и помощь пришла. Петля лассо упала ему на плечи, а чей-то голос произнес: «Постарайтесь опустить петлю и усесться в ней». Кентуккиец последовал совету, дрожа от страха, и вслед за тем был поднят на вершину скалы, и тотчас

спрятался в кустарнике. Между тем его спаситель встал во весь рост и, сняв с груди серебряный крест, поднял его над головой.

Вопли «El Crucifero! El Crucifero!»¹ доказали ему, что он узнан. Почти половина воинов бросилась преследовать беспощадного врага своего племени, а тот поспешил присоединиться к своим товарищам.

— Теперь нам следует улепетывать во весь дух, — сказал он, — времени у нас немного, а Серый Медведь не такой человек, чтобы с ним безнаказанно шутить.

Эти слова траппер произнес уже на бегу. В течение 10 минут они мчались за Крестоносцем, как вдруг он остановился и разразился проклятием: перед беглецами простиралась широкая и глубокая расселина с крутыми склонами. Невозможно было ни перескочить через нее, ни обойти, так как она далеко простиралась вправо и влево. Спуститься на дно и карабкаться на противоположный крутой откос нечего было и думать: индейцы успели бы за это время догнать и прикончить всех пятерых.

С первого взгляда все поняли, что им остается только подороже продать свою жизнь.

— Пусть каждый спрячется куда-нибудь, — приказал Крестоносец, — через несколько минут они будут здесь.

Поручик Готгардт подошел к своему старому товарищу и объявил, что он попытается перепрыгнуть через пропасть и закрепить на противоположной стороне конец лассо.

— Это безумие, молодой человек, — возразил траппер, — ширина тут около 20 футов, кто же в состоянии сделать такой прыжок?

— Я прыгал и дальше, — заверил офицер. — Если мне удастся — мы спасены. А вы с Диасом прикроете нас в случае необходимости.

Он подошел к расселине, позвал к себе Суванэ, объяснил ей, что она должна делать, затем разбежался и прыгнул.

Хотя только одна из его подошв опустилась на противоположный край, он все-таки успел ухватиться за ветвь разлапистой ели, росшей на краю расселины, и

¹ El Crucifero (*исп.*) — Крестоносец.

таким образом встал на твердую почву. Тотчас за тем индианка перебросила ему конец лассо, который он обвязал вокруг пня. То же самое Суванэ сделала с другим концом лассо, таким образом был сооружен висячий мост, по которому индианка и кентуккиец тотчас переправились через пропасть. Окликнув Крестоносца и Диаса, офицер последовал за кентуккийцем. Да и пора было, так как выстрел старика, ответом на который был дружный залп со стороны апачей, слышался уже очень близко.

Крестоносец и Диас с разряженными ружьями подбежали к расселине.

— Ловко, молодец, — похвалил траппер поручика. — Ну, Диас, перелезай живее, враги рядом!

Молодой вакеро, не теряя времени, последовал совету и счастливо перебрался через пропасть; но Крестоносец не успел за ним следовать, так как враги стремительно приближались. Он обернулся, бросил свое ружье и схватил за дуло ружье офицера, которое также было с ним. Два воина, опередившие своих товарищей, бежали к нему на небольшом расстоянии друг от друга, третий — шагах в двадцати.

Крестоносец выбил томагавк из рук переднего воина и так сильно ударил его по голове, что тот свалился замертво, а приклад разлетелся вдребезги. Несмотря на то, что в руках Крестоносца осталось одно дуло, он бросился на другого апача и нанес ему такой удар по лицу, что тот покатился в пропасть.

Хотя двое врагов были повержены, траппер уже не надеялся на спасение, так как третий воин, краснокожий атлетического телосложения, был в нескольких шагах от него, а за ним в сотне футов следовала целая толпа апачей.

Индеец подбежал к своему противнику, размахивая ножом, который он направил в грудь Крестоносца — способ борьбы, в котором особенно искусны южные племена индейцев. Он уже готовился нанести удар, и дьявольская радость отразилась на его лице; но в эту минуту раздался выстрел, апач взмахнул руками и рухнул на землю. Следовавшая за ним толпа остановилась, напуганная выстрелом, воины поспешно попрятались за кустами и камнями.

Крестоносец понял, что от этой минуты зависит его жизнь. Он поднял свое ружье, не мешкая перебрался на

другую сторону ущелья и, перерезав лассо, скрылся в зарослях, где встретил своих товарищей.

— Где девушка? — сразу же спросил он, так как индианки не было видно.

— Здесь, — отвечал тихий голос, и Суванэ вышла из-за обломков скалы, сопровождаемая человеком высокого роста в костюме траппера.

— Кто это с тобою, дитя мое? — спросил удивленно Крестоносец, останавливаясь при виде незнакомца.

— Этот человек был для Суванэ отцом с самого ее детства. Железная Рука стоит перед Крестоносцем.

Обрадованный Крестоносец подошел к ним и пожал руку траппера.

— Итак, — сказал он, — я вижу наконец знаменитейшего траппера пустыни.

— Я рад, — отвечал траппер, — что своим выстрелом смог оказать ничтожную услугу человеку, слава которого гремит от Рио-Колорадо до мексиканского залива.

— Благодарю, — отвечал старый искатель следов, тронутый этим обращением, — я думаю, что если бы нам удалось найти подходящее место для засады, то мы вдвоем могли бы защититься от всего племени апачей! Но я опасаюсь, что времени у нас осталось в обрез, так как краснокожие наверняка найдут другую дорогу и возобновят погоню за нами.

— Я отлично знаю местность, — сказал Железная Рука, — и стану вашим проводником. Но сначала мне нужно позвать одного человека, с которым я уже два дня брожу здесь. Наш путь лежит к гасиенде дель-Серро, как раз в том направлении, где стоят кони апачей. Если нам удастся достигнуть этого места, мы сядем на коней и умчимся отсюда. Подождите меня, я скоро вернусь.

Минут через пять траппер возвратился в сопровождении своего ворчливого спутника, Джонатана Смита, и все общество двинулось в путь. Скоро они услышали фыркание коней. Железная Рука раздвинул ветви кустарника и осмотрел окрестности.

— Лошадей охраняют всего двое часовых, но в отдалении я вижу целую толпу апачей. Вперед! Вперед!

Он кинулся к лошадям, молодой вакеро почти одновременно с ним вскочил на лошадь. Кентуккиец и янки последовали их примеру. Крестоносец, Суванэ и Готгардт бежали последними.

Часовые, молодые воины, вероятно, впервые вышедшие на тропу войны, сосредоточили все свое внимание на событиях, происходивших в ущелье, и теперь, устыженные своей беспечностью, бросились на беглецов.

Крестоносец, уже собиравшийся было вскочить на коня, бросил поводья и ринулся на молодого апача, который при виде страшного креста бросил лук и томагавк и обратился в бегство.

Другой апач, зная, что неисполнение обязанности покроет его несмываемым позором, решился хоть сколько-нибудь загладить свою вину убийством, по крайней мере, одного врага. Он подскочил сзади к офицеру, помогавшему Суванэ сесть на лошадь, схватил его за волосы и замахнулся томагавком. Поручика спасла находчивость Суванэ. Вспомнив о револьвере, она выхватила его из-за пояса, выстрелом в упор уложила краснокожего.

— На коня, сеньорита, и вперед, я прикрою отступление, — крикнул Крестоносец, сидевший верхом и державший за узду лошадь для офицера. Последний одним прыжком очутился на ее спине, и все трое помчались вслед за остальными.

Можно себе представить бешенство апачей. Многие из них вскочили на лошадей и погнались вслед за беглецами, но те уже далеко опередили их, так что через полчаса апачи поняли бессмысленность погони и вернулись в лагерь.

В это время начало темнеть. Железная Рука остановил, наконец, своих спутников и сказал им:

— Во истину славная была скачка. Но теперь я должен возвращаться к лагерю, так как не могу оставить в беде моего молодого друга.

Суванэ молча пожала руку трапперу.

— Я не согласен, — крикнул янки. — Вы должны подумать о моей безопасности, мистер Железная Рука, и я запрещаю вам возвращаться.

— Я еду с вами, — решил Крестоносец, не обращая ни малейшего внимания на возглас янки. — Причем это вовсе не так опасно, как кажется с первого взгляда, все апачи уверены, что мы отправились в гасиенду. Теперь мы знаем, когда они нападут на нее; оба американца могут предостеречь дона Гусмана, а мы подождем в убежище Железной Руки ухода апачей и освободим пленников из рук стражи.

Это предложение было всеми одобрено. Кентуккийца и мистера Смита проводили до того места, откуда они одни могли найти дорогу в гасиенду; затем Железная Рука, Крестоносец, Диас, поручик и Суванэ снова пошли к лагерю апачей.

Для успешного осуществления замысла Крестоносца потребовалась вся сноровка и мужество маленького отряда. После того как главные силы индейцев двинулись в поход, они поспешили к лагерю.

Суванэ, оставив своих друзей в засаде, открыто пошла в лагерь и, воспользовавшись удобной минутой, подошла к брату, который стоял, прислонившись к дереву. Она шепотом сообщила ему о намерении друзей и просила его держаться наготове. В то же время она украдкой уронила на траву кинжал.

Команч молча наклонил голову, между тем как его сверкающие глаза остановились на оружии.

Затем Суванэ проскользнула в вигвам Мерседес и просила ее не выходить, какой бы шум она ни услышала, но приготовиться к бегству.

Нападение вполне удалось; они одолели стражу, освободили пленников, затем все сели на коней и немедленно покинули лагерь.

До гасиенды они добрались как раз в то время, когда около нее разыгрались заключительные сцены сражения.

К сожалению, по дороге к гасиенде Суванэ была увлечена толпою отступающих в панике апачей.

Но не будем опережать события и перенесемся в гасиенду, обитатели которой с минуты на минуту ожидали нападения апачей, так как ни Крестоносец, ни Диас не возвращались.

Хотя в течение дня ничего не было слышно об индейцах, никто не осмеливался выходить из гасиенды, и дон Альфонсо с Бельским воспользовались этим временем, чтобы усилить, насколько было возможно, средства защиты.

Весь день прошел, таким образом, в оживленной работе, а о волонтерах графа Альбана не было ни слуха, ни духа. Поздно вечером перед восточными воротами гасиенды явились два американца, и когда их впустили, они, к ужасу дона Гусмана, сообщили, что его дочь захвачена в плен апачами, которые собираются напасть на гасиенду нынче же ночью.

Настроение защитников гасиенды после этого сообщения омрачилось, но мужество их нисколько не поколебалось, хотя их насчитывалось не более 60 человек, между тем как индейцев было несколько сотен.

Уже два дня назад лучший скот и чистопородных лошадей перевели на широкий внутренний двор гасиенды и здесь привязали, но еще более тысячи лошадей и две тысячи голов скота остались в большом корале на равнине, по которой должны были прийти краснокожие.

Так как апачи могли воспользоваться этими животными, чтобы под их прикрытием подобраться к воротам гасиенды, дон Гусман решился пожертвовать этой частью своего состояния и уже хотел отдать приказание отворить ворота корала и выпустить животных, когда волонтер-мексиканец из отряда Бельского предложил лучший вариант. Предложение его было принято тем охотнее, что два вакеро вызвались помогать мексиканцу при осуществлении его довольно опасной затеи.

Трое людей отправились в ближайший кораль, раскачали там некоторые из столбов загородки, так что она должна была обрушиться при первом натиске животных, затем связали двух быков и одного жеребца, повалили их на землю недалеко от ворот корала и привязали к ним пучки сухих сучьев, обмазанных смолой и маслом. Устроив все это, они спрятались за связанными животными, а мексиканец укрылся перед внешней оградой корала. Наступал уже второй час ночи, и с минуты на минуту можно было ожидать индейцев. Вскоре послышался шум, какой бывает, когда неподалеку идет многочисленная толпа. Шум затих по направлению к востоку. У защитников гасиенды невольно сжалось сердце, как это случается с самыми мужественными людьми, когда они чувствуют приближение невидимой опасности.

Мексиканец слышал топот удаляющегося отряда и отлично понял его значение. После этого его внимание удвоилось, он прислушивался к малейшим звукам и вскоре заметил, что окружающие его животные стали выказывать признаки беспокойства. Он осторожно встал на колени, посмотрел через спину лежавшего рядом животного и увидел перед собою два глаза, блестящие как у хищника.

Оба противника смертельно испугались, увидев друг друга, но мексиканец опомнился быстрее апача. Мгно-

венно протянул он руку, схватил врага за шею и, прежде чем тот успел крикнуть, вогнал ему в горло кинжал по рукоятку.

Покончив с апачем, он как можно скорее пополз к своим товарищам.

— Готовы? — спросил он.

Чуть слышное «да» послышалось в ответ.

— Так зажигайте во имя Бога и Пресвятой Богородицы!

Пучки хвороста тотчас вспыхнули, веревки, связывавшие животных, перерезаны, и трое людей бросились к воротам, считая бесполезным скрываться далее и надеясь только на быстроту своих ног. Сотни индейцев ринулись за ними, перепрыгивая через лежавших животных и оглашая воздух пронзительным криком.

По свистку дона Гусмана одна из дверей отворилась, чтобы принять беглецов, которые и успели укрыться за нею, прежде чем их настиг хоть один краснокожий.

Между тем затея мексиканца принесла свои плоды. Обезумевшие от огня животные бросились в стадо, и без того испуганное криком индейцев, и произвели страшную суматоху. Множество индейцев погибло под копытами или на рогах, многие были тяжело ранены, и только две трети апачей спасли свои жизни поспешным отступлением. Между тем взбесившиеся животные опрокинули изгородь и рассеялись по равнине.

Насколько сильна была радость в гасиенде при этом успехе, настолько же велико было бешенство индейцев; однако они не стали терять время в бесполезных сожалениях, и так как число боеспособных воинов все еще было более семисот, то Серый Медведь и другие вожди немедля приступили к обсуждению плана штурма гасиенды.

В результате наступила пауза, длившаяся около четверти часа. Начинало уже светать, облака зарозовели на востоке, и вскоре защитники Каменного Дома увидели странное зрелище.

По прерии неспешно двигался ряд коров по направлению к гасиенде, и знакомые с обычаями индейской войны защитники прекрасно знали, что за каждым животным скрывается воин, укрытый таким образом от выстрелов. Несколько коров были убиты, но скрывавшиеся за ними индейцы тотчас прятались к своим товарищам.

Таким образом они неудержимо двигались вперед, пока не подошли на близкое расстояние; тут туча стрел, обвязанных горящим мхом и обмазанных смолою, полетела в гасиенду. В то же время апачи открыли огонь из ружей против окон и балюстрад здания, и хотя их поспешные выстрелы не могли нанести особенного вреда защитникам, но все-таки мешали им хорошенько прицеливаться.

Вскоре дикий рев нападающих ознаменовал их первый успех. Одна из крытых камышом построек загорелась, и хотя вред от пожара не мог быть значителен, однако пламя напугало лошадей и коров, которые вырвались из стойла и заметались по двору. Нескольким ваке-ро пришлось сойти вниз и отвести лошадей в конюшни.

Этого только и ждали апачи: раздался резкий протяжный звук — то был сигнал Серого Медведя к общей атаке.

Было уже настолько светло, что можно было видеть нападающих. Несмотря на выстрелы защитников гасиенды, индейцы бросились вперед, и хотя пушечный выстрел поляка уничтожил сразу около 30 апачей, а выстрелы из другой маленькой пушки, которую наводил сам дон Гусман, сеяли смерть и опустошение в рядах нападающих, — угрозы Серого Медведя заставили их преодолеть свой страх, и вскоре они уже толпились под стенами гасиенды и пытались влезть на них с помощью принесенных с собою лестниц и шестов.

Серый Медведь, вскочив на плечи двух индейцев, возвестил, что им удалось в разных местах взобраться на стены.

Женщины и дети, собравшиеся в большой зале, бежали во двор с отчаянными криками.

Темные фигуры показались на платформах нижних крыш и соскакивали во двор, за ними следовали другие; в то же время ворота затрещали под ударами кольев из изгороди короля и вскоре были сорваны с петель.

Гасиенда была взята.

В эту критическую минуту из прерии донесся резкий звук трубы.

— Ура! Смелей, друзья! — крикнул поляк, выхватывая саблю, и устремился на врагов. — Это граф! Наши идут на помощь!

Сильный удар старого солдата поразил предводителя отряда апачей, пробравшегося в гасиенду по крышам.

Выстрелы загрели снова, звук трубы снаружи становился все сильнее и сильнее, и наконец грянул мощный залп перед самой гасиендой.

— Ура, граф! Ура, Альбан! Ура! — слышалось со всех сторон. Снаружи гремели залпы за залпами и раздавалась команда офицеров: «Смерть краснокожим! Не щадить никого!»

В самом деле, это был граф, подоспевший в самую критическую минуту.

Наши молодые читатели помнят, в каком критическом состоянии оставили мы графа, но это состояние так же быстро прекратилось, как наступило. На бледном лице внезапно появился румянец, больной приподнялся и, к удивлению и восхищению ухаживавших за ним слуг, крикнул громовым голосом:

— Вперед! Оседлайте мою лошадь! Через час мы должны быть в дороге!

Напрасно верный Евстафий пытался удержать его в постели. Граф, казалось, знал все, что происходило вокруг него во время его забытья, и потребовал только отчет об отъезде экспедиции. Через час после своего выздоровления он уже находился во главе отряда, который встретил его радостными криками. Не теряя времени, граф двинулся в поход со всей энергией полководца, умеющего в случае необходимости быть беспощадным и, таким образом, как раз вовремя явился в гасиенду.

Он первым вступил в нее в сопровождении четырех или пяти всадников и бросился на толпу апачей, проникших вслед за Серым Медведем в главное здание. Двое или трое из них были растоптаны его конем, привыкшая к фехтованию рука графа, вооруженная тяжелой дамасской саблей, отбила направленный на него томагавк и разрубила туловище апача от плеча до седла.

Демонстрация невероятной силы вселила такой ужас в остальных индейцев, бросившихся было на графа, что они без всякого сопротивления были перебиты его спутниками.

А граф соскочил с лошади и, бросившись к балкону, заставил отступить новую толпу индейцев, выбегавших во двор.

При виде знаменитого француза можно было вспомнить предания о грозных богатырях, сохранившиеся в северных легендах. Лицо его было бледно, как мрамор,

что у некоторых натур служит признаком гнева; глаза его метали молнии, он размахивал тяжелой саблей как перышком, хотя от каждого удара валился кто-нибудь из врагов.

Пораженные ужасом апачи бросились назад в здание, но неумолимый враг преследовал их по пятам.

Достигнув главной залы, он остановился, так как навстречу ему выступил сам Серый Медведь, который слышал звук трубы и хотел было вернуться на место битвы перед гасиендой, но был задержан толпами врывающихся в здание воинов.

Противники приближались друг к другу со сверкающими глазами. Оба сразу узнали друг в друге вождей.

— Сдайся, и я дарю тебе жизнь! — сказал граф по-испански.

— Бледнолицая собака, издохни сам, — крикнул вождь гиленов и бросился на своего противника замахнувшись томагавком.

Граф отразил удар с такой силою, что томагавк вылетел из рук индейца. Тогда граф бросил саблю, ступил шаг вперед и схватил вождя одной рукой за пояс, а другой за короткие кожаные штаны.

В течение нескольких мгновений индеец боролся со своим противником, затем граф поднял его кверху и с такой силою бросил на пол, что вождь растянулся без движения.

— Свяжите его! Я решу позже, что с ним делать, — сказал граф своим спутникам, которые вошли в залу, истребив всех индейцев, встреченных ими внутри здания.

Не обращая больше внимания на побежденного врага и бросив только беглый взгляд на двор, где еще происходили отдельные стычки, так как апачи потерпели решительное поражение внутри и вне гасиенды, граф поздравил дона Гусмана, который вошел в залу усталый, опираясь на свою длинную испанскую шпагу.

— Победа, господин сенатор! Победа, благородный дон! — воскликнул он и спросил. — Где же донья Мерседес?

— Мое несчастное дитя в плену, — сказал испанец. — В руках апачей. На что мне победа, если я должен заплатить за нее жизнью дочери!

— Пусть они осмелятся тронуть хоть волосок на ее голове — за это ответит краснокожий дьявол, которого я

взял в плен. Скажите только, дон Альфонсо, где донья Мерседес, и на коней, друзья, в погоню за краснокожими!

— Вчера вечером, — отвечал сенатор, — я получил известие о Мерседес через двух послов и знаю, что верные друзья находятся поблизости ее.

— Если эти послы еще здесь, — перебил граф, — то пусть они явятся ко мне.

Сенатор приказал отыскать их, но оказалось, что кентуккиец тяжело ранен в битве, а янки исчез бесследно.

Услышав об этом, граф спросил у сенатора, какие друзья находятся поблизости от его дочери.

Сенатор назвал Крестоносца и двух охотников: Железную Руку и Большого Орла команчей.

Граф вздрогнул, он чувствовал, что эта случайность не лишена значения для него и что не следует опять упустить случай встретиться с друзьями гамбузино.

— Всякий, у кого лошадь еще в состоянии двигаться, пусть готовится в путь, — приказал он. — Загоним лошадей, лишь бы спасти сеньориту!

Он хотел проститься с сенатором, но в эту минуту снаружи послышалось громогласное виват, и на лестнице появились Крестоносец, поручик Готгардт и Диас, сопровождаемые толпою; из-за толпы выскользнула легкая фигурка Мерседес и бросилась в объятия обрадованного отца.

Мы уже рассказали читателям, каким образом сеньорита была освобождена из рук апачей, теперь нам осталось только объяснить, почему Железная Рука и Большой Орел не явились в гасиенду. Дело в том, что они не хотели являться туда, где находился предполагаемый убийца их товарища, гамбузино Хосе. Что касается Суванэ, то, как мы уже знаем, она была увлечена апачами, когда неосторожно вышла из кустарников взглянуть на сражение.

Глава IX

ВЫЗОВ. РЕЧНОЙ ОСТРОВ. У ИСТОКОВ БОНАВЕНТУРЫ

Была ночь. Великолепное звездное небо, блеск которого сливался с мягким светом луны, простиралось над гасиендой. В промежутке между лагерем графа и гасиен-

дой появилась человеческая фигура — при лунном свете можно было видеть, что то был индеец, носивший два орлиных пера на голове. Молодой вождь тойахов, так как это был он, по-видимому, очень хорошо знал, что в лагере белых воинов все, не исключая даже часовых, спали мертвым сном. Он подошел к гасиенде и ловко взобрался на балкон, откуда проник в комнаты, где прежде помещалась Мерседес, а теперь — связанный вождь гиленов.

Через четверть часа команч вернулся на балкон в сопровождении другого человека, в котором читатель не без удивления узнает свирепого вождя гиленов, и оба без шума спустились на землю. С минуту они стояли прислушиваясь, потом неслышными шагами пошли по направлению к сьерре. После часа ходьбы они пришли к долине, простиравшейся далеко на восток в горы. Здесь индеец, шедший впереди, остановился и сказал:

— Оружие бледнолицых осталось далеко позади, и ни один белый не помешает вождю возвратиться к своему народу.

— Хорошо. Серый Медведь сумеет найти своих друзей.

— Тойах освободил великого вождя гиленов из постыдного плена, потому что тот спас его от когтей своего четвероного друга. Но вождь гиленов убил родителей Орла. Их скальпы украшают стены его вигвама. Серый Медведь не станет отрицать права молодого воина. Когда он согласен выйти с ним на поединок?

— Когда в третий раз появится полная луна, — отвечал вождь гиленов после некоторого размышления.

— Хорошо! Пусть будет так. К тому времени война с белыми окончится.

— Пусть мой молодой брат назначит место!

— Серый Медведь знает истоки реки, которую белые называют Бонавентура?

— Знаю.

— Поблизости от нее стоят три пробковых дуба. Великий вождь гиленов встретит там в назначенное время Большого Орла с двумя товарищами.

— Хорошо. Серый Медведь явится туда с двумя вождями. Нет ли у моего брата еще какого-нибудь желания?

— Сестра Орла попала в руки мескалеров. Будет ли она наказана за свой обман?

— Я возьму ее под свою защиту, пока Великий Дух не решит нашего спора.

— Благодарю вождя гиленов. Желая ему счастливого пути.

Произнеся эти слова, тойах повернулся и пошел назад, между тем как Серый Медведь отправился дальше через долину.

Так расстались два смертельных врага, после того как вызов был сделан и принят.

На следующий день в гасиенде поднялась большая суматоха. Бегство предводителя апачей было вскоре замечено, и граф строго наказал часовых, которым поручили стеречь пленника.

Посланные лазутчики вернулись около полудня и донесли, что индейцы направились в горы в юго-восточном направлении, вероятно, для того, чтобы соединиться с другими индейскими племенами. Решено было отправиться в погоню за ними, и отряд выступил из гасиенды в тот же день. Что касается Железной Руки и вождя тойахов, о которых граф тоже велел навести справки лазутчикам, то о них не было ни слуха ни духа, и граф едва мог скрыть свою досаду при этом известии.

События следующих месяцев мы передадим в нескольких словах.

Граф де Сент-Альбан удачно продолжил свой поход против индейцев, несмотря на зависть и интриги местных властей, старавшихся даже помешать его предприятию. Нападение индейцев можно было считать вполне отбитым. Между апачами и команчами уже во время войны возобновились прежние распри, и воины обоих племен вернулись на традиционные места своего обитания.

Зато и отряд Сент-Альбана понес большие потери в битвах, а также вследствие лишений всякого рода, неразлучных с жизнью в пустыне. Только уверение графа, что теперь, после окончательного поражения индейцев, наступило время добыть сокровище инков, смогло удержать при нем около пятидесяти авантюристов, тогда как остальные оставшиеся в живых члены экспедиции вернулись на гасиенду дель-Серро, а оттуда в цивилизованные страны.

Через шесть месяцев после отъезда экспедиции из Сан-Франциско небольшой отряд графа находился у истоков реки Бонавентура в весьма незавидном положении.

Зная приблизительно местоположение золотой залежи, граф мало-помалу приближался к истокам Бонавентуры в надежде встретить здесь в назначенное время друзей Гонзага и остановился однажды на берегу ручья, в котором оказался золотоносный песок; это обстоятельство, разумеется, наполнило авантюристов новыми надеждами. Здесь на них напал многочисленный отряд апачей; энергия, с которой велось нападение, доказывала, что отряд состоит из отборных воинов. В самом деле, Крестоносец заметил среди нападающих своих давнишних врагов: Серого Медведя, Черного Змея и Летящую Стрелу.

Несмотря на мужество графа и его спутников, перевес оказался на стороне индейцев, и отряд, потеряв около 20 человек, принужден был отступить на островок, находившийся посреди реки. Здесь он мог пользоваться, по крайней мере, относительной безопасностью.

Как выяснилось впоследствии, отряд апачей отправлялся в горы на охоту и лишь случайно наткнулся на белых.

Мы сказали, что отряд находился в сравнительной безопасности на острове, куда он переправился при помощи челнока, найденного подле берега; так как, вследствие быстрого течения по обе стороны острова, переплыть реку на конях было невозможно. Несмотря на то, белые вскоре убедились, что им придется выдержать настоящую осаду, так как индейцы переправились через реку выше острова, где течение было спокойнее, и расположились по обоим берегам.

Так прошел день, другой, и граф уже начинал приходить в отчаяние, так как через день должно было наступить полнолуние, и ему следовало явиться на место свидания. Он отыскал Крестоносца, который стоял на страже, подле челнока, и тот сообщил ему, что исток реки находится в пяти или шести милях от острова.

Француз колебался, не зная, стоит ли довериться старику, но времени оставалось мало, и он, наконец, решился.

— Мне известно, — сказал он, — что когда наступит полнолуние, к источнику явятся двое людей, с которыми мне необходимо повидаться и с которыми я, к несчастью, до сих пор не смог встретиться. Вы знаете этих людей. Это Железная Рука и его друг, молодой вождь команчей.

Крестоносец подумал с минуту, потом обратился к графу.

— Я бы не хотел вмешиваться в ваши тайны, граф, — сказал он, — но считаю своей обязанностью предостеречь вас от этих людей; они готовят вам кровавую месть.

— Кровавую месть? Мне?

— Да, они уверены, что вы и Евстафий убили за морем их друга, одного известного гамбузино.

— Кто вам сказал это? — быстро спросил граф.

— Сам Железная Рука, когда мы скрывались подле лагеря апачей, поджидая случая освободить сеньориту.

— Черт подери! — воскликнул взволнованный граф. — Тем более, мне необходимо увидеть их и развеять их ложное мнение, благодаря которому наше предприятие до сих пор не удавалось.

Затем он объяснил Крестоносцу в чем дело, и тот посоветовал ему попросить у отряда отпуск на три дня, дав клятву вернуться по истечении этого срока, если только останется в живых. Сам Крестоносец предложил свои услуги в качестве проводника и уверял, что им удастся пробраться ночью в челноке незамеченными мимо осаждающих.

Во время этого разговора они заметили на поверхности реки какое-то темное тело, и граф уже прицелился, когда чей-то тихий голос произнес: «Amigo! Друг!»

Крестоносец бросился к реке и протянул свое ружье пловцу, который успел схватиться за него, иначе он был бы унесен быстрым течением.

Через несколько мгновений перед Крестоносцем стояла сестра команча.

— Суванэ! Дитя мое, откуда ты взялась? — воскликнул он с радостным изумлением, между тем как граф поспешно подошел к ним.

— Из лагеря Серого Медведя и его друзей, — отвечала девушка, — мой белый отец может видеть их огни.

— Так ты ничего не знаешь о Железной Руке и о своем брате.

— Суванэ давно, давно не видала их, и ради них боролась с волнами Бонавентуры. На следующую ночь Большой Орел со своими друзьями будет ожидать Серого Медведя у источника Бонавентуры, но там его погубит предательство Черного Змея.

Не ожидая дальнейших расспросов, она рассказала им о предполагаемом поединке между ее братом и Серым Медведем, о покровительстве, которое ей оказал вождь гиленов, о своем бегстве из лагеря апачей и, наконец, об изменническом плане Черного Змея, который приказал отряду своих воинов следовать без ведома Серого Медведя за тремя вождями, когда они отправятся к источнику Бонавентуры, и там напасть на Большого Орла и его друзей и умертвить их. Ей удалось подслушать этот план, после чего она бежала из лагеря апачей.

Эти известия имели огромную важность для графа Альбана и доказывали безусловную необходимость явиться на место свидания, прежде чем состоится поединок. Поэтому он отправился вместе с Крестоносцем и Суванэ к отряду, который расположился подле костра посреди острова. Здесь граф поручил Суванэ покровительству поручика Готгардта, столь же удивленного, сколько обрадованного, а сам, по обычаю индейцев, попросил у своих спутников отпуск на три дня. Они охотно согласились на его просьбу, после того как он поклялся, что вернется через три дня, если останется в живых.

Час спустя граф и Крестоносец сели в челнок и, простившись с отрядом, провожавшим их до берега, отплыли от острова.

Мы у истока Бонавентуры. Долина, из которой вытекает эта река, защищена горами от северных ветров и представляет собою роскошный уголок южной природы. Пышная растительность свидетельствует о близости воды. Ветви пробковых дубов, магнолий и красильных деревьев обвиты лианами, цветы которых блестят всевозможными красками. В ветвях олеандра и душистого дикого жасмина поет мексиканский соловей, голубые сороки скачут по цветущему лугу, а зеленые ящерицы с быстротою молнии шныряют между камнями.

За час до солнечного заката у небольшого костра, расположенного на берегу реки, сидели трое мужчин, в которых мы узнаем Железную Руку, тойаха и янки.

Несмотря на роскошную природу, долина таила в себе нечто мрачное, главным образом, благодаря развалинам древнего храма ацтеков, находившимся у подошвы высокой скалы. Даже местные жители-индейцы боязливо сторонятся этих остатков древних времен, опасаясь духов, населявших, по местному поверью, развалины.

Янки, который тотчас после поражения апачей у гасиенды дель-Серро присоединился к своим товарищам, оказался, наконец, недалеко от цели своих корыстолюбивых стремлений и надеялся завтра увидеть сокровище. Он было хотел продолжать путь сегодня же, но Железная Рука заявил, что сегодня уже поздно пускаться в такую трудную и даже опасную дорогу. В эту ночь, как нам известно, должен был произойти поединок.

Пока небольшое общество ужинало, в долине стало уже темнеть, и выпала обильная роса, заставившая янки встать и пойти за сюртуком, который он положил в нескольких шагах от огня.

Вдруг он вскрикнул и отскочил к огню; перед ним появилась исполинская фигура графа Альбана, рядом с которым стоял Крестоносец.

— Ад и черти! Граф! — завопил американец, оправившись от первого испуга, и схватил ружье. — Убейте его! Застрелите его!

— Тихо! Не двигайся! — рявкнул Крестоносец, выступая вперед. — Или моя пуля пробьет твой подлый мозг. Железная Рука, и ты, команч, выслушайте графа, а потом поступайте, как знаете.

— Пусть он говорит! — серьезно сказал траппер, опуская ружье, которое он тоже схватил.

Тойах спокойно сидел перед огнем и только иногда бросал угрожающий взгляд на графа, который скрестил руки на груди и спокойно стоял перед людьми, поклявшись убить его.

— Я пришел сюда, — сказал он серьезным тоном, — согласно желанию вашего покойного друга, гамбузино Хосе, после того как тщетно ожидал вас в Сан-Франциско на Plaza Major.

В то же время он расстегнул свою охотничью рубашку, снял с шеи кожаный мешочек, достал из него небольшой кусок кожи и протянул Железной Руке.

— Посмотри, Орел, — сказал Железная Рука, — это тотем Золотого Глаза.

— Он украд у меня, это моя собственность! Сеньор Хосе подарил его мне! — закричал янки.

— Негодяй! — сказал граф. — Не пятнай своей ложью память несчастного. Хосе Гонзага передал мне, когда умирал в моем доме; он не хотел, чтобы этот план достался тебе.

— Ложь! Жалкая ложь! — закричал янки, опуская руку в глубокий карман своего сюртука. — Но Джонатан Смит не такой человек, чтобы позволить обобратить себя какому-то авантюристу. Умри, негодяй!

Янки сделал шаг вперед и выхватил из кармана тяжелый нож, но в ту же минуту выронил его и с криком потрянул рукой. Маленькая темно-бурая лента, не толще ивового прута, обвилась вокруг нее.

— Боже мой! Culebrilla!¹

Крестоносец, у которого вырвалось это восклицание, прикладом ружья стряхнул змею на землю и растоптал ее каблуком.

Но все, не исключая команча, с ужасом глядели на укушенного.

— Положи свою руку на камень, — сказал траппер. — Дай сюда томагавк, Орел, я отрублю ему руку.

— Вы с ума сошли! — закричал напуганный американец. — Я не желаю терять руку из-за ничтожного укуса змеи. Несколько листьев вашей целебной травы достаточно, чтобы вылечить ее к завтрашнему утру.

— Человек, — сказал Крестоносец с грустной серьезностью, — понимаете ли вы, что случилось? Вас укусила редко встречающаяся, но тем более страшная темная culebrilla и через десять минут вы умрете². Это суд Божий!

— Умру! — несчастный бросился на колени и протянул товарищам руку, которая уже почернела и вспухла. — Отрубите мне руку! Железная Рука, Орел, помогите!

— Слишком поздно! — сказал охотник. — Подумайте о спасении вашей души и просите у Бога прощения вашим грехам.

Янки бросился к ногам графа:

— Пощадите! Я признаюсь, что лгал! Вы заботились о Хосе в его последние минуты, вам следует отдать половину всего золота, только не дайте мне умереть!

¹ От испанского *Le Culebra* — змея.

² Вероятнее всего автор имеет в виду широко распространенного на юго-западе США и в Северной Мексике очень ядовитого техасского гремучника, укус которого, — если не приняты срочные меры помощи, — в 70% случаев заканчивается летальным исходом. Однако смерть наступает не ранее, чем через 20—25 часов.

Глаза его выступили из орбит, голос становился все слабее и слабее и наконец совершенно умолк: Джонатан Смит умер.

Крестоносец перекрестился и наступило продолжительное молчание, которое никто не решался прервать.

Наконец Железная Рука и тойах подошли к графу и протянули ему руки.

— Простите, сеньор, — сказал траппер, — что мы относились к вам несправедливо, и будьте уверены, что мы признаем вас наследником нашего друга.

Так как было слишком темно, чтобы закопать труп, то Железная Рука и индеец отнесли его пока в развалины; затем все уселись вокруг огня и со спокойствием людей, привыкших ежедневно видеть смерть, принялись за прерванный ужин. При этом граф и Крестоносец сообщили о бегстве Суванэ, о предательском замысле Черного Змея, и граф, со свойственной его нации любезностью, предложил заменить янки при поединке, если он состоится, несмотря на изменившиеся обстоятельства.

— Как ты думаешь, Орел? — спросил траппер у своего молодого друга.

— Слово вождя неизменно, — гордо отвечал команч. — Большой Орел будет ожидать Серого Медведя на этом месте.

— Я так и думал, — заметил Железная Рука, — и не оставлю тебя. Пусть негодяи подавятся своей изменой! Но вы сказали смелое слово, граф, и мы с благодарностью принимаем ваше предложение. Не правда ли, Орел?

— Двое вождей будут сражаться друг подле друга, — отвечал команч, — и сделают все, что от них зависит.

— Вы затеяли глупость все трое, — сказал Крестоносец. — Я уж не говорю о неравном бое, но кроме отряда Черного Змея, вы со всех сторон окружены врагами. Я нашел на дороге несомненные доказательства того, что другой отряд индейцев бродит поблизости. Вот в доказательство стрела.

Едва команч взглянул на находку, из уст его вырвалось восклицание «хуг»!

— Стрела команча, — сказал он уверенно.

Траппер вскочил на ноги при этом неожиданном известии и закричал:

— Ура! Мы соединимся с ними. Воины твоего племени не бросят в беде тойаха. Очевидно, они отправляются в сьерру охотиться на медведей и дошли до этих мест. Если бы мы могли послать кого-нибудь в их лагерь, то они, конечно, вовремя успели бы сюда.

— Пошлите меня, — предложил Крестоносец, — пусть команч даст мне какой-нибудь знак, чтобы мне поверили его соплеменники, и если лагерь их находится не дальше трех миль отсюда, то я приведу их еще до восхода солнца.

После непродолжительного совещания решили, что Крестоносец отдохнет два часа и затем отправится в путь. Тойах снял со своей шеи тотем и вручил его Крестоносцу вместо удостоверительной грамоты.

После этого все, за исключением Железной Руки, который остался на страже, улеглись спать. Через два часа Железная Рука разбудил Крестоносца и проводил его в горы.

Когда он возвратился, команч заменил его, а траппер лег подле француза и спокойно спал до тех пор, пока слабый свет на востоке не указал на близкое появление луны и начало дня.

Индеец встал, прислушался и разбудил спящих.

Железная Рука и граф в одно мгновение были на ногах.

— Время пришло, — сказал траппер, — я слышу топот копыт...

— Теперь, сеньор, — сказала Железная Рука, — согласно нашему вчерашнему уговору ложитесь подальше, прикройте вашу одежду одеялом, а лицо шляпой.

Пока граф приводил в исполнение этот совет, на востоке появился полный диск луны и озарил долину мягким светом.

В ту же минуту у входа в долину показались три всадника; они неслись с быстротою ветра и через две минуты остановились перед индейцем и траппером, которые, опершись на ружья, неподвижно ожидали своих соперников.

— Третье полнолуние наступило, — сказал вождь гиленов. — Серый Медведь явился сюда с двумя товарищами, согласно своему обещанию.

— Большой Орел ожидал его, — сказал команч, наклоняя голову с достоинством владетельного князя.

— Серый Медведь, — продолжал апач, — привел с собой Черного Змея и Летящую Стрелу, но глаза его видят только двух противников.

— Должно быть, его глаза ослабели от старости, — сказал траппер, — вон лежит третий, но он спит, потому что пришел издалека и устал.

Взоры трех вождей с любопытством обратились к тому месту, куда указывал траппер, индейское самообладание тотчас заставило их подавить это любопытство.

— Какие условия боя предложит молодой вождь той-ахов? — спросил Серый Медведь.

— Каждый сражается тем оружием, которое у него есть, пешим или на лошади. Сражение начнется, когда солнце бросит в долину свой первый луч.

— Хорошо, будь так! Едем!

Он повернул лошадь и медленно поехал ко входу в долину, не принимая никаких мер предосторожности; двое других вождей последовали за ним.

Граф тотчас присоединился к своим товарищам, которые сообщили ему об условиях боя. В случае появления отряда Черного Змея решили укрыться в развалинах храма, где можно было успешно обороняться и наклеить предателям великолепный нос, — как заметил смеясь траппер. Но затем его лицо приняло серьезное выражение, и он сказал товарищам:

— Не следует забывать, что сражение может кончиться смертью того или другого из нас, так как мы имеем дело со знаменитыми воинами. Что будет с твоей сестрой, Орел, если тебя убьют?

Молодой вождь молчал.

— Обещание за обещание, — сказал граф. — Если я останусь в живых, то я буду заботиться об этой девушке, как о своей дочери; если же буду убит, — тут он вынул записную книжку, вырвал из нее листок и написал на нем несколько слов, — то передайте эту записку моему старому слуге и другу Евстафию. Из сокровища вы возьмете столько, чтобы заплатить моим людям.

— Благодарствуйте, сеньор, все будет исполнено согласно вашему желанию. Но теперь станем по местам, так как сейчас покажется солнце.

Все трое стали в одну линию на расстоянии двадцати шагов друг от друга и ожидали своих противников. Их

пронзительный боевой клич послышался в эту минуту, как только первый луч солнца озарил долину.

— Они приближаются. Стойте твердо, друзья, и цельтесь хорошенько.

Трое вождей, наклонившись к гривам своих коней, неслись во весь опор, направив длинные копья на своих противников. Хотя последние приготовились к нападению, но всадники неслись так быстро, что никто из их противников не решился выстрелить, так как при таких поединках считалось постыдным ранить коня вместо всадника.

Команч, знакомый со всеми способами индейского боя, спешил и бросился на землю в ту минуту, когда Серый Медведь готовился нанести ему удар, и вождь гиленов промчался мимо. В ту же минуту команч вскочил и прицелился. Но и гилен с непостижимой быстротой уже успел повернуть лошадь, бросил копье, привязанное к седлу длинным ремнем, и схватился за ружье. Два выстрела слились в один, но ни одна из пуль не попала в цель. Апач бросил винтовку на землю, снова схватил копье и помчался на своего противника.

Железная Рука ожидал аналогичного нападения, однако не принял в расчет коварства Черного Змея, и это едва не стоило ему жизни. Хотя Черный Змей тоже замахнулся копьем, которое траппер отбил ружейным стволом, но то была лишь уловка индейца. В другой руке мескалер держал ружье, и, проезжая мимо траппера, бросил копье, откинулся на седле и выстрелил в своего противника почти в упор, так что опалил ему волосы.

Вероятно, именно это обстоятельство и спасло жизнь трапперу. Пуля, направленная слишком высоко, сбила шляпу, оцарапала голову и на несколько мгновений ошеломила траппера, так что он зашатался как пьяный. Пока он оправился и снова прицелился, Черный Змей был уже вне выстрела и мчался к выходу из долины, вовсе не желая вторично схватываться с опасным противником, так как знал, что ему не удастся еще раз провести его.

Совершенно иной исход имел поединок графа.

Летающая Стрела, уже находясь близко от графа, узнал страшного предводителя белых и в панике натянул поводья коня, который поднялся на дыбы перед самым графом. Последний, не долго думая, отбросил винтовку,

схватил коня за ноги и опрокинул его на землю вместе со всадником. В течение нескольких мгновений лошадь барахталась на земле, затем вскочила на ноги и умчалась, волоча за собой копье. Но всадник лежал неподвижно, и когда граф подбежал к нему с охотничьим ножом, то увидел, что Летящая Стрела мертв, — он разбил себе череп при падении.

Все это происходило почти одновременно. Избавившись от своего противника, граф огляделся и увидел траппера, с любопытством наблюдавшего продолжающийся поединок между апачем и команчем.

Мы оставили команча в ту минуту, когда он выстрелил столь же неудачно, как и вождь гиленов, и последний вторично бросился на своего противника. Тойах готовился отразить нападение с томагавком в руке, но изменил свой план, так как в эту минуту лошадь Летящей Стрелы проносилась мимо. Команч заткнул томагавк за пояс, схватился за ремень, на котором висело копье, вскочил в седло, и, схватив копье, помчался навстречу своему противнику.

Теперь началось состязание в верховой езде, и граф должен был признаться, что ему никогда не доводилось видеть такой ловкости и мужества. Но вскоре стало очевидно, что лошадь Серого Медведя была сильнее лошади его противника, и Большой Орел медленно отступал к реке. Наконец, Серый Медведь решил окончить поединок одним ударом и во весь опор помчался на команча. Невольное восклицание вырвалось из уст встревоженного траппера; но его опасения за судьбу Орла оказались преждевременными. Команч внезапно остановил лошадь, откинулся на бок и нанес противнику такой удар копьем, что вонзившееся в бок гилена острие вышло под правым плечом, а рукоятка, переломившись от сильного напора, выбила из седла самого команча. Кровь хлынула из раны Серого Медведя, но с силою, напоминавшей упорство и силу зверя, имя которого он носил, он выхватил из-за пояса томагавк и хотел было метнуть его в своего врага, но пошатнулся и рухнул с лошади в тот момент, когда у входа в долину раздался пронзительный рев.

— В развалины! В развалины! — крикнул траппер, и все трое, не теряя мгновения, помчались к храму. Они достигли цели прежде, чем передовые воины отряда, состоявшего из тридцати человек, успели отрезать им путь.

Апачи увидели трупы двух вождей, и яростные крики, огласившие воздух, показали, какое бешенство и горе возбудила в них гибель храбрейших воинов.

Черный Змей тотчас велел напасть на развалины, с предусмотрительностью опытного воина не желая дать остыть ярости своего отряда. Все слезли с лошадей, спутали их и затем разделились на две части: одни намеревались, под прикрытием травы и камней, ползти к развалинам, а другие открыли беглый огонь по человеческой фигуре, неосторожно показавшейся у входа в храм.

Наконец, пули свалили на землю этого неосторожного человека, и в ту же минуту апачи, по сигналу Черного Змея, с диким ревом бросились к храму и ворвались в него, не встречая никакого сопротивления. В храме оказалось пусто, только почерневший труп янки, изборожденный пулями апачей, валялся у порога.

Суеверный ужас охватил индейцев, и они в панике бросились вон из храма.

Но снаружи их ожидал неприятный сюрприз.

Нападение на развалины так заняло Черного Змея, что он не обращал внимания больше ни на что и теперь был немало смущен, когда, случайно обернувшись, увидел в долине отряд воинов, по крайней мере в 60 человек. Сначала он думал, что это оставшая часть отряда, оставленная вождями для осады острова и зачем-то следовавшая за ним, но заметив среди всадников фигуру Крестоносца понял, что это враги.

По его свисту воины бросились к лошадям, но опоздали: отряд команчей настиг их и после слабого сопротивления апачи были перебиты. Никто не избежал копья или томагавка нападающих, и сам Черный Змей нашел заслуженную гибель в кровопролитной схватке.

По окончании битвы, продолжавшейся не более четверти часа, из развалин вышли граф, Железная Рука и Орел, внезапное исчезновение которых обескуражило апачей, и приветствовали Крестоносца, подоспевшего так кстати.

Разумеется, все согласились довершить одержанную победу и напасть на апачей, осаждавших остров. Во время совещания об этом нападении граф объявил, что он с Железной Рукой и команчем останутся здесь и явятся на остров на следующий день. Около полудня отряд команчей двинулся к острову, граф проводил его немного и по

пути дал Крестоносцу указания относительно своих людей. Но при этом он умолчал о причинах, заставлявших его остаться в долине, а деликатный Крестоносец не счел возможным спрашивать о них.

Глава X

ЗОЛОТО! ЗОЛОТО! ЗОЛОТО!

Когда граф вернулся к своим спутникам, они стали снаряжаться в путь к золотой жиле. Несмотря на все свое самообладание, француз не мог скрыть волнения, думая о сокровищах, которые ему предстояло увидеть через несколько часов. Он нетерпеливо торопил своих спутников, которые не спеша увязывали одеяла на спину, чтобы не быть стесненными в движениях. Команч нарубил из сосновых веток несколько факелов, которые они также привязали себе на спину. Ружья спрятали внутри храма.

На первый взгляд в храме не было заметно никакого другого выхода. Но когда трое путников впервые вошли в темный угол храма, перед ними оказалась узкая лестница, сложенная из камней и ведущая наверх. Здесь-то они и укрывались во время нападения апачей. Место было так удобно для защиты, что один человек мог бы задержать здесь всю толпу, если бы она сама не рассеялась под влиянием суеверного страха.

Через несколько мгновений все трое стояли на первой террасе храма. Здесь перед ними открылась такая же пирамидальная постройка, как и та, по которой они взобрались, но никакого другого входа не было видно.

— До сих пор, сеньор, — сказал Железная Рука, — дорога вам известна. Мы также не знали, куда идти дальше, когда случайно открыли это место, и только интуиция Хосе, внимание которого привлек кусочек золота, найденный им на лестнице и, вероятно, пролежавший здесь не одно столетие, помогла нам отыскать дальнейший путь. Его баррета¹, которую мы найдем в руднике, и которой он стучал в каждый камень, открыла нам путь.

¹ Железный ломик золотоискателей.

С этими словами он изо всей силы налег на квадратный камень, который повернулся на железных петлях и открыл вход в постройку. Внутри ее также имелась каменная лестница, выведившая на третью террасу, на которой виднелась еще одна пирамидальная постройка, прислоненная к скале. На внешней стороне этой пирамиды были выбиты ступени, по которым наши странники взошли на маленькую площадку. Перед ними возвышалась на головокружительную высоту почти отвесная скала, по которой в разных местах струилась вода. В скале были выбиты ступени на расстоянии двух футов одна от другой; поросшие мхом кольца из сплава цинка с медью, заменявшего у древних мексиканцев железо, были вделаны в стену, чтобы облегчать восхождение.

— Нам нужно подняться наверх, сеньор, — сказал траппер, указывая на ступени.

— Однако, здесь не долго и шею сломать, — заметил граф.

— Но это единственная дорога к золотой жиле, и до нас по ней прошли тысячи людей, если верить преданию...

— Какому преданию? — оживился граф.

— В древние времена, — сказал траппер, — у правителей этой страны всегда было много золота, так как они одни и некоторые из священников знали место, в котором золото выступает из недр земли, и теперь еще лежит в огромном количестве, несмотря на то, что из этого источника черпали в течение столетий. Великие касики ежегодно в известный день отправляли за золотом сотню рабов, и когда они возвращались из пещеры нагруженные золотом, священники убивали несчастных, чтобы они не могли разгласить тайну. Их кости покоятся под курганом, который мы видели в долине.

— Теперь, Орел, — продолжал траппер, — ступай вперед и показывай нам дорогу, а вы, сеньор, прижмитесь крепче к скале. Опасность не так велика: нужно только быть осторожным.

Тойах начал взбираться по ступеням, за ним последовал француз, а Железная Рука замыкал шествие. Около часа продолжалось и трудное, и утомительное восхождение, наконец, скала сделалась более отлогой.

При этом граф заметил, что камень принял пористый вид, что объяснялось, вероятно, просачиванием воды сверху. Восхождение продолжалось еще час, наконец, индеец остановился и сказал:

— Дух Желтых вод близко, следует обратиться к нему, прежде чем вступить в его владение.

Траппер пожал плечами:

— Закоренелый язычник, — сказал он графу, как бы оправдывая вождя, — он еще не избавился от суеверий своих предков.

Индеец протянул руку поочередно на все четыре стороны, произнося какие-то заклинания. Потом он встал на колени и три раза прикоснулся лбом к земле.

Граф схватил траппера за руку.

— Итак, это верно? — сказал он. — Мы недалеко от золотой залежи?

— Опомнитесь, сеньор, — сказал траппер почти невольно, — и не дайте индейцу возможность увидеть, как храбрый воин белых теряет самообладание при одной мысли о презренном металле.

Команчский вождь поднялся с колен.

— Пора, — сказал он, — Дух Желтых вод разрешает нам вступить в его владения.

— Ну, так вперед, во имя Господа, — сказал Железная Рука.

Индеец поднялся на последние двадцать ступеней, и все трое остановились на вершине скалы.

Перед ними простиралась золотая долина.

Граф де Сент-Альбан стоял и безмолвно смотрел; единственные слова, которые, наконец, вырвались из его уст, были: «Золото! Золото!»

Последние лучи солнца освещали долину, которая казалась вся объята огнем.

Когда граф пришел в себя и мог рассмотреть подробности, он увидел перед собой котловину около сотни шагов в длину и около пятидесяти в ширину, окруженную с боков крутыми обрывами и замкнутую высокой каменной стеной, у подошвы которой виднелась широкая трещина. Из множества других мелких трещин и дыр просачивалась грязная вода, протекавшая по длине в виде ручейков и собиравшаяся на той скале, где стоял

граф, откуда, по-видимому, не было никакого стока. Легко было понять, что она просачивается сквозь пористый камень, и стекая вниз, образует источники Бонавентуры.

На дне долины виднелись многочисленные высохшие русла, наполненные блестящим песком и камнями.

Этот песок, эти камни — были чистым золотом!

В лучах заходящего солнца котловина казалась каким-то огненным снопом. Отложение золота в течение столетий было так громадно, что некоторые зерна превратились в огромные комки, и когда солнечные лучи проникли внутрь котловины, глаза едва могли выносить ее блеск, потому что вся она, сверху донизу, была усеяна золотыми самородками.

Граф едва мог преодолеть свое волнение при этом удивительном зрелище, он хотел сойти в долину, но сильная рука траппера удержала его.

— Успокойтесь, сеньор. Будьте сдержаннее, не дайте золотой горячке овладеть вами. Следуйте осторожно за команчем.

Индеец спустился по широким ступеням, граф последовал за ним и, остановившись на дне долины, мог воочию убедиться, что гамбузино говорил правду и что сокровища были, действительно, неисчислимы.

Итак, граф достиг наконец цели трудного, утомительного странствования, стоившего жизни стольким людям!

Пока де Сент-Альбан стоял, будто зачарованный, думая о том, как мало людей из его храброго отряда остаются еще в живых, какими опасностями и трудностями грозит им ближайшее будущее, — солнце село, долина оделась тьмою, и только звезды отражались на золотых скалах.

Наконец граф очнулся от своего забытья, чувствуя, что какие-то смутные опасения овладевают им против его воли. Вспомнив, что его проводники захватили с собой факелы, окликнул Железную Руку и попросил его зажечь факел.

Траппер молча исполнил его желание. Запалив факел, он прошел впереди графа в котловину, стены которой заиграли тысячами огненных бликов.

Глаза графа блуждали по сверкающим стенам. Вдруг, точно желая убедиться, что он не грезит, он схватил

ржавую баррету Хосе, оставленную в котловине еще два года тому назад, и со всей мощью своей исполинской силы принялся отбивать огромные куски золота от стены.

— Все это и в тысячу раз больше, — сказал он трапперу, который, качая головой, следил за его лихорадочными движениями, — должно достаться людям, делившим со мной труды и опасности — никто из моих друзей не будет забыт или обделен.

Вдруг он остановился и провел рукою по лбу, ощутив какую-то тяжесть в голове.

— Вы правы, Железная Рука, это золото туманит мой рассудок. Уйдем скорее, пока его чары снова не овладели мной.

Граф поспешно вышел из котловины и подошел к индейцу, который сидел молча и неподвижно. Там он укрепил факел между камнями, выпил глоток воды из фляжки траппера, собрал в кучу несколько самородков и помог увязать их в одеяло, которое они принесли с собой. Он говорил теперь без умолку, будто в бреду.

Наконец француз умолк, подпер голову руками и погрузился в глубокую задумчивость.

Железная Рука, по-видимому, ждал этого момента. Он кивнул индейцу, давая понять, что графа следует оставить в покое, затем оба растянулись на камнях. Минуту спустя их тихое дыхание показало, что они погрузились в глубокий сон.

Граф все еще сидел на том же месте, в том же положении. Грезы, самые фантастические, наполняли его голову, разгоряченное воображение рисовало грандиозные замыслы.

Чего не может он достигнуть с этими бесчисленными сокровищами? Франция под владычеством новой ветви Бурбонов — военная сила, какой нет ни у одного народа в мире, — Париж, прекрасный, величественный Париж у его ног, — могущество, блеск, все земные почести в этом золоте, и он — его единственный обладатель!

Граф встал, лицо его налилось кровью. Факел почти догорел, он зажег новый, неслышными шагами пошел к котловине и исчез в глубине ее.

Когда траппер проснулся, солнце уже всходило.

Железная Рука протер глаза, вскочил и осмотрелся, — графа не было подле них. Проснувшийся индеец также не знал, куда девался француз.

Они стали искать графа, пошли к котловине; в ней царил мрак. Железная Рука послал индейца за факелом, а сам несколько раз окликнул графа, но только эхо отвечало на его зов. Им овладело тревожное беспокойство, он вырвал факел из рук подошедшего индейца и бросился в котловину.

Волосы встали дыбом на его голове, — этот сильный бесстрашный человек должен был прислониться к стене: перед ним лежал бездыханный уже окоченевший труп француза с широко раскрытыми глазами.

Сначала траппер не решался поверить своим глазам; но, убедившись в печальной истине, закрыл лицо своей широкой мозолистой рукой; крупные слезы покапались между его пальцами и скатились на холодный металл.

Между тем индеец опустился на колени возле тела и попытался было вернуть его к жизни, так как он слышал от Крестоносца о странной болезни графа и думал, что с ним опять случился припадок. Однако, посмотрев в безжизненные глаза графа, он убедился в его смерти.

Предсказание немецкого врача в Сан-Хосе сбылось; припадок, вероятно, вызванный сильным нервным возбуждением, возобновился и окончился смертью.

Товарищи вышли из котловины и, усевшись у входа, стали совещаться, как им поступить с трупом. Вырыть могилу в каменистой почве было невозможно; поэтому они решились оставить тело там, где его постигла печальная участь.

Железная Рука вспомнил, что граф положил свой бумажник под камнем в долине. Поэтому он ограничился тем, что снял с руки француза кольцо с гербом, чтобы передать его спутникам, как знак, удостоверяющий его гибель, прочел еще один *Pater noster*¹ за упокой души усопшего, перекрестил тело и вышел из котловины.

Вспомнив последние слова покойного, он решился исполнить его волю и отнести его спутникам золото, увязанное графом в одеяло. Лошадь, на которой граф провожал Крестоносца, должна была перевезти тяжелый груз к лагерю экспедиции.

Навьючив на себя золото, траппер и индеец поднялись на стену; Железная Рука еще раз бросил печальный

¹ *Pater noster* (лат.) — Отче наш — молитва у католиков.

и негодующий взгляд на котловину, сиявшую в лучах солнца, затем они стали спускаться со скалы.

Так как Железная Рука не принимал на себя никаких обязательств относительно членов экспедиции, то он поклялся, во избежание новых несчастий, что мертвец, оставшийся в котловине до судебного дня, будет последним, кому открылась тайна котловины.

Перенесемся теперь на остров, покинутый графом двое суток назад.

В отсутствие графа его волонтеры занимались постройкой плота взамен челнока, время от времени обмениваясь выстрелами с апачами, но не ожидая серьезного нападения. Конечно, на острове не знали, удалось ли графу и Крестоносцу добраться до берега, но, по крайней мере, можно было быть уверенным, что они не попались в руки апачей, так как последние непременно отметили бы такую удачу торжествующими воплями.

ЭПИЛОГ

Однако члены экспедиции начинали беспокоиться и с удвоенным вниманием охраняли остров. Съестных припасов оставалось всего на один день, так что следовало принять какое-нибудь решение.

Наступила третья ночь, под покровом которой должны были вернуться граф и Крестоносец, или, по крайней мере, хоть один из них, если только оба не были захвачены в плен или убиты.

Поручик фон Готгардт сменил часовых и хотел еще раз пройти остров, как вдруг на правом берегу реки прогремел выстрел. За ним последовал другой на левом берегу; раздался истошный рев сотни индейских глоток; потом загревели залпы один за другим.

— Люди, сюда! Где наш плот? Граф дерется с апачами, — поспешим к нему на помощь!

Молодой пруссак с быстротою оленя сбежал к реке, за ним бросились остальные.

Залпы следовали за залпами, и гром выстрелов сливался с криками авантюристов и воплями апачей.

Восходящее солнце осветило картину полного поражения и истребления краснокожих. Немногие избежали

пуль и томагавков команчей и спаслись бегством. Белые освободились от осады и находились уже на левом берегу реки, между тем как команчи и Крестоносец ожидали графа и его товарищей на правом берегу.

Несмотря на победу, члены экспедиции находились в беспокойном настроении и нетерпеливо ожидали своего предводителя, который должен был вести их к давно обещанному сокровищу. Евстафий, чувствовавший, сам не зная почему, какое-то смутное беспокойство, переправился на правый берег, чтобы поговорить с Крестоносцем о графе, вместе с ним отправился и Готгардт, которому хотелось поболтать с Суванэ.

За час до заката солнца один из команчей вернулся из прерии и сообщил, что с юга к лагерю команчей идут двое людей и ведут с собой лошадь.

Вскоре все узнали Железную Руку и вождя тойахов. К общему удивлению, они шли одни.

Когда они подошли, все окружили их и с беспокойством спрашивали траппера о графе.

Лицо траппера было серьезно и непроницаемо. Он обратился к Крестоносцу и спросил:

— Где сеньор Евстафий? У меня есть поручение к нему.

— Я — Евстафий. Где мой дорогой господин? С ним не случилось никакого несчастья?

— Граф умер, — отвечал Крестоносец. — Божья воля назначила ему могилу в пустыне. Вот его кольцо в доказательство истины моих слов.

Он протянул Евстафию кольцо графа.

Удар был так неожидан, так тяжел, что в первую минуту никто не мог произнести ни слова. Верный Евстафий закрыл лицо руками и зарыдал.

— Железная Рука, — сурово сказал Готгардт, — я знаю и уважаю вас и не сомневаюсь в истинности вашего печального известия. Но граф оставил здесь многочисленных друзей, которые потребуют у вас отчета о его смерти, поскольку Крестоносец оставил его в обществе вас и индейца целым и невредимым.

— Мы не пригласили к себе покойного, — сказал траппер, — он пришел к нам по собственному желанию, и никто не мешал ему вернуться. Поэтому никто не имеет права возлагать на нас ответственность за его участь. Однако я готов, насколько мне позволяет клятва,

рассказать о его кончине человеку, которого он сам указал. Сеньор Евстафий, я хотел бы поговорить с вами наедине.

Спокойная твердость траппера не допускала мысли о каком-нибудь подозрении. Евстафий тотчас отошел с ним в сторону. Траппер вынул записку, которую граф написал на случай своей гибели, и передал ее Евстафию.

Француз развернул записку и прочел следующее:

«Моему старому другу и товарищу Евстафию — привет и благодарность! Бог не хотел, чтобы я достал сокровище. Траппер Железная Рука и его товарищ, молодой вождь тойахов, — оба честные люди, — сообщат тебе о моей смерти. Живи счастливо, и пусть Бог вознаградит тебя за твою верность и любовь ко мне.

Анри Сент-Альбан».

Евстафий, глотая слезы, прочел эту записку трапперу, который внимательно слушал.

После этого они долго беседовали и вернулись к огню уже поздно вечером. По зрелому обсуждению они решили скрыть от всех тайну смерти графа в золотой котловине, — о которой траппер и Евстафию рассказал только то, что мог рассказать, не нарушая клятвы, — но сообщить доверенным людям о последних распоряжениях графа и посоветоваться с ними, как удовлетворить членов экспедиции.

Крестonosец, Готгардт и Суванэ, мирно беседовавшие между собой, были приглашены на совещание, и Железная Рука показал им золото, привезенное на лошади. По приблизительной оценке его вес составлял около 200 фунтов.

— Друзья, — сказал Евстафий, — я должен сообщить вам, что граф, мой господин, умер, отыскивая золотую залежь. Железная Рука доставил мне несомненные доказательства этого и сообщил последнюю волю покойного, — ни этот храбрый человек, ни его спутник ни в чем не виноваты; напротив, я благодарю их за их добросовестное и честное отношение к графу. Они привезли сюда золото, найденное графом, которое должно быть разделено между членами экспедиции. Я сам возьму на себя этот дележ.

Золото было снова завязано в одеяло и положено у огня, затем все легли спать. На следующее утро Евста-

фий переправился через реку с лошадыю, нагруженной золотом, и с частью команчей на случай ссоры между членами экспедиции.

Оставшиеся на правом берегу могли наблюдать за всем, что происходило на левом. Они видели, как члены экспедиции окружили Евстафия и его спутников. Евстафий в коротких словах сообщил им о смерти графа, разделил между ними золото с помощью наскоро устроенных весов, и наконец простился.

Тогда как эти последние отправились к гасиенде дель-Серро, чтобы оттуда разбрестись во все концы света, Евстафий, Крестоносец и поручик Готгардт решили остаться некоторое время с траппером и по приглашению команчей посетить их родину.

Впоследствии Евстафий вернулся во Францию; барону фон Готгардту так пришлась по душе жизнь в прерии, что он сделался траппером, подобно Железной Руке и Крестоносцу, и через год после описанных выше событий воспользовался прибытием миссионера в команчские деревни, чтобы обвенчаться с Суванэ, принявшей католическую веру.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ

роман

Глава I

МЕЧТАТЕЛЬ БРЕНДОН

Давид Брендон отшвырнул в сторону молоток, которым он только что забил последний гвоздь, и, тряхнув головой, отбросил назад прядь черных и жестких, как у индейца, волос. Затем он сладко потянулся, расправил усталые руки, как бы освобождаясь от последних усилий непривычного для него труда. Несколько минут он рассматривал свою работу, которую нужно было закончить еще прошлой осенью. Он выполнял ее урывками, от случая к случаю, когда выпадала свободная минута или появлялось настроение. Ему нужно было смастерить небольшую пристройку для его маленького сына Дэви. Теперь, когда все было кончено, большие умные темные глаза Брендона, в которых светился юмор, заискрились от удовольствия.

— Ничего себе! — рассуждал он. — Домик, конечно, крохотный, не дворец!

Как свойственно многим мечтателям, у которых слишком мало общего с окружающим, он любил рассуждать сам с собой вслух.

— Нельзя сказать, — продолжал он, — чтобы это здание придавало много красоты и великолепия столице штата Иллинойс! Но все же недурно!

Порывшись в кармане сильно потертых и перепачканных синих брюк, заправленных в высокие, довольно поношенные сапоги, он вынул пачку грубо нарезанного дешевого табаку, набил черную трубку и, закурив от уголька из печки, подошел к окну, через которое лился поток лучей заходящего зимнего солнца. Городской шум и разнообразные звуки жизни приятно ласкали слух. Звонкие удары молотка в кузнице, визг и шипенье лесопилки, веселые крики школьников, возвращавшихся с

занятий, свист локомотива вечернего поезда, идущего с востока к Спрингфильду¹, — все это как-то нарушило строй мыслей Брендона, оторвало его от спокойного созерцательного настроения. Он встряхнулся, точно со сна, глаза его засветились огоньком возбуждения, как у кавалерийской лошади, услышавшей звук военного рожка. Мысли Брендона напряглись. Огонь в трубке потух, и он отбросил ее в сторону. Подойдя к двери, он вперил взгляд в тонкую ленту дымка приближающегося поезда и так ушел в свои размышления, что не заметил, как в двух шагах от него медленно прошла группа соседок, среди которых была тетушка Марта. Она очень любила маленького Дэви, но всем и каждому говорила, что никак не может понять его отца. Поравнявшись с Брендонном, она пожелала ему доброго вечера.

— Как дела, мистер Брендон? Пошли-ка ко мне вечером Дэви: я приготовила для него яблочко. Смотри, только не забудь!

И она погрозила пальцем глубоко задумавшемуся Брендону. Тот кивнул головой, едва уловив смысл сказанного, и продолжал напряженно следить за чуть-чуть заметными обрывками паровозного дыма, тянувшегося к востоку.

Старая дева мисс Мик, державшая в Спрингфильде галантерейную лавку и бывшая законодательницей мод в местечке, подтолкнула локтем Марту и сказала:

— Как будто не похоже, что он благодарен тебе, Марта! Многие говорят, что у него не все дома... он какой-то странный. Решительно ничего не делает, чтобы обеспечить себя.

— Я не думаю этого, — возразила Марта, — просто, Брендон не такой, как все! Он все готов сделать для людей, которые хорошо к нему относятся. Не верьте, что он неловок и ненаходчив: у него всегда есть землемерные работы, хотя, надо сознаться, он смотрит на них как на безделицу. Давид прекрасный и сердечный человек! Правда, он немножко прямолинеен, но что за беда? Он всегда аккуратно платит свои долги. Да... вот только он немного помешан на одной идее... что будто бы здесь должна пройти железная дорога через всю Америку. Он говорит, что придет время, когда народ будет ездить пря-

¹ Небольшой городок в штате Иллинойс. — *Прим. перев.*

миком по железной дороге от Нью-Йорка до Калифорнии и что это путешествие будет занимать всего неделю. Он обещает миллионы тем людям, которые возьмут на себя смелость осуществить этот проект. Если это не помешательство, то я не знаю, что это такое.

— Несомненно, он помешанный! Ну, скажите пожалуйста, разве это не противоречит природе и религии — так быстро путешествовать? Жаль, очень жаль мальчика, отец которого вдолбил себе в голову такие вредные идеи!

Бросив на Брендона презрительный взгляд, дамы скрылись за углом. Брендон отчасти слышал болтовню кумушек, но отнесся к ней мужественно и не обратил на нее внимания: в общем он знал их мнение о себе. Правда, эти разговоры временами болезненно отзывались в его душе, но они в то же время еще более разжигали его энтузиазм.

— Удивительно, — говорил он себе, — как они не понимают таких элементарных вещей? Ведь все ясно как день!

Поезд, за которым так напряженно следил Брендон, в это время пыхтя пересекал холмы и приближался к городу — конечному пункту железной дороги. Обычно, когда он останавливался у не совсем еще достроенной станции Спрингфильда, жители высыпали на платформу и встречали его торжественными звуками рожков. В 1853 году, по крайней мере, четверть населения городка выходила встречать поезд. Он приходил раз в сутки, и приход его был целым событием, с которым ничто другое не могло сравниться.

На первых порах и Брендон по приходе поезда вмешивался в толпу. Весело болтая, он с удивлением рассматривал пассажиров, которые привозили с востока новые товары, солидных путешественников, старых поселенцев с юга и с долины реки Огайо. Но за последнее время он отказался от удовольствия посещать станцию. Дело в том, что его появление сейчас же вызывало разговоры о его сумасшедшей идее соединить железной дорогой Миссури с Тихим океаном через земли индейцев. Он не любил доказывать целесообразность своей идеи и обычно, подобно всем ирландцам, старался отделаться шуточками. Правда, у него были здесь два-три неглупых и остроумных собеседника, с которыми он нередко вступал в словесный поединок и своими аргументами, точно

цепами, молотил их по головам. Но борьба была бесплодна.

— Если бы я мог убедить их, — утверждал Брендон, — я осчастливил бы целый город! Но пока для этого нет никакой возможности. Бить молотком по медным лбам — пустая трата времени. Ведь видят же они, что у них под самым носом проходит небольшая ветка, их ветка, которая с каждым годом увеличивает и обогащает население города. Всего несколько лет назад все говорили, что здесь ее невозможно проложить, а теперь она делает доброе дело. Удивительно, как это они не понимают, что рельсы можно проложить и на восток и на запад до того места, где они упрутся в океан. Нет, если я не уеду отсюда, я с ума сойду!

В конце улицы на веранде очень красивого, ярко выкрашенного двухэтажного дома показался человек, всматривавшийся в свой двор. Он был широкоплеч, низкого роста, и вся его фигура говорила о том, что он довольно важная персона в местечке. Его костюм был хорошо сшит, видимо, восточным портным. Черная пуховая с широкими полями шляпа, со складками посередине, прикрывала его большую седеющую голову. На нем было короткое черное двубортное пальто с широкими лапами; на жилете из темно-синего бархата блестела тяжелая золотая цепь. Его просторные брюки были сшиты из скромной серой материи в полоску. Этот человек посмотрел на Брендона, остановившегося у своей новой пристройки, и, заложив руки в карманы, твердой походкой сошел с веранды.

Брендон, увидев его, внутренне засмеялся.

«Гм! — подумал он. — Том Марш идет поздороваться со мной как с простаком, у которого мозги набекрень. Но он — добряк и, кажется, вовсе не намерен делать мне неприятности, и мне, конечно, не следует брыкаться. Это единственный человек в Спрингфильде, начинающий понимать, что моя идея правильная. Он часто бывает на востоке и встречается с влиятельными людьми; он знает, что в Нью-Йорке и Вашингтоне уже велись разговоры о железной дороге; кроме того, он самый крупный подрядчик в Иллинойсе. Но и он все еще думает, что моя идея «пленной мысли раздражение!...».

В это время Том Марш пересекал двор. Самый богатый человек в Спрингфильде, Марш гордился тем, что

сделал свою карьеру без чьей-либо помощи, и был крайне нетерпим к тем, кто не соглашался с его деловыми взглядами. Увидав своего неудачливого соседа, он приветствовал его с улыбкой, в которой сквозили не то сожаление, не то упрек.

— Как поживаете, Давид? — заговорил он приветливо. — Кажется, уже пора нашим ребятишкам возвращаться из школы?

— Да, Том, кажется, пора, — ответил Брендон, по своей привычке несколько растягивая слова. — Я не прочь подождать их здесь, под этим старым кленом, и посмотреть на их веселые личики. Они всегда меня успокаивают, когда я не в духе. Мой Дэви выглядит как взрослый человек. За них беспокоиться нечего!

— Я не беспокоюсь. Уверен, что моя Мэри, как обычно вместе с Дэви. Он у вас молодчина! Для десятилетнего мальчугана у него достаточно здравого смысла, Брендон!

При этих словах Марш пристально взглянул на Брендона, тот улыбнулся и сказал:

— Разве вы не догадываетесь, от кого он унаследовал свой здравый смысл? Он получил его от матери.

При этих словах выражение лица Марша смягчилось. Дело в том, что в жизни Марша и Брендона было одно общее горе, которое более чем что-либо другое примиряло богатого подрядчика с бедным землемером: их жены умерли в один и тот же год, вскоре одна за другой. У Марша на руках осталась двухлетняя дочь Мэри, а у Брендона — сын четырех лет, Дэви. Дети вскоре сделались неразлучными друзьями. Дэви, как молодое животное, любил шумно поиграть и подраться со сверстниками, но он всегда чувствовал, что его обязанность быть защитником и покровителем Мэри, ее старшим братом. Мэри, со своей стороны, видела, что в жилах ее друга течет кровь старой культурной семьи.

Посмотрев на улицу по направлению к реке, откуда должны были появиться дети, Марш почему-то нахмурился. Он думал о Брендоне: отчего он такой неудачник, ведь для счастья мальчика ему так необходимо добиться успеха в жизни!

— Давид, — начал Марш, — я уже не раз толковал с вами о домашних делах, хочу попытаться еще раз. Вы умный, скромный человек, аккуратный налогоплатель-

щик, вас все любят, но... никто вас не уважает, Давид. Будем говорить откровенно: ведь все смотрят на вас вроде как на шута горохового, который только и занимается тем, что распространяет направо и налево свои бредни. Бросьте вы эти благоглупости насчет трансконтинентальной железной дороги! Прочистите свои мозги и не тратьте времени на писание писем влиятельным людям в Нью-Йорк. Ведь они смеются над вами, как над рехнувшимся, и бросают ваши письма в мусорную корзину. Все это ни к чему, Давид! Вы молоды, вам всего тридцать пять лет, и у вас еще много времени впереди, чтобы заработать деньги, хорошо устроить жизнь и дать приличное воспитание сыну. Займитесь же основательно землеустройством, а если будет какая-нибудь неудача, я охотно помогу вам. Вы знаете, у меня прекрасные связи. Ну, что вы скажете на этот счет?

Брендон с минуту молчал, глядя куда-то в сторону блестящими, возбужденными глазами. Этот взгляд всегда вызывал у людей насмешку: рехнувшийся Брендон, мечтатель Брендон, полусумасшедший Давид!

Улыбка заиграла на его губах. Марш впился в него глазами. Этот полунищий землемер казался ему в этот миг человеком не от мира сего, говорящим на чужом, непонятном языке.

— Том, — начал Брендон, — вы хотите, чтобы я стал на вашу точку зрения? Вы уже не раз по доброте своей говорили мне, что я кандидат в сумасшедший дом. Я, со своей стороны, тоже не раз пробовал доказать вам свою правоту. Что за беда, если я пойду по дороге, которую вы мне пророчите, и попаду в сумасшедший дом: прежде чем я окажусь там, вы убедитесь, что я был прав! Скажите, ради всего святого, почему люди, подобные вам — умные, начитанные, развитые — не видят того, что трансконтинентальная железная дорога столь же неизбежна, как смерть. Это удивляет меня, Том, это приводит меня прямо в отчаяние. А между тем какой-то рок неудержимо толкает меня взять вашу руку и доказать вам, что моя идея правильна, что она может обогатить вас и сделать Соединенные Штаты единой и могущественной державой. И никто из вас не видит, не понимает этого! Это ужасно! Неужели так глухи, слепы и недалёковидны ваши деловые люди, ваши политики?!

Брендон на минуту остановился, пристально взглянул на Марша и продолжал:

— Я знаю, что вы думаете, — голос его стал твердым, в глазах вспыхнул огонек и сжатые кулаки рассекли воздух широким взмахом. — Вы думаете... по вашему мнению, это наивная, глупая мечта о возможности проложить железную дорогу длиной в 2000 миль через дикую, пустынную, населенную лишь враждебными индейцами страну, где нет ни белого населения, ни городов, ни отдельных ферм на всем пути от реки Миссури до Тихого океана. Я знаю, вы так думаете! Нет, вы тысячу раз не правы! Разве вы не видите, что Америка должна дать землю стомиллионному населению, что она должна это сделать до окончания этого столетия? Разве вы не видите, что с самого начала нашей истории у белого населения всегда была тяга на запад? Уверяю вас, Том, железная дорога к Тихому океану будет построена, и вы увидите ее не позже, как через десять лет! Пусть люди смеются надо мной, пусть называют меня свихнувшимся, глупцом, мечтателем. Пусть! Я знаю, Марш, что я прав, я чувствую это, осязаю! — кончил он с огромным одушевлением.

— Брендон, — заговорил Марш, и его слова падали точно камни, — вы говорите как зачарованный. Подумайте лучше о вашей собственной жизни. Дайте вашему мальчику что-нибудь лучшее, чем несбыточная мечта. Вы говорите, что вы знаете, чувствуете свою правоту, но что могут смыслить мечтатели в чисто практических делах? Представляете ли вы себе в цифрах, что будет стоить железная дорога от Миссури до Калифорнии? Подумали ли вы о том тяжелом материале, который называется деньгами, и где он добывается? Нет? Так я скажу вам: это потребует 100 тысяч долларов на милю, а вся дорога будет стоить не менее двухсот миллионов долларов. Где их взять? Подумали вы об этом?

— Что ж, Том, я вижу, нам не переубедить друг друга, — ответил Брендон, — но скажу вам, что если произвести тщательные изыскания вдоль старой Индианы и Оверленда по трассе на Орегон и Калифорнию, можно найти легкие переходы через горную цепь; это значительно удешевит строительство. Неужели это дело нельзя протолкнуть через Конгресс? Ведь есть же у вас влиятельные люди, миллионеры и такие же дельцы, как вы сами!

Глава II

ДЕТИ

В то время как Марш безуспешно пытался наставить Брендона на путь практической жизни, их дети, это звено между двумя противоположностями, уже проводили железную дорогу в Калифорнию. На возвышенной луговой площадке, еще покрытой снегом и примыкающей к пруду, Мэри и Дэви с торжественной важностью, свойственной детям, обдумывали план постройки. Из того, о чем говорили старшие дома, дети сделали увлекательную игру.

Дэви страшно любил отца; он был его единственным сочувствующим слушателем во всем Спрингфильде. Его пытливый детский ум удивительно верно схватил идею отца и использовал ее для занимательной игры. Игра в железную дорогу стала самым увлекательным занятием для Дэви. Он вкладывал в нее не только общее содержание отцовской идеи, но и щедро приукрасил ее романтизмом, заимствованным из прочтенных книг. У него представление о железной дороге связывалось с библейским образом Моисея, прокладывающего трудный путь для избранного народа в землю обетованную. Фигурировали также и Ричард Львиное Сердце, и крестоносцы, и Даниэль Бун, наконец пробивающийся сквозь леса и горы в первые дни открытия Америки.

Дэви соорудил нечто вроде теодолита на треножнике, и обязанность Мэри заключалась в том, чтобы переносить этот инструмент вместе с бечевкой и колышками с места на место. Они прокладывали Тихоокеанскую железную дорогу через все искусственные и природные преграды в золотую солнечную страну на запад. Мэри хорошо усвоила романтическую выдумку своего друга и принимала самое живое участие в инженерной игре, которая развертывалась на пространстве от начала лужайки до пруда. Ее маленькие ножки быстро перебежали с места на место, повинаясь приказаниям великого инженера. Если Дэви нравилась идея игры, то для Мэри на первом плане была ее увлекательность и забавность; она не смотрела на игру так серьезно, как ее компаньон, потому что замечания отца по поводу сумасбродной идеи Брендона оставили отпечаток в ее детском сознании.

— Мэри, сейчас мы проводим линию через Небраску, — весь сияя от удовольствия, говорил Дэви, и глаза его загорались таким же особенным блеском, как у отца. — Отец говорит, что дорога должна идти в этом направлении, а он хорошо знает; он ведь самый умный человек в Спрингфильде, — мой отец-то!

— Как же так? Ведь дальше идти некуда, тут нет дороги? — спрашивала Мэри.

Дэви задумывался и хмурил брови. Действительно, впереди было затруднение.

«Не то ли это самое, — подумал мальчик, — о чем иногда говорил отец?», а вслух сказал:

— Теперь мы поведем дорогу напрямиком через страну индейцев: я побегу по линии, а ты наблюдай, чтобы я не отклонился от маршрута.

Изыскатели совершенно не замечали, что они доставляют истинное удовольствие одному всаднику, который направлялся в город по Маконской дороге и пристально всматривался в их забавную игру. Он остановился и слез с лошади, привязал ее к дереву и пошел по снегу к намеченной колышками дороге. Подойдя к «трассе», которая шла зигзагами то вправо, то влево, он с улыбкой смотрел на детей, и уголки его большого рта слегка вздрагивали.

В Спрингфильде не было никого, кто бы так бросался в глаза, как этот проезжий всадник. Он был высок, выше шести футов и трех дюймов, но худой, а длинные руки и ноги еще более увеличивали его рост. Ему было около сорока четырех лет, но он выглядел несколько старше, так как на лице его лежал отпечаток серьезной задумчивости. Его чуть продолговатое лицо с высоким и широким лбом, выдавшимся из-под высокой меховой шапки, говорило о том, что этот человек прошел суровую школу жизни. Грубая работа, тяжелая жизнь и привычка сосредоточенно думать провели глубокие морщины на его лице, светившемся в то же время какой-то особой материнской нежностью. У него были большие тяжелые брови над темными вдумчивыми глазами и широкий, красиво посаженный нос. Большой рот его складывался в ироническую улыбку, а широкие острые скулы и выдающийся подбородок обличали в нем, безусловно, энергичного и сильного человека. На его несколько сутулые плечи была наброшена темно-красная шаль, слу-

жившая хорошей защитой от холода во время длинной дороги. Под шалью виднелось темно-синее пальто с медными пуговицами, которое в те времена носили адвокаты, — нечто вроде форменного платья. Длинные и широкие полы пальто доходили до сапог, вид которых говорил, что они уже давно несут свою нелегкую службу. На больших и загорелых руках были надеты тяжелые, грубой работы варежки, теплые и очень удобные для дороги.

Первой его увидела «помощник землемера» Мэри, глаза которой радостно заблестели. Это неожиданное появление высокого дяди не только остановило ход изысканий Тихоокеанской железной дороги, но и привело к внезапной катастрофе, в которой помощь главного землемера Брендона-младшего оказалась неоценимой. Дело в том, что Мэри, увидав высокого дядю, подпрыгнула от радости и бросилась к нему так неудачно, что поскользнулась у берега пруда и, потеряв равновесие, бухнулась в воду. Ее крик услышал не только Дэви, но и молчаливый наблюдатель игры. Он подбежал к месту катастрофы как раз в то время, когда Дэви уже схватил девочку и тащил ее на берег. Костюм Мэри оказался в полном беспорядке: ее шляпа и пальто, только на днях выглаженное, ее панталоны и платье, — все это насквозь промокло и имело самый жалкий вид.

В то время как она вытирала слезы, ручьем катившиеся по ее покрасневшемуся, словно пион, личику, высокий человек подошел к ней, отечески обнял ее и, вынув большой красный носовой платок, начал осушать ее мокрое платье.

— Теперь уже нечего плакать, Мэри, — говорил он глубоким ласковым голосом, — теперь все в порядке. Землемеры должны быть всегда готовы ко всяким неприятным случайностям. Я скажу отцу, что во всем виноват я!

— Я... я не испугалась, — лепетала сквозь слезы Мэри, — я словно с ума сошла, делая такую неловкость, мистер Линкольн! Что вы и Дэви теперь подумаете обо мне?! Ведь мальчик никогда не скатился бы так с берега, словно ситцевая кукла!

— Пустяки! Я видал много мальчиков, с которыми случалось то же самое, что и с вами, — говорил высокий джентльмен. — Ну, теперь нечего беспокоиться! Как вы поживаете, Дэви? Как идут ваши изыскания?

— Великолепно, мистер Линкольн, — ответил с воодушевлением Дэви, — наконец я добился того, что подсчитал все до Скалистых гор!

— О! Это очень хорошо! Вы сделали работу лучше, чем другие, — говорил улыбаясь гигант. — Ну, а теперь мы должны доставить эту маленькую леди домой так скоро, чтобы стриженная девушка не успела косы заплести. Мокрое платье в январский вечер не очень-то приятная вещь для девочки, которая хочет еще расти. Не так ли, Дэви?

С этими словами Линкольн поднял девочку на плечи и понес ее к месту, где была привязана его лошадь. Отвязав ее и вскочив на седло, он поднял девочку и посадил впереди себя, потом правой рукой подхватил Дэви и поместил его позади. По дороге он ласково уговаривал старого мерина Цезаря, своего неизменного друга в поездках по судебному округу, чтобы он прибавил рыси, иначе друзья Авраама Линкольна¹ будут говорить о нем как о плохом рысаке. Ехать надо было не более версты. Когда они свернули к старому клену, где Марш и Брендон заканчивали свой разговор, последние тотчас заметили путешественников. Марш схватил Брендона за руку и воскликнул встревоженно:

— Что-то неладное стряслось, Брендон! Мэри вернута в шаль, и Эйб² везет ее.

Брендон улыбнулся слабой улыбкой и спокойно сказал:

— Я не знаю, Том, что случилось с Мэри, но я знаю, кто такой Эйб Линкольн. Если бы что-нибудь случилось, мы увидали бы, как длинные ноги этого верзилы делают саженный прыжок, не дожидаясь старого Цезаря. Кажется мне, что она искупалась. Но ничего: вон Дэви смеется!

Линкольн в это время успокоительно махнул рукой.

— Не беспокойтесь, — начал он, — сущие пустяки! Наша юная леди хотела сделать мне книксен, поскользнулась и совершенно забыла, что перед ней пруд. — С этими словами он бережно спустил девочку с седла и

¹ Линкольн Авраам (1809—1865) — 16-й президент США, один из организаторов Республиканской партии; родился в семье фермера. Имя Линкольна — символ демократических традиций американского народа.

² Эйб — уменьшительное от имени Авраам, которое по-английски произносится как «Абрахам». — *Прим. ред.*

передал ее отцу, говоря: — Скорей, скорей в дом, мисс! Выпейте чего-нибудь горячего, а я приду и доскажу вам конец истории о красной белке.

Мэри вприпрыжку перебежала лужайку двора и скрылась в доме.

Брендон кивнул сыну, приглашая его идти домой, и Линкольн, спустив мальчика с седла, дружески шлепнул его по спине своей большой ладонью. Дэви побежал домой, чтобы развести огонь и приготовить ужин. Старики у клена несколько минут молчали.

Линкольн чувствовал, что между его друзьями происходил какой-то неприятный разговор, но он с обычным своим тактом и терпением ждал, когда они заговорят сами. Марш первый прервал молчание.

— Эйб, — начал он, — не посоветуете ли вы Давиду что-нибудь такое, что очистило бы его мозги от паутины? Хороший человек, а тратит время на какие-то бредни. Железная дорога напрямик через континент... Он просто начинает терять рассудок! Вы знаете, я пришел сюда вместе с Давидом и вместе с ним начал работать; я сколотил деньжонок и еще сколочу, потому что не трачу времени и сил в погоне за блуждающими огнями. Вы подумайте только, Давид до сего времени ни на чем еще прочно не остановился, он только может говорить о железной дороге. Железная дорога, железная дорога! Я начинаю себя чувствовать просто больным от его железной дороги!

Брендон стоял, опираясь на старый клен, и рассеянно слушал его тираду; его глаза были устремлены на что-то невидимое далеко на западе. Линкольн молча смотрел на него. Вдруг Давид заговорил. Глаза его загорелись каким-то особенным блеском. Широким взмахом руки он провел по направлению к горизонту.

— Смотрите сюда, — начал он. — Что это? Пустыня? Дикае козы? Буйволы? Но придет день — и это случится еще при нашей жизни — здесь проляжет железная дорога. Она победит пустыню, превратит Соединенные Штаты в подлинную единую и могущественную страну. Если судьба сохранит меня, я приложу свои руки к постройке этой дороги. Я желаю, чтобы и сын мой вложил свою долю участия в ее создание.

И он снова обратил свой взгляд на запад, где заветная мечта его жизни рисовалась ему уже осуществленной.

Марш возбужденно заговорил:

— Скажите, Эйб, слышали вы когда в жизни что-нибудь глупее этого?

— Почему нет, Том? — простодушно отвечал Линкольн, немного растягивая слова. — Да, я слышал кой от кого об этих глупостях, и знаешь — от довольно умных людей. Я припоминаю одного молодого человека, Доджа, который еще не так давно, когда я ездил в Блефф в городской совет, говорил мне то же самое. Как-то я сидел на ступеньках старого Океанского Дома, слушал кваканье лягушек и смотрел на небо; ко мне подсел молодой военный инженер. Мы разговорились, и он рассказал мне, что он делает изыскания для военного ведомства в этом направлении. Молодой Додж полностью разработал свой проект. Он прошел весь путь до Небраски напрямик к Скалистым горам. Он говорил об этом с большим энтузиазмом. И знаете, Том, его рассуждения были так резонны, что он почти убедил меня!

Брендон, опираясь на дерево, внимательно слушал.

— И вы уверены, Эйб, что это в самом деле может осуществиться? — спросил он.

— Ерунда! — горячо заговорил Марш. — Радужные надежды. Об этом толкуют лодыри, которые не хотят работать и ищут какие-то несуществующие клады!

Линкольн положил свою большую руку на плечо Марша и сказал:

— Эх, старый дружище, придет день, когда люди, подобные вам, полные этих радужных надежд, будут укладывать рельсы.

Чувство благодарности за неожиданную поддержку горячим потоком забурлило в душе Брендона; он схватил руку Линкольна и воскликнул:

— Вы поддержали меня, Эйб! Ваше мнение для меня в тысячу раз дороже, чем мнение всего Иллинойса!

— Сдается мне, — продолжал Линкольн задумчиво, — что я взял бы направление на Блэк Хилл, если бы шел в западном направлении. Этот молодой Додж говорил мне, что вся трудность проекта заключается в том, чтобы найти удобный и короткий проход через эти скалистые холмы. Он думает, что именно тут и зарыт «клад», Том...

И Линкольн подмигнул Маршу.

— Через две недели вы увидите меня в дороге, Эйб, — сказал Брендон, поворачиваясь к дому. — Я попытаю счастье, — продолжал он на ходу, — попробую пройти через Блэк Хилл...

Глава III

НА ЗАПАД

В конце февраля ярким солнечным утром Брендон с сыном покинули Спрингфильд, чтобы отыскать проход через горы на запад. Отъезд их прошел незамеченным и нисколько не всколыхнул обывательского болота; только несколько близких друзей сердечно пожелали им счастливого пути в длинном путешествии. Через месяц после разговора Линкольна с Маршем, укрепившего решимость Брендона, он поторопился продать свой домишко со всей домашней рухлядью и несколькими акрами земли. Марш смотрел на распродажу и видел, что, хотя Брендон и не был обманут, ему все-таки едва хватит денег на подготовку к продолжительному путешествию. Когда было закуплено все необходимое — верховые лошади и вьючная кобыла, ружье Шарпа, порох, пули, кирка и кое-какие инструменты — Брендон даже не знал, сколько у него осталось денег на дорогу. Да он, по-видимому, и не ощущал особой нужды в деньгах; хозяину универсального магазина Хиггинсу он сказал:

— В дороге нам много денег не потребуется!

— Хм, — брюзжал остроносый Хиггинс, не скрывая своего пренебрежения к Брендону, — что же, вы рассчитываете натолкнуться на золотые россыпи? Я, по крайней мере, никогда не слышал о стране, в которой не нужны были бы деньги.

— А я вам посоветую, Брендон, хорошенько беречь свою голову, — говорил приказчик Хиггинса, парень с бледным лихорадочным лицом.

— Почему же, Хенк?

— А потому, что индейцы сдерут с вас скальп!

— Ладно, — отшучивался Брендон, — если они сдерут с меня скальп, это, быть может, немного прояснит им головы, чего с вашей никогда не случится.

— И вы все-таки рискуете? — мямлил Хенк.

Но Брендон не стал поддерживать разговор: он вышел из магазина, и вместе с сыном они сели на лошадей. Никто не пожал ему руки на прощание, никто не пожелал счастливого пути.

Это тяжело отозвалось в сердце Брендона: эти люди были его соседями, они могли бы сердечно проститься с ним и пожелать успеха.

«Знаю, что они думают обо мне, — говорил он себе с горечью. — Хорошо, что я вовремя уезжаю!»

В западной части города, где кончилась главная улица, его ждала группа людей: это были Линкольн, Марш и Мэри. Адвокат был очень любезен и внимателен; ему очень хотелось воодушевить Брендона и поддержать его надежду. У Марша был суровый вид; он все еще был раздражен упрямством и настойчивостью Брендона, но добряк в душе глубоко жалел хороших друзей, которые становились отныне бездомными скитальцами.

Голубые глаза Мэри были полны грусти, и, хотя она кусала губы, стараясь сохранить спокойствие, слезы текли по ее розовым щечкам блестящими струйками.

— Спасибо вам, дорогие друзья, — говорил растроганный Брендон, слезая с лошади и пожимая всем руки. — Я никогда не забуду этого...

Он запнулся, а Марш в это время хлопнул его по спине и сказал:

— Ладно, ладно, Давид! Все-таки я думаю, что вы делаете глупость. Ну, уж если приготовили для себя постель, то надо думать, что на ней не будет жестко спать. А теперь вот что: не понадобятся ли вам деньги?

— Нет, спасибо, у нас пока достаточно, — спокойно отвечал Брендон, — еще раз спасибо за предложение! Мне кажется, нам пора прощаться. Прощайте, Эйб, я не забуду, что вы мне говорили насчет Блэк Хилла. До свидания!

— Одну минуту, Давид, только минуту, — сказал Линкольн. Он повернулся в ту сторону, где молчаливо прощались Дэви и Мэри. Они не находили слов, чтобы сказать друг другу все, что было у них на душе. Горе сковало их сердца и, казалось, парализовало им язык.

Линкольн обхватил их обоих своей длинной рукой и сказал:

— Не горюйте, ребята: это ведь ненадолго! Я принес вам на память по маленькому подарку. Если я буду

избран в конгресс, и вам случится быть в Вашингтоне, покажите эти вещицы швейцару, и он сейчас же проведет вас ко мне в кабинет.

Он вынул из кармана две одинаковые бронзовые медали с изображением головы индейского вождя с надписью «Медаль Черного Сокола войны» и продолжал:

— Вы знаете, они произвели меня в капитаны во время этого переполоха¹, но в действительности я вовсе не был капитаном, да и войны, в сущности, не было. Я собрал несколько таких сувениров, как только закончилась эта сумятица. Быть может, эти вещицы напомнят вам когда-нибудь об Аврааме Линкольне? Берегите их на счастье!

Мэри схватила его руку и заплакала; сердце этой маленькой женщины не выдержало. Молодой Дэви сдержался, но подбородок его вздрагивал и глаза были мокры. Дрожащим голосом он произнес:

— Благодарю вас, сэр!

— Разве вы никогда не вернетесь, Дэви? — спрашивала сквозь слезы Мэри. — Пожалуйста, возвращайтесь скорей, я не могу жить без вас!

Она бросилась ему на шею, он прижал ее к груди и, еле сдерживая слезы, стал утешать ее. Линкольн тихонько подтолкнул их к Брендону, а Марш быстро посадил Дэви на седло. Прошла минута тягостного молчания. Под всхлипывания Мэри они помахали друг другу руками в знак прощания, и всадники двинулись вперед навстречу заходящему солнцу.

Они ехали медленно; спешить было некуда. Брендон рассчитывал проехать в Сент-Луис, собрать здесь кое-какие более или менее ценные сведения и, если возможно, найти какой-нибудь способ подняться вверх по течению Миссури.

Несколько дней они ехали под впечатлением тягостного расставания с друзьями; но это чувство мало-помалу улетучивалось. Настроение их начало быстро улучшаться, как только они попали в новые места и начали встречаться с новыми приключениями. Целую неделю они ехали к реке Миссури. Здесь их перевезли

¹ В 1832 г. Линкольн принимал участие в экспедиции против Черного Сокола, предводителя индейцев, и был возведен в чин капитана. — *Прим. перев.*

на пароме через кипящую желтой водой реку к пристани, где стояли несколько идущих вверх и вниз пароходов. Их медные части, блестевшие на солнце, белая окраска и громадные колеса, побеждавшие бурную водную стихию, — все это очень занимало путешественников. До проведения железной дороги пароходы были очень хорошими проводниками бойкой торговли. Красивые быстроходные лодки, мелькавшие перед глазами Брендон, приковали их внимание.

Был полдень. Пристань была запружена народом. Тяжелые фуры тянулись непрерывной лентой; одни из них выгружали привезенный товар, другие нагружались с больших пароходов и лодок, идущих с севера на юг и с юга на север. Здесь были табак, хлопок и другое сырье, возвращенное под горячим солнцем юга, а в обмен на них сюда привозились с севера меха, зерно, промышленные продукты и машины.

— Папа, — воскликнул Дэви, очарованный видом могучей реки и кипевшей вокруг жизнью, — здесь пароход «Генерал Пайк» — тот самый, о котором мы с тобой читали! Ты помнишь, как машинист сказал капитану: «Мы побьем рекорд, или котлы будут взорваны!»

— Помню, — сказал Брендон, не менее сына заинтересованный развернувшейся перед ним картиной. — Они удивительны, эти пароходы! — продолжал он. — Говорят, что внутри они отделаны бархатом и шелком, красиво выкрашены и отполированы. Быть может, нам удастся как-нибудь посмотреть их. Но прежде всего надо устроиться на ночлег.

С переправы, которую сорок лет тому назад устроил здесь Бриджер, они с трудом протискались через шумную, хлопотливую толпу. Сотни путешественников суетились вокруг: одни высаживались с пароходов, другие садились на них. С дюжину пароходов дымилось на реке. Толпа была красочная: виднелись богатые плантаторы с юга в черных широкополых шляпах, широких пальто и брюках, в высоких сапогах из великолепной кожи, с бронзовыми лицами, опаленными южным солнцем; заготовители мехов с северо-запада, длиннобородые гиганты, одетые в куртки из буйволово́й кожи или из тяжелой шерстяной материи, в круглых бобровых или куньих шапках и высоких сапогах. Они свободно расхаживали по пристани и забористо ругались, что особенно непри-

ятно резало ухо Брендона. Здесь было много торговцев, высадившихся с поезда из Санта Лючии и ожидавших своих товаров. Это слонялись краснорожие детины, насквозь пропитанные виски, только что проглоченным в кабачках на пристани, одетые в модное платье, которое Брендон находил весьма красивым. Там и сям бродили индейцы в своих национальных костюмах из буйволовой кожи, отороченных бахромой, и в расшитых разными цветами мокалинах. Брендон угадал в них правительственных разведчиков. Виднелись в толпе армейские офицеры в темно-голубых мундирах, очень стройные и веселые, уезжающие в форты, разбросанные в разных пунктах страны. Пароходные капитаны расхаживали по пристани с гордым видом настоящих царьков или лордов, наблюдая за нагрузкой и выгрузкой пароходов. Матросы и грузчики суетились около сложенных бунтов товаров. Нарядные дамы с зонтиками, похожими на блин, в маленьких шляпках, украшенных перьями, и в длинных платьях, доходивших до пят, в ботинках из козловой кожи, казались Дэви особенно привлекательными. Время от времени в толпе появлялся профессиональный пароходный шулер в цилиндре, одетый в строго выдержанный костюм евангелистского проповедника. В воздухе стояли пронзительные крики негров-рабов, нагружавших товары на громадные фуры, они гнулись под тяжестью тюков, утопали в грязи и прислушивались к команде матросов, вооруженных длинными змееобразными бичами. Все эти оживленные сцены проходили перед глазами отца и сына и приводили их в восторг. Уже поздно вечером они нашли наконец недорогую гостиницу, как раз по карману Брендона, в которой могли за недорогую плату поставить лошадей и спокойно переночевать. На гостинице красовалась маленькая вывеска с кричащей надписью «Отель Независимость». Отель был переполнен публикой, беспокойный дух которой гнал ее в поисках счастья в Техас, к Соленым озерам, к верховьям Миссури, на волшебный запад.

Дни для Брендонов проходили быстро; все их удивляло, все восхищало. За это время Давид успел свести знакомство с некоторыми обитателями отеля. Это были искатели счастья, народ довольно грубоватый, но веселый; они крепко ругались, много пили, спорили и предпочитали скорее побогохульствовать, чем заниматься

серьезным делом. По ночам они толпились у стойки бара, отпускали шутки, громко хохотали и рассказывали друг другу всевозможные небылицы, заказывая по очереди выпивку. Все их разговоры вертелись главным образом около верховьев Миссури и новых поселений в Канзасе, где точно из земли выростали новые города и фермы; толковали о торговле мехами, о мятеже индейцев и о странных новых выходцах, которые основывали свое собственное государство на берегах Соляных озер¹. Все это внимательно и терпеливо выслушивал Брендон, надеясь уловить что-нибудь полезное для себя.

Его терпение было вознаграждено. Как-то ночью он подошел к группе людей, выпивавших у стойки и горячо обсуждавших подробности экспедиции в глубь страны для образования нового штата. Эта экспедиция была снаряжена губернатором Стивенсом, назначенным первым правителем новой территории. Здесь со дня на день ожидали его прибытия. Он должен был вести отряд по Миссури и верхнему Орегонскому тракту. Отряд состоял из землемеров, разведчиков, солдат с лошадьми, мулами и всем необходимым для путешествия. Брендон узнал, что агенты губернатора условились с Американской меховой компанией доставить ее людей в верховья Миссури к Сен-Полу. Он спросил одного неуклюжего миссурийца, который подмигнул ему у стойки, не сможет ли он, Брендон, получить какую-нибудь работу в этой экспедиции. Миссуриец смерил взглядом Брендона с ног до головы, как бы оценивая его фигуру, плеснул в горло полстакана виски и сказал:

— Вижу, пришелец, что вы не боитесь черной работы; пожалуй, вы и пригодитесь в этом отряде, черт возьми! Сочувствую вам. Как ваше имя? Брендон? Ладно, Брендон, я сам принимаю участие в экспедиции. Мое имя Хендон, а слово Билса Хендона — сталь. Вот как обстоит дело: Стивенс берет с собой около двухсот мулов, а эти дьяволы так лягаются, что частенько отбивают у людей аппетит. Они как дикие кошки, эти ирландские канарейки. Поймать их так же трудно, как угря. Вот экспедиция и нуждается в хороших работниках, и поче-

¹ Здесь подразумевается религиозная секта Мормонов, основанная в 1848 году город Новый Иерусалим у Соляного озера в штате Юта. — *Прим. перев.*

му бы вам не попытаться пристроиться к этому делу? Билс Хендон замолвит за вас словечко.

Хендон, специалист по сниманию шкур с мулов, оказался человеком слова, а его рекомендация имела вес: через три дня Брендон был занесен в список членов экспедиции.

После долгого ожидания приезда Стивенса партия наконец двинулась в путь. Брендон, уже потерявший было терпение, вздохнул свободно, как только пароход отвалил от пристани и двинулся, рассекая быстрое течение Миссури и таща за собой целую флотилию плоскодонных шаланд, груженных припасами отряда.

Глава IV

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКЕ

Путешествие вверх по Миссисипи, а затем по бурливой Миссури стало для Дэви бесконечным праздником. Маленький «Дровосек», как называли его в отряде, был единственным ребенком среди двухсот взрослых. Его все баловали, ласкали и любили, начиная от губернатора и кончая полудиким переводчиком-индейцем. Он бегал взад и вперед по пароходу, заглядывал в капитанскую каюту на доке, спускался в трюм к кочегарам, наблюдал, как они работают, едят, играют в разные игры и спят. Все они стали приятелями Дэви. От них он получал сведения о новой стране, о мелькавших мимо берегах, об излучинах и поворотах реки. Его живость, воспитанность и веселый, всегда жизнерадостный характер производили на всех очень хорошее впечатление, при нем как-то охотнее работали и меньше ругались, хотя случалось, что Брендон покачивал иногда головой в ту сторону, откуда неслись неприличные слова.

Весной движение по Миссури было сопряжено с большими опасностями. Масса воды неслась с поразительной быстротой, вступая в ожесточенную борьбу с пароходом и готовая на каждом фуге остановить его, бросив ему навстречу громадный ствол гигантского дерева, вырванного с корнем за тысячу верст в верховьях реки. Эти стволы, как неодушевленные чудовища, крутились в реке и неслись мимо, каждую минуту угрожая судну смер-

тельной опасностью. Экипаж парохода был все время на страже, вооруженный длинными шестами, чтобы отталкивать в сторону коряги. На носу парохода при помощи рыбьего жира всю ночь поддерживалось яркое пламя, освещавшее движение этих опасных врагов. Не раз Дэви слышал крики «человек упал за борт» и видел, как подбегали люди к борту и как упавший, взмахнув руками, моментально исчезал в пучине, уносимый бурным течением могучей реки. По ночам Дэви любил сидеть в носовой части парохода, где спала команда, и смотреть на черные трубы, из которых вырывались клубы огненных искр. Он чутко прислушивался к протяжным выкрикам матросов, измерявших глубину фарватера, и частенько мысли его возвращались к покинутому Спрингфильду и к подруге Мэри. Но эти мысли долго не задерживались в его голове, так как удивительное и полное опасностей путешествие по реке гнало прочь воспоминания прошлого и тоску по дому. Оно было для Дэви самой живой, самой обаятельной из книг, которые он когда-либо читал. Однажды темной ночью пароход «Орегон» остановился у старого торгового форта Бельвю. Отец Дэви вместе с другими отправился в ближайший кабачок, который содержался давно поселившимся здесь полковником Сэрпи, бывшим агентом Американской меховой компании. Это был низенький, смуглый, очень подвижный человек.

— Настоящий огонь, — говорил на ухо Билс Хендон, указывая Брендону на Сэрпи, — невелик золотник, да дорог! Омахи называют его «Большой Начальник», «Не-Кай-Яхи» по-ихнему. И он достоин этого! Здесь найдутся дураки, которых он сумеет поучить!..

В это время один из погонщиков мулов, рыжий детина, соскучившийся по выпивке, протиснулся сквозь толпу и бесцеремонно оттолкнул Сэрпи в сторону. Маленький полковник вспыхнул и смерил его взглядом. Погонщик посмотрел на него с насмешкой, скрипнул зубами и с презрением плюнул. Сэрпи заговорил, и каждое его слово было как удар бича.

— Вы знаете, сэр, кто я? Я Петр Сэрпи, сэр! В некотором роде старая лошадь в стойле, сэр! Я могу отхлестать самого дьявола, сэр! Выбирайте ваше оружие, сэр! Нож, дробовик или револьвер, как вам угодно, сэр! Я к вашим услугам!

И с этими словами он моментально выхватил из кобуры кольт сорок пятого калибра, снял нагар со свечи, стоявшей на стойке, и отмерил десять шагов. Скулы погонщика задрожали, в глазах появился страх; не говоря ни слова, он отодвинулся от маленького человека и, крадучись по стенке, выскользнул из кабачка. Взрыв смеха раздался за его спиной. Полковник быстро спрятал револьвер и возобновил прерванный разговор со знакомыми.

Почти ежедневно пароход останавливался у какого-нибудь склада, чтобы запастись топливом, которое заготавливалось заранее, или у одинокой фермы, смело отвоевавшей себе пространство между лесом и рекой. Дэви удивлялся бесстрашным пионерам¹, которые держались здесь друг за друга тесной кучкой на виду у свирепых индейцев племени омахов. Он не раз видел большие шайки этих индейцев, прогонявших громадные стада буйволов или ловко гарцевавших на своих низкорослых пони. Капитан Терри рассказал ему о первых пароходных рейсах в этих местах, когда судам угрожала постоянная опасность от индейцев. Пароходы появились здесь впервые в 1819 году, но еще много лет после этого приходилось вести отчаянную борьбу с краснокожими, которые всеми силами старались охранить реку от нашествия белых.

— Знаете, Дэви, это очень сообразительный народ, — говорил Терри. — Они прекрасно понимали, что места их охоты в опасности, и им необходимо было поэтому во что бы то ни стало остановить судоходство по реке. Иногда они нападали на пароходы даже днем, а ночью это случалось сплошь и рядом. Дело в том, что на первых порах суда здесь тянулись канатами вдоль берега из опасения, с одной стороны, встречных коряг, а с другой — вследствие незнания лоцманами фарватера этой сумасшедшей реки, которая невероятно изменчива. Верховые индейцы скакали по берегам реки, вопили и выли как дьяволы и выпускали тучи стрел с зажженными наконечниками, чтобы поджечь судно. Они перебили множество народа и сожгли много судов.

Но вот нашелся один изобретательный парень, который нашел средство отогнать этих дьяволов от реки. Он знал, что индейцы очень суеверны, верят в разных духов

¹ Пионерами в Америке называют первых поселенцев, прибывших в эту страну. — *Прим. ред.*

и дьяволов; и вот он и выдумал для них одного такого, особенно устрашающего. Из прозрачной восковой бумаги он сделал голову громадной змеи и устроил в ней приспособление для керосиновой лампы. Эта дьявольская голова была поставлена на дозорной вышке парохода, и специальный человек должен был то опускать фитиль лампы, то поднимать его, чтобы голова змеи то внезапно возникала в темноте и светилась, то неожиданно гасла и исчезала. Работа была настолько искусна, что привела краснокожих в ужас, и с этого времени они перестали делать ночные нападения.

Как-то раздался продолжительный свисток «Орегона». Оказалось, что вниз по реке шел пароход Американской меховой компании, груженный кладью. «Орегон» весело салютовал товарищу. С обоих пароходов раздалось приветствия пассажиров. Дэви заметил на встречном пароходе людей в ярко-красных рубашках; головы их были повязаны платками. Это смелые охотники и торговцы ехали повеселиться в Сент-Луис после месячной тяжелой и опасной работы в лесах. Почти ежедневно им встречались большие груженные килевые лодки, длиной до семидесяти футов, грубоватые, но прочно сделанные. Их тянули по берегу бурлаки длинными, до 100 сажень, канатами, привязанными за мачту. Однажды Дэви увидел любопытного вида лодку, идущую на веслах и доверху груженую шкурами. Сама она была сделана из буйволовоых шкур, набитых на деревянную раму в форме лодки. Подобные встречи наряду с опасностями и интересными видами на берегу, где частенько бродили олени, всегда были новыми для Дэви. Он во все впивался своими детскими глазами, все запоминал и старался понять. Как-то Хендон указал Дэви на большую желто-коричневую фигуру, которая дремала на прибрежной опушке леса.

— Это медведь! — отрывисто сказал Хендон, и сердце Дэви подпрыгнуло от удивления и сильно забилося...

— Стрелять не стоит — далеко, — говорил Билл, — да и пароход не остановится.

Брендон за время медленного продвижения по реке окончательно составил план своего дальнейшего путешествия. Получая ежедневно один доллар заработной платы, он хранил свои сбережения. Работать среди «ирландских канареек» было трудновато, так как мулы были полудикие; иногда они так лягались, что переши-

бали ноги конюхам; двое из них уже получили переломы. Обычно спокойные, они особенно волновались по ночам в бурю, когда гремел гром и сверкала молния. Но у Брендона пока все складывалось удачно: он получил всего только две мелких ссадины во время паники животных и даже заслужил похвалу от хозяина. Когда он поделился с хозяином Доленксом своими планами и сообщил ему, что хочет оставить экспедицию и двинуться на запад по дороге к Тихому океану, Доленкс сказал:

— Всегда возмущаюсь, когда приходится терять хорошего работника, но вас, Брендон, я не стану удерживать. Имейте однако в виду, что ваше дело рискованное для одного человека да еще с мальчиком. Индейцы стали сейчас очень беспокойны. Здесь у нас есть один парень из отряда Джима Бриджера, коренастый парень Спенс; он превосходно знает ту область, в которую вы держите путь.

Брендон слышал сотни рассказов о Бриджере, величайшем разведчике, которого знал весь Запад, и ему очень хотелось повидать кого-нибудь из его отряда. Из всех неустрашимых разведчиков Бриджер Бриджмен стяжал себе наибольшую славу; перед его подвигами бледнели подвиги таких замечательных людей, как Кит Керсон, Джим Бокер, Поп Корн, Джим Беквиз и другие рейнджеры.

— Брендон, познакомьтесь с Сайлентом Спенсом, — говорил на другой день Доленкс, — может быть, Сайлент расскажет вам кое-что относительно неприятелей в пути к реке Платт, притоку Миссури, и далее. Вот, Сайлент, Брендон направляется по Орегонской дороге с сынишкой.

Спенс был ростом шести футов и трех дюймов, прямой, как индеец, меднолицый, с черными, как вороново крыло, волосами, свободно падающими на его плечи, прикрытые бизоньей шкурой. Его большие черные острые глаза, ястребиный нос и правильный рот произвели на Брендона сильное впечатление. Спенс стиснул руку Брендона, точно стальными клещами, приветливо поздоровался и продолжал курить трубку. Несколько минут он молчал. Брендон терпеливо ждал, стараясь понять, что это был за человек. Потом Спенс заговорил; он не торопился, обдумывал каждое слово, осторожно выкладывая все, что мог припомнить.

— Когда я покинул Джима в форте Бриджер три месяца тому назад, — начал он, — инджунцы¹ спешно вооружались. Чейены в это время заключили союз с племенем сиу против павниев и шошонов. Белый Бык, союзник чейенов, с отрядом из тридцати оглелов только что был разбит племенем Воронов и шошонов. Вышел на тропу войны и вождь Бешеный Конь.

Бриджер думает, что вся эта кутерьма началась из-за волшебной стрелы, принадлежащей чейенам. Дело в том, что во время набега на инджунцев, у которых в это время была стрела, павнии отбили ее. Тогда союзные оглелы внезапно напали на павниев, скальпировали нескольких человек, в том числе одного из видных воинов, и отняли стрелу. В отместку за этот набег павнии искусно устроили засаду, разбили оглелов и, чтобы поравняться в обидах, скальпировали их вождя Белого Быка и тридцать человек воинов. Но волшебную стрелу они захватить не могли, так как оглелы продали ее чейенам за сто голов пони. Это обстоятельство вызвало сильное брожение среди окружающих племен и повело к кровопролитию. Инджунцы первые приготовились к войне, и белые поневоле были втянуты в эти события, несмотря на то, что на их стороне было превосходство в вооружении.

— Может быть, восстание еще не началось? — спросил Брендон.

— Наверняка, я еще не слышал об этом, — ответил Спенс, — но я ничуть не удивился бы, если бы это случилось. Это еще не беда! А вот прошлая зима была очень тяжелой для индейцев: масса народа переболела у них *судорогами* и оспой. Очень было плохо! Мотовейюби, Старый Медведь, говорил мне, что индейцы страшно злы на бледнолицых за то, что они будто бы принесли меднолицым «смертельную зиму оспы». Много храбрых воинов переселились в другой мир, в поля счастливой охоты. Индейцы говорят, что их прах должен быть отомщен.

Эти известия встревожили Брендона.

«Хорошо ли я делаю, — думал он, — что беру с собой Дэви, если такие люди, как Бриджер и Спенс, утверждают, что всякое может случиться!..»

¹ Инджунцы, павнии, шошоны, оглелы, чейены — древние индейские племена, кочевавшие в верховьях реки Миссури. — *Прим. перев.*

— Конечно, — продолжал Спенс, — если вы уж решили идти... Лично меня не удержали бы индейцы. Но здесь есть большая опасность от шайки чейенов, которые, по слухам, шатаются под предводительством одного полубелого изменника, известного под именем Двухпалый. Я и Джим очень много наслышались об этом метисе. Его мать, кажется, была из племени чейенов и после смерти мужа приписала сына к их роду. Отец его был француз-охотник, который лет тридцать тому назад осел у Смоки Хилс и получил от чейенов землю. Вождь чейенов не сочувствует Двухпалому, но он пользуется большим влиянием; у него есть своя партия головорезов, которые готовы на все. Вы должны держать ушки на макушке, Брендон, и зорко следить за ними: по всем данным метис — разбойник и убийца.

— Спасибо, Спенс, — сказал Давид, — я не забуду ни слова из того, что вы мне сказали. А где теперь мистер Бриджер?

— Джим? Он где-нибудь неподалеку от форта Ляриме или в верховьях Хорошу. Я думаю, он пытается уговорить племя сиу не вмешиваться во всю эту склоку. Вероятнее всего, он сейчас где-нибудь поблизости Ред Клауда¹.

— Я надеюсь, что встречу с ним. Он большой человек!

— О, Джим умеет быть осторожным, — сказал Спенс с жесткой улыбкой.

— Может, через несколько недель я встречу и с вами: я намерен идти в форт Унион с партией Стивенса, а оттуда пройду напрямиком на запад к Хилс.

Прошло несколько дней, и все опасения, навеянные рассказом Спенса, как-то улетучились у Брендона. Он был оптимист и полон самых радужных надежд.

Как только «Орегон» начал подходить к Капсил Бляфу², Брендон решил, что ему надо расстаться с партией и делать свое дело. В Бляфе он попрощался с экспедицией, купил кое-какие припасы и провизию, переправился через реку и направился по Орегонскому тракту.

Это была самая длинная и самая старая дорога со времени образования Соединенных Штатов, протоптан-

¹ Форт на реке Канзас. — *Прим. перев.*

² Городок на Миссури. — *Прим. перев.*

ная стадами буйволов и индейцами. По дороге там и сям попадались выбеленные солнцем кости бизонов, эти громадные животные были для индейцев сама жизнь, потому что давали им пищу и одежду. Белые кости по дороге служили как бы вехами.

С каждым днем Брендон и маленький Дэви все более и более углублялись внутрь страны по широкой и удобной дороге на Гранд Айленд. Здесь река Платт поворачивала к югу. Вдоль нее шел тракт к форту Керней, а отсюда сворачивала к северной развилке реки¹ по направлению к торговому посту Ляриме.

Дорога была глухая, пустынная, но изредка она оживлялась появлением обозов с пушниной, идущих от Орегона. Так как Брендон с каждым днем все ближе и ближе подходил к воротам, которые вели к осуществлению его мечты, он как бы переродился. Его неудержимо толкало вперед самолюбие, а вера в дело служила ему путеводной звездой. Что касается маленького Дэви, то путешествие по новым местам было для него истинным наслаждением. Он вступал в новую жизнь и никогда не был так счастлив, как теперь. Он видел жизнь, где так часто проявлялись мужество и благородство. Брендон при всяком удобном случае знакомил его со всеми секретами путешествия: как распознавать дорогу, как варить и жарить на костре, как ухаживать за лошадьми и треножить их на ночь. Дэви за дорогу возмужал, поправился и вырос.

С равнины Ляриме они повернули к горам Ляриме, или Блэк Хиллу, как их иначе называли, к дикому, изрезанному ущельями хребту, вокруг которого змеей извивался Орегонский тракт почти на протяжении 200 миль. Он представлял собою настоящий лабиринт узких горных проходов и сопок. Отсюда, по мнению Брендона, и должна была начаться его работа: поиски прохода, через который возможно будет проложить железную дорогу, соединяющую восток с западом.

¹ Здесь река Платт делится на северный и южный притоки. — *Прим. перев.*

Глава V

ПРОХОД

Во время езды и у костра ночью Брендон обстоятельно объяснял Дэви сущность его мечты, которую он задался целью осуществить.

— Почти все, — говорил он, — думают, что этот хребет задержит проведение дороги. Это неверно. Железная дорога может взбираться на вершины гор, даже таких, как эти. Тут проходы известны, но задача в том, чтобы пересечь хребет, найти кратчайший путь и таким образом сократить прокладку рельс на сотни миль.

Практическим глазом землемера — а Брендон был выдающийся техник, хотя еще не добившийся ничего существенного в жизни, — он внимательно изучал извилистый и запутанный хребет, который все более и более врезался в индейский тракт, идущий от равнины Ляриме. Это была очень узкая тропинка, не более двух футов ширины, настолько выбитая копытами бесчисленных пони и мокасинами меднолицых, что представляла собою ров глубиной в полфута.

— Вот, сынок, — говорил Брендон, — мы наконец дошли до места, где должна прямая трасса пересекать эти холмы; через один из них может быть проложена дорога на запад. Здесь целый ряд гребней, соединенных друг с другом или разрезанных ущельями. Но ущелья эти можно засыпать или перекинуть через них мосты.

Так он ежедневно знакомил Дэви с положением горных кряжей и с их особенностями. Временами он приходил в отчаяние, потому что вот-вот, казалось, цель достигнута, но вдруг кряж заканчивался непроходимой стеной или оврагом, из которого не было выхода.

— Я думаю, — говорил он, — едва ли есть еще такая страна, как эта: начинаешь в конце концов думать, что тут только птицы могут летать по прямой линии.

— Но, папа, вы найдете проход, — отвечал на это Дэви, — я уверен в этом! Мой папа не может не сделать того, что можно сделать!

— Спасибо тебе, дорогой, — говорил Давид в ответ на уверения сына, — я не знаю, что бы я делал без тебя, сынок!

От истока реки Лодж Пол-Крик они пошли к югу через горную цепь, настолько дикую, изрезанную и как бы скрученную вулканическими силами, действовавшими миллионы лет тому назад, что это путешествие было чрезвычайно трудным. Но Брендон был настойчив; в нем все более и более росла надежда на успех, хотя пока не было ничего, что могло бы питать эту надежду. Кругом, куда только хватал глаз, виднелись красивые, запутанные и как бы скомканные утесы красных песчаников. Через них и проходила дорога для Железного Коня.

— Можно подумать, что это самый забытый клочок земли, — заметил Дэви при виде одного утеса причудливой фантастической формы. Это, по-видимому, были остатки древнейших морских берегов, превращенных волнами в сказочные средневековые замки. Среди этих скал вырисовывались самые удивительные образования форм в виде зонтиков, гигантских грибов или стеклянных колпаков на часах. Эти странные утесы невольно пробуждали воспоминание о первобытном человечестве. Природа, как искусный архитектор, делала их особенно прекрасными при солнечном сиянии июльского дня и еще более полными волшебного очарования в лучах заходящего солнца, когда длинные тени перемещивались с разнообразными красками от оранжево-пурпуровой до глубокой темно-синей. Издали эти скалы казались сказочными чудовищами, готовыми ринуться в бой...

Сосновые леса черной стеной стояли по уступам скал, и ряды серебристых березок тянулись вдоль стремительных горных потоков. Кругом было полно дичи. Белохвостые олени каждое раннее утро и вечер тихо спускались к ручьям на водопой, бурый медведь ворчал и копался около поваленного гнилого дерева, выцарапывая из него лапой червей и муравьев — свое лакомое блюдо. Здесь не было нужды делать запасы мяса: его можно было иметь свежим каждый день. Дэви пришел в восторг, когда, забросив удочку в ручей, он увидел, что форель тучей бросилась на крючок. По ночам вокруг их лагеря раздавались таинственные шорохи и слышались крадущиеся шаги хищников. Для защиты от них, а также от холода, который давал себя знать на горных вершинах, они разводили костер, около которого чувствовали себя уютно. Временами, когда горная кошка или россомаха

завывали в лесу, Дэви в страхе прижимался к отцу. Он слышал вой стаи серых волков, охотившихся ночью по горным долинам за оленями. За ними всегда следовали шакалы, издавая отвратительные звуки; иногда они кружились вокруг костра, загипнотизированные ярким пламенем и доведенные до безумия раздражающим запахом жареной дичи. Часто концерт шакалов заканчивался раздирающими душу звуками, напоминающими плач ребенка или женщины, находящейся в агонии, а временами он переходил в истерический хохот сумасшедших.

Но днем картина совершенно менялась: весело щебетали птицы, там и сям проносились стаи диких уток и канадских гусей. Их было так много, что иногда они заслоняли солнце и от них падала тень на землю. Здесь не встречалось ни одного белого человека, да и не было надежд на такую встречу. За весь длинный путь они дважды заметили вдали охотничьи партии индейцев. Судя по тому, что индейцы вели лошадей в поводу, Брендон заключил, что последние были нагружены дичью. Одна партия индейцев прошла параллельно хребту в то время, когда отец с сыном направлялись к югу. Временами старший Брендон замечал вдали вьющийся дымок и объяснял сыну, что это индейские сигналы, которыми они телеграфируют друг другу, искусно регулируя дым взмахами одеяла. Брендон был уверен, что он держит путь в стороне даже от случайных индейских отрядов, но тем не менее не ослаблял бдительности. Он хорошо помнил предупреждение Сайлента Спенса относительно полубелого изменника, стоявшего во главе племени чейенов.

В последних числах июля, когда они перешли вброд приток реки Кроу-Крик, Брендон впервые почувствовал тревогу: дело в том, что не далее, как в четверти мили, он увидел на вершине горы, покрытой редким лесом, индейца на белой лошади. Не успел он хорошенько всмотреться в всадника, как тот повернул коня и быстро исчез из виду. Брендон понял, что это был индейский часовой и что он, Брендон, замечен. Ничего не сказав сыну, он продолжал путь среди низкорослых сосенок, тянувшихся по горе, которую им надо было перевалить. Поднимаясь кверху, они заметили, что цепь гор сплошной лентой без разрывов тянется к югу так далеко, что эта сплошная лента идет с севера и, таким образом, не

создаст трудностей для постройки железной дороги. Воспоминание о неприятной встрече с индейцем как-то само собой улетучилось. Они ехали довольно быстро до вечера; дорожка все время была удобная, не разбитая и не пересеченная обрывами; по ней, видимо, еще ни разу не проезжал белый человек. Когда протянулись вечерние тени, Брендон заметил то, чего опасался: дорога пошла под уклон, лес поредел и впереди открылась на далекое пространство открытая местность. Дорога опускалась все ниже и ниже в ущелье, за которым высилась настоящая стена отвесных скал, идущих с востока на запад. Не было ни малейших признаков, что здесь существует проход. Но Брендон продолжал путь по извилистому следу, зорко посматривая вперед.

Вдруг он увидел, что цепь гор замкнулась и прохода дальше нет. Однако, всмотревшись, он заметил разрыв в громадной отвесной стене. Он был освещен солнцем и через него в отдалении виднелась чуть-чуть заметная долина. Теперь этот гигантский разрыв был перед их глазами. Они приближались к нему.

Сердце Брендона радостно забилося. Ему захотелось петь, кричать: это был проход! Его проход, о котором он мечтал, который он видел во сне. Кажется, природа не могла сделать ничего лучшего, чем эта щель у самого подножья гор, по которым они прошли так много миль. Мгновенно в уме Брендона зародились самые заманчивые планы. В неделю он мог нанести на карту всю эту местность и приготовить полевые кроки¹, чтобы убедить неверующих. Он хотел, чтобы эти доказательства были написаны черным по белому холодным языком цифр, чтобы никто не сомневался в возможности проведения железной дороги от Миссури вдоль старой Орегонской дороги и реки Платт напрямик через горные цепи Ляриме, без длинного их обхода. Здесь был проход, который как бы само провидение прорубило сквозь дьявольски запутанные цепи гор и утесов. Брендон уже мечтал спешно возвратиться в Спрингфильд с набросками и цифрами. Линкольн должен его выслушать! А как будет поражен Том Марш! Брендон мысленно посмеивался. Его

¹ Кроки — чертеж участка местности, отображающий ее важнейшие элементы, выполненный в полевых условиях при глазомерной съемке (от франц. *croquis* — эскиз, набросок).

наброски и цифры должны быть показаны в Нью-Йорке влиятельным людям. Проход был не мечтой, а действительностью. Постройка дороги сулила богатство многим предпринимателям востока и запада; они разбогатеют больше, чем старый Астор¹. А Дэви! Что это значит для Дэви?! В этом все, что было упущено Бренденом за долгие годы тяжелой жизненной борьбы. Он схватил Дэви, крепко прижал к себе и восторженно сказал:

— Сынок, я нашел его!

Вытянув руку, он показал сыну знаменитую расщелину в горном массиве.

— Смотри прямо перед собой, — говорил он. — Видишь линию, идущую к слегка понижающемуся хребту, который незаметно теряется в синеве и пурпуре воздушного пространства? Теперь взгляни немножко влево! Видишь?

— Вижу, вижу! — воскликнул Дэви. — Это громадный разрыв в горах; через него можно, кажется, прогнать целое стадо скота!

— Они прогонят через него железную дорогу, сынок! Железный Конь прогремит через эту расщелину прямо к Скалистым горам и от них к Тихому океану. Это наша работа, сынок, это единственный путь, через который можно проложить дорогу.

Уже смеркалось. Они слезли с лошадей и решили разбить лагерь в виду волшебного прохода. Долго и увлеченно, как дети, разговаривали они между собой. Дэви все смотрел в ущелье и не мог оторвать от него глаз. Они расседлали лошадей, стреножили их на ночь, нарубили дров и развели большой костер. Затем приготовили себе постель. Дэви поддерживал костер, а Брендон ходил взад и вперед, пока совершенно не стемнело. Душа его отдыхала: лелеянная им мечта осуществилась.

Неожиданно в темноте раздался крик совы, на него из глубины леса последовал ответ.

Когда совершенно стемнело и Брендон не мог больше наслаждаться созерцанием прохода, он сел на старую, много лет тому назад вырванную бурей сосну и наблю-

¹ Речь идет о Джоне Асторе, сыне мясника и торговца, ставшем одним из первых американских миллионеров. Огромное состояние Астор сколотил путем спаивания индейцев, подкупа правительства и различных мошенничеств. — *Прим. ред.*

дал, как Дэви готовил ужин. В эту минуту он чувствовал себя счастливейшим человеком в мире. Неспешно вынув трубку, он потянулся за угольком к костру. Заметив, что топор валяется на траве, он поднял его и воткнул в сосну. Снова сел, нагнулся к огню, закурил и улыбнулся сыну, лицо которого разгорелось от жары. Вдруг его чуткое ухо уловило слабый звук, как будто поблизости треснула ветка. Он вскочил, схватил Дэви и зажал ему рот.

— Тсс! — шепнул ему на ухо.

Быстро окинув глазом освещенное костром пространство, Брендон заметил, что за сосной, на которой он сидел, виднелась довольно глубокая дождевая вымоина. Он взял Дэви на руки, поднес к яме и спустил туда, предупреждая знаками молчать и не шевелиться. Потом на цыпочках отошел от сосны, стараясь держаться в тени и напряженно всматриваясь в темноту. Затем он взял ружье, прислоненное к дереву, возле которого были стреножены лошади. Животные были беспокойны: они прядали ушами, ноздри их раздувались и белки глаз ярко выделялись в темноте.

«Должно быть, поблизости бродит медведь, — подумал Брендон, — недаром лошади так беспокоятся!»

Вдруг он услышал, как щелкнул курок, нарушив тишину. Брендон встал на колени и выстрелил в темноту. Со всех сторон показались вспышки и звуки выстрелов. Пули щелкали в деревья, но в темноте ничего не было видно. Снова слышался крик совы. Поблизости треснула ветка. Брендон скорее почувствовал, чем услышал приближающиеся осторожные шаги. Беспокойство овладело им; теперь он понял, что это — индейцы, которые окружают его стоянку. Он напряг зрение, стараясь схватить в темноте хотя бы один силуэт врага. С правой стороны задвигались ветки, и Брендон выстрелил по этому направлению, но в темноте промахнулся. Тотчас же раздались страшные военные крики, и со всех сторон из леса выскочили темные фигуры.

«Они окружили нас», — в ужасе подумал Брендон, и отчаяние овладело им.

— Боже! — шептал он. — Только бы они не нашли Дэви!

Он снова начал стрелять наугад так часто, как только успевал заряжать ружье, но стрельба в темноте была явно бесполезна. В это время чьи-то сильные руки схва-

тили его сзади, сдавили ему горло, стараясь задушить, и бросили его на землю. Он оказался беспомощен: трое раскрашенных воинов с блестящими глазами крепко держали его. Но вот кусты раздвинулись, и из них, шагах в десяти от Дэви, на старое дерево прыгнул человек, одетый в платье из буйволово́й кожи, окаймленное бахромой, и с головой, повязанной шарфом.

Из своей засады мальчик заметил, что это был сильный и широкогрудый мужчина с быстрыми движениями; во всей его фигуре чувствовалась жестокость и беспощадность. В левой руке он держал ружье, за поясом, украшенным бисером, виднелся томагавк. Он что-то яростно крикнул, и тотчас же дикое, подобное волчьему, завывание его сподвижников смолкло. Со своего удобного для наблюдений пункта он внимательно рассматривал беспомощного пленника, стоявшего на коленях со связанными назад руками, сдавленным горлом, с приподнятым подбородком и блестящими в полумраке глазами. Широкий рот стоящего на дереве человека скривила злорадная улыбка, загорелое лицо его осветилось дьявольской радостью.

— На-изо ю-тажи! — крикнул он на чейенском языке. — Я иду к нему — он мой!

Так как он стоял на стволе упавшего дерева, Дэви заметил что-то зверское, хищное в его лице, и сердце мальчика замерло в груди. Согнувшись за деревом, на котором предводитель чейенов стоял так близко от него, что мог коснуться его, Дэви чуть приподнял голову. Он страшно боялся за отца и хотел вылезти и помочь ему, но в глазах его уловил предупреждение и остался на своем месте. В это время индеец спустил ружье и направился по стволу к тому месту, где Брендон был воткнут топор. Он схватился за топориче и обнаружил свою ужасную руку — свет прямо упал на нее — она была изуродована, на ней были только два пальца, остальные были обрублены до основания. Эти два пальца крепко схватили топориче и вырвали топор из древесины. Гибкий как пума, несмотря на большую фигуру, он легко прыгнул с дерева. Дэви смотрел, скованный ужасом. Он не мог двинуться и не мог оторвать глаз. Его отец... Что он хочет сделать с ним?

Он увидел, как предводитель стал прямо перед отцом и злоратно усмехнулся.

Глаза индейца засветились жестоким наслаждением. Отец удивленно вскрикнул:

— Как? Вы белый?

Но на его возглас послышался ехидный, полный ненависти ответ:

— Ты никому не скажешь об этом, проклятый.

И Дэви увидел взмах изуродованной руки, блеск томагавка и страшную муку в глазах отца. В следующую минуту блестящее лезвие сверкнуло в воздухе и опустилось на склоненную голову. Дэви потерял сознание и больше ничего не увидел...

Глава VI

МАЛЬЧИК В НОЧНОЙ ТЬМЕ

Кругом стояла полная тишина. Костер догорал. Ночные шорохи замерли. И лес и горы были как бы скованы молчанием. В воздухе чувствовался запах человека, острый и едкий, одновременно притягивающий и отталкивающий. Дикае звери с напряженными, как стальная пружина, челюстями и испуская слюну терпеливо ждали... Прошло несколько часов. Кровожадная стая хищников, озираясь по сторонам, так осторожно двигалась к умирающему костру, что ни одна ветка, ни один листок не шелохнулись. Глаза хищников светились в темноте зелеными огоньками, челюсти их жадно щелкали и когти выпускались и прятались всякий раз, как раздражающий запах добычи касался ноздрей. Сделав несколько шагов, они моментально настороженно замирали, как только в костре вспыхивали остатки хвороста. Волчица нерешительно топталась на месте, как будто танцуя. Она еле сдерживала голод и жадно поглядывала то на помятую траву в том месте, где были привязаны лошади Брендона, беспокойно рывшие копытами землю, то на распростертое тело мертвого человека с подвернутой ногой и лицом, уткнувшимся в траву, то на маленькую фигурку Дэви, неподвижно лежавшую у сваленного дерева. Волчица не боялась мертвого, — она знала, что такое смерть, — но ее смущала маленькая живая фигурка, лежавшая поблизости.

Неожиданно волчица присела и затаилась: чуткое ухо ее уловило какой-то подозрительный звук; вслед за

этим кругом раздался шорох, и стая моментально растворилась в темноте.

Дэви, несколько часов лежавший без сознания, пришел в себя и задвигался. Некоторое время он смотрел перед собой широко открытыми глазами, не понимая, где он и что с ним случилось. Его мозг был парализован. Он не мог понять, почему это кругом так темно, когда он привык просыпаться всегда при свете ясного утра. Почему он лежит на холодной земле близ сваленного дерева и где отец, который по ночам ласковой рукой прижимал его к себе.

Вдруг воспоминание, как удар грома, поразило его: отец, беспомощно стоящий на коленях, с горлом, сдавленным сильными руками, и глазами, полными муки; человек, подобно кошке, спрыгнувший со ствола дерева, его дьявольская улыбка и злорадный смех; наконец взмах томагавка и глухой удар. Дэви сжал кулаки. Его сердце готово было разорваться на части. Он не мог плакать, отчаяние сдавило его горло. Медленно поднялся он из ямы и расправил свои одеревеневшие члены. Он долго не решался посмотреть в сторону костра и, задумавшись, стоял спиной к нему. Наконец пересилив себя, он подошел к трупку отца, нагнулся над ним и тронул его холодную руку. Она уже окоченела. Это вызвало в нем такой мучительный приступ горя, что сердце его облилось кровью, слезы ручьем потекли из глаз, и он громко зарыдал. Лес никогда еще не слышал странных звуков человеческого плача. Рыдания, рвавшие грудь Дэви, отдавались гулким эхом в лесу. Ночь мало-помалу начала перетекать в предрассветные сумерки. Скоро сквозь ветки прорвались первые лучи солнца и осветили вершины гор. Это несколько притупило горе Дэви, и он решил сделать то, что подсказывал ему сыновний долг...

Он все еще не мог смотреть на отца: при виде трупа холодная дрожь пробегала по его телу. Он напрягал память, пытаясь вспомнить лицо отца таким, каким оно было в последние минуты жизни — страдальческое, но бесстрашное, озаренное спокойной улыбкой под диким угрожающим взглядом убийцы. Он нашел одеяло, которое оставили индейцы, бережно прикрыл им труп и края подвернул под него. Сделав это, он взял лопату, случайно уцелевшую от грабежа, и принялся копать могилу.

Час за часом он работал, напрягая силы. Почва была твердая, каменистая, перебитая корнями; каждые несколько минут он останавливался, отдыхал и, думая о любимом отце, бередил свою сердечную рану. Когда могила была готова, он подошел к отцу, повернул его лицом кверху. Разгибая его скорченные руки, он задрожал от прикосновения к холодному телу. Он был не в силах сейчас же засыпать могилу: работа так утомила его, что он едва был в состоянии двигать руками, каждое движение причиняло ему нестерпимую боль. Отдохнув, Дэви с трудом опустил тяжелое тело в могилу и, закончив наконец работу, сел передохнуть. Обхватив голову руками, он задумался. Индейцы захватили с собой все съестные припасы и все, что вообще можно было унести, даже астролябию Брендона, но они отбросили в сторону книжки, которые он взял с собой из дома. Дэви увидел несколько работ по математике, «Юлия Цезаря», «Виндзорских кумушек» Шекспира, «Робинзона Крузо» с надписью покойной матери. Воспоминание о матери и мысль о том, что он теперь круглый сирота, снова вызвали у него потоки слез. Но это продолжалось недолго; он взял себя в руки. Тихие слезы снова показались на его глазах; он стоял на коленях у могилы и совершенно не видел и не слышал, как к нему бесшумно приблизилась группа людей. Подождав, пока последние слезы мальчика не упали на могилу, один из них направился к Дэви. Мальчик, слышав шаги, моментально вскочил на ноги. Едва он успел уловить что-то знакомое в глазах подошедшего, как сильные мускулистые руки обняли его.

— Как! Это вы, маленький дровосек. Вы помните меня, сынок? Спенса. На пароходе «Миссури».

Дэви не мог говорить. Он только прижался головой к буйволовоy куртке Спенса и припомнил, что это был тот высокий человек, с которым покойный отец разговаривал о дороге в верховьях Миссури и который рассказывал отцу о стране индейцев.

— Теперь вы в безопасности, маленький дровосек! Мы позаботимся о вас. Не рассказывайте, все и так понятно!..

Спенс с первого взгляда уяснил себе до мельчайших подробностей происшедшую здесь трагедию: отец с мальчиком были захвачены врасплох у костра, отец убит,

мальчик скрылся — как именно, Спенс не знал — лагерь разграблен и убийцы исчезли.

Спенс приказал своим людям собрать кое-какие разбросанные вещи — книги и несколько инструментов.

— Пошарьте кругом, ребята, на всякий случай! — сказал он.

Один его бородатый спутник тотчас же направился в лес.

— Теперь, сынок — кажется, Дэви — ваше имя? — продолжал он, — мы поедем в Ляриме. Здесь нехорошее место. Я вижу, это работа чейенов: мне знакомы их приметы... Но об этом мы поговорим позже, у меня есть несколько вопросов, которые надо выяснить. Как вы себя чувствуете? Можете ехать?

Дэви утвердительно кивнул. Ему еще тяжело было говорить. Только позднее он понял, что спасся чудом.

Оказывается, Спенс с небольшой партией был на разведках в восточной части этого района; он был послан одной торговой фирмой из форта Ляриме собрать кое-какие сведения в виду тревожных слухов об индейцах. Отряд Спенса расположился лагерем близ Кроу-Крик, когда до него донесся отдаленный звук выстрелов. Привычное ухо Спенса сразу определило, что стреляют из ружья Шарпа. Он знал, что индейцы ружьем Шарпа не употребляют, и решил, что белый человек, или белые люди, окружены врагами. Оставив двоих из своего отряда присматривать за лагерем, он быстро поскакал на звук выстрелов и наткнулся на след небольшой партии индейцев, которая немного ранее свернула к югу. Он направился по этому следу и добрался до места кровопролития.

Доехав до Кроу-Крик, Спенс сделал остановку и заставил Дэви закусить и выпить крепкого кофе. Отсюда они направились к западу по дороге к Ляриме. Дэви ехал позади Спенса. Когда они прибыли на место, он так устал, что Спенс взял его на руки. Мальчик заснул. Его уложили в постель в задней комнате одной мелочной лавочки, и он не просыпался до самого утра.

Проснувшись, Дэви почувствовал себя невероятно разбитым и несчастным; но после того как он несколько раз окунул голову в ведро с холодной водой и позавтракал рыбой, дичью и кофе, силы вернулись к нему. В нем была большая сила сопротивления. Он понял, где он на-

ходится и какими интересами живет окружающая его среда.

Ляриме был торговым фортом, основанным в 1821 году французским торговцем Жаком Ляриме. Укрепление было построено из толстых квадратных брусьев и имело сторожевые башенки по углам. Дружественное племя шошонов, ненавидевшее чейенов, вело с фортом оживленную меновую торговлю мехами и выделанной бизоньей кожей, меняя эти товары на порох, пули и съестные припасы. Высокие, хорошо сложенные меднолицые держали себя очень гордо. В форте были французы с севера, главным образом, охотники за пушным зверем; погонщики мулов из Орегона — люди видные и статные, обычно налитые мухобойным виски, два глотка которой валили с ног непривычного человека; разведчики-индейцы с длинными орлиными носами — «глаза и уши» разбросанных по стране фортов, — вооруженные копьями. Вид этой разношерстной толпы сильно заинтересовал Дэви, новые впечатления скоро приглушили боль его душевной раны.

Вечером, когда Дэви сидел на скамейке у лавки, к нему подошел Сайлент Спенс. Он долго возился со своей трубкой, не говоря ни слова, потом произнес:

— Я думаю о вашем положении, маленький дровосек. Я думаю, вы были бы рады прояснить свое будущее. Здесь работы найти нельзя. Я еду на запад, в Калифорнию, по делу, которое мне поручили, и хочу взять вас с собой в Сакраменто. Я знаю, куда поместить вас там. Большой мальчик не должен оставаться без школы, и я могу вас в нее пристроить. Я все обдумал, и, кажется, карты выпали как нельзя лучше. Дело в том, что эта страна вовсе не для мальчика, который ищет работу, в особенности теперь, когда индейцы подняли восстание. Поэтому завтра утром мы двинемся в дорогу.

История Дэви была известна всем в форту. Постигшее его несчастье, а главным образом, его благородный вид и смелое открытое лицо покорили сердца грубоватых людей, собравшихся здесь. Все они чувствовали, что что-то необходимо сделать для ребенка, как-нибудь помочь ему, но никто ничего не предпринимал. Наконец, миссис Стил, жена одного торговца, взялась за это дело.

— Глядя на вас, мужчин, — говорила она ночью своему мужу, — мне становится просто тошно: ходите

вы кругом да около и только болтаете, болтаете, а дела никакого. Почему вы ничего не сделаете для сироты?

— Что же мы можем сделать для него? — спросил Билл Стил, как бы ожидая инструкции свыше.

— Вижу, — сказала жена, — что вы, Билл, большой дуралей. Разве вы не можете взять шляпу и протянуть ее каждому бездельнику в форте. Ведь это, просто, стыд и срам отправлять мальчика без копейки денег!

— Я думал, Спенс позаботится о мальчишке.

— Вы думали, — сердито оборвала жена, — вы должны подать пример, Билл Стил!

Билл довольно охотно принял этот совет. В душе он был сердечный человек. Результат путешествия его шляпы по форту оказался поразительным. Все охотно жертвовали: французские охотники и погонщики мулов, и разведчики, и, к удивлению Стила, даже индейцы. Билл пересчитал золотой песок, самородки и монеты; набралось около 1000 долларов — сумма по тому времени очень большая. Миссис Стил одела Дэви во все новое, передала Спенсу узел с бельем и платьем из гардероба мужа — пару ботинок, несколько рубашек, платков, шляпу и, главное, красиво отделанную рубашку из бизоньей кожи с брюками и мокасинами — подарок от индейских женщин племени шошонов, кочевавших поблизости от форта. На следующее утро Спенс и Дэви двинулись в путь вместе со старым разведчиком по имени Рог, которого все называли Порохом. Он пришел в эти места в 1822 г. вместе с генералом Эшли и Бриджером с запасами для пушной компании Скалистых гор и с тех пор осел в форте, пустив здесь прочные корни.

К Дэви этот старик отнесся с большой любовью. Милая улыбка мальчика как-то невольно привлекала к нему всех. Это он — старый Порох — постепенно отвлек Дэви от мрачных мыслей. Он рассказывал ему сотни занимательных историй из прошлого: как он путешествовал с Бриджером к Великим Соляным озерам, как пришли в эти места первые белые люди, чтобы посмотреть Соляные озера. Существовала легенда, что первым сюда пришел испанский монах Эскалант в 1770 г. Рассказывал также Порох о своих боях с индейцами, о борьбе с конкурирующими пушными компаниями.

— Да... Но времена меняются, — говорил старик, — пушного зверя мало по сравнению с прежним. Страна становится все более и более населенной.

Три месяца они были в пути, следуя по хорошо утоптанной дороге к Зеленой реке, от нее к юго-востоку. У Эмигрант-Кэп они спустились к Сиерра-Неваде и двинулись по долине Сакраменто. В город Сакраменто они пришли в последних числах сентября. Спенс взял Дэви с собой в дом старого своего друга Брюстера. Он рассказал ему историю мальчика, просил Брюстера приютить его и взять на себя заботу об его образовании.

Жена Брюстера сразу полюбила Дэви и стала глядеть на него как на сына.

— Он будет нашим мальчиком, — говорила она. — Если бы жив был наш Генри, он был бы тех же лет, что и этот! Я буду очень рада видеть его у нас в доме.

— Я смогу во многом помогать вам, мадам, — говорил Дэви, — я вел домашнее хозяйство моего отца.

— Спасибо вам, дорогой, — ответила добрая миссис Брюстер, — но это не детское дело. Здесь много интересного для умного мальчика; но мы посмотрим.

— Этот мальчик заплатит вам за свое воспитание, — говорил Спенс, передавая Брюстеру кожаный мешочек с золотом и монетами.

Глава VII

БЕЛЫЙ ОРЕЛ С КРАСНЫМ СЕРДЦЕМ

До юношеских лет жизнь Дэви в доме Брюстера протекала вполне счастливо. В школе, где он учился, был очень хороший преподаватель, правда, немного суровый, но обладавший редкой способностью заинтересовывать своих учеников. Дэви, как и многие другие ученики, недолюбливал книг; тем не менее он занимался весьма усердно, так как дал слово Спенсу быть хорошим учеником. А Спенса он любил до обожания: Спенс спас его жизнь и пристроил его в доме хороших людей. Дэви работал и нетерпеливо ждал того момента, когда он будет иметь возможность присоединиться к его компании и оказаться среди мужественных рейнджеров, ведущих суровую и бродячую жизнь в горах и прериях. В течение своего учени-

чества, когда он рос и выравнивался как стройная сосенка, он помогал Генри Брюстеру в его лавке. Лавка вела оживленную торговлю с золотоискателями, западными фермерами, путешественниками, которые здесь временно останавливались или возвращались на восток к насиженным местам. Для миссис Брюстер Дэви стал так дорог, что она смотрела на него как на своего собственного сына. Действительно, Дэви находил тысячу способов помочь ей, облегчить ее работу, и пожилая дама благословляла тот день, когда Спенс привел к ним в дом этого сироту.

— Он самый лучший мальчик, какого я когда-либо видела, — говаривала она мужу и соседям. — Его ум брызжет остроумием, в нем сидит бесенок, который не позволяет никому из товарищей соперничать с ним. Но он удивительно нежен и мил; сердце у него золотое.

Последние годы юношества Дэви были несколько тусклыми и однообразными, вероятно, потому, что он был обеспечен и жизнь его протекала в тихой и мирной обстановке. Но эти дни кончились, как только он достиг двадцати лет. Миссис Брюстер с годами начала дряхлеть и все чаще прихварывать, и, хотя она старалась поддерживать в себе бодрость духа, тем не менее болезнь взяла свое: она умерла на руках у Дэви. Через несколько дней после ее смерти старик Брюстер сказал Дэви, что он намерен вернуться на родину в Индиану.

— Что же делать? — говорил он Дэви, когда они сидели вдвоем в опустевшем доме. — Жена умерла, и у меня нет ни малейшего желания оставаться здесь. Я, слава Богу, поработал довольно. У меня теперь достаточно средств, чтобы прожить остаток дней в покое и комфорте. Поедем, Дэви, со мной! Я куплю хорошую ферму в Дирборне на берегу Огайо; мы заживем припеваючи. А когда умру, все оставлю тебе.

— Дядя Хенк, — говорил Дэви, — вы были для меня добрым отцом, и я глубоко ценю все, что вы для меня сделали. Если я нужен вам, я поеду; но, скажу откровенно, меня тянет на запад. Там есть работа, которую, чувствую, я должен сделать. Вы знаете, при каких обстоятельствах погиб мой отец: он был убит белым человеком, зарублен топором... Не было дня, дядя Хенк, чтобы я не думал об убийце. Я должен найти его и расплатиться с ним. Если я только нападу на его след, я буду гнаться за ним годы, пока не задушу его голыми

руками. А потом здесь будет строиться железная дорога, о которой за последнее время так много говорят. Некоторые, правда, думают, что она никогда не будет построена, но это неверно, дядя Хенк: отец верил в нее всем сердцем. Это-то и толкнуло его на запад — искать проход через холмы и горы. Он часами рассказывал мне об этой дороге и о том, какое громадное значение она должна иметь для страны. Его постоянное желание было, чтобы я принял участие в ее постройке. Может быть, вы думаете, что я глуп, но я верю: мой отец был очень дальновидный человек; он крепко надеялся, что я найду способ приложить к этому свой труд. Мне тяжело расстаться с вами, дядя Хенк, но что же поделаешь. Я чувствую, что должен поступить именно так. Мне хотелось бы, чтобы вы поняли меня. Однако я охотно пойду с вами, если вы скажете, что я вам действительно нужен.

Генри Брюстер вынул трубку изо рта, — ту самую старую трубку, которую покойная миссис Брюстер так часто ругала, — и несколько минут оставался неподвижным, пристально глядя на колеблющееся пламя в камине.

— Я понимаю, — начал он медленно. — Ты на правильной дороге, Дэви. Я, конечно, не сторонник мщения, закона «око за око, зуб за зуб», но я понимаю тебя. Я тоже шел бы до тех пор, пока не добился бы, чтобы мои руки схватили за горло этого дьявольского убийцу и задушили его.

— Я еще не знаю точно, где он, — сказал Дэви, — но мне известны места, где он бродит с чейенами. Это — к востоку от форта Ляриме. Он обитает где-то там, среди холмов. В последний раз я слышал, что этот мерзавец вернулся к Ляриме. Я намерен, если вы не нуждаетесь во мне, поехать с вами на восток до этого форта, разыскать Спенса и, быть может, узнать от него кое-какие новости.

— Великолепно! — сказал Брюстер. — Ты теперь взрослый человек, Дэви; немногие здесь умеют так хорошо владеть ружьем, револьвером и кулаками, но все-таки тебе понадобится длинноголовый Спенс. Я очень люблю тебя, мой милый, но на твоей дороге не встану — иди, куда зовет сердце.

У Брюстера был знакомый, которому очень хотелось поскорее купить лавку и начать торговлю. Он дал хоро-

шую цену, и дело скоро было покончено. Когда все было распродано, за исключением некоторых домашних вещей, необходимых в хозяйстве, Брюстеры окончательно подготовились к путешествию. Как-то утром Брюстер удивил Дэви, буквально привел его в восторг, подарив ему великолепного, сильного и быстроходного полукровка-жеребца с полной сбруей. На жеребце было прекрасное мексиканское седло и уздечки с серебряным набором. Но самым ценным подарком были ружье и пара новых револьверов Кольта.

— Это пустяки, — говорил старик, когда Дэви благодарил его и протестовал против дорого стоящего подарка. — Ты был хорошим пареньком, жена любила тебя как своего сына, и мой подарок очень понравился бы ей. Мне хочется, чтобы в пути ты был хорошо снабжен одеждой и чтобы у тебя была лошадь, на которую ты мог бы положиться.

Через неделю они двинулись в путь с подводой, нанятой до форта. Их дорога лежала через Плясервиль к городу Соляных озер, Новому Иерусалиму, который построили мормоны.

Отсюда они направились по хорошо наезженной дороге к северу, к фортам Бриджер и Ляриме. Здесь Дэви простился с Брюстером; с тяжелым сердцем смотрел он вслед удалявшемуся в облаках пыли человеку, который стал ему вторым отцом.

Среди находящейся в Ляриме публики Дэви не нашел Спенса, но узнал, что его друг охотится в верховьях реки Паудер со своим старым приятелем Мататонка из племени оглелов, которые иногда не особенно дружелюбно относились к белым.

Дэви решил отправиться в деревню Мататонки на реку Паудер, несмотря на то, что многие не советовали ему пускаться в это путешествие. Его надежды на благополучный путь оправдались: через три дня он прибыл в деревню и быстро разыскал Спенса, горячо его приветствовавшего. Мататонка принял его в своем доме, где жил и Спенс, и предоставил ему почетное место. Вождь был замечательно красивый краснокожий. Дэви еще не встречал подобного ему. Стройный, ростом выше шести футов, он держался с большим достоинством и самоуверенностью. Во всей его фигуре чувствовались сила и непоколебимая решительность. Его воля была зако-

ном для племени. Ловкость, большой ум и успех в беспрерывных войнах с сиу, воронами, павнами и арапегами завоевали ему громадную известность и славу.

Спенс представил Дэви как своего молодого брата, и Мататонка приветствовал его с глубоким уважением. Он пожал руку Дэви с такой силой, что юноше стало больно. Дэви рассматривал могущественного вождя с большим интересом. Белые молчали, повинувшись установленному этикету. Первая жена Мататонки подала мужу церемониальную трубку, вырезанную из камня и набитую смесью табака с ивовым корнем, которую племя сиу предпочитало чистому табаку. Мататонка поднял трубку, протянул ее последовательно в четыре стороны, сделал затяжку, потом передал ее налево, вручив первому Дэви. Тот, подражая вождю, тоже затянулся один раз и передал трубку Спенсу; последний, в свою очередь выпустив небольшой клуб дыма, возвратил трубку вождю. Жена вождя взяла трубку и повесила ее на стену хижины, где она висела среди множества военных и охотничьих трофеев. Последовали несколько минут молчания; Мататонка пристально разглядывал Дэви. Дэви чувствовал, как острые черные глаза вождя пронизывают его насквозь.

— Это хорошо, — начал Мататонка. — Говорят, что молодой орел прилетел с горных вершин. Говорят, что это белый орел с красным сердцем. Мататонка желает, чтобы улыбающийся юноша повесил свое платье в этой хижине. Мататонка будет отныне его старшим братом.

Спенс перевел слова вождя и прибавил:

— Вы произвели прекрасное впечатление на вождя. Он любит людей, подобных вам. Предложите ему какой-нибудь подарок, если у вас есть что-нибудь.

— Скажите вождю, что я только молодой человек, еще не совершивший подвигов, и у меня нет слов, чтобы благодарить такого знаменитого вождя, как Мататонка. Скажите ему, что я привез ему подарок...

Спенсу очень понравился ответ Дэви; он немедленно перевел его вождю, глаза которого заблестели от удовольствия, хотя лицо оставалось по-прежнему серьезным. Дэви оставил хижину, порылся в своих дорожных вещах и отыскал красивый охотничий нож с длинным лезвием и ручкой, украшенной серебряной инкрустацией. Возвратившись, он протянул нож вождю. Сдержанность последнего сейчас же растаяла.

— Мататонка, — начал он гордо, — нанесет много ударов этим новым ножом. Он возьмет много скальпов у собак-Воронов, чтобы повесить их в своем вигваме. Это хорошо!

Он позвал свою жену и приказал подать ужин, состоявший из вареного буйволового мяса со сладкими кореньями, которых Дэви до того не пробовал — очень вкусных и хорошо приготовленных. Ужин был подан в ковшах, искусно сделанных из рога. После ужина долго курили, не говоря ни слова.

Первым прервал молчание Спенс; он попросил Мататонку показать летопись племен, мало доступную для белых. Она ревниво охранялась, как священная хроника, заносимая из года в год в течение полутора столетий на внутреннюю сторону бизоньей тщательно выделанной кожи. В хронике каждой зимы велась запись вождей кругами, которые постепенно расширялись вокруг общего центра; сюда же заносились все более или менее значительные события из жизни племени оглелов.

Мататонка встал, достал хронику, бережно развернул свиток, закатанный в другую кожу, и разостлал по полу хижины.

Спенс указательным пальцем начал водить по коже, подсчитывая годы применительно к летосчислению белых; затем, указав на рисунок ворона с разбитыми крыльями, сказал:

— Мой брат видит, как много было убито Воронов за эту зиму.

Обращаясь к Дэви, он прибавил.

— В этот год отец Мататонки прогнал Воронов к Лодж Пол-Крику; это случилось в тот самый год, когда ваш отец был убит у Блэк Хилла, подсчет дает 1853 год.

— Народ Медведя снял много скальпов у Воронов, — гордо сказал вождь. — Они знают, что наши женщины вили веревки из их волос; они знают, что народ Медведя вплетал волосы Воронов в хвосты своих лошадей.

— Мой брат — великий воин, — подтвердил Спенс. — В этом году, — продолжал он, — на моего молодого брата с его отцом напали чейены под предводительством белого человека, который ненавидит белых. Сердце этого белого было черно. Его сердце — сердце змеи! Этого человека называют Двухпалым, потому что его правая рука изуродована. Двухпалый убил отца мо-

его брата не в честном бою, как храбрый воин, а как коварный трус. Быть может, Мататонка знает этого человека?

— Мататонка не знает его, — отвечал вождь, — хотя здесь у нас было много разговоров об этом человеке. Говорят, что он уже не живет с краснокожими; говорят, что он ушел от них в страну звезды, с громким шумом проходящей зимой; другие говорят, что он сошел с ума; но говорят также, что он убит громом. Мататонка не знает его. Он был очень плохой человек.

— Вождь говорит, — переводил Спенс Дэви, — что Двухпалый оставил чейенов три года тому назад. Зимой они видели метеор, который разорвался с шумом и упал недалеко от деревни, где он жил, и он будто бы от этого сошел с ума; другие говорят, что он был убит молнией, а третьи — что он пропал из вида. Вот все, что я мог разузнать о негодяе. По-видимому, след его утерян.

— Этот дьявол обитает где-нибудь в других местах, — сказал Спенс Дэви, когда вышли из жилища Мататонки.

— Когда-нибудь мы нападём на его след! Когда это время придет...

— Ваш отец, — прервал его Спенс, — был хороший человек: он должен быть отомщен!

Дэви вскоре освоился с жизнью Спенса, на которого он смотрел как на умного, опытного и независимого старшего брата.

Спенс занимался охотой по берегам реки Паудер, добывал меха и понемногу торговал с племенем Мататонки. В течение нескольких месяцев он ознакомил Дэви со страной, в которой они вместе начали промышлять, главным образом на севере, в направлении к Желтому Камню. Дружба с Мататонки открывала им двери во все вигвамы племени. Скоро Дэви так хорошо изучил жизнь и нравы индейцев, как редкий белый; он жил их жизнью и до известной степени усвоил даже способ их мышления. Он охотился с ними, принимал участие в их играх и однажды, вопреки совету Спенса, сопровождал небольшую партию молодых сорванцов, ищущих славы, в их опасной затее — краже лошадей у самых опытных конокрадов — Воронов. Это был очень успешный набег, занесенный в хронику оглелов фразой: «Много взято лошадей зимой». Дэви возвратился героем среди моло-

дых храбрецов, и на него стали смотреть с возрастающим уважением даже старейшины племени. Однажды вечером, когда они сели за ужин у вождя, Мататонка спокойно предложил ему в жены свою старшую дочь — Маленькое Солнце. Дэви вежливо, но в категорической форме отказался и этим очень удивил знатного индейца. Маленькое Солнце была, действительно, очень хорошенькая девушка, но с большим расположением к полноте. Дэви сказал вождю, что он считает его предложение величайшей честью для себя, но что у него впереди длинная дорога: он должен разыскать след человека, убившего отца, и отомстить за убитого. Он не может обзаводиться женой, так как, быть может, долгие месяцы будет искать убийцу. Это объяснение было вполне понятно Мататонке и соответствовало индейским нравам. На этом разговор о женитьбе кончился. Девушка, частенько строившая глазки Дэви, очень огорчилась.

— Вы хорошо сделали, — сказал Спенс. — Белые, берущие в жены индейских девушек — глупцы. Обычно это ведет ко многим неприятностям: они вынуждены бывают кормить всех приходящих родственников жены. Но, признаться, девушки их очень и очень привлекательны.

— Меня не интересуют ни белые, ни краснокожие женщины, — ответил Дэви, сам краснея как девушка. — В Сакраменто меня высмеивали за то, что я никогда никого не любил. Они нравятся мне, Сайлент, но, увы, я еще не встречал ни одной, которая могла бы стать моей женой.

Весной Спенс и Дэви покинули племя оглелов и отправились в волшебную страну Желтого Камня. Спенс еще раньше провел здесь несколько лет с Бриджером, но для Дэви эта страна с кипящими источниками, водопадами и гигантскими деревьями была настоящей страной чудес. По дороге они свернули к форту Ляриме, где узнали некоторые новости, заставившие сердце Дэви радостно забиться. Эти новости касались железной дороги. Будучи долгое время вдалеке от населенных мест, они решительно ничего не слыхали насчет этого; оказалось, что она уже строится и постройка идет быстро. Восточная часть линии уже подходила к северной части реки Платт через Небраску, а западная прорезала Калифорнию до гор Сиерра-Невада.

Узнав об этом, Дэви с волнением сказал Спенсу, что он намерен немедленно двинуться в дорогу.

— Я должен идти, — говорил он, — что-то зовет меня. Я чувствовал этот зов последние годы все сильнее и сильнее. Это странно. Я даже не могу понять, в чем дело, но это безусловно так.

— Лучше подождите, когда поезда побегут на восток, — советовал Спенс. — Здесь определенно говорят, что чейены и сиу объявили войну этой железной дороге и будут биться за каждую милю пути. Индейцы охвачены страхом и ненавистью. Правда, оглелы — наши друзья, но они могут изменить, когда железная дорога пойдет прериями. Я могу побыть здесь еще некоторое время.

— Нет, — упрямо твердил Дэви, — я пойду, я готов на риск. Молодежь Мататонки кое-чему научила меня. Кроме того, счастье может улыбнуться, и индейцы будут рассеяны как призраки... Идите куда хотите, Спенс; в случае чего вы найдете меня на железной дороге, быть может, как забойщика костылей.

— Хм... — ворчал Спенс, — это в вас говорит бессамолюбия!..

На другой день командир форта майор Энсон послал за Дэви.

— Я слышал, — сказал он, — что вы намерены отправиться к реке Платт? Если это решено, вы могли бы оказать большую услугу армии. Есть депеши, которые необходимо доставить в форт Керней, но у меня нет разведчиков, которым я мог бы доверить их. Что вы скажете на это?

— Я к вашим услугам, майор, — отвечал Дэви. — Приготовьте депеши к вечеру, потому что я намерен выехать сегодня же.

Глава VIII

МЭРИ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Шли годы. Маленькая группа друзей Брендона за это время переселилась на восток, о чем ранее никогда и не мечтала, живя в старом Спрингфильде. В истории страны не было еще ни одного десятилетия, которое бы так бурно отразилось на жизни и судьбе целого народа. Ве-

ликие события гремели в ушах людей и ослепляли глаза своим блеском. Ложное спокойствие, царившее в течение пяти десятков лет, было нарушено громом пушек в Чарльстонской Гавани¹. Страна содрогнулась от вспыхнувшей борьбы южан и северян. Это была эпоха поразительных перемен. Имена новых вождей заблестели подобно звездам на небосклоне.

Наиболее блестящей звездой была звезда Линкольна. Другие государственные деятели шли ощупью в путаной обстановке событий, но скромный дровосек зоркими глазами провидел будущие судьбы страны; он завоевал симпатию и доверие народа и был избран президентом в 1861 году.

Подобно Линкольну, и Том Марш был выброшен из Спрингфильда потоком событий. Как опытный подрядчик и строитель, он быстро выдвинулся, и с началом гражданской войны перед ним открылись огромные возможности для приложения его опыта. Северная армия нуждалась в продовольствии и одежде. Громадные запасы должны были быть заготовлены и распределены на фронте. Но людей, подготовленных к такой кипучей и ответственной работе, не было. В начале войны Марш посетил Линкольна в Белом Доме и подробно обсудил с ним этот вопрос.

— Том, — сказал Линкольн, — у нас много прекрасных людей на фронте, но — это между нами — тыл полон патентованных мошенников и негодяев. Союз нуждается в честных людях. Я хотел бы, чтобы вы взяли на себя дело снабжения армии ветчиной и бобами. Если вы хотите, чтобы я дал вам погоны с двумя полосками, я завтра же произведу вас в полковники.

— Нет, — отвечал Марш, — чинами я не интересуюсь, но я ищу возможность честно поработать для блага страны.

— Прекрасно! Вы получите эту возможность, — сказал Линкольн. — Сегодня же ночью я напишу Стентону и заставлю его сделать для меня все необходимое немедленно. Вы — я уверен — получите достаточно контрактов, чтобы работать, по крайней мере, в течение года.

¹ Гражданская война Северных штатов с Южными началась в феврале 1861 года захватом южанами форта Семтер у Чарльстона. — *Прим. перев.*

Может быть, Том, вы сможете взять на себя и снабжение отряда Мак Клиллена, который завтра отправляется к Ричмонду?

— Я сделаю все, что в моих силах, Эйб. Но прежде чем я возьмусь за дело, я должен устроить мою Мэри, чтобы она могла жить в подходящей обстановке. Она у меня сейчас в школе в Нью-Йорке. Я поместил ее туда в прошлом году. Кстати, она наказывала мне непременно передать вам, что помнит вас и хранит медаль, которую вы ей подарили в тот день, когда отец и сын Брендонны выехали на Запад.

— Спасибо за память, Том, — сказал Линкольн. — А сколько ей лет? Я думаю, уже около шестнадцати? Молодая леди! Когда вы опять будете в Вашингтоне, возьмите ее с собой — я хочу посмотреть на нее. А что случилось с Брендоном и его сыном? Имеете вы о них какие-нибудь сведения?

— Никаких. Я писал моим знакомым в Калифорнию, просил поискать их следы, но из этого ничего не вышло. Они исчезли с горизонта. Запад слишком далек от нас, и даже эта ужасная война, кажется, мало интересуется его.

— Я знаю, — сказал президент задумчиво... — Кажется, наступило время соединить восток и запад. Железная дорога должна быть построена, Том! Та самая дорога, о которой так страстно мечтал чудак Брендон. Между делом я урываю время и для переговоров относительно проекта этой дороги. Мистер Хантингтон из Сан-Франциско несколько раз был у меня по этому вопросу, и я сталкивался уже с Дюрантом из Нью-Йорка. Скажу вам по секрету, что законодательный акт о постройке Тихоокеанской железной дороги уже готов и будет внесен в конгресс в начале будущего года. Люди, с которыми я говорил об этом проекте, с энтузиазмом приветствуют мое решение. Мы должны построить эту дорогу, чтобы удержать в Союзе Калифорнию и Штаты на берегу Тихого океана. Это единственный путь, который может связать нас с Западом.

— Я теперь понимаю, что это надо сделать, — сказал Марш, — но стоимость... Ведь это чертовски дорого!

— Да, но мы встретим эти затруднения без страха, — спокойно ответил Линкольн. — Когда нужно сделать что-нибудь для счастья и безопасности страны, денег не надо считать, Том, и трудностей существовать не должно. До-

рога будет построена. Я хочу, чтобы вы это знали, потому что вам придется приложить руки к этой постройке. Для этой работы понадобятся честные люди, дорога должна быть построена честными путями, Том.

Прошел год со времени этого разговора, год тяжелой, неустанной работы для Марша. Дело у него было хорошо поставлено, и скоро он завоевал себе репутацию честного и умелого организатора. Даже требовательный Стентон принимал Марша в Военном департаменте с дружеской улыбкой и горячими рукопожатиями.

В Нью-Йорке Марш купил для себя и Мэри дом на южной стороне Одиннадцатой улицы, к югу от Шестой авеню, возле красивого Вашингтонского сквера. В этом тихом квартале, под тенью старых деревьев, он чувствовал себя очень уютно и всем сердцем отдавался работе, счастливый присутствием любимой дочери.

Марш сожалел, что работа не дает ему возможности посвящать больше времени дочери, красота которой расцветала с каждым днем, что было заметно даже привычному отцовскому глазу. В семнадцать лет Мэри была так хороша, что нельзя было не заглядеться на нее.

Мэри обладала характером, который иногда вспыхивал как молния. Особенно часто это случалось, когда надменные и гордые девушки в школе позволяли себе подсмеиваться над ней, как над выскочкой из диких лесов. В таких случаях она отвечала такими остроумными ударами, что причиняла боль своим мучителям. Своей смелостью, независимостью, готовностью всегда самостоятельно выполнить ту или иную задачу она вскоре доказала, что она вовсе не пустая болтушка, и тогда окружающая ее школьная атмосфера изменилась: враждебность и надменность уступили место теплым дружеским чувствам.

Неудивительно, что молодые люди вились около нее как рой пчел, и среди них были дети фамилий столь же старых, как остров Манхэттэн¹. На серебряном подносе в приемной красивого трехэтажного дома на Одиннадцатой авеню, выходящего окнами на чистенькие лужайки, можно было видеть визитные карточки потомков Стивезантов, Ван Ренсэллеров, Бикменов, Ван Кортлендов.

¹ «Манхэттэн» — индейское название острова, на котором расположен Нью-Йорк. — *Прим. ред.*

Здесь появлялась также карточка некоего Питера Джесона, фамилия которого играла когда-то видную роль в истории Старого Нью-Йорка. Молодого Джесона познакомил с Мэри ее лучшая подруга Сюзанна Делансей.

— Очаровательная, но дикая, — говорила Сюзанна Джесону. — Попробуйте-ка ее приручить!

После первой же встречи с Мэри Джесон сделался ее страстным и постоянным поклонником. Где бы она ни показалась, Джесон оказывался там. Со временем совершенно оттеснил от нее своих соперников.

Прошел год, и Мэри с тревогой поняла, что Джесон всерьез ею заинтересовался. Он ей нравился и временами даже очаровывал ее. Он был очень воспитан, деликатен и ловок, умел оказывать красивым девушкам тысячу маленьких услуг. Мало-помалу Мэри почувствовала себя в некоторой зависимости от него за оказываемые ей услуги, которые так нравятся девушкам.

Приближалось лето второго года войны. Марш часто выезжал в Вашингтон на совещания с президентом. Его голова всецело была занята проектом трансконтинентальной железной дороги. С этим проектом он познакомил и дочь.

— Законопроект о железной дороге уже внесен в конгресс. В июне он будет зачитан, — говорил Марш. — Я уверен, что он пройдет и президент подпишет его. Правда, многие не верят в это; они считают, что каждый доллар, каждая унция энергии должны быть сейчас использованы для войны, а строительство железной дороги должно быть отложено до ее окончания. Но этот вопрос решится через несколько дней. К этому времени я должен быть в Вашингтоне.

Мэри не скрыла от Джесона разговора с отцом о железной дороге. К ее удивлению он очень этим заинтересовался.

— Вы знаете, Мэри, — говорил он, — я ведь гражданский инженер, хотя, сознаюсь, очень мало использовал свою профессию. Я был очень ленив, но теперь, когда железная дорога начнет строиться — это был бы удивительно подходящий для меня случай поработать. Так как ваш отец очень заинтересован в этом деле, оно становится для меня все более и более привлекательным. А потом, если он возьмет работу на заводе, — это значит, что и вы поедете с ним?

— Ну, конечно, Питер, — сказала Мэри. — Я представить себе не могу жизни без отца! Он уверен, что дорога будет строиться и что она многих обогатит!

— В таком случае я вижу, что и мне нужно взяться за работу, — засмеялся Джесон, — ведь и я не могу обойтись без вас.

Во время этого разговора они сидели в гостиной дома Марша. Джесон встал, подошел к большому французскому окну и несколько минут смотрел на темные деревья. Затем он повернулся, медленно подошел к креслу, на котором сидела Мэри, и, наклонясь к ней, сказал:

— Мэри, я не хотел высказываться так скоро... Но я должен сделать это... Я люблю вас. Скажите: значу я что-нибудь для вас? Согласны вы выйти за меня замуж?

— Питер, — отвечала Мэри твердо, но с некоторой дрожью в голосе, — я не хочу хитрить, говоря, что ваше предложение меня удивляет. Я знаю: вы, кажется, любите меня.

— Кажется?

Но Мэри продолжала:

— Я не знаю, действительно ли это то чувство, которое принято называть любовью. Но вы мне нравитесь, Питер, мне всегда недостает вас, когда вас нет рядом.

— Мэри, — воскликнул он, — так вы любите меня?

Он хотел привлечь ее к себе, но она отстранила его.

— Нет, нет еще, — мягко сказала она, — есть кое-что, касающееся вас, о чем я слышала... Это меня беспокоит. У вас, кажется, нет цели жизни. Вы игрок или что-то вроде этого, как говорят. Вы, кажется, много пьете. Я говорю с вами откровенно. Но я должна сказать. Я не синий чулок, Питер, но эти истории... Вы иногда кажетесь мне очень грубым.

— Мэри, у меня много врагов. Все это ложь с начала до конца. Я полагаю, что прошел то, что должен был пройти светский человек в моем положении; но если вы выйдете за меня замуж, я никогда не прикаснусь к картам. Я буду скромн весь и отдамся моей профессии. Я сделаюсь таким, что вы станете гордиться мною.

Он опустился на колени и смотрел на нее умоляющими глазами.

— Осчастливьте меня, Мэри! Я не могу жить без вас! Если вы скажете «да», я буду ждать годы, но я хочу, чтобы вы обещали. Скажите: выйдете вы за меня?

Мэри долго и пристально смотрела на него и наконец сказала:

— Хорошо, я принимаю ваше предложение.

Он вскочил на ноги.

— Нет, не теперь, не так скоро... Я еще слишком молода. Я знаю, что и отец ни за что не согласится. Но через год или два, может быть, после того, как вы зарекомендуете себя и я буду уверена в этом. Довольны вы таким решением?

Он пробовал было возражать, но в нежном и мягком голосе Мэри была непоколебимая твердость, и Джесон вынужден был уступить.

— Вы знаете, — говорил он, — куда я направляюсь сейчас, попрощавшись с вами? Я пойду к Дюранту.

— Мистер Дюрант из новой Тихоокеанской железнодорожной компании? — спросила Мэри, часто слышавшая эту фамилию от отца. Это был крупный капиталист и главная двигательная пружина нового железнодорожного проекта.

— Он самый. Я его прекрасно знаю. Он и мой отец были большие друзья. Я буду просить его дать мне место.

При прощании Мэри позволила Питеру поцеловать ее, но этот поцелуй не затронул ее сердечных струн.

«Но я все-таки люблю его, лучше его я еще никого не встречала», — говорила она себе. Ложась в постель, она много думала о том, что произошло в этот вечер.

Глава IX

РЕШЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Через три дня Мэри получила от отца из Вашингтона письмо. Он писал: «Президент желает видеть меня утром 1 июля. Законопроект о Тихоокеанской дороге прошел через конгресс и теперь лежит на письменном столе президента. Я думаю, что он хочет говорить со мной о нем. Проект вызвал большую оппозицию со стороны некоторой части депутатов; они полагают, что правительство должно все свое внимание сосредоточить на войне. Но я знаю, что думает Линкольн.

Время очень тяжелое и неопределенное. Президент сильно изменился, постарел, сделался угрюмым и подав-

лен заботами. Общественное доверие падает. Страна склонна к компромиссам, чувствуются симпатии к южанам. Даже правительственные департаменты представляют собою настоящий улей нелояльности. Но удивительно, что наш старый друг под этой тяжестью по-прежнему терпелив, бодр и решителен. Он страдает при каждом известии о неудаче на поле сражения и принимает к сердцу страдания каждой матери и жены. Появились клеветники, которые смеются над ним, называют его легкомысленным пустомелей, рассказывающим сказки в такое время, когда кровь народа льется ручьями. Здесь, в Вашингтоне, не понимают его. Они не знают его так, как знаем мы.

У меня нет времени писать подробно, но я знаю, как вы очень интересуетесь положением вещей. Я думаю, что ты приедешь ко мне в последних числах июня и мы сможем 1 июля вместе отправиться на свидание с президентом. Он часто спрашивает меня о маленькой Мариам. Я хочу посмотреть на него, когда он увидит перед собой не девочку, а молодую леди!»

Она читала письмо Джесону, волнуясь при описании одинокого человека в Белом Доме. Блестящие глаза Джесона выдавали большой интерес к содержанию письма.

— Мистер Марш, кажется, уверен, что президент подпишет законопроект. В таком случае работа должна начаться безотлагательно. Им понадобятся инженеры. Я был бы рад и счел бы за честь, если бы вы позволили мне сопровождать вас в Вашингтон к вашему отцу. Я не застал Дюранта, но я могу его увидеть там и, может быть, сумею заинтересовать и вашего отца. Он, кажется, в очень близких отношениях с президентом?

— Я очень хотела бы, Питер, чтобы вы поехали со мной, — сказала Мэри. — Я скажу отцу, что вы очень заинтересованы в дороге и хотели бы принять участие в ее постройке. Он, вероятно, предложит вам пойти вместе с нами в Белый Дом. Будет замечательно, если мы сможем увидеть президента и поговорить с ним.

— Быть с вами, дорогая, для меня истинное счастье, — горячо сказал Джесон, — правда, я не уверен, что встреча с оригинальным человеком, которого случай привел в Белый Дом, приведет меня в волнение. Многие из моих друзей имели случай разговаривать с ним и вынесли весьма неприятное впечатление: он далеко не

джентльмен. Мне говорили, что он довольно груб и у него вульгарные манеры.

Краска залила лицо Мэри. Она сильно рассердилась и, будучи вспыльчивой и прямолинейной, задала надменному аристократу основательную головомойку, которую он впоследствии никогда не забывал. Она знала мнение восточных аристократов о президенте. Они не могли понимать его, как понимал ее отец. Мало-помалу она овладела собой и спокойно сказала:

— Вы и ваши друзья перемените свое мнение, как сделали это государственные деятели в его кабинете. Мистер Стентон говорил отцу, что он раньше не выносил президента и терпеть не мог разговаривать с ним, а теперь это самый преданный его поклонник. Государственный секретарь Сьюард держался того мнения, что он с успехом мог бы заместить президента, но скоро узнал, кто является настоящим хозяином Белого Дома. Каждый из членов кабинета, Питер, прекрасно знает, что президент на голову выше их всех. Он может иногда начать заседание кабинета деревенской шуткой, но в то же время найдет такое убедительное решение вопроса, которое совершенно обезоружит противников даже из числа самых известных политических деятелей.

— Быть может, вы и правы, дорогая, — скромно заметил Джесон. — Если он проведет дорогу и даст нам возможность разбогатеть, я тоже буду петь дифирамбы нашему королю фермеров.

Мэри закусил губу, чтобы сдержать свой гнев, и тотчас же переменила тему разговора, перейдя к предстоящей поездке.

Через два дня после этого разговора они прибыли в Вашингтон. Марш часто встречал Джесона, но относился к нему довольно равнодушно. Мэри рассказала отцу, как они ехали, как она приняла предложение Джесона о браке и что срок свадьбы ею отложен надолго.

Марш выслушал дочь серьезно.

— Мы поговорим об этом за ужином, — сказал он. — Я буду занят целый день с необходимыми для железной дороги людьми. Наконец мы уже у цели... А вы пока развлекайтесь, как вам вздумается.

— Я хотел бы повидать мистера Дюранта, — начал Джесон и объяснил, с какой целью. Марш кивнул в знак согласия и сказал, пожимая руку инженера:

— Встретимся за ужином.

Вечером они вместе обедали. Марш был словоохотлив. Он высказывал свое мнение о жизни и работе.

— Мистер Джесон, — говорил он, — главная цель моей жизни — устроить счастье моей дочери, потому что она у меня одна. Для нее я работаю, обдумываю разные планы и вообще стараюсь обеспечить себе хорошее состояние. Если Мариам любит вас и хочет выйти за вас замуж, я не буду препятствовать. Но если вы действительно серьезно решились на это... вы должны подождать: она еще слишком молода, чтобы выходить замуж. Ей еще надо года два-три, чтобы завершить свое образование. А потом время сейчас очень неопределенное, никто не знает, что случится с нашими надеждами и планами. Половина моего состояния вложена в государственные бумаги. Они котируются низко, нужны, быть может, годы, прежде чем они поднимутся до номинальной их стоимости. Другую часть денег я намерен вложить в железнодорожные акции. Если железную дорогу постигнет крах, я останусь нищим и вынужден буду все начинать сначала. Но если дело с железной дорогой пойдет удачно, я стану очень богатым человеком.

Во время этого разговора Джесон быстро соображал. Раньше он был уверен, что отец Мэри чрезвычайно богатый человек; такое впечатление он произвел на Джесона в Нью-Йорке. А теперь Джесону стало ясно, что Марш вовсе не был владельцем конюшни дорогих лошадей и что он не обладает независимым капиталом, который делал бы его дочь достойной стать женой аристократа. Девушка была мила, грациозна, обворожительна, но мог ли он, Джесон, идти на риск? Он чувствовал, что она нужна ему, она волновала ему кровь, но не может же он жить с бедной, хоть и красивой женой.

— Мистер Марш, — сказал Джесон, обдумав ответ, — в моей любви к Мэри нет места вопросу о деньгах. Я хочу только устроить свою жизнь. Я вас понимаю и ценю ваши чувства, если вы находите, что самое лучшее для нас — подождать, я вполне готов положиться на ваше решение.

Эти слова понравились Маршу. Умный и опытный в практических делах, он не разбирался в таких людях, как Джесон. Ему казалось, что Джесон принял его реше-

ние как рассудительный человек. Его уважение к молодому человеку возросло.

Мэри понимала разочарование ее жениха. С внешней стороны его слова были благоразумны, полны чувства и вполне соответствовали ее собственному убеждению в необходимости отложить свадьбу на довольно продолжительное время, в душе она предпочла бы видеть перед собой более горячего поклонника, страсть которого не так легко мирится с отсрочкой. У нее не было желания торопиться с замужеством, но все же в душе она хотела бы, чтобы Джесон настаивал на немедленной свадьбе. Это противоречие смущало ее. Она сидела задумавшись, в то время как отец и жених беседовали о железной дороге.

Джесон встретился с Дюрантом после полудня. Дюрант обещал ему место инженера в Тихоокеанском Союзе.

— Я очень рад, что вы заинтересовали его, — говорил Марш, — но особенно не настаивайте на должности. У меня будет свой собственный штат инженеров, и нет никаких оснований, чтобы вам не поработать со мной.

Джесон горячо поблагодарил Марша за внимание, и разговор их перешел на другую тему, главным образом на последние известия с фронта, которые посеяли большую тревогу в городе, особенно среди скептиков.

На следующее утро в девять часов они явились в Белый Дом. Их встретил комендант и пригласил в приемную президента, куда допускались лишь те, кому было назначено свидание или с президентом, или с его секретарем — мистером Хейем, или те, у кого были важные дела, не терпящие отлагательства. Такие лица принимались вне очереди. Вид приемной привел Мэри в волнение: длинная, низкая комната была переполнена лицами, которые в это время решали судьбы страны и делали ее историю. Отец показал ей нескольких знаменитых сенаторов, губернаторов и выдающихся военных.

— Вон там стоит генерал Мак Клиллен, спешно приехавший с фронта, — говорил он, показывая на прямую суровую фигуру среднего роста. Мэри заметила, что многие говорили о генерале, но очень осторожно. Его лицо выражало тревогу, и он отвечал иногда окружающим его офицерам невпопад.

— Генерал хочет, чтобы ему было разрешено немедленно пройти к президенту, он не любит долго ждать.

В комнату то и дело входили военные и гражданские лица. Здесь было постоянное движение и шум сдержанного разговора. Несколько человек отделились от группы и приветствовали Марша. Он представил их дочери: мистер Коллис Хантингтон из Сан-Франциско, вице-президент Центральной Тихоокеанской компании; Юджин Бенжамен, инженер компании, мистер Томас Дюрант, вице-президент Тихоокеанского Союза и многие другие.

Мэри заметила, что Хантингтон и Бенжамен были уроженцы запада, хорошо, но просто одетые, очень прямолинейные в разговоре, а Дюрант был совершенно другого типа — очень модно одетый, с изысканными манерами и речью образованного человека.

Все они немедленно вступили в разговор с ее отцом о железной дороге. В их разговоре и жестах ощущалась нервность и какое-то особенное напряжение.

Внезапно все разговоры умолкли. В зале наступила полная тишина. Взгляд Мэри упал на дверь, из которой торопливо показался секретарь Хэй, предшествуемый медленно идущей фигурой. Это был президент. Когда он шел, его голова была наклонена вниз, руки он держал сзади.

Все взоры обратились к нему. Он шел, слегка переваливаясь то вправо, то влево, с некоторой неловкостью, которую так хорошо знала Мэри.

Группа высших офицеров поклонилась ему и преградила дорогу.

Генерал Фортеск заговорил первый:

— Позвольте мне, сэр... Мы все обсудили акт о Тихоокеанской железной дороге, который вы намерены подписать. По нашему мнению, это образчик инженерного безумия. Мы нуждаемся в каждом долларе для ведения войны. Нам хочется верить, господин президент, что вы не поставите своей подписи под этим актом.

Линкольн стоял, глядя через головы на дверь; он тотчас заговорил, и все обратились в слух, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Джентльмены, мы не можем позволить, чтобы военные задачи ослепляли нас в нашем движении к миру! — он остановился на минуту, твердо смотря на окружающую его группу, и продолжал: — Иначе наша борьба бесполезна!

Он уже намеревался пройти в исполнительное бюро, как взгляд его упал на Марша. Линкольн кивнул ему головой, и лицо его при виде друга осветилось радостной улыбкой.

— Я пошлю за вами через несколько минут, Том, — сказал он тихо.

— Господин президент, здесь Мариам, — начал Марш. — Уделите ей минутку, она жаждет сказать вам несколько слов!

Мэри быстро подошла, за ней следовал Джесон.

— О, господин президент, — быстро проговорила она, — вы не помните меня? Мариам Марш.

— Конечно, помню, — сказал Линкольн, протягивая свою большую руку. — Но что за красивая леди стала наша маленькая Мэри! Ах, вы напомнили мне и маленького Дэви. Да, этот мальчик был вполне достоин, чтобы дожидаться вас...

Лицо Мэри опечалилось, когда она вспомнила своего друга детства; глаза ее наполнились слезами, но в этот момент она увидела недовольное лицо Джесона. Она быстро представила его президенту:

— Это мистер Джесон. Он должен стать инженером у отца, и мы только что помолвлены с ним.

— Так, так, — сказал Линкольн, — это новость. Как вы думаете, мистер Джесон, понравится ли вам эта грубая жизнь в глуши?..

— Надеюсь, что я устроюсь, — отвечал Джесон. Он не мог удержаться, чтобы не показать своего презрения к этому плотнику¹ в Белом Доме.

Линкольн сразу раскусил Джесона, читая в его душе как в раскрытой книге; он заинтересовался им.

— Я попытаю счастья с индейцами и в самой тяжелой работе, — продолжал Джесон. — Хотя я презираю эту грязную и свирепую сволочь. Говорят: они буквально вытряхивают людей из одежды.

— Что ж, мистер Джесон, если это случится с вами, — ядовито произнес Линкольн, и лицо его осталось серьезным, — останется много хороших костюмов.

Он пожал руку Мэри и направился в свой кабинет, куда тотчас же был приглашен Марш. Президент сел за

¹ Линкольн до адвокатуры был плотником, дровосеком, охотником, торговым агентом и т. п. — *Прим. перев.*

письменный стол, на котором лежал акт о железной дороге.

— Том, — начал он, — я решил.

Он склонился над документом и, не задумываясь, подписал его.

Марш наблюдал его с таким напряжением, какого он никогда не испытывал.

— Я хотел, чтобы вы присутствовали при подписании этого документа, — продолжал Линкольн. — Как бы я желал, чтобы бедняга Брендон был сейчас тоже здесь. Какая это была бы радость для него! Том, когда вы уйдете отсюда, попытайтесь разыскать Давида с мальчиком. А теперь о дороге. Я сделал все, что только было в моих силах. Теперь дело за строителями. Я очень боюсь, что это дело будет двигаться медленно. Но оно начато. Вы, Том, не можете себе представить, какое это будет чудо для Запада! Через пятьдесят лет эта дорога, а с ней и другие дадут Западу население в 50 миллионов человек, счастливо и мирно живущих между Миссури и Тихим океаном. Это будет великая, цветущая страна! Ваша работа ждет вас, Том, и я желаю вам самого блестящего успеха. Приходите прямо ко мне, когда у вас возникнут какие-либо затруднения, и мы обсудим вместе, чем я смогу вам помочь.

Глава X

СЕРЫЕ И ГОЛУБЫЕ

Через несколько дней после того как акт о железной дороге сделался законом, Марш с дочерью и Джесоном возвратились в Нью-Йорк.

Мэри рассчитывала, что дело с железной дорогой сейчас же закипит, строители восточной и западной части немедленно возьмутся за титаническую работу укладки рельс. Но ничего подобного не случилось; только в небольшой газете мистера Дэна «Нью-Йорк Сан» появилась маленькая заметка о постройке. Мэри не могла понять такой медлительности.

— Мы имеем закон, но он начинает походить на документ о постройке радуги... Те, кто имеет деньги, опасаются риска. Ты видишь, дорогая: правительство не дает

никакой субсидии. Дорога требует массы средств; между тем деньги идут прежде всего на войну, а казначейство совершенно истощено. Дядя Сэм¹ просит кредит. За деньгами для каждой мили дороги приходится обращаться к двум частным компаниям, делать длительные займы, выпускать акции. Денег нужно много: от 16 до 48 тысяч долларов на каждую милю. Но мы должны начать постройку прежде, чем получить правительственные бонны², под которые можно достать наличные деньги. Получается заколдованный круг: чтобы строить дорогу, нужны деньги, а чтобы получить деньги — надо строить дорогу!..

— Это похоже на загадку, отец, — улыбаясь, сказала Мэри.

— Да, и эта загадка делает мои волосы седыми. Надо поскрести Уол-Стрит, чтобы получить помощь. Бедный Хантингтон просто обескуражен. Он и его калифорнийские компаньоны Стенфорд, Хопкинс и Крокер заложили буквально все, подо что могли достать хоть доллар. На свои личные средства они начали постройку на Сиерру, но не знают, как далеко удастся им протянуть путь. Половина Калифорнии смеется над ними, а другая половина кричит об обмане. Но им было легче начать дело, потому что война отдается на Западе только как эхо; здесь же, на Востоке, она парализует любое начинание. Капитал держится в выжидательном положении. Крупные финансисты, подобные Миллсу, говорят, что железные дороги — слишком крупная игра. По их мнению, постройка 1800 миль по безлесной равнине через безводную пустыню и горы, среди враждебных индейских племен заранее обречена на неудачу. Они спрашивают, какие могут быть дела в дикой пустыне.

— Но вы же не отказываетесь? — спросила Мэри.

— Я-то нет. Я взялся и сдержу слово. Мы будем стучаться в дверь к каждому плутократу. Кто знает, может, чудо и совершится?

¹ «Дядя Сэм» — шуточное название Америки, которое по-английски сокращенно называется «US» — Соединенные Штаты, с каких букв начинаются и слова «Дядя Сэм» — Uncle Sam. — *Прим. перев.*

² Бонны (от латинск. bonus — хороший, удобный) — краткосрочные долговые обязательства казначейства муниципальных органов и частных фирм.

Но не чудо, а сама природа должна была дать жизнь «железному коню».

С окончанием войны мысли людей обратились к мирным планам, к строительству. Со всех концов Союза понеслись требования, чтобы железная дорога строилась как можно скорее.

В апреле 1865 г. произошла трагедия, омрачившая жизнь нации и повергшая Марша в глубокую печаль: Линкольн был убит¹. Марш и Мэри немедленно выехали в Вашингтон и приняли участие в похоронах и проводах тела президента в его старый дом в Спрингфильде.

Из Спрингфильда они поспешили обратно в Нью-Йорк, куда Марш был спешно вызван по неотложным делам.

Три года, прошедшие со дня подписания Линкольном акта о железной дороге, были годами самой кипучей деятельности для Марша: со своими восточными компаньонами он выбивался из сил, чтобы увеличить фонды железной дороги. Но до 1864 года эта работа была почти бесплодна. Наконец конгресс вновь изданным актом пришел на помощь железнодорожным компаниям, предоставив им право выпускать свои собственные акции, а правительственные акции принимать под вторую закладную. Эти меры стали быстро привлекать капитал. К тому времени стало окончательно ясно, что южане проиграли войну, и денежные короли открыли свои сундуки.

Еще несколько месяцев прошли в хлопотах по организации, приему служащих и распределению работ. За это время Марш вместе с Мэри посетил Калифорнию; ему хотелось посмотреть, что успели сделать Хантингтон и его компаньоны — эта неукротимая четверка. Природа, как нарочно, воздвигла перед ними препятствия в виде гор и глубоких долин, но строители упорно двигались вперед, проходя милю за милей, взрывая горы и засыпая долины. Марш повидал Крокера на работах в конце уложенного пути; дюжий калифорниец работал, как бык.

— Я бы отдал всю свою прибыль от этой проклятой дороги за одну только чистую рубашку, — говорил он

¹ Линкольн был убит актером Бутсом, слепым орудием в руках южан-рабовладельцев, недовольных освобождением негров. — *Прим. перев.*

возбужденно. — Но здесь нет никого, кто бы торговал чистыми рубашками. За три года мы выстроили здесь всего шестьдесят миль. Вы играете в покер, Марш? Прекрасно! Так вот, вы знаете, что значит сидеть за столом, ставить ставки и, краснея, уходить от большого банка. Рабочих мало, притом все они неповоротливы, как бочки в погребе, и помешаны на том, чтобы наткнуться на золотые россыпи. Работу киркой клянут на чем свет стоит. А умное правительство ограничивает нас даже в железе. Посудите сами: каждый рельс приходится доставлять сюда за двенадцать тысяч миль из Нью-Йорка кружным морским путем через мыс Горн. Сегодня мы разгрузили двадцать судов. Короче говоря, мы устилаем этот путь золотом, но все-таки движемся вперед. Я подсчитал, что при самых неблагоприятных обстоятельствах мы построим этот путь так быстро, что у вас в конце концов закружится голова!

— Как же это? — спросил Марш.

— Китаец Джон выручит! — смеясь, говорил Крокер. — Я попробовал нанять китайцев на работы. Оказалось, что они замечательные работники, трезвые, спокойные, усердные. Весной я достану большую партию китайцев, чего бы мне это ни стоило.

— Он — паровоз в сапогах, — говорил на другой день дочери Марш, описывая Крокера. — Эти люди творят прямо чудеса на собственные средства. Теперь их акции поступили в продажу и, конечно, сразу прыгнут вверх. Хантингтон хочет просить разрешения строить часть западной дороги до тех пор, пока он не встретится с восточной. Если он получит разрешение, нам придется бешено работать, чтобы уложить рельсы до Юты и опередить этих стремительных калифорнийцев.

Они возвращались на восток на лошадях дорогой через Соляные озера до Кернея и Омахи: отсюда поехали пароходом по Миссури до Сент-Луиса, а от Сент-Луиса до Нью-Йорка по железной дороге. Запад произвел незабываемое впечатление на Мэри: здесь открывался простор для деятельности, и это взволновало кровь девушки. Ее воображению рисовались бизоны, индейцы, первобытная жизнь, медленно отступающая под могучим натиском народа, ищущего себе лучшей доли. Она решила непременно сопутствовать отцу, если он возьмется за работу на равнинах центральной Америки.

Замужество было еще далеко впереди. Оставить отца одного было невозможно. Теперь он нуждался в ней более, чем когда бы то ни было. Когда неприятности и заботы осаждают его, она должна быть с ним, чтобы утешить его и воодушевить. Хотя она молода, но вполне оценила и поняла всю грандиозность предпринятой работы. Для нее было ясно, что впереди множество тяжелых дней — до тех пор, пока не будет уложен последний рельс. Она решила помогать отцу до конца, отдать ему всю свою нежность, все радости и всю любовь, на которую только была способна.

«Питер подождет, — думала она. — Впереди еще много времени для семейных радостей!»

Как-то невольно ее мысли обратились к прошлому, когда три года назад она дала свое согласие на брак. Их близкие друзья считали, что Марша, по-видимому, не очень опечалило это решение: когда он спрашивал о дне свадьбы, и она ласково ее откладывала, он не огорчался и любезно уступал. Правда, Джесон не позволил Мэри вмешиваться в его будущие планы. Его энтузиазм в вопросе о железной дороге в достаточной степени охладел со времени посещения Белого Дома в июле 1862 года. Он начинал приходить к убеждению, что дело с железной дорогой окончится крахом и что многие из его друзей, высмеивавших проект, были правы. Заботясь о Мэри, он еще более заботился о том, как бы составить себе хорошее состояние. Дело в том, что от его большого фамильного состояния остались только жалкие крохи, едва дававшие ему возможность поддерживать тот образ жизни, которого требовала среда золотой молодежи. Кроме того, его очень беспокоили долги. Это беспокойство вызывалось не соображениями порядочности, а главным образом боязни банкротства и унижения.

Если он добивался помолвки с Мэри, то не столько из чувства любви, сколько из желания получить вместе с ней хорошее денежное обеспечение. Он полагал, что если железная дорога будет построена, то она обогатит Марша, как одного из первых пионеров этого дела. У Джесона не было иной возможности выбиться из тяжелых и опасных обстоятельств, в которых он очутился. Он воображал себя зятем очень богатого человека, и это уже много значило, следовало и далее действовать в том же

направлении и держать других поклонников Мэри на известном расстоянии от нее.

Он говорил сам себе, что любит ее, но временами она казалась ему слишком бесцветной, хотя и очень привлекательной. Ее красота однако волновала Джесона. Он чувствовал, что никогда не сможет добиться от этой девушки настоящей любви. Это раздражало его, уязвляло его самолюбие.

«Я хотел бы, чтобы природа вложила в нее побольше огня, — думал он. — Она смотрит на меня скорее как на брата, чем как на любимого человека. Впрочем, стоит мне захотеть, я разожгу этот огонь».

Он улыбнулся и вспомнил одно увеселительное заведение строго частного характера, находящееся возле Союзного сквера. Здесь он мог провести время, не думая о беспокоивших его долгах...

Дома он стал заниматься математикой и теорией железнодорожного строительства, находя удовольствие в этой работе. У него были довольно хорошие способности и солидная подготовка в области инженерного дела. Марш обнадежил его скорым назначением на линейные работы, так как Дюрант и его компаньоны уже подготовили все, чтобы приступить к постройке. Теперь оставалось только закончить окончательную нивелировку трассы.

— Мне надо было закончить здесь организационную работу, — говорил Марш, — и я ожидал, что мы приступим к работе только в будущем году, но дело, как видите, пошло скорее. Я вижу, что у вас будет работа.

Но время шло, и только зимой 1866 года Марш сообщил дочери:

— На будущей неделе мы отправляемся на Запад. Я принял должность главного интенданта. Генерал Додж пригласил меня. Должна начаться исключительно спешная работа: за этот год нам предстоит выстроить 260 миль, и мы должны страшно торопиться, иначе калифорнийцы опередят нас. Конгресс развязал нам руки, освободив центральную железную дорогу от ограничения постройки определенным количеством миль. Это дает нам возможность продвинуть работу далеко к Западу, пока мы не встретимся с калифорнийцами.

— Но в чем разница? — спросила Мэри.

— О! Громадная. Теперь начнется состязание! — ответил Марш. — Величайшее состязание, которое когда-либо видел мир. Правительство выпускает на 55 миллионов долларов акций для 1700 миль от Омахи до Сакраменто, и нам предоставлено право выпустить боны на такую же сумму. Премия за отчуждение земли будет равняться тоже около 55 миллионов. Боны и премии за земли будут оплачиваться сейчас же по укладке каждой сорока пяти миль; кроме того, назначена премия за каждую милю отдельно. Чем больше миль будет построено, тем большая золотая жатва будет нами собрана! Никогда ничего подобного не было во всей мировой истории. Наши планы наконец-то осуществляются. Деньги потекут с избытком. Мы готовы начать дело. Издержки — пустяки, все дело теперь в быстроте. Мы должны гнать работу на курьерских и пересечь Неваду и Юту прежде, чем Центральная Тихоокеанская компания перейдет Сиерру. На следующий год мы должны во что бы то ни стало проложить 500 миль!

Мэри целиком погрузилась в приготовления к продолжительной жизни на Западе. Отец сказал ей, что ему, как помощнику главного инженера генерала Доджа, придется все время жить на трассе. Специальный вагон для него уже построен Пульманом, завод которого в Чикаго превратил этот вагон в красивый и уютный домик на колесах. Когда Мэри сообщила, что она готова ехать, Марш весь просиял:

— С тобой, Мэри, у меня будет настоящий дом. Мы устроимся комфортабельно. Это будет для тебя интересный опыт, хотя и сопряженный с определенной опасностью. Генерал Шерман, правда, уверил меня, что каждая миля пути, проходящего через страну индейцев, будет охраняться солдатами. Они пойдут с нами туда, куда мы будем передвигаться.

В конце июля Марши выехали на Запад. Джесон, прикомандированный к Маршу в качестве инженера, отправился с ними.

В Сент-Луисе они встретили настоящий поток людей, направлявшихся к верховьям Миссури, к Омахе; сотни загорелых людей спешили на работу к Тихоокеанскому Союзу. Мэри заметила, что большая часть рабочих носила армейскую форму; бывшие солдаты смешались со штатскими.

— Все это бывшие солдаты, — говорил Марш. — И любопытно, что тут смешались и Серые, и Голубые¹. Теперь они уже не враги, а товарищи. Раньше сражались друг с другом, а теперь идут рука об руку, и вся прежняя вражда исчезла, сменившись взаимным уважением, как у настоящих товарищей. В них мы имеем самых надежных работников для дороги. Они, правда, грубоваты, но крепки, и мы вполне можем на них положиться. Как ваше мнение, Джесон? Вы, кажется, не особенно благосклонно смотрите на этот сырой материал?

— Мне кажется, у нас будет много неприятностей с этими подонками. Все они нуждаются в бане: настоящая банда хулиганов, ведут себя так, словно считают себя равными нам.

— Я думаю, — говорил посмеиваясь Марш, — баня никому из них не причинила бы вреда, но они, вероятно, уже отвыкли от нее в армии. Там, я слышал, не особенно регулярно предоставляли им это удовольствие. А то, что они считают себя равными нам, так это и на самом деле так. Ведь все американцы знают нашу декларацию, по которой все люди свободны и равны.

— Вы очень придирчивы к этим беднякам, — ворчала Мэри. — Они прелестны. Возьмите, например, мистера Кезея и его друзей. Я буквально влюблена в них, Питер.

— Капрал Кезей, вероятно, упал бы в обморок, услышав, что вы его называете «мистер Кезей», — говорил Марш, — но Пат — забавная шельма, как и его друзья Слаттери и Шульц. Они были прекрасными солдатами и будут, я думаю, не менее замечательными работниками на дороге. Я их беру с собой как часть своего штаба, чтобы толкать работу вперед.

— Я уже записала их в мою личную гвардию, — заметила Мэри. — Вот три мушкетера: Кезей, Слаттери и Шульц. Я решительно ничего не могу сказать против них.

Ни слепой, ни глухой не могли сомневаться в родине Кезея: он был истинный ирландец, начиная с лысой головы и кончая большими ногами, затянутыми в армей-

¹ Серые — солдаты Северной армии, Голубые — Южной (по цвету формы) — *Прим. перев.*

ские брюки. Неподражаемый ирландский блеск темных глаз оживлял его лицо, и тонкое лукавство светилось в них. Его сильно обветренное лицо выражало одновременно ум, склонность к дракам и преданность делу. Небритый и одетый в рваный синий мундир, который не обновлялся со времени последней войны, без гроша денег в кармане, капрал Патрик Парнел Кезей высоко держал знамя уважения к своей личности. У него был веселый вид, и он глядел на мир, смеясь и подмигивая.

Глава XI

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОРОГИ

Главный штаб Тихоокеанского Союза двинулся на работу в Северный Платт, в то время как Марш после окончательных переговоров с генералом Доджем в Омахе поспешил в своем новом вагоне на Запад, чтобы ускорить беспримерное состязание Запада с Востоком. Мэри была в восторге от удобства и комфорта своего дома на колесах, одного из первых, построенных Пульманом. Ее купе-комнатка была маленькая, но веселая и уютная, с розовыми шелковыми занавесками и драпри¹, панелями из клена, раскрашенная светлыми во французском вкусе красками.

Вагон был прицеплен к длинному поезду, битком набитому людьми, большей частью ирландцами, бывшими солдатами гражданской войны. С ними главный интендант и намеревался гнать вперед постройку дороги. Над этой всегда оживленной толпой «три мушкетера» скоро утвердили свою власть. Удар, нанесенный кем-либо из них, всегда означал совместное нападение всех троих. В драке Кезей был настоящая дикая кошка — подлинный ирландский Д'Артаньян, в то время как высоченный Слаттери походил на Портоса.

Как-то утром, когда поезд пришел в Керней, Мэри пристально и с упреком посмотрела на синяк под глазом Кезея.

— Пат, — спросила она, — где это вы подцепили синяк?

¹ Драпри (фр. draperie) — занавеси со складками, преимущественно из тяжелой ткани.

— Его мне подарил друг Дулан, по прозвищу Большая Арфа, из шестого вагона, мисс Мариам.

— Что же, значит, подрались?

— Это и для меня самого загадка, мисс, — объявил капрал. — Видите ли, когда я уже совсем сдался, Дулан был вынесен из вагона; себя я еще не чувствовал без памяти, но до сих пор не знаю, кто из нас покалечен.

Впоследствии Шульц рассказал историю потасовки. Пат преуменьшил свою победу. Дело началось из-за того, что Дулан из вагона № 6 рассказал неправдоподобную историю, будто Пат был очень известен в армии тем, что в темные ночи ходил обрезать хвосты у коров.

Вообще среди ирландцев частенько происходили схватки, которые перемежались забавными и грубыми шутками или легкомысленными песнями. В общем здесь было весело день и ночь. Три мушкетера и Динни О'Бриел, красивый и статный парень, устроили квартет и распевали старинные песни. В сумерки, когда поезд мчался по снежным равнинам, меланхолические звуки печальных баллад вызывали слезы на глазах Мэри. Даже в их веселых песенках часто проскальзывали нотки, задевавшие сердечные струны девушки. Их репертуар был неистощим; он начинался «Изгнанием Эрина» и кончался «Дореновым ослом».

— Мне очень нравятся их песни, — говорила Мэри отцу, работавшему вместе с Джесоном над планами. — Песни поддерживают их хорошее настроение.

— Эти дикие завывания ужасно мешают вычислительной работе, — резко заметил Джесон.

На следующее утро к завтраку они приехали в Северный Платт, оригинальный и очаровательный уголок, которого прежде Мэри никогда не видала. В какие-нибудь три недели городок с тремя тысячами населения вырос в пустынных прериях точно под влиянием волшебных сил, чтобы сыграть свою роль в строительной горячке. Это был любопытный город из палаток, ящичных досок и землянок. Через него тянулась длинная улица, полная кабачков и увеселительных заведений. По ней бродили пестрые толпы железнодорожных рабочих, мексиканцы, индейцы, игроки, крепко ругающиеся погонщики мулов, солдаты, купцы, землекопы, пионеры — все это вперемешку с темными проходимцами и разными подозрительными лицами. Здесь обитало также множест-

во женщин, молодых и хорошеньких, старых и безобразных. Вся эта толпа передвигалась вслед за постройкой железной дороги, а за толпой следовал игрушечный город, временами исчезающий для того, чтобы возникнуть где-нибудь в другом месте и зажить прежней жизнью. Как только главный офис дороги переносился на новое место, город немедленно разбирался, упаковывался, грузился в вагоны и платформы и смело пускался в путь. Поезд тащил эту фантастическую смесь бездельников и проходимцев с их орудиями торговли, съестными припасами и выпивкой. Каждая крыша носила свое собственное название, а весь поезд после нескольких переездов получил название «Ад на колесах».

Марш несколько замедлил со своим посещением главного офиса Тихоокеанского Союза: ему необходимо было подождать прибытия инженеров и всего штаба. Оставив Джесона, он взял паровоз, прицепил к нему свой вагон и отправился на шесть миль к Западу к концу постройки. Здесь Мэри в первый раз увидела работу по укладке рельс и их креплению. Первое, что остановило ее внимание, были солдаты, охранявшие рабочих. Их винтовки были поставлены в козлы маленькими пирамидами. Часовые все время патрулировали вдоль пути, предупреждая проезжающих. Вдали Мэри заметила верховых. Отец сказал ей, что это были дружественные индейцы из племени павниев, военные разведчики, стерегущие самых заядлых врагов железной дороги — сиу и чейенов. Они были наняты в помощь солдатам.

— Их здесь большой отряд, — говорил он, — под командой майора Северной армии. Они всегда впереди или на флангах, по мере того как продвигается вперед работа. Но их не всегда видно, потому что часто они уезжают далеко в стороны на разведку. Тогда их местопребывание можно обнаружить лишь по дымкам, которыми они передают те или иные новости.

С полмили впереди работа шла с поразительной быстротой. Первое впечатление от нее было такое, как будто это беспорядочная суматоха помешанных: люди бегали по трассе взад и вперед, с большим усилием поднимая и опуская тяжести. Подрядчики орали на них, грубо бросая приказы, вылетающие из глоток, сделанных точно из меди. Но, всмотревшись, Мэри заметила, что рота по укладке шпал и рельс шла очень организованно

и ритмично, и это заставило ее сердце учащенно биться. Она увидела, как рабочие по двое переносили рельсы и осторожно клали их на подготовленную насыпь на равном расстоянии один от другого. Маленькая вагонетка, которую тащила одна лошадь, то и дело подтаскивала пару рельс, и прежде чем она останавливалась, двое рабочих с одной стороны быстро подхватывали рельс, поднимали его и бежали вперед под крики десятников. С другой стороны вагонетки проделывалось то же самое. Мэри подсчитала, что схватывание рельса и перенесение его на определенное место отнимали всего тридцать секунд. Казалось, что эта работа подгонялась демоном соперничества. Вздохнуть было некогда. Как только вагонетка освобождалась от рельсов, ее отталкивали в сторону, очищая место для другой, и толкали назад, чтобы снова погрузить.

По пятам укладчиков рельсов шли калибровщики, костыльщики и крепители болтов. От ударов по костылям летели искры. Работа шла бешеным темпом.

— Работают великолепно, — говорил Марш. — Все они охвачены страстью соперничества. Они прекрасно знают, что значит спорт. Если бы мы могли хорошо кормить их и обезопасить от индейцев, мы скоро прорезали бы прерии. Я уже сказал Доджу, что дам ему три-четыре мили в день, а может быть, и пять, как только установится хорошая погода.

Вечером, после ужина, в вагон Марша пришли посетители и в числе их генерал Кеземент — главный строитель. Это был маленький, живой, как ртуть, крепыш, словно вылитый из стали. Ничто не ускользало от его проницательного взгляда; этот взгляд проникал всюду, как лезвие ножа, а его голос раздавался подобно бичу.

Мэри с любопытством рассматривала этого рыжебородого маленького генерала и абсолютно не могла понять, как мог он выиграть несколько сражений и почему нагонял на всех страх, словно разъяренный буйвол.

Наблюдая своих гостей, она обратила внимание на высокого статного молодого человека с выправкой индейца, стоявшего рядом с ее отцом. У него были блестящие черные волосы, падавшие до плеч, большие красивые черные усы и ясные орлиные глаза. Отец представил ей эту романтическую фигуру.

— Мариам, — сказал он, — это Билл Коди из Северного Платта, лучший наш разведчик на Западе. Он отправляется на охоту за бизонами, так как мы заключили с ним контракт на поставку мяса для рабочих.

Коди изысканно поклонился. Мэри пришла в восторг от его манер; она почувствовала, что заинтересовала молодого человека. Джесон тоже заметил это, и его лицо выразило неудовольствие. А Мэри точно нарочно перестала обращать внимание на жениха. Коди около получаса занимал ее своими интересными разговорами, рассказывая ей о Западе, индейцах, охоте на бизонов и быстроте пони. Он сообщил, что ему однажды пришлось без отдыха проскакать около 300 миль в двадцать четыре часа, причем он загнал двадцать лошадей. Особенно интересен был рассказ об охоте на бизонов, о движении стад этих громадных животных, которые своим бегом сотрясают равнины.

— Индейцы панически боятся лишиться бизонов; поэтому-то они так враждебно и настроены к железной дороге. Они прекрасно понимают, что железная дорога открывает страну для белых и что повсюду вырастут города и селения. Для индейцев бизон — сама жизнь, мисс Марш. Я веду с индейцами борьбу с детских лет. У меня среди краснокожих есть и друзья и враги, и я прекрасно понимаю и ту и другую сторону. Они слепо верят в силу боевого оружия и только наиболее умные и дальновидные из них понимают, что сопротивление бесполезно. Я полагаю, что они будут вести борьбу до тех пор, пока не окажутся окончательно истреблены или загнаны в недоступные места.

— Но ведь это же трагедия! — воскликнула Мэри.

В разговоре с Маршем генерал Кеземент высказал большое недовольство проходимцами и бездельниками, которые, как хищные птицы, отовсюду слетались на постройку.

— Это непоправимо! — с раздражением говорил генерал. — Но я все-таки усмирю их. Мы уже приобрели нечто вроде рабочего дома в Северном Платте. На прошлой неделе Додж прислал мне распоряжение выкурить эту публику из города. Он слышал много историй об убийствах и грабежах, которые совершаются здесь направо и налево. Недавно ночью мои ребята окружили шайку мошенников и выловили из нее са-

мых заядлых. Бил Хиккок на всякий случай обзавелся револьвером.

Мэри слышала, что дикий Запад очень отличается от более или менее культурного и оседлого Востока. Она очень удивилась, почему железнодорожная администрация терпит эти города, растущие на пути, как грибы, и развращающие народ. Но вскоре узнала правду: тяжелая работа вызывала и необходимую реакцию. Люди так усиленно работали, что требовали в конце концов и грубых увеселений. Они жаждали возбуждения, которое давали им эти временные города в виде виски, танцев, азартных игр и публичных женщин. Их потребность невозможно было удовлетворить одной кашей. Они не смогли бы выполнить такую сверхчеловеческую работу, если бы у них не было ночных развлечений. Такие умные люди, как Кеземент, прекрасно понимали это, но старались всеми силами бороться с грабителями, убийцами и бандитами и вообще держать мошенников и авантюристов всех мастей на привязи.

Неделя за неделей железная дорога продвигалась вперед, блестящие полосы прорезали молчаливые до того прерии. Интерес к новой жизни у Мэри повышался по мере того, как она сама проникалась духом соревнования. Она приходила в восторг от этого великого спорта, когда видела, как самолюбие строителей побуждало их во что бы то ни стало преодолеть препятствия, которые ставили им природа и индейцы. Люди стремились одержать победу. В своем вагоне, который был предпочтительнее грубого сарая, называвшегося «Гранд Отель Унион», она мало соприкасалась с жизнью города, но многие жители знали ее, так как она очень часто разъезжала с отцом вдоль трассы. Она всюду сопровождала его в инспекторских поездках и узнала фамилии и лица многих загорелых гигантов, возводящих насыпи, укладывающих шпалы и рельсы. Здесь были ирландцы, итальянцы, немцы, норвежцы; она старалась быть со всеми приветливой.

Три мушкетера неизменно оказывали ей особый прием, как только она появлялась на конце трассы. Каждый из них имел специальную работу: Слаттери был назначен десятником землекопов; Кезей наблюдал за костыльщиками, с которыми он, несмотря на тяжелую работу, всегда был в обостренных отношениях; старый Шульц

стал помощником Кезея и большую часть времени тратил на то, чтобы сдерживать Пата от драки, которую тот часто провоцировал своим острым языком или несдержанным вспыльчивым характером. Дня не проходило, чтобы Слаттери и Кезей не поссорились, потому что для Пата составляло удовольствие рассердить дюжего Слаттери. Но в душе они были преданы друг другу: четыре года совместной службы на фронте спаяли их дружбу. Они ссорились, даже дрались иногда, но каждый преданно заботился друг о друге.

Мэри видела эту дружбу и считала ее истинной привязанностью, которой не нарушал даже острый язычок Пата. Слаттери любил иногда похвастать своими подвигами в армии; Пат слушал и бесстыдно говорил в глаза:

— Честное слово, в Ирландии никогда не существовало ни одного Слаттери, который бы хоть раз намял бока своему хозяину!

Шульц и Динни в таких случаях обыкновенно просили их разойтись. Мэри знала, что никогда не следует принимать всерьез эти ирландские вспышки. Обычно, когда она была гостьей на линии, Пат развлекал ее тем, что устраивал хор, который распевал сочиненную им песенку. Ритмические звуки этой песни смешивались с лязгом сбрасываемых рельс — ударами молотков костыльщиков, стуком лопат, подбивающих землю под шпалами. Кезей с важным видом настоящего капельмейстера первый затягивал песню; ударяя молотом в такт, он пел:

Бейте, сверлите, ирландцы,
Работайте, лежебоки,
Не отрываясь от сверла!
Работа с утра до вечера
Без сахара и без чая
Работайте для Союза
Тихоокеанской железной дороги!

Эту же песенку распевали и другие партии; громкие голоса неслись к облакам.

За время поездок Мэри еще не случалось видеть враждебных индейцев, но ходили упорные слухи, что было уже несколько нападений на землекопов, работающих далеко впереди, и на маленькие партии инженеров, занятых геодезическими изысканиями. Изредка Мэри

видела раненых, которых приносили в город; особенно ее поразил один скальпированный, который, хотя получил тяжелые раны, выжил и потом вел жизнь обыкновенного рабочего. Поправившись, он показал Мэри свой скальп, подобранный в то время, когда этот трофей выскользнул из-за пояса одного воина из племени сиу. Он держал этот сморщенный кусок кожи в воде в стеклянной банке в убеждении, что она расправится и он сможет посадить ее на голову и прирастить.

Партии, производившие изыскания, и рабочие, подготавливавшие насыпи, нередко подвергались нападению индейцев, но укладывавшие шпалы и крепившие рельсы пока работали спокойно. С каждым днем они приближались к опасной зоне. Сиу — Красное Облако и чейены — Дикобразы поклялись во что бы то ни стало остановить движение ненавистного «железного коня» и выгнать белых из своих владений. Марш предвидел будущие тревоги и поэтому держал постоянную связь с фортами Керней и Рассел в Блэк Хилле. Майор Норз доносил, что племя павниев беспокойно: дымовые сигналы, видневшиеся далеко на западе, которые он расшифровал, заставляют его думать, что там группируются большие военные отряды. Вследствие этого военная охрана вдоль трассы была усилена, и каждый рабочий работал с винтовкой у ноги. Большая часть рабочих носила за поясом револьверы военного образца и большие кинжалы. Кругом нарастало чувство тревоги.

Билл Коди посвятил Мэри в тайны охоты за бизонами, и она часто смотрела на стада этих громадных и неуклюжих на вид животных, точно вихрь пронесившихся через строящуюся линию или мчавшихся вперегонки с локомотивом.

Однажды под охраной одного из людей Билла она наблюдала охоту на бизонов; загонщики открыли стрельбу по животным. Каждый охотник имел запасную винтовку и рядом с собой специального человека, который перезаряжал ружья. Мэри видела, как падали животные, как с них снимали шкуры и грузили на телеги. Через несколько минут после начала стрельбы вся равнина была усеяна черными точками — это лежали убитые животные. Вид этой бойни тяжело подействовал на девушку; это был не спорт, как она представляла себе охоту, а просто работа мясников на бойне. Она понимала

необходимость этой бойни, так как ближайшим местом, откуда можно было пригнать скот, был Техас, за 800 миль от стройки, а рабочие нуждались в мясе.

Глава XII

ЖЕНСКИЙ УМ

— Эй, вы, поторапливайтесь! Чего ковыряетесь? Мои люди наступают вашим подсыпальщикам на пятки! — орал Пат на Слаттери, заглушая лязг рельс и стук молотков.

Сержант вспыхнул, огонь сверкнул в его глазах.

— Чего вы орете? Мои люди полдня ждали ваших. Ваша партия ни к черту не годна. Прoberите своих хорошенько. Впрочем, вы и сами больше прохаживаетесь вдоль насыпи, рассчитывая на снисходительность генерал-майора!

— Что ж, — парировал Кезей, — еще вчера генерал главный интендант посылал за мной. «Капрал Кезей, — сказал он мне, — я считаю необходимым сказать вам, что Тихоокеанский Союз всецело полагается на ваш ум и работоспособность. Вы должны подгонять их! Я сомневаюсь, чтобы дорога могла быть построена без вас, мистер Кезей, — говорил он. — Время тяжелое и беспокойное, и рабочие начинают ворчать. Я полагаюсь на вас, капрал Кезей», — говорил он.

Слаттери насмешливо фыркнул. Он окинул свою партию беглым взглядом, безошибочно различившим каждого плохо работающего, и нашел, что все идет хорошо. Он сел на крестовину, предоставив временно наблюдение за работой Динни О'Бриену, своему помощнику, прочистил трубку и, закурив, сказал Кезею:

— Пат, мне совсем не нравятся ваши взгляды на вещи. Вы должны бы знать, что в последние дни здесь нарастало недовольство и ропот со стороны рабочих. Эти дьяволы вместо того чтобы напиваться по ночам, как это подобает доброму христианину, собираются кружками и клянут дорогу и все, что имеет к ней отношение. И, конечно, болтают без конца.

Все здесь смешались в кучу: итальянцы, норвежцы, коренные ирландцы. До последнего времени легко было

управляться с ними, но теперь у них совершенно испортился характер. Постоянные тревоги и страх перед индейцами окончательно расшатали им нервы. Недостаток пищи, скверная погода и тяжелая работа еще более увеличивают ропот и нарекания. Они ничего не желают слушать. Но хуже всего то, что вот уже за два месяца им не уплачено жалованья. Говорили, что сегодня придет кассир с деньгами, но о нем ни слуху, ни духу.

— Н-да, — сказал Кезей, — я и сам беспокоюсь. Я заметил симптомы болезни в моей собственной партии отборных толстощеких парней. Но полудюжине из них я уже набил морды. Доберусь еще и до морды Тони Фигалло.

— Послушайте, Пат, разве можно драться? Ведь их много! Это совсем не то, что было в армии, когда половина полка взбунтовалась из-за скверной пищи. Ведь там была военная дисциплина, а эти здесь свободны и независимы, они могут бросить работу, когда им заблагорассудится.

Они долго разговаривали относительно недовольства среди рабочих, тяжелых условий, в которых протекает работа, и слухов, идущих из Норз Платта, о том, что скоро работы остановятся, так как еще не найден проход через горный кряж к Западу. Для неисправимого оптимиста Кезея все это было с полгоря, но Слаттери, более пожилой и всегда опиравшийся на твердую почву фактов, смотрел на дело более серьезно и качал головой.

— Нет, Пат, мне совсем не нравится ваш взгляд на вещи!

К ним подошел Шульц; Слаттери подозвал к себе Динни. Все вместе сели завтракать с подветренной стороны шпальных клеток, предохранявших их от пронизывающего степного ветра. Только начали они входить во вкус еды, как их испугнул раздавшийся выстрел. Затем последовали залпы, дикий вой, топот лошадиных копыт и боевой клич краснокожих.

Все четверо вскочили, моментально схватили винтовки, побежали по линии и смешались с сотней рабочих и солдат, которые бросились за шпальные клетки, сложенные на случай опасности и игравшие роль бастионов.

Футах в пятистах к югу от трассы отряд индейцев несся с головокружительной быстротой, все время стреляя из луков и ружей в бегущих рабочих. Двое рабочих

упали, прежде чем добежали до прикрытия; один был ранен в бок, а другой в руку.

Полсотни краснокожих сиу на прекрасных мустангах с диким гиканьем, словно демоны, проскакивали мимо шпальных клеток. Они сделали несколько кругов, выпускающая тучу стрел и стреляя из ружей свинцовыми жеребейками¹. Но их ружья были плохие и старые, они причиняли мало вреда. Через какие-нибудь пять минут атака была отбита ружейными выстрелами, и краснокожие исчезли за горизонтом. Слабый отзвук их гиканья донесся до трассы.

Не успели они скрыться из вида, как работы уже возобновились, словно ничего особенного не случилось. Такие набеги были довольно обыкновенным явлением. Работа и борьба за железную дорогу были тесно связаны друг с другом. В Калифорнии на центральном участке Тихоокеанской железной дороги почти не было затруднений, потому что здесь трасса проходила через земли слабых и распадающихся племен; но работы Тихоокеанского Союза начались только в последний год, когда на всей равнине поднялось восстание, и неприятельские набеги сделались очень частыми. Все племя сиу — около десяти тысяч воинов, самых хитрых и свирепых — подняло оружие против строителей. К сиу присоединились чейены, хоть и не столь многочисленные и страшные, но такие же ненавистники железной дороги. Они нападали главным образом на небольшие партии по изысканию и на нивелировщиков с инженерами. Рабочие партии могли сами себя отстаивать: они были набраны главным образом из ирландцев и ветеранов гражданской войны, на которой провели четыре года и научились прекрасно владеть оружием.

В ночь после набега, когда Кезей и Слаттери со своей партией приехали в Норз Платт, они нашли город в большом волнении. На главной улице около тысячи рабочих, среди которых были и женщины, стояли толпой и слушали речи ораторов.

Кезей и Слаттери прошли прямо в вагон к Маршу.

— У нас все хорошо, Пат, — встретила их Мэри. — Но идут плохие известия с заднего участка трассы. Отец вам все расскажет.

¹ Жеребейка — отлитый по калибру ружья цилиндрок, употребляемый вместо пули.

Вышел Марш. На лице его лежал отпечаток тревоги. — Скверное дело, ребята, — сказал он. — Сегодня утром в 30 милях отсюда разграблен и перебит целый поезд. Сиу сделали засаду, подкараулили поезд с кассирами, которые везли заработную плату, всех перебили — и прислугу и солдат охраны — поезд сожгли и ускакали со ста тысячами долларов. Я боюсь, что теперь опять выйдет задержка с заработной платой.

Друзья вернулись на ночлег против обыкновения очень мрачными. Даже беззаботный Кезей на этот раз был сильно удручен и забыл свои обычные шутки и брань. Слаттери молчал, что-то обдумывая; старый Шульц тоже словно воды в рот набрал.

Скоро в комнате наступило молчание, нарушаемое лишь храпом утомленных людей.

Глава XIII

ДЕРУ И БЛЭК ХИЛЛ

Тревожное положение увеличивалось. Утром, идя в контору, Марш очутился лицом к лицу с надвигающейся бурей.

Джесон подал Маршу телеграмму от генерала Доджа, которая гласила:

«Кратчайший проход через Блэк Хилл должен быть найден прежде, чем главная контора двинется в Джулесберг. Это должно быть выполнено в порядке приказа. Директора в Нью-Йорке говорят о прекращении работ, если не будет найден проход, дающий возможность выиграть 200 миль и сэкономить 2 миллиона долларов. Какие сведения имеете вы от инженеров, ведущих изыскания?»

— Прошло счастливое время! — заметил Джесон, вздохнув.

— Вы думаете? — сухо ответил Марш. — Здесь есть кто-то, столь же хорошо осведомленный, как и я. Рабочие, несомненно, где-то поймали слух, что постройка может быть остановлена, поскольку не найден проход через перевал, и они боятся, что работы будут прекращены, прежде чем будет выдана зарплата. Вообще они настроены чертовски подозрительно.

— Что же мы можем сделать?

— Кто знает, — печально ответил Марш. — За последние два месяца я посылал лучших своих инженеров обследовать эти горы, но — вследствие ли набегов или чего другого — обследование не дало результата... Я начинаю думать, что здесь действительно нет прохода. Деру говорит, что прохода нет и что железную дорогу нужно вести в другом направлении, к югу, через Смоки Ривер в Колорадо.

— Кто такой Деру?

— Джо Деру? О! самый крупный землевладелец в здешних местах, на юго-западе. До отвращения любезный субъект, хорошо воспитанный и красивый, владелец обширной части Смок Ривер. Очень стройный, изящный, с манерами иностранца. В его жилах течет французская кровь с примесью индейской, как здесь говорят. Рассказывают, что его отец пришел сюда из Канады тридцать или сорок лет назад, завел связи с чейенами, женился на индейской девушке и купил у них землю. Потом добился у правительства патента на нее, и мне думается, что у него есть документы на земли в штате Мэн, которые перешли к нам¹.

— Он добивается, чтобы дорога прошла через его владения? — сказал Джесон.

— Это вполне естественно. Он утверждает, что поворот на юг будет во всех отношениях выгоден для дороги: переплата возместится через несколько лет большими перевозками по этому пути. Я склонен согласиться с ним: мне кажется, он говорит вполне искренне. Он прекрасно знает этот район и уверен, как дважды два — четыре, что хребет Блэк Хилл непроходим. Наши сведения как будто подтверждают его мнение.

— Тогда в чем же дело? Почему бы нам не пойти к югу? — спросил Джесон.

— Прежде всего — стоимость, а потом — скорость. Ведь повернув на юг, мы вынуждены будем чудовищно ускорить постройку. Не забывайте о состязании. Этот поворот будет стоить свыше ста тысяч долларов на милю. Местность очень изрезанная, с крутыми обрывами. Директора против этого, и Додж разделяет их мнение. Мне

¹ По парижскому трактату Канада, в которую входит штат Мэн, перешла к англичанам. — *Прим. перев.*

кажется, он довольно хорошо знает Блэк Хилл и полагает, что проход здесь должен существовать.

— Что же вы намерены предпринять?

— Честное слово, не знаю. В данный момент я безоружен. Деру приедет сегодня за ответом на свое предложение, но я отложу ответ до приезда генерала, которого ожидаю не нынче — завтра. Все говорит за то, что положение и в самом деле серьезное.

Крики и стрельба внезапно прервали их разговор. Послышался какой-то дикий вой и громкое «ура». Марш и Джесон подошли к окну. По улице, совершенно не обращая внимания на толпу, ехала рысью кавалькада. Публика шарахалась в стороны, из кабачков выскакивал народ. Предводитель кавалькады вдруг резко натянул поводья лошади и, остановив ее на ходу, начал поворачиваться в седле в те стороны, откуда слышались наиболее громкие приветствия. До слуха Марша и Джесона донеслись крики: «Деру!»

— Вот и тот, кого мы ждали, — сказал Марш. — Посмотрите, с какой помпой он въезжает. Со своей властью над чейенами, со своими обширными владениями и страхом, который он внушает, он похож на феодала. В нем есть что-то такое, чему люди удивляются и за что уважают его. Он удивительный стрелок и бесстрашный человек. Деру бросает деньги направо и налево и любит показать себя. Я однажды наблюдал, как он свободно проигрывал тысячи в карты в баре Холлера.

Они наблюдали, как Деру держал поводья своей большой и красивой лошади и дерзко рассматривал толпу своими черными глазами. Самоуверенный до наглости, он держал себя как настоящий помещик. На нем было буйволовое пальто, которое спускалось до щиколоток. Смуглое лицо его с толстыми губами и большим ртом было довольно широко, большой и мясистый нос несколько напоминал орлиный, черные блестящие глаза гармонировали со всей его фигурой. Это было лицо, которое приковывало внимание силой, высокомерием и полной беспечностью. Волосы, выбивавшиеся прядями из-под шляпы, были черны, густы и спускались на шею. Немного выше среднего роста, Деру был широкоплеч, с прекрасно развитой мускулатурой плеч и груди и толстыми ногами, которые заметно укорачивали его рост. Самодовольство, властность и самонадеянность сквозили

во всей его фигуре, выражались в каждом его жесте, в каждом движении. Несколько минут он стоял неподвижно, оглядывая толпу, и весело ее приветствовал.

— Ха, так вы рады видеть меня — Джо Деру? Я угощу всех, всех! Идите к Холлеру, скажите ему, чтобы он дал вам за мой счет виски для мужчин и шампанского для леди. Все самое лучшее для леди!

Он слез с лошади и сделал своей свите широкий повелительный жест рукой. Отпустив поводья, его люди помчались из города точно ветер, стреляя наскоку из револьверов и крича прощальный привет своему господину.

Деру направился прямо в главный офис железной дороги, милостиво бросая несколько слов поклонникам, как хозяин бросает кость собакам. Одна девушка вышла из толпы и подхватила его под руку. Он оглядел ее, улыбнулся и громко ее поцеловал. Она вся вспыхнула и со всего размаха влепила ему пощечину. Он захохотал, а щека его покраснела от полученного удара.

— Теперь я вижу, что это моя крошка Руби! — крикнул он громко на всю улицу. — Моя дикая кошечка, красавица нашей столицы! И вы ударили Деру за один только поцелуй?

— Да. И еще пырнула бы ножом, Джо, если бы вы опять попробовали! — смело сказала девушка. — Вы, кажется, должны бы были узнать меня за это время. Но все-таки я рада видеть вас. Вы хороший парень, когда захотите быть им. Я не забыла, как вы отшвырнули большого рудокопа, который хотел ударить меня своей грязной лапой. Я хорошо помню это. Ах, как я ненавижу мужчин!

— Да, моя малютка Руби, вы перл среди этих свиней, — смеялся Деру. — Ну, за это время пырнули вы ножом какого-нибудь парня? Я знаю, вы очень хорошо владеете вашей стальной зубочисткой.

— Пока еще не имела случая, Джо. Они ведь воображают своими глупыми башками, что со мной шутки плохи. Я буду пить с ними даже твой замороженный «чай», буду танцевать с ними, выслушивать их пьяные объяснения в любви, но не позволю их грязным рукам касаться меня. Я не выношу этого!

— Ну, а как Холлер обходится с вами?

— О, прекрасно. Старик очень мил со своим большим кольцом, когда шутки заходят слишком далеко; но

он довольно великодушен. Я здесь мало-помалу подкапливаю денежки. У меня их теперь целая куча. Если бы я сберегла их, я смогла бы уехать обратно на восток. Мы, девушки, получаем здесь комиссионно с каждой бутылки вина или с каждого, кого приводим в бар. Игроки через нас тоже делают хорошие дела, привлекая публику к игорным столам.

— Молодец девушка! Вот что, Руби, мне надо будет поговорить с вами до моего отъезда из города. Сейчас я еще не знаю о чем конкретно, все будет зависеть от обстоятельств.

Во время этого разговора Джесон стоял у окна и наблюдал за Деру и девушкой, которая ему очень понравилась. Стройная, гибкая, с черными волосами, смелыми темными глазами и немного вздернутым носиком над маленьким красивым ртом, с круглым подбородком — она приковала внимание инженера. Действительно, она была замечательно красива. В ее лице было что-то возбуждающее, что-то умное и дерзкое, и это заставляло сердце Джесона сильнее забиться. Он почувствовал к ней большой интерес. Ему очень понравилась пощечина, данная ею Деру: это девушка-змея, которая жалит...

«Немного дерзка, — думал он, отходя от окна, — но красива, чертовка!»

В это время Деру отворил дверь и бурно, как северный ветер, ворвался в офис. Он громко поздоровался с Маршем и протянул ему левую руку. Марш пожал ее.

— Как дела, мистер Деру? Вы, я вижу, очень пунктуальны!

— О, я всегда — быстрый как смерть, — отвечал Деру, показывая свои крепкие белые зубы, — быстрый как смерть! Я не люблю заставлять друзей ждать. Я приехал, мистер Марш, предложить вам исключительно выгодное дело. Вы должны будете повести дорогу через Смоки Ривер, и я поставлю вам такие условия, которые удивят вас.

— Как долго вы пробудете в городе?

— Столько, сколько потребуются. Я никогда не спешу: ведь за это мои друзья не платят!

— О да, конечно, — ответил Марш. — Это напоминает мне... Да, вы не знакомы? Это мистер Джесон, мой инженер, а это мистер Деру, о котором я вам говорил, Джесон.

Джесон протянул руку, и Деру крепко пожал ее, держа правую руку в кармане пальто. Невольно инженер обратил внимание на спрятанную руку, но, поймав острый взгляд черных глаз Деру, в которых светилось неудовольствие и даже гнев, он отвел глаза в сторону. Оба молча стояли лицом к лицу, как бы изучая друг друга.

— Я спросил вас, — продолжал Марш, — о времени вашего отъезда, потому что генерал Додж прибывает на днях. Тогда можно будет решить вопрос, сохраним ли мы прежнее направление дороги или примем ваше предложение. Может быть, вы и правы. Дело как будто идет к тому.

— Конечно, я прав! — засмеялся Деру. — Я всегда прав! В этой стране очень опасно быть неправым. Я заставлю поверить, что дело мое справедливое и я его выиграю. Инженеры уже двадцать лет пытаются найти проход через Блэк Хилл, но Господь Бог не знал, что вы будете в нем нуждаться, и не сотворил его,

Глава XIV

«АРАБСКИЕ НОЧИ»

Поужинав в отеле «Тихоокеанский Союз», где ужин был приготовлен специально для него, Деру закурил сигару и вышел на запруженную народом улицу. Он направился к большому зданию, обтянутому брезентом, над дверями которого висела вывеска с двухфутовыми буквами:

САЛУН-БАР СУДЬИ ХОЛЛЕРА

Он улыбнулся при виде вывески. Ухо его уловило беспорядочные звуки внутри, грубые голоса, требования выпивки и непристойный пьяный рев. Дрожащие сопрано девушек из танцевального зала, стук рулетки и щелканье костей за столами игроков. Звуки оркестра и громкие крики гостей, приглашающих девушек на кадрили...

«Старая жирная свинья делает прекрасные дела», — подумал Деру.

Он отворил дверь и замигал от атмосферы, густо насыщенной табачным дымом, духами и вином. Его сейчас же узнали. Раздались громкие приветствия, которыми

обычно встречали этого местного барона, когда он позволял себе появляться среди простых смертных.

Деру помахал рукой в ответ на приветствия, протиснулся сквозь толпу к стойке и поздоровался с владельцем Холлером.

Джед Холлер, всегда готовый защищать свои права большим шестизарядным револьвером, присвоил себе звание судьи. Это был человек лет пятидесяти, сильный и отважный рыцарь наживы, убежденный, что дело великолепно процветает, если в основе его лежит веселье. Родом он был откуда-то с юга, утверждал, что был в близких отношениях с рабовладельческим высшим классом и поэтому хвастал своими манерами воспитанного человека. Его прошлое было темно, но в это время и в этих местах решительно никто не интересовался такими пустяками, как прошлое, никто никогда не поднимал таких вопросов.

Холлер сразу понял, что на строительстве железной дороги он может сделать очень хорошие деньги. Конец войны застал его довольно состоятельным человеком. Он быстро организовал при стройке передвижной бар и при нем танцевальный и игорный залы. Одновременно в интересах дела, где бы он ни открывал свой бар, он устраивал судебную камеру. Его излюбленным девизом был: «Закон и порядок прежде всего!» И надо отдать ему справедливость: он умел усмирить каждого, остановить любое насилие, вызванное его крепким виски.

По обыкновению он сидел за стойкой на высоком стуле, со сдвинутой далеко назад шляпой на голове, и его орлиный взгляд не упускал из вида ни одного движения разношерстной публики, толкавшейся в баре. Кажется, ничто не ускользало от него, несмотря на то, что он часто погружался в книгу Свода Законов — единственную книгу, которую он имел.

Это был экземпляр статута штата Иллинойс 1860 года. В ней он ощупью всегда находил статью, в которой у него возникала нужда, чтобы подкрепить ссылкой на нее свое решение. Справа и слева от него работали приказчики, а у каждого конца стойки, точно истукан, стоял человек с ружьем, готовый привести судебное решение в исполнение.

Салун и камера Холлера представляли собой деревянный каркас в сто двадцать футов длины и сорок футов ширины, разделенный на несколько частей и

обтянутый брезентом. В задней его части был застлан натертый воском пол специально для танцев и рядом отведено значительное место для приятных разговоров с дамами. «Арабские ночи», как называли бар Холлера, был необходимым учреждением для продвигающейся вперед железной дороги. Здесь добро и зло, веселье и радость уживались вместе с печалью, как выпивка с игрой.

По правую сторону этого брезентового помещения тянулась длинная, красиво отделанная стойка, за которой восседал важный судья. Буфет был обильно снабжен всевозможными винами до шампанского и пива из Сент-Луиса. Последнее ежедневно доставлялось в бочках по новой дороге. Зал был украшен зеркалами, а на стойках и шкафах виднелись разнообразные кубки и бокалы. На стенах висели олеографии с изображением битв и женских головок. Большая часть помещения была заставлена столами для рулетки-лото, карточных игр. За каждым столом, как полагается, сидел человек с холодными глазами, одетый в широкое платье.

Днем «Арабские ночи» были тихи и спокойны, но когда наступала ночь и желтые огоньки вспыхивали в баре, а духовой оркестр начинал свои обычные номера, длинная зала быстро заполнялась публикой. Здесь были и железнодорожники всякого рода, и игроки, и фермеры, и разные бездельники, появившиеся невесть откуда. Духовой оркестр сходил со сцены и уступал место струнному. Кадриль, котильон и вальс были обычным репертуаром вечера.

При каждом приглашении кавалера девушки брали его под руку и вели в зал. После каждого танца кавалер обычно угощал даму или шампанским, если имел достаточно денег, или виски. Некоторым девушкам, по предварительному уговору с официантами, подавался вместо ликера холодный чай, если угощающий не был достаточно любознательным.

Посетители, которые не интересовались танцами и девушками, искали счастья за игорными столами. Музыкальное пощелкивание костей, шум колеса рулетки, звон стаканов, голоса женщин и грубый смех мужчин представляли собой хаос звуков, который едва ли еще где-нибудь можно было слышать. Когда становилось уже поздно и толпа посетителей начинала редеть, хитрый

судья устраивал новые развлечения. На платформу, где обычно помещался оркестр, выходил молодой человек и под аккомпанемент пианино пел старые баллады, трогательные песни о родном доме и любящей матери. Эти песни всегда вызывали оглушительные аплодисменты. Некоторые из девушек, слушая песни, вспоминали о милом доме, о матерях, поддавались охватившему их чувству и плакали. Эти сентиментальные девушки были главной двигательной пружиной торговли Холлера.

Деру наслаждался отдыхом в баре и тратил деньги без счета. Он приглашал к своему столу то ту, то другую группу и обильно угощал ее. Сам он пил очень много крепкого кентукского виски, но оно почти не оказывало на него действия, потому ли, что он уже привык к нему, или благодаря его крепкому организму. Вино лишь немного разгорячило кровь в его жилах, заставляло его повышать голос и увеличило его склонность к хвастливости и чванству.

Питер Джесон, сдержанный, хорошо одетый, с видом превосходства над толпой, вошел в зал бара. Он взглянул на мелькнувшую перед его глазами сцену низкого пошиба, и в уголках его рта появилась презрительная улыбка. Деру сейчас же заметил его и пригласил к себе. Тот колебался. Ему не хотелось, чтобы на него обращали внимание. Между тем громкий и властный голос Деру уже сделал его мишенью всех взглядов. Если бы Джесон оставил без внимания приглашение этого наглеца, что доставило бы ему, вероятно, еще большую неприятность. Быть может, Деру очень хорошо понимал это.

Джесон, не торопясь, подошел к столу Деру и пожал протянутую им левую руку.

— Очень рад вас видеть, мистер Джесон. Я хочу кое о чем с вами переговорить. Что нового в конторе?

— Ничего нет, — лениво отвечал Джесон, выпивая стакан бурбонского виски, который подвинул ему Деру.

— Ах, какое прекрасное виски!

— Замечательно хорошее.

— Это из моего личного запаса, — сказал Деру. — Холлер держит его специально для меня. Ну, без стеснений, наливайте сами, мой друг. Я очень польщен, что вы поддерживаете нашу компанию. Итак, ничего нового?

— Нет, ничего особенного. Сегодня после обеда Марш решил командировать меня в Блэк Хилл, чтобы в

последний раз попытаться найти проход. Он почему-то думает, что этот проход существует! Командировка не из приятных!

— Черт возьми, — воскликнул Деру, — почти две-сти миль пути по крутым горам в стране враждебных индейцев! Глупые поиски несуществующего!

— Но это — приказ! — сказал Джесон. — Нет мотивов для отказа. Вы понимаете, конечно, я попытаюсь выполнить поручение насколько смогу и так скоро, как только возможно. Я вовсе не любитель жизни в кустах и зарослях.

Деру бросил быстрый взгляд на Джесона, но на лице инженера он не прочел ничего такого, чего бы не знал заранее. Он задумался и отвечал на вопросы рассеянно, Джесон дотронулся до его руки и указал на девушку, которая только что появилась в дверях танцевального зала.

— Кто эта девушка, мистер Деру? Кажется, я видел, вы разговаривали с ней?!

— Ах, да! Это Руби, Руби Кенни, — сказал Деру. — Красивая девчонка, мой друг. Очень умная! Не позволяет никаких вольностей даже в таком месте.

— Вон что! — произнес Джесон недоверчиво.

— Да, да! Уверяю вас! Девушка безусловно честная. Многие отчаянные парни прекрасно знают это!

Инженер заинтересовался и через головы пристально смотрел на девушку. Уловив взгляд Руби, Деру кивнул ей, приглашая к себе. Она проскользнула в толпу, как кошка. Деру на минуту остановил ее и сказал:

— Мне нужно повидать вас сегодня у меня в отеле. Есть дело. Если я пошлю за вами, не задерживайтесь.

Он встал и ушел из бара.

Руби посмотрела ему вслед, пожала плечами и направилась в центральный зал. Ее взгляд случайно упал на игроков в покер у стола Джека из штата Кентукки и задержался на угрюмом лице железнодорожного хронометриста, игра которого складывалась неудачно. Когда Руби остановилась за его стулом, он бросил в котел последнюю свою ставку. Джек выиграл и очистил котел. Взбешенный хронометрист резко отодвинулся от стола с проклятиями и так ударил по колену Руби, что та чуть не упала.

— Что вы, не видите, что делаете, неуклюжий бык? — выпалила она. — Экая беда! Проиграли несколько долларов и думаете: погибла вся жизнь!

Он схватил стакан виски со стола и плеснул в лицо Руби. Она отпрыгнула назад. Лицо ее побледнело, глаза загорелись. Публика в зале пришла в движение. Несколько человек хотели схватить хронометриста, но он увернулся от них и бросился к выходу. Быстрая, как леопард, Руби пустилась вдогонку, выхватила из-под платья пистолет и выстрелила в убежавшего. Тот со стоном упал на пол.

Раздался могучий голос Холлера и громкий удар по стойке его большого, сорок пятого калибра револьвера. Немедленно два техасца, стоявшие на страже у концов стойки со своими винтовками, вышли вперед, останавливая взволнованную публику.

— Тише! — загредел Холлер. — Замолчите все! Здесь в доме закон и порядок! Этот бар теперь судебный зал. Стрелявшая леди — вперед! Также вперед и пострадавшая сторона. Эй, приведите сюда раненого, если он не может сам подойти!

Весь бар пришел в движение: столы, стулья, скамейки, бочонки — все это было сдвинуто к стойке. Судья с красным, жирным лицом, покрытым пятнами от жары и возбуждения, сдвинул свою высокую шляпу еще больше назад, положил руку на кодекс законов и, сев на высокий стул, открыл судебное заседание.

Руби, приведенная перед «светлые очи» судьи, стояла возле стойки. Ясно было, что здесь для судьи и защитника никаких формальностей не требуется. Хронометрист с пулей в плече был посажен в кресло рядом с мисс Кенни, чем-то сильно напоминая раненого барсука. Кругом стоял шум, смех и болтовня, но важный судья ударом револьвера по стойке положил конец беспорядку.

— Молчание в суде! — заорал он. — Суд требует тишины и спокойствия!

С этими словами он положил свою лапу на кодекс; Руби, как ответчица, пододвинулась еще ближе к стойке и оперлась на нее своими пухленькими ручками. Из быстро прочитанной, написанной непривычным для нее слогом статьи закона она поняла, что в лето 1860 где-то в Иллинойсе Магги Раш ударила и нанесла увечье мирному гражданину Ах-фат-Сонгу и что настоящий суд в своем решении будет руководствоваться этим случаем как прецедентом. Затем судья обратился к хронометристу:

— Вы не китайский подданный?

— Нет!

— Вы, Руби, не желаете задать вопросы? — спросил он девушку.

Затем, не ожидая ответа, он помчался на всех парусах:

— Рассмотрев настоящее дело, суд...

В это время из танцевального зала протиснулась сквозь толпу девушка и что-то шепнула на ухо Руби. Руби кивнула головой, подвинулась назад и вежливо поклонилась старому Холлеру. Он вопросительно посмотрел на нее.

— Почтительно сообщаю вашей милости, сэр, что мистер Деру требует моего присутствия в отеле, если вы ничего не имеете против этого!

Холлер почесал макушку и сдвинул свою шляпу еще больше на затылок.

— Я извиняю ответчицу, — изрек он важно, в то время как Руби уже выскользнула на улицу. — Дело может слушаться в ее отсутствие.

Он остановился в глубокой задумчивости.

— Рассмотрев дело, — продолжал он, жуя толстую сигару, — суд находит, что ответчица обвиняется в том, что выстрелила из маленького револьвера в этого хорька, имея в виду сделать из него вежливого гражданина, что на самом деле, по мнению суда, не может быть достигнуто. Суд, всесторонне обсудив этот случай, пришел к следующему мудрому заключению, а именно: эта фальшивая тревога, которую мы лицезрели, явилась следствием того, что истец выплеснул стакан виски в прекрасное лицо молодой леди, что невольно толкнуло ее к оружию. И по мнению суда, этот выстрел был не что иное, как покушение на самоубийство.

Приговор: за вылитые на ускользнувшую ящерицу напитки вы, Хенк, должны немедленно заплатить штраф.

Приговор Холлера был встречен громкими аплодисментами и смехом всего бара, исключая хронометриста. Его указание на то, что он разорен, что у него нет ни доллара, не имели успеха. Стражник Холлера с ружьем в руках проводил оштрафованного в его гостиницу, где деньги за вылитое виски и были уплачены сполна.

ДЕРУ ПОКАЗЫВАЕТ КОГТИ

Прежде чем ученый судья «Арабских ночей» вынес свой приговор, которым Руби была оправдана от покушения на убийство, девушка уже стучалась в номер Деру в «Гранд Отель Унион». Дверь немедленно была открыта молодым техасцем Нуленс Кидом, верным слугой Деру, отличавшимся необыкновенной любезностью и в то же время во всех своих движениях походившим на гремучую змею. Он утонченно приветствовал Руби.

— А, Кид, здравствуйте, — весело поздоровалась с ним Руби. — Вас еще до сих пор не повесили?

— Еще не родились те люди, которые свили бы для меня веревку! — похвастал худощавый техасец.

— Значит это только сказки — все, что о вас болтают злые языки? — спросила Руби, хотя она хорошо знала, что Кид был столь же опасен, как змея, тихо ползущая в кустах шалфея.

— Ах, убирайтесь вы к чер... — но он запнулся, вспомнив, что перед ним стоит леди.

— Здравствуйте, Руби, — приветствовал ее Деру, поднимаясь с дивана, где он сидел с толстым, бородатым и очень скромно одетым человеком. Взгляд Руби случайно упал на стол, заваленный золотом. Вид его загипнотизировал девушку: такого количества золотых монет, уложенных столбиками, она никогда в жизни не видела. Она не могла скрыть свое удивление, и это хорошо заметил Деру.

— Я привез с собой из дому немного мелочи, — сказал он рассеянно. — Может быть, вам интересно узнать, Руби, откуда это золото? Оно добыто из моих собственных россыпей. Правительство отчеканило эти монеты для меня. Что вы скажете на это?

— Я сказала бы, что вы выиграли пари, Джо, — ответила Руби. — Я только удивляюсь, почему вы не сами их чеканите. По правде сказать, я не оставила бы их у такого разбойника, как вы!

Деру откинул свою большую голову и громко засмеялся. Слова Руби льстили его самолюбию.

Руби холодно посмотрела на сидящего рядом с Деру мистера Смита, главного конторщика Марша, толстого и

бородатого человека, который при входе в номер девушки не только не встал, но даже не прикоснулся в знак приветствия к своей шляпе. Она подошла к нему своей грациозной и непринужденной походкой, сорвала шляпу с его головы и бросила ее в угол. Смит покраснел, бросил на девушку сердитый взгляд хитрых глаз и вдруг разразился громким смехом.

— Скажите, Джо, кто ваш вежливый друг? — спросила она. — Впрочем, нет нужды говорить! Держу пари на два доллара против пары шелковых чулок, что он один из последователей богобоязненного мормона Брайан Юнга?

— Вы выиграли, — сказал Деру, восхищенный дерзостью мисс Кенни, и бросил презрительный взгляд на сидевшего перед ним негодяя, которого он только что подкупил.

— Послушайте, Смит, вы, кажется, или митрополит Сиона или вообще какая-то важная персона?

— Я имею счастье быть скромным последователем великого пророка святых последних дней — и только! — вкрадчиво сказал Смит. — Я не знаю этой молодой леди, мистер Деру. Она, видимо, ваш друг?

— О, все молодые леди — мои друзья, — сказал француз. — Точнее подруги. Ну, Руби, как ваши дела у Холлера? Каков результат вашей стрельбы?

— Скверно! — лаконически сказала девушка. — Если бы проклятое оружие не зацепилось за мое платье, Джо, эта собака никогда больше не плеснула бы виски в лицо женщины. Как иначе поступать с окружающей нас публикой? Большая часть гостей по своим манерам не лучше свиней.

И она бросила убийственный взгляд на мормона.

— Желаю вам в будущем большей удачи! — сказал в утешение Деру. — Я послал за вами, Руби, — продолжал он, — чтобы заинтересовать вас в одном хотя маленьком, но очень важном деле. Оно имеет тесную связь вот с этим украшением на столе, — и он показал на стопки монет на столе. — Прежде всего: знаете вы Джексона, главного инженера Марша?

— Нет, Джо, я с ним незнакома. Но я не прочь признаться старому другу, что он мог бы понравиться мне. Он красивый плут; вчера вечером он взглянул на меня очень выразительно. Я видела, что он умирает от

желания познакомиться со мной, но я нарочно держалась подальше от него. Мне известен этот тип изящных джентльменов. Чем меньше обращаешь на них внимания, тем они более тобой заинтересовываются. Думаю, что я могла бы понравиться ему, Джо, если повести дело умно.

— Прекрасно! — сказал Деру. — Я понаблюдаю, как вы с ним встретитесь, но это не должно стать обычной встречей. Вы уже заинтересовали его, Руби, а я со своей стороны тоже подогрел его интерес к вам. Теперь я открываю свои карты... Я доверяю вам, Руби. Джесон — это ключ к положению, которое меня чрезвычайно интересует. Он главный инженер Марша и помолвлен с его прелестной дочерью. Вы, кажется, видели ее?

— О, да! Не раз. Она очень мила, но, по-видимому, немножко горда, как все эти дамы с востока, которые приезжают сюда. Все они смотрят на нас свысока.

— Так вот, — продолжал Деру, — она помолвлена с нашим другом Джесоном; это, конечно, прочно его связывает с Маршем. Джесон мне сказал, что Марш на этих днях посылает его на окончательные поиски прохода через Блэк Хилл. Тут вопрос — быть или не быть? Им желательно найти этот проход, чтобы не останавливать работ. Смит мне сказал, что директора требуют от Доджа и Марша во что бы то ни стало найти проход, иначе дорога должна повернуть на юг. Если этот поворот будет решен, дорога должна пройти через мои — Джо Деру — владения.

Это очень большое дело! Позвольте мне объяснить вам: это значит, что самое меньшее — полмиллиона долларов тотчас попадет ко мне в карман; это значит, что через десять лет ценность моих владений утроится, учетверится; это значит, что где-нибудь на Смоки Ривер вырастет город. И я знаю, где он вырастет!

Одним словом, милая Руби, богатство и сила для меня и хорошие деньги для всех, кто пойдет со мной, кто будет стоять за меня.

Что касается специально вас, моя очаровательная подруга, вы получите красивые платья, брильянты и все, чего пожелаете... Даже Джесона, если захотите!

Слушайте теперь дальше. Все будет зависеть от Джесона. Приберите его к рукам, и ставка будет выиграна. Иногда ведь ничтожный пустяк ведет к осуществлению планов или губит самые грандиозные замыслы. Я теле-

графировал моим друзьям в Нью-Йорк, они навели справки о Джесоне, об этом изящном инженере. Что же они мне сообщают? Эта телеграмма шифрованная, но я переведу вам. «Вы можете положиться на точность нашего сообщения, — телеграфируют они. — Человек, о котором вы спрашиваете, происходит из старинной и богатой фамилии. Он принят в высшем обществе, но находится в очень затруднительном положении вследствие сделанных им карточных долгов...» Я думаю, что можно пропустить остальное, — сказал Деру.

— Конечно, если эти пропущенные слова смущают вас, я догадываюсь: «женщины» — не правда ли?

— В самую точку! — воскликнул Деру. — Хорошо, я дочитаю: «... и трат на женщин полусвета. Помолвлен с М. Ищет средств. Держится в стороне от темных дельцов, но тот, кто предложит ему большую сумму, может взять его в руки».

— Так вот, — продолжал он, — теперь вам все известно. Человека можно взять в руки, если подойти к нему с большим предложением. Вы, дружок, и есть это большое предложение. Понимаете?

— Вы хитрый дьявол, Джо.

— Все весьма просто; вы уже уловили выразительный взгляд этого джентльмена. Ясно, вы заинтересовали его, он увлечен вами. Он скучает. Подзадорьте его хорошенько. Интерес перейдет в восхищение. В свою очередь он интересуется вас. Доброе семя уже посеяно. Не ясно ли, куда приведет эта дорожка... — Деру остановился, черные глаза его горели огнем.

— Хорошо, Джо, допустим, что он — мой. Что же дальше? Куда мы придем?

— К нашей цели, милая! Здесь уже дело за нами. Насколько это серьезно, вы сами понимаете. Человек делается рабом одной из самых красивых женщин.

Он сделал глубокий поклон. Руби засмеялась с оттенком польщенного самолюбия. На лице мистера Смита выразилось разочарование, не ускользнувшее от Деру.

— Последователь великого пророка не одобряет такого рода рабства, — воскликнул весело Деру. — У них в Новом Иерусалиме не практикуются такие вещи. Вы были бы несчастны в городе нашего милейшего мистера Смита, Руби.

— Может быть, — спокойно сказала мисс Кенни, — но я заставила бы похудеть этих святых, прежде чем они приручили бы меня. И начну опыты здесь.

— Вы не должны быть слишком жестки с мистером Смитом, — засмеялся Деру. — Он ценный для нас человек. У нас самые близкие отношения. Не так ли, Смит?

В его смехе сквозило явное презрение. Смит погладил бороду и повернул глаза к окну. Руби удивилась такой откровенности Деру перед чужим для нее человеком и вопросительно посмотрела на Деру.

— Не беспокойтесь. Мистер Смит преданный мне человек. Он, быть может, больше нас всех жаждет хорошего обеспечения, но в то же время хочет сохранить почет и уважение среди последователей пророка. Вот почему мистер Смит аккуратно все мне доносит.

— Так. Но вернемся к делу, — сказала Руби. — Что же вы теперь хотите от меня?

— Не торопитесь! Разговор с вами всегда меня вдохновляет. Вы умны, рассудительны. Видно, женское любопытство мучает вас. Я удовлетворю его немедленно. Слушайте. Вы встретитесь с Джесоном. На основе тех сведений, которые доставил мне мистер Смит, я разработал план во всех деталях. Это маленький спектакль, где вам должна принадлежать роль примадонны, Руби; забавное представление, в котором ваши поразительные таланты должны развернуться во всей полноте.

Сказав это, он сделал серьезную мину.

— Итак, когда вы встретитесь с Джесоном, вы должны сказать ему, — конечно, в благоприятный момент, который сами выберете: «Мистер Джесон, у меня пять тысяч долларов в золотых монетах». Вы покажите ему несколько монет. Вид золота действует всегда притягательно на воображение. Дальше вы скажите: «Меня просили передать вам эти деньги как доказательство искреннего расположения к вам одного друга, которому вы можете оказать громадную услугу. Эта услуга будет одновременно услугой и для Тихоокеанской железной дороги». Затем вы вынете чек в десять тысяч долларов на Национальный Нью-Йоркский Банк и покажите его нашему прекрасному другу, сказав, что этот чек представляет собой второй подарок за услугу, как только она будет выполнена. После этого вы объясните ему, что, если все пойдет хорошо, он получит второй чек на двад-

цать тысяч долларов. Во всяком случае, Руби, я думаю, вы сумеете заинтересовать мистера Джесона.

Девушка сидела в глубокой задумчивости.

— Я вижу, — заговорила она наконец, — что Джесон должен быть послан Маршем для последней попытки отыскать проход через Блэк Хилл; если он не найдет этого прохода, в награду за свою слепоту он должен получить в три срока 35 тысяч долларов. Кажется, так?

— Совершенно верно! — согласился Деру. — Пять тысяч, чтобы заинтересовать, десять тысяч — когда он возвратится с известием, что проход не найден, и окончательные двадцать тысяч — когда будет решено, что дорога пройдет через мои владения... Я уверен, что этому делу предстоит большое будущее.

— Да, мне кажется, это так, — сказала девушка. — Масса денег! Но... Я не знаю... Предположите, что случилось что-нибудь неладное. Если называть вещи своими именами, то ведь это подкуп. Больше того: это заговор против правительства, Джо! Правительство, как вы знаете, так заинтересовано в этой дороге, как если бы она строилась его собственной армией.

— Ничего не может быть неладного! — уверенно сказал Деру. — Окрутите Джесона, и игра будет выиграна!

— В обычных условиях я предложила бы вам повернуть оглобли, Джо, — ответила Руби. — Конечно, я не ангел, но я не привыкла к окольным дорогам. Но таково положение, что без окольных путей, видимо, не обойтись. Черт возьми, это меня не смущает. Скажу вам откровенно, Джо: мне нужны деньги. Я очень нуждаюсь в них. Я измучилась в этой проклятой дыре Холлера. Я, кажется, готова на убийство, лишь бы достать деньги. Мне хочется уехать на Восток и жить скромной и спокойной жизнью, выйти замуж и иметь детей. Я стала бы неплохой матерью, Джо. Я насмотрелась на плохих ребят и знаю, как сделать из них хороших людей. Кроме того, Джесон мне нравится: он так великолепно держится среди этих свиней! Сразу видно, к какому классу он принадлежит. Его помолвка — пустяки: я наблюдала его отношения с другой девушкой. Они не любят друг друга. Они помолвлены только по традиции. Она никогда не испытывала любви и имеет о ней понятие не больше,

чем ребенок. Что касается его, он только играет роль; я в этом уверена. Вы правы, Джо. Вы всегда были со мной откровенны, и я сыграю эту игру для вас до конца!

Глава XVI

ИСКУШЕНИЕ МИСТЕРА ДЖЕСОНА

Громкая ночная песнь о Северном Платте замерла вдали, смешавшись с неясным шумом, когда Джесон окончил свою работу над планами. Взрывы необузданного веселья в «Арабских ночах» смолкли. Главная улица города погрузилась в темноту. Она лишь местами освещалась слабо мигающими огоньками керосиновых фонарей. Джесон подошел к окну и посмотрел в ночную темень. Шел снег, и ветер разбрасывал его клочьями по улице, засыпая деревянные тротуары. Было холодно, и мороз неслышно полз в пустую комнату. Джесон подошел к камину и затопил его. Спать не хотелось, и бессонница раздражала его нервы. В делах чувствовалась какая-то путаница. В этот момент он презирал и место, и окружающих людей. Он сидел у камина и думал о тех длинных месяцах, проведенных среди людей, которых он не перенес бы в Нью-Йорке. И эти грубые невежды держали себя так, как будто они равны ему и даже лучше его! Теперь он так страстно желал оказаться в Нью-Йорке, как никогда; он жаждал окунуться вновь в условия прежнего образа жизни, иметь былой комфорт, развлечения и роскошь. Он вспомнил свои клубы, невольно сравнивая эти бедные улицы и эту несчастную деревушку с величественным проспектом Пятого Авеню...

Что хорошего в этой жалкой ссылке среди дикарей? Чего, в сущности, добивается он здесь? И стоит ли, в самом деле, подвергаться всем этим ежедневным беспокойствам и отсутствию уюта ради завоевания сомнительного счастья? Он начинал приходить к заключению, что он просто дурак. Лучше было оставаться в Нью-Йорке и поискать удачи среди интересного общества. Авось, что-нибудь и подвернулось бы. Там были девушки, более богатые, чем Марш. Мало-помалу он начал приходить к заключению, что чувства его к невесте значительно поблекли.

Он представил себе девушку, которую видел разговаривающей с Деру и наблюдал в зале Холлера. В ней было что-то особенное, волнующее кровь. Гордый дьяволенок эта Руби! Такая гибкая, вызывающая, с притягивающим и дерзким взглядом! И очаровательная с первого взгляда! В ней есть что-то породистое: маленькая головка, кожа, подобная мрамору, и румянец гвоздики. Вся ее фигурка достойна скульптора. Он спрашивал себя: кто она? Откуда? Правду ли говорит о ней Деру?

Фигура девушки с ее кошачьей грацией и гибкостью в момент, когда она дала пощечину Деру, встала перед ним как живая. Ее смелые глаза, метнувшие гневную молнию в то время, когда она, отпрыгнув от часовщика в зале Холлера, выстрелила в оскорбителя, ее вишневый маленький рот с капризными губами — все в ней было обворожительно. Да, он непременно должен познакомиться с этой девушкой! Вдруг взгляд его упал на письмо, лежавшее на столе; оно было от старого друга его отца и доверенного Чарльза Картера. Он слегка вздрогнул. Он взял письмо и снова перечитал то место в нем, которое испортило ему нынешний день:

«И я откровенно говорю вам, — писал Картер, — другого выхода нет. Демсей угрожает все предать гласности, если ему не будет уплачено 10 тысяч долларов по векселю, который в его руках. Он умный человек, но и мстительный. Если он не сможет получить от вас деньги, он вас разорит. Он заклеит вас как завсегдатая нью-йоркских клубов. Я, конечно, не стану вам объяснять, что это значит. У меня нет желания напоминать вам о советах, которые вы игнорируете. Но помните: я предостерегал вас от увлечения игрой не по средствам.

Демсей поставил ультиматум: или уплатить долг через три месяца, или нести всю ответственность за неуплату. Я со своей стороны ничего больше не могу сделать, как посоветовать найти эту сумму. Ради памяти о вашем отце я помог бы вам, если бы это было возможно. Вы знаете, что все мое состояние вложено в дело и надолго. Полагаю, что при ваших теперешних связях вы смогли бы достать 10 тысяч в течение трех месяцев».

— Проклятый мошенник, — громко сказал Джесон, поднимаясь со стула. — Я думаю, меня просто обжульничали в его клубах! Но что теперь делать? Картер прав:

вексель должен быть оплачен, но черт знает, что я могу предпринять?!

Он сел и снова погрузился в мрачные размышления. Конечно, он с одинаковым основанием мог рассчитывать на заем трех миллионов, как и десяти тысяч: он знал, что никто из его прежних друзей не одолжит ему этой суммы. Мысль, что никто из них не доверяет ему, была для него как нож в сердце. Мэри? Но о ней не могло быть и речи. Марш был из того сорта проклятых шотландцев, которые обязательно потребуют объяснения. Но разве такие вещи можно объяснить? Дрожь прошла по его телу. Огонь погас в камине, и в комнате стало темно. Он поднялся и, взяв себя в руки, надел шубу и потушил лампу. Затем, взяв в левую руку портфель и заперев дверь, вышел на скользкий тротуар. Не сделал он и двух шагов, как какая-то маленькая фигурка на всем ходу столкнулась с ним в темноте. Он услышал крик боли и увидел у своих ног закутанную в меха девушку. Он быстро поднял ее, прижав к себе.

— Ах, нога, нога! — вскрикивала она прерывающимся голосом. — Я вывихнула ногу! Как я испугалась! Какая беда: я не могу идти. Может быть, вы будете так любезны и поможете добраться до моей квартиры? Она близко отсюда.

Девушка обвила его шею рукой и горячее дыхание обожгло его лицо. Кровь бросилась в голову Джесона. Этот голос был ему явно знаком. Даже при слабом свете он узнал это несколько вульгарное, но очаровательное личико. Он прижал ее к себе еще сильнее; ему показалось, что и девушка крепче оперлась на его руку.

— Это я виноват, — сказал он ей, — мне следовало хорошенько осмотреться, прежде чем сходить со ступенек. Я очень жалею, что явился виновником случившегося. Может быть, будет лучше, если я понесу вас?

— Но ведь я не пушинка! Попробуйте... Я была бы чрезвычайно вам признательна.

Джесон сунул свои бумаги в карман, приподнял девушку и взял ее на руки. Так они дошли до ее дома. До самых дверей они не проронили ни слова. Она подала Джесону ключ.

— Вы должны зайти ко мне, — ласково сказала она. — Позвольте вам что-нибудь предложить. Ну, хоть бокал шампанского...

— Вы очень любезны... Я тронут! — сказал Джесон.

Он внес ее в комнату и положил на кушетку. Наклонившись, он развязал и снял ей ботинки, заметив при этом, что у нее маленькая и изящная ножка. Тут он сделал открытие, которое привело его в смущение. Хотя его опыт в этом деле и не был велик, но он был уверен, что вывих всегда сопровождается опухолью. Между тем здесь не было и признаков ее. На ножке, лежавшей у него на колене, не было заметно ни малейшего утолщения. Вдруг в его голове молнией мелькнула мысль. Еще ниже наклонив голову, он улыбнулся. Он решил разыграть комедию до конца: несколько минут он массировал щиколотку, а потом крепко ее забинтовал. Когда он поднялся, девушка сказала ему, где найти шампанское. Он с привычной ловкостью откупорил бутылку, налив два бокала, поставил их на столике возле кушетки и сел против хозяйки в кресло.

— Ну, вот теперь, кажется, нам удобно, — сказал он. — Вам не лучше?

— Гораздо лучше, мистер Джесон, — сказала девушка, — вы действительно замечательный доктор и сестра милосердия!

— Вам известна моя фамилия?

— Конечно! — засмеялась Руби. — Совершенно так же, как вам моя! Не правда ли?

— Хорошо, — сказал Джесон, — тогда я признаюсь, что я спрашивал мистера Деру, кто вы такая. Он был так любезен, что сообщил мне много лестного о вас, мисс Кенни.

— О, Джо мой старый друг, хотя временами я очень его боюсь; в особенности, когда на него находит дикое самодурство. Он в этих местах заправляет всем.

— Да, я имею сведения... Но сейчас я думаю не о Деру; есть нечто такое, что интересует меня сейчас гораздо больше.

— Что же именно?

— То, что вы очаровательны! — с жаром сказал Джесон. — Вы прямо обворожительны. Знаете ли вы это? И если вы только простите мою любознательность, мне хотелось бы знать о вас все, все... Каким образом такая очаровательная девушка очутилась в таком месте, как бар Холлера?

Его откровенность понравилась Руби, и она осторожно в общих чертах познакомила его со своим прошлым, рассказав о смерти отца, о бедности, и о случайной встрече с Холлером, который произвел на нее впечатление солидного человека. Джесон слушал с захватывающим интересом. Он взял ее за руку, — она ее не отняла... Он пристально смотрел то в глаза, то на красивую фигурку девушки. Они пили шампанское и болтали. Она цедила шипучий напиток сквозь зубы, а Джесон пил бокал за бокалом. Он откупорил другую бутылку. Ему хотелось обнять девушку, прижать к себе и целовать ее капризные губки.

— Вы милый! — томно сказала она, стараясь прочесть мысли Джесона в его глазах. — Я, кажется, нарушу обычное приличие... Сделаю признание: я люблю вас, люблю с первого взгляда, как только увидела вас, когда вы приехали из Норз Платт.

Она откинула голову, и их губы встретились.

— Руби, дорогая, я люблю вас, я люблю вас, — твердил он, задыхаясь. — Вы самая восхитительная девушка, какую я когда-либо встречал. Вы околдовали меня с той минуты, как только ваш взгляд упал на меня. Я не мог понять это, но теперь я знаю — это любовь.

Она страстно поцеловала его и, нежно освободившись от его объятий, сказала:

— Я хочу, чтобы вы верили мне: вы — первый мужчина, который поцеловал меня со школьной скамьи. Многие пытались поцеловать меня, но получали хороший урок. Конечно, трудно поверить, что девушка из бара... Не правда ли?..

— Только не о вас! Я знаю, что это правда! — горячо сказал Джесон.

— Да... — продолжала она. — До встречи с вами я ненавидела мужчин... Теперь не знаю, быть может, это — любовь... Подождем и посмотрим. Мы будем вместе в Джулесберге, когда дорога продвинется вперед. Но я забыла... Вы, кажется, помолвлены с мисс Марш?

— Пустяки, — сказал Джесон, — мисс Марш не останется безутешной. Дайте время... Меня беспокоит не эта помолвка.

— В таком случае что же?

— Коротко сказать: деньги! Долги способны вывести человека из равновесия.

— Объясните... Быть может, есть выход?

Она внимательно выслушала рассказ Джесона о жизни, которую он вел в Нью-Йорке, где ему необходимо было поддерживать жизнь светского льва, о том, как несчастливо он играл в карты и влез в долги, неуплата которых грозит ему потерей репутации.

— Питер, — сказала Руби, — подойдите к письменному столу. Вон там лежит ключ. Отоприте ящик и подайте мне сверток, который лежит в правом углу.

Удивленный, он повиновался.

— Что это? Судя по весу, золотые монеты, — сказал он, подавая девушке небольшой, но тяжелый сверток.

— Да... Это золото, золотые монеты, — спокойно ответила Руби. — Здесь пять тысяч долларов. Берите их, они ваши, Питер.

— Мои? Что это значит?

— То, что я сказала. Один из моих друзей — вам он друг тоже — сегодня прислал мне эти деньги. Они предназначены лично вам и свидетельствуют о его полном доверии к вам.

— Странно! Что же это такое? Почему этот некто просил вас передать мне эти пять тысяч?

— Питер, я должна сказать вам всю правду. Никакого вывиха у меня нет. Это просто выдумка, которая мне понадобилась, чтобы познакомиться с вами и задержать вас на некоторое время. Но не волнуйтесь! Поверьте, я сделала это с радостью. Я во что бы то ни стало хотела познакомиться с вами. Планы этого «некто» как раз совпали с моим желанием. Вы верите мне?

Он пристально посмотрел на нее, обнял ее и притянул к себе, целуя ее снова и снова.

— Вот мой ответ, — сказал он.

— Этот некто — Деру, — продолжала она. — Не смотрите на меня так сердито. Между мной и Джо никогда ничего не было и не могло быть. Но для вас все станет сейчас ясно: Джо хочет, чтобы дорога прошла через его владения на Смоки Ривер. Это значит... Ах, я даже не знаю, как много это значит для него! Вероятно, миллионы. Он говорит, что это лучшее направление для дороги, самое выгодное для всей страны. Питер, он не хочет, чтобы вы нашли проход через Блэк Хилл!

Джесон, бледный, пристально смотрел на нее. Она вытасила из-за лифа чек на 10 тысяч долларов на имя Джесона и сунула ему в руку.

— Это вы получите немедленно, как только скажете Маршу, что прохода не существует и что дорога должна повернуть на юг. И знаете, Питер: Деру подарит вам еще 20 тысяч долларов, как только в этом направлении начнется постройка. Можете верить Деру — он крепко держит свое слово, раз оно дано, будь то другу или недругу. Как вы находите? Разве не отличная ставка, ради которой стоит начать игру?

Джесон встал шатаясь. Лицо его вытянулось. У него кружилась голова, только не от вина. Руби тоже встала и прильнула к нему, стараясь его поцеловать.

— Вы должны сделать это, Питер. Подумайте, что это значит для вас и ... для меня, если вы хотите меня. Ведь вы не скажите «нет»?

Несколько минут он стоял, крепко прижимая ее к себе; потом лицо его посветлело; он засмеялся.

— Руби, — сказал он, — вы можете передать нашему другу Деру, что я согласен принять участие в этой игре. Я сам не верю в существование прохода. Он, в сущности, просто бросается деньгами. Но я сделаю все, что он хочет.

Он схватил Руби и прижал ее к себе.

— Вы обворожительный маленький чертенок, — страстно шепнул он ей на ушко...

Глава XVII

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

На другой день Марш встретил Деру возле отеля.

— Если у вас нет никакого дела, почему бы вам не съездить со мной на заканчиваемый участок дороги? — сказал, поздоровавшись, Марш.

— Весьма польщен! — ответил Деру.

— Это может быть интересным для вас. Я еду в своем вагоне для осмотра. Дочь и Джесон сопровождают меня. Мы пообедаем в дороге, и я угощу вас хорошей сигарой.

Они пошли к станции, где уже стоял поезд, груженный рельсами; к нему был прицеплен служебный вагон Марша. Скоро поезд тронулся, он делал около 20 миль в час. Марш ушел в свое купе, оставив Деру с дочерью и Джесоном. Француз около часа развлекал их интересны-

ми рассказами из истории своей многосторонней карьеры, начиная от школьных дней в Париже до положения владельца золотых копей и табунов породистых лошадей в диких местах Смоки Хилла. Когда Мэри оставила их вдвоем с Джесоном, Деру тотчас повернулся к инженеру, пронизывая его своим настойчивым взглядом.

— Мистер Джесон, — заговорил он тихо, чуть слышным голосом, — мне известно, что вчера предложила вам Руби. Я направил ее к вам... Сегодня утром она передала, что вы обещали помочь мне. Очень рад. Я, Джо Деру, откровенно говорю: вы умный человек! Я сделаю вас состоятельным. То, что вы получили и что получите потом, — доказательство великодушия Деру. Дорога не пойдет через Блэк Хилл, Джесон! Я с вами говорю с глаза на глаз: я остановлю ее! Ничто не сможет помешать мне. Я буду бороться не на живот, а на смерть. У меня есть союзники, о которых еще никто не знает. Так вот, давайте пойдем друг друга. Здесь нет прохода: так вы доложите Маршу. В награду вы получите достаточно, чтобы стать состоятельным человеком. Но я требую полной лояльности! Имейте в виду, что человек, тесно связавшийся со мной, живым от меня не отделаётся! С нынешнего дня ваши услуги — это услуги мне. Понимаете?

— Вполне понимаю, — холодно и спокойно сказал Джесон. — Я пойду так далеко, как только это понадобится вам, вплоть до убийства!

Деру пытливо посмотрел на него.

— Кто знает, мой друг, что бы вы сделали при наличии сильного побуждения! Я немножко изучил вас, мистер Джесон, и пришел к заключению, что в вашем характере скрыты поразительные возможности.

Джесон хотел ответить на это, но пронзительный свисток паровоза оглушил их. Марш и Мэри бросились к окну. Ничего не было видно.

— Оставайтесь в вагоне! — крикнул Марш дочери, а сам вместе с Джесоном и Деру выбежал на площадку и открыл дверцу. Отсюда они ясно могли видеть бегущие мимо них прерии. На юго-западе они заметили какие-то темные точки, которые постепенно увеличивались. С полмили в стороне от поезда показалась дюжина неясных силуэтов, вытянувшихся в линию. Темные точки быстро превратились во всадников, бешено скакавших к

поезду. Джесон бросил случайный взгляд на Деру. Лицо Деру поразило его: оно дышало какой-то дикой свирепостью.

— Один белый... восемь, девять, десять индейцев, воинов сиу, — крикнул Деру. — Они догоняют... Клянись Богом, они поймают его!

Он оглянулся и увидел, что Джесон с любопытством наблюдает за ним. Моментально он переменял голос и выражение лица.

— Он мастер ездить — этот белый! Обратите внимание. Посмотрите, как он правит лошастью! Она утомлена, падает от усталости, но он ловко ее подбадривает. Вот шельма... Да он просто артист!

Ближайший к преследуемому всадник отважился подскочить к нему. Молодой человек — Марш мог хорошо разглядеть его в бинокль — быстро повернулся в седле и выстрелил. Предводитель сиу закачался в седле и упал на землю. Послышалось неистовое гиканье. Индейцы прищипорили лошадей, награждая их плетьюми, и с сумасшедшей скоростью ринулись вперед.

Преследуемый, видимо, скакал к поезду, дымок которого он заметил издалека. Он держал направление наперерез поезду, развивая скорость достаточную, чтобы через несколько минут поравняться с ним. Марш бросился вперед, чтобы приказать машинисту замедлить ход. Но в этом не было нужды. Пат Кезей, прыгавший от возбуждения и кричавший преследуемому указания и советы, когда тот был, по крайней мере, на расстоянии двух миль, сам сообразил, что нужно замедлить ход поезда. Поезд пошел со скоростью не более десяти миль в час. Всадник, заметив это, быстро изменил направление и повернул лошадь прямо к дороге.

Расстояние до поезда все уменьшалось и уменьшалось. Лошадь выбивалась из сил. Индейцы наседали. Они уже находились не далее, как на расстоянии выстрела от поезда. В вагонах поднялась суматоха. Последовали выстрелы, никого не ранившие. Расстояние уменьшилось, и всадник уже скакал впереди поезда в каких-нибудь полторастах футах. Вдруг стрела или пуля ударила его лошадь. Она споткнулась, быстро оправилась, но потом упала, отбросив всадника на несколько метров вперед.

— Боже, он убит! — вскрикнула Мэри.

Весь поезд наполнился криками и проклятиями. Мэри стояла у окна и с волнением следила за сценой, сжимая пальцы так сильно, что ногти впивались ей в ладони. Всадник вскочил с земли и ринулся вперед. Он несся как пущенная из лука стрела. Мэри никогда бы не поверила, что человек может бежать так быстро. Он несся прямо к тому вагону, где стояла Мэри. Она уловила выражение его лица и не поверила тому, что увидела: бежавший весело улыбался, прыгал как лань, преследуемый тучей стрел и дикими воплями краснокожих. Некоторые из преследователей стреляли на ходу из ружей. Но молодой человек бежал, наклонив голову вперед то в ту, то в другую сторону, но не теряя направления. Он бежал и улыбался, как будто борьба за жизнь была для него лучшим спортом в мире. Он несколько уклонился в сторону, и Мэри не могла его больше видеть, но Марш, Деру, Джесон и донельзя возбужденный Кезей, остававшиеся на платформе, увидели, как он сделал отчаянный прыжок к служебному вагону, уцепился на ходу за поручни, повис на несколько секунд, ловко вскочив на площадку, оказался в безопасности.

Прежде чем Мэри успела повернуться от окна к задней двери вагона, эта дверь открылась, и молодой человек, возбужденный, с блестящими голубыми, как небо Небраски, глазами, вихрем подбежал к ней, схватил ее за руки и заставил ее стать на колени, крикнув:

— Наклонитесь скорее. Ниже окна! Они скачут рядом с поездом и стреляют. Наклонитесь же, только на несколько минут. Мы уйдем от них! — Мэри почувствовала, что молодой человек держит ее за талию. Это не удивило ее и не вызвало с ее стороны никакого протеста. Рука, на которую она опиралась, была большая, грубая, но твердая, и у Мэри появилось ощущение безопасности.

Молодой человек первый очнулся и, взглянув в большие голубые глаза девушки, медленно приподнял ее с пола.

— Извините, что напугал вас, — произнес он с милой улыбкой. В этой улыбке было что-то странное, порывистое и одновременно шутливое. Казалось, в ней мелькнули какие-то близкие и знакомые черточки.

— Вы видите, — продолжал он, улыбаясь, — у меня не было времени представиться вам, если бы я даже

заранее знал, что в вагоне есть леди. Джентльмены, от которых мы только что отделались, намеревались заполучить образчик моих волос, чтобы повесить на память в своем вигваме. Они всегда очень настойчиво добиваются этой цели, но это как раз не входило в мои расчеты. Я просто одурачил их!

— Вы поразительно ловкий, — сказала Мэри, блестя от восторга глазами. — Я никогда бы не подумала, что человек способен бежать, как лань.

— Я выучился прекрасно бегать и прыгать на состязаниях с индейцами. Я очень много практиковался в беге на сто ярдов и всегда, когда начинаю бег, я знаю, что буду на минуту или две впереди. Чего я, собственно, боялся после гибели моей старой Звезды, так это — быть раненным стрелой, не добежав до поезда. Сиу стреляют из лука, как настоящие волшебники, но как стрелки из ружей они из рук вон плохие!

— Как вы здесь очутились? — спросила девушка.

— Очень просто: я искал вас; не лично вас, конечно, — лицо его осветилось снова милой улыбкой, — а железную дорогу. По звукам молотков, забивающих костыли, я решил, что где-нибудь поблизости здесь должен быть поезд, и вот я нашел...

— Да, но...

В это время вошли Марш, Джесон и сзади них Деру.

— Молодой человек, без сомнения, вы превзошли самого себя, — сказал Марш. — В течение пяти минут у меня не было никакой надежды, что вам удастся ускользнуть. Моя фамилия Марш. Я директор этой дороги. Это моя дочь Мариам, а эти господа...

— Мэри! — воскликнул радостно молодой человек. — Мэри Марш?!

Он подбежал к девушке, схватил ее за руки и, отстранив ее на расстояние вытянутой руки, впился взглядом в ее красивое лицо.

— Разве вы не помните Дэви Брендона из Спрингфильда? — он рванул верхнюю пуговицу своей охотничьей бизоньей куртки и показал ей блестящую монету, висевшую на шнурке у него на шее.

— Мэри, видите это? Медаль Черного Сокола, которую подарил нам Линкольн.

Мэри быстрым движением освободила руки и, бросившись к нему, поцеловала.

— Дэви, как я рада видеть вас! — сказала она с волнением. — Я не могу поверить, что это правда! Странно: в тот момент, когда вы вихрем ворвались в купе, я почувствовала, что как будто где-то видела вас прежде. Удивительное чувство!

Джесон и Деру отошли немного в сторону. Лицо Джесона выражало явное неудовольствие. Деру улыбался забавной сцене, но в глазах его сквозила острая неприязнь к вновь прибывшему незнакомцу, который так бурно ворвался в их компанию. Что касается Джесона, то во всей его фигуре проглядывало презрение к молодому человеку. Еще полный воспоминаний недавней сцены у Руби, ясно сознавая, что Мэри равнодушна к нему, он, несмотря на это, помрачнел при виде статного молодого человека, сыгравшего в глазах Мэри роль героя. Он не пропустил выражения ее глаз, когда Дэви стоял рядом с нею и когда она его поцеловала.

— Прекрасно, прекрасно, Дэви, — говорил Марш. — Это замечательная встреча старых друзей! Подумать только! Мы потеряли друг друга из вида около пятнадцати лет назад, и, неожиданно спасаясь от индейцев, вы как с неба сваливаетесь к нам! Прямо страничка из романа!

— Это было нечто удивительное! — воскликнул Деру. — Я не поверил бы, если бы сам не видел, как этот молодой человек перегнал всадников сиу. Поздравляю вас!

— Мистер Деру, позвольте вам представить: Дэви Брендон, наш старинный друг из нашего города в Иллинойсе. Это мистер Джесон — мой главный инженер, Дэви. Знакомьтесь, джентльмены!

Дэви пожал обоим руки. Джесон что-то неясно пробормотал и отвернулся. Деру протянул левую руку и крепко пожал руку Дэви, пристально всматриваясь черными глазами в голубые глаза нового знакомого. Какое-то неясное, далекое и неприятное воспоминание вдруг промелькнуло в голове Дэви и быстро испарилось. Он почувствовал странное беспокойство, поймав дерзкий взгляд Деру. От этого взгляда по его телу поползли мурашки. Он немного смутился, но продолжал всматриваться в Деру. Марш заметил его любопытство и спросил:

— Дэви, вы никогда раньше не встречались с мистром Деру?

— Нет, — медленно произнес Дэви. — Кажется, мы не встречались.

— Нет, — уверенно и солидно сказал Деру. — Я никогда не забываю людей, с которыми встречался!

— Ну, Дэви, скажите, где ваш отец?

— Отец? Умер, — сказал Дэви. — Умер пятнадцать лет тому назад. Он был убит в дороге одним белым, который предводительствовал бандой чейенов. Отец успел спрятать меня за стволом упавшего дерева, и они второпях не заметили меня. Потом меня нашел рейнджер Спенс, отдал в школу в Сакраменто, и я жил там, пока снова не соединился со Спенсом. Последние несколько лет я с ним много бродил в горах, охотился и занимался разведками большей частью с оглелами. На этом пока кончается моя повесть.

Мэри, стоявшая неподалеку от Деру, ясно заметила, как изменилось его лицо во время рассказа Дэви. Маска дружеского расположения на нем исчезла, и оно выразило сильное смущение и беспокойство. Он повернулся к окну и смотрел в него каким-то странным взглядом. Никогда раньше Мэри не видела такой жестокости в глазах человека. Встревожившись, девушка подумала: «Этот человек явно не любит Дэви. Почему?» Ее ощущение сделалось еще острее, когда она заметила, что Джесон тоже проявил холодность по отношению к Дэви. Поведение последнего она объяснила ревностью. Но Деру — почему он так изменился? Лицо Джесона выражало просто нерасположение, которое часто совершенно безотчетно охватывает человека, а лицо Деру — почти нескрываемую ненависть и еще что-то другое, чего она пока не могла понять. Если бы это был не Деру, известный своей дерзостью и бесстрашием, она сказала бы, что в его черных глазах затаился страх. Но тут было нечто иное. Почему Деру должен ненавидеть и бояться молодого человека, который в его жизни не играл никакой роли? В конце концов она решила, что все — результат ее расстроенного воображения. Она повернулась к отцу и к другу детства.

ЦЕНА ДЖЕНТЛЬМЕНА

Поезд шел назад к Норз Платт. Вечером Мэри и Дэви сидели и делились воспоминаниями о старой жизни в Спрингфильде, где они жили, как брат и сестра. Глядя друг на друга, оба удивлялись, как за это время они изменились и выросли. Мэри не пыталась анализировать свои чувства. Женский инстинкт подсказал ей, что в волнении, которое охватило ее, когда Дэви обнял ее, было что-то особенное. Близость Дэви заставила ее сердце сильно забиться и наполнило ее существо каким-то нежным ощущением, которое тревожило ее. Когда она смотрела на Дэви, она чувствовала, что ее щеки пылают огнем и что она не в силах оторвать от него взгляд. Она чувствовала гордость, что имеет какое-то исключительное право на этого человека. «Он, безусловно, самый привлекательный человек, которого я когда-либо встречала», — думала она.

Дэви Брендон в своих мокасынах без каблуков был ростом в шесть футов и один дюйм и строен, как дети Мататонка. Густые, несколько вьющиеся волосы темной шапкой покрывали его хорошей формы голову с высоким лбом мыслителя. У него были серьезные голубые глаза, а когда он улыбался, в них появлялись притягивающие огоньки. Прямой, хорошо посаженный нос вполне гармонировал с небольшим ртом и красиво изогнутыми губами, прикрывавшими белые зубы. Когда Дэви смеялся, в уголках его рта появлялась такая капризная и в то же время обворожительная складка, что нельзя было не увлечься игрой его лица. Это лицо выражало силу и решительность, в нем светилась чистота сердца и неиспорченный ум. Была в нем и некоторая доля благожелательного юмора, который всегда вызывает симпатию собеседника.

Мэри внимательно разглядывала Давида. «Он, должно быть, очень настойчивый», — подумала она и как-то невольно стала сравнивать его с Джесоном.

Оба были высокие, но Дэви выглядел несколько стройнее Джесона, фигура которого отяжелела. Оба они были красивы, но красота Дэви была мужественная, усиленная загаром и свежестью прерии. Между тем лицо

Джесона было нежно и носило отпечаток городской жизни. Джесон был значительно старше. Вся его наружность обличала сдержанность и превосходство, свойственные его происхождению и классу. А Дэви, с его неподдельным энтузиазмом, простой улыбкой и необыкновенной подвижностью производил впечатление освежающего ветерка. Мэри стала упрекать себя за такую разборчивость, но все же в конце концов пришла к заключению, что Дэви самый красивый и привлекательный молодой человек.

Она попыталась отодвинуть все эти мысли на задний план и восстановить в сердце воспоминание о своих прежних братских отношениях к Дэви. Она старалась убедить себя, что она не имела никакого права лелеять иные чувства по отношению к Дэви, кроме чисто братских, тем более, что дала слово Джесону, который все эти годы терпеливо ждал ее. Нечего поэтому и думать о красивом молодом человеке, который так неожиданно ворвался в ее жизнь. Она поймала взгляд Джесона и ласково ему улыбнулась, стараясь вложить в эту улыбку немного любви. Но она сама удивилась, какой искусственной вышла ее улыбка. В этот момент Мэри менее всего была уверена в себе.

Вечером Марш и Деру с сигарами в руках сидели и пили вино, горячо рассуждая о железной дороге. Несмотря на исключительный интерес к девушке, Дэви внимательно прислушивался к их разговору. С момента появления в поезде он успел хорошо узнать историю железной дороги и печальные обстоятельства, которые имели место на Западе. Он решил поговорить с Маршем относительно работы, надеясь стать полезным общему делу, как завещал ему покойный отец. Живо встало перед ним лицо отца за несколько минут до гибели, с блестящими глазами, выражение которых было полно глубокой веры в будущее. Дэви задумался, позабыв даже о присутствии Мэри, и увлекся мечтами. Марш в это время говорил о самой насущной задаче, которая стояла перед строителями. Ухо Дэви совершенно случайно уловило несколько слов из разговора, и это моментально его отрезвило.

— Я все-таки думаю, — говорил Марш, — послать завтра мистера Джесона к Блэк Хилл. Неделя изысканий должна решить этот вопрос.

— Как вам угодно, дорогой друг, — услышал Дэви ответ Деру. — Я подожду; думаю, что мистер Джесон будет неприятно разочарован. Повторяю: единственная прямая линия через Блэк Хилл — только для полета орлов.

— Все возможно, — отвечал Марш, — но мы обязаны сделать последнюю попытку.

Он повернулся к Дэви и спросил:

— Брендон, вы хорошо знаете район Блэк Хилл к востоку от Ляриме?

— Очечь хорошо, — сказал Дэви с оживлением. — Я много лет охотился в этих местах с моими друзьями оглелами.

— Как вы думаете: можем мы провести дорогу через этот хребет? Может быть, вы даже знаете какое-нибудь определенное направление через какой-нибудь проход?

Дэви сидел неподвижно, глядя на стену; лицо его было напряжено, задумчиво; в мозгу плыло облачко отрывистых воспоминаний. Он произнес:

— Что-то приходит мне на память, мистер Марш, но я еще не могу уловить... — он остановился, собираясь с мыслями. Мэри заметила, что Деру, как дикая кошка, весь превратился в слух и наблюдал за Дэви с чрезвычайным интересом.

— Да... — продолжал Дэви, напрягая память. — Это было на Блэк Хилл, близ Лодж Пол Крика, когда убили моего отца. Это было в ту ночь, когда сон отца наконец сбылся наяву. Мы шли по сплошному хребту, где не было никакого разрыва на много миль впереди. В последний день после обеда хребет начал понижаться, и мы увидели перед собой гору, которая стояла как стена. Отец решил, что двигаться дальше нельзя. Но, осмотревшись, он заметил, хотя вначале и неясно, что эта стена прорезывалась расщелиной. Я никогда не забуду возбуждения отца: я подумал, что он от радости с ума сойдет! Ведь вы знаете, как он увлекался дорогой и верил в нее! Да, это был проход, о котором он мечтал долгие годы, который искал и нашел.

Если бы Дэви выпустил залпом все шесть револьверных пуль, он не произвел бы такого ошеломляющего впечатления, какое произвел своим рассказом. Марш порывисто отодвинул свое кресло и вскочил на ноги. Деру замахал руками; дружеское выражение исчезло с его ли-

ца. Он походил в этот момент на тигра, готового сделать прыжок. Джесон нервно задвигался в кресле, презрительно улыбаясь. На несколько секунд наступило молчание. Марш нарушил его; дрожащим от волнения голосом он заговорил:

— Уверены ли вы в этом, Дэви? Можете ли вы теперь найти этот проход? Ведь это происходило пятнадцать лет тому назад?! Вы были тогда еще мальчиком.

— Вполне уверен! — спокойно сказал Брендон. — У меня всегда была хорошая память на местности. Кроме того, я очень много практиковался в умении ориентироваться. Я запомнил общее положение гор вокруг Лодж Пола и проход забыть не могу. Он отчетливо рисуется передо мной. Там есть высокое дерево, кажется, чуть ли не единственное дерево на милю кругом. Оно стоит над самым обрывом расщелины. Но, если бы я не мог найти его, мои друзья оглелы сделают это. Они знают эти места в продолжение столетий. Старый Метта-Силла, главный оружейный мастер отряда Буйвола-Медведя, зовет это место дорогой Громовой птицы. На хребте возле расщелины был когда-то убит молнией индеец, а таких вещей они не забывают.

— Но уверены ли вы, что сможете определить это место для меня? — спросил Марш. — Согласитесь ли вы быть проводником мистера Джесона? Поймите, Дэви: для железной дороги это все! Если вам посчастливится, за нашей благодарностью дело не станет!

— Разумеется, пойду! — с жаром сказал Дэви. — Это ведь то, чего добивался отец. Это его проход! Кроме того, мистер Марш, мне очень хочется принести пользу железной дороге. Если бы я действительно мог помочь дороге, это для меня значило бы воздвигнуть памятник покойному отцу. Если дорога пройдет по проходу, найденному отцом, проходящие поезда своим свистом будут оглашать окрестности вокруг отцовской могилы, которую я выкопал своими детскими руками.

Мэри в припадке восторга схватила Дэви за руки. Ей в этот момент так хотелось обвить его шею руками и крепко прижать его к своей груди. Щеки ее вспыхнули ярким румянцем. Внезапно, подобно рычанию зверя над добычей, раздался голос Деру:

— Там нет и не может быть прохода! Я прекрасно знаю эти места.

Дэви напрягся, как тетива лука; он весь вытянулся в сторону Деру.

— Мистер Деру, — сказал он тихо, с потемневшим лицом, и в его тоне прозвучало что-то угрожающее, — я не намерен вступать с вами в спор, но повторяю: проход есть и там именно, где я сказал!

Мэри вздрогнула при этих словах, исполненных железной решимости. Она заметила, что лицо Деру сразу изменилось. Бешенство и коварство засветились в его дерзких глазах; все, что было приятного в его наружности, оказалось как бы вырванным с корнем. Деру заговорил с большим, чем обыкновенно, ударением на словах:

— Ах, мой пылкий молодой друг, я не сомневаюсь в вашей уверенности... Но я думаю, что вы просто ошибаетесь. Как говорит мистер Марш, вы были тогда еще совсем ребенком. Там невероятно сложный рельеф, вид этих изломанных гор совершенно искажает представление о них, представляет его в мираже. Я сам часто охотился там, очень часто. Но я никогда не слышал о проходе, о котором вы говорите.

Дэви молчал. Губы его были крепко сжаты, а глаза устремлены на Деру с каким-то странным выражением, как будто он хотел что-то мучительно припомнить, и ускользающие воспоминания тревожили его.

— Во всяком случае, — заговорил Марш, — есть смысл заняться обследованием. Как бы то ни было, Джесон отправится туда, и проводником его будет Брендон. Мы должны сделать все, чтобы одержать победу! При всем том что мы теряем? Ничего! Итак, завтра утром вам подадут лошадей, и мы пожелаем вам счастливого пути!

Мэри улыбнулась и кивком головы выразила одобрение решению отца.

— Как вам угодно, — мягко согласился Деру.

Остальное время пути Марш, Джесон и Дэви занимались в вагоне подробным ознакомлением с картой намеченного к исследованию района. Марш приблизительно наметил ту линию дороги, которая была бы желательна, а Дэви приблизительно отыскал то место, где отцом его был найден проход. Деру в это время развлекал Мэри. Он снова надел на себя маску чрезвычайной любезности: весело шутил, смеялся, рассказывал забавные случаи и

вообще вел себя так непринужденно и смеялся так громко, как никогда раньше.

Когда они приехали в Норз Платт, и вагон был отцеплен, Мэри пожелала всем спокойной ночи и ушла в свое купе, хотя обычный час ее сна еще не наступил.

Рой беспокойных мыслей закружился в ее голове: сердечная теплота, так внезапно наполнившая ей сердце, ее помолвка с Джесоном и налагаемые ею обязательства, которые казались трудно выполнимыми; нескрываемый антагонизм между Дэви и Деру, доходящий у последнего едва ли не до патологической ненависти, — все это выбило девушку из колеи. Особенно смущало и в то же время интересовало ее чрезвычайно напряженное выражение лица Дэви, когда, казалось, он безнадежно старался что-то припомнить. Но что?

— Спать собираетесь? — спросил Деру Джесона, готовый уже пожелать ему спокойной ночи.

— Нет, — сказал Джесон, — еще рановато. В Нью-Йорке я привык в это время прогуливаться; поэтому утром я чувствую себя слегка сонным.

— Тогда пойдемте в город, — предложил Деру. — Заглянем в зал Холлера и сыграем в рулетку. Я чувствую, что сегодня выиграю!

— Только не заходите далеко, — пошутил Марш. — Рулетка Холлера для меня, что больная мозоль!

Джесон и Деру медленно вышли на тускло освещенную улицу и направились в «Арабские ночи», в это время, как всегда, наполненные народом. Не менее сотни людей стояло у длинной стойки перед глазами судьи и его стражей.

За игорными столами шла азартная игра, танцевальный зал был битком набит танцующими, лица которых покраснелись от вина и движения. Руби сейчас же увидела вновь прибывших и оставила высокого техасца, который был с ней. Это был скотопромышленник из Панхелла, ведущий крупные дела с железной дорогой. Здесь он ожидал большую партию скота, которую гнали его служащие за восемьсот миль от Норз Платта.

Руби шла через толпу не спеша, с волнующей грацией и приветствовала Деру развязно, а Джесона очень скромно. Джесон поймал ее выразительный взгляд и улыбнулся.

Втроем они сели за отдельный столик, и Деру по своему обыкновению заказал шампанского.

— Вы зря тратите деньги, Джо, — начала Руби. — Эти закупоренные в бутылки солнечные лучи сегодня не для Руби... Мне все надоело! Еще одна какая-нибудь выходка, и я брошу это проклятое место!

Она пододвинула стул к Джесону и наклонилась к нему. Деру смотрел на них и улыбался.

— Какая прелестная пара! — сказал Деру. — Вы, милая Руби, и вы, мой друг Джесон. Я пью за ваше здоровье и счастье!

Он откинул голову и выпил бокал до дна.

Скотопромышленник из Панхелла подошел к Руби и положил руку на ее обнаженное плечо. Она пробовала увернуться и почти упала в объятия Джесона.

— Вы что, смеетесь надо мной, обманываете? — говорил пьяный техасец. — Весь вечер опутывали меня и вдруг бросили ради этих тонконожек!

Джесон в волнении вскочил со стула, но в это время раздался резкий, как звук бича, голос Деру:

— Отойдите! Я сейчас разберусь с джентльменом.

Техасец подался вперед, вынимая из кобуры большой револьвер. Все кругом вскочили из-за столов: некоторые отступили к стенам, другие бросились к двери. Раздался угрожающий голос Холлера. Деру, быстрый, как кошка, наклонился вперед, расставил ноги и в мгновение ока сделал какое-то движение, быстрое, как молния. Зал огласился громкими револьверными выстрелами. Громадный техасец зашатался, побледнел, несколько секунд потоптался на месте, потом рухнул, как срубленное дерево. Деру постоял немного, наклонившись к упавшему, и затем спокойно вложил свой револьвер в кобуру. В зале стоял гам, слышались крики женщин. Старый Холлер с громкими проклятиями подошел к столу в сопровождении своих вооруженных янычар. Деру улыбался и, наклонившись к Руби, гладил ее по плечу.

— Они все грубияны и невежи, — говорил он, наливая стакан шампанского. — Не пугайтесь, человек не убит — я стрелял в него вовсе не для того, чтобы уложить на месте!

Холлер, протискавшись сквозь толпу к Деру, закричал:

— Деру, мне совсем не нравятся эти револьверные игры!

— Мистер Деру, Холлер... Что за тон!? — надменно спросил Деру.

Он не двинулся с места и пристально посмотрел на судью, который, несмотря на свой гнев, похолодел от этого взгляда и сдержал себя.

— Хорошо. Мистер Деру. Так-то вы относитесь к вашему старому другу?! Своей стрельбой вы превращаете этот зал в ад. Ведь вас двое; вы могли бы схватить этого дурака и вытолкать его в шею!

— Джед, — сказал Деру, — ступайте-ка направо кругом к своему насиженному стулу и наливайте свое скверное виски этим простофилям. Это мое личное дело! Понимаете? Мое дело! У этого человека скверные манеры. Я мог убить его, но решил только наказать и ранил в плечо. Уберите его отсюда!

Судья позабыл свою обычную фразу «Закон и порядок» и, подняв на ноги раненого, при помощи своих помощников вывел его из бара.

— А теперь, — начал Деру, обращаясь к Джесону, — у нас есть с вами более важное дело. Этот молодой Брендон сует нос в мое дело, в дело Деру, в ваше дело, наконец. Слушайте внимательно: если он найдет проход, — а я вам по секрету скажу: этот проход существует — мы проиграем. Вы, Джесон, теряете 30 тысяч долларов, свою Руби и нечто такое, на что она рассчитывает. Делайте выбор: или жизнь в бедности для вас обоих или приличное состояние... Какой проклятый лучай так неожиданно подсунул нам Брендона! Вы, Джесон, будете иметь с ним дело. Все пустяки... Несчастный случай в тех местах — дело самое обыкновенное. Брендон поедет с вами, но вернетесь вы один...

Джесон, бледный, сидел молча и сжимал свои руки.

Вдруг Руби наклонилась к нему.

— Питер, послушайте меня, — сказала она. — Вы должны поступить так, как советует Джо. Я не позволю, чтобы кто-нибудь стал на дороге к нашему счастью. Не хочу, не хочу и не хочу! Я всю жизнь боролась, чтобы добиться чего-нибудь. Я боролась честно! Но теперь перед нами случай, наш случай, даже если бы это было сопряжено с гибелью человека! Чего стоит жизнь в этих местах! Я видела здесь, по крайней мере, двадцать человек убитых. Брендон не должен возвратиться. Слышите, Питер?!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖЕСОНА

На следующее утро, едва взошло солнце, Дэви привел лошадей к вагону Марша. Он встал до рассвета, упаковал все необходимое для двухнедельной поездки, все подсчитал и убедился, что запасов для путешествия вполне достаточно.

Он подъехал к вагону Марша и весело крикнул, что лошади готовы. Он был верхом, держа поводья лошади Джесона в левой руке. Вьючная лошадь дремала сзади. Мэри отворила дверь и выбежала с веселой и приветливой улыбкой. Дэви соскочил с лошади и взял ее за руку.

— Я не пробуду долго в отсутствии, Мэри, — сказал он. — Мы свободно доедем до чейенов в четыре дня. Оттуда в два дня доберемся до прохода. Я полечу как птица. И тогда — назад!

— Прекрасно, Дэви! — воскликнула Мэри. — Я верю в ваш успех. Проход нужен и для отца и для дороги!

— Понимаю! — сказал Дэви. — И для меня это счастливый случай. Я даже и не мечтал, что смогу быть так полезен!

Они стояли друг перед другом, и их глаза говорили им о чувствах, которыми они оба были охвачены. Вышел Джесон и, увидав их, нахмурился. За ним следовал Марш. Он громко поздоровался с Дэви.

— Доброе утро, Брендон. Итак, все готово, как я вижу! — сказал он.

— Все готово, мистер Марш.

Вышел из вагона и Деру. Он приветствовал путешественников, не сходя с платформы.

— Ну вот, великая экспедиция готова двинуться в путь! — сказал он особенно приветливо. — Желаю вам удачи, друзья мои!

Джесон обнял Мэри и поцеловал ее. Глаза Деру вспыхнули веселым огоньком. Дэви вскочил на лошадь и отвернулся, чтобы не обнаруживать огорчения при виде поцелуя Джесона. Все это не укрылось от глаз Деру.

— Остерегайтесь индейцев, — советовал он. — Имейте в виду, что это опасная дорога.

— Ну, не так уж опасна, — сказал Марш. — Павнии из отряда майора Норза обследовали эти места

вплоть до владений чейенов. Норз сообщает, что нигде нет и следа неприятеля.

— Мы поедем быстро, — весело сказал Дэви, и они двинулись в путь.

Вечер застал их чрезвычайно утомленными. Они сделали сорок миль по очень скверной, тяжелой дороге. В пути они поговорили о том, где остановиться на ночлег. Оба были очень сдержанны, потому что чувствовали, что не нравятся друг другу. Но Джесон все же не смог скрыть свою неприязнь.

Сделав несколько попыток к разговору и не получив ответа, Дэви со своей стороны тоже замкнулся. Так было и на следующий день. Они обращались друг к другу только при крайней необходимости. Дэви довольно охотно исполнял всю работу, необходимую при остановках: разбивал палатку, приготавливал пищу, седлал лошадей и упаковывал багаж. Он видел, что Джесон совершенно неопытен в этих делах. Сам он не нуждался в помощи. Что особенно раздражало Дэви, так это надменный вид Джесона, который смотрел на него как на наемного проводника. Не раз Дэви готов был вспылить и дать Джесону жестокую отповедь, но каждый раз с трудом сдерживал себя, находя, что с такими людьми, как Джесон, не стоит связываться и доводить дело до открытой ссоры.

На третий день они приехали на станцию Джулесберг. Пионеры, чувствуя, что главная контора по постройке дороги будет в этих местах, успели здесь устроить несколько сараев и землянок в надежде собрать хорошую жатву от сорившей золотом дороги. Оборванцы и бродяги шумно приветствовали путешественников, видя в них железнодорожный авангард. Их окружила толпа, забрасывая вопросами, предлагая и выпивку и ночлег.

— Нам некогда здесь задерживаться, ребята, — говорил Брендон, — мы должны спешить. Через две-три недели здесь обоснуется главная контора железной дороги. Будьте готовы к большому оживлению.

Под аплодисменты толпы они пришпорили лошадей и помчались к холмам, которые виднелись впереди. Через четыре дня они разбили лагерь у Лодж Пол Крик. Дэви очень желал найти могилу своего отца, но в виду присутствия Джесона он оставил пока это намерение: па-

мать об отце была так дорога для него, что он вовсе не желал обнаруживать свои затаенные мысли перед человеком, который ему не нравился.

Утром он коротко сказал Джесону:

— Сейчас мы пойдем по хребту, о котором я говорил вам. Вы совершенно не заметили, как подъехали к нему. Никто бы, кажется, не стал искать проход среди этих изломанных скученных скал. Но подождите — вы увидите, что проход существует.

Через несколько часов после этого разговора Дэви остановился, слез с лошади и попросил Джесона сделать то же самое. Они направились к седловине хребта, которую Дэви хорошо запомнил. Ведя лошадей в поводу, они пошли вперед через гребень, понижавшийся по мере их приближения.

— Теперь подождите! — сказал Дэви. Он побежал вперед, завернул за выдающийся вперед утес и увидел то, что он видел когда-то: громадную расщелину в стене горы. Он остановился, глядя на эту расщелину, и задумался. В ушах его явственно звучал голос отца: «Сын, я нашел его!» Глаза его затуманились. «Бедный, бедный отец!» С болью в сердце Дэви подавил в себе пробудившиеся чувства и медленно пошел к инженеру.

— Идемте, мистер Джесон! Я покажу вам готовые ворота для железной дороги. Вы, инженеры, ничего лучшего и желать не можете!

Джесон увидел перед собой опускающийся хребет и вдали громадное ущелье. Не было сомнения: прямо перед ним на расстоянии не более двух миль находится именно тот проход, который искали. Он заметил характер хребта, его подъем, ширину и уклон. Опытный глаз сразу подсказал ему, что строительные работы не будут трудны. На одну минуту профессиональный инстинкт заставил его торжествовать. Это было в некотором роде чудо природы: как будто нарочно пробитый проход. Легкое решение трудной строительной программы было вполне обеспечено.

Но... вдруг ярость охватила его. Это значило — взорвать все планы Деру, похоронить его собственные надежды, вырвать из его рук уже завоеванное счастье! Это значит возвратиться назад снова к заботам, возможности унижения, к позору, который явится неизбежным следствием банкротства и в конце концов к изгнанию из

нью-йоркских клубов. Нет, ни за что! Этого нельзя пережить! Тут ему вспомнилось замечание Деру: «Кто знает, мой друг, на что может решиться человек, когда побуждение непреодолимо».

— Посмотрим, — сказал он Брендону. — Надо все внимательно обследовать. Необходимо спуститься вниз.

Они поехали под уклон, к устью горного прохода. По обе стороны стояли стены. Мысль Джесона работала с лихорадочной быстротой.

— Я сомневаюсь, чтобы можно было подняться на этот утес перед нами...

— Почему же? — сказал Дэви. — Можно попробовать!

— Да, мне нужно все подробно обследовать. Кто-нибудь из нас должен спуститься с этого утеса. Необходимо узнать характер строения скалы: она может быть слабая, недостаточно прочной породы. Мы должны точно знать это!

— Зачем? Вы же видите: она настолько прочной породы, что, кажется, и землетрясение не сможет поколебать ее.

— Инженер ничего не должен принимать без гарантии, мистер Брендон, — возразил холодно Джесон. — Представьте, что мы упустили из вида какую-нибудь важную деталь, а впоследствии здесь произойдет крушение поезда.

— Что же, — сказал Дэви, — может быть, вы и правы. Надо убедиться.

Джесон скрыл презрительную улыбку. Будь на месте Дэви другой инженер, он, конечно, громко засмеялся бы, услышав замечание об опасности такой скалы. Они проехали по хребту около мили и повернули к югу по сплошным промоинам. Привязав лошадей, они стали медленно карабкаться вверх. После часа тяжелого подъема они достигли наконец вершины и легли на животы, чтобы посмотреть вниз расщелины. Дэви встал, привязал один конец лассо к молодой сосне, сделал несколько петель, а другой конец передал Джесону.

— Готово, — сказал он.

Джесон попятился назад.

— Я, знаете, не смогу спуститься. Мои руки слишком ослабели от конторской работы, — сказал он.

Дэви посмотрел на него с нескрываемым презрением, улыбка появилась в уголках его рта. Он ничего не ска-

зал, но выхватил веревку из рук Джесона и быстро завязал ее вокруг своей груди. Затем отойдя на несколько футов от дерева, к которому было привязано лассо, он крепко уцепился за веревку, обхватил ее ногами и начал легко спускаться в расщелину. Он чувствовал, что ему необходимо беречь каждый гран своих сил; напряжение было невероятное. Он думал о том, что был слишком груб с Джесоном, который ведь никогда не практиковался и был неопытен в таких делах; конечно, он не мог отважиться на это. Дэви весело крикнул ему:

— Все идет хорошо! Поглядывайте, чтобы петли лассо не распускались!

Голос Дэви понемногу становился слабее. Джесон смотрел вниз; он видел, что Брендон спустился уже футов на сто, цепляясь за каждый выступ и упираясь локтями в скалу. Тогда он отошел от края уступа к дереву, где была привязана веревка, и начал ее раскручивать по мере того, как она ослабевала. Несколько секунд он колебался. Он побледнел и даже задрожал. Затем подошел к узлу, который Брендон положил на землю, вынул из него небольшой топорик и затупил лезвие о скалу. После этого, опираясь на дерево, он начал легкими ударами бить по петле, стараясь не перерубить ее, а только измочалить. Через минуту, которая показалась ему вечностью, веревка почти перервалась под ударами топорика и оборвалась, соскользнув с утеса, как змея. Джесон бросился к утесу и посмотрел вниз, но ничего не смог разглядеть как следует. Ему показалось, что какая-то бесформенная масса свалилась в кусты и камни. Волнение его было так велико, что он хотел немедленно бежать с места преступления. Но, подумав, решил осмотреть оборванный конец веревки. Тщательно обследовав его, он пришел к заключению, что все в порядке и не может быть речи об убийстве. Оставшийся на дереве кусок лассо казался грубо перетерт, как бы оборван силой тяжести. Успокоившись, он отправился к лошадям и тотчас же поехал обратно.

Ночь застала Джесона на хребте гор; здесь он сделал привал. Спать он не мог и всю ночь сидел у костра. Ему мерещился образ Брендона, лежащего с перебитыми костями на дне расщелины. Чтобы отделаться от этого кошмарного образа, он выпил полбутылки коньяку из своей дорожной фляги. Спиртное его согрело и возврати-

ло ему самообладание. «Сделано удачно! — думал он. — Этот дурак дал себя провести. Я вне подозрений. Никто не сможет доказать, что я обрезал веревку. Теперь награда обеспечена. Я заставлю Деру дорого заплатить: тридцать тысяч долларов слишком мало за такую чистую работу. Она стоит дважды тридцать. Да, сейчас я могу выговорить более выгодные условия».

Рассветало. Джесон приготовил себе кофе и выпил его очень горячим. У него не было аппетита, его мучило желание как можно скорее выбраться из этих мест. Он беспощадно подхлестывал лошадь и ехал скорее, чем они ехали вдвоем с Бренденом. На следующий день к вечеру он добрался до чейенов, отдохнул здесь и поспешил в Джулесберг. Здесь в баре он рассказал о печальной участи Брендона. Под влиянием виски он обрисовал историю его смерти настолько убедительно, выставил Дэви таким героем, стараясь сам держаться в стороне, что ни у кого не возникло сомнений в правдивости рассказа. Он намекнул также, что сам боялся за исход этого опасного предприятия, но Брендон вызвался добровольно. Все симпатизировали рассказчику и старались оказать ему самое радушное гостеприимство.

Через четыре дня Джесон добрался до конечного пункта строящейся железной дороги. Здесь он сел в рабочий поезд, уходивший в Норз Платт, а лошадей поместил в вагон. Когда поезд пришел в город, он снова сел на лошадь и медленно поехал к главной конторе. Руби, выходящая в это время из «Унион Отеля», увидела его. Она бросилась было к нему, но тотчас же побежала назад к дверям и отсюда смотрела вслед Джесону. Он ехал один. На улице больше никого не было. Что-то сдавило ее горло. Она побледнела и оперлась на стену, чувствуя себя совершенно разбитой. Но, быстро овладев собой, она вышла на улицу и продолжала свой путь.

«Дело сделано, — говорила она себе, — а с ним будет сделано и остальное. Что для меня Брендон? Ничего! Но он стоял на нашем пути».

Она покраснела от охвативших ее чувств. Ставка была выиграна, Деру должен платить! Он в барышах. Она должна увезти Джесона отсюда на Восток. С ее сбережениями, о которых никто знать не мог, у них будет достаточно средств. Теперь она могла быть счастлива тем счастьем, о котором так долго мечтала и ради которого

готова была продать душу хоть дьяволу. Джесон теперь принадлежит ей. При этой мысли она вздрогнула. Она жаждала его, им полно было все ее существо. Она овладела своими чувствами и оценила положение: заплачено слишком дорогой и страшной ценой, но ставка того стоила.

Она быстро побежала по улице и вошла в «Арабские ночи». Как она и предполагала, Деру находился здесь с кучкой своих приспешников. Она подмигнула ему и прошла в другую комнату. Он тотчас же последовал за ней.

— Он приехал! — сказала она коротко.

— Один?

— Один.

Деру тотчас оставил ее, вышел из бара и направился прямо в главную контору. Когда он вошел, Джесон рассказывал о случившемся Маршу. Лицо главного интенданта было печально.

— Услыхал сейчас, что вы приехали, — сказал Деру. — А где же Брендон?

— Я только что рассказал мистеру Маршу, — говорил Джесон. — Брендон погиб! Я потом вам все расскажу.

— Скверно! — сказал Деру. — Такой прекрасный юноша! И вы, конечно, прохода не нашли?

— Там нет прохода! — ответил Джесон. — Я теперь уверен в этом. Это абсолютно недоступные места для железной дороги!

— Да, но для меня теперь не важен проход, — говорил Марш печально. — У меня из головы не выходит лицо этого мальчика. Несколько лет назад я смотрел на него как на сына. Когда он появился здесь, это чувство опять пробудилось во мне. Я ругаю себя... Если бы я не послал его, этого не случилось бы. Я не знаю, как сказать об этом Мэри. Это убьет ее! Ну, что поделаешь: что случилось, то случилось. Мы с вами, мистер Деру, увидимся завтра. Контору мы немедленно перенесем. Поезд будет готов утром.

Глава XX

«АД НА КОЛЕСАХ»

На следующий день городок Норз Платт забился в лихорадке; судьба его была решена: он должен был передвигаться на новое место. Правда, часть его, которая оставалась на месте, не умирала окончательно, как умирали другие поселения, выраставшие по мере постройки дороги, но ей суждено оставаться темной, бедной и молчаливой...

Несколько дней подряд городок представлял собой настоящий сумасшедший дом. Пять тысяч человек со всех их живым и мертвым инвентарем нужно было перевести в Джулесберг. Пятнадцать тысяч тонн железнодорожного оборудования были свалены в кучу для погрузки. Тысяча погонщиков мулов и столько же телег должны были двигаться к западу. Город бурлил от возбуждения. Шум, крики, беготня людей — все это говорило о последних конвульсиях Норз Платта. Дома рушились и падали на землю, связывались веревками в тюки, брезенты скатывались в свертки, и все это бросалось на платформы. Вереницы людей, среди которых было много негров, переваливаясь, тянулись к трассе с разными товарами, столами, конторками, кассами, бочками, трактирными стойками, стульями и другими предметами хозяйства и торговли.

Погонщики мулов работали в настоящей каше людей и товаров; здесь все перемешалось: торговцы, авантюристы, бродячие адвокаты, конторщики, священники, банковские служащие, солдаты, игроки, индейцы, мексиканцы, разодетые женщины. Вся эта пестрая толпа волновалась, точно охваченная лихорадкой, в страстном желании как можно скорее выехать из Норз Платта в Джулесберг.

С платформы своего вагона Мэри наблюдала одну из любопытнейших картин: население целого города было на ногах и лишилось своего жилья. Хотя она была печально настроена, но вид этой точно вихрем или потоком гонимой толпы заинтересовал ее. Она увидела вдали приближающийся обоз Холлера с мужчинами, женщинами, товарами, скарбом, с запряженными лошадьми и мулами, который двигался под непрерывное рычание

хозяина. Справа от обоза двигались телеги исключительно с тяжелыми бочками и ящиками. Целый поезд платформ ожидал это имущество Холлера с его штатом. Мэри видела, как началась его погрузка, и тут только она поняла, почему все это холлеровское предприятие называлось «Ад на колесах».

На платформе была временно установлена стойка для удобства всех желающих выпить в дороге, и тут же стояли четверо барменов, не перестававших работать стаканами и бутылками. На другой платформе жужжала и вертелась рулетка, окруженная игроками, а на третьей, крытой тентом, шла игра в покер.

Созерцание этой картины в конце концов наскучило Мэри; она ушла в свою комнату и легла в постель. Слезы потекли из ее глаз; она не пыталась их остановить. Она не хотела обманывать себя и понимала, что теперь уже поздно... Она любила Дэви. Лицо Дэви, в котором так четко отражались чистота и благородство его сердца, точно в тумане вырисовывалось перед ней. Она почувствовала на своей руке его сильное и мягкое рукопожатие, и отдаленным эхом ей прозвучал его голос. Она увидела его мягкую улыбку с легкими складками в уголках рта. Так она долго лежала, прижавшись к подушке, и ее тело вздрагивало от рыданий. Наконец она поднялась, отерла слезы и пошла разыскивать отца...

Она не заметила, как поезд тронулся, как он прошел почти половину пути до Джулесберга, вспугивая безмолвие прерии шумом и свистками. Впереди их поезда двигалась вереница поездов с шумной ордой переселенцев под охраной солдат.

Вечером они прибыли в Джулесберг, где снова повторилась сцена усиленных хлопот, шума и беготни. Новый город, точно под влиянием волшебства, быстро возрождался к жизни. Двадцать четыре часа тому назад здесь находилась только горстка людей, а через три недели это был уже город с населением в 4000 человек. Мэри наблюдала сумасшедшую давку, когда поезд прибыл и масса народа бросилась из него по улицам, утопая по щиколотку в пыли. Она была поражена той быстротой, с какой на ее глазах поднимались остовы зданий и обтягивались брезентом. Целая армия людей, точно муравьи, копошилась, поднимаясь по лестницам, карабкаясь по деревянным планкам, заколачивая гвозди, укрепляя вы-

вески и натягивая брезент. Это была какая-то неистовая работа; жизнь всюду кипела ключом среди смеха, ругани, револьверных выстрелов и дружных аплодисментов.

Марш вошел в комнату Мэри, когда она стояла у окна. Он неслышно подошел к ней и, не говоря ни слова, положил руку ей на плечо. Она взяла его руку в свои, посмотрела на него, и слезы снова показались на ее глазах. Он прижал ее к себе и сказал:

— Еще час до темноты. Не хочешь ли пройтись немножко со мной. Это развлечет тебя. Я хочу посмотреть, какое помещение предоставили мне под офис.

Мэри кивнула головой, радуясь прогулке и надеясь хоть ненадолго забыть свое горе. Когда они вышли из вагона, отец, стараясь развлечь ее, обращал ее внимание на ту или другую вывеску.

— Тихоокеанский Союз положил начало новому городу, — говорил он, — и, если бы не прилагали некоторых забот, он стал бы собственностью игроков и разбойников. Это место, пожалуй, станет еще хуже, чем Норз Платт. Я замечаяю, что каждый нарождающийся город бывает хуже только что оставленного, как будто человеческая жизнь становится все дешевле и дешевле. Мне кажется, пора положить конец наплыву сюда всякого сброда.

Улицы были заполнены веселой толпой; там и сям виднелись группы людей, отчаянно торговавшихся из-за мест. Ценность земли моментально поднялась на головокружительную высоту: два дня назад участок стоил 200 долларов, а сегодня за него уже просили две тысячи, и эти деньги платили, не торгуясь. Казалось, у всех была масса денег. Мэри заметила отцу, что она никогда еще не видала столько бриллиантовых запонок на рубашках и золотых цепочек, как здесь.

— Сейчас время наживы, — ответил Марш. — Все делают деньги, которые легко приходят, легко и уходят. Те, кто выставляет напоказ свои драгоценности, большей частью конторщики, мелкие торговцы и железнодорожники. Все они хорошо зарабатывают.

Было тихо. Над лицами нависли облака пыли. На всем лежала серая пыль. В разных местах валялись груды железнодорожного имущества, ожидавшего складирования. Повсюду воздвигались здания для складов, баров, игорных домов, гостиниц и столовых. Марш показал Мэри на обширный переносный склад братьев Кеземент,

который содержал в себе, помимо складов, и столовую, и спальни для штаба генерала Кеземента. Это было удивительно интересное сборно-разборное здание из тонких досок, листового железа и брезента. Все это разбиралось на части, нумеровалось и складывалось подобно игрушечному домику из шашек.

Отец с дочерью дошли до главной конторы. Марш осмотрел помещение и отдал несколько распоряжений. Он решил поужинать в отеле Джулесберг. Этот отель увеличился пристройкой к нему одного крыла. Мэри была удивлена богатством и разнообразием предложенных им блюд. В печатной карточке меню значились разнообразные супы, овощи, всевозможная дичь, фрукты, печенье и вина — и все это за три доллара.

Марш показал Мэри всех местных знаменитостей, некоторых из них она уже знала раньше.

Здесь был Буфало Билл, Коди, который, увидав Марша, тотчас же подошел к его столу и поздоровался.

«Маленький генерал», как Мэри всегда называла Джека Кеземента, также присоединился к ним с братом Дэном, очень спокойным человеком с тихой улыбкой. Генерал весь кипел от ярости.

— Мы должны дать урок этим негодьям, черт возьми! — говорил он Маршу. — Подумайте — два убийства уже совершены. Город не насчитывает и 24 часов существования, и уже две человеческих жертвы! Нет, я не допущу!.. Мы сегодня осудили нескольких стрелков, — продолжал он, — которые были нами схвачены. Веревки для них готовы и висят на дереве. Конечно, вешать мы не собираемся, но постращаем, чтобы вперед боялись. Мои ребята поймали также Длинную Ящерицу, который замешан в последнем грабеже. Он сдался без борьбы, позеленевший от страха...

«Мы даем вам пятнадцать минут, чтобы выбраться из города», — заявил я ему.

«Джентльмены, — ответил он обрадованно, — я очень вам благодарен. Если только мой проклятый мул налицо, я ограничусь даже пятью минутами!»

Мэри с отцом не спеша возвращались из отеля. Темнело. Жизнь в городке замирала; прохожие торопились домой, не чувствуя себя в безопасности в этом диком городе. В барах и танцевальных залах шло веселье, оттуда неслись шум и крики, вырывавшиеся в пустынные

улицы. Топот тяжелых сапог, брань и возгласы полупьяных людей, громкая музыка оркестров наполняли слабо освещенные улицы хаосом диких звуков.

Марш с дочерью вошли в вагон. Негр Тоб явился в комнату Мэри, чтобы зажечь огонь, но она попросила его сделать это попозже.

— Отец, — сказала девушка, — я не в силах не говорить о Дэви... Скажите, вы думаете, что он еще жив? Уверен ли Питер в его смерти?

— Безусловно! У него нет в этом ни малейшего сомнения. Он нарисовал эту картину очень ярко. Подумай, Дэви упал в пропасть с высоты около 100 футов, когда оборвалось лассо. Он не мог остаться невредимым после такого падения. Дно пропасти — сплошная груда камней, результат действия вулканических сил. По словам Джесона, перед ними была пропасть, которая преграждала им путь, и Дэви сделал попытку спуститься с одной ее стороны, чтобы посмотреть, что находится впереди. Джесон возражал против этой затеи. Для него было ясно, что местность — совершенно неподходящая для намеченной цели. Но Дэви настаивал, и он в конце концов уступил.

— Я не могу больше говорить об этом, — сказала Мэри. — Это меня убивает, отец, я чувствую, что на сердце у меня точно камень. — Она прижалась щекой к лицу отца; они долго сидели, охваченные глубокой печалью.

— Я полюбила его, отец, — прервала Мэри молчание, — в тот момент, когда он взглянул мне в глаза. Я сразу почувствовала это, но сначала пыталась обмануть себя. Думаю, что и он понял это чувство. Он любил меня, я чувствую это. Я думала, что найду силы вырвать образ Дэви из своего сердца. Но теперь я понимаю, что не в состоянии это сделать. Я хочу порвать с Джесоном. Как ты думаешь, отец, правильно я поступлю?

— Ничего другого ты и не могла бы сделать, — сказал Марш, тронутый откровенностью дочери. В глубине души в этот момент он желал только одного: как-нибудь утешить и успокоить ее. Ее горе очень его тревожило. — Любя Дэви, — продолжал он, — ты, конечно, не могла бы выйти замуж за Джесона. Это было бы недостойным поступком. Ты должна всегда следовать влечению сердца. Еще в то время, как мы жили в Спрингфильде, мне казалось, что вы с Дэви созданы друг для друга.

Мэри положила голову на плечо отца и тихо заплакала. Он гладил ее и утешал отрывочными фразами, сам глубоко потрясенный горем девушки. Он обвинял себя за то, что своими рассказами оживил печальные воспоминания. Она, видимо, поняла его мысли:

— Это хорошо, отец; у меня нет ведь никого на свете, кроме тебя, чтобы выплакать свое горе. Слезы облегчают мне душу. Только я не могу примириться с мыслью, что никогда больше не увижу его. Все это кажется мне кошмарным сном. Я не могу убедить себя, что он умер! Нет, отец, мое сердце чувствует, что он не умер! Я знаю: может быть, это безумие...

— Мэри, с моей стороны было бы жестокостью отнимать у тебя всякую надежду, — ответил ласково Марш, — но лучше все-таки приготовиться к самому худшему, чем мучить себя несбыточной надеждой. Ты, может быть, думаешь иначе. Время излечит раны: ведь твое юное сердечко не то, что сердце старика.

Они поговорили еще некоторое время. Потом Мэри поцеловала отца и повернулась, чтобы выйти из комнаты. Она дошла до порога и посмотрела на отца с какой-то особенной доверчивостью и нежностью; этот взгляд болью отозвался в сердце Марша.

— Благодарю тебя, отец, — сказала Мэри остановившись, — ты очень помог мне. Но мне все-таки кажется, что Дэви жив. Как бы мне узнать это наверняка!

Марш не ответил ни слова.

Глава XXI

МЭРИ И ДЖЕСОН

Генерал Додж — инженерный гений дороги — приехал в Джулесберг в июле, когда трасса достигла Лодж Пола, отстоящего в 25 милях от новой «столицы». Генерал-майору Доджу военному тактику, грозе индейцев, пришлось сделаться великим железнодорожным инженером Америки.

С юношеских лет он носился по горам и равнинам, планируя трассу для железнодорожной линии. С этой целью он прошел по следам Бриджера, Керсона, Стивенса и по старинным тропам, протоптанным краснокожи-

ми. Среднего роста, сухощавый, с военной выправкой, с острыми глазами, бородатый — он весь был авторитет и решительность.

Он хмуро выслушал сообщение Марша о неудаче экспедиции Джесона, о недовольстве рабочих, о задержке в доставке крайне необходимого скота. Слушал внимательно, изредка задавая вопросы. Для него стало ясно, что положение сложилось довольно тяжелое.

— Мне трудно поверить, что нельзя найти проход через Блэк Хилл, Марш, — сказал он наконец. — В 1865 году я прошел здесь в нескольких направлениях и не закончил обследования только потому, что моему маленькому отряду стало чересчур жарко от нападений сиу. Но еще тогда у меня возникла уверенность, что проход тут возможен, и в этой уверенности нет ничего, что противоречило бы вашему сообщению. Скажите, они надежные люди?

— Да, самые надежные. Каждое сообщение строго проконтролировано. Все говорят, что заключение сделано правильно. Вот карты и цифры; посмотрите!

— На что главным образом жалуются рабочие?

— На недостаток мяса и на задержку заработной платы, — отвечал Марш. — Они днем и ночью мечтают о мясе. Мясо необходимо им при тяжелой работе.

— Хорошо, мы поговорим с ними. Теперь нам необходимо решить вопрос о дороге. Каково же ваше мнение?

— У нас нет выбора! — сказал Марш. — Есть только направление на Смок Ривер: сто миль в сторону от линии или двести миль от старой колесной дороги. Конечно, это обойдется в миллион или около этого. Деру сделал очень выгодное предложение.

— Пошлите за ним!

В то время как генерал обдумывал свое решение в главном офисе, рабочие напрягали все силы, укладывая рельсы и поддерживая в движении поезда.

Утомившись, Пат сел на платформу, свесил ноги и стал набивать свою глиняную трубку. Только что он хотел закурить, как его глаза впились в пространство. Те, кто смотрел на него, могли заметить, как трубка вдруг выпала у него из его задрожавших рук и сам он точно одеревенел, выпучив глаза. Можно было подумать, что ему явилось привидение: губы его зашептали старинное заклинание.

Прямо к железнодорожной линии направлялся высокий человек с поднятой головой и веселым видом. Гром-

кий крик «Здравствуйте!», подхваченный ветром, оторвал костыльщиков от работы. Кезей спрыгнул с платформы и бросился вперед. На его лице было выражение изумления и страха. Он пытался крикнуть, но язык его не поворачивался. Кое-как он выдавил из себя наконец несколько нечленораздельных звуков, в то время как среди рабочих раздались радостные восклицания.

— Боже мой?! Да это Дэви! Ведь вы были убиты!

Он схватил Брендона, ощупал его и, отодвинув от себя, впери́л в него пристальный, как бы изучающий взгляд.

— Да, Пат, это я! — сказал Дэви. — Я уже был на полпути к могиле, но добрый ангел вовремя подсунул под меня дерево. И вот я здесь! Потом я расскажу вам все подробно. А теперь мне некогда, Пат. Я принес важные новости!

Он бросил кругом удивленный взгляд.

— Что это значит, Пат. Вы начинаете работу к югу от старой линии?

— Мы на головном участке к Смоки Ривер, — сказал Пат. — Главный интендант отдал приказ нынче утром; пришлось изменить направление. «Мистер Кезей, — говорил он мне, — проект как следует разработан, но мы не должны тратить попусту время. Генерал Додж одобрил. Я возлагаю дело целиком на вас, мистер Кезей», — сказал он.

— Но... я ничего не понимаю! — взволнованно промолвил Брендон. — Ведь мистер Джесон вернулся?

— Да, но с неутешительными вестями! Я не выношу вида этого человека. Он вернулся с сообщением, что прохода в горах нет. Главный интендант выслушал его с таким видом, как будто лишился лучшего своего друга. Ему ничего не оставалось, как повернуть трассу на юг!

При этом известии Брендона передернуло. Наблюдательный Кезей заметил, что его глаза загорелись гневом, губы сжались и весь он напрягся как пружина.

— Я знаю... Чую мышь по запаху! — сказал Пат. — Что вас беспокоит, паренек?

— Джесон — лжец! Больше, чем лжец! — выпалил Дэви. — Проход есть! Я сразу нашел его и подвел к нему Джесона. Мы поднялись на вершину хребта. Чтобы испытать прочность скалы, я решил спуститься на большую глубину. К несчастью, веревка оборвалась, и, если

бы я не попал на растущее в расщелине дерево, я разбился бы в лепешку!

— Веревка оборвалась? — спросил Пат.

— По-видимому, так, — сказал Брендон. — Но, Пат, я должен спешить в город. Есть у вас вагон под руками?

— Ни одного! Зато у нас есть чудесная дрезина, — с живостью сказал Пат. — Мы с сержантом мигом домчим вас.

Сев на дрезину, они развили такую невероятную скорость, что через полтора часа оказались в Джулесберге. Спрыгнув с дрезины, Брендон бегом помчался в главный офис. Его появление произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Генерал Додж, Марш, Джесон и Деру сидели за столом и рассматривали карту. При входе Дэви они обернулись и на минуту замерли от изумления. Генерал стоял неподвижно, ничего не понимая. Марш первый бросился к Дэви с распростертыми объятиями и крепко прижал его к себе, как сына. Лицо Деру побелело, в глазах светилась сумасшедшая ярость. Джесон стоял понурившись, без кровинки в лице.

Дэви поклонился, засунул руку за борт своей бизоньей куртки и, вынув свернутый лист, положил его на стол.

— Здесь вы найдете ваш проход, мистер Марш. Это мой грубый полевой набросок.

Генерал Додж нервно развернул, быстро пробежал его глазами и, повернувшись к Маршу, сказал:

— Совершенно верно! Это как раз то самое место, где, как я был уверен, есть проход. Молодой человек, — обратился он к Дэви, — вы оказали нам неоценимую услугу, и верьте, мы не останемся в долгу! Но возникают несколько вопросов, которые необходимо выяснить. Мистер Джесон, вы были вместе с этим молодым человеком? Вернувшись, вы уверенно сообщили, что прохода не существует. Значит ли это, что открытие прохода было сделано после вашего отъезда, когда вы сочли Брендона погибшим?

— Это значит, — заявил тихо, с дрожью в голосе Брендон, — что мистер Джесон лжец, мерзавец и предатель!

Джесон подскочил к Брендону, намереваясь ударить его. Но Марш схватил Джесона за руку. Дэви пришел в ярость.

— Позвольте! — крикнул Додж. — Объясните!

— Он — лживый пес, — кричал Джесон. — Он знает, что прохода нет, и хочет унижить меня в ваших глазах. У него есть на это свои причины, у этого негодяя!

— Мистер Джесон прав, — вступился Деру. — Здесь нет прохода. Этот парень — шантажист. Он лжет ради собственной выгоды.

— Пожалуйста, замолчите или покиньте офис! — резко сказал генерал.

— Я говорю правду, — сказал Дэви. — Я привел этого мерзавца к проходу. Он трусил и не решился сам обследовать скалу. Я вынужден был спуститься один. Лассо оборвалось... быть может, оборвалось. Это какой-то странный случай с обрывом лассо, мистер Джесон. С трудом выкарабкавшись из ущелья, я осмотрел веревку. На ребре скалы не было ничего, что могло бы перетереть веревку да еще за такое короткое время. Что же еще?.. Да... Я нашел свой топорик там, где вы его оставили. Для чего он был вынут из моего багажа?

— Продолжайте, — нахмурившись, сказал генерал.

— Я упал, а этот трус немедленно сбежал, — продолжал Дэви. — Он думал, что я разбился. Но случилось чудо. Счастливым случаем, быть может, один на миллион, спас меня. Веревка, по-видимому, не сразу оборвалась, а расползлась постепенно, и, когда последняя прядь лопнула, я успел схватиться за вершину дерева. Если это была случайность, то я не понимаю, почему он не обследовал прохода?

— Вы уверены в проходе? — твердо спросил Додж. — Вы не могли ошибиться?

— никоим образом! У меня была твердая уверенность в существовании прохода, полученная в наследство от отца пятнадцать лет тому назад. А мой отец был хороший землемер. Он знал дело!

— Хорошо, — сказал Додж. — Дело ясное. Мистер Джесон, Тихоокеанский Союз не нуждается больше в ваших услугах. Мистер Брендон, если вы будете преследовать его, — он показал на Джесона, — за покушение на убийство, мы поддержим вас!

— Сомневаюсь, чтобы это можно было доказать, — сказал Дэви, — но я не упущу эту крысу из вида!

— Что касается вас, мистер Деру, — продолжал Додж, — то сговор между Джесоном и вами у меня не вызывает сомнений. Я должен вам сказать, что Тихооке-

анская дорога не прорежет и сотни миль ваших владений! Нам не о чем больше говорить! До свидания, сэр!

— Не будьте так самоуверенны, — вызывающе ответил Деру. — Вы и ваша проклятая дорога еще поклонитесь мне, будете молить о моей помощи. И дорого заплатите! Не забывайте, что перед вами не солдат, которым вы можете командовать. Я объеду весь этот район и подниму против вас и вашей дороги целый ад!

— Или вы немедленно уберетесь отсюда, — резко и твердо сказал Додж, — или я попросту вышвырну вас в окно!

Деру с высокомерным видом вышел из офиса. За ним последовал и Джесон.

— Через час я увижу вас у Холлера, — на ходу сказал Джесон своему патрону.

— Будь я проклят, если еще не повидаяю вас! — прорычал Деру. — Хорошее вы дельце сработали. Оно вам дорого обойдется!

— Вы возбуждены! — ответил Джесон.

Деру презрительно плюнул и вышел на улицу. Джесон направился прямо в свой вагон. Голова его кружилась от вихря мыслей и планов. Что теперь предпринять? Дело со Смоки Ривер провалилось. Руби? Но ему не нужна жена без денег. Брак с Руби невозможен. Мэри? После того, что случилось в конторе, мог ли он заставить ее поверить ему? Кроме того, она слишком предана отцу. Но он еще верил, что может завоевать ее симпатию. Это стоило того, чтобы попытаться. Он прямо направился к ней и, точно обессиленный, упал в кресло. Она увидела его бледное и вытянутое лицо.

— Что с вами, Питер? — спросила она.

— Я в страшном затруднении и пришел к вам за помощью. Брендон возвратился. Да, он жив и совершенно здоров.

Она вскочила с кресла, приложив руку к сердцу. Кровь залила краской ее лицо; из глаз ее потекли слезы радости. Джесон понял в эту минуту, что Мариам Марш была не для него и никогда не будет его. Но в ней была теперь для него единственная надежда выбраться из опасного положения, в котором он очутился.

— Да, Мэри, он вернулся и обвиняет меня в попытке убить его. Он всегда ненавидел меня. Вероятно, он верит в то, что говорит, но это неправда! Это простая случай-

ность. Я был уверен, что он погиб. И теперь все они против меня: и Додж, и ваш отец.

— Что вы хотите сказать, Питер? — с живостью заговорила Мэри. Радость от сознания, что Дэви жив, мешала ей внимательно слушать Джесона, и она смутно воспринимала его слова.

— Брендон уверяет, что я в некотором роде ответствен за эту случайность, что будто бы я обрезал веревку, когда он спускался с утеса. Но, Мэри, у него нет никаких доказательств. Вы знаете меня. Скажите, неужели я способен на такое подлое дело? Он был глуп, что решился спуститься. Я останавливал его. Веревка перетерлась и оборвалась. Скажите же: верите вы мне или нет?

В Мэри шла борьба чувств. Дэви жив! Но это ужасное обвинение! Джесон — убийца! Человек, которого она любила, в которого верила... Дэви ошибся. Он не может думать так. Ведь она знает Джесона несколько лет. Она должна быть беспристрастной. Рассудок ее, а не сердце, должен решить это дело...

Видя эту внутреннюю борьбу Мэри, Джесон быстро использовал положение. Он продолжал:

— Мэри, вы знаете, что это значит для нас с вами? У Брендона есть основания ненавидеть меня. У него есть цель, потому что он с ума сходит по вас. Это все знают. Вы будете замешаны в этом деле, в этой грубой ссоре. Конечно, преследовать меня всюду — для людей типа Брендона это значения не имеет. Они всегда готовы на это. Но вы-то разве можете это перенести? Вы должны быть избавлены от таких дрызг, пусть уж я один подвергнусь неприятностям. Моя первая мысль была о вас!

Сильно смущенная, Мэри задумалась, пытаюсь уловить правду в словах жениха. «Дэви ненавидит Джесона, — думала она, — а почему — это мне подсказывает сердце».

— Скажите только, Мэри, — продолжал Джесон, — верите вы мне?

— Питер, я верю, что вы не хотели сделать зла Дэви Брендону. Это была простая случайность. Тут какая-то ошибка. Я знаю: Дэви вспыльчив. Вы ему не нравитесь. Все это понятно. Но если он и обвиняет вас, то без всякого умысла. Он слишком честен для этого. Неудача попытки найти проход, вероятно, потрясла его: ведь проход — его заветная мечта...

Мэри остановилась на минуту в задумчивости, затем продолжала:

— Но, Питер, проход... Вы сообщили, что он не существует. Неужели это правда?

— Клянусь честью — правда, — горячо и уверенно сказал Джесон. — Брендон не инженер. Он попал в узкий проход, через который нельзя проложить дорогу, и решил, что это ворота. Но я сразу увидел невозможность этого; дорога не может подняться на такую высоту.

— Ну, это будет проверено, — сказала Мэри. — Когда они произведут обследование, они увидят, в чем ошибка Дэви. Все они страшно возмущены, Питер! Ведь они же люди! В конце концов вы ничего не потеряете. Дэви, конечно, будет страшно разочарован, но помочь этому нельзя!

— Я не хочу огорчать его, — говорил Джесон, — но этого трудно будет избежать.

— Вам нечего беспокоиться об этом, — говорила Мэри. — Вы должны идти своей дорогой!

— Да, я последую вашему совету, — ответил Джесон. — Какая вы удивительная, Мэри! Вы не пожалеете о том, что верите в меня!

Вместе с ним она вышла на платформу вагона, взволнованная и смущенная, стараясь заставить себя верить своему жениху. Джесон уже спустился с платформы и стоял, держась за поручни. В это время из-за угла вагона показался Брендон и увидел интимно разговаривавшую пару. Кровь бросилась ему в голову, и он потерял над собой власть. В этот момент он был слеп ко всему, кроме ненавистной физиономии Джесона. Его охватило чувство, близкое к сумасшествию. Мэри, взглянув в его глаза, крикнула. Но ничто не могло остановить его: как тигр подскочил он к Джесону и ударил его так сильно, что тот повалился на землю. Дэви остановился над ним, скрипя зубами и сжав кулак, чтобы еще раз ударить его. Но Мэри моментально стала между ними. Никогда в жизни не была она возмущена так, как при виде этой дикой сцены.

— Вы подлец! — крикнула она Дэви. — Мистер Джесон прав! Не говорите мне ни слова; я не нуждаюсь в этом. Вы — животное!

Джесон медленно поднялся на ноги, отирая рукой окровавленные губы. Дэви отступил назад и беспомощно

опустил руки. Его глаза еще сверкали праведным гневом. Лицо его было белее снега.

— Я виноват, что ударил этого негодяя, — сказал он холодно, — но думаю, что сделаю это еще не раз! Я не стану смущать вас, Мариам, своим присутствием!

Гнев снова овладел им и он продолжал:

— Я вижу теперь, что вы такого сорта девушка, которая предпочитает Джесонов!

Мэри отвернулась от него. Он стал ей ненавистен. Она взяла под руку Джесона и нежно спросила его:

— Он сделал вам больно, Питер?

Брендон взглянул на них, горько усмехнулся и, повернувшись, быстро направился к городу.

Глава XXII

ЧЕСТНОЕ СЛОВО БРЕНДОНА

Деру не привык к неудачам. До безрассудства щедрый к людям, которые оказывали ему услуги, он был страшно нетерпим к тем, кто расстраивал его планы. Было у этого владыки прерий даже в подлости что-то напоминающее средневекового барона по широте размаха.

Он сидел за столом в зале Холлера, выпивая стакан за стаканом из своих личных запасов. Около него сидели его подручные — Ньюсен Кид, техасец Джек, Генри Торнтон и гибкий, стройный чистокровный испанец дон Филипп Гонзалес, который, несмотря на великосветскую наружность и женственное лицо, был удивительно искусным бойцом на ножах, известным от Платта до Рио-Гранде. Деру говорил, не допуская, чтобы его прерывали:

— Сегодня ночью мы оставим эту нору. Вы, Кид, позаботьтесь, чтобы лошади были готовы для дороги. Но до отъезда вы все мне будете очень нужны... Этот мерзавец Брендон... Теперь слушайте: я не потерплю, чтобы разрушали мои планы. Я буду здесь за столом в 9 вечера. Один или с этим хорьком Джесоном, еще не знаю. Вы, Кид, явитесь сюда в десять минут десятого, подойдете прямо к буфету. Там и стойте. Вы, Генри, придете на две-три минуты позднее. Займите место где-нибудь поблизости у стола, откуда вы сможете следить за

дверью. Вы, Джек, станете рядом с накрытым столиком. Тогда появьтесь вы, дон Филипп. Мне нужно, чтобы вы все вернулись тут неподалеку и находились у меня под рукой... Важно показать, что все вы пришли в разное время и что у вас на уме ничего общего не было. Около половины девятого сюда придет Брендон. Я увижу его. Моя цель проста: нужно, чтобы Джесон застрелил Брендона, если только у него хватит смелости. Он может поколебаться, когда дойдет до дела, потому что он — желторотый птенец.

— Что касается меня, мистер Деру, то это убийство доставит мне только удовольствие, — заметил Филипп Гонзалес.

— Я уже обдумал, что вам всем следует делать, — улыбнулся Деру. — Если Джесон не выдержит характера, вы, ребята, должны стоять здесь, и кто-нибудь из вас затеет ссору с Бренденом. Он, дьявол, чертовски вспыльчив и у него есть зуд подраться. Делайте все это как можно умнее, с таким расчетом, чтобы ссору начали не вы, а Брендон. Я не думаю, чтобы он ловко и быстро владел оружием, и, конечно, было бы лучше, если бы он связался с доном Филиппом на ножах. Трое из вас на всякий случай должны стоять поблизости к охранникам Холлера, чтобы задержать их в нужный момент. Я думаю — все ясно?

Все кивнули в знак согласия.

— Ну, хорошо, — сказал Деру. — На первом месте Джесон. Если он убьет Брендона, они его, конечно, повесят, чему я буду только рад. Если он струсит, один из вас должен пригвоздить Брендона, но помните — в самозащите. Не попадите впросак!

После этого он заказал друзьям выпивку и отпустил их с видом повелителя.

В этот момент в зал вошел Джесон. Он тотчас направился к Деру. Француз поразил его своей любезностью столь же сердечной, как и в прежнее время.

— Прекрасно, прекрасно, мой друг! Дьявольски не повезло нам! Я был страшно зол после обеда, но эта злость для вас, конечно, непонятна. Знаете, в этой игре я поставил на карту очень крупную ставку, мой друг! И разочарование для меня оказалось слишком горько. Если я ненароком обидел вас, прошу извинить. И имейте в виду, что Деру редко извиняется!

— Я понимаю вас, — с облегчением сказал Джесон. — Как вы сказали, нам дьявольски не повезло. Брендон наверняка должен был погибнуть. Только чудо спасло его, и я не понимаю, почему вы меня считаете ответственным за неудачу.

— Вам просто-напросто не везет!.. — сказал Деру, думая про себя что в его мире — мире Деру — нет места для неудачников. Плюнем на это дело. Но мы не должны забывать о Брендоне. Имейте в виду, что он может доставить вам массу неприятностей. Кроме того, мой друг, он подверг вас публичному унижению. Рабочие верят ему, и ваше пребывание здесь совершенно немыслимо.

— Будь он проклят, — злобно выругался Джесон. — Жаль, что я не убил его!

— Это еще не поздно сделать! — заметил Деру. — Он будет сегодня здесь. Мои люди тоже придут сюда, готовые точно выполнить, что им приказано! Если Брендон поднимет на вас руку, стреляйте в него! Убейте его, как собаку! Ни одно оружие не будет на вас направлено, ни одна рука не поднимется, — я об этом позабочусь.

— Я боюсь промахнуться: я не стрелок. Конечно, я могу стрелять, но у меня нет той расторопности в этом деле, какой обладают западные молодчики.

— Зачем она вам? — равнодушно сказал Деру. — Я покажу вам, мой друг, маленький фокус. В моей жизни было два случая, когда я, пользуясь этим фокусом, прикончил людей куда как более расторопных, чем я. Когда вы придете домой, возьмите острый нож и срежьте низ вашей револьверной кобуры. Если Брендон начнет угрожать вам, станьте рядом с ним и раздражьте его чем-нибудь. Чтобы вытащить револьвер из кобуры, ему потребуется время. А вы просто суньте вперед кобуру и стреляйте! Ничего нет легче!

— Это дьявольски остроумно! — с живостью сказал Джесон. — Но, Деру, мисс Марш тут против меня: я дал ей слово, что не стану связываться с Брендоном. Конечно, я не отец ей...

— Мистер Джесон, — сказал Деру, — извините меня за откровенность, но ваши доводы просто наивны. Ведь мисс Марш не знает настоящей правды, у нее пока только намек на правду. Подобно всем женщинам, которые верят в человека, она сейчас колеблется — не ошиблась ли. Вы видите, я совершенно откровенен с вами. Защищая вас,

она защищала свое собственное решение. Кроме того, эту историю она слышала только в офисе и от вас. Вы, конечно, как и следовало, сыграли на ее симпатии и лояльности к вам, что больше всего действует на женщин. Теперь представьте себе, что может случиться: от отца или от Брендона, или наконец от кого-либо другого она узнает всю правду, настоящую правду. Представьте также себе, что через десять дней подтвердится существование прохода. Конец веревки, которую он оставил, будет найден у самого прохода, существование которого вы отрицали. Что тогда? Они узнают, что вы солгали. И еще скажу — вы извините меня — я представляю себе положение молодой прелестной девушки. Узнав, что вы лжец, она будет совершенно убеждена, что вы и убийца. Согласитесь, что моя логика непоколебима!

Джесон морщился, слушая ядовитые речи Деру, и в знак согласия кивал головой.

— Да, вы правы! Я был большим дураком, предполагая, что смогу выпутаться из этого дела. Черт знает, что это случилось со мной, что я не подумал об этом как следует!

— Но это прошлое, — продолжал Деру. — Будем говорить о настоящем. Если вы точно последуете моему совету, вы отделаетесь от Брендона и от угрозы тюрьмы.

Джесона передернуло.

— Хорошо! Я вечером приду сюда, — решительно сказал он. — В какое время?

— В девять или чуть раньше.

Оставив Деру, Джесон пошел к дому, где оставался его слуга-негр.

Кезей в компании с Шульцем, Слаттери и О'Бриеном следовал за ним. Кезей шел, бросая на Джесона полный ненависти взгляд.

— Проклятые ублюдки, — бормотал про себя Джесон, — наверное, слухи за это время уже успели облететь весь город. Любопытно, как относятся к ним эти ирландские оборванцы.

Если бы Кезей услышал высказывания Джесона, он не остановился бы перед тем, чтобы принести в жертву свои служебные обязанности, лишь бы доставить себе удовольствие расправиться с инженером. Компания торопилась: Пат сообщил, что десять минут тому назад он расстался с Дэви, который изрядно нагружился в кабачке

«Король Холмов», был в мрачном настроении духа и неохотно разговаривал. По словам Пата, между ними произошел следующий разговор:

— Я удивляюсь вам, дружище, — говорил ему Пат, — ведь это не тот крепкий напиток, какой вы могли бы пить сегодня вечером с мисс Мариам, безумно счастливой, что вы возвратились невредимым из страны теней.

— Мисс Мариам теперь для меня ничто, Пат, — отвечал Дэви, — и я для нее ничто. Она ясно дала мне понять, кому она предпочитает верить. Не будем говорить об этом. Уходите отсюда и оставьте меня одного!

— Дэви, — сказал Пат, — вы молоды. Поверьте мне, старику, ведь я гожусь вам в отцы. То, что произошло у вас с Мэри, простая размолвка, облачко на ясном небосклоне. Неужели можно всерьез думать, чтобы молодая девушка поверила, будто ее жених — убийца? Просто, она не понимает правды. Но утром мы все это устроим по-хорошему!

— Пат, я решил убить эту собаку! Я всажу в него вечером не одну пулю... Я или он! Этой ночью все решится...

Тут Кезей обнаружил известную предусмотрительность, он понял душевное состояние Дэви.

— Тогда не пейте этого, — сказал он, указывая на стакан виски.

— Не беспокойтесь, Пат, я уже выпил. Я не понимаю, что-то странное нынче творится со мной; я перепробовал разные напитки, и все они, кроме виски, нагоняли на меня только холод. Это в июле-то?!

Кезей весело помахал ему рукой в знак прощания и вышел на улицу. Он поспешил в общежитие и выложил все перед своей компанией. Они решили переменить по отношению к Дэви стратегию. Старый Шульц предложил такой образ действия:

— Мы должны сейчас же разыскать молодую леди. Совет мужчины молодому человеку, потерявшему рассудок от ярости, бесполезен. Только молодая леди сумеет успокоить его.

— Верно! — сказал Слаттери. — Надо известить девушку.

Они быстро направились к вагону Марша. Мэри увидела их через окно и поспешила навстречу. По тому, как

они спешили, она сразу поняла, что случилось что-то недоброе.

— Поверьте, мисс Мариам, — войдя в вагон заговорил Кезей, — мы не решились бы вас беспокоить, если бы наш паренек не оказался в скверном положении. Он, конечно, виноват перед вами, и это разрывает его сердце, мисс; он сам сейчас не знает, куда он идет... У вас доброе сердце, и мы не станем скрывать от вас правду: надо остановить убийство, которое он задумал. На нас он и внимания не обращает, но вас послушает.

— Что, что стряслось? — тревожно спросила Мэри.

— Дэви и Джесон... — сказал Пат. — Парень прямо осатанел от гнева, не столько от гнева, сколько от сердечной боли, от обиды. Он страдает от того, что любимая девушка предпочла ему вора и убийцу! Простите меня, мисс, я говорю с вами совершенно откровенно. Это правда, мисс!

— Значит, он хочет драться с Джесоном? Ах, Пат, мы должны удержать его от этого! Этого не должно случиться! Это было бы ужасно! Скажите, что делать?

— Вы должны послать за ним, мисс; это единственное, что можно сделать. Надо залечить его сердечную рану. Вы должны показать, что вы по-прежнему расположены к нему. Это все, в чем он сейчас нуждается!

— Я верю ему, — сказала Мэри. — Я теперь знаю правду. Пат, голубчик, приведите его ко мне! Разыщите его, скажите, что мне крайне нужно повидать его и поговорить с ним. Ну как-нибудь убедите его и приведите сюда, пожалуйста!

— Мисс Мариам, я приведу его, даже если бы для этого пришлось избить его до бесчувствия. Это было бы, может быть, самое лучшее. Нас тревожит, мисс Мариам, не только Джесон, а и друг его Деру с его подлой шайкой, которая бродит по городу и бахвалится!

— Идите скорей, — настаивала Мэри. — Мы попусту тратим время.

Мушкетеры поспешно вышли. Мэри опустилась в кресло у окна и стала смотреть на улицу. Она сидела нервничая и напряженно всматриваясь в темнеющую улицу.

Ее гонцы застали Дэви еще в «Короле Холмов». Он сидел спокойно, но виски уже не было на столе.

— Вы нам нужны, — сказал Кезей, — мисс Мариам хочет видеть вас на одну минуту.

— Послушайте, Кезей, — мрачно, но спокойно ответил Дэви, — вы суете нос, куда вас не просят.

— Верно, — ответил Пат. — Но, Дэви, мой дорогой мальчик, не упрямитесь! Вы пойдете, или мы принесем вас к мисс Мариам на себе.

— Вы черти, а не друзья! — сказал Дэви, бросая на Пата сердитый взгляд.

— Мистер Дэви Брендон, — произнес Пат, начиная сердиться, — вы упрямый дурак! Разве не ради мисс Мариам я зову вас идти? Я думал, что у вас есть чувство; видимо, я ошибся. Но вы нужны мисс Мариам и вы должны идти!

Они следили за ним до тех пор, пока он не исчез в вагоне Марша. Тогда они ушли. Мэри встретила его на пороге, подошла к нему вплотную и подняла на него умоляющие глаза. Он был мрачен.

— Дэви, я послала за вами... — сказала она с дрожью в голосе. — Я послала за вами, чтобы просить вас прекратить распрю с Джесоном. Не сердитесь на Пата; он очень предан и мне и вам. Он сделал только то, что находил необходимым. Дэви, это не может быть... это было бы ужасно! Нет, не говорите; я знаю, что вы хотите сказать... Но вы не должны связываться с Джесоном. Дайте мне честное слово!

Он стоял молча. Лицо его было мрачно, глаза блестели от гнева, но его сердце страдало от любви. Огорчение при мысли, что она любит Джесона, резало его точно ножом.

— Какой я дурак, — сказал он тихо. — Какой дурак! Как мог я подумать, что вы поверите кому-нибудь, кроме человека из вашего круга. Я понял это лишь сегодня!

Гордость на минуту вспыхнула в ней и залила краской ее лицо. Но этот порыв быстро прошел при мысли, что теперь она знает правду. Под влиянием любви, которая наполняла ее сердце, глаза ее сделались влажны. Она взяла Брендона за руку.

— Дэви, дорогой, выслушайте меня, — сказала она ласково и нежно. — Я была страшно потрясена после обеда, вы меня напугали. Вы в это время были так непохожи на того Дэви, которого я знала. Я была разочарована; я еще не знала всей правды. Питер солгал мне. Я не могла поверить, что человек, которого я давно знаю, спо-

собен на такую подлость. Но теперь я знаю: отец мне все рассказал и Пат тоже. Я понимаю ваши чувства, знаю, как вы возмущены. Но, Дэви, голубчик, вы должны забыть об этом. Ваша дуэль с Джесоном убьет меня. Я умоляю вас не ради Джесона, я умоляю ради вас самих, ради нас обоих, Дэви. Неужели вы не догадываетесь, дорогой, почему? Неужели не можете догадаться?

Ее лицо выразило глубокую любовь. Дэви не мог говорить. Он опустился перед ней на колени и прижал ее руки к своим пылающим щекам. Гнев его испарился как скверный сон.

— Обещайте мне, Дэви, — настаивала Мэри.

— Я не могу, Мэри. Я ударил его, когда он был безоружен. Если я теперь не отвечу на его вызов, все станут говорить, что я трусил и боюсь его. Это для меня позор, Мэри!

— Пусть говорят! — с гордостью сказала Мэри. — Тот, кто знает Давида Брендона, не скажет этого!

Он встал, вынул револьвер из кобуры и положил его на стол. Лицо Мэри осветилось счастьем.

— Обещайте мне, дорогой, — прошептала она, приближая свои губы к его губам. — Это так много значит для меня!

— Обещаю, — сказал Брендон. — Даю вам слово, что я не стану драться с Джесоном. Это тяжело, но вы можете на меня положиться!

Успокоенная, она подставила ему губы, и они, обнявшись, долго стояли, слившись в блаженном поцелуе.

— Вам надо идти, — сказала Мэри, — отец зовет меня. Приходите утром, мой милый, дорогой Давид!

Глава XXIII

НАРУШЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Новость о найденном проходе, о возвращении Брендона и о его обвинении против Джесона распространилась по городу еще до наступления сумерек. В барах, салонах и на улицах только и разговору было, что о них. Обычно Джулесберг был довольно равнодушен к разного рода новостям, потому что стрельба, ножевые расправы и драки представляли здесь обыкновенное явление. В

данном случае интерес подогревался тем, что во всем этом был замешан Деру, и что молодой Брендон разрушил планы этого могущественного феодала.

Публика стала держать пари на выпивку: спорили о том, что предпримет Деру и как Джесон ответит на удар, полученный от Брендона. Эту сцену видели несколько рабочих, стоявших тогда возле вагона Марша. Ради эффекта они, конечно, приукрасили этот факт и говорили, что причиной драки была мисс Марш. Догадываясь, что между Деру и Джесоном существует соглашение и что последние неизбежно вступят с Брендонем в схватку, весь Джулесберг ожидал столкновения в эту ночь.

Зал Холлера был переполнен, когда туда вошел Деру и занял ближайший к двери столик. Многие посетители других салунов на сей раз пришли в «Арабские ночи» в надежде сделаться свидетелями интересного зрелища. Они стояли в три ряда у стойки и вокруг игорных столов, тесня друг друга. Воздух, словно электричеством, был насыщен ожиданием волнующего поединка. Старый Холлер важно сидел на своем высоком стуле и пристальным взглядом следил за теснившимися посетителями. Шляпа его была сдвинута далеко на затылок, в зубах он жевал незакуренную сигару и на лице его отражалось особенное умственное напряжение. Он вслушивался в разговоры и пытался уловить из них что-нибудь определенное, но до него долетали лишь отдельные фразы. Однако и из них он уловил, что в воздухе появилось что-то тревожное.

Он увидел, как вошел Джесон и заговорил с Руби, которая явно его ожидала. Она о чем-то его просила, взяв за руку. Джесон протиснулся в толпе и опустился на стул рядом с Деру. Из-под своих густых нависших бровей Холлер начал изучать эту пару. Он заметил, что Деру был в каком-то особенно напряженном состоянии, его дикий взгляд то и дело останавливался на двери; Джесон был бледен и сосредоточен. Он посматривал на толпу и все время беспокойно ерзал на стуле.

«Он в отчаянии, — думал Холлер, — и похож на крысу, загнанную в угол. Ему не хочется вступать в схватку, но он не знает, как отделаться от этого. О! Это самые опасные субъекты!»

Ньюсес Кид вошел в бар, бросил быстрый взгляд на Деру и, бесцеремонно растолкав толпу, подошел к барь-

еру, где происходила игра. Он облокотился на перила и полуобернулся направо, ощупывая в то же время дыру в нижней части кобуры. Этого было вполне достаточно для Холлера: он уже понял, что затевается. Повернувшись к одному из своих служащих, отпускавшему напитки, он что-то сказал ему на ухо; тот немедленно оставил стойку и обошел столы, за которыми шла игра. Здесь он поочередно что-то шепнул всем крупье. Те в знак согласия кивнули и передали игру помощникам.

Дверь снова отворилась, и вошел Торнтон, известный в округе как самый быстрый из стрелков Деру и хладнокровный убийца, за которым числился целый ряд убийств на пространстве от Канады до Мексики. Холодным взглядом он окинул зал, быстро заметил Деру и едва уловимый кивок его подбородка. Остановившись у стены возле двери, Торнтон сложил на груди руки и спокойно начал разглядывать публику. Через несколько минут появился техасец Джек и стал возле толпившихся близ игорных столов зрителей.

— Ну, теперь, кажется, все в сборе кроме скользкого испанца, — говорил себе Холлер. — А вот и он!

В это время в дверях показался дон Филипп Гонзалес. Он вошел, отвечая улыбкой на приветствия знакомых, показывая ряд белых зубов. Затем изысканно поклонился группе девушек, сделав полукругом широкий размах сомбреро, украшенным колокольчиками, которые издавали серебряный звон. Он вмешался в толпу, проскальзывая сквозь нее как змея.

Старый Холлер поймал взгляд кентуккийца Джека, постоянного игрока в покер, искусного стрелка и человека неукротимой энергии. Джек вошел в бар в сопровождении двух других игроков: Истернера, по прозвищу Полк, и высокого луизианца, креола из Нового Орлеана Жюля Ламара. Судья подал им ящик сигар, так как они были непьющие. Пока оба выбирали себе по сигаре, Холлер стал быстро шептать им:

— Ребята, я хочу, чтобы вы оказали мне одолжение. Я не знаю, какую игру затевает Деру, но вся его шайка здесь. Они пришли сюда один за другим, по-видимому, получив определенный приказ. Кажется, у них есть намерение поиграть с жизнью Брендона. У меня нет времени позвать моих охранников; парни Деру нарочно разместились в разных концах зала. Нужно сделать так,

чтобы быстро взять их в руки. Я предлагаю такой образ действий: каждый из вас возьмет своего человека и станет поближе к Брендону. Вы можете время от времени отходить от него, но с таким расчетом, чтобы немедленно действовать, если понадобится. Они, конечно, не заподозрят вашей роли в этом деле; вы должны держаться как можно непринужденнее. Если они предпримут что-нибудь против Брендона, мы будем готовы немедленно дать им достойный отпор.

Игроки отошли от стойки поодиночке. Кентуккиец с невинным видом потолкался в разных местах зала и наконец подошел к Ньюсесу Киду; он стал от него справа, поздоровался с ним, успев уловить подозрительный взгляд его змеиных глаз, и тотчас же позвал официанта.

— Подсаживайтесь ко мне, — сказал кентуккиец, в то время как официант ставил бутылку на стол.

— Я не пью, — ответил Кид.

— Как вам угодно, — сказал кентуккиец, выпивая глоток виски, которого он не пил многие годы.

Кид немного отодвинулся в сторону. Через несколько минут кентуккиец безошибочным взглядом измерил расстояние, в то время как Кид перевел свой взгляд на дверь.

Холлер в это время пристально изучал публику.

Он заметил, что Лашер занял место рядом с Торнтоном; потом он сочувственно кивнул Полку, который занял место возле техасца Джека. Программа выполнялась хорошо. Оставался только мексиканец. Холлер сам следил за ним. Опустив руку под стойку, он ощупал свой кольт, убедился, что тот под рукой, и крикнул Гонзалесу:

— Здравствуйтесь, дон Филиппо! Что вы скажете относительно противохорадочного средства?

— Великолечно, сеньор Холлер, — ответил Гонзалес.

Мексиканец обвел взглядом публику и решил, что оба поста подходят для задуманной работы. Он взял стакан, чтобы выпить, как вдруг дверь отворилась. Вся публика, за исключением игроков, пришла в движение, но тотчас же успокоилась, когда увидела, что вошел Кезей с друзьями Слаттери, Шульцем и О'Бриеном. Окинув взглядом зал, они протискались к стойке.

Почти тотчас же вслед за ними в зал торопливо вошел Брендон.

В одно мгновение кентуккиец правой рукой выхватил револьвер из кобуры Кида, а Лашер в то же мгновение

подставил нож к горлу Торнтон и быстро его обезоружил. Что касается техасца Джека, то он очутился под дулом револьвера неизвестно откуда взявшегося Полка. Холлер сидел за стойкой, держа свой кольт наготове, направив его в грудь дона Филиппа. Заметив, в какой ловушке очутились его приспешники, Деру вскочил с проклятиями и ругательствами.

Громовым голосом Холлер заглушил поднявшийся в зале шум.

— Джентльмены, если здесь предполагается драка — пусть это будет честная драка! Закон и порядок прежде всего!

Смущенный разыгравшейся перед ним сценой, закулисной стороны которой он не знал, Брендон нерешительно подошел к Холлеру в тот момент, когда последний отбирал нож у Гонзалеса, не отнимая дула своего револьвера от груди взбешенного мексиканца.

— Здесь генерал Кеземент? — спросил Дэви, обращаясь к Холлеру.

— Нет, его здесь не было, — ответил Холлер. — Я слышал, что он выехал после обеда на запад.

— Странно, — сказал Брендон, — полчаса тому назад я получил записку от Марша, что генерал желает видеть меня здесь в половине десятого, чтобы поговорить относительно работы.

— Полагаю, что с вами сыграли злую шутку! — заметил судья. — Кому-то было нужно, чтобы вы были здесь в определенное время. Но теперь на этот счет не беспокойтесь: можете оставаться здесь сколько вам заблагорассудится.

— Благодарю вас, но я хотел бы найти генерала, — сказал Дэви. — Во всяком случае, я вам очень признателен, мистер Холлер.

Когда он проходил мимо столика, за которым сидели Деру и Джесон, Деру, стоя, позвал его:

— На минутку, мистер Брендон!

Дэви сначала поколебался, потом подошел к столу. Нагнувшись, Деру шепнул Джесону:

— Убейте его сейчас, если у вас есть хоть капля мужества!

Дэви был холоден и сдержан, решив ни в коем случае не ввязываться в ссору.

— Что вам угодно от меня? — спросил он спокойно.

— Я хочу, чтобы вы не совали свой паршивый нос в мои дела! — сказал Деру. — Понимаете?

— У меня нет ни малейшего намерения вмешиваться в ваши дела, мистер Деру, — отвечал Дэви, с трудом сдерживая негодование.

Он повернулся, открыв спину предателям.

Пат Кезей протискался в толпе и стоял теперь рядом, держась одной рукой за спинку стула. Джесон, быстро отодвинувшись от стола, встал, и Пат увидел, что он сжимает рукоять револьвера, поднимая кобуру в направлении спины Брендона, спокойно удалявшегося от стола. Кезей моментально взмахнул стулом, точно киркой. Прогремел выстрел, но пуля ударилась в пол. Джесон выругался и замахал рукой, на которой появилась ссадина от удара стулом.

Дэви, как зверь, бросился к нему. Глаза его горели. В них было одно желание — немедленно убить этого человека, который уже дважды покушался на него. Но Кезей загородил ему дорогу, а Слаттери помог удержать взбешенного молодого человека. Один из охранников Холлера с группой помощников удерживали Деру от вмешательства. В зале стоял невообразимый шум.

— Стойте, ребята, — гремел Холлер, — мы сейчас устроим честную схватку. Даю вам слово. Замолчите же, черт вас возьми!

Руби Кенни выскользнула из зала в то время, когда Дэви снимал свою куртку. Она видела, что Деру что-то шептал на ухо Джесону, по-видимому, подбадривая его. Она бежала, не переставая, от салуна до вагона Марша. Прибежав, громко постучала в дверь. Как только слуга Тоби отворил ей, она вихрем ворвалась в вагон и криком вызвала Мэри. Когда та, перепуганная, вышла к ней, Руби кинулась ей навстречу и схватила ее за плечо.

— Они дерутся у Холлера, — закричала она. Она тяжело дышала, грудь ее высоко вздымалась. — Джесон и Брендон! Надо их остановить! Вы должны пойти. Никто не вмешивается, будь они все прокляты!

— Быть не может! — воскликнула изумленная Мэри. — Брендон дал мне честное слово, что больше не свяжется с Джесоном. Он не может нарушить свое слово!

Словно камень лег на сердце Мэри. Она унизила себя: позвала Дэви к себе, бросилась ему на шею и призналась в любви! Она говорила ему, как страшна была

бы для нее его встреча с Джесоном. И он дал ей честное слово. А теперь при одном слове, быть может, при одном вызывающем взгляде он нарушил обещание, совершенно не заботясь о ее любви и доверии...

Она побежала вместе с Руби в бар. Никогда больше она не поверит ему: он проявил слабость при первом же испытании.

Запыхавшись, они добежали до бара и на мгновение остановились от адского хора диких криков, проклятий, топота ног по полу и глухих ударов дерущихся.

— Сюда, сюда, — шептала Руби. — В дверь не пройдем, они теперь не пустят нас!

Она подвела Мэри к брезентовой стене, вытащила из-за чулка нож, прорезала брезент и прошмыгнула внутрь, увлекая за собой Мэри.

В центре зала, окруженные кольцом зрителей, Джесон и Брендон награждали друг друга ударами. Руки их то поднимались, то опускались, подобно молотам.

Прижав руки к сердцу, как бы стараясь удержать его биение, еле дыша, Мэри увидела, что все лицо Дэви залито кровью. У Джесона один глаз был закрыт, и изо рта текла кровь. Под дикое завывание толпы слышались глухие удары дерущихся. Они не говорили ни слова, были слепы и глухи ко всему окружающему; в глазах их светилась жажда убийства.

Мэри увидела, как Брендон, получив от Джесона удар по скуле, ткнулся в стенку и зашатался, но быстро оправившись, прыгнул вперед и начал бить Джесона с такой быстротой, что его кулаки замелькали, как поршни машины.

Девушки попробовали прорвать кольцо, но стена зрителей не пропускала их. Тогда Руби кольнула ножом в бок одного минёра, тот отскочил, озираясь, и они, воспользовавшись этим, проскочили внутрь кольца. Брендон в это время обеими руками впился в горло Джесона и, несмотря на сильные удары, которыми награждал его противник, держал его мертвой хваткой бульдога.

Мэри вскрикнула и позвала Дэви. Напрасно. В это время он сдавил горло Джесона так, что лицо последнего посинело. Джесон перегнулся назад и упал вместе с Брендоном, который не переставал давить его мертвой хваткой. Мэри бросилась вперед, упала на пол и схватила Дэви за руку. Она смотрела в его глаза, но в них было безумие.

— Дэви, Дэви! — кричала она. — Остановитесь! Ради Бога! Это — я, я, Мариам!

Она увидела, как безумный блеск в его глазах угас. Он разжал руку и освободил горло противника. Джесон, страшно избитый, лежал без движения. Только грудь его высоко поднималась и опускалась. Он силился восстановить дыхание. Дэви встал и смотрел на него. Шум стих. Никто не двигался. Брендон повернулся к Мэри, стараясь подавить свою ярость, от которой его лицо все еще конвульсивно дергалось.

— Мариам... Простите! Я не мог сдержать себя! Меня вынудили!..

Она взглянула на него, не сказав ни слова.

Руби стояла на коленях, склонившись к Джесону. Она страстно целовала его, вытирала кровь с его разбитого лица и громко говорила о своей любви, как бы желая, чтобы весь мир услышал об этом.

Мэри пришла в ужас от всей этой дикости, бесчестья и обмана. Она страдала. Дэви протянул к ней руки, но она отвернулась и скрылась через тот самый прорез в брезенте, который был сделан ножом Руби.

Глава XXIV

КРАСНОКОЖИЕ СОЮЗНИКИ ДЕРУ

Был на исходе 1867 год. Железная дорога быстро подвигалась вперед и наконец врезалась в сердце прерий, где обычно паслись бизоны. Два самых могущественных племени северных равнин, чейены и сиу, решили наконец остановить постройку дороги. Военный вождь сиу, Красное Облако, послал свой ультиматум:

— Я не хочу, чтобы вы были здесь: вы отгоняете от нас бизонов.

Дикобраз, сашем племени чейенов, со своей стороны послал такой же ультиматум, но более дерзкий и угрожающий. Ответом на них был только свист «железного коня». Тогда разразилась буря. По всей линии началась борьба белых с набегами индейцев — борьба не на жизнь, а на смерть.

Брендону приходилось очень трудно при этих условиях. Генерал Кеземент назначил его мастером по укладке

шпал. Он частенько подходил к артели Кезея и Слаттери и перекидывался словцом с преданными ему людьми. В разговоре Пат никогда не позволял себе касаться драки в баре Холлера. Хотя после этой истории Дэви сделался в некотором роде знаменитостью среди рабочих, но он был очень несчастлив: Мэри отказалась видеть его, когда он на другой день после драки зашел в вагон Марша, чтобы объяснить, при каких обстоятельствах он вынужден был нарушить свое честное слово. Он был очень благодарен Маршу за его сочувствие. Старик говорил, что он ничего не может поделать с дочерью, что она потрясена этим печальным событием.

В тот день Брендон пошел к костыльщикам, чтобы посмотреть, как двигается работа, и подсчитать, сколько еще шпал надо уложить до вечера. Кезей увидал его и обрадованно приветствовал.

Вдруг он отпрыгнул в сторону. Старый Шульц зашатался. Его колени ослабли. Он упал на землю, пораженный сзади стрелой в левое плечо. Дэви и Кезей склонились к нему, и в это время вторая стрела свистнула возле них. Кезей издал громкий крик, предостерегая рабочих. В это время раздались адское гиканье и воинственный клич чейенов. Рабочие вскочили и бросились к оружию. Кирки, лопаты — все полетело в сторону. Они выстроились вдоль линии в боевом порядке, затем легли на землю и открыли огонь, спокойно и уверенно укладывая каждого, попавшего на прицел.

Слева тучей наседали чейены. Их лошади задыхались в густой траве. Молодые воины, чтобы отличиться, как змеи ползли по траве к линии в надежде произвести атаку и добыть несколько скальпов. Но они имели дело с испытанными, выдержанными и хладнокровными бойцами. Уклоняясь от прямых выстрелов, после первого залпа из ружей и луков, краснокожие рысью окружили рабочих большим кольцом. Пригнув головы к лукам и подставляя под выстрелы бока лошадей, они кружились и оглашали воздух проклятиями и воинственными криками.

Дэви и Кезей поспешно перенесли раненого Шульца к одной из платформ, положили под нее раненого, наскоро набросали несколько шпал в виде прикрытия. Старик был без сознания, когда они вынули из его плеча стрелу. По мнению Дэви, рана была не смертельна. Изо

рта Шульца шла кровь: по-видимому, было задето легкое. Они влили ему в рот немного воды, он пришел в себя и слабо улыбнулся.

— Краснокожим приятелям еще не удалось покончить со старым Шульцем, — сказал он слабым голосом. — Это пустяки... только царапина!

— Пат, — сказал Дэви, пристально всматриваясь в кружащихся чейенов, — здесь, вероятно, не менее пятисот человек. Мы не в силах отбиться от них. У нас осталось мало воды. Между тем уже есть раненые. Они ужасно страдают от жажды. Можете ли вы добежать до паровоза?

— Могу! — ответил Кезей.

— Хорошо. Вот вам задача. Краснокожие лишили паровоз прислуги, набросившись на нас. Флин убит или тяжело ранен; они, кажется, превратили несчастного машиниста в подушку для булавок.

— Пойдемте, — сказал Пат.

Оставив Шульца под присмотром Динни и еще двух рабочих, спрятавшихся за прикрытием, они как ветер помчались к паровозу, осыпаемые тучей стрел, которые ударялись о стенки вагонов. Пат упал, отчаянно ругаясь, но Дэви подхватил его, поставил на ноги, и они успели вспрыгнуть на паровоз.

Необходимо было поднять пар. Пат начал бешено кидать в топку поленья, и через несколько минут пар был пущен.

— Ходу! — командовал Дэви.

— Есть! — крикнул новоиспеченный машинист.

Они отцепились от осажденного поезда и пошли задним ходом с предельной скоростью, на какую была способна машина. Топка раскалилась докрасна. Давление пара достигло предела. Пат стоял у рычага машины и так ловко работал, что казалось — паровоз управляется опытной рукой старого машиниста. Дэви работал за кочегара.

— Где вы изучили машину, Пат? — спросил Дэви.

— О, мистер Брендон, я — мастер на все руки! Потом узнаете. Список моих подвигов удивил бы вас, если бы я не был так скромн. Я изучил это на войне, Дэви, мой мальчик! В компании с дюжиной головорезов я украл один паровоз из-под самого носа противника! Я расскажу вам об этом как-нибудь.

Прячась за стенки паровозной кабины, они прорвались через кольцо индейцев. Две-три пули ударились и сплющились о стенки, несколько стрел застряли в кабинке, вонзившись в деревянные части. Наконец опасность миновала. Они гнали паровоз со скоростью, какая только была возможна. Голубой лентой тянулся дымок позади. Пат в восторге издавал дикие торжествующие крики.

— Обгоняем ветер, Дэви! Черт возьми, Союз должен бы дать мне медаль, если бы он узнал, что я сделал из этой старой клячи.

— Гони ее, Пат, — кричал Дэви. — Гони ее что есть мочи! Я слежу за топкой!

Через полтора часа паровоз, гремя, въезжал в Джулесберг. Пат открыл свисток и не закрывал его. Продолжительный его свисток моментально поднял на ноги буквально весь город. Народ выскочил из домов, кабачков, отелей. Все поняли, что внезапная тревога — свидетельство нападения индейцев.

Дэви соскочил с паровоза раньше, чем Пат успел остановить его ход, и бросился прямо в офис Марша, крича на ходу:

— Мистер Марш, чейены атаковали линию. Требуется немедленная помощь. Многочисленный отряд!

Марш вышел вместе с дочерью. Остановившись на минуту, он продиктовал телеграмму своему телеграфисту.

— Вызовите майора Норза, — диктовал он. — Телеграфируйте немедленно послать павниев. Они должны быть близко у Лон-три, — добавил он. — Они будут на месте сражения через полчаса после получения приказа. Как велик отряд индейцев?

— Думаю, их не менее пятисот, — ответил Дэви. — Трудно будет отбиться от них. Необходимо взять с собой всех, кто только может держать оружие!

— Скверно! — сказал Марш. — Здесь у нас нет солдат. Отряд кавалерии объезжает линию, и где он сейчас, неизвестно. Тут поблизости есть отряд пехоты человек в тридцать — их можно вызвать по телеграфу. Но пока что мы должны положиться на наших собственных людей.

Он схватил шляпу и, идя к двери, сказал Дэви:

— Нельзя терять ни минуты! Я иду созывать добровольцев. Вы тоже берите всех, кого только увидите.

Он вышел. Дэви хотел последовать за ним, но Мэри бросилась вперед и загородила ему дорогу.

— Берегите себя, Дэви, — сказала она. — Вы очень порывисты и смелы. Вы проявили большую отвагу, пригнав паровоз за помощью. Я хочу вам сказать, что эти индейские атаки ужасны. Не рискуйте собой!

— Есть о чем беспокоиться! — заметил он. — Вы, по-видимому, хотите, чтобы я обещал вам что-нибудь? Но ведь я не выполняю своих обещаний!

Как в тот вечер, когда он стоял с ней в вагоне, подавив свою злобу на Джесона, так и теперь ему хотелось обнять ее и сказать ей, как глубоко он ее любит. Но злой дух упрямства овладел им. Она побледнела и подалась назад при этих язвительных словах. Заходить с Мариам Марш так далеко при всем ее мягкосердечии не следовало. Она возмутилась.

— Нет, — сказала она, — я, конечно, не ожидаю, что вы можете сдержать какое бы то ни было обещание, Дэви. Вы вполне доказали, что ваше слово не имеет никакого значения. Прошу извинить, что остановила вас. Ступайте.

Она быстро отвернулась, чтобы скрыть слезы, и вся сжалась, чтобы не разразиться рыданиями, готовыми вырваться из ее груди.

Дэви ничего этого не видел: чувство злобы ослепило его. Он повернулся к двери, широко открыл ее и нарочно громко хлопнул ею. Это было ребячество, в котором он сам сейчас же раскаялся. Быстро выбежав, он бросился к собирающемуся со всех концов народу.

Глава XXV

АТАКА ЧЕЙЕНОВ

Локомотив прицепили к длинному составу вагонов и платформ. Вооруженные мужчины и женщины карабкались на него как рой пчел. Здесь были жены и невесты рабочих, живших в округности. К ним присоединились и некоторые девушки из танцзала. Все эти женщины кочующего городка так свыклись с опасностью, что их ничто не пугало. Звуки выстрелов для них сделались обыкновенным явлением, и насильственная смерть не представляла ничего неожиданного. Они с удовольствием

садились в поезд в надежде хоть на некоторое время оторваться от серой и монотонной жизни в кабачках и отелях. Вместе с мужчинами они разбирали ружья и патроны из ящичков, которые им бросали в вагоны. Пробегая по улице, Дэви видел, что поезд быстро наполнялся. В городе оставили с дюжину солдат для охраны, остальные вместе с конторщиками, погонщиками мулов, приказчиками, официантами и прочими с нетерпением ожидали, когда поезд тронется.

Вдруг со стороны города слышалось мычание скота. Он медленно двигался, голодный и утомленный. В общем возбуждении и суматохе в течение некоторого времени никто не замечал облаков пыли, приближавшейся с юго-востока. Теперь топот тысячи копыт по сухой земле, рев утомленных животных и пронзительные крики погонщиков докатились до толпы.

Били Хиккок, который за день до этого выехал из города с дюжиной свежих погонщиков, чтобы встретить табун, проскакал по улице прямо к поезду. Он подъехал прямо к Маршу и весело крикнул:

— Пригнал, хозяин! Десять тысяч голов!

Громкие аплодисменты раздались с поезда.

В это время слышался продолжительный свисток паровоза, поезд дрогнул и двинулся вперед на запад. Отовсюду слышались аплодисменты и веселое пение. Марш, ходивший по одной из платформ, вдруг остановился как вкопанный. Мэри, выскочившая из-за клетки шпал, наваленных на платформу в качестве баррикады, с улыбкой приветствовала отца.

— Не сердись, папочка, — сказала она, — я не могла оставаться одна. После того, как ты и Дэви покинули меня, у меня не хватило сил сдерживаться.

— Кто тебя посадил? — сердито спросил Марш.

— Не знаю... кто-то из толпы, — холодно ответила Мэри. — Я обежала кругом, меня только несколько человек видели.

— Теперь уже ничего нельзя поправить, — сказал Марш. — Но ведь это же безрассудство с твоей стороны, Мариам! Это совсем на тебя не похоже!

— Да, отец, я и сама вижу, что я совершенно не та, что была раньше...

Марш пристально взглянул на дочь и покачал головой, охваченный тревогой.

— Пожалуйста, не отходи от меня, когда мы окажемся на месте сражения; стой рядом со мной! Мы забаррикадировали обе стороны платформы. Не рискуй собой!

Поезд мчался. На ходу шла бешеная работа. По сторонам платформы возводились баррикады, вырастали стены мешков с песком. Мэри заметила, что Дэви отчаянно работал, перебегая с платформы на платформу и руководя организацией защиты. Возбуждение от предстоящей схватки положило какой-то особенный отблеск на его красивое лицо. Он весело кричал:

— Ребята, недурная мысль мне пришла в голову: кладите шпалы в три яруса, потом одну поперек. Вы просунете ружья в щель и будете видеть цель. Стрелы — вот чего надо в первую очередь опасаться, потому что пулями они не особенно повредят нам!

Какое-то непреодолимое желание толкало девушку быть ближе к Дэви. Она отошла от отца и стала рядом с ним, не сводя с него влюбленных глаз. Кезей увидел ее и тихонько дернул Дэви за рукав. Брендон повернулся и посмотрел на нее с удивлением, не веря своим глазам. Он уже сделал было шаг по направлению к ней, но тотчас же повернулся к ней спиной. Это поразило ее, сердце ее облилось кровью от огорчения. Колени ее задрожали; обессиленная, она опустилась на шпалу и, отвернувшись, украдкой отерла выступившие на глазах слезы.

«Он не обращает на меня внимания, — думала она. — Он не любит меня, не хочет простить! Это жестоко. Что ж, я не буду жалеть, если стрела поразит меня. Я не смогу жить без него!»

Несмотря на гроыхание поезда, шум паровоза и свистки, стали слышны звуки отдаленных выстрелов вдали, а вскоре и неистовое гиканье и завывание индейцев. С напряженным вниманием все смотрели вперед, где на расстоянии мили клубилась пыль и слышалась усиленная пальба. Марш, не отрываясь, наблюдал за ходом сражения в бинокль.

— Ну, слава Богу, мы подоспели вовремя! — облегченно сказал он. — Но жаль, нет еще павниев.

— Я вижу как будто облачко пыли на западе, — крикнул Хиккок с другой платформы. — Думается мне, это индейцы майора Норза.

Наконец заговорили ружья и с прибывшего поезда. Но расстояние было еще значительное и стрельба бесполезна.

Поезд пошел еще медленнее и, дойдя до маленькой группы под командой сержанта Слаттери, остановился.

— Смотрите, — сказал Хиккок Маршу, — какое собрание! Что они еще затевают? Ах, если бы с нами были солдаты. Большая шайка Дикобраза и Ноги Индейки, я их узнаю. Но среди них кто-то третий, который только что подъехал? Я его никогда не видал.

С поезда можно было наблюдать, как три вождя что-то горячо обсуждали, в то время как около пятисот бойцов спокойно сидели на лошадях и, видимо, ожидали команды.

Дикобраз и Нога Индейки оживленно жестикулировали, а третий вождь обратился к бойцам с речью, указывая на поезд. Он о чем-то просил, что-то приказывал, делал знаки руками.

— Кажется, Дикобраз и Нога Индейки намерены прекратить борьбу, — сказал Хиккок, — но третий возражает. Смотрите: он пытается убедить их возобновить атаку. Любопытно, куда прыгнет эта кошка?!

На этот вопрос через две минуты последовал ответ. Ораторское искусство третьего вождя восторжествовало над колебаниями двух остальных.

Он кивнул головой, поднял руку и, обратившись к бойцам, издал резкий воинственный крик. Они напряглись в ожидании, как тетива. Дикобраз сел на лошадь и тоже издал крик. Третий вождь подъехал ближе к рядам воинов. Марш на мгновение уловил его облик. То, что он увидел, озадачило его.

Вдруг вся масса, державшая до этого поводья туго натянутыми, разделилась на две части — вправо и влево — и как вихрь помчалась прямо к поезду.

— Держитесь, ребята! — крикнул Марш. Его команда, подхваченная другими предводителями, пронеслась по поезду.

— Смелей! — неслись крики. — Беглый огонь! Держите под рукой достаточно патронов. Стреляйте ниже! Если вы промахнетесь в краснокожего, все-таки раните лошадь! Пешими они станут удобной мишенью. Заставьте их спешиться!

Индейцы кружились, земля дрожала от лошадиного топота, воздух был наполнен проклятьями, угрозами и дьявольским завыванием.

Приблизительно в пятидесяти ярдах от вагона напор нападавших ослабел; потом волна их остановилась и откатилась назад под дружными залпами с поезда. Защитники стреляли в щели баррикад; они старались бить главным образом по лошадям, которые шарахались в сторону и сбрасывали седоков. Много лошадей валялось с перебитыми ногами, истекая кровью, другие хропали и не могли быстро уносить всадников. Стоны, раненые лошади, непрерывная стрельба и завывания индейцев — все это представляло собой настоящий ад. Стрелы сыпались тучей и, пущенные всадниками сверху вниз, попадали большею частью в верхнюю перекладину амбразур. За баррикадами было убито шесть человек и втрое больше ранено, но меткая и частая стрельба защитников сломила дух нападающих. Град свинца поколебал их ряды. Они подались назад, оставив равнину, усеянную трупами.

— Не замечаете ли вы что-то странное и новое в борьбе индейцев, — спросил Хиккок Марша, когда волна нападающих отхлынула. — Я знаю индейцев больше двадцати лет и ни разу не видел, чтобы они вели атаку с фронта. Это противоречит всей их природе. Не могу понять, что их толкнуло к этому способу борьбы?!

— Это и меня удивляет, — ответил Марш, глядя на Мэри. — Кажется мне, Билл, что их толкнул на это тот самый новый вождь, которого вы не могли узнать.

— Я тоже так думаю, — сказал Билл. — Нога Индюшки и Дикобраз никогда не пользовались этим способом нападения, особенно эта хитрая лиса Дикобраз. Атакой руководит третий. Он убедил их, что в виду отсутствия солдат так легче одержать победу. Но теперь он, наверное, потеряет свою популярность, так как около пятидесяти воинов отправились охотиться в более счастливую землю.

Мэри, прислонившаяся на баррикаде, показалась Маршу особенно бледной и встревоженной. Сам он старался не обнаруживать своего беспокойства; погладив ее нежно по плечу, он успокаивающе сказал:

— Ну, самое худшее кончилось, девочка. Думаю, через полчаса мы сможем уехать.

— Я чувствую себя хорошо, отец, — отвечала Мэри слабым голосом. — Видели вы Дэви? Жив он?

— Пока у него ни одной царапины! — ответил Марш.

— Ты уверен? Ведь он такой безрассудный. Ты все-таки узнай, отец!

— Конечно, дорогая, --- сказал Марш. — Я буду время от времени приглядывать за ним. Он прямо чудеса творит, Мариам. У него светлая голова, у этого мальчика.

Он начал наблюдать за Дэви, который в это время помогал женщинам перевязывать раненых. Вдруг просвистала пуля и ударилась не далее одного дюйма от закопченного пороховым дымом лица Дэви. Едва он успел отскочить в сторону, как другая пуля ударилась почти в то же место, оторвав кусок шпалы. Марш посмотрел по направлению, откуда так метко стреляли. Когда последовал третий, столь же меткий выстрел, он по дыму, который поднялся из-за клетки шпал саженях в тридцати от вагона, отметил место, где помещался стрелок.

— Сюда, сюда, Дэви, — крикнул он. — Здесь, вблизи от нас засел чертовски искусный стрелок. Мы должны добраться до него!

Снова раздался выстрел. Пуля опять свистнула поблизости от Брендона и попала в Руби, которая в это время наклонилась к раненому. Пораженная насмерть, она взмахнула руками и без звука упала на голову перевязываемого ею человека.

Глава XXVI

ДВУХПАЛЫЙ

Чейены, отойдя понемногу назад, перестроились и снова засновали вокруг поезда, испуская тучи стрел. Около сотни всадников спешили и залегли в траву, непрерывно стреляя из луков и ружей. Самая отчаянная группа, на лучших конях, время от времени бешено на скакивала на поезд. Она была трудно уязвима, тем более, что кругом носились клубы дыма и пыли, так что стрельба шла почти вслепую. Марш видел, что более ста его бойцов выбыло из строя, между тем как не менее четырехсот краснокожих еще вели упорную борьбу.

Было далеко за полдень. Солнце начинало припекать. Поезд был полон раненых, которые испытывали страшные мучения. Они просили воды. Марш взял бинокль и посмотрел на запад, откуда должны были прибыть павнии. Сердце его сильнее забилося, когда он увидал вдали приближающееся облако пыли и блеск сверкавших на солнце ружей. У него от радости перехватило дыхание.

Дэви спрыгнул с платформы и, наклонясь вперед, побежал зигзагами вдоль поезда под градом пуль прямо к клетке из шпал, за которой укрывался меткий стрелок. Марш вскрикнул. Мэри подскочила к отцу и, увидав в чем дело, замерла от страха. Марш сильным нажимом руки заставил ее наклониться к полу платформы.

— Он добежал! — крикнул он.

Яростный вой краснокожих отвлек его от дальнейшего наблюдения. Он увидел, что ряды нападавших разорвались под новой командой предводителя. Пыль с запада была совсем близко. Павнии неслись подобно вихрю; на ходу они свернули к югу, увидав, что чейены, нахлестывая своих лошадей, кинулись прочь от поезда.

— Кончено, ребята! — крикнул Марш, и этот крик облетел весь поезд. Две сотни атакуемых разразились радостными криками. Они выскакивали из вагонов, бросая кверху шляпы и обнимая друг друга.

Марш спрыгнул с платформы и бросился к шпалам, куда только что проскользнул Брендон. События развивались с такой быстротой, что не прошло и двух минут, как он потерял Дэви из виду. Стрельбы не было, но ухо Марша ловило глухие удары и глубокие вздохи запыхавшихся в схватке противников. Он обежал клетку шпал и остановился, затаив дыхание. Пред ним был Дэви. Он наносил страшные удары могучей фигуре, которая размахивала киркой, стараясь его ударить.

— Деру! — вскрикнул Марш.

Ослабевший, усталый, наполовину больной, он подбежал к шпалам, готовый тоже вступить в борьбу. В это время борющиеся переменились местами, и он увидел лицо противника Дэви. Марш поразился. Перед ним оказалось злое загорелое лицо, раскрашенное в красное и черное — воинственные цвета чейенов. От ярости оно подергивалось конвульсиями. В глазах светилось дикое зверство. Усы были сбриты, но Марш не ошибся: то был Джо Деру, которого он так часто видел.

В этот момент Дэви, подпрыгнув, увернулся от взмаха кирки. Деру снова размахнулся: оружие сверкнуло над головой Брендона, и кирка воткнулась в шпалу. Противники бросились друг на друга и, как цепями, начали молотить один другого ударами кулаков. Это был яростный бой. Оба они, видимо, потеряли рассудок, и только одно безумное желание светилось в глазах обоих — убить противника. Но вот Деру своим железным кулаком нанес Дэви сильный удар, от которого тот подался назад. Его колени задрожали. Он был ошеломлен, но мгновенно оправившись, пригнулся, прыгнул и обхватил колени Деру руками. Страшно ругаясь, с пеной у рта и с окровавленными щеками Деру старался освободить ноги. Ожесточенно молотил он по голове Дэви кулаками. Наклонив голову как можно ниже, Брендон еще крепче сдавил колени противника. Тот бросался из стороны в сторону, пытаясь вырваться из рук Брендона, но все было напрасно. Вдруг он потерял равновесие и пошатнулся вперед. Этим моментально воспользовался Брендон. Миготом освободив руки, он как кошка прыгнул сзади на Деру и точно клещами охватил его шею. Деру закрутился, стал рвать ногтями лицо Дэви. Наконец, он сам вцепился ему в горло. Но это длилось лишь несколько секунд: шея Деру захрустела и руки ослабли. Он попробовал нанести еще несколько ударов по лицу Брендона, но тщетно: Дэви стоял как вылитый из стали.

Марш увидал, что лицо Деру стало черным, глаза вылезли из орбит. Марш отвернулся от этой сцены. Он понял, что не было силы, которая могла бы оторвать руки Брендона. Он решил не вмешиваться и предоставить дело судьбе. Для него стало теперь ясно, что Деру привел с собой индейцев. Послышался хрип задыхающегося. Несколько секунд царило молчание. Дэви совсем потерял силы. Внезапно послышались веселые крики с поезда, гиканье индейцев и частые выстрелы: павнии гнали своих смертельных врагов...

Марш обернулся. Дэви стоял, прислонившись к шпалам, еле держась на ногах и стараясь отдышаться. Его глаза были устремлены на лежащую перед ним с распростертыми руками фигуру, одетую в богатый индейский убор, испачканный кровью и пылью.

Грудь Брендона была обнажена. Его торс и руки были исцарапаны и покрыты пятнами крови. Деру боролся как

зверь, пуская в ход ногти, когда кулаки были бессильны. Левый глаз Дэви был подбит и затек, разбитые губы вспухли, но глаза его смотрели торжествующе.

Наполовину задыхающийся, он медленно заговорил:

— Я убил его, мистер Марш. Вы знаете, кто был этот дьявол?

Марш не отвечал, смотря на него вопросительно.

— Двухпалый, — сказал Дэви, — тот самый человек-зверь, который зарубил моего отца, зарубил его топором в то время, когда его держали чейены.

— Боже мой! — вырвалось у Марша.

— Я всегда чувствовал себя близ него как-то беспокойно, — говорил прерывающимся голосом Дэви, — как будто какой-то голос нашептывал мне предостережение. Мне всегда казалось, что где-то я его видел. Но где, я не мог припомнить. Ведь это было так давно. Я видел его тогда в полутьме, при колеблющемся пламени костра. С того времени он сильно изменился: отпустил усы и волосы, а теперь еще раскрасил физиономию.

— Даже не верится! — воскликнул Марш. Он наклонился над телом, рассматривая лицо убитого. Он поднял правую руку с двумя пальцами, которую Деру так искусно скрывал под перчаткой или в кармане.

— Да, Дэви, так оно и есть.

И, посмотрев на окровавленное лицо Дэви, спросил:

— Ну, а вы как себя чувствуете?

— Ничего, — ответил Дэви. В голосе его чувствовалась глубокая печаль и страшная усталость. — Я только слегка ранен, мистер Марш. Но отец... Этот зверь... Все опять пришло мне на память.

В голосе Дэви слышались слезы.

Марш ласково положил руку на его плечо. Дэви овладел собой и улыбнулся:

— Я представляю, в каком я ужасном виде. Я не могу вернуться так. Не можете ли вы достать мне пальто или одеяло.

Марш поспешил к поезду, который был обращен теперь в полевой госпиталь. Задержавшись на несколько минут, чтобы распорядиться перевести убитых в один вагон, он взял шинель и направился к Дэви. Вместе они вернулись на поезд, где шли спешные приготовления для возвращения в Джулесберг.

В первый раз в жизни Кезей встретил Марша и Дэви полным молчанием. Его лицо было мрачно, глаза выражали глубокое горе. Молча он указал на бесформенную массу, покрытую одеялом. Марш наклонился и приподнял одеяло. Перед ним лежал Слаттери. Глаза убитого были открыты; казалось, он посылал последнее прощание товарищам.

— Как это случилось? — спросил Марш.

— В самом конце сражения, — ответил Пат, вытирая слезы, которые потоком бежали по его мрачному лицу, — в траве скрывалась проклятая змея, которая застрелила его. Я подхватил его на руки, но он ничего не успел сказать; он только посмотрел на меня и скончался. Я хотел бы, сэр, чтобы и меня прикончили.

Что тут можно было сказать?!

Они влезли на платформу. Марш пошел к Мэри, а Дэви, не желая встречаться с ней, направился в свой вагон. Одна женщина подбежала к нему с водой, и он обмыл свое окровавленное лицо. Затем принялся помогать раненым.

Несколько женщин стояли над Руби Кенни, дыхание которой медленно ослабевало. Она умирала от раны в грудь.

После того как все вагоны были прицеплены, поезд на закате двинулся в Джулесберг.

В городе Марш довел дочь до своего вагона и уговорил ее немедленно лечь в постель. Она была невероятно утомлена и расстроена. Это очень пугало отца. Она молча повиновалась. Никогда в жизни она не чувствовала такого утомления. Раздевшись и вымыв лицо, она легла спать. И когда Марш через час пришел взглянуть на нее, она крепко спала.

«Ужасное испытание для нее, — думал он. — Я многое отдал бы за то, чтобы не допустить ее увидеть эти дикие сцены. Самое лучшее для нее сейчас — сон. Но если завтра ей будет плохо, придется послать за доктором».

Он тихо вышел из комнаты, боясь шумом разбудить дочь. Но она была так утомлена и душой и телом, что даже громкий стук двери не разбудил бы ее.

Марш направился в свой офис, чтобы составить список убитых и раненых, организовать похороны и расслать письма родственникам, рассеянными по разным

частям Штатов. Это был один из самых печальных дней в истории Тихоокеанского Союза.

Дэви спрыгнул с поезда прежде, чем он остановился, и пошел прямо на свою квартиру. Кезей последовал за ним, безутешный в своем горе. Он застал Брендона стоящим у окна. Дэви смотрел в темную ночь и так ушел в свои мысли, что даже не слышал, как Кезей вошел и затворил за собой дверь. Услыхав наконец его шаги, он пошел навстречу с распростертыми объятиями.

— Ах, Пат, чем я могу вас утешить?! Слаттери был замечательный человек и мой близкий друг. Его теперь нет! Что же делать? Смерть когда-нибудь должна же прийти.

Оба долго молчали. Наконец Дэви снова заговорил:

— Пат, я ухожу на запад, в Калифорнию. Центральная Тихоокеанская железная дорога нуждается в людях. С моим опытом я достану там работу как подрядчик или как мастер.

— Позвольте ли вы мне также пойти с вами? — спросил Кезей.

— Я решил уйти отсюда, Пат. Я слишком несчастен. Я потерял ту, которая для меня была дороже всего на свете. Я не могу вынести это. Вдали за работой я, может быть, забуду свое горе.

— Вы ни с кем не поссорились, я полагаю? — спросил Кезей.

— Нет, Пат, никакой ссоры ни с кем. Просто я ухожу. Я решил это окончательно.

— В таком случае возьмите меня с собой. Что вы будете делать без меня?

— Я надеялся, что вы пойдете со мной. Но не решался просить вас об этом. Посмотрим, что скажет Марш.

Они направились в офис, и здесь Дэви сказал Маршу о своем решении. Марш видел, что решение Дэви непоколебимо, и отказался от попытки уговорить его остаться. Что касается Кезея, то Марш сперва не соглашался отпустить его. Но Кезей вспыхнул и заявил, что так или иначе уйдет отсюда. Тогда Марш уступил.

— Вы, конечно, попрощаетесь утром с Мариам? — спросил Марш Брендона.

— Нет, я не хотел бы этого. Так будет лучше. Вы понимаете меня. Если она спросит обо мне, скажите ей, что я ушел, чтобы научиться, как держать свое слово.

В его голосе звучало глубокое огорчение. Марш нахмурился. «Почему, — думал он, — эта молодежь так неговорчива, нетерпима и так чувствительна? Решение совершенно безрассудное. Им нет никакой необходимости разлучаться. Дочь бледна и похожа на выходца с того света, но не хочет, чтобы даже имя Дэви упоминалось при ней, а он... страдает, мучается и все-таки хочет исчезнуть из вида Мариам. Странно, — говорил он себе, — а ведь они любят друг друга. Это так же ясно, как то, что солнце светит. Но что я могу сделать?!»

Он решил, что самое лучшее — не вмешиваться и предоставить времени залечить сердечные раны: время лучший врач.

Он сел и написал письмо своему знакомому Чарльзу Крокеру, главному строителю Центральной дороги.

— Это письмо поможет вам и Кезею, — сказал он. — Пройдет немного времени, и дороги встретятся; работа подвигается быстро. На будущий год строительство завершится. Мы будем ждать вас к себе, Дэви!

На следующее утро Дэви и Кезей взяли себе место в дилижансе, который отправлялся к Соляному озеру. Шульц и О'Бриен пожелали им счастливого пути и очень тепло простились с ними. Оба хотели было тоже ехать, но Брендон отсоветовал, говоря, что это было бы слишком тяжело для Марша. Путники послали своим друзьям последнее прощание и скрылись в облаках пыли.

Возвращаясь, Шульц и Динни встретили мисс Марш. Она бежала, чтобы застать отходящий дилижанс; они сразу поняли это. Но было уже поздно. По глазам девушки Динни увидел, как она огорчена. Мэри боролась с собой, чтобы не обнаружить своего горя. Почти задыхаясь от бега, она спросила:

— Динни, скажите мне: мистер Брендон уехал в этом дилижансе?

— Да, мисс!

— Он ничего не просил передать мне? Не оставил записки?

— Нет, мисс. Он вообще был неразговорчив.

Он видел, что девушка готова была упасть, но овладела собой. Ей хотелось бежать за Дэви и крикнуть вслед ему о своих страданиях... Резкий свисток подходящего поезда привел ее в себя и отвлек от мучительных мыслей. Она повернула назад к станции под влиянием

какой-то смутной мысли. Вдруг она остановилась и вперила взгляд в одиноко стоящую на платформе фигуру, от которой зеваки как-то подозрительно отшатывались. Одинокий человек сделал несколько шагов вперед. Мэри остановилась и задрожала. Это был Джесон. Он с трудом вошел в один из вагонов поезда.

Динни, следовавший за Мэри вместе с Шульцем, зашел вперед, чтобы поддержать Мэри.

— Не беспокойтесь, Динни, благодарю вас. Вы меня не ждите. Я... я хочу немного пройтись.

Динни и Шульц двинулись вперед. Оглянувшись, они увидели, что она повернула на запад. Они посмотрели друг на друга. Не видя ее лица, они знали, что взгляд ее устремлен на вьющиеся облака пыли, скрывшие дилижанс. Она стояла без движения, и эти простые люди поняли ее глубокое горе...

Глава XXVII

ЛЮБИМЦЫ МИСТЕРА КРОКЕРА

Дэви и Кезей добрались до Калифорнии. Забравшись однажды на вершину Сиерры, они рассматривали окрестности, стараясь обнаружить, где проходит строящаяся линия железной дороги. Они увидели, что она тянется в долину, разделяющую хребет от Саммит до Сиско. Здесь они справились о Крокере и узнали, что он где-то поблизости от Аппер Тракки. На следующий день они разыскали его. Это был высокий и полный чернобородый мужчина с громовым голосом. Он лично наблюдал за работами двух тысяч китайцев, обходя ежедневно насыпи.

— У меня есть письмо от Томаса Марша, — сказал Брендон.

Крокер протянул руку и взял письмо, которое протягивал ему Дэви. Дэви всматривался в Крокера с большим любопытством, потому что Марш часто говорил об этом человеке-паровозе, который протаскивал трансконтинентальную железную дорогу через невероятные препятствия. Бывший мелочный торговец, он превратился в великолепного организатора, одного из самых замечательных строителей, которого когда-либо видела страна. Самые трудные вопросы, перед которыми вставали в ту-

пик, которых даже пугались обыкновенные инженеры, разрешались Крокером поразительно быстро и просто. Когда он увидал, что труд белых в этих местах невозможен и что они сами не могут ручаться за себя даже при оплате по четыре доллара в день и все время дезертируют на серебряные или золотые рудники, он выписал китайцев. Узкоглазые кули толпами потекли к железной дороге из Сан-Франциско, Сакраменто и с Юга в своих соломенных шляпах, в синих блузах и широких панталонах. Они принесли с собой все свое имущество, которое состояло из небольшого узелка за спиной, обернутого в клеенку. К климату и переменам погоды эти китайские спартанцы были равнодушны, их не смущала никакая тяжелая работа. Их называли в насмешку «любимцы Крокера», но в этой насмешке была сущая правда. Ни жара, ни морозы, ни дожди, ни бури — ничто на них не действовало: день за днем они мирно и упорно трудились, все дальше и дальше продвигая линию железной дороги. Под наблюдением Крокера с одним только порохом и ручными инструментами они взрывали горы и пробивали скалы. Соперничая с лошадьми и мулами, они втаскивали паровозы на вершины гор и спускали их в равнины Невады, чтобы продвижение дороги не задерживалось незаконченным туннелем. По ночам они сбивались в кучу, строили себе навесы, заваливали их снегом и здесь спали.

Ударная работа ирландцев быстро двигала вперед дорогу Тихоокеанского Союза, но выдержка и терпение китайцев оказались выше. Они успели уже перекинуть линию через возвышавшуюся стеной Сиерру и, спустившись в голую пустыню Невады, двигались вперед как на паровозе.

— Мистер Марш рекомендует вас как опытных работников и отличных людей, — сказал Крокер, пряча в карман письмо. — Мне нужны такие люди. Умеете ли вы обращаться с китайцами?

— Нет, — сказал Дэви, — но, я полагаю, особенного искусства и не требуется. Достаточно как следует разъяснить им, что делать, и наметить ясный план работы.

— Верно, — сказал Крокер. — Они лучшие в мире работники! Надо мной все смеялись, когда я поставил их на работу. Но теперь уже со смехом кончено, у меня их теперь работает одиннадцать тысяч.

Зима быстро наступала. Начинались степные бураны. Движение по линии поддерживалось при помощи специальных плугов, которые расчищали сугробы. Укладка шпал сделалась невозможной, но Крокер не дремал. Он перебросил китайцев в тыл для окончания туннелей.

— Удивляюсь, — говорил Брендон. — Неужели можно сделать из них хороших каменщиков?

— Почему же нет? — отвечал Крокер. — Раз они выстроили Китайскую стену, сделают и эту работу.

Подобно армии муравьев, китайцы расползлись около туннелей, пробивая их при помощи пороха, кирок, лопов; взрывали на воздух снежные и ледяные бугры и засыпали овраги. Несмотря на сильный холод, китайцы работали, мокрые от пота. Под надзором Дэви и Кезея были большие партии китайцев. Они вместе вели борьбу с зимними невзгодами. По ночам, когда, поужинав, они садились у огня и грели руки после тяжелой дневной работы, Дэви отгонял от себя сон, чтобы послушать рассказы Пата о жителях Небесной Империи.

Зима тянулась. Железная хватка мороза терзала сердце Крокера, разбивая его планы. Работа замедлялась. Насыпи были продвинуты вперед через Неваду на двадцать миль, Крокер ежедневно получал сообщение о ходе работ Тихоокеанского Союза, который уже подходил к Васетч Рендж. Он страшно волновался и сторал от нетерпения, так как Союз хвастал, что дороги встретятся еще на Калифорнийской линии. Их землекопы уже работали с передовыми партиями Центральной дороги.

В конце апреля Дэви и Кезей были переброшены из гор в равнины. Дэви руководил сотней рабочих по укладке шпал, а Кезей наблюдал за костыльщиками. Пат по свойственной ему приспособляемости настолько проникся интересами Центральной дороги, что прилагал все усилия опередить Тихоокеанский Союз еще до Огдена. Дэви тоже напряженно работал, но его мало интересовал вопрос, кто победит в этом грандиозном строительном спорте. Он заботился только о том, чтобы работа шла правильно, чтобы в конце концов рельсы с той и с другой стороны соединились и Трансконтинентальная железная дорога была открыта. Он работал только ради этой цели. Ему было совершенно безразлично, которая из сторон выиграет или потеряет несколько миль. Ему хотелось поскорее увидеть, что страна наконец-то спаяна

воедино железной дорогой. Когда он думал об этом счастливом и неизбежном дне, сердце его начинало биться от радости. За долгие месяцы усиленной работы он в конце концов пришел к заключению, что он упрямый глупец, который тешил свое самолюбие и гордость и сделал благодаря этому и себя и Мэри несчастными, достойными глубокого сожаления. В глубине души он готов был плакать; не раз ему приходила в голову мысль бросить работу и бежать на восток, чтобы упасть на колени перед любимой девушкой и просить прощения. Он проклинал дьявольскую гордость, которая заставила его уехать из Джулесберга, не сказав ей ни слова. Он решил, что теперь никогда в жизни не поддастся этому глупому упрямству.

В декабре он получил письмо от Марша. Марш с необыкновенным энтузиазмом описывал колоссальный успех постройки железной дороги, которая уже продвинулась на шестьсот миль к западу от Омахи, ускоряя продвижение с каждой неделей.

«Вы, Дэви, на стороне, которая отстает, — писал Марш. — Очень жаль, что в день победы вы будете не с нами».

— Я буду там, — нахмурившись, сказал Дэви, и глаза его вспыхнули огнем. — Я отправился бы сейчас же, но я не могу оставить здесь работу. Крокер порядочный человек, он доверяет мне, и я должен так или иначе оправдать его доверие и выдержать до конца. Но — Боже мой — как долго тянутся дни!

В конце письма Марш кратко упомянул о Мэри: «Мэри здорова, но она как-то ко всему равнодушна. Я думаю, Дэви, что она страдает от разлуки с вами, хотя и не говорит мне об этом».

«Она могла бы написать мне хоть словечко, только словечко», — думал Дэви с горечью, в то же время понимая, как несправедливо он рассуждает.

«Я — самый ничтожный и скверный дурак на свете, — говорил он себе. — Иногда я думаю, что никогда не вырасту! Ну, что же... Вот я отказался говорить с ней в поезде; ведь видел же я, что она не прочь заговорить со мной, если бы я вел себя по-человечески; потом уехал из города, не сказав ей ни слова, и ждал, что она сама унизит себя и заговорит со мной. Эх, Давид Брендон, еще многому тебе надо учиться!..»

Он сообщил о письме в тот же вечер Кезею и очень много и горячо говорил о Мэри.

Глаза Кезея заискрились от удовольствия.

— Разве я не говорил вам, Дэви, что она забудет все и простит вас? Ведь вы для нее все на свете, — говорил Пат.

— Хотел бы и я думать так, Пат, — печально ответил Дэви. — Я сознаюсь теперь, что был настоящим идиотом. Каждый раз, как представлялся мне счастливый случай, я его портил. Пришел с гор и сейчас же подрался с Джесоном, потом попал на удочку с этой фальшивой запиской, как дурак бросился в зал Холлера и снова подрался с этим мерзавцем, хотя дал слово не делать этого. Наконец в поезде я был просто подлец, что не подошел к ней и не сказал ей, что действительно было у меня на сердце.

— Ах, Дэви, то же самое было и со мной, — с жаром сказал Пат. — Я помню, как в дни моей глупой юности я повернулся спиной к моей Норе Бреди. Повернулся прямо как шомпол в винтовке, стараясь избегать ее умоляющего взгляда. Я не могу припомнить все подробности, потому что был очень молод и задираю нос слишком высоко.

— И она простила вас?

— По правде говоря, нет, — признался Пат. — Но несколькими ядовитыми словами она сразу выжгла из меня весь дух высокомерия. Потом я услышал, что она соединилась брачными узами с одним протестантом-негром из Бельфаста.

— Пат, если бы она простила меня, я поцеловал бы краешек ее платья! — сказал Дэви.

— Она стоит этого. Прекрасная девушка, Дэви. Она любит вас, мальчик, это говорит вам старый Пат!

В течение весны и лета Центральная Тихоокеанская железная дорога продвинулась далеко на запад. Крокер требовал и в конце концов добился прямо-таки невероятных успехов. Он закончил все туннели позади, разобрал все временные постройки, перевез на места и распределил все материалы, паровозы и рельсы, прибывшие морем за девятнадцать тысяч миль. Когда все это было приведено в порядок и подсчитано, он приготовился к последнему и решительному шагу — дойти до Северной Юты и выиграть приз.

ЗАПАД ПРОТИВ ВОСТОКА

За эти последние месяцы, когда обе постройки были охвачены сумасшедшей железнодорожной строительной лихорадкой, вся Америка напряженно следила за ходом работ. Западные и восточные газеты ежедневно печатали подробные отчеты о том, сколько миль построено за день. Многие любители держали тысячные пари за ту или другую сторону, как будто бы дело шло о быстроте и выносливости породистых лошадей. От зала конгресса Белого Дома до деревенских мелочных лавочек и рудников — всюду только и разговоров было о великом состязании железнодорожных титанов, которые двигались навстречу друг другу.

Год приходил к концу, а с ним и Тихоокеанский Союз упрямо и настойчиво шел вперед. Ни холод, ни недостаток воды, ни утомление от набегов индейцев, ни бесконечные препятствия самой природы — ничто не останавливало победоносного продвижения. Со своей стороны и Центральная железная дорога решительно двигалась вперед, пересекая последние горные отроги и безводную пустыню Невады. Только триста миль разделяли соперников-гигантов. Каждая сторона напрягала силы, используя все возможности, чтобы сделать прыжок далеко в пространство, на лесные высоты Басача, где почва была тверда как гранит и резкие холодные ветры пронизывали до костей. Восточный гигант до того истощил свои силы в этой напряженной борьбе, что вынужден был остановиться.

Все благоприятные условия, таким образом, сложились в пользу Центральной дороги, постройка которой шла по свободной от снегов равнине. Чарльз Крокер, посмеиваясь в свою длинную бороду, пристально следил за работой китайцев и бросал смелый вызов генералу Кезементу и Маршу. Марш выходил из себя, связанный по рукам и ногам, с одной стороны, холодами, с другой — тяжелыми горными работами. Калифорнийцы между тем быстро двигались вперед через безводную пустыню. Все материалы у них были заготовлены, и они подобно волшебникам бросали их неутомимым китайцам. Сам Крокер все время призывал свою армию к ускоренным работам.

— Миля в день — и больше никаких! — твердил он, ежедневно Брендону.

К Дэви он благоволил, видя в нем человека, сделанного из хорошего материала, неутомимого, энергичного и, главное, одаренного удивительными организаторскими способностями. Когда они подошли к Сиерре, Крокер начал сам помогать Дэви, неутомимо работая вместе с ним.

— Миля в день! Нам выпал счастливый случай! — волновался он.

Вместе с Бренденом, своим «лейтенантом», Крокер, просыпаясь каждое утро, как тигр бросался на работу, готовый сделать еще больший прыжок в постройке. До восхода солнца он уже завтракал с Бренденом в конце уложенного пути в вагоне, где была спальня, столовая, а также починочная мастерская. Пока они ели, просыпался лагерь китайцев и приготавливался к работе. Прозрачный воздух пустыни наполнялся тогда клубами дыма от бесчисленных костров и оживленной болтовней рабочих. Затем по лагерю проходили десятники и мастера, главным образом ирландцы, весело подбадривая желтую армию к тяжелой дневной работе. На восходе солнца они сейчас же направлялись на запад, вытягиваясь в длинную линию. Навстречу им плыли облака пыли, поднимаемые обозами, которые везли железо и кедровое дерево, чтобы насытить прожорливую дорогу.

Дэви без остатка отдался грандиозному состязанию, вкладывая в работу всю свою молодую силу. Превосходя даже своего неутомимого начальника, он довел постройку дороги сначала до двух миль в день, затем до двух с половиной и, наконец, до трех миль. Крокер хранил молчание и не обмолвился ни одним словом похвалы, но Брендон, чувствуя большой подъем духа от успешной работы, не придавал этому значения. И только при вечерних докладах Крокеру щеки его от волнения вспыхивали румянцем, когда он говорил:

— Пять миль и три четверти, сэр!

Крокер выслушивал это и немедленно отрывисто диктовал насмешливую телеграмму по адресу Кеземента и Марша, на которую приходил ответ:

«Вы с вашими окаянными китайцами не победите меня и моих ирландцев!»

Но однажды Крокер подал Брендону желтую бумажку. Это была восторженная телеграмма Кеземента, сообщающая о побитии им мирового рекорда в таких выражениях:

«Шесть миль в день! Положите эту депешу в трубку и выкурите!»

Тотчас же в контору были вызваны все помощники и десятники. Крокер прочел им возмутительную телеграмму Кеземента, наговорил по поводу ее много резкостей и обещал им награду золотом, лишь бы сбить спесь с Джека Кеземента и его помощников. На другой день семь миль новых блестящих рельс было уложено и скреплено. Кеземент, уложив семь с половиной, все-таки остался позади, так как Крокер опередил его на несколько сот ярдов. Положение делалось сомнительным. Крокер и Дэви задумались. Они видели, что, несмотря на невероятную выносливость китайцев, они не в силах соперничать с ирландцами, с их физической силой. Следовало прибегнуть к какой-нибудь хитрости, чтобы побить рекорд.

Дэви послал за Патом, который в это время уже стал главным десятником и гордился своим постом более, чем командующий армией генерал.

— Он хитрый дьявол, — говорил Дэви Крокеру. — Посмотрим, что он нам скажет?!

Разговор кончился тем, что к Кезементу полетела телеграмма:

«Центральная обещает десять миль в один рабочий день!»

Теребя свою рыжую бороду, маленький генерал протелеграфировал содержание депеши вице-президенту Дюранту в Нью-Йорк.

Дюрант отвечал:

«Это невыпонимо».

А Крокеру он телеграфировал:

«Десять тысяч долларов награды, если вы уложите десять миль пути в день в присутствии свидетелей!»

Время летело. Некогда было задумываться. Работа, сон и три раза в день сытная еда заполнили все двадцать четыре часа. Ни та, ни другая армия не имели передышки. Каждый час офисы обеих сторон обменивались телеграммами, подстрекая друг друга к отчаянным усилиям. Центральная железная дорога, не дойдя с запада до Огдена ста миль, узнала, что Тихоокеанский Союз нахо-

дится в двадцати пяти милях к востоку от этого городка среди пустыни.

В то время как Центральная дорога двигалась вперед, Тихоокеанский Союз добрался до Огдена и вошел в него настоящим победителем. Развевались флаги, играла музыка, артиллерия громко салютовала.

Союз безостановочно работал день и ночь, напрягая усилия, чтобы достичь высот Промонтори Саммит и подняться на них. Но предательские пески, затруднявшие устройство насыпей, замедляли работу.

Крокер и Брендон, видя, что приближающийся соперник споткнулся и ослабел, воспользовались случаем, который им послала сама судьба. День и ночь они подстегивали китайцев — под лучами солнца и при зареве костров. Миля за милей безостановочно подвигались они последние сорок миль. Как-то ночью в шестнадцати милях от хребта Промонтори они увидели, наконец, мигающие огоньки костров Тихоокеанского Союза.

— Теперь мы им покажем! — сказал Крокер. — Завтра же уложим эти десять миль. Они не могут догнать нас!

С восходом солнца они бешено взялись за работу. Человеческая машина развила чудовищную скорость. Масса свидетелей от Тихоокеанского Союза приехали из Огдена в специальных поездах. Прибыли Кеземент, Марш и их помощники. Со стороны Калифорнии в качестве зрителя приехал Лиленд Стенфорд, президент Центральной дороги. Тысячи взволнованных любопытных столпились в конце пути и лихорадочно следили, как армия Крокера собралась и двинулась на восток.

Ровно в семь часов Крокер верхом на высокой черной лошади поднял руку и резко скомандовал: «Начинайте!»

Команда моментально пронеслась по всей линии. Тотчас лязг и треск рельс потрясли утренний воздух. Шпалы были уже раньше уложены далеко вперед и теперь дело оставалось только за укладкой, клепкой рельс и некоторыми другими мелочами, которые опыт и изобретательность человека придумали для ускорения работ.

Пять длинных поездов, до отказа груженных рельсами, костылями, болтами и другими материалами стояли на главном пути и с головокружительной быстротой разгружались. Материалы сбрасывались на вагонетки, которые, не задерживаясь ни на секунду, катились вперед,

быстро разгружались и так же быстро возвращались назад. На ходу каждый рельс подхватывался двумя рабочими с той и другой стороны и укладывался на шпалы. Моментально клепальщики, костыльщики начинали свою работу. Стройными рядами шли китайцы, подсыпая землю и балластируя путь, нога в ногу с другими рабочими. Работа кипела. Казалось, действовала одна цельная машина, которая ни на минуту не останавливалась и работала с поразительной точностью. Один за другим разгружались и откатывались вагоны. Кеземент с волнением и досадой, которые были написаны у него на лице, стоял с часами в руках, вдумываясь во всю эту хитрую механику Крокера, стараясь изучить каждую деталь работы. Он подсчитал, что в минуту укладывается сто сорок четыре фута пути. Пара рельс склепывается и болтится в двенадцать секунд. Китайцы обливались потом и не останавливались ни на минуту, помогая друг другу. Да и другие рабочие не теряли напрасно времени.

Надо всей этой армией то здесь, то там раздавалось настоящее рычание Пата Кезея, который считал этот момент величайшим в своей жизни. Назначенный Крокером на ответственную работу, он думал, что весь успех теперь зависит от него. Его главная артель состояла из ирландцев ростом в шесть футов, как на подбор, годами закаленных в работе, с железными нервами и необыкновенной силой. Случалось, что они падали на линии от истощения. Только это могло заставить их бросить работу. Восемь человек из них шли впереди, помогая укладывать рельсы. Это была какая-то неутомимая машина, которая действовала подобно поршням паровоза. С блестящими глазами, полными одушевления, они шли вперед, зорко следя, чтобы каждый рельс клался в точное время, чтобы каждый костыль, каждый болт вовремя оказывался на месте. Кезей, готовый каждую минуту заменить того или другого из ослабевших в этой восьмерке, время от времени запевал свою песню, которая сделалась в некотором роде железнодорожным гимном:

Бейте, сверлите, мои ирландцы,
Сверлите, лежебоки!
Не отрывайтесь от сверла!
Работа на весь день без сахара и без чая.
Вы ведь работаете для
Калифорнийской Тихоокеанской железной дороги.

В половине второго представители Тихоокеанского Союза уже готовы были признать свое поражение. Они понимали, что им не удастся продолжать работу непрерывно и так быстро, как обыкновенную прогулку. В то время как пять тысяч человек обедали, Кеземент, подмигивая, подзадоривал Крокера.

— Вы — хитрая лиса! — говорил он. — Со своими окаянными китайцами вы совершенно не оставили мне шансов для дальнейшей борьбы.

— Телеграфируйте Дюранту, что я жду от него десять тысяч, — улыбаясь говорил Крокер. — Мои ребята ожидают, чтобы поделить их между собой.

В половине третьего человеческая машина Крокера вновь загудела и пошла вперед так же быстро, как утром. В семь часов, когда солнце спустилось за горизонт, работа была кончена: десять миль и шестьсот ярдов были прекрасно уложены. Громовые аплодисменты и крики потрясли воздух, когда Кезей и его ирландцы бросили инструменты и остановились, чтобы расправить онемевшие члены. Вместе с этими аплодисментами неслись торжественные гудки локомотивов и неистовые крики толпы Тихоокеанского Союза, которая заполнила пространство от конца пути на расстоянии мили.

В ту же ночь в честь Крокера устроен был грандиозный банкет в центральном лагере.

Дэви, находясь в подавленном состоянии духа от сознания, что работа кончена, пошел к Маршу. Он застал его у Стэнфорда вместе с Кезементом и Крокером. Они сидели за шампанским, которое лилось рекой, и весело обсуждали условия перемирия, которое было скреплено таким договором: город Огден должен стать местом стыковки дорог; Центральная железная дорога в погашение расходов за выигранные ею мили получает всю стоимость издержек за расстояние до Огдена.

— Завтра, — говорил Крокер, — мы закончим всю работу до Промонтори. — В знак согласия Кеземент кивнул головой. — Мы сделаем смычку дорог и забьем последний костыль в следующий понедельник, 10 мая.

Брендон успел обменяться несколькими фразами с Маршем, когда приятели начали расходиться. Мэри не сопровождала отца; она осталась в Огдене, Марш сказал, что город сейчас полон веселья, так как с востока наеха-

ло много знатной публики, которая решила присутствовать при церемонии «бракосочетания» рельс.

— Много наших нью-йоркских друзей приехало по нашей линии, — говорил Марш. — Мы всю линию держим сейчас в движении до тех пор, пока не съедутся все гости. Приехавшие весело проводят время в Огдене на обедах и балах. Это очень развлекает Мэри, которая так долго вела жизнь отшельницы. По-прежнему около нее, как пчелы около сот, вьются поклонники, — говорил Марш, подмигивая Дэви.

— Мистер Марш, я был страшный дурак, — сказал Дэви. — Но я получил хороший урок. Вы себе не можете представить, как это было тяжело для меня.

— Хорошо, Дэви! Попробуйте. Для меня ясно, что вы оба очень торопливы, вспыльчивы и не склонны к уступкам. Впрочем, вся молодежь такова. Вы не приедете в Огден до понедельника?

— Нет, — сказал Дэви. — Я хотел бы сейчас полететь туда, но не могу: я нужен Крокеру. Здесь еще много кое-чего, что надо подчистить, подработать до дня церемонии.

Марш кивнул головой в знак согласия.

— Кстати, — позвал он Дэви, когда тот уже вышел из вагона, — вчера Мак-Оллистер из Нью-Йорка сделал предложение Мэри. Он терпеливо ждал ее решения.

Дэви закусил губу и весь вспыхнул.

— Но Мэри отказала ему, — сказал Марш после мучительной паузы. — Она мне призналась, что он слишком мягок для нее, слишком податлив и тих. Ей нравятся смелые и отважные молодые люди, и она вовсе не нуждается в усмирителе кошек!

Глава XXIX

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЧАС

Рассвет знаменательного дня соединения железных дорог, 10 мая 1869 года, был ясен и светел. На многочисленных домах городка Промонтори взвились флаги. Множество цветных палаток были разбиты по городку. Проходили оркестры музыки, встречая зарю радостными гимнами; по улицам расхаживала публика с громким и веселым смехом. Городок, приютившийся у подножья

горного хребта, возвышавшегося на пять тысяч футов, в этот день представлял собою в некотором роде общенациональный центр: все взоры Америки были обращены на этот город, тысячи телеграфистов сидели за аппаратами в напряженном ожидании возможности разнести по всему миру известие об открытии дороги.

Специальная группа конструкторов на концах каждой дороги приготавливала и украшала все необходимое для предстоящей церемонии. Работники «Миста Клеки», как называли китайские рабочие мистера Крокера, тоже не ударили лицом в грязь: они нарядились в чисто вымытые блузы. А ирландцы Кеземента, чтобы похвастать, явились в рубашках малинового цвета с красными, зелеными, желтыми и синими значками. По обе стороны разрыва железных дорог, где должна была быть положена последняя соединительная пара рельс, соперники стояли тесной толпой, зубоскалили и перекидывались шутками. Ирландцы, десятники китайцев, принимали вызов и вступались за своих желтых товарищей. На всякую шутку или резкость с противной стороны они давали язвительный ответ.

С восходом солнца из Огдена потянулись сотни экипажей и всадников.

Все прибывающие немедленно присоединялись то к той, то к другой стороне железной дороги, оставляя промежуток между не соединенными рельсами свободным. Чем ближе подходил час начала церемонии, тем толпа становилась все более и более молчаливой, как бы охваченная каким-то торжественным благоговением в ожидании одного слова, которое потрясет всю Америку радостью. Только местами были слышны редкие разговоры, да китайцы несколько нарушали тишину, укладывая в промежуток и скрепляя рельсы с северной стороны, оставляя южную сторону свободной.

Позади собравшейся с той и другой стороны публики дымились и пытели новенькие начищенные и отполированные паровозы — Юпитер № 60 Центральной дороги и Роджерс № 113 Тихоокеанского Союза. Дэви, со страшно натянутыми нервами и стораая от нетерпения, оперся о переднюю часть паровоза Юпитер и стоял, внимательно рассматривая пеструю толпу. Скоро он высмотрел в толпе то, что более всего жаждал видеть — лицо Мэри. Сердце его забилося, и глаза заблестели радостью.

Она еще не видела его. Рядом с ней стоял изящный молодой человек в цилиндре и красиво сшитом костюме. Он наклонился к ней и, видимо, рассказывал ей что-то занимательное. Дэви хотел, чтобы она взглянула на него, и в то же время боялся того момента, когда глаза их встретятся. Что сделала бы она в этот момент? Он не мог себе этого представить и, не отрывая глаз, смотрел на это, наполовину прикрытое полями шляпы, милое личико. Он любовался ее красотой, ее нежной, полной грации фигурой. Его напряженный взгляд или внутренняя мольба заставили ее повернуть голову. Она посмотрела прямо перед собой. Сердце ее перестало биться, кровь бросилась в лицо и залила его краской. Она смутилась на несколько секунд и вдруг послала Дэви безмолвный взгляд, полный любви и прощения. Все ее лицо как-то засветилось, она подняла свою маленькую ручку и в знак приветствия помахала ею.

— Дэви! Вы принадлежите к нашей стороне, — крикнула она.

На его глазах выступили слезы. Он не стыдился их. Он не стал бы скрывать их от всего света, но он не мог говорить от волнения и только смотрел на нее, чувствуя себя точно в раю. Он шептал:

— Дорогая моя, подождите! Обязанность заставляет меня пока стоять здесь, до соединения рельсов. Мариам, милая, подождите!

Казалось, она поняла его. В ее кивке чувствовались любовь и вера. С этого момента оба они мало заботились о предстоящем историческом акте и, не отрываясь, смотрели друг на друга. Звуки голосов, шум толпы, речи ораторов, аплодисменты, стук молотков, забивающих последние костыли, — все это как-то неясно отдавалось в их ушах, которые слышали только один звук — звук их горячо бьющихся сердец.

Так они стояли до тех пор, пока генерал Додж не призвал публику к молчанию. Он представил ей министра Масачусетса и пожелал успехов дороге и ее строителям. Затем были уложены шпалы из красного дерева, перевитые лаврами; китайцы в синих блузах и с блестящими косами поднесли пару рельсов, ирландцы приняли рельсы на руки и уложили их на место. Справа и слева два телеграфиста склонились над аппаратами, держа на ключах руки, готовые к действию, чтобы

моментально дать сигнал тысячам городов. Они услышали приказ:

— Когда последний костыль будет забит, мы скажем «Кончено!..» Следите за последним ударом молотка!

Телеграфисты протелеграфировали: «Все готово! Шапки долой!»

И все газеты Америки сейчас же приняли этот сигнал, и вся нация напряглась в ожидании.

Сильные руки поднесли драгоценные костыли: золотой от Калифорнии и серебряный от Невады. Аризона преподнесла костыль, сплавленный из золота, серебра и железа, а Айдахо и Монтана — из золота и серебра и молоток с серебряной головкой. Больше речей не было. Толпа стояла в напряжении.

— Теперь готово! — стучали аппараты, предупреждая всю страну. — Соединение сейчас начнется. Начало забивки костылей будет отмечено тремя точками.

Костыли были вложены в отверстия и забиты представителями штатов. Доктор Дюрант забил золотой костыль, который символизировал завершение постройки, а президенту Стэнфорду выпала честь забить последний костыль. Он в волнении взял молот, чувствуя, что в эту минуту на него смотрят не только тысячная толпа собравшихся, но миллионы американцев. Он ударил молотом и промахнулся, ударив по шпале. Но телеграфные аппараты уже защелкали:

— Точка, точка, точка.

Президенту Северо-Американских Штатов Гранту в Белом Доме и всей нации простучали:

— Кончено!

В Сан-Франциско зазвонили колокола и двести двадцать пушек фортов возвестили о долгожданном окончании строительства. Торжествовали в Сакраменто, грохотали пушки в Омахе.

В то время, когда паровозы Юпитер и Роджерс огласили окрестности своими торжествующими свистками, когда публика шумела около шампанского, когда играла музыка, работали фотографы, и Стенфорд с Дюрантом, сложив на груди руки, стояли у соединения рельсов, — в это время Дэви с распростертыми объятиями бросился к Мэри... Ее красивый зонтик выпал у нее из рук и был смят толпой. Она обвила шею Дэви руками, их губы встретились и слились в сладком поцелуе. Дэви страстно

прижал ее к себе и с замиранием сердца прислушивался, как бьется ее сердце у его груди. В этот момент как дым рассеялись вся прошлая досада, вся горечь, все тяжелые воспоминания. Они стояли среди толпы как первые люди, не испытывая ни стыда, ни стеснения, просто и откровенно упиваясь, как дети, долгожданным счастьем.

Мэри первая очнулась от охватившего ее экстаза и нежно освободилась из объятий Дэви. Она оперлась на его руку и не отрывала своих глаз от любимого человека.

Дрожащим от волнения голосом он шептал:

— Моя милая, любимая, дорогая! Моя прекрасная девушка!.. Я не верю себе... Я был так глуп... Я был жесток, груб и вел себя как зверь. Я ушел, не сказав тебе ни слова. И ты простила меня! Ты все забыла? О, дорогая, скажи мне еще раз: простила ли ты?

— Дорогой мой мальчик, и прощать-то нечего! — ласково отвечала она. — Я ничего не понимала. Ты испугал меня и оскорбил. И мне казалось, что у тебя не было серьезной любви. Но я ошиблась. Я знаю это. Гордость, Дэви, проклятая гордость поставила нас обоих в такое тяжелое положение. Но в будущем мы должны следить за собой. Дорогой мой, и я ведь не ангел!

Тут подошли Марш, Дюрант и генерал Додж. Влюбленные отошли друг от друга. Лицо Мэри горело, озаренное какой-то особенной красотой, радостью чистой любви. Подошедшие поняли, в чем тут дело. Но они, конечно, не могли оценить тот восторг, который светился на лицах влюбленных.

— Поразительно! — вдруг воскликнула Мэри. — Дэви, да ведь это то, о чем вы всю жизнь мечтали! То, чего так хотел ваш отец! Это точно дар неба! Я ни за кого не вышла бы замуж, как только за железнодорожника!

— Что? Что такое? — сказал Марш. — Ай, ай, какая нескромная девочка!

— Ах, отец, да ведь мы же так давно любим друг друга! Мы оба ошиблись когда-то, но теперь все кончено! Все! Навсегда!

— Т-а-а-к, теперь позвольте мне подумать, — протянул Марш с деланной важностью. — Сегодня десятое мая. Между десятым мая и первым июня всего двадцать дней. Раньше первого июня свадьба немыслима! За три недели ты не успеешь даже приготовить приданое!

— Приданое? — воскликнула Мэри. — Кто в нем нуждается? Я выйду за Дэви с тем, что есть у меня! Если только Дэви возьмет меня, я выйду за него замуж в самом старом из моих платьев!

Вечером они вместе пообедали в вагоне Марша. Старый негр дядя Тоби прислуживал за столом с сияющим лицом и особенно угощал молодого «массу»¹. В вагон приглашены были Патрик Кезей с Шульцем и Динни. Кезей был «во всей своей славе». Его заслуги были признаны и отмечены обеими дорогами. Его, как знатного мандарина, сопровождал отряд подданных Небесной Империи.

— Что же теперь? — говорил он. — Послушайте, Дэви, мне передавали, что вы назначаетесь президентом Тихоокеанского Союза. Как бы то ни было, мистер Брендон, не оставляйте меня за бортом. Вы хорошо меня знаете и какая бы была вам цена без меня?!

— Ну, конечно, Пат! — уверенно сказала Мэри, и ирландец, усмехаясь своей неподражаемой, бесстыдной улыбкой, сказал:

— Та-ак. Я вижу теперь, кто здесь настоящий хозяин... Вы, Дэви, теперь примолкните и не задирайте меня!..

¹ Негры вместо «мистер» говорили «масса». — *Прим. перев.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

О.Гофман

ОПАСНОСТИ ДИКИХ СТРАН

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава I. Переселенцы</i>	9
<i>Глава II. Странствующий Натан</i>	13
<i>Глава III. Конокрад</i>	29
<i>Глава IV. Казненный</i>	38
<i>Глава V. Заблуждение</i>	47
<i>Глава VI. Преследователи</i>	52
<i>Глава VII. Развалины</i>	64
<i>Глава VIII. Осада</i>	72
<i>Глава IX. Бегство Натана</i>	80
<i>Глава X. Плен</i>	90
<i>Глава XI. Стычка</i>	94
<i>Глава XII. Разлука</i>	100
<i>Глава XIII. Пианкишав</i>	103
<i>Глава XIV. Освобождение</i>	108
<i>Глава XV. Натан, Роланд и Ральф</i>	121
<i>Глава XVI. Рассказ Ральфа</i>	128
<i>Глава XVII. Натан прокрадывается в деревню</i> . . .	131
<i>Глава XVIII. В логове врагов</i>	134
<i>Глава XIX. Новый плен</i>	149

<i>Глава XX. Авель Доэ</i>	159
<i>Глава XXI. Черный Коршун</i>	168
<i>Глава XXII. Нападение</i>	175
<i>Глава XXIII. Развязка</i>	183
<i>Эпилог</i>	186

О.Гофман

НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ

<i>Глава I. Француз и мексиканец</i>	191
<i>Глава II. В Сан-Франциско</i>	203
<i>Глава III. Друзья гамбузино</i>	212
<i>Глава IV. Губернаторский подарок</i>	223
<i>Глава V. В пустыне</i>	229
<i>Глава VI. Серый Медведь и его тезка</i>	235
<i>Глава VII. Донья Мерседес в плену</i>	243
<i>Глава VIII. Лагерь апачей. Штурм Каменного Дома</i>	251
<i>Глава IX. Вызов. Речной остров. У истоков Бонавентуры</i>	265
<i>Глава X. Золото! Золото! Золото!</i>	279
<i>Эпилог</i>	285

Эдвин Хилл

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ

<i>Глава I. Мечтатель Брендон</i>	291
<i>Глава II. Дети</i>	298
<i>Глава III. На Запад</i>	304
<i>Глава IV. Путешествие по реке</i>	310
<i>Глава V. Проход</i>	318
<i>Глава VI. Мальчик в ночной тьме</i>	325

<i>Глава VII.</i> Белый орел с красным сердцем	331
<i>Глава VIII.</i> Мэри в Нью-Йорке	339
<i>Глава IX.</i> Решение президента	345
<i>Глава X.</i> Серые и Голубые	352
<i>Глава XI.</i> Строительство дороги	360
<i>Глава XII.</i> Женский ум	368
<i>Глава XIII.</i> Деру и Блэк Хилл	371
<i>Глава XIV.</i> «Арабские ночи»	376
<i>Глава XV.</i> Деру показывает когти	383
<i>Глава XVI.</i> Искушение мистера Джесона	389
<i>Глава XVII.</i> Борьба за жизнь	395
<i>Глава XVIII.</i> Цена джентльмена	402
<i>Глава XIX.</i> Возвращение Джесона	410
<i>Глава XX.</i> «Ад на колесах»	417
<i>Глава XXI.</i> Мэри и Джесон	422
<i>Глава XXII.</i> Честное слово Брендона	430
<i>Глава XXIII.</i> Нарушенное обещание	437
<i>Глава XXIV.</i> Краснокожие союзники Деру	444
<i>Глава XXV.</i> Атака чейенов	448
<i>Глава XXVI.</i> Двухпалый	453
<i>Глава XXVII.</i> Любимцы мистера Крокера	460
<i>Глава XXVIII.</i> Запад против Востока	465
<i>Глава XXIX.</i> Знаменательный час	471

**НА ДИКОМ ЗАПАДЕ
В ТРЕХ ТОМАХ
ТОМ 3**

**О. Гофман
ОПАСНОСТИ ДИКИХ СТРАН**

**НА ДАЛЬНОМ ЗАПАДЕ
*романы***

**Эдвин Хилл
ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ
*роман***

**Редактор *С. Ермолаев*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректоры *В. Антонова,*
*М. Александрова, В. Рейбекель***

**ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 05.12.95 г. Уч.-изд. л. 27,12.
Цена 3-томника 66 600 р.**

**Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковский пер., 1/18, а/я 27.**

**Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.**